Менестрель

№ 2 (10), декабрь 2018

Литературно-художественный журнал

ББК 84(2Рос = Рус)6 – 44
М 50

18+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР А.В. Козырев

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА А.Ю. Сергеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н.В. Елизарова
И.И. Хохлов
А.Г. Свириденко
Д.П. Соснов
И.Н. Сенин

КОРРЕКТОРЫ
Е.Д. Артман, А.Ю. Сергеева, И.И. Хохлов

ВЁРСТКА
Е.И. Лифантьева

Подписано к печати 12.12.2018.
Формат бумаги 60х84 /8.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 16,5.
Тираж 300 экз.
Полиграфический центр «КАН»
644043, г. Омск, ул. Красный путь, 30.

© Менестрель: литературно-художественный журнал, № 10, 2018
© Козырев Андрей, главный редактор, 2018

Содержание

Игорь Хохлов. Мы жили на проспекте Худо-Бедно. *Стихотворения* 4

Игорь Федоровский. Обывательские стихи. *Стихотворения* 6

Любовь Новгородцева. Сложный уровень. *Рассказ* 8

Дана Курская. Персональная благодать. *Стихотворения* 21

Светлана Богданова. Железный август. *Стихотворения* 22

Станислав Ливинский. Сообщающиеся сосуды. *Стихотворения* 23

Надя Делаланд. Вот я и вышла в сад. *Стихотворения* 23

Надежда Иваницкая. Йети. *Рассказ* 24

Андрей Дмитриев. Поднимая себя со стула. *Стихотворения* 29

Лев Протасов. Пещера. *Роман* 31

Евгения Кордзахия. Не придавай значенья мелочам. *Стихотворения* 107

Лариса Миллер. А что касается меня... *Стихотворения* 109

Илья Рейдерман. Реквием. *Стихотворения* 110

Георгий Малков. Этот день наизусть. *Стихотворения* 111

Александр Юдин, Сергей Юдин. Курьи ноги. Повесть 113

Дмитрий Близнюк. По левитирующим островам. *Стихотворения* 121

Ефим Гаммер. От войны к войне. *Поэма* 122

поэтическая перекличка

«Мимо собственной могилы». (Николай Некрасов – Иван Таран) 124

«Плач гитары». (Федерико Гарсиа Лорка – Вероника Шелленберг) 124

тематическая антология

Антология поэтической пыли. Марина Улыбышева, Александр Лизунов, Игорь Федоровский, Олег Клишин, Дмитрий Соснов 125

Антология поэтического булыжника. Олег Клишин, Иван Таран, Игорь Федоровский 126

антология анонимной поэзии

ОПА (Общество поэтов-анонимов). Выпуск № 3 127

Ирина Горелова. Коротко о сложном. *Рецензия* 131

Анна Степанова. Моё сТихое Слово. *Рецензия* 132

Содержание

антология одного стихотворения

«Искусство треплет нервы и молчит». Дмитрий Румянцев, Виктор Богданов, Карина Кислицина, Виктор Куллэ. *Стихотворения*..... **135**

поэты – о стихах

Александр Строганов. Пётр истопник. *Стихотворение* **136**

Виталий Кальпиди. О, сад. *Стихотворение* **137**

рецензия на сайты

Ольга Харитонова. О портрете Матери всех Муз, поле понимания и материнских объятиях Марины Волковой. *Рецензия на два литературных интернет-ресурса* **139**

интервью

Серафима Орлова – Геннадий Каневский. Взгляд извне и изнутри. *Двойное интервью* **141**

юбилей

К 60-летию Олега Чертова

Олег Чертов (1958-1996). «Лунным мальчиком по городу пройду». *Стихотворения*..... **145**

драматургия

Нина Садур. Мальчик-небо. *Мистерия* **147**

Серафима Орлова. Гилонома. *Science-fiction* **168**

воспоминания

Владимир Алейников. Русский андеграунд. *Мемуары*..... **178**

хроника

Хроника культурной жизни Омска. Март-октябрь 2018 г. **194**

библиография

Библиографический указатель содержания «Менестреля» (выпуски 1-10)..... **199**

Сведения об авторах..... **210**

Игорь ХОХЛОВ

МЫ ЖИЛИ НА ПРОСПЕКТЕ ХУДО-БЕДНО

Стихотворения

***

вот мои стихи стихи
нашей жизни слепок
вот твои стихи стихи
баечки из склепа
вот его стихи стихи
снег в конце июля
вот её стихи стихи
пчёл тревожный улей
вместе в книжке голубой
под одной обложкой
ты да я да мы с тобой
и ещё немножко

***

я с ним играл в футбол
а он теперь фотограф
я с ним пинал балду
а он теперь фотограф
куличики лепил
а он теперь фотограф
скажи скорее жду
что ты теперь фотограф

я ей давал списать
она теперь фотограф
я с ней хотел гулять
она теперь фотограф
а можно так сказать
и прошептать forgot off
не выключи меня
любезный мой фотограф

бывало снится мне
мой фотоаппаратик
подаренный давно
на восемь тонких лет
и снится дева мне
в прозрачном летнем платье
смеётся смотрит вдаль
и не даёт ответ

***

есть хорошие хорошие люди
есть хорошие плохие люди
и конечно вы уже догадываетесь
плохие хорошие люди
ну и наш список довершат
плохие плохие люди

выбери для каждого вопрос
протяни стрелочку:

кому из них легче жить?
кого любят больше?
от кого отворачиваются?
кому завидуют?

***

Пели корейские дети
о лете,
о Первомае,
об урожае –
и поражали
туристку из Польши.

Жизнь – она так, лотерейный билетик,
случая воля, не меньше, не больше.

Строгие папы, идейные мамы
(помните, дети, Америка близко!)
выжгли навеки напалмом рекламу.
Завтра уедет туристка.

Завтра уедет.
Останутся дети
май, мир и труд воспевать на планете.
Их защитит специальная кнопка.
Что вы, туристка, так смотрите робко?

***

Ты не хочешь в мою тишину,
потому что страшна, многомерна.
И считаешь: опять разверну
я гармошечку грусти, наверно:
вот беззвучные пляшут меха,
это честная песня немая.
Не ищи утешенья в стихах –
говорят – словно всё понимают.
А ты будешь стоять в стороне,
ожидая мажорной концовки.
Для тебя места нет в тишине,
как в театре – прорабу в спецовке.

***

Жизнь проходит, нефильтрована,
оставляя про запас
парочку монеток кованых,
что ковали не для нас,

дедморозовские бороды,
реквизиты, барахло
и печаль большого города,
а иначе быть могло?

Может, фильтры бы поставили,
примеси брезгливо – вон,
и, как интернет по кабелю –
счастье – да со всех сторон?

Кто бы знал. Вопросы строгие
завершают пару строф,
их оценивают, трогают –
а ответить кто готов?

***

Мы жили на проспекте Худо-Бедно
и видели детей ничейных, бледных,
спешащих ли куда-то, вдаль бегущих,
то ль догоняющих, то ль отстающих.

Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
любовь была взаимно безответна
друг к другу столько лет, и обречённо
смотрели на промзону, сквозь промзону.

Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
труба плевалась в небо, словно Этна,
мы выучили формулу этана
и покупали серую сметану.

Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
нам предлагали домик на Рассветной,
но мы привыкли к этому проспекту:
жилой массив и скромный этот сектор...

Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
не пролетарии – интеллигенты,
пылились мирно жёлтые дипломы,
сухи и невесомы, как солома.

Таили, таяли, летели, стали
вечерним дымом, городской печалью,
и растворились мы в закате медном,
и нас уже не помнит Худо-Бедно.

***

Я провожал тебя домой,
мне было восемнадцать,
а ты сказала в адрес мой:
«Здесь не во что влюбляться».

Как дверь захлопнула свою,
так вдруг разверзлась бездна,
и десять битых лет стою
у твоего подъезда.

***

Трамвай подражает метро.
Увы: не хватает дыхалки,
ползёт он, усталый и жалкий.
И время как будто – старо.

Где смелый погонщик кнутом?
где кнут, управляемый током?
И едешь в трамвае убогом,
вздыхаешь опять не о том.

***

К жизни относись, будто это танец –
ну а ты все па можешь без труда –
чтобы смерть прошамкала «Шамошванец»
и пошла бы. Да, именно туда.

Ты перехитришь костяную дуру,
ты станцуешь весело на костях:
это выше всякой литературы,
а сначала кажется, что пустяк.

По футбольным меркам

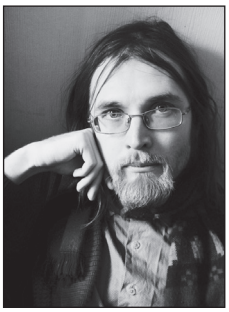
Рождение –
ты выходишь на поле,
получив указания наставника.
Линейный судья
хлопает по тебе,
проверяет амуницию.
Тебя вписывают в протокол.

Детство –
ты стараешься открыться,
принимаешь первый пас,
но стремишься отдать мяч
более опытному товарищу.

Юность –
несёшься вперёд,
не думая об обороне,
бежишь сломя голову,
хочется забить самому.

Взрослая жизнь –
внимание, опасный момент! –
это выход
один на один с собой,
растянувшийся на десятилетия.

Игорь ФЕДОРОВСКИЙ



ОБЫВАТЕЛЬСКИЕ СТИХИ

Стихотворения

***
Устаёшь.
От сказанного слова.
От попытки
На тебя взглянуть.
Только дождь
От мимолётной славы
Бьёт по плиткам
Посильней чуть-чуть.
А потом он,
Робко прячась в тучи,
Бросит: «Ты дурак, давай гляди!»
Телефонный номер
Полнозвучный
Вызывает
Новые дожди.
Устаёшь.
Хотелось бы, чтоб суше.
Да и солнца не было сто лет.
Только ночь
Промчится дробным стуком.
Шелест слов.
От них спасенья нет.

***
Река чего-то принесла.
Я посмотрел, а это мальчик,
Сказали, он пропал вчера,
Хотел уплыть, куда подальше.

Где было б чисто и тепло...
Теперь лежал под пыльным ветром.
За ним рассвета потолок
Глядел, и рушилась планета.

А я вдруг понял, что клюёт,
Моя кулёма ждёт ушицу,
Уклейка будет или ёрш?
И угадать не научиться.

Приехали часу в восьмом,
Спросили: парень, вам не плохо?
В то время выцветал восток,
И солнце таяло в листе,
И осенью опавшей пахло.

ПИСАТЕЛИ

Мне кажется, мы отшельники,
Но в гуще живём людской,
Стараемся лёгким шелестом
Пройти, не задев покой.

Стараемся односложные
С трудом выдавать слова
И мысли, такие лёгкие,
С тяжёлых голов сдувать.

Отшельные отошедшие...
Чтоб думать – входной билет!
Но что достаётся дёшево,
Задорого отболит.

НА КУХНЕ

(из цикла «Обывательские стихи»)

– Поешь любительской колбаски.
– Поем. Но только не о том.
Любовь прошла от нас так близко,
Что вместе до сих пор живём.

Любовь прошла... она касалась
С такой безумной страстью нас,
Что ничего и не осталось,
Как нет в глазах соринок сна.

Но закавычены друг с другом.
Вползая в кухню по утрам,
«Любительской» целуем губы,
В делах сердешных, как в простуде,
Мы признаёмся докторам.

ПРОГУЛИВАЮ РАБОТУ

Не отвечаю на звонки.
И вроде бы не обличают,
Но слушаю свои гудки
И словно сам себе начальник.

И словно сам себе прогул
В затёртой книге жизни ставлю,
Опрусь о битый телепульт
И.. словно сам станцую танцы...

Наутро все скупы и злы,
И в сотый раз твердя «уволю»,
Начальник объяснит азы:
Звонить, когда умрёшь и больно.

Не отвечают на звонки
Назавтра все. А я отвечу,
Услышу, как звенят огни,
По мостовой вползая в вечер.

ПРОГРАММНОЕ

П. З.

Может быть, болезнь сгубила
Модный, молодой талант?
Может, не хватило силы
Осознать, что ты не тля?

Может, мощности мотора
Словно тромб, оборвались...
Медленно мечусь, мечтаю,
Но замалчиваю жизнь.

Лживые слова, быть может,
Выживаю из себя,
Самое моё под кожей
Бьётся – пульс сто пятьдесят.

Пусть по капле, полегоньку
Выйдешь ты, дрожишь, орёшь
Строчка ты, супруга, больно,
За тобой бегут невольно,
Так себя я не сберёг.

ЭПИЛЕПСИЯ

Ногтями вспарывал стихи
Среди панельных пересудов,
По мостовой стуча, стекли
Остекленевшие рассудки.

Меня держали, дорожа
И временем, и тяготеньем –
Очнулся, брат? Ну, сам решай,
Кто ты такой и что ты сделал.

А я, не помня ничего,
Взлетел над постоянством страха,
Что упаду, что ночь черна
И в ней открылась солнца рана.

Потом опомнился, нашёл
Панельный дом из сотни многих,
Где по особенному жёлт
И солнца луч, и всмятку ноготь.

ДУША

Там кто-то умер...
В городе, откуда я уехал.
А мне так стыдно, будто не сберёг.
Сказали мне...
Небрежно, будто эхом
Запаян голос, за душу берёт.
Там кто-то был...
Ходил по тем же рощам,
Боялся белок призрачных спугнуть...
Дарил тебе
Смущаясь, красну площадь,
А ты его не помнишь – кто попроще бы!
Но никому тебя не упрекнуть.
Там кто-то жил...
Теперь не помню имя,
Все имена сливаются в страну.
Мы не дружили,
Были лишь другими,
Когда друзья старались обмануть
Тебя, меня,
Взаимно не ответим,
Уйдём домой и станем пить вино.
Там кто-то умер,
Оглянулся – нет его,
И в зеркале я не нашёл меня.

***

А. К.

Всё будет вновь – и дом, и речка,
Всё повторится в нас самих.
Встречаемся теперь мы редко,
Друг друга узнаём из книг.

Вон тот злодей из старых сказок –
На самом деле я с утра,
Вчера готов был встретить праздник,
Сегодня: праздник был вчера.

Ты никогда не будешь прежней,
Но за окном который год
Плывёт рассеянный безбрежный,
Наш двадцать первый век плывёт.

И год назад он бился в окна,
Заблудшей чайкой жёг рассвет.
Всё повторится в нас... но только
Нам к прошлому дороги нет.

Любовь НОВГОРОДЦЕВА

СЛОЖНЫЙ УРОВЕНЬ

Рассказ

1

Ирина вынимала тарелки из шкафчика над мойкой и, аккуратно обёртывая газетной бумагой, складывала в коробку. Послезавтра её семью ожидало грандиозное событие – переезд в собственную двухкомнатную квартиру в городе. И Ирина радовалась, но вяло, короткими вспышками. Было одно обстоятельство, которое мешало радоваться как следует.

– Мама! – вбежал в кухню встревоженный Никитка и, ещё не зная причины, Ирина почувствовала, как тревога сына передаётся ей, обвивает плечи, скользит по спине холодной змейкой.

– Что?!

– Там милиционер... К нам подъехал! Просит, чтобы ты вышла!

«Полиция? К нам? Зачем? Что-то с Сергеем? Или Никитка что-то натворил? – вихрем пронеслось у Ирины в голове. – Да нет, не может быть!»

Она поспешила к нежданному гостю, еле сдерживаясь, чтобы не поддаться панике раньше времени. Никитка, возомнив себя хозяином в отсутствии отца, деловито шагал следом.

С одинаковым испугом в одинаковых карих глазах, оба темноволосые, короткостриженные, похожие друг на друга, как два подберёзовика на картинке, они вышли за ворота.

– Здравствуйте. Участковый Потапов, – вежливо представился полицейский. – Мне нужно задать вам несколько вопросов о ваших соседях.

На мгновение Ирине полегчало.

– Хорошо, задавайте, – разрешила растеряно, а в голове уже конвейером текли предположения о том, что могло произойти у соседей.

Подрались? Украли что-то? Может, Кольку за какие-нибудь прошлые дела разыскивают?

– Можно пройти в дом? Так будет удобнее.

– Конечно, проходите.

В прихожей она суетливо огляделась, решая, куда лучше провести участкового.

Обычно гостям предлагалось пройти в зал, но сейчас зал был заставлен коробками и мешками, палас свёрнут, на полу бледнел матовый прямоугольник въевшейся пыли. Только книжный шкаф пока стоял неразобранным.

– Пойдёмте лучше на кухню.

На кухне ещё почти всё находилось на своих местах.

– Переезжаете? – поинтересовался участковый, усаживаясь за стол и доставая из папки какие-то бумаги.

– Да. В город.

Никитка, как приросший, стоял рядом. Ирина хотела отправить его в комнату, но участковый вмешался:

– Пусть останется.

И, словно кувалдой по столу, обрушил свой первый вопрос:

– Когда вы последний раз видели сына ваших соседей Новосельцева Антона?

«Что-то с Антоном? О, Господи!» – паника вырвалась на свободу, как монстр из чулана.

– Вчера, – ответил Никитка.

– В какое время?

– Днём.

– Где ты его видел?

– Здесь.

– Он приходил к вам?

– Да.

– И чем вы занимались? – полицейский был предельно терпелив и осторожен, как ищейка, идущая по едва уловимому следу, который в любое мгновение может оборваться.

– ...Ничем, – Никитка осип от волнения.

– Он приходил подстригаться. Перед выпускным. У него вчера выпускной был, – торопливо пояснила Ирина и взмолилась: – Да скажите, наконец, что случилось?!

– Пропал парень. После выпускного не вернулся домой.

Часы над столом показывали шесть вечера. Прошли уже целые сутки.

– Его родители сказали, что он дружил с вашим сыном и часто бывал у вас, – продолжал участковый. – Вы не замечали ничего подозрительного в его поведении в последнее время?

Он не говорил, что хочет поехать куда-нибудь?

Ирина ничего такого не помнила и с надеж-

дой посмотрела на Никитку. Тот испуганно замотал головой.

Участковый спрашивал и спрашивал.

– Он рассказывал об отношениях с родителями? Может, у них был какой-нибудь конфликт недавно? Может быть, у него были проблемы в школе? У него не было девушки, с которой он мог поссориться? Он никогда не заговаривал о суициде, о своей смерти?

Ни на один вопрос Ирина с сыном не смогли дать вразумительного ответа. Участковый записал их скудные показания и ушёл, оставив номер телефона на случай, если что-то вспомнится, и жуткую, пробирающую до костей тишину.

Никитка сел на его место и понуро опустил голову.

– Ты точно ничего не знаешь? – строго кольнула его взглядом Ирина.

– Говорю же: не знаю! – буркнул он.

Ирина опустилась на табурет напротив сына. За спиной громко гудел холодильник.

Часы чёткими хладнокровными ударами отсчитывали: «Ан-тон, Ан-тон...»

Что с ним могло случиться? Он должен был вернуться домой сразу после торжественной части. В клуб с одноклассниками не собирался...

И тут Ирину пронзило воспоминание. Вот он сидит на стуле перед зеркалом, обёрнутый парикмахерской накидкой. Светло-русые жёсткие волосы непослушно топорщатся на макушке, свисают на уши. Со спины ему не дашь пятнадцати. Ирина осторожно, невесомо кладёт руки ему на плечи и встречается с его зелёно-карими глазами в зеркале. Их выражение неожиданно пугает её, она отдёргивает взгляд и спрашивает у мелких веснушек, едва-едва проступающих на его носу:

– Как будем стричься?

– Как-нибудь, – говорит он. – Мне всё равно.

– «Полубокс» пойдёт?

Он кивает и добавляет ворчливо:

– И зачем придумали эти выпускные? Как будто нельзя просто отдать аттестаты и всё.

– Как зачем? – не соглашается она. – Вы шли к этому девять лет, это итог пути, он должен стать памятным. Тем более, некоторые уйдут из школы.

– Я бы тоже ушёл, – вздыхает он.

Она выбирает подходящую насадку для машинки и прежде, чем включить, снова цепляется за его взгляд в зеркале. В нём столько страдания, бездонного и откровенного, что у неё снова не хватает сил его выдержать.

– А вы не пойдёте к нам на выпускной? – вдруг спрашивает он.

– Я? – удивляется Ирина. – Как-то не собиралась...

...Воспоминание растеклось в груди тупой болью. Это надо же быть такой слепой! Ведь он так смотрел, потому что пытался что-то сказать ей! Вчера она приписала увиденное в его глазах всё тому же переезду, предстоящему расставанию. А может, дело было совсем в другом? Может, он тогда уже знал, что не вернётся вечером из школы? Зачем-то же он спросил, пойдёт ли она на выпускной...

2

Антон появился в их семье прошлой осенью. Именно так: в семье. Ирина хорошо помнила тот день. Солнце поливало мир ласковой грустью, и весь дом был наполнен спокойным, золотистым, как вода в пруду, воздухом. Она приготовила обед и ждала Никитку из школы. К её неудовольствию, он пришёл не один.

Ирине не нравилось, что сын общается с соседским мальчиком. Во-первых, тот учился уже в девятом классе, а Никитка ещё в шестом. Во-вторых, чему может научить старший товарищ из неблагополучной семьи, кроме как пить, курить и ругаться матом? Её материнское сердце очень боялось, что такой друг будет плохо влиять на Никитку, поэтому время от времени она наставляла сына, как определить, годится человек в друзья или нет. И вот пожалуйста – он привёл его домой.

– Мам, – извиняясь, но глядя твёрдо и упрямо, произнёс Никитка, – Антон посмотрит у нас домашку по информатике, ладно? Им просто скинули её в «Дневник.ру», сказали, там взять. А у него сейчас нет инета.

– Здравствуйте, – вежливо кивнул Антон.

– Ну проходите, – разрешила Ирина, не скрывая, впрочем, что не рада такому гостю.

Раньше Антон с матерью и отчимом жил в городе, а соседкой Ирины была старенькая, тихая бабушка – баба Тоня. Они прожили в соседях двенадцать лет, и десять из них баба Тоня ждала своего без вести пропавшего сына Кольку.

– Вот Колька приедет... – часто повторяла она, возлагая на него большие надежды, дескать, он и ворота поправит, и забор поменяет, и крыльцо починит.

Люди, которые помнили Кольку молодым, в его возвращение не верили. Говорили, он был отчаянным драчуном, выпивохой и неутомимым искателем противозаконных приключений. Но года два назад он неожиданно объявился, постаревший, потрёпанный жизнью, обросший, худой, сутулый, без левой руки – обморозил, и врачи ампутировали её по самый локоть.

Отлежавшись у матери, он отправился обратно в город. Спокойная сельская жизнь была слишком тягостна для него.

С матерью Антона он познакомился, когда лежал в больнице. Она работала там санитаркой. Говорили, она сошлась с ним только из-за пенсии, иначе зачем бы он был ей нужен, старый и без руки. Про него говорили, что он сошёлся с ней от безысходности, иначе зачем она ему, гулящая и с довеском.

В городе они снимали комнату. На что-то лучшее средств не хватало. Уживаться втроём на пятнадцати квадратных метрах было непросто, поэтому, когда баба Тоня умерла, они решили переехать в деревню.

3

Новоселье отпраздновали так грандиозно, что перепугали пол-улицы. Колька наприглашал друзей юности, полночи у него в ограде рычала и хрипела музыка, потом она сменилась басистыми мужскими криками, пронзительным женским визгом, треском, глухими ударами, звоном стекла. Кто-то вызвал полицию...

Ирину трясло до самого утра, даже после того, как полиция усмирила празднующих, и стало тихо. «Вот это соседи! – думала она. – Нет, надо поскорее уезжать отсюда!»

Они с Сергеем давно уже задумались о переезде и усиленно копили на квартиру в городе. Сергей работал на севере, уезжал из дома на три, на четыре месяца, а бывало и на полгода. Из заработанных им денег на жизнь они брали необходимый минимум, остальное заботливо откладывали. Ирина тоже немного «калымила» парикмахером на дому.

Общаться с новыми соседями у неё не возникало никакого желания. Подобных празднеств больше не повторялось, но время от времени из их ограды или огорода доносилась такая истеричная, отборная брань, что первое время Ирина пугалась, а потом привыкла, когда поняла, что для них это в порядке вещей.

Однажды Колька сделал попытку познакомиться. Это было в начале сентября, когда вся деревня высыпала в огороды копать картошку. В воздухе стоял смешанный запах земли и прелой ботвы, весело гремели вёдра. Ирина подняла голову и заметила, что Колька направляется к ней, огромными сапогами пиная лежащую на пути ботву.

– Привет, соседка! – поздоровался он развязно и хитро сощурился, наверное, хотел произвести впечатление. – Ну чё, нормальный картофан уродился?

– Нормальный.

– И у нас ничё. Вишь как, садила мать, а копать пришлось мне... А ты чё одна-то с мальцом? Чё помощника не заведёшь?

Ирина отвечала вежливо, но односложно и с холодком, как будто выстраивала из слов забор, огораживая от Кольки свою территорию.

– Чё-то ты неразговорчивая... – вздохнул он, ловким движением руки вытряхнул из пачки в рот сигарету и пошёл обратно, покачивая пустым рукавом.

С матерью Антона Ирина близко не сталкивалась, видела её только с расстояния, в огороде, или когда та проходила мимо окон. В её облике проскальзывало что-то грубое, хамское, отталкивающее. Она напоминала озлобленное животное, которое, не раздумывая, укусит протянутую к нему руку.

...Прошло уже достаточно времени для того, чтобы посмотреть домашнее задание.

Ирине хотелось поскорее выпроводить гостя. Она решительно направилась в зал, где в углу между окном и диваном приютился компьютерный стол, уверенная, что «Дневник.ру» это всего лишь предлог, и на самом деле он уже вовсю сидит в каком-нибудь «ВКонтакте» и строчит своим сомнительным друзьям сообщения.

К её удивлению, компьютерный стол пустовал. На полу, прислонившись «плечом» к дивану, валялся школьный рюкзак с надорванной лямкой. Его хозяина Ирина с ещё большим удивлением обнаружила у шкафа с книгами. Слегка склонив голову набок, он увлечённо рассматривал книжные корешки.

Читать Ирина любила безмерно. Её читательские предпочтения были широки: она и классику уважала, и за современной литературой старалась угнаться. Вся домашняя книжная коллекция была собрана до того, как они с Сергеем начали копить на квартиру, когда она ещё могла себе позволить тратиться на книги. Сейчас ей приходилось довольствоваться электронными версиями в интернете да сельской библиотекой с её скудным, устаревшим фондом.

Он заметил на себе взгляд Ирины и отошёл от шкафа, как ей показалось, с некоторым сожалением.

– Хорошая у вас библиотека, – сказал, поднимая с пола рюкзак.

И она почувствовала, как её неприязнь к этому парнишке сменяется любопытством.

Когда Никитка привёл Антона в следующий раз, Ирина встретила его более благосклонно. Она даже спросила, нравится ли ему в деревне.

– Вы знаете, во всём можно найти плюсы и минусы, – было видно, что он уже раздумывал над этим вопросом, и как будто даже обрадовался, что нашёлся человек, с которым можно поделиться размышлениями. – Плюс деревни в том, что здесь есть огород и можно выращивать бесплатные овощи, в то время как в городе нам

их приходилось покупать. Ещё один плюс – не надо платить за жильё. И самый главный плюс это то, что у меня здесь есть своя комната.

Да уж, после проживания в одной «клетушке» с родителями, которые постоянно ругаются и периодически устраивают посиделки с друзьями, собственная отдельная комната, наверное, кажется ему раем.

– А школа понравилась?

– Школа как школа, – задумался он. – В школе ведь главное – учителя. Учителя от моих бывших ничем не отличаются, такие же требовательные.

– А я думала, главное в школе – дети, – возразила Ирина и с интересом стала ждать, что он ответит.

– Ну да, дети тоже... Но это с какой позиции смотреть. Для нас, детей, главное в школе – учителя, потому что мы ходим туда учиться. Для учителей – дети, потому что они ходят туда учить нас.

Он говорил, а Ирина смотрела на него во все глаза. За внешней обыкновенностью, даже какой-то бесцветностью, в нём, кажется, скрывался довольно интересный собеседник. Этот мальчишка располагал к себе всё больше и больше. Теперь она поняла, почему Никитка так тянется к нему.

На этот раз Антону нужно было скачать презентацию по физике. Ирина оставила их на время, а когда вернулась, то вновь застала гостя у книжного шкафа. Он держал в руках раскрытую книгу, взволнованно трепещущую страницами, и с жадным любопытством всматривался в неё.

– Любишь читать? – спросила она.

Он вздрогнул, как воришка, пойманный за поеданием украденного пирожка, и захлопнул книгу. Ирина узнала «Книжного вора» Зусака.

– Люблю.

Осторожно, словно книга была из хрусталя, он втиснул её на место и смущённо пустился в объяснения:

– Просто я много слышал об этом романе и начинал читать его, но прочитал только ознакомительный фрагмент в интернете, полностью нигде не смог найти. Увидел у вас – и стало интересно, много ли там ещё осталось.

– И как, понравилось тебе начало?

– Да, очень!

4

О, Ирина слишком хорошо знала, что такое история, затянувшая тебя. История, в которую ты погружаешься, как в иной мир, и не просто наблюдаешь за происходящим со стороны – ты живёшь в ней, дышишь её воздухом, чувствуешь запахи... И как не хочется тебе выныривать оттуда, когда приходится... И как бросаешься в неё снова, очертя голову, едва появляется такая возможность.

Она не могла остаться равнодушной.

– Если хочешь, я дам тебе эту книгу.

– Правда?! – просиял он.

И сердце Ирины окончательно растаяло: разве может плохой человек так искренне радоваться книге?

Однажды она случайно подслушала их с Никиткой разговор. Тот разговор надолго запал ей в душу, как горячий уголёк в ботинок, который никак не вытряхнуть.

– Хорошо, когда у тебя такая мама, – сказал Антон.

– Какая – такая? – не понял Никитка.

– Понимающая.

– А твоя?

– Моя меня не понимает. Ругается, когда я читаю. Ну не то чтобы ругается... а ворчит. Говорит, лучше бы я спортом занимался или чем-нибудь другим, полезным.

Ворчит – это мягко сказано. Ирина была наслышана, какими словами мать Антона обычно выражает своё недовольство, и недоумевала, как у такой матери и в таких условиях мог вырасти совершенно непохожий на неё, удивительный ребёнок. Мысленно она сравнивала его с тоненьким побегом, который случайно оказался в гуще сорняков и, не взирая на трудности, упрямо тянется к свету.

Ирина пробовала представить себе его жизнь, его холодные утра (почему-то они виделись ей холодными), когда он вставал в школу, не выспавшийся после ночных родительских посиделок. Его неуютные вечера, когда он прятался в своей комнате, как в бомбоубежище, от семейных ссор. И чем чаще он приходил, тем яснее она понимала: приходил погреться у очага, хоть и чужого, но источающего такое сладкое домашнее тепло.

Иногда он засиживался допоздна. Ирина кормила их с Никиткой ужином и ни о чём не спрашивала, хотя догадывалась, по какой причине ему совсем не хочется домой. Да и не было необходимости спрашивать его – обо всём, что происходило на их улице, она узнавала от Ольги Тарабановой, приятельницы, живущей через дорогу. У неё Ирина через день покупала молоко и в качестве бонуса получала подборку свежих новостей. Ольга обладала удивительной способностью быть в курсе всех событий.

От Ольги Ирина узнала, что мать Антона зовут Ленкой, что до Кольки у неё была уже целая уйма мужей, которых она, якобы, рассматривала исключительно как средство для выживания. Переехав в деревню и не найдя здесь работы, она решила устроиться дневной сиделкой в

городе, как тут делали многие, благо до города всего сорок с небольшим километров, можно утром уезжать и вечером возвращаться. В первый же рабочий день она встретила хороших знакомых и осталась у них ночевать. На том её работа и закончилась. Колька поставил ультиматум: либо сиди дома, либо собирай манатки и вали. Ленка выбрала первое.

В один из стылых ноябрьских дней, когда угрюмые тучи свисали до самых крыш и скупо роняли на замёрзшую землю белые крупинки, Антон пришёл какой-то напряжённый.

Он был полон нервозного ожидания, часто бросал взгляд в окно, за которым холодный ветер гонял по дороге скрюченные листья, как злой кот несчастных мышей. Время от времени набирал чей-то номер, и телефон упрямо выдавал ему одну и туже металлическую фразу, что абонент не может ответить на звонок.

– Кому ты всё звонишь? – поинтересовался Никитка.

– Да так... – уклончиво потупился Антон.

Обычно они что-нибудь обсуждали, спорили. Вопросы их занимали самые разные, от того, чем питались стегозавры, до полёта американцев на Луну. В качестве третейского судьи выступал всезнающий интернет, и в совсем уж редких случаях – Ирина. Такие дискуссии Никитка называл поисками истины, они нравились ему чрезвычайно. Но в тот день беседа не складывалась, рушилась раз за разом, как неустойчивая пирамидка из детских кубиков, и тогда Никитка предложил пересмотреть все выпуски мультфильма о трёх богатырях. Он пересматривал их периодически, и почему они ему до сих пор не надоели, оставалось загадкой. Мальчишки уселись у компьютера, и Ирина, взглянув на спину Антона, придавленную какой-то невидимой тяжестью, вдруг почувствовала, что ей хочется подойти и положить ему руки на плечи.

«Я не знаю, что у тебя случилось, – сказала бы она этим жестом, – и не буду спрашивать. Просто возьми немножко моих сил, может, тебе станет легче».

Однако сделать так не осмелилась.

Вечером, сходив за молоком, она узнала, из-за чего Антон был сам не свой и кому так настойчиво пытался дозвониться. Оказывается, его мать ещё накануне уехала в город за вещами, которые ей пообещала отдать двоюродная сестра, и, видимо, снова заночевала у «хороших знакомых». Колька рассказывал об этом в магазине, когда приходил выпрашивать в долг джин-тоник, и, хрипя от удушающего справедливого гнева, грозился выбросить её манатки, если она не вернётся к вечеру.

«Ну и тварь! – Ирине тоже хотелось хрипеть и браниться, когда выходила от Ольги, прижимая к груди тёплую банку с молоком. – Вообще не думает о ребёнке! Бросила его одного с этим алкоголиком, мало ли что тому может взбрести в голову!»

Она уже твёрдо решила оставить Антона на ночь у себя, но, вскинув взгляд на соседские окна, из которых тоскливо желтело только одно, кухонное, вдруг расслышала шаги, а затем и различила в вязкой темноте женскую фигуру, слегка перекошенную вправо под тяжестью сумки. Фигура свернула к соседским воротам.

Приехала!

Вместе с облегчением Ирина испытала странное раздражение, какое бывает, когда из-за неподвластных обстоятельств приходится отказываться от почти уже свершившихся планов. Она с удивлением обнаружила, что, на самом деле, где-то глубоко-глубоко, в тайне даже от самой себя, хотела бы, чтобы Ленка задержалась в городе до завтра.

5

Стылый ноябрь не торопясь добрался до своего завершения. Пришла зима, мягкая, бархатистая, как спустившееся на землю большое облако. Дом наполнился особым уютом, светлым и праздничным от заоконной белизны.

Антон приходил почти каждый день, и, если его не было подряд два дня, Ирина начинала беспокоиться. Он по-прежнему брал книги из её шкафа. Чтение сближало их всё сильнее.

Они много разговаривали о прочитанном. Обсуждали персонажей и их поступки. Из-за серьёзности суждений он казался ей раньше времени повзрослевшим, но иногда в нём ещё проглядывал ребёнок, и это заставляло её улыбаться.

– Вы читали «Бедную Лизу»? – поинтересовался он как-то.

– Читала, но давно, ещё в школе.

– А мы её вот только что прошли, и нам задали по ней сочинение. Даже не знаю, правду писать или нет. Она какая-то дурочка, эта Лиза! – он был искренне раздосадован и выглядел таким забавным.

– Почему?

– Ну ясно же было, что этот Эраст её обманывает! Как можно быть такой наивной! Он ей вешает лапшу на уши, а она верит! Ещё и утопилась из-за него. Так глупо!

– Это же любовь, – попыталась объяснить Ирина. – А любовь слепа. И нравы тогда были другие, такой позор был хуже смерти.

– Дурацкие нравы, – пробурчал он, и она ви-

дела: понимает, но не хочет соглашаться вот так сразу.

Впрочем, книги были не единственной темой для бесед. Говорили буквально обо всём, даже о политике.

– Как вы думаете, если Жириновский станет президентом, он сможет навести порядок в стране или этот бардак так и останется?

– Даже не знаю, сможет ли, но, наверное, попытается, – ответила она, а сама смотрела на него во все глаза: интересно, что он сам думает по этому поводу?

– Я думаю, не сможет, – уверено заявил Антон. – И никто не сможет. Слишком большая у нас страна. Вот представьте большой дом, где много-много комнат. И маленький дом, где мало комнат. В каком легче уследить за порядком? Конечно, в маленьком. А в большом пока наводишь порядок в пятой комнате, в двадцать пятой уже всё вверх дном.

– Получается, нужно в каждую комнату посадить по Жириновскому.

– Да. Но это невозможно. Что и требовалось доказать!

К Новому году с вахты приехал Сергей. По натуре своей он был серьёзным, в чём-то даже суровым, мужиком-работягой. Суровость проступала и в чертах его лица: глубокой посадке глаз и выступающем вперёд подбородке, – впрочем, на лице её было гораздо больше, чем внутри. Клиентки Ирины и малознакомые люди его побаивались, но близкие знали, каким он может быть ласковым и весёлым, если снимет свои доспехи – хмурый взгляд и холодную молчаливость.

Присутствие Антона в их доме ему не понравилось. Ничего особенного он в соседском мальчишке не разглядел и ни симпатией, ни жалостью не проникся. Спросил, когда терпение лопнуло:

– Чего он здесь ошивается целыми днями?

Ирина попыталась объяснить про очаг и семейное тепло.

– Ну он же не бездомный, – не желал ничего понимать Сергей. – Я не был дома четыре месяца. И я тоже хочу погреться, причём у своего собственного очага. Имею я на это право?

Сергей не мог чувствовать себя раскрепощённо в присутствии чужих людей, Ирина видела, как он устал и как ему хочется наконец высвободиться из своих «доспехов». Конечно, это было неправильно, что он чувствует себя некомфортно в собственном доме. Но не выгонять же Антона. Это было равносильно тому, чтобы пригретого с улицы несчастного котёнка, уже успевшего поверить в человеческую доброту, безо всякой на то его вины, выставить обратно в холодный, бездушный мир.

Впрочем, ситуация разрешилась без её вмешательства. Антон и сам заметил, что атмосфера в доме изменилась: напиталась исходящим от хозяина напряжением, стала густой и упругой, словно стремилась вытолкнуть неугодного гостя из дома. Стоило только ему появиться на пороге, хозяин становился похожим на большого матёрого кота, который расхаживает по своей территории с недовольным видом. «Лучше тебе убраться отсюда подобру-поздорову!» – как будто говорил он.

Зал полностью оказался во владении хозяина, и заветный книжный шкаф стал недосягаем для Антона. Разговаривать с Ириной как раньше он теперь тоже не смел, потому что и она в какой-то степени принадлежала хозяину. Никитка, наскучавшийся по отцу, вился вокруг него, чуть ли не приплясывая от радости, и, конечно же, втянул его и в «поиски истины». Отцовское мнение стало для него единственно важным и непререкаемым, и даже если бы тот сказал, что Земля плоская, убедить Никитку в обратном было бы невозможно.

И наступил день, когда Антон не пришёл. Он не пришёл и на другой день, и на третий.

Сначала Ирина даже испытала облегчение. Но это было ложное облегчение, с затаившейся до поры до времени оборотной стороной.

Однажды она увидела Антона в окно. Он нехотя брёл домой, пряча лицо от колючих пощёчин метели за меховой опушкой капюшона. В тот момент она так остро почувствовала себя виноватой перед ним, как будто кто-то незаметно подкрался сзади и вонзил в спину кинжал. Так и промаялась весь месяц с «кинжалом в спине», то впадая в кратковременное забытьё, то вновь отчётливо ощущая в себе его безупречно отточенное лезвие.

6

Через несколько дней после отъезда Сергея в сенях послышался долгожданный весёлый топот, означающий, что Никитка возвращается из школы не один. Ирина не помнила, чего в ней было больше, когда она выходила навстречу: радости, волнения или страха, что вдруг он ведёт с собой другого мальчишку. Помнила только, как они с Антоном посмотрели друг на друга, признаваясь одними глазами, что рады увидеться в этой прихожей снова, и только потом поздоровались вслух.

– Вот, я тут книжку принёс, – сказал он, протягивая собрание «Дозоров» Лукьяненко. – Наконец-то прочитал. Извините, что так долго.

Ирина чуть не расплакалась. Милый мальчик!

Сознательно или не сознательно, но он пытался снять с неё вину и переложить на себя, предлагая другую, свою версию событий. Дескать, не приходил так долго не потому, что это она не смогла защитить его от сердитого хозяина, а потому, что просто всё это время читал книжку.

– Ну, я пойду? – он неуверенно повернулся к двери. – А то мне скоро на факультатив по математике надо идти...

– Нет-нет, что ты! – испугалась Ирина. – Я так быстро тебя не отпущу! Давай раздевайся, проходи на кухню, будем чай пить. Мы же так давно не разговаривали!

Он заулыбался, и улыбка ярче лампочки озарила полутёмную прихожую.

Никитка тоже был рад и даже горд, что доставил в дом такого гостя, и вился вокруг него, как совсем недавно вокруг отца.

– Давай быстрее попьём, потому что мне надо тебе кое-что показать. Я вчера такую «думалку» интересную скачал!

Ирина выставила на стол всё вкусное, что было в шкафу и холодильнике: колбасу, сгущёнку, малиновое варенье, насыпала полную вазу конфет, страшно жалея, что не осталось булочек с изюмом, напечённых Сергею в дорогу.

– Ну рассказывай, как у тебя дела, – велела Антону, протягивая ему кружку с чаем, на боку которой «сидел» пухлый снегирь. Это была её любимая кружка.

– Да пойдёт, – коротко ответил он и замолчал, то ли стесняясь, то ли осторожничая.

– Что в школе?

– Нормально.

– Уже решил, что будешь сдавать на экзаменах?

– Историю и географию.

– А что потом? Останешься в школе или пойдёшь дальше?

– Хотел бы уйти, конечно, – вздохнул он. – Но мать сказала, что не отпустит.

– А куда бы ты хотел?

– Всё равно куда, лишь бы поскорее.

У Ирины знакомо заныло сердце, затрепыхалось, будто птичка, сдавленная в стальном кулаке. Она снова представила холодный вечер, холодную комнату и Антона в ней, забившегося с книгой в угол дивана. Нестерпимо захотелось дотронуться до него и перелить ему через прикосновение хоть немного своего тепла, чтобы потом, когда придёт домой, оно согревало его.

После чая стеснение Антона прошло, он разговорился. Последнее время его волновал вопрос, который он сформулировал так: «Судьба делает из человека то, что он из себя представляет, или человек творит свою судьбу?» От ответа на этот вопрос зависело решение ещё одного, более важного: стоит ли тратить силы на борьбу с обстоятельствами или лучше расслабиться и плыть по течению, если всё равно судьбу не изменить?

Проигранная борьба за право покинуть школу после девятого класса, видимо, настроила Антона пессимистично. Ирина посчитала, что нужно подбодрить его:

– Мне кажется, как человек сам для себя решит, такой и будет его жизнь. Решит плыть по течению – будет жить там, куда его занесёт: в болоте, так в болоте...

– В канализации, так в канализации, – вставил смешок Никитка.

– Решит карабкаться в гору – значит рано или поздно доберётся до вершины, – договорила она.

– Но почему тогда некоторые всю жизнь карабкаются, и не могут ничего добиться? – возразил Антон. – А другие плывут по течению, и у них всё прекрасно? Одни рождаются в нищете, горбатятся, пока есть силы, и в нищете же умирают. Другие рождаются в богатстве и живут, не работая, но при этом ни в чём себе не отказывая.

«Почему я родился именно в этой семье?» – послышалось Ирине между слов.

Он смотрел на неё с терпеливым ожиданием. В ясных зелёно-карих глазах светился этот упрямый, невысказанный вопрос и уверенность, что она знает ответ.

И Ирине на мгновение показалось, что и правда знает. Или знала когда-то.

Она изо всех сил напрягла память. Что-то важное, очень важное должно было вот-вот проявиться в чёткую мысль, но тут Никитка поперхнулся чаем, и мысль, испугавшись, ускользнула обратно в тёмные, непроглядные глубины памяти.

– Мне тут идея пришла, – Антон улыбнулся немного смущенно. – А что если жизнь на Земле – это всего лишь игра, и человеческие судьбы – это просто разные уровни сложности? Говорят же, что дети ещё до рождения выбирают себе родителей. Может быть, они выбирают себе не родителей, а уровни?

«Ах вот ты о чём!» – с облегчением вздохнула Ирина, но чувство, что ей нужно вспомнить что-то важное, не исчезло.

– Как знать, – сказала вслух. – Всё возможно.

Судя по его «уровню», выходило, что он довольно неплохой игрок. Лучше Никитки, лучше её, лучше многих своих одноклассников, «выбравших» себе уровни попроще. Наверное, эта идея давала ему какое-то утешение.

7

Зима катилась к финишу. Солнце, набирая силу, ласково поглаживало её по белоснежной шубке, и та постепенно поддавалась, таяла под тёплыми прикосновениями его лучей. Воздух наполнялся волнующим запахом весны, но вместе с ним Ирина чувствовала смутную тревогу. Весной они с Сергеем планировали покупать квартиру в городе.

Антон теперь был занят подготовкой к экзаменам, заходил не так часто, как раньше.

Иногда его визиты совпадали с визитами клиентов, и Ирине совсем не удавалось поговорить с ним. Правда, уходя, он обязательно заглядывал в комнату, которую она оборудовала себе для работы и в шутку называла салоном, и со словами «Ну, я пошёл» выстреливал печальным вопросительным взглядом. Ирина не понимала, что именно за вопрос таился в его глазах, и каждый раз ей становилось немного не по себе. Снова накатывало смутное ощущение, что нужно поднапрячься и вспомнить... вспомнить что-то важное.

Как-то она подстригала пожилую подслеповатую женщину. Когда Антон появился на пороге комнаты с очередной книгой в руках и всё с тем же неясным безмолвным вопросом, женщина с улыбкой качнула головой в его сторону:

– Это ваш сын? Похож!

Ирина не стала ничего объяснять. Только посмеялась про себя: они были совершенно не похожи с Антоном. Но слова клиентки острыми коготками зацепились в душе и настырно царапались там, требуя внимания к себе. Она отмахивалась от них, пока вдруг не пришло озарение: а ведь и вправду похож! Разве они не похожи друг на друга любовью к чтению? Глупо это отрицать... Но всё-таки как странно, что он похож на неё, а не свою мать! Как будто по ошибке родился не у той женщины.

Дальнейшие размышления привели к тому, что Ирина стала высчитывать, мог ли Антон быть её сыном. Выходило, что вполне. Если бы она родила ребёнка в восемнадцать лет, то сейчас ему шёл бы шестнадцатый год... И тут её бросило в жар. Она ведь была беременна как раз в том возрасте!

Это случилось на первом курсе торгово-экономического колледжа, куда она поступила после школы. Свобода, самостоятельная жизнь и симпатичный однокурсник вскружили голову. Мама, узнав о случившемся, без разговоров потащила её в больницу. Паника тогда парализовала Ирину. Беременность казалась ей концом жизни, крушением надежд на счастливое будущее. Она была готова на всё, лишь бы стать такой, как раньше – весёлой девочкой-первокурсницей, словно бабочка, беззаботно порхающей над цветочной поляной с другими такими же бабочками. Избавившись от ребёнка, она с облегчением вздохнула и вскоре забыла о том происшествии.

«А что, если...» – затрепетала мысль.

«Нет, не может быть!»

«А что, если он должен был родиться у меня?»

«Нет, так не бывает!»

«А как бывает? Ведь никто не знает, как бывает!»

«Не сходи с ума!»

«Я абсолютно в своём уме. И он должен был родиться у меня! Иначе как объяснить всё это?»

Ирина обвела взглядом комнату, призывая стены засвидетельствовать, что она не сумасшедшая. Догадка лихорадочно билась в голове, как пойманная наконец рыбина, не дававшая ей покоя столько времени.

Вместе с догадкой пришло отчаяние: скоро, совсем скоро история повторится, и она, так ненадолго обретя Антона, снова его оставит. И, получается, опять ради собственного благополучия. Он останется один мёрзнуть в своём холодном мире. В её доме поселятся чужие люди, и никто больше не будет ждать его в нём, интересоваться его делами...

Как бы было хорошо, если бы ему разрешили уйти из школы после девятого класса!

Тогда они все вместе уехали бы в город и могли бы видеться в любое время. Может, поговорить с Ленкой? Хотя, если разобраться, Ленка в своём решении права. Мальчишка неглупый, учится хорошо, после одиннадцатого класса у него будет возможность поступить в институт, а сейчас куда он? У него и цели-то конкретной ещё нет, «всё равно куда, лишь бы поскорее отсюда».

Ирина мучилась в поисках решения, которого не существовало. Остаться самой было невозможно. Что она сказала бы Сергею? Давай поживём здесь ещё два года?

Помочь могло только чудо. Не зависящее от неё обстоятельство. Например, если бы... если бы Ленку лишили родительских прав. Тогда она смогла бы забрать Антона себе. Конечно, Сергей был бы против. Но если бы такое случилось, она сделала бы всё, она вымолила бы у него согласие!

Май и половина июня выдались суматошными: покупали квартиру в городе, делали в ней ремонт, продавали дом в деревне. Сергей находился в состоянии эйфории и готов был расцеловать весь мир от счастья, которое принесла ему сбывшаяся мечта.

Антон сдавал экзамены и забегал иногда повидаться, стараясь угадать такое время, чтобы хозяина не было дома. Впрочем, если Сергей и заставал его в гостях, то почти не обращал внимания, как, бывает, люди не замечают того, что для них наполовину уже в прошлом.

Только спросил однажды:

– Тебе не кажется, что он в тебя влюбился?

Ирина рассмеялась:

– Что за глупости!

– Он же не отходит от тебя ни на шаг!

– Он тянется ко мне, потому что мы с ним похожи, – попыталась объяснить она, сомневаясь, правда, что муж поймёт это. – Люди всегда тянутся к себе подобным. Это называется родственные души.

8

Исходящее от Сергея радостное волнение волей-неволей передавалось Ирине. Город манил, будоражил воображение, в котором, словно в калейдоскопе, складывались причудливые узоры будущего, один другого краше: новые знакомые, новые возможности, движение, суета, жизнь! Однако так происходило только когда мысли об Антоне утрачивали бдительность. Стоило им встрепенуться – узоры тут же рассыпались на бессмысленные тусклые стёклышки.

Ирина всё ждала, что он спросит о переезде. Не мог же Никитка не похвастаться, что они купили квартиру. Да и не только от Никитки можно было узнать о квартире – вся улица звенела этими новостями.

Антон ничего не спрашивал. В последнее время он стал приходить какой-то поникший, часто проваливался в себя, как будто внутри у него лежало что-то такое, что никак нельзя было оставить без внимания. Ирина списывала всё на скорое расставание и страдала, как ей казалось, с ним в унисон.

Он хорошо сдал экзамены, но совсем не радовался этому. Нехотя ходил на репетиции к выпускному и, как ни уговаривала его Ирина подстричься, упрямо отказывался, мотая из стороны в сторону обросшей головой.

Тем временем Сергею подвернулась работа с неплохой, по уверениям работодателя, зарплатой. Чтобы не тратить время и деньги на ежеутренние и ежевечерние поездки туда и обратно, он пока в одиночку заселился в новую квартиру, а Ирине с Никиткой велел потихоньку упаковывать вещи, намереваясь на выходных пригнать за ними машину.

Антон держался до последнего. До того, пока не увидел, что пустые коробки, в ожидании сваленные неряшливой пирамидой на веранде, пошли в ход и начали заполняться вещами.

– И как я теперь буду? – потеряно вырвалось у него.

Ирина принялась утешать, притворившись, что не видит причин для расстройства:

– Ты что? Как обычно! Ничего почти и не изменится! Мы ведь живём в век продвинутых технологий и всегда будем на связи! Можешь звонить или писать нам с Никиткой в любое время!

– Я буду к бабушке часто приезжать, – вмешался Никитка. – Могу на каждые выходные!

– А если ты будешь в городе, то обязательно к нам заезжай, – подхватила Ирина. – А потом, после школы, ты тоже в город переберёшься.

Антон криво улыбнулся и поднял на неё постариковски усталые глаза. «Ничего этого не будет», – ясно прочитала она в них, и холодок пробежал по спине от той железной уверенности, которую они излучали.

А потом случилось то, что случилось.

9

Ирина с нетерпением поглядывала в окно на дом Ольги Тарабановой. Ольга была нужна ей как никогда!

Наконец, в старой ветровке с подвёрнутыми рукавами, помахивая хворостиной, та пригнала из паса свою красно-белую корову. Выждав ещё немного, Ирина отправилась за молоком и новостями. Не может быть, чтобы у Ольги не было хоть каких-нибудь подробностей об Антоне!

Ольга охотно поделилась тем, что знала.

– Это он всё из-за девчонки, – уверенно сообщила она. – Знаешь ведь дочку Рублёвых, коммерсантов наших?

Ирина кивнула. У Рублёвых в деревне был магазин, открытый ещё в девяностые. Первые частные магазины называли коммерческими, а их владельцев – коммерсантами, с тех пор у Рублёвых и образовалась «двойная» фамилия: Рублёвы-коммерсанты. Их младшая дочь училась вместе с Антоном. Выглядела она очень эффектно: фигуристая, длинноволосая, симпатичная, – но глаза всегда смотрели на окружающих с высокомерием, из-за чего Ирина её недолюбливала и сейчас, услышав о ней, неприятно удивилась выбору Антона.

– Она же дуб дубом по математике, – торопилась рассказать Ольга. – Ну и давай она ему глазки строить, чтобы списывать давал и на контрольных помогал. Маленькая, а ушлая! А потом он к ней, дружить чтобы, а она его при всех унизила. Дескать, неужели ты правда по-

думал, что я с тобой, нищебродом, встречаться буду? Вот он, видать, переживал, переживал и...

– Подожди, – перебила Ирина. – Когда это было?

– Ну... недавно совсем. Она, говорят, так ревела, когда её полиция допрашивала...

Так вот, значит, что носил он в душе! Вот почему был сам не свой последнее время! И про переезд ничего не спрашивал, потому что не было ему дела до их переезда!

– А эта... – Ольга презрительно «ткнула» носом в сторону, где стоял дом Антона. – Она мало того, что денег на чаепитие ему не дала, так и вообще не пошла на выпускной. Ей даже неохота было на ребёнка своего посмотреть. Пошла бы, так, может, ничего бы и не случилось.

После вручения аттестатов все собрались в клуб на чаепитие, а он постоял, постоял на крыльце... и пропал вот. А аттестат в урне нашли.

Ирина представила, как Антон стоит на школьном крыльце и смотрит в спины одноклассникам, которые, уже забыв про него, дружно и весело шагают в клуб. Надеется, что оглянутся сейчас, позовут... «Ничего этого не будет!» – вспомнился вдруг его взгляд, полный холодной решимости, и стальные пальцы крепко сдавили сердце: нет, не этого он ждал, стоя на крыльце. Он ждал, когда все уйдут, чтобы сделать то, что задумал.

«А вы не пойдёте к нам на выпускной?»

«А вы не пойдёте?»

«Не пойдёте?» – резкими выстрелами отдалось у Ирины в голове. Теперь, когда было уже поздно, она расслышала в этих его словах скрытую, несмелую просьбу, и ей захотелось со всей силы оттаскать себя за волосы за вчерашнюю глухоту.

Выяснив подробности, она убедилась, что нет человека, чьей вины в этой истории было бы больше, чем её.

Девочка, конечно, играла ключевую роль. Она принесла ему страдания, и, чтобы избавиться от них, он придумал какой-то страшный выход. Но девочка была чужой. Её не было с ним рядом, и она не могла видеть, что с ним происходит. А вот где были близкие? Почему Ленка ничего не заметила? Хотя что взять с Ленки? У неё мозг насквозь пропитан алкоголем, хоть отжимай. У неё даже мысли в голове, наверное, орут друг на друга, как полоумные. И девочке, и Ленке можно было найти оправдания, а Ирине не было оправданий, потому что он просил её о помощи, цеплялся взглядом в зеркале за её взгляд, как утопающий пытается ухватиться за руку спасителя, а она не поняла. Не удержала.

Ночью она почти не спала.

«Нельзя думать о плохом. Нельзя думать о плохом», – твердила себе, как заклинание, но плохое всё равно лезло в голову. Иногда её накрывало лёгкой, тревожной дремотой – и тогда чей-то голос принимался возмущённо шептать в ухо: «Спишь?! Как ты можешь спать, когда случилось такое?!»

Беспокойные мысли комариной стаей клубились над подушкой. Ирина не выдержала, ушла в комнату к Никитке, легла к нему под одеяло, притянула к себе, спящего, тёплого, почувствовала, как под рукой бьётся родное сердечко, – и своё собственное сжалось в мучительной судороге: обнимали ли когда-нибудь Антона вот так же материнские руки? Отчего-то она была уверена, что нет. А ведь человеку порой и нужно всего-то, чтобы его обняли.

Тяжело ворочаясь, будто глубинная бомба, всплыл в памяти эпизод, когда Антон сидел за компьютером, сгорбившись под тяжестью переживаний о своей задержавшейся в городе матери, а ей так хотелось положить ему руки на плечи и передать через это прикосновение немного своих сил. Она не решилась тогда. А может, надо было решиться? И когда подстригала его, а зеркало отражало его полные страдания глаза, может надо было просто спросить, что случилось? Свет клином сошёлся для неё на этом переезде! Переезд, переезд... А у него ведь и другая жизнь была, помимо их переезда! Мать, отчим, школа, одноклассники, любовь.

Не мог же он жить одними книгами! И снова чей-то голос с издёвкой зашептал в ухо: «Родственные души, говоришь? Мог бы быть твоим сыном? А почему тогда ты не увидела, что с ним происходит? Почему не почувствовала? Почему не остановила?»

Кое-как Ирина дождалась, когда тяжёлое одеяло ночи сползёт с небосвода. Потихоньку начала просыпаться деревня. Закукарекали петухи, объявляя о наступлении нового дня. По-бабьи переговариваясь, высыпали на улицу куры. Где-то затрещал трактор. Замычали редкие коровы (коров в деревне теперь было мало), призывая своих хозяек на утреннюю дойку. Жизнь шла своим чередом, и это было так несправедливо!

Никитка тоже проснулся рано. Сразу же набрал номер Антона, но в телефоне, как и вчера сказали, что абонент недоступен. Ирина зашла в интернет. Нет, и там было глухо. Ни словечка о том, что в такой-то деревне не вернулся мальчик после выпускного. Никто даже не бросил клич о помощи! За ночь ничего не изменилось.

Время превратилось в густую, вязкую массу, наполнило собой дом, лезло в рот и нос, ме-

шая дышать, хватало за руки, за ноги, не давая двигаться. Кое-как Ирина рассовала по коробкам кухонную утварь. Все поверхности в доме: стены, полки, шкафы – пугали непривычной пустотой, только книжный шкаф она всё ещё не трогала, и теперь не могла набраться решимости, чтобы взяться за книги, как будто этот шкаф был святыней, и от его сохранности зависела жизнь Антона.

После обеда, в один из своих многочисленных «рейдов» по притихшим, печальным комнатам, Ирина заметила отъезжающую от соседей полицейскую машину. Сердце забарабанило гулко и нетерпеливо: зачем приезжали? Может быть, есть новости? Надежда узнать хоть что-нибудь вытолкнула её на крыльцо.

Кругом стояла настороженная тишина, только за огородами взволновано шептались клёны, словно обсуждали последние деревенские новости. В небе, слушая их и покачивая от удивления головами, тянулись кудрявой вереницей облака. Из соседской ограды не доносилось ни звука. Тогда ноги сами собой понесли Ирину за ворота, и не успела она перешагнуть подворотню, как увидела бегущую к ней Ольгу Тарабанову.

– Нашёлся парнишка! Нашёлся! – радостно закричала Ольга издали. – И представляешь, что говорит? Говорит, от людей устал и хотел один побыть! Это надо такое выдумать!

Напряжение, державшее Ирину в тяжёлых кандалах почти сутки, ослабло. Но на смену одному пришло другое беспокойство: ей непременно нужно увидеть Антона, разобраться в этой истории! Завтра уже придёт машина за вещами, поэтому лучшей возможности, чем сегодня, не будет! А уехать, не поговорив с ним, не попрощавшись, она не могла.

Ирина догадывалась: сам он не придёт. Телефон его по-прежнему был выключен. Хотела отправить за ним Никитку, но тот наотрез отказался: боялся Ленку с Колькой. Признаться честно, Ирина и сама их побаивалась. Казалось, стоит только переступить порог, Ленка тут же напустится на неё с руганью и выставит за дверь. Вряд ли ей понравится, что посторонняя женщина пришла разговаривать с её сыном. На всякий случай нужен весомый повод. Взгляд Ирины скользнул по книжному шкафу: ну конечно, книги! Она же потому и не трогала их, что собиралась отдать Антону.

После похорон бабы Тони Ирина ни разу не была у соседей. Прошёл уже почти год, но ничего не изменилось. Так же держались на подпорках облезлые ворота, так же гнулись под ногами подгнившие половицы крыльца. Тем же оставалось и убранство в доме: старинный шкаф на кухне, круглый стол, пожелтевший миниатюрный холодильник. Только запах изменился. Раньше в доме пахло лекарствами, сейчас – чем-то затхлым.

Ленка крошила картошку в чашку непонятного цвета. Колька без дела сидел на корточках у печки. Грязно-белые створки дверей, вероятно, ведущие в комнату Антона, были закрыты.

Ирина поздоровалась.

Ленкин взгляд встретил её настороженно, Колькин – с любопытством.

– Могу я увидеть Антона? – спросила Ирина.

– Зачем? – недружелюбно поинтересовалась Ленка.

– Дело в том, что мы переезжаем, и я хотела бы отдать ему книги, чтобы не тащить их с собой. Он ведь любит читать.

– Книги? – Ленка со стуком бросила нож в чашку и как-то вдруг угрожающе выпрямилась, расправила плечи, словно приняла боевую стойку. – Да иди ты знаешь куда со своими книгами!

Ирина невольно сделала шаг назад.

– Спасибо, начитался твоих книг! Вон до чего дочитался! От людей он устал! А я две ночи не спала, думала, с ума сойду!

– Да книги-то здесь причём? – удивилась Ирина.

– А откуда бы он это взял? – напирала Ленка, глаза её вытаращились, рот некрасиво искривился. – Сам бы, что ли, до такого додумался?

«Господи, с кем ему приходится жить!» – ужаснулась Ирина, а вслух вырвалось:

– Как же вы плохо знаете собственного ребёнка!

Ленку задели эти слова.

– Ты что ли знаешь? Воспитывать меня пришла? – с каждой фразой голос её как-то странно взвинчивался, и то ли Ирине показалось, то ли на самом деле в нём проскочили ревнивые нотки. – За своим смотри! А моего нечего приманивать книжками всякими! Это ещё неизвестно, зачем ты его приманиваешь! Мужика-то месяцами дома нету!

Грязно-белые двери распахнулись. Лицо Антона горело от гнева и стыда:

– Хватит! Что ты несёшь!

Ирина тут же ощупала его взглядом: цел ли? Он, конечно, не изменился за эти два дня, что «отдыхал от людей», но из-за стрижки, которую она сама же ему сделала, и к которой ещё не успела привыкнуть, выглядел как-то по-новому, взрослее.

Молчавший до этого Колька, прикрикнул прокуренным басом:

– Двери закрой, ты наказан! Без тебя разберутся!

Антон, не обращая внимания на отчима, решительно прошагал к порогу, где стояла Ирина.

– Пойдёмте за книжками, – сказал ей.

– Эй, ты не понял? – угрожающе поднялся во весь рост Колька.

Ирина почувствовала, как в ответ на Колькину угрозу у неё внутри вспыхивает и разрастается что-то дикое, звериное, яростное.

– Пойдёмте, – повторил Антон и тронул её за локоть.

Она понимала, ему хочется, чтобы всё это поскорее прекратилось, но уйти не могла, по-звериному чуяла: схватки уже не миновать.

– Ты иди пока, а мне ещё нужно сказать пару слов твоим родителям.

Антон замешкался, не зная, как поступить.

– Иди, тебе это не нужно слышать, – она подтолкнула его взглядом с такой силой, что он всё же подчинился.

– Какое право ты имеешь распоряжаться моим ребёнком?! – взвизгнула Ленка.

– Замолчи! – резко оборвала её Ирина. Внутри всё бурлило и клокотало от возмущения так, что хотелось кинуться на неё, впиться ногтями и зубами в лицо и рвать, рвать, рвать кожу на щеках! Никогда ещё Ирина не испытывала подобного. – Ты даже не понимаешь, что «устал от людей» – это всего лишь отговорка! Сказать тебе почему на самом деле он это сделал?

– Почему? – Ленкины плечи вдруг снова ссутулились над чашкой.

– Да потому что он хотел сказать тебе: «Я существую, мама! Обрати на меня внимание!

Мне плохо в этом мире! Мне так нужна твоя любовь и поддержка! Может, если я исчезну на пару дней, ты наконец-то заметишь, что я есть!»

– Как будто я его не замечаю! – заоправдывалась Ленка с обидой. – Как будто я о нём не забочусь! Что ему плохо-то? Всегда накормленный, одетый, обутый. Воспитываю, как могу.

– А не надо его воспитывать! – наступала Ирина. – С ним надо разговаривать! Понимаешь? Раз-го-ва-ри-вать!

Ленка не понимала. Ирина сделала ещё одну попытку достучаться:

– Вот что вы сейчас сделали, когда он нашёлся?

– Что?

– Вместо того, чтобы сесть рядом, обнять, спросить: «Что с тобой происходит, сынок?

Что у тебя на душе?», вы наказали его! Заперли в комнате наедине с тем, что его мучает!

Ленкино лицо непроницаемо каменело. Колька как-то странно хмыкнул, то ли с усмешкой, то ли с досадой.

Ирина почувствовала, что запал иссяк и теперь её трясёт: колени, руки, плечи, губы – всё било неприятной крупной дрожью.

– Книги – может, единственная радость у него! – договорила с усилием. Слова стали колючими, неуклюжими. – Хоть это у него не отнимайте! – и на ощупь толкнула рукой дверь.

Хотелось поскорее глотнуть свежего воздуха.

Антон с виноватым видом ждал её за порогом. Проговорил, запинаясь и краснея:

– Она всегда так. Собирает что попало, когда орёт... Не слушайте её.

Сени расплылись в серую лепёшку.

– Пойдём, – выдохнула Ирина и усердно заморгала, смахивая с глаз влажную пелену.

У книжного шкафа он вдруг растерялся, как будто засомневался в чём-то, но по мере того, как взгляд пробирался от переплёта к переплёту, лицо его начало по-детски искренне светлеть.

– А что, правда любые можно выбрать? – уточнил на всякий случай.

– Хоть всё забирай, – подтвердила Ирина и подумала, что книги книгами, а как оставить ту теплоту, за которой он приходил сюда и которой так много накопилось для него в сердце?

Антон продолжал поглаживать взглядом книжные корешки, не торопясь, однако, протянуть ни к одному из них руку. В воздухе висело предчувствие непростого разговора. Ирина догадалась: ждёт.

Никитку пришлось отправить в магазин за тортом, чтобы остаться наедине. Иначе, она боялась, разговора не выйдет. Глухо стукнувшие ворота оповестили, что начался отсчёт времени и нужно спешить.

– Антон, – позвала его, усаживаясь на диван. – Иди сюда, садись.

Он сел на некотором расстоянии.

– Рассказывай, что у тебя случилось.

– Да так... ничего, – его взгляд опустился на сжатые в замок руки, – фигня это всё.

– Ну знаешь... Из-за фигни из дома не сбегают, – не согласилась Ирина.

Он слабо пожал плечами:

– Я не знаю, как это рассказать. Просто мне всё надоело. Я устал. Захотелось вырваться отсюда на волю.

– На какую волю?

– На такую, где уровни выбирают.

У Ирины похолодело внутри, когда поняла, что он имеет в виду. С трудом проползли через пересохшее горло слова:

– Это из-за той девочки?

– Это из-за всего, – он по-прежнему прятал взгляд под замком рук, уже не детских, но ещё и не мужских; от косточки указательного паль-

ца до запястья толстыми бордовыми стежками тянулась царапина. – Не жизнь, а сплошная ... задница. Если что-то и появляется хорошее, то тут же уходит... Как будто кто-то специально дразнит, а потом отнимает и наблюдает, как я мучаюсь...

Ирина по голосу слышала, как трудно ему говорить.

– Может быть, так надо сейчас, чтобы ты закалился, стал сильнее, – предположила она.

– Кому надо? – усмехнулся он. – Мне, например, не надо. Вот говорят и в книгах пишут, что нужно быть сильным. Я понимаю, когда идёшь к какой-то цели, надо быть сильным. А мне ради чего? Быть сильным сейчас ради очередного разочарования потом? Не вижу в этом смысла.

Ирине до спазма под рёбрами захотелось обнять этого несчастного мальчишку, прижать к груди его голову и гладить, гладить по аккуратным и, наверное, тёплым волосам... Но она опять не решилась. Только дотронулась до плеча, ненадолго задержав ладонь на мягком рукаве футболки.

– Ведь нашлось же что-то, что удержало тебя от этого шага?

Он секунду помолчал и с сожалением признался:

– Просто духу не хватило...

Дальше Антон рассказал, как провёл ночь у реки, ожидая рассвета и сжимая в кармане упаковку с лезвиями. Потом, презирая себя за слабость, долго-долго шёл вдоль берега прочь от дома. Он понимал, что рано или поздно его догонят или перехватят, но что-то не давало повернуть обратно. Вечером наткнулся на рыбаков. Они были изрядно навеселе, подозвали его к своему костру, стали расспрашивать, кто такой и откуда, предложили водки. Антон выпил и честно им всё рассказал. Утром рыбаки передали его полиции. Он был допрошен, осмотрен медиками и возвращён домой.

Хлопнули ворота. Это пришёл Никитка. Время вышло.

– Знаешь что? – у Ирины вдруг возникла мысль, которой обязательно нужно было успеть поделиться. – Вырваться на волю никогда не поздно.

Антон с недоумением поднял глаза. Она объяснила:

– Поэтому не стоит торопиться. Я тебе даже больше скажу: ты не первый, кто хотел и не сделал этого шага. И ни один из оставшихся ещё не пожалел, что остался. Поверь на слово знающему человеку.

– Вы что – тоже хотели? – на его носу с недоверчивым любопытством вспыхнули звёздочки веснушек.

– Хотела, – Ирина говорила абсолютную правду. – Я ведь тоже когда-то была юной, влюблённой и очень несчастной.

Коротко скрипнула дверь, многообещающе зашуршал пакет в прихожей.

– Мам, медового не было! – крикнул с порога Никитка. – Я купил ванильный!

– Выбираем ли мы уровни где-то там, – она кивнула в потолок, – я не знаю. Зато знаю точно, что здесь жизнь состоит из множества уровней. И в конце каждого уровня нам приходится делать выбор, от которого будет зависеть продолжение. То, что ты сейчас считаешь своей слабостью и называешь «не хватило духу», было твоим выбором на самом деле.

Антон слушал, вбирая её слова всей кожей. Видимо, они показались ему не лишёнными смысла.

– А почему вы хотели...? – поинтересовался осторожно.

– Потом как-нибудь я расскажу тебе об этом.

– Когда?

– В следующем уровне, – схитрила Ирина. – И сейчас мы отметим его начало.

Декабрь 2017 г. – август 2018 г.

Дана КУРСКАЯ

ПЕРСОНАЛЬНАЯ БЛАГОДАТЬ

Стихотворения

* * *

над пустырями тлеют фонари
начнется ночь почти на раз-два-три
но я готова к этой длинной ночи
ведь тот, кто в память прочно заколочен
возникнет и со мной поговорит

уже туман над городом взошёл
а я сижу в пространстве небольшом,
готовясь к появленью абонента,
которого спрошу: «Тогда зачем ты?»
И он ответит: «Чтобы хорошо».

ЮЛИИ АУГ

Всякой бабе положено плакать.
Сколько за год дождей утекло.
Льдом покрылась ноябрьская паперть –
Так молись головой о стекло.

От холодной воды, как у прачки,
Навсегда загрубеет ладонь.
Так, почуяв грядущую скачку,
Вздрогнет взмыленный загнанный конь.

Здесь был дом, где те пятеро жили.
Не целуй эту землю в горсти.
Не молись за грехи за чужие –
Ты свои-то сперва отпусти.

Но в промёрзшую стылую пору
Огонька вдалеке не видать.
Вот такие тебе Холмогоры –
Персональная благодать.

ХОЗЯЙКА

Даниле Давыдову

там где горы качаются есть гора
если ты взойдешь на ней до утра
то узнаешь, где зреет сила
ни о чём тебя не просила

и когда ты в шкатулке унёс отказ
мою стыдь мою зелень из боли глаз
то шкатулка легла в могилу
и дописан был главный сказ

мои стены помнят как бил тесак
как мой крик оседал в голубых лесах
где поют вековые сосны
и горит самоцветов россыпь
жадно входишь в мою гору
погоди погоди скоро

ты окончил ночь на моей щеке
небо стало розовым вдалеке
мы закончились навсегда
начиналась вокруг беда

но она оказалась праведной
все цветы твои были каменные
изначально и были каменные
малахит самоцветы руда

МРАКОБОРЦЫ

Григорию Горнову

Распускаясь иглами в животе,
Тебя мучают мысли о темноте.
Нет, не тени о смерти и сне, но те,
Что за дверью беззвучно дышат.
Постучится мрак – не спеши открыть.
Он тобой задумал могилы рыть.
И потянет с крыльца в свою волчью сыть,
И задует звезду над крышей.

Словно в плоть вворачиваются щипцы,
Поселяют боль, наведя рубцы.
Будто в море падают мертвецы
И ложатся на дно вповалку.
Наступает мрак – не проси огня,
Но засмейся и вдруг позови меня.
Я приду, бестолковой строкой звеня,
Принесу с собой зажигалку.

И когда на запястье взойдёт ожог,
Нам навек станет ясно и хорошо,
Впереди у нас сладостный посошок.
Не сомнётся трава под нами.
И когда архангел в свой затрубит рожок,
Мы с тобой купим водки и пирожок,
И взойдёт рассвет на лугу чужом,
Но над нашими головами.

Светлана БОГДАНОВА

ЖЕЛЕЗНЫЙ АВГУСТ

Стихотворения

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЕЩАХ

Посвящается Тате Дашковой

Мир, где каждая мелочь — портал,
Это мир волшебников и продавцов.
Зелен и розов, золотист и пунцов!
Хотя, по-моему, ты от него устал.

Ты устал от оттенков. Устал от вещей.
Ты ждешь чистоты от того, что всегда
Было грязным. От овощей,
От ножа, от стола, от кухаркиного труда.

Забудь о времени и о гарнире забудь.
Используй старинный холст, пролезь
Туда, где ночь. Где занавес, точно ртуть,
Подвижен, опасен. Не ткань, а живая взвесь.

Где запах пыли и пота — ностальгический газ.
Не можешь сдержаться, хочется громко ржать,
Голым путаться в ветоши, стать королем проказ,
Уж какая тут чистота. Тут — тело. Тут — вонь.
Тут — ржа.

Снова пора скоблить? Забудь. Оставь этот бред
Авторам книг про уборку. Уважай эту грязь.
Узел, колтун, комок, – самый полезный предмет.
С ними подчас легко двигаться, веселясь,

Не уставая и... не прерывая связь.

* * *

Удел сновидца — всё запоминать:
Как игуана голый глаз прикрыла,
Как лапа скользкая попала в стремена,
Как рыцарь пал, безрукий и бескрылый,
Как облака прорвал горячий луч,
Как ветер сумрачный
вдруг выключил предметы,
Настала тьма. И в ней горяч, горюч
Открылся новый глаз. И что теперь ты, где ты, –
Так трудно помнить! Только ты крепись,
И примечай порядок и цепочку,
Встань в нишу, глубже, склейся с ней, слепись,
И превратись в царапину и в точку,
Будь незаметным, острым, будь собой,
И что бы ни случилось, бей бесстрашно
Зеркальный мир. И помни каждый сбой
И каждого лазутчика на башне.
За них назначена своя цена.
Потянешь? – так бери его за шкирку,
Несись за ним сквозь трубы, сквозь пробирки,
Сквозь губы, губки, сны и времена...
А нет — иди тогда по этой ссылке,
И ляг на дно. И пей свой сон до дна.

* * *

«Железный Август в длинных сапогах...»
Н.Заболоцкий

Железный Август шпалы посчитал
И сшил так тщательно, что шва не видно.
Лишь нежные колёса знают, где
Когда-то был разрыв, теперь — задел,
Когда-то щель была, а стало — слитно,
Глухая гладь, а раньше был портал.

И всё же дрожь бежит по колесу,
Чугун и сталь нащупывают что-то,
Что было в прошлом, а теперь пропало.
Сияют рельсы. Оседают шпалы,
Пронизанные духом креозота,
И донник плещет жёлтым навесу.

Я — к Августу, с охапкой проводов,
Спасаюсь от цветочного гуденья.
«Я кое-что нашла, пока бежала
По лезвию... По пестику... По жалу...
Вот — шпора. Вот — венок». Саднят колени,
Вся шея — в мошках. Зелен и бордов,

С широким золотом на эполетах,
С ампирными снопами у бедра –
Стоит. Смеётся. Звонкий и звенящий
В горячей чешуе премудрый ящер.
«Я шпору обронил ещё вчера.
Венок — оставь до завтра, до рассвета».

И – темнота. И темечко нагрето.
Воды! Воды! И осени! Сестра!

Надя ДЕЛАЛАНД

ВОТ Я И ВЫШЛА В САД

Стихотворения

***

Внезапно чувствую лицо теплее –
ты меня подумал. Глаза отвёл, закрыл глаза,
провёл ладонью, вспомнил голос.
Что это значит? Ничего.

Всё это ничего не значит.
Ещё немного и пройдет,
как след от самолёта на
прозрачном животе небесном.

***

видимо на фоне пережитого стресса
по дороге домой в маршрутке
мои руки начали обниматься
мне пришлось раньше срока выйти
отдышаться прийти постепенно в норму
руки мои грабли глаза ямы

ГДЕ ТВОЁ ЖАЛО

1.

Вот я и вышла в сад
утренний, неземной –
пчёлы в лучах висят
солнца, гудящий рой

света пронзил и, вдруг
медленно подхватив,
в небо поднял и, круг
сделав, не опустил.

2.

Смерть прекрасна, когда выходишь,
оставляя. И видишь яркость.
Точен лёгкий рисунок пульса
возрастания всех травинок,
донной рыбы уловлен выдох,
и лицо мотылька подробно.

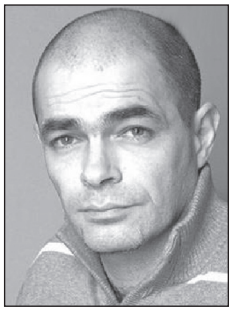
3.

входишь в руки свои как в перчатки
в ноги в голову чтобы сидело
хорошо но ведь знаешь сначала
я не тело

тело только скафандр и не больше
дальше чувствуешь новое чудо
как бы ни было сладко и больно
я не чувства

я не гнев и не радость и даже
я не знания мысли не голос
говорящий во мне я не разум
я другое

Станислав ЛИВИНСКИЙ



СООБЩАЮЩИЕСЯ СОСУДЫ

Стихотворения

* * *

Курит грузчик у прилавка,
дед на почту семенит.
Сквозь асфальт пробилась травка,
с удивлением глядит,
как двуногие растенья
по делам своим спешат.
Нацепили на коренья
брюки, юбки и смешат.
Обнимаются, как люди,
жизнь свою превознося.
Неразлучны, как сосуды
сообщающиеся.

** *

Вот представитель поколенья,
он ежедневно пишет в чат.
И дух болящ и песнопенья
в его наушниках звучат.

Он что-то знает, с кем-то спорит.
Он сам себе наметил цель.
Герой, практически Печорин,
его последняя модель.

Ему бы всё на свете бросить
да и сорваться бы туда,
где осень – это просто осень
и в лужах – затхлая вода.

Где за Машук луна садится
и солнце медленно встаёт.
И так поют, в натуре, птицы,
хотя совсем не знают нот.

* * *

Вынесли крышку, припёрли к стене,
молча курили под липой.
Лёгкая смерть, без мучений, во сне.
Ну и на этом спасибо.

Всё, что хотел, но боялся сказать,
рот зажимая ладонью.
Бедный отец и несчастная мать.
К ним и тебя подхоронят.

Там, где у времени вечный тупик
и земляная воронка,
женщина держит охапку гвоздик,
словно грудного ребёнка.

Длинные речи и в голосе дрожь –
будто конец и начало.
Только простились – и начался дождь,
может быть, просто, совпало.

Надежда ИВАНИЦКАЯ

ЙЕТИ

Рассказ

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться? – лейтенант Мозговой нерешительно потоптался у порога, теребя папку с документами.

– Ага! Проходите, Иван Матвеевич! Что там у вас? – и, пригладив непокорный вихор, начальник отложил в сторону бумаги.

– Я, Виктор Павлович, по делу Залецкого...

– Да-да-да! Про йети! Помню-помню! Просто фантастика! Изложите кратко.

– Залецкий Артур Рафаэлевич, фамилия, имя и отчество – ненастоящие, подозревается в крупном мошенничестве: купля-продажа краденых квартир. Есть заявления двух бывших владельцев. Только они того, как без жилья оказались, – умом тронулись. Свидетели говорят, что пострадавшие сами, при них, дарственные на господина Залецкого оформляли. Причём опрошенные, причастные к этому делу, считают, что делали это будто под гипнозом.

– Так-так-так! Интересно! А сам подозреваемый как всё это объясняет?

– О! Господин Залецкий у нас вообще сочинитель, просто сказочник! Такое наплёл! Лейтенант возмущённо перелистнул страницу.

– Вот, из протокола допроса: «...нас, группу подростков из разных стран, привезли в горы. Я только потом узнал, что это где-то на Памире или Тянь-Шане. Одним словом, далеко отсюда находится секретная военная американская или английская база. Во всяком случае, говорили там на английском. Помещения были выдолблены в скалах и маскировались каменными глыбами. Нас держали в группе. Кормили, учили, даже дали почти военное образование. Только потом мы стали замечать, что быстро растём. Через пять лет некоторые мальчики вымахали почти под три метра. Мой рост тогда составлял 2 метра 20 сантиметров.

И вот однажды к нам просочилась информация, что наша группа считалась экспериментальной, на нас испытывали разные пищевые добавки, увеличивающие рост. К тому же проводили некоторые психиатрические опыты, в том числе и по внушению мыслей.-

После ночного совета часть из нас решила удрать из лагеря, а часть решила остаться в горах, по причине своего высокого роста. Мы связали немногочисленную охрану, завладели пищеблоком, медпунктом, складами, мастерскими и небольшим химическим заводиком. Одеты мы были в комбинезоны, сшитые из меха горных козлов, которых разводили тут же, на базе. Очень удобная и тёплая для местного климата одежда, хотя и напоминали мы в ней горилл.

Проводы были немногословны. Мы сидели в последний раз у костра на снегу и думали, что же с нами будет дальше. Часть из нас оставалась для того, чтобы состариться и умереть в горах, так как трёхметровый рост наводил панику и ужас на население долины. Их всё-равно бы перестреляли. Люди-гиганты, взращённые величайшими в мире горными вершинами, ещё безусые мальчишки, хоронили себя среди каменных глыб, льда, снега и вечного покоя.

Мы же, двухметровые, которые могли ещё выжить среди людей, отправлялись в неизвестность. И многие нам завидовали...»

– Да, душещипательная история. Аж слёзки капают, – начальник не улыбался.

– Так я вот по его вине вообще целый роман написал,– лейтенант показал стопку листов. – А говорит, гад, заслушаешься. Не поверите, после каждого допроса по ночам не спал – думал, чем же закончится?

– Да, Иван Матвеевич, – подполковник задумчиво похлопал подчинённого по плечу. Гипнотизм – серьёзная штука... А листочки мне оставь – почитаю.

– Так это, Виктор Павлович...

– Я до завтра прочитаю. Потом и решим, как быть дальше. Идите.

– Слушаюсь. – И Мозговой вышел из кабинета со странным чувством, будто он что-то сделал не так.

А правда, со слов подследственного он впервые в жизни написал почти роман...

Его бы в редакцию какую-нибудь отнести, а не на стол начальнику милиции. Вот уж какого таланта он за собой не замечал – так это писательского. Следователь зашёл в свой кабинет и взволнованно сел за стол. Странные мысли роились в голове, какие-то совсем не милицейские, не юридические. Он снова мысленно перебирал все допросы этого необычного подозреваемого. Высокий рост, военная выправка, красавец –

девки за таким, будь чуть пониже ростом, просто табунами бегали бы. А говорит как складно – заслушаешься!

Но он-то, следователь, Мозговой Иван Матвеевич, причём? Просто старался писать слово в слово, увлёкся немного, добавил кое-что несущественное от себя. Но ведь получилось! Гипноз какой-то. Это надо же! Из следователя, прямо на допросе, писателя сделать! Лейтенант вдруг вскочил и стукнул себя ладонью по лбу:

– Боже мой! Что я там понаписал?!

* * *

Виктор Павлович Разумов возглавлял районный отдел милиции давно и считал себя мудрым и справедливым руководителем. Ему нравилось, что подчинённые иногда приходят к нему за советом, и он терпеть не мог, когда кто-нибудь из новичков порол горячку.

Открыв дело йети, или «снежного человека», как он про себя окрестил задержанного, подполковник задумался. Уж больно гладко написан протокол... уж больно складно...

Не ждал он от своего подчинённого такой прыти, такого дара. Творил прямо во время допроса подозреваемого! И конспектировал сказки кого?! – Обвиняемого в крупном мошенничестве! Вместо того чтобы задавать вопросы по существу! Не-ет! Что-то тут не так...

И Виктор Павлович стал вникать в рассказ подследственного.

«...В нашей группе, состоявшей из двенадцати человек, было две девчонки. Для нас они среднего роста – 2,40; 2,50, ничего так девчонки. Росли с нами, учились. И строевую подготовку вместе проходили. Особенно смешно выходило, когда они на занятиях по маскировке накладывали на себя грим.

Это были Роуз и Сан...

Роуз – голубоглазая, с пухлыми губами и пышной копной золотистых волос. Когда ей исполнилось 14 лет, и она была ещё нормального роста, на неё заглядывались все охранники.

Сан – рыжая, кареглазая и в конопушках. В подростковом возрасте она отличалась вздорным и задиристым характером. Но мальчишки ей всё прощали.

Мы, ещё будучи детьми, любили надевать на себя маски животных. И в козлиных комбинезонах со звериными рожами иногда устраивали шабаш у костра. Охрана над нами потешалась. Но нам разрешалось так иногда шалить, ведь мы для них – дети.

Часто мы слушали тишину гор, созерцали белую и недоступную чистоту мира, прикасались к ледяному равнодушию скал.

Идти нам было некуда. Нас никто и нигде не ждал. Мы – сироты, собранные из разных стран неизвестно для чего. И наша группа – наша родня. А горы – наш дом.

Роуз... Роуз красивая... Мальчишки были в неё влюблены. А Вульф даже сочинил для неё песню. Он спел её вечером под гитару, и Роуз так смешно покраснела.

А ребята потом начали смеяться над Вульфом. И он тогда поклялся никогда больше не сочинять песен. Но без его песен – скучно. И он всё равно их потом сочинял.

Самым сильным и крепким в группе был Вайт. Белоголовый, мускулистый юноша с упрямым характером. Ему всегда давали дополнительные физические нагрузки, может, потому, что он немного старше нас, и командовал группой.

Вайт не мог не заметить Роуз. Ребята шептались, что ему она даже снится по ночам. Но мы были тогда в таком возрасте, что скрывали свои чувства.

– Сан, пригнись немного – тут арка! – Роуз оглянулась на подругу, которая послушно присела на корточки.

Они оказались в длинном осыпающемся, плохо укреплённом коридоре. Гора богата полезными ископаемыми, и здесь у подросших мальчиков в шахтёрских касках проходили занятия по геологии. Но сегодня был не их день.

Роуз шла впереди и светила фонариком под ноги. В этом штреке много разноцветных красивых камешков. Сан горстями собирала их в пакет.

– Яшма! Нефрит! Ой, Роуз, смотри – золотой самородок! Только жаль – маленький! Вот бы Вульфа попросить колечко сделать! Я сама нашла!

– Да погоди ты! – Роуз озабоченно обшаривала лучом стены. – Ребята говорили, что недавно нашли малахитовую жилу – до самого потолка.

– А! Тебе нравится зелёный камень, я знаю, – Сан завязала пакет, – так Фокс сказал, что это новые разработки, значит, в самом конце.

Девочки шли медленно, смотря под ноги. Пугал даже звук собственных шагов.

– Мы так медленно идём... Нужно побыстрее, а то нас искать скоро будут, – торопила Сан.

– Вот, смотри! – и довольная Роуз осветила стену. Большая, с прожилками, зелёная глыба искромсана отбойными молотками. Куски малахита небрежно рассыпаны на полу.

– Ух ты! Как много! – удивилась Сан. И девочки начали перебирать камни. Роуз выбрала три куска покрупнее весом с килограмм и осторожно положила их в заплечный мешок.

– Всё, идём, – Роуз накинула самодельный рюкзак на плечи.

Обратно девочки шли быстро, пугаясь темноты за спиной. Казалось, она догоняет и пытается затянуть их обратно. Подруги успокоились только у выхода, увидев электрическое освещение.

– А что ты будешь делать с малахитом? – полюбопытничала Сан.

Подруга, подумав с минуту, смущённо ответила:

– У Вульфа скоро экзамен – посвящение в воины. Я обточу камень на станке и посажу на него маленькую бронзовую ящерицу. Мне дядя Ральф поможет, я договорилась. Вот и будет у Вульфа память. Посмотрит на ящерку – и меня вспомнит.

– Ай-яй-яй! С тобой всё ясно! – многозначительно протянула Сан. – Ну, а зачем тебе тогда три куска?

– А вдруг сразу не получится? Я же не мастер. Только это пока секрет.

И Сан кивнула.

Вульф проходил курс испытаний на «отлично». В горах действуют тихо, опасаясь лавин и оползней. Поэтому ребята профессионально стреляли из луков, арбалетов и метали ножи. Вульф попадал в цель со всех попыток и из любого положения.

Следующим этапом глубоко в горе проводился отдельный зачёт по применению огнестрельного оружия. Но и его молодой воин прошёл просто блестяще!

– Йо-хо-хо! – кричали довольные ребята, вываливаясь из пещеры и подбрасывая снайперские винтовки. – Ну молодчина, Вульф! Ай да «серый»! Так держать! – ребята хлопали товарища по плечу и спине, пожимали руку, выражая своё одобрение и признание первенства в честном состязании.

Вульф нашёл глазами Роуз и улыбнулся ей одной, от чего девушка смутилась. Однако взгляд заметила не только она. Командир Вайт в раздражении щёлкнул затвором и резко отбросил винтовку за спину. Кровь бросилась парню в голову, он сжал зубы и отстранённо окинул взглядом триумфатора:

– И чего она в нём нашла!? – раздражённо подумал он. – Ведь он балабол, песенник, да и ниже её на голову! Вот уж правда – никогда не знаешь, что у женщин на уме...

Экзамен по альпинизму и маскировке принимал опытный инструктор, сам в недавнем прошлом именитый и авторитетный спортсмен.

Когда Вульф, спустившийся в небольшое ущелье, вдруг оказался на склоне напротив и помахал синим флагом, болельщики дружно захлопали в ладоши. И Роуз, ощутив камень за пазухой, тот самый драгоценный кусок малахита, вдруг испугалась: вся её затея показалась глупой и ненужной, как неожиданный дождь, после которого склоны покрываются ледяной коркой. «Какая же я дура! – подумала она – Нужен ему больно мой сувенир. Как будто я – ящерка! Ничего себе ящерка – под три метра ростом!» Роуз вдруг отвернулась от ребят. «Выброшу распроклятый малахит – и всё тут!»

Вечером состоялся шутливый обряд «посвящения в воины», придуманный специально для Вульфа. Он был всеобщим любимцем, поэтому ребята расстарались. Приготовили много шуток, розыгрышей, приколов и подарков. И, как обычно, самый торжественный момент – награждение будущего воина именным оружием – новенькой, блестящей от смазки, снайперской винтовкой.

Свой подарок, завёрнутый в бумагу, Роуз положила в общую кучу, однако Вульф заметил.

А потом пели песни под гитару, и, соревнуясь, рассказывали страшные истории про оживших мертвецов, оборотней и духов гор. В очередной раз Вульф увлёк всех легендой о Чёрном Альпинисте:

– Два друга-альпиниста влюбились в одну девушку, любительницу горных вершин. Втроём они прекрасно проводили время и после сезона вернулись в город. Но потом, в городе, девушка выбрала одного и вышла за него замуж. На следующих сборах два друга снова вместе, только девушка, будучи в положении, не смогла поехать в горы. А неразлучная пара альпинистов снова ходила в одной связке. Но однажды счастливый молодожён провалился в расщелину. Он повис на страховочной верёвке и уже чувствовал под собой холодные объятия бездны. Друг наверху закрепился на небольшом каменном уступе и изо всех сил пытался вытащить его к себе.

Но вдруг нож блеснул у него в руке. Он дрожал, обливался холодным потом. Зависть к более удачливому сопернику оказалась сильнее дружбы. Он обрезал верёвку и похоронил бывшего товарища в каменном мешке. И все поверили в несчастный случай. Вернувшись домой, он женился на вдове бывшего друга и стал воспитывать его сына...

Но с тех пор в горах стали встречать Чёрного Альпиниста: одним он помогал – указывал верную дорогу, другие утверждали, что увидеть его – к несчастью. А старожилы говаривали, что он ищет подлецов и злодеев, чтобы разделаться с ними. Поэтому в горы нужно ходить с чистым сердцем и светлыми мыслями.

Вульф замолчал, а ребята увидели, что притаившись за камнем, их болтовню слушает сам Чёрный Монах... Он жил отшельником в дальней пещере и считалось, что он охраняет отряд – сердитый старик, всегда одетый в чёрный балахон мехом внутрь. Никто не знал, как его зовут, но по аналогии с Чёрным Альпинистом, смышлёные подростки за глаза прозвали его Чёрным Монахом.

Он занимался с ними гипнозом и был вовсе не страшным стариком, но имел неприятную

манеру подслушивать, подглядывать и шпионил даже за охранниками.

Стояла холодная звёздная ночь, и горы, казалось, тоже внимательно слушали нашу полудетскую болтовню.

Снежные вершины, как седовласые старцы или рыцари в блестящих шлемах, придвинулись ближе, окружили тесным кольцом небольшую площадку, где мы сидели. Голоса постепенно затихли, будто их поглотила немая ночь. Темнота сгустилась. И мы с трепетом слушали тишину.

В такие минуты, перед лицом Вечности, часто думается о бренности своей жизни. Ты чувствуешь себя козявкой, занесённой ветром в горы, в неизвестно какую страну, неизвестно к каким людям. И, думаю, не я один мысленно возвратился в детство, в семью. Мы мало знали друг о друге, нам не разрешали предаваться воспоминаниям, но кое-что запомнилось.

Вульф был испанец. Жгучий брюнет с горящими чёрными глазами, он играл на гитаре всегда, потому что так умел его отец, его старшие братья. С ним не скучно. Он сочинял песни даже на английском. Роуз – из Прибалтики. Командир Вайт говорил на немецком. А гибкий, изворотливый Снейк был китайцем. Ну а я, ваш покорный слуга – Бё, сбежавший детдомовец из России. Мать умерла от рака, бабка от старости, отца не помню...

Воспитание в отряде было не очень-то и суровым, так, – учёба, физподготовка, труд. Однако ни к табаку, ни к спиртному нас не приучали. В здоровом теле – здоровый дух... Смущал только наш буйный рост – да и то сначала мы этого не замечали.

* * *

Через неделю, как-то после ужина, Вайт жестом приказал Роуз следовать за ним. Они чуть спустились по склону и пошли влево. Роуз за столько лет изучила каждый камешек, каждый выступ, впрочем, как и ребята. Они удалялись из лагеря, и недоумение девушки возрастало. Она смотрела на широкую спину могучего, уверенного в себе молодого мужчины и с удивлением чувствовала себя робкой и покорной.

Он остановился на любимой всеми, уютно обустроенной ледяной площадке. Повернулся и заглянул ей прямо в лицо, отчего девушка не смела поднять глаза.

– Мне сказали, тебе нравятся малахитовые сюрпризы? – и она уловила в его голосе насмешку. – Может, тебе больше понравится это, чем необработанный камень? – и командир небрежно вытащил из рукава малахитовое колье. Аккуратно выточенные подвески держались на самодельной металлической цепочке.

«У дяди Ральфа всё равно лучше получается,» – подумала Роуз, но, не смея перечить командиру, взяла подарок.

Они сели на специально выдолбленную ледяную скамейку. Роуз вертела в руках и разглядывала малахитовое колье. Её мысли улетели куда-то далеко в детство, где они с подружками листали уже потрёпанный, но первый в их жизни модный журнал. И она вдруг представила себя дамой в открытом бальном платье, в бриллиантовых украшениях. Она плыла, плыла куда-то, красивая, светлая, лёгкая...

– Извини, если что не так, я подучусь немного – потом что-нибудь из золота сделаю.

И командир заглянул ей прямо в глаза.

Вдруг красивая сказка кончилась. Девушка опять увидела себя трёхметровой гориллой в мохнатом козлином комбинезоне. Слёзы чуть не покатились у неё из глаз:

– Вайт, зачем мы здесь? Почему мы не спускаемся к людям? Почему так сильно растём? У Снейка рост уже под три метра! Нам что-то добавляют в пищу, да? Из нас делают супервоинов? А девушки-то им зачем? Вайт, скажи! Ты же командир – ты должен знать хоть что-то!

Роуз сильно волновалась. Она понимала, что задаёт вопросы, которые задавать нельзя, но, чувствуя расположение командира, продолжила:

– Я не понимаю до сих пор, почему мы не удрали раньше из пещер? С нами со всеми что-то не так, Вайт! Скажи хоть что-нибудь!

Командир грустно смотрел вдаль. Он сам размышлял об этом. Но не знал ответа... Стиснув челюсти, он жестом показал девушке, что нужно возвращаться. Она встала и пошла за ним: им нельзя много думать.»

* * *

– Вот черти полосатые! Так, глядишь, ещё и на какой-нибудь лагерь боевиков выйдем. Ещё и Шамиля Басаева, главаря чеченских бандформирований найдём... Хотя, конечно, причём здесь Чечня? Залецкий говорит – Памир, Тянь-Шань, – подполковник Разумов потянулся к зазвонившему телефону.

Звонили из прокуратуры. Интересовались тем, сем, в том числе и интересным подозреваемым. Виктор Павлович, конечно, сразу сообразил каким, но ответил расплывчато, мол, ещё ничего не ясно, мол, допрашиваем, обещал доложить, если что...

А у самого волосы дыбом встали, когда подумал, если что...

Закурив, он вызвал секретаршу, попросил кофе покрепче и включил настольную лампу. Ему, как читателю, не терпелось узнать – что дальше? Он весь уже мысленно находился в

этом военизированном подростковом лагере. Он переживал вместе с детьми. Он влюбился в Роуз. Он ненавидел Чёрного Монаха. И возникал единственный вопрос: это всё – зачем? Какой смысл? Кто и к чему готовил детей? Хотя да, уже не детей. А если действительно рассказ очевидца о том, как живут те самые неуловимые Снежные люди в горах?

Подполковник развернул атлас мира. К сожалению, карта была административной и старой. Но он нашёл в Таджикистане Памир. Нашёл и Тянь-Шань в Киргизии. Ага, и Китай рядом! А вот и Алтай. Может быть, перед ним приоткрылась вечная загадка гор?

Разумов продолжил чтение рукописи.

«...Весь следующий день Вайт ходил в обнимку со Снейком, и выражение лица у китайца было пугливо-удивлённое. Вечером Снейк, тихонько свистнув, отозвал меня к большому камню.

– Нужно посовещаться. Командир сказал, через час после отбоя сбор в старой расщелине. Только без шума, – узкие чёрные глаза загадочно блестели, и я понял, что разговор будет необычный.

Отряд поглощал ужин. А меня не покидало состояние гнетущего напряжения и ожидания чего-то ужасного. Так прошёл вечер.

* * *

Когда стемнело, со стороны девчонок, которые весь вечер опасливо жались друг к другу, стали слышны всхлипывания и невнятное бормотание. Они почувствовали напряжение, царившее в отряде. И мальчишки, сцепив зубы, молчали.

Роуз жаловалась Сан на свою разнесчастную жизнь. Сан слушала, и слёзы тоже текли по её конопатому лицу. Она размазывала их пальцами и пыталась улыбнуться. Наконец отряд, казалось, заснул, затих, угомонился...»

Виктор Павлович ел бутерброды, которые принесла секретарша, и запивал кофе.

Что дальше?

А дальше было о том, как Бё, от чьего имени шёл рассказ, скитался по горным тропам, обходя стороной кишлаки и деревни, питаясь только припасами, которые нёс в заплечном мешке. Бё казалось, что он одичал, разучился говорить, легкий пушок покрыл его щёки и подбородок. Но он, прячась от людей и карабкаясь по камням, продолжал свой путь.

И тут в кабинет постучали. Лейтенант Мозговой был очень взволнован.

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться?

– Обращайтесь, – нетерпеливо произнёс Разумов, допивая кофе.

– Йети сбежал! Честное слово, всю охрану загипнотизировал и – сбежал!

Старший офицер чуть не захлебнулся последним глотком кофе, уронил чашку на пол, которая, выписав на ковре зигзаг, укатилась в угол.

– Как так – сбежал?!

Испуганный и растерянный следователь только руками развёл, глядя оловянными глазами на командира.

– Вот так, сбежал...

– Уволю! Верхогляды, мямли, разгильдяи! Всех уволю! – разгневанный начальник схватил телефонную трубку, нервно набрал номер: – Алё! Охрана! Доложите что произошло!

А произошло следующее: йети Бё, оказывается, обладал силой гипнотического воздействия на окружающих, он говорил, что научился этому в горном лагере. Он воспользовался своими способностями, загипнотизировал охрану, и они попросту открыли ему все двери, так же он прошёл и КПП. Оказавшись на улице – он растворился в людском потоке. На этом сведенья о нём заканчивались.

Подполковник объявил розыск и устроил разнос подчинённым, особенно досталось лейтенанту Мозговому – как так, сочинительствовать на следствии?! Даже целый роман накатать? Или он, Мозговой, писателем работает? Лейтенант бледнел и краснел, но ничего не мог сказать в своё оправдание. В безрезультатных поисках прошла неделя. А ещё через неделю был обнаружен человек очень высокого роста, который сидел за кассой продуктового магазина, и все принимали его за кассира. Хотя, как показала проверка, по документам он продавцом не числился. При задержании был убит случайным выстрелом в грудь. Труп опознали, как сбежавшего йети.

Вот, собственно, история про снежного человека и весь его отряд. Записи, сделанные молодым следователем, засекретили. Они не были показаны более высокому начальству, а потом их просто утилизировали за ненадобностью.

И всё-таки йети существуют.

Хотите верьте, хотите – нет...

Андрей ДМИТРИЕВ

ПОДНИМАЯ СЕБЯ СО СТУЛА

Стихотворения

* * *

Здравствуй, мама!
Жизнь – как телеграмма:
зпт, зпт, тчк.
Посмотришь в окно с утречка –
хрустит бумага в пальцах жухлых,
тянутся чёрные строки, но – ух как –
хочется между строк
прочесть и иной итог –
увидеть обычное чудо –
не то, что в треугольнике прячут Бермуды,
не то, что срежиссировал фокусник,
и даже не ворованный воздух,
втянутый бронхами особого свойства,
а просто –
блистательный мир,
где среди всех его язв и дыр
есть вечно открытая дверца
для живущего нараспашку сердца...

Здравствуй, мама!
Сколько ни мыла ты раму –
льнут к ней пыль да зола,
и разводы на стёклах, знать,
останутся признаком несовершенства.
Впрочем, солнце по кругу шествует –
работает механизм –
несмотря на лязг, а порою на визг –
даёт нам силы свои центробежные.
Солнце – хлеб, испекли – не режьте его,
при этом не обнеся никого
за общим столом и молоко
подливая в белые кружки.
Вроде, теплей. Помню: вчера была стужа –
сегодня вон как
буйна листва и пичуга щебечет звонко...

Здравствуй, мама!
Да, я всегда был упрямым –
у меня и волос такой –
не пригладишь рукой...
Но повод упрямства – любовь,
любовь к тому, что до треска лбов
старается стать осмысленным,
любовь к цветению против шерсти – с риском
осыпаться в пух и прах,
любовь к пространствам, в которых – ах! –
можно кануть и выплыть
зеркальным карпом, а это уже есть выбор.
Любовь, любовь, любовь...
Мама, хочется обратиться вновь –
услышать твой голос,
почувствовать крови зов,
пока это счастье не раскололось,
переместившись в сон...

* * *

Я маленький –
я не умею плавать,
читать, писать,
кататься на коньках
и на велосипеде,
компьютер для меня ещё загадка,
хотя надежды нет,
что лишь пока.
Я не умею
выбирать друзей,
летать подобно птицам,
верить людям,
так строить из песка,
чтоб на века,
иголку находить в стогу
без помощи магнита
и электронных чудо-агрегатов,
шить из крапивы
модные рубашки,
варить для ресторанов
суп из топора...

Я маленький –
мне не дано ещё
спасать миры
и строить бизнес-планы,
большую зашибать деньгу –
да и копейки не поднять ещё, пожалуй,
с тропинки пыльной,
не дано познать
судьбу вразрез,
стезю – в анфас и в профиль,
природу – даже незатейливых вещей,
как тёртую науку соответствий...

Я маленький –
и Гоголя шинель
так скроена по мне,
что сердцу тесно,
и хочется стать серым воробьём
среди сплетений проводов

и чёрных веток.
Я не умею
быть на высоте –
смотреть оттуда правоверными очами,
в которых центр тяжести – прицел.

Я маленький –
я меньше муравья
на пальцах,
что срывают землянику
с зелёных стеблей.
Вырасту ль,
смогу ль
сравняться с кем-нибудь,
поднявшимся до роста
взирающего сверху человека?

Взросление души –
игра теней,
и в каждом случае –
попытка доказать
себе же самому,
что детство –
это робкий опыт
уже освоенного реализма,
но со двора зовут,
и снова ждёшь,
что на десерт получишь
дольку сказки...

* * *

Вспоминается Балаклава:
давнее лето – ещё ни гроз, ни войны,
листьев зелёная лава,
у пристани – плеск волны,
лодки – будто гондолы –
не по виду – по сути, руины
средневековых башен, долго
служивших здешним воинам-властелинам,
тихая бухта с итальянским подтекстом,
ресторанчики рыбные, кошки вдоль пирса –
и так хорошо-хорошо – словно в детстве,
когда мы из сказок ещё не выросли.

Смотришь на фотографии –
греет душу солнечный зайчик.
Пусть не озеро Чад с изысканными жирафами,
но всё-таки однозначно –
обетованный угол –
в тени цивилизации,
сшивающей грубо
стальными пальцами
рваные кромки реальности –
лишь бы прочно держалось.
Горизонты к ночи алыми станут,
да не все открытыми – вот жалость...

Жили у заезжих художников
в маленьком домике.
Делали овощное рагу, по прихожей
разнося ароматы и доверху
наполняя бокалы крымским.
Смотрели «Золотого телёнка»
в парке: мы – два туриста
и киномеханик-бармен, а вдалеке тусовка
фальшивила под караоке,
темноту будоража огнями.
Наблюдали, как летучие мыши ловко
мельтешат то и дело над нами...

Когда это было?
Эффект выпавшей на пол закладки.
Помню лишь: бурые пряди ила,
виноград – приторно-сладкий,
наслоение разных эпох,
мозаика сотен этносов
и над скалами – лучезарный бог,
шепчущий: и вот это вам – вот это всё...

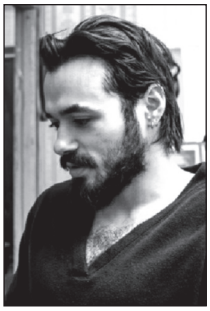
* * *

Вокруг – то стройки,
то – парки,
то – крылья сойки,
то – утиль в мусорном баке...
Город растёт –
катится сквозь березняк
на шариках-роликах, евроремонт
проповедует – шпатель доступных благ.
В экологически безопасной
зоне. Здесь можно выгуливать пса,
в ста метрах от дома жарить колбаску
и шашлыки, разглядывать небеса,
а в них – воздушного змея,
собирать луговые цветы,
на семнадцатом этаже имея
вид на эти луга с высоты...

Выключатель – вкл/выкл,
считалочка – шишел-мышел,
ночью темно – хоть веткою фару выколи,
а всё же сам – почти Пришвин,
убаюканный соловьями.
Окраина – окарина –
свистелка, что ветер славит,
ласкающий кроны игриво.

Но лет через двадцать
небось – заборы, заборы,
ограды, бетонные резервации,
лета зелёные коридоры,
подстриженные под ноль
газонокосилкой, пыли серая моль,
столбы – оси времени, орды
автомобилей, инфраструктура,
где б человек звучал гордо,
поднимая себя со стула...

Лев ПРОТАСОВ



ПЕЩЕРА

Роман

Комплекс спасителя – это явно не индивидуальный мотив; это распространённое по всему миру ожидание...

Карл Густав Юнг

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Диана

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дыхание

– Дождь идёт?

Голос звучал совсем тихо – шёпотом вырывался из слипшегося, почти неподвижного женского рта. Его обладательница, сухая и бескровная, томилась в кровати, наглухо, до подбородка закрытая одеялом. Окна в комнате тоже были закрыты, и тоже наглухо.

Тучное одеяло стелилось ровно и лишь в некоторых местах едва горбилось складками, словно согревало не живую плоть с запечатанной в ней душой, а плоский скелет, лицо которого и голова почему-то до сих пор не утратили покровов. Лицо это было горячее, с лихорадочным румянцем, блестело от жирного слоя пота, ужасно худое и совершенно белое там, где синюшный румянец не распространился – даже губы белые. Глаза женщины утратили прежний цвет, роговица распалась, смазалась, растворилась от жара. Отрешённое, неживое выражение иногда сменялось крайним беспокойством – в эти мгновения возвращался разум. В остальное же время разум блуждал где-то поблизости: обследовал просторы города, от закоулка к закоулку, от пустыря к пустырю, минуя канавы и рваные ямы, через повсеместное запустение, бесхозность и заброшенность, считал волны на беспокойной поверхности реки, а может быть – кто знает – устремлялся в жадное небо и дальше, дабы спросить, не пора ли наконец покинуть бессильную насовсем.

Нет, не пора – отвечали.

Комната, где покоилась мученица, была зашторенная, вся напрочь закупоренная и оттого тёмная. Воздух как будто кончился – не продохнуть. Кроме койки, обстановку дополняли низенький прикроватный столик с двумя чашами и табурет в дальнем углу – всё потрёпанное.

Запах. Был ли в комнате запах? Да, и весьма сильный, так что никакой не представлялось возможности от него отвязаться – сырости, пота, болезни, дурноты и тошноты; он был настолько назойлив, что как будто примешивался к мыслям, нарушая стройное их течение.

У самой кровати расположился тощий мужчина с длинными конечностями и обострёнными, неправильными чертами. Узловатые черты эти выдавали нервозность. Взгляд, пепельный, прожжённый, беглый и одновременно впивающийся, дырявил лицо больной.

В помещении, словно подчиняясь негласному указу, сгустилась непроницаемая тишина, нарушаемая лишь бессмысленными вопросами, и всё в комнате – завешенные окна, табурет, столик, сгорбленное одеяло – эту странную, тягостную тишину старалось соблюдать. Если какая-нибудь доска в полу вдруг нечаянно гудела, то, умолкая, тут же оттенялась, пропадала из виду, как бы пристыженная.

Нервозный мужчина редкие вопросы больной вовсе не слышал, а если и прорывалось что-либо сквозь пелену безмолвия – отвечал сухо, всё больше шёпотом, боясь потревожить некую сущность, ему самому неведомую. Ответы оттого выходили либо невпопад, либо чрезмерно грубо.

– Нет никакого дождя. Это тебе так слышится.

Женщина хотела улыбнуться, но странная онемелость не позволила.

– Жаль...

Она прикрыла бесцветные глаза, сделала тяжёлый, надрывный вдох и – тут же, без остановки – выдох, хриплый и скользкий, как бы выскальзывающий из горла.

А мужчина в комнате вслушивался в её дыхание и ощущал, как этот влажный свист заполняет сначала его голову, а потом и всё помещение целиком, желая разрушить, поглотить, насытиться, и не в силах насытиться.

– Я хочу дышать, – сказала женщина, едва ли заботясь о том, чтобы быть услышанной, едва ли понимая, что говорит теперь вслух. Сознание в очередной раз ускользнуло от неё, стремясь к вожделенному небу.

– Что?

– Дышать.

В отдалении что-то тихонько скрипнуло, дёрнулось, но никто не обратил внимания на посторонний звук. Минуты шли одна за другой, наслаиваясь друг на друга и образуя подобие вечности, и ничто не могло разрушить размеренно-удушливой атмосферы.

Вдруг несчастная пришла в себя, окинула комнатушку осмысленным взором и хрипло спросила:

– Утро сейчас? Или вечер?

– Утро.

– Так... кислятиной воняет.

– Хочешь, я окно открою?

Ответить женщина не смогла – она сделалась беспокойной, высвободила левую руку, тоненькую, как древесная ветка, стала слепо шарить по своему горлу, по груди, будто искала чего-то. Голова её против воли повернулась набок, окатила подушку волной слюны и пены, дважды дёрнулась и замерла, заставив шею противоестественно, на излом, согнуться.

– У тебя опять судороги. Я ещё раз схожу за врачом.

– Не нужно.

Вдох – ды... Выдох – ша...

Комната – дышащая тварь.

– Их ужасно много, этих тварей, – больная подверглась нападению шейной судороги, однако продолжила, дрожа и извиваясь, подобно змее на горящих углях. – Все они внутри, во мне. Все эти твари.

– Успокойся, хорошо?

– Нет, послушай! Я порой спрашиваю их: «Кто вы?». Знаешь, что они отвечают? Они говорят: «Единость», потом говорят: «Множество», потом: «Ты, ты сама». Понимаешь, во мне есть что-то... кто-то неведомый. Тьма.

Тьма. Последнее слово она произнесла с бешенством, с нестерпимой ненавистью, всем телом подавшись вперёд.

Замерла. Рухнула головой на подушку, залитую пеной, и навечно умолкла. Разум теплился в её глазах ещё несколько секунд, затем устремился ввысь, как ему того хотелось, или отправился в небытие.

Появился врач, человек сгорбленный, престарелый, осмотрел пациентку, подтвердил ненасильственную смерть и забормотал:

– Сестру вашу сейчас унесут. А она уж не мучается – ей хорошо теперь, покойно. Вы об этом подумайте. Больше ни о чём, ни о чём думать не следует...

– Ведь её так же... как остальных?

Врач поглядел недоумённо, пролепетал что-то вроде извинений, так что мужчине пришлось уточнить:

– В печь?

– Иначе никак, Андрей Михайлович, иначе никак нельзя...

– А что же... панихида? Разве не полагается?

Врач замялся.

– Говорите смело, чего вам! Боязно, что ли?

– Вы, разумеется, можете пригласить отца Тимофея – это здешний священник. Почтенный старец, правда, знаете ли, несколько слеп да, поговаривают, безумен. Только в церкви никак невозможно.

– Почему?

– Гниют они в церкви-то. Хиреют, – доктор опасливо огляделся, сделал многозначительное выражение лица, будто намекая на какую-то никем не замеченную очевидность, и поспешил вернуться к усопшей.

Андрей Михайлович последовал за ним. Отбросил одеяло, увидел посреди обнажившейся койки жёлтую, плетёную куколку, бывшую некогда живым человеческим телом, и принялся это тело слепо, в беспамятстве, разглядывать – не видя, но и не смея отвести взгляд.

Мёртвую вынесли во двор. А он всё глядел в опустевшую койку – оторваться не мог от этой пугающей пустоты.

Мерзко. Всё расклеилось, разлилось, расхлябалось. И, в конечном счёте, развёрзлось под ногами, обнажив очевидность этого мира. И всё – расклеенное, растворённое – в этой пустой койке. И весь мир, целиком – в корке засохшей слюны на влажной, серой от пота подушке...

Очередная жертва смертоносной лихорадки, свирепствующей непонятно отчего в здешних краях. В этот день наверняка кто-нибудь ещё попадёт в печь... или уже попал, сгорел дотла и теперь приветственно кричит сестре из самого жерла: «Не бойся, ты не одна!» Но крик его не слышен, не различим в столбах чёрного, зловонного дыма. И что это за лихорадка такая? Начинается с нервных припадков, затем отбирает способность двигаться, перекраивает тело на собственный лад, невозможно сушит, поражает горло страшными язвами и, наконец, изгоняет из тела душу, устанавливая своё долгожданное господство. Не иначе, чертовщина...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Зачатие (предыстория)

1.
Лигнин

Андрей Михайлович Лигнин приходился покойной сводным братом по отцу. В детстве он даже довольно долго испытывал к сестре определённые чувства, но, разумеется, это не имело никакого продолжения.

Это был низкорослый человек с каким-то совершенно нескладно скроенным, угловатым и узловатым туловищем, длиннющими руками и заострёнными чертами лица. Теперь ему тридцать с небольшим лет, и при столь тщедушной комплекции он мог бы, пожалуй, выглядеть моложе своего возраста, но вдумчивый взгляд из-под отяжелевших, как бы налитых век, всегда выдавал истину.

Лигнин работал горным инженером, и когда пять лет тому назад в одной удалённой пустоши, на северо-востоке, в краю лесов и болот обнаружили месторождение угля – его пригласили для проектирования шахтных подъёмов. При этом оговаривалось выделение жилья как для него самого, так для многочисленного семейства, на тот момент состоявшего из втайне любимой сводной сестры, Анечки, двух родных сестёр, весьма капризных да неугомонных, матери (мачехи для Анны) и отца. Отец, правда, всё

время чем-то болел и потому до переезда не дожил.

Его в безумной спешке похоронили и отправились в захолустный городок, дабы не потерять полученное жильё. Городок был совершенно серый, убогий, для будущих шахтёров в нем понастроили тесных бараков, но ничего толком не обустроили.

Лигниным, впрочем, повезло больше – им достался хотя деревянный, но вполне просторный двухэтажный дом со всеми удобствами. Жилые комнаты – все, кроме той, что принадлежала самому Андрею Михайловичу – располагались на втором этаже. Первый же занимали, по порядку от прихожей, слева – кухня, кладовая, нужники, справа – несколько тесных помещений, назначение которых остаётся невыясненным, да вот ещё одна жилая комната, наиболее просторная из всех и доставшаяся единственному мужчине.

На второй этаж вела лестница, которая сильно кренилась вправо, как бы заваливаясь набок. Однако она почти не скрипела и не имела повреждений вплоть до февраля текущего года, что при здешней сырости, губительной для деревянных построек, весьма почтенный срок службы.

Кроме жилища Лигниных, поблизости было разбросано ещё несколько десятков бревенчатых построек для будущих шахтёров, а также старые избы коренных жителей.

В дальнейшем предполагалось расширить поселение, изрезать транспортной сетью и соединить таким образом с местным административным центром. Центр же представлял собою весьма развитый Город, к западу от реки. Столица хаоса, безумия, технического роста, человеческого вырождения – в общем, самый обыкновенный крупный город. Удивительно только, почему этот каменный гигант, как кровеносными сосудами перевязанный электропроводами, не поглотил те крохотные, убогие поселения, что, подобно назойливым мухам, окружали его со всех сторон.

Красив был Город и необъятен: огни его вокзалов и ночных улиц ослепляли всякого неподготовленного зрителя, толпы снующих по улицам людей поражали воображение, а окна исполинских зданий, бесподобных с точки зрения архитектурного гротеска, глядели прямо в небеса, словно им не терпелось вызвать небожителей на поединок. Поединок, раз навсегда определяющий, кто же людям нужнее – они, горделивые камни, порождения рук человеческих, или неопределённые сущности, страданием, бессилием сотворённые**[1]** , один внешний вид которых не внушает ничего, кроме ощущения хилости и непростительной беспечности...

2.
Отец Тимофей

Селение, куда прибыл Андрей Михайлович с матерью и сёстрами и коему в скором времени предстояло сделаться шахтёрским городком, находилось на берегу реки, в некотором отдалении. Река, кажется, нередко разливалась, приносила разрушения, но такая участь грозила лишь деревням, расположенным на другой стороне (там всего только одна деревня, в роковой близости от берега, вверх по течению). Здесь же место было возвышенное, потому вполне безопасное.

И хотя многие здания соорудили только тогда, пять лет назад – существовало поселение и раньше, нищее, убогое, задавленное традиционным укладом. Оно возникло вокруг монашеской пустоши, некогда священной да, поговаривают, наделённой исцеляющей силой. Сам монастырь, правда, уже полвека как сожгли, но церковь, к нему прикреплённая, стоит до сих пор.

Церковь была каменная, от времени серая, необыкновенно изнутри просторная; устройством нефная**[2]**, в виде прямоугольника с устремляющимся на восток закруглённым выступом, внутри которого размещался алтарь. Вокруг всех стен громоздились арочные галереи, сверху крытые, во многих местах порушенные, истерзанные дождевой водой, эрозией камня и оттого обрисованные незатейливым узором трещинок, звёздочек, язвочек. Из сердцевины храма вырастала шатровая колокольня, увенчанная золотистым куполом – её, вероятно, пристроили позже, потому как она совершенно не вписывалась в архитектурный стиль здания. Такие же купола, только меньше в размерах, украшали все четыре угла здания, удобно примостившись на коротеньких, округлых башенках с птичьими оконцами. В стороне, у самого края церковного двора, огороженного кирпичным забором, распласталось около двадцати, может, чуть меньше, могильных плит, без крестов, без памятников – под ними почивали основатели храма, первые послушники канувшего в лету монастыря. Сквозь кирпичный забор имелось три входа: две неуместные, хлипкие калитки да массивные ворота чугунного литья.

Чужаков, предпринявших попытку наладить здесь добычу каменного угля, эта цитадель древности пугала. По вечерам, изуродованная шаловливой игрой света от заходящего солнца, и позже, ночью, располосованная неверным, мерцающим светом луны – она напоминала невероятных размеров чудовище, а узенькие оконца, причудливо оттенённые лунными бликами, выглядели как ощерившиеся пасти, напоказ выставляющие острые, крестообразные клыки. Чужаки старались отогнать этот страх, неведомый, первобытный, но безуспешно. В конечном счёте им приходилось как можно раньше забываться сном, прислушиваясь к волнообразной тишине. Такими ночами (то есть во всякую почти ночь) им казалось, будто место действительно обладает магической силой, и сила эта стремится прогнать непрошеных гостей.

Заправлял храмом отец Тимофей, человек старый, как всё в пустоши, медлительный, флегматичный, уже тогда почти незрячий. Сама церковь с её кладбищем, широким двором да скудным имуществом принадлежала епархии, однако архиерею, данную епархию возглавлявшему, никакого не было дела ни до конкретно этого столпа православия, ни до прочих разбросанных по левому берегу одиноких да умирающих. Потому когорта благоухающих, прилизанных служителей нижнего звена отсутствовала

– службу, таким образом, нёс единственно отец Тимофей. Сознание его постепенно мутилось, темнело; силы иссякали, однако все их остатки он безвозмездно отдавал делу, которому был предан – прославлению, обереганию Бога, столь бесцеремонно потревоженного приезжими, а также, по возможности, приобщению к вере новых последователей – в лице случайных прихожан, сумасшедших проповедников, людей, сломленных горем, надломленных болезнями.

Про отца Тимофея местные говорили, будто он сумасшедший. Впрочем, над болезнью его, вызванной старостью, не смеялись, даже наоборот, воспринимали как нечто печальное, противоестественное и крайне нежелательное – одним словом, пожилого служителя скорее жалели, а поступки, совершаемые им в периоды особенного помутнения, старались не замечать либо оправдывали. Да и, кроме того, ничего чрезмерно странного, агрессивного священник не предпринимал; никаких признаков одержимости, указанных у Левия Матфея, за ним замечено не было (разве что потеря зрения, но этого едва ли достаточно) – так, расскажет иной раз о встрече с бесами или древней богиней Дианой, или Бахусом, постыдно обнажённым, но всё совершенно спокойно, не повышая тона, словно желая донести до слушателей тайный смысл подобных встреч, обратить внимание на детали, подробности **[3]**. Некоторые (весьма немногие) действительно пытались отыскать в откровениях Тимофея скрытое, спрятанное между слов нравоучение, однако до сих пор никто ничего не нашёл и ничего не понял – вероятно, намёк оказался неясным, а мораль слишком умело запрятанной. Большую же часть бывших и нынешних прихожан в качестве объяснения вполне устраивали домыслы о помутнении рассудка. Относились к старику с неизменным почтением, даже теперь – ведь, в конечном счёте, он совершенно не виноват в том, что многочисленные изломы жизни оставили в его мозгу повреждения. Стоит отметить, что, несмотря на все пересуды, значительная часть которых лепилась из воздуха, священника не покидали ни здравомыслие, ни накопленная за долгие годы мудрость. Что же до его видений – либо то было проявление неизбежного старческого бреда, либо дар божий.

Отец Тимофей был худощавый, высокий старец, с немного желтоватой кожей и жёлтыми же, как бы выжженными на солнце, волосами. Говорят, в молодости взгляд его обладал особой подвижностью, красотой и проницательностью – разумеется, вся эта прелесть давно угасла. Левый глаз почти полностью затянуло белой пеленой – пелена начала образовываться лет шесть тому назад, капельками собираясь у краёв разбитой, треснутой роговицы, и ныне превратила око в бездонный молочный колодец, в котором ни вечности, ни выражения – один блеск слепоты. Правый глаз оставался до сих пор зрячим, однако к пугливому зрачку подбирались такие же бледные щупальца, распарывая серую поверхность. Иеромонах, таким образом, видел крайне плохо, почти даже совсем ничего не видел. Труднее всего становилось различать оттенки, оценивать расстояния и размеры. Выходить на улицу он мог лишь в светлое время суток, у себя же в келье (так же, как в служебной части храма) ориентировался преимущественно по памяти, не желая разбавлять царивший там полумрак электрическим светом.

Тимофей практически всю свою жизнь прожил монахом – даже от соратников держался особняком.

Был внебрачным сыном одного поддавшегося искушению настоятеля и уличной девки, и такое происхождение, вероятно, доставляло ему в былые времена немало хлопот. С рождения обитал в детском доме, под негласной опекой отца своего, а по достижении четырнадцати лет был прикреплён к здешнему монастырю, опять же по желанию отца. В монастыре его приютили, взрастили, дали должное воспитание, обучили кое-чему, однако особенной благодарности нелюдимый юнец не проявлял – от окружающих веяло скорее не заботой, но холодом, надменностью. Праведные вообще впадают иногда в подобные крайности, почитая себя выше всяких богов. Здесь юноша впервые столкнулся с одиночеством, не подозревая, что оно станет его спутником до самой смерти.

По достижении зрелого возраста воспитанника постригли в монахи, против чего тот не возражал, и определили за ним место пономаря. Обязанности его оказались до крайности скудными (разжигать, подавать кадило, носить свечу и прочее), потому вскоре он сделался также певчим церковного хора, почти лишённый музыкального слуха и голоса. Ему без труда удавалось подражать другим певчим, так что он приноровился. Карьера будущего священнослужителя ползла вверх крайне медленно и, вполне вероятно, совсем бы остановилась на должности иподиакона, если бы не постигшее обитель разорение. Сам монастырь, как уже говорилось ранее, сожгли около полувека тому назад при невыясненных обстоятельствах. Церковь, стоявшую возле монастыря, оставили – голую, обожжённую, непригодную. Приверженцы христианства все как один сгинули, отыскав безутешный приют в иных обителях.

Тимофей никуда не бежал – наконец он мог наслаждаться общением с извечным спутником своим, грустным, но в некотором роде приятным.

По прошествии двух лет принялся постепенно, шаг за шагом, не тратя лишних сил, но и не проявляя лености, восстанавливать священное место. Два или три раза приезжал прежний епископ, с благословением, после наведывался его преемник, именем Теофил. Этот лицемерный человек, обладавший недюжинным интеллектом, невиданным умением плести всяческие интриги, необходимой властностью – вручил Тимофею митру. Так иеромонах, некогда считавшийся выродком, получил сан архимандрита [1] и был навечно забыт.

Былое величие пустоши так не восстановлено. Прозябание, выживание вопреки всему – с момента разорения, минуя высокие награды, минуя забвение, ненавистные шахты, последующий мрак, до нынешних дней, сухих, жарких дней в начале июня. Архимандрит не жаловался, всерьёз полагая, что

1) Архимандрит — один из высших монашеских чинов в Православной Церкви, соответствует священнику, награждённому митрой, в белом духовенстве.

такие напасти приближают его к Богу. Ну так что с того – сказано, каждому по вере.

В конечном счёте, несмотря на все перипетии, отец Тимофей действительно предавался своему делу со страстью, преисполненный надежд да сыновней любви. Ибо отцом его являлся единственно Бог – настоящий пожелал остаться неназванным. И матерью его, вероятно, можно считать одну лишь Богородицу, защитницу сирых, заступницу отверженных, – мать же по крови давно сгинула, пьяная, задавленная нищетой, нисколько не раскаиваясь и только жалея, что так дурно, так противно оно вышло...

Каждому по вере его. Так неужели каждому по вере его?..

Наконец мы лицом к лицу столкнулись с нынешним отцом Тимофеем – безвестным монахом, награждённым митрой, затворником и то ли безумным, то ли прозревшим старцем. Вспоминал ли священник о своём происхождении, потрясениях жизни прошедшей, тревожила ли его судьба родителей, так никогда им не увиденных?

О нет! Теперь он об этом не вспоминал.

Местные относились к священнику с должным уважением – по крайней мере, те из них, что обитали здесь испокон веков и сами теперь сделались старцами. Вновь же прибывших мало интересовали душевные порывы или проблема необратимого загнивания здешней религиозной ветви, но – залежи угля, но – сытость, но – бесконечное расширение, сметание любых преград на пути этого злополучного расширения, даже если в роли таковой окажется ветхая церковь, сооружённая в священном некогда месте за три или четыре века до их, ломателей, пришествия...

3.
Город

Ближе всего к заложенному городу располагалась деревня на противоположном берегу, на расстоянии что-то около восьми-девяти километров вверх по течению – пожалуй, самая крохотная, ничтожная из всех прочих. Ещё одна стояла как раз между предполагаемым населённым пунктом и главным Городом. И ещё две или три в северной стороне, на значительном отсюда отдалении. Большей частью то были деревни поселенцев, отправленных в ссылку либо после длительного заключения, либо за малые проступки перед обществом, которые не принято наказывать лишением свободы, да старообрядцев – если таковые ещё существуют. На враждебность местных ровно никакого внимания никто из вновь прибывших не обращал – считалось, что их собственная застройка впоследствии поглотит прочие селения с их убогим почитанием обычаев, примкнёт к Городу, и ничего прежнего, довлеющего над ними, не останется. Благодатная, сереброносная промышленная зона окутает прежнее чёрным дымом, окропит грязью, изваляет в пепле, вырвет, вырвет с корнем...

Первые постройки, в основном деревянные (впрочем, иногда руководство не скупилось на камень), нахально пялились своими скучными, скученными облицовками на мрачную церковь, ограждённую крепким забором и всё же неспособную укрыться от разрушительного невежества. Именно тогда отец Тимофей в припадке ярости заколотил дубовыми досками все окна своей обители, чтобы ни одна живая душа не могла потревожить заключённого в ней Бога. В церкви сделалось темно, как в склепе (она, в сущности, всегда напоминала склеп), и прихожане исчезли... на несколько лет, до самой весны нынешнего года.

Наконец, когда городок разросся настолько, чтобы вместить в себя достаточное количество рабочих, приступили к сооружению надшахтных зданий.

Местные жители, понятное дело, стройки сторонились. В их громогласных, ядовитых восклицаниях сквозила ненависть. Говорили, что город сей, до неба вознёсшийся в собственном самомнении, когда-нибудь непременно низвергнется в ад, или вот: земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели этому новому смраду со своими глыбами и бесхитростными животными! Вероятно, под глыбами подразумевался уголь, к добыче которого только-только собирались приступить, или строительный материал, под животными – рабочие. Какой-то бродяга, не слишком запущенный, долгое время ходил по домам с вестью, будто бы в соседней деревне повстречал некоего провидца, и тот говорил: «Я уже вижу огненный столб, в котором сгорит новый город. Множество таких столбов родится, и даже людей огонь не пожалеет». Бродягу, впрочем, не слишком доверчиво слушали, а если слушали, то ничего не подавали, так что вскоре он прекратил свои проповеднические мытарства и даже – более того – бесследно пропал.

4.
Шахты

На северной окраине землю продырявили тремя неглубокими *шурфами*[2]. По кромке берега вырыли водоотливные каналы, сконструировали несколько многоканатных подъёмных машин для перемещений под землёй рабочих (это уже под чутким руководством Андрея Михайловича), принялись постепенно углублять ствол первой шахты, извлекая из неё порции почвы и грязи. Поначалу всё это сбрасывали в речное русло, однако когда уровень воды поднялся до опасной отметки, стали оставлять на берегу – так за месяц-другой образовался довольно высокий терракот. После окончания работы его предписывалось разровнять, но почему-то никто не захотел тратить на исполнение данного предписания ни силы, ни время – он и до сих пор высится на берегу, слегка обветренный, усевший метра на полтора-два.

Прошло полгода или около того с момента приезда Лигниных, когда все три рытвины на разной глубине достигли наконец месторождения. Сам город вырос ненамного, а после того, как наладили поставку угля, расти перестал вовсе – все средства направлялись на техническое обеспечение шахт, дальнейшее их углубление и найм новой рабочей силы.

2) шурф — вертикальная неглубокая горная выработка с поверхности земли.

При прохождении ствола второй шахты с самого начала возникли осложнения в связи с большим скоплением подземных вод, потому к ней пришлось подводить систему водооткачки. Тогда почему-то не учли, что в здешних краях, влажных, повсеместно заболоченных, чрезмерная сырость может принести немало хлопот.

Тем не менее, проблема была решена, и три года назад, после безупречной работы предприятия, обнадёженные столичные власти выделили некоторую сумму на строительство дробильно-сортировочной фабрики. И строительство тут же началось. Довольно быстро вырыли котлован, залили фундамент, сделали первый ярус, но до второго так никогда не дошли вследствие внезапно начавшихся по весне ливней.

Бороться с яростным потоком, обрушившимся на мир и в течение нескольких суток затопившим стволы всех трёх шахт, не представлялось возможным. Работа прекратилась до середины августа. К тому времени один шурф невозможно размыло, и пришлось довольствоваться двумя оставшимися путями добычи. Но те были неглубоки, приносили угля гораздо меньше, чем пришедший в негодность (его называли «основной жилой»), а на восстановление, ясное дело, средств не нашлось – вложено, мол, в бесполезную фабрику.

Проект функционировал до октября, как бы по инерции, и полностью сошёл на нет после возгорания складских помещений, причины коего не установлены до сих пор.

На тот момент в обязанности Андрея Михайловича, по странному стечению обстоятельств, входило управление всеми рабочими бригадами. Дело заключалось в том, что, кроме него, высших чинов, равно как инженерных кадров, не осталось – почуяв неладное, они исчезли один за другим. Андрей же Михайлович, никогда ранее не занимавший руководящих должностей, повышением ужасно гордился, поручения, присылаемые из столицы в письменном виде, исполнял усердно, с необыкновенным рвением, не понимая того, куда всё катится.

Среди местных между тем вспомнили о сомнительном пророчестве – огненный столб и всё такое прочее.

Обстановка накалялась. Всякий день мог завершиться расправой деревенских над праздно шатающейся группой рабочих или наоборот. Из глубин человеческого сознания на поверхность выполз страх – двери в домах стали запирать; каждая жена дожидалась мужа с нетерпением, панически боялась, что он не вернётся, да грешным делом помышляла о том, как ей предстоит кормить детей и что с ними со всеми без защитника станется.

5.
Побег

Пожар на складах унёс восемь жизней. Через несколько дней опечаленному Андрею Михайловичу предстояло на общем собрании принести семьям погибших соболезнования и как бы невзначай объявить о решении властей закрыть предприятие, лишив работы порядка шестисот человек, шахты засыпать либо затопить. Андрей Михайлович предвидел неминуемые последствия такого решения и, кроме того, понимал, что рабочие непременно воспримут его как виновника выпавших на их долю бедствий.

Потому тем же вечером, то есть в день пожара, не дожидаясь рокового момента, он сбежал. Родне, оставшейся в шахтёрском поселении, отправил письмо, где сообщал о причинах своего поступка и приглашал сестёр вместе с матерью к нему присоединиться, когда те пожелают. Письмо получила Анна, но почему-то никому больше его не показала, приглашение не передала, а исписанный бумажный клочок отправила в печку. Впрочем, адрес брата она запомнила хорошо, и потому смогла впоследствии связаться с ним, приглашая на собственные похороны.

6.
Рождение

Рабочие бесновались недолго. Около недели после объявления о закрытии предприятия и роспуске всех бригад. Вопиющих случая было всего только два. Один раз пьяная троица посреди ночи вломилась в избу какого-то старца, из здешних жителей. Хозяина избили, престарелую жену не тронули; порубили топорами кухонный стол да грозились «самого так порубить, на куски» – не осмелились, ушли. В другой раз женщину убили, вдову. А впрочем, женщину-то убили много позже и совсем по иным причинам; на тот период, таким образом, один лишь случай разбоя насчитывается, и то неотягощённый.

Больше ничего, никаких беспорядков. Местные, кажется, прониклись к чужакам сочувствием, ведь им приходилось жить впроголодь, без всяческих средств к существованию. Сами чужаки большую часть времени лениво, бессмысленно слонялись по посёлку, не зная, куда приткнуться. Иные с тоской поглядывали в сторону фабричного скелета или в беспамятстве становились у края какой-нибудь из земляных ран и могли стоять так целыми часами, не желая ни шагать вперёд, в бездну, ни возвращаться домой (дома, по сути, такая же бездна).

Утихло. Улеглось. Присмирели. Многие разъехались, как изначально предполагалось, расползлись, подобно саранче, по окрестностям. Немало было тех, которые остались, из опасения потерять отведённое жилище.

Последовало несколько инспекторских проверок. Затем в поселении наладили кое-какой транспорт, открыли продуктовые магазинчики, мелкие предприятия услуг. Так застройка стала дышать самостоятельно, превратившись в небольшой городок, с ветхим храмом в центре, тремя разззявленными, зияющими чернотой глотками на северной окраине и, рядом, осыпающимся холмом невероятных размеров – вся память о неминуемых истоках. Шахтные стволы вскоре обратились в колодцы, из-за дождей. Колодца эти были нечистые, для питья непригодные, но по край-

ней мере скрашивали скучный пейзаж. Сразу за ними дыбилось нагромождение каменных построек – всё, что осталось от фабрики, подсобных помещений, хранилищ, обгоревшего склада. Ещё дальше, непосредственно за развалинами, обустроили кладбище.

Примерно тогда город обзавёлся весьма мрачным прозвищем, укоренившимся не только в обиходе поселенцев из соседних деревень, но также в сознании самих горожан. Руины на заднем плане, кладбище за ними и наглухо заколоченная досками церковь в самом центре этому новому имени даже слишком подходили.

Так появилось мёртвое Городище.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Рождение (далее)

1.

Так появилось мёртвое Городище. Ещё один представитель голодной своры, обгладывающей края здешнего Капернаума[3]. Впоследствии, именно же нынешней весной и далее, оно совершенно оправдало своё безрадостное название (впрочем, и до того сажей пристало – не отмоется).

Лихорадка началась в середине марта. Однако первый случай не только не восприняли как предупреждение об ужасной катастрофе, но даже и болезнью-то, в телесном смысле, не признали – так, некая женщина, именем Диана, от долгого одиночества сделалась сумасшедшей. Она была тридцатилетняя, довольно привлекательной наружности – вдова рабочего, погибшего в самом начале работ при возгорании угля на дне шахты. Детей не имели, да и прошло с тех пор гораздо больше времени, чем полагается на соблюдение траура, но ни мужа, ни даже любовника женщина почему-то не нашла. Потому помутнение рассудка, с ней приключившееся, многие объясняли длительным воздержанием – известно, что далеко не всем оно идёт на пользу. В городке женщину прозвали «безутешной вдовой» – разумеется, за глаза, будто боясь обидеть или затронуть не слишком приятную для разговора тему. Ей самой прозвище было известно и совершенно безразлично. Она либо видела в своём одиночестве тайный смысл, либо, не в силах смириться с ним, упорно старалась не замечать.

Вечером семнадцатого числа несчастная в крайне встревоженном состоянии, прикрытая лишь тонкой, до пят, ночной рубашкой, сквозь которую явно просвечивало бледное её, плотное тело, ворвалась в запертую обитель отца Тимофея. Там некоторое время провела перед иконой Божьей Матери, читая заунывную молитву. Затем разрыдалась, словно совершила один из смертных грехов и раскаивается теперь.

Тут же, не переставая лить слёзы, вскочила на ноги, начала вальсировать, кружить по зале, описывая затейливую дугу, потом запела песню весьма легкомысленную, любовную, слегка пошловатую:

За рекой, на горе лес зелёный шумит,
Под горой, за рекой хуторочек стоит.
В том лесу соловей громко песни поёт.
Молодая вдова в хуторочке живёт.
В эту ночь-полуночь удалой молодец
Хотел быть, навестить молодую вдову...

Молодую вдову обнимать, целовать...

Отец Тимофей в то самое время отдыхал в келье. Услышав пение, в церкви никоим образом неприемлемое, он вышел в среднюю часть храма и обнаружил женщину бьющейся в конвульсиях перед Царскими Вратами. Та, по его мнению, пребывала в помешательстве – сжималась всем телом, дрожала, кольцами переплетая руки и ноги, задирала вверх смятую рубашку, кричала во всю глотку: «Приди, ну приди же, возьми меня!» [4], обращаясь, то ли к невидимому, неведомому духу, её соблазнившему, то ли к священнику, растерянно над ней склонившемуся, и оскверняла себя руками.

Повернулась набок, начала ударять себя головой по груди и спине, в области лопаток, словно шея была сломана[5]. Священник, не зная, что следует предпринять, прочёл молитву, но, разумеется, молитва не помогла. Тогда, в надежде, что хотя бы это приведёт больную в чувство, несколько раз кряду ударил её по щекам, не слишком сильно, а она в жутком воодушевлении воскликнула: «Ах, как хорошо, хорошо!» Отец Тимофей, крестясь на ходу, стремглав побежал во двор, к колодцу – холодная вода, думал он, холодная вода поможет прекратить это безумие! Вернувшись с до краев наполненным ведром, отец никого не увидел. Вероятно, за то время, что он отсутствовал (времени же прошло немало, ибо священник, хотя от волнения двигался быстро, являлся почти слепым, потому с трудом ориентировался), женщина пришла в себя, испугалась, бросилась домой. Беда в том, что до дома бедняжка так никогда и не добралась. Слухи о её пропаже на следующее же утро разлетелись по всему городу, стало известно также о ночном похождении. По различным версиям, женщина утопилась, не выдержав позора, или отправилась бродяжничать – такое нередко происходит с сумасшедшими.

Не далее, чем через неделю, история повторилась, с той лишь разницей, что жертвой стала тринадцатилетняя девочка, дочь какого-то мелкого торговца. Лихорадкой первое время вообще заболевали одни только женщины, у представителей сильного пола подобные симптомы проявились по прошествии месяца.

Дочь торговца всю светлую часть суток проводила во дворе, почти всегда в одиночестве и ничем особенно не занятая. Отец сколотил для неё крохотный стульчик, чтобы сидеть, и принёс игрушки, чтобы играть, и девочка сидела и играла со скучающим видом. Так существовала, к жизни безразличная, к

3) Капернаум — древний город, где, согласно Библии, происходила основная проповедническая деятельность Иисуса Христа.

мальчишкам, развлечениям – к тому, чем интересовались её сверстницы, – словно лишённая души. Или, быть может, слабостей этой души – кто знает!

Однако в тот день, утром, по обыкновению восседая на простом стуле, который делался всё более узким, тесным в процессе её непрерывного роста – принялась вдруг бормотать какую-то бессмыслицу. Спросила: «Буду ли я твоей госпожой?», затем, получив, вероятно, никем не услышанный ответ, добавила со странной мечтательностью: «Ах, там звучит музыка, там танцуют, пьют вино, там вечный пир!»[6] Проговорив это, долго пребывала в неподвижности, пригвоздив отсутствующий взгляд к определённой точке на земле (точка плыла, не поддавалась; сверкала искрами и, ударяясь о стеклянную поверхность глаза, отражением падала в бесконечность), потом засмеялась громким, заливистым смехом.

Когда испуганный отец выскочил из лавки во двор, оставив без внимания очередного покупателя – девочка, терзаемая многочисленными судорогами по всему телу, билась головой, распластавшись навзничь и раскинув в стороны пляшущие руки. Смех её ещё звучал, рвался из перекошенного рта наружу – ужасный, неуместный, вроде пьяного гоготания – но сквозь него, не в силах покрыть, лезли жалкие, придушенные крики о помощи. Из глаз текли слёзы.

Отец бережно перенёс дочь в комнату (в том же доме, сразу позади лавки), вызвал врача. Врач сделал два укола, решив, что меньшее количество препарата не поможет, после чего страдалица проспала в течение нескольких часов, а, проснувшись с наступлением ночи, ничего о произошедшем с ней вспомнить не смогла. До самого рассвета просидела перед распахнутым настежь окном, наблюдая, как луна, то скрываясь за чёрными перьями облаков, то появляясь вновь из их ненасытного, вечно пустого чрева, медленно плывёт по небу, перекатывается скользко, безмолвно, завораживает. Возможно, это мягкое, мерцающее движение смутно напомнило одинокой дочери торговца о существовании неведомого мира, где будто бы вечное ликованье, играет музыка, непременно вальс, но куда ей попасть почему-то невозможно. Так девочка сидела, грустно вглядывалась в сияющую даль и мечтала о несуществующем мире, а к утру, позабыв все мечты свои и грёзы, ушла спать. С тех пор сделалась она ещё более угрюма и нелюдима.

Мечта разрушается лёгким прикосновением руки, слабым дуновением ветра разрушается всякая мечта, порождение потустороннего мира (ткань непрочная, неизведанная!), разрушается страхом, смертью и столкновением с очевидной реальностью. Дочь торговца жила посреди этой реальности, очерченной границами тесного двора, и ничего более не знала на свете. Но, вероятно, во время приступа ей привиделось нечто такое, что заставило осознать и однообразие дней, и серость обстановки, так что последующая угрюмость её вполне понятна.

Подобные случаи повторялись всё чаще. Вскоре у всех, перенесших припадки, появились куда менее безобидные признаки болезни. У одних жертв конвульсии нарастали до тех пор, пока всё тело целиком не сводило непрерывным пружинистым сокращением – от нестерпимой боли, сопровождавшей данный процесс, несчастные впадали в кататонию, обрывая всяческие связи с внешним миром, вплоть до необходимых. Другие оставались в сознании, но теряли способность двигаться; при этом недуг первым делом поражал нижние конечности, переползая затем выше – по туловищу, по рукам, шее; наконец достигал мимических мышц, размягчая их и превращая человека в тряпичную куклу. Те, кому повезло чуточку больше, могли выражать на своём лице страдание. В отдельных случаях наступал только паралич ног или вовсе одной ноги. Затем тело невообразимо, практически до костей сохло вследствие нежелания, а подчас невозможности принимать пищу, ведь желудок всё выталкивал назад нетронутым. Кожа приобретала пергаментный оттенок, либо белела до бумажного состояния; покрывалась глубокими язвами, трескалась от малейшего прикосновения, рассыпалась на лоскутки, словно прах. Язвы поражали также слизистую рта и горла. После десяти-пятнадцати дней подобного мучения человек умирал – в большинстве случаев от удушья, поскольку дыхательные пути пережимала невероятной силы шейная судорога, реже не выдерживало сердце.

Лихорадку, по первым признакам, её обнаруживающим, прозвали нервной. Лекарств от неё, по всей видимости, не существовало – по крайней мере, известные в здешних краях препараты демонстрировали полнейшее бессилие. Причины заболевания также неизвестны.

Предполагалось, что недуг передается воздушно-капельным путём и что возбудитель попадает в дыхательные органы, распространяясь затем по всему телу. Истерики же происходят из-за кислородного голодания мозга, способствующего различным видениям, злобе, высвобождению животных порывов и т. д.

Согласно иной теории, какой-то паразит расселяется по нервной системе человека. Это объясняло как сами припадки, так их последующее нарастание, паралич, неприятие желудком пищи, удушье вследствие сжатия гортани, даже, в определенной степени, разрыв сердца как возможный итог. Однако данная гипотеза без должного внимания оставляла изменения, происходящие с кожей и слизистыми покровами – впрочем, подобные явления могли быть следствием длительного голодания.

Отец же Тимофей совершенно уверился в том, что виновниками бедствий выступают бесы, неоднократно виденные им в стенах обители. Местные жители, несмотря на то обстоятельство, что священник был на грани безумия (они же сами и распространяли слухи о его помешательстве), именно к этому объяснению склонялись. Довольно часто, идя по улице, можно было услышать из разговора двух-трех случайных прохожих робкое, произнесённое непременно шёпотом подозрение о бесовском вмешательстве.

Люди, обитающие в глубинке, вообще суеверны, как все прочие люди; вновь же прибывшие заражаются быстро и, что хуже всего, необратимо.

Болезнь унесла около восьмидесяти жизней только за апрель, хотя данные эти и неточны, ведь счёта никто толком не вёл. Кладбище невероятно разрослось, причём росло оно преимущественно вглубь города, встретив на дальнем своём рубеже непреодолимое препятствие в виде обширного слоя каменной породы. Длинные, сплетённые вереницы могил да крестов над ними поглотили два крайних, года два как заброшенных, подгнивших от сырости дома.

В мае сошёл снег, не оставив в качестве напоминания о себе ни единого сугроба, и в помещениях недостроенной фабрики соорудили огромную печь, где стали сжигать усопших.

Тогда же от лихорадки померла старшая Лигнина, мать Андрея Михайловича, и – следом – одна из родных его сестёр (другая прежде ещё отправилась в Город, вполне справедливо рассудив, что жизнь в мрачном селении несносна). Анна, почуяв неладное, известила брата, потом слегла, чтобы никогда более не вставать на ноги.

Андрей Михайлович приехал в первых числах жаркого, обезвоженного лета, и мы наконец оказались в начальной точке повествования – здесь и сейчас.

2.

Здесь и сейчас, минуя бессонную для обоих ночь, зарождается новая жизнь. Прорывается сквозь тончайшую обёртку чужой, но до сих пор неотделимой плоти, рвёт. С дыхания начинается всякая жизнь, с болезненного, принуждённого вдоха – так атмосфера насилует слабые лёгкие младенца, протыкает горло, заставляя отбивать определенный ритм, двигаться в такт тишине и звуковому хаосу, её сменяющему.

Рвёт. Ты слышишь меня? *Ты веришь мне? Веруешь в меня?*

Кто ты?

Единость.

Множество.

Ты.

И та же койка – незримо существует. Стоит только распахнуть тяжёлые веки, позволить настырному взгляду прорезать их, оглядеться, впитать окружающее – она резво вгрызётся в сердцевину глаза. Да неужели это происходит? Нет, не может это происходить, ведь всё понарошку, обман, прихоть неведомого. Что же тебя обманывает? Зрение? Оно – увлажнённый посредник, лишённый страсти и предвзятости, оно не должно лгать. Разум? Разве под силу ему такая вязь? Быть может, игра полутонов, хитросплетение вещей, событий, темноты и безмолвия, и ещё – запаха (запах кислый, сырой)?

Подойди, раздвинь занавески, как только что раздвинул слипшиеся веки, роясь в них пальцами; отвори окна настежь, хотя бы одно окно, одну только ставню, крайнюю, что меньше прочих. Сравни то, что расположено снаружи, с внутренним, своим, неприкаянным. Сравни при честном дневном свете. Рвёт. Ты слышишь? Ты должен, потому что мы слышим...

Но койка, несмотря на твоё неверие, или именно из-за него, пуста по-прежнему, и всё ещё заключает в себе целый мир.

Андрей Михайлович, будто вросший в погружённый продолжением ног в древесную толщу, никак не отворачивается от места, где совсем недавно изнемогала его сестра. В комнате никого больше нет, кроме этого нескладного, тощего человека с поникшей головой.

Однако рано или поздно всякую паузу следует завершить – бывший проектировщик догадывается о негласном предписании относительно подобных пауз, потому наконец отводит глаза в сторону. Койка пропадает из виду, её смутное отражение ни на миг не задерживается на хрустальной поверхности.

Андрей Михайлович выходит в прихожую – ему, кажется, некуда больше пойти в целом доме. Опускается на колени, спиной упираясь в стенку, и пребывает в таком состоянии до появления священника, испытывая страх, замешательство, негодование.

А священника всё нет... и никого нет. Уставший человек погружается в сон.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Диана

Звук. Какой?

Что-то отрывисто, с точным соблюдением ритма прорывается сквозь сон, сквозь мембраны в головной мозг – возникает невольное ощущение, будто источник там, внутри, и находится, и значит, звук рождается там же, а вовсе не проникает тонкими, едва уловимыми волнами через ушную раковину, не интерпретируется посредством сложного органического аппарата.

Однако же совершенно ясно, что ничего внутри головы не может издавать рваную дробь, следовательно, источник нужно искать снаружи.

Дождь? Дождь ли это наконец начался? Его ли это стальные, размытые пальцы тарабанят по крыше или... ах, слишком близко для небесного посланника... пальцы человека, случайно сюда вошедшего? Да кто же, позвольте, мог случайно сюда забрести, в чужой дом, где, кажется, случилось нечто ужасное и до боли обыденное?

Звук. Какой? Прерывистый, несколько глухих ударов и передышка. Снова. Каждый отдельный удар, каждая деталь дроби какая-то... не сырая, нет – скорее липкая. Если прислушаться больше, до напряжения в голове, до онемения всех частей тела, до их потери – всему превратиться в слух – можно различить причмокивание, которым всякий раз завершается очередной удар. Это, вероятно, следствие отделения инструмента, порождающего мелодию, от поверхности, которую используют в качестве звукообразующей.

Так звучит плоть при соприкосновении с менее уступчивым субстратом. Пальцы. Нет – кто-то всей своей распластанной пятернёй барабанит о стол или стенку.

Шаги и – сразу – голос. Дребезжащий, слабый, но можно разобрать, сопротивляясь глубокому, как обморок, сну:

– Андрей Михайлович!

Звучит не как обращение, без интонации призыва, а скорее как упрямая констатация факта, что вот, мол, лежит Андрей Михайлович, спит на полу, подобно собаке – настолько он сломлен, что его даже как-то не особо волнует – и никак не добудиться... и всё, никакой окраски.

– Андрей Михайлович!

Что ж, это было значительно громче, и теперь совершенно ясным становится, что обладатель голоса – старик.

Лигнин нехотя открывает глаза.

– А, священник. Мне не нужен священник. К слову сказать, отец Тимофей, я вовсе вас и не ждал и, кажется, не приглашал.

– Меня извещает доктор. Поверьте, предстоящий разговор имеет смысл для нас обоих, для вас особенно, ведь вы только вчера вернулись и, вероятно, не знаете, как обстоят дела. Разговаривать в прихожей неудобно, быть может, перейдём в более подходящее место? Комнату, например...

Перешли, нехотя и как будто обречённо. Нехотя – потому что втайне испытывали друг к другу неприязнь, корнями уходящую в события пятилетней давности, обречённо – потому что заняли то самое крохотное помещение, где Андрей Михайлович провёл ночь и откуда сбежал, запечатлев в памяти смерть.

– Так вот, раз уж речь зашла о местном враче, – продолжал Тимофей, примостившись в углу на табурете. – Это он по старой дружбе, конечно. Когда-то давно, задолго до разработки шахт, он, в отличие от многих своих коллег, полагал, что к умершим следует относиться с неизменным почтением, соблюдать ритуал. Согласно их убеждениям при жизни, разумеется, а если таковые не установлены, то в соответствии с общепринятыми традициями. Теперь его рвение по этой части значительно поубавилось.

Последовала усмешка, простодушная, грустная, словно отец подумал – вон ведь, как с людьми-то бывает!

– А теперь что же, ваш доктор разочарован?

– Он... полагаю, ни во что не верит.

– Что же он мне сказал: «Сестре вашей теперь хорошо, незачем о ней беспокоиться»?

– А разве врач погрешил тем самым против истины?

– Да. Солгал. Ведь если человек не верит, то не имеет права так утешать.

– Вы всё так же прямолинейны, – вновь усмешка; она больше не сходила с лица Тимофея до самого их расставания, превратив лицо это в странную гримасу. А поскольку говорил отец порою об ужасных вещах, улыбка его напоминала скорее спазм боли. – Врач должен облегчить страдания, к каким бы мерам ему ради этого ни пришлось прибегнуть, ко лжи или намеренной жестокости. И потом, Анечка, – при упоминании имени сестры у Лигнина возникла резь в сердце, в животе, во всём тяжёлом от беспорядочного сна теле, – перестала мучиться – а ведь это означает покой. Совершенный покой, вне зависимости от верований, ибо даже если умирает материалист – тот, кто не оставил себе права на загробную жизнь – он в любом случае больше ничего не чувствует, не страдает, следовательно, покоен. И если счастье – это отсутствие терзания, то Анна Михайловна теперь счастлива... а даже если она мертва, мертва абсолютно, в вашем то есть скептическом воображении, то, согласитесь – терзания её прекращены.

– Вы заговариваетесь, отец Тимофей! Повторюсь, священник мне не нужен. Я обойдусь, а усопших здесь, как мне известно, не отпевают.

– Отповедь будет, правда в силу обстоятельств короткая. Но я к вам пришёл по иной причине, чем смерть вашей родственницы. Утешить вас не в моей власти, ибо вы, кажется, не нуждаетесь, да и ни к чему всё это.

– Тогда зачем?

– Видите ли, вы уехали, опасаясь за свою жизнь и, смею заметить, небезосновательно опасаясь, потому как разбои после случались. Итак, вы уехали, а проще говоря, сбежали. Нет, я ни в коем случае не упрекаю, но беда в том, что после вас здесь никакого управленца не назначили. Так вы до сих пор числитесь.

– Что с того? Разве в этом... – замялся, подбирая слово, – посёлке так уж необходима власть? Покровительство?

– Не власть, не грубое помыкание нужны городу, а заступничество. Капернаум процветает, – желчно. – Капернаум всё сожрёт, по кусочкам, каждое строение, каждый камень, всякого человека, пока не насытится. А он ненасытен! Эта... тяга крупных городов к поглощению чужих богатств и преумножению своих, к бесконечному росту всегда неприятно поражала меня. Им всегда мало, их глотки настолько широки, что они изначально лишены способности подавиться. Заступитесь, Андрей Михайлович! Мы вымираем! Во внешнем мире никто ничего не знает, мы – в клетке. Масштабы происходящего здесь власти столицы умалчивают, как нечто позорное, нечто порочащее их. До нас никому нет дела! К чему травить народ, полагают правители, к чему взывать к его капризной, неусидчивой жалости, к его высокомерной помощи? Это повлечёт беспорядки, ведь и так всё и вся стремится к хаосу, к распаду, так зачем же кидать кость толпе, изголодавшейся по смуте? Нельзя проявлять подобную безответственность. Там наслаждаются неведением. Жители столицы могут позволить себе радость неведения, ибо их власти потакают им в этом. Но – скажите – разве могут они сами по себе, в отдельности от системы, от политики позволить себе это преступное неведение? Иные говорят: к чему нарушать их сытый покой! – голос священника, заигравший было на повышенных тонах, сорвался, последнее предложение

прозвучало сипло, лишившись вдруг нот негодования, смиренно. – Но вы, Андрей Михайлович, вы можете нарушить их покой.

– К чему вы клоните?

– Вам следовало бы от лица города просить о помощи. Это всё, что в ваших силах, и это совершенно необходимо. Для пресечения лихорадки нужны средства, потребовать которые вправе только вы.

– Нет.

– Нет? – разочарованно. – По...чему же?

– Я весьма долго отсутствовал, отец Тимофей. Этот город больше не мой. Да и никогда моим не был, я управлял фабрикой, фабрики больше нет; к тому же назначили меня не по способности, а волей случая...

– Если не из человеколюбия вы это сделаете, так хотя бы из чувства вины!

– Перед кем же? – в слова бывшего проектировщика просочился вызов, давно им подготавливаемый и тем более явный.

Отец Тимофей вызов принял, начал говорить, слишком, может быть, сбивчиво, однако справляясь с нервозностью:

– Послушайте. Глупо отрицать, что всё это вырождение – ваших только рук дело и что вы пожинаете теперь собственные плоды, от которых несёт тленом. Древо узнаётся по плодам[7] . Так... какое же вы древо, весь ваш род, вас, приехавших сюда несколько лет тому назад ломать, выворачивать, выкорчёвывать?! Вы суть желающие обогащаться, те, которые впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, вы погружаете в бедствие и пагубу себя, людей вокруг, всё, что вас окружает!

– А вы-то сами! – закричал Лигнин, желая прервать поток нескончаемых обвинений. – Вы-то сами что же, невиновны?

– В отличие от вас, я не наделён ни толикой власти за пределами поселения. Мне не разобрать всех тех тонких, запутанных связей, уловок, из которых вы целиком и ваш мир, ваши соратники сотканы. А насчёт невиновности... Вина лежит на всех нас, одинаковым грузом давит на плечи и вам, и, как это ни прискорбно, мне, уж поверьте. Но... началось-то всё с вас. С разрушений, с фабрики...

– Лихорадка с постройкой фабрики никоим образом не связана.

– Вы не видите очевидного, Андрей Михайлович. Задача человека – удерживать этот мир от распада на зыбкой основе духа. У *ломателей* само понятие духа отмирает сразу, как только они приступают к выполнению своей неприятной функции, испытывая им одним понятное воодушевление. А мы... просто смотрели, как мир постепенно распадается – удивлённо пялились! Смотрели так, словно перед нами, содрогаясь и призывая, бесноватая женщина без одежд. В самом деле, к чему спасать мир, который исполняет великий акт самоудовлетворения, стремясь через него достичь совершенного хаоса? Мы должны были предвидеть, угадать явные признаки гибели... должны были спасти... однако не сделали этого. В конечном счёте, мы все виновны, Андрей Михайлович, все виновны!

– Ход ваших мыслей от меня ускользает. Вы (безумны!) стары, должно быть, устали. Не лучше ли нам перенести...

– Стар, – перебил Тимофей. – Стар. Вы, впрочем, хотели сказать другое. Так вот, должен вас заверить, что не безумен. Просто мне понятна неуловимая причинно-следственная связь, в отличие от многих, и понятна именно вследствие моей старости, которой всем вдруг вздумалось меня попрекать. Вместе со старостью приходит чувство умеренности. Чувство того, что всё преходяще и в сущности скучно. И центром притяжения, к коему стремится линия жизни, становится не будущее, но прошлое. Обзор же собственного прошлого даёт преимущества в анализе; вам пока таковых постичь не дано, вы молоды и едва ли повзрослели со времени нашей последней встречи, когда случился пожар в шахте. Помните? Но только к делу это относится не в полной мере. Копаясь в своём прошлом, восстанавливая его по кусочкам, фрагментарно, я неизбежно восстановил прошлое поселения, ибо живу здесь практически всю свою жизнь, в том числе цепочку событий, произошедших незадолго до лихорадки. Так я нашел причину.

– Какова же... причина?

– Вдова. Я сейчас расскажу, хоть и нескладно. Надеюсь, вам станет понятно. Первопричины мне, разумеется, не открылись, однако цепочку, ведущую прямиком к нынешней беде, я угадал, кажется, верно. Знаете ли вы, что в этих краях есть пророчествующий?

Тут Лигнин рассмеялся:

– Вокруг полно сумасшедших, так что-нибудь в таком роде непременно надо предполагать!

– Ах, ну да, вы, конечно же, скептик, материалист и, что отвратительнее всего, ломатель. Но прошу вас поверить мне на слово, тем более, что сегодняшней ночью в этой самой комнате, совсем недавно, вы не были ни скептиком, потому что из последних сил верили в чудо, ни материалистом, ибо готовы были допустить даже бессмертие души в любом виде – пусть его! – ни ломателем, ведь вы стремились созидать. Ведь вы... верили в чудо прошедшей ночью?

Отец Тимофей весь подался вперёд, с любопытством и одновременно беспристрастностью исследователя вглядываясь в лицо противника, от которого требовал то помощи, то веры, то понимания; он как будто хотел удостовериться, проглотила ли жертва «наживку».

Андрей Михайлович поблёк, отступил на несколько шагов, так что упёрся спиной в стенку. Воспоминания всплыли в памяти необычайно живо, нелепо приукрашенные игрой воображения; вновь столкнули молодого человека с тем неизведанным, которое «рвёт», продемонстрировали ему всю его беспомощность против этого «рвёт» – разрушителя куда более одарённого, нежели сам Лигнин.

Через некоторое время Андрей Михайлович взял себя в руки (так, по крайней мере, выглядело внешне, для стороннего наблюдателя) и сказал:

– Я верил. Ждал. Но ведь... ничего не вышло, я

остался обманут, следовательно, эта ночь лишь укрепила мои позиции.

– Быстро же вы отказались от сестры.

– Нет, я... не отказался...

– Что ж, воля ваша, верить или нет, только выслушайте без издёвок. Я посещал этого пророка. Он показался мне весьма сомнительным. Судите сами – неопрятен, нелюдим, угрюм, попросту очень грязен. Однако слова его я запомнил: «Когда образ заплачет, тогда сделается мор и столп огненный». Уже после я всё пытался понять, почему предречение так ярко запечатлелось в моей голове. Даже не знаю... голос у него был такой... медный и как бы перескакивающий с одного тона на другой, скрипучий и всё время ускользающий. Быть может, меня поразили не сами слова, а всего только голос, каким они были произнесены. Так или иначе, в середине марта началась лихорадка.

– Но, отец Тимофей, ведь первая жертва, дочь ремесленника, заболела позже... так мне, по крайней мере, рассказывали.

– Она вторая, мне это доподлинно известно! Поверьте, я знаю, кто была первая, – архимандрит невероятно забеспокоился и дальнейшее выпалил скороговоркой. – Мне известно, что с ней сталось, что они с ней сотворили и почему теперь молчат!

– Да объясните же толком!

– Непременно, непременно! Но ведь было ещё худшее, безумие, был хаос! Толпа стремилась к хаосу, эта буйная, необратимая в своих желаниях толпа... вожделела святыни, и именно поэтому женщина, не в силах пойти на такое изуверство, вожделела себя!

– Да ведь я ни единого слова не понимаю!

– Конечно, простите. Надо быть более обстоятельным, – священник немного помедлил. – Итак, лихорадка началась в марте, в середине месяца. По прошествии нескольких дней стали доходить слухи из соседних деревень – мол, в пригороде столицы в некой церкви образ Спасителя плачет. Эти слёзы – слёзы кровавые – предвещали многие беды! Но они явили собой божественный акт, чудо, а что сотворили прихожане? Да они в животном стремлении, во власти любопытства и желания набивались в ту самую церковь, чтобы приобщиться... ничего хуже, отвратительнее, тошнотворнее придумать нельзя! Мужчины и женщины, призванные усмирять свою плоть, дали ей абсолютную власть! Люди сошли с ума от вида крови, как часто случается. И ведь как раз в середине марта икона-то кровоточить начала, то есть, если следовать предсказанию, за великим плачем последовал мор. Это вещь установленная, свершившаяся вне всяких сомнений.

– Тем не менее никакой связи...

– Что, не видите? – Тимофей недоверчиво покосился на собеседника, затем показал хитрый и хищный оскал, совершенно, казалось бы, ему несвойственный. – Никакой связи не видите? Впрочем, я ещё не завершил, потерпите немного.

Вместе с вами, с приезжими, в посёлке тогда появилась одна женщина. Диана, жена какого-то рабочего, ничего примечательного. Но я её запомнил, хотя и видел до того раза три от силы. Была в её лице... в выражении этого лица некая особенность, едва уловимая черта, которая как бы тогда уже предупреждала, что судьба её обладательницы трагична. Печать, понимаете! Печать. С возрастом такие вещи начинаешь видеть, ибо сам неизбежно стремишься к умиранию, так что и всё вообще умирающее становится родным, понятным. Осень, увядающие цветы, опавшие листья, умирающий человек с едва уловимой, но в то же время такой отчётливо проступающей во всех жестах и действиях печатью. Такую печать ставит обычно болезнь... или нервное истощение... наконец, склонность к самоубийству. Да, мне это было видно очень хорошо, слишком, ведь я был опавшим листом, по-сиротски прибившимся к земле и грязи, льнувшим к ним, словно к матери; чернел и сох в непреодолимом желании отрезвляющего глотка снега – им дышит всякая смерть – ибо этот снег разрушает иллюзии, обжигает твою кожу, твои беспамятные мозги и приносит обезоруживающее осознание того, что, в конечном счете, ты – умирающий человек, не более...

По крайней мере, Диана свою участь предвидела – не сознательно, разумеется, но где-то в глубине души или, если угодно вашему скепсису, подсознания – это замечалось по глазам, в них блистала воспалённая решимость. Возможно, именно из-за страшного предчувствия после смерти мужа она никого себе не нашла, хотя ухажёры имелись. Говорили, что она безутешна, или что помешалась от горя, или фригидна – это последнее объяснение большей частью устраивало незадачливых «женихов» и ими же распространялось. Я же уверен, что причина намеренного одиночества крылась в предчувствии...

Нет, она всё же помешалась, но не от горя. Вернее, не от того горя, о котором все судачили. Диана посетила церковь, где находилась кровоточивая икона, в самый первый день этого события. Откуда ей стало известно об этом задолго до нас, я, если честно, не понимаю, однако тем же вечером, вернувшись, она помешалась. Выходит, таким образом, день начала эпидемии совпадает с днём, когда стал кровоточить Спаситель. В сознании этой несчастной женщины возник необходимый выбор: вожделеть себя, подобно миру, или Творца, подобно толпе.

Итак, она сошла с ума или, как принято теперь говорить, с ней случился приступ лихорадки.

– Но вам-то, вам-то, отец Тимофей, откуда всё это известно?

– Она пришла ко мне в ту ночь. Приступ её мне довелось наблюдать – чистое безумие! Она пришла в прозрачной ткани, вела себя подобно одержимой. Я было решил, что она и вправду одержима бесами! Одного несчастная, вероятно, видела перед собой или где-то в воздухе, потому что неистово призывала его. Я побежал за водой, к колодцу, дабы привести её в чувство, но по возвращении не обнаружил никого. Она пришла в себя и сбежала.

– Что с ней стало? Почему никто ничего не знает, ничего не говорит?

– Раньше говорили. До вашего приезда – он, как

ни странно, подействовал отрезвляюще. Говорили, будто она отправилась бродяжничать, уехала к неизвестному любовнику... говорили даже, будто утопилась со стыда. Но на самом деле всё гораздо хуже. А поскольку истина однажды просочилась сквозь завесу домысла – все разом, как по команде, умолкли. Хотя отпечаток случившегося, снятый с небольшими поправками под копирку и предоставленный для других здешних мифов, сохранился.

– Например?

Теперь иеромонах видел, что сумел пробудить в Андрее Михайловиче неподдельный интерес. Втайне он ликовал, внешне оставался спокойным, умудрённым летами рассказчиком – выражение восторга, пусть даже отчасти вполне уместного, не отвечало его конечной цели, весьма, впрочем, смутной. Отец неспешно продолжал, сознавая в то же время, что подходит к наименее приятной части всей истории. От этой мысли затылок его холодел, но Тимофей был весьма упорен в покорении собственных страхов:

– Всякий местный охотно представит вам повесть о том, как после закрытия фабрики и прекращения добычи рабочие бесчинствовали. Отчасти это так. Скажем, к примеру, что дом одного коренного жителя подвергли разрушению. Были случаи побоев. Но вам также поведают о том, как несколько пьяных рабочих изнасиловали и убили женщину. А в действительности это чудовищное злодеяние произошло много позже. Я больше скажу – практически всем в городе известны имена преступников, всего четверо. Почему молчат? До лихорадки эти четверо обладали влиянием на нашу толпу – их боялись, ибо они довольно часто и в открытую грабили дома, причём могли себе это позволить безнаказанно, потому как ни органов власти, ни правоохранителей, никого здесь нет. Когда же всё нынешнее началось, как-то о старом постарались забыть. Да и, кроме того, один из них, из злодеев-то, помер недавно, так что мне надо было отпевать его вместе с более добропорядочными людьми, другой тоже скоро помрёт, а ещё двое состоят в бригаде на общественных началах, вывозят тела – желающих, ясное дело, мало, так что забыть о преступлениях этих двоих куда как выгоднее.

– А что же... Диана?

– Кажется, я достаточно уже рассказал и слишком ясно дал понять её участь. Её нашли мёртвой в одной из водоотливных шахт, что рядом с холмом спускаются к руслу реки.

Вдруг страшная догадка поразила Лигнина, и он в приступе нетерпения воскликнул:

– Кто? Кто её нашёл?

– В том вся беда, Андрей Михайлович. Я. Мёртвую Диану нашёл я. Потому и не даёт мне эта история покоя. Несчастная вдова, в чьём теле лихорадка пробудила подавленные желания, а отвращение к оргиям заставило их исполнить, осквернившая святое место и столь развязным образом предлагавшая себя бесу, к ней явившемуся, пошатнула мою... веру. Люди же, сотворившие с нею в ту же ночь злодейство, эту расшатанную веру искалечили, порубили на куски, на обломки святынь и принципов, а всеобщее молчание и вопиющее отсутствие справедливости... вырвали с корнем. Иногда ко мне возвращается былое воодушевление... только всё реже... реже... и даже в такие моменты сомнения отравляют меня!

– Вы говорили, она увидела беса?

– Да.

– А вы... не видели? – Андрей Михайлович спросил совершенно серьёзно, на долю секунды готовый поверить в любую небылицу.

– Нет. Зато она видела беса очень ясно. Во мне.

– Да уж не вас ли она призывала?

Священник поглядел отрешённо или испуганно – Андрей Михайлович не разобрал – и оставил вопрос без внимания.

– Но каким же образом, - продолжил, выдержав некоторую паузу, проектировщик, – ваше откровение проясняет происходящее? Разве это многоголосие небылиц и ересей, из которых, положим, половина правда, устанавливает причину, которую вы мне столь настырно предлагали?

– Причина проста до ужаса. Вы слепы, если ничего не поняли. Одержимость. Тьма.

Тьма. Последнее слово в душе Лигнина нашло болезненный отклик, вызвало приступ острой боли в сердце – именно это произнесла Анна Михайловна перед тем, как навсегда покинуть мир и койку, в чреве которой этот мир заключался; содрогаясь от судорог, всеми силами (а их было не так уж много) пытаясь вырваться из невидимых пут агонии, она отдала заключительную команду голосовым связкам, чтобы те бесформенный поток воздуха превратили в один жёсткий, удушливый слог. Так родилась тьма, надрывным т-образным выдохом.

– Но зачем вы так долго всё это рассказывали? – спросил проектировщик сдавленно.

– Один вопрос более всех интересует меня: что общего у света с тьмой?[8] Но какое может быть общение праведности с беззаконием? Если так, мы рождены беззаконием. Тьма, которую мы осязаем теперь, корнями своими из нас же произрастает, и потому нельзя закрыть глаза и представить, будто всё славно и как прежде, и никакой тьмы. Ведь, закрывая глаза, мы сталкиваемся с ней один на один. Вот и выходит, что все мы виновны в равной степени.

– Да что вы, в самом деле, привязались ко мне с вашими фантазиями! Чего вы от меня хотите? Я не поеду в Город просить о помощи, так и знайте!

– На самом деле мне нужно от вас совсем другое.

– Тогда что? Что ещё могло заставить вас прийти ко мне?

– Я должен был показать вам вашу причастность. Вину. Мы обязаны все вместе разделить её. Я пришёл избавиться от одержимости... и вас по возможности избавить. Что ж, вероятно, время ещё не пришло. Мы с вами продолжим эту беседу в другой раз.

– Довольно! – воскликнул Андрей Михайлович. Ему казалось, что его откровенно провели. Единственное, что заставляло держаться в рамках приличия, – уверенность в том, что всё уже сказано и никакого продолжения не последует.

– Я вас покину. Сейчас. И всё же запомните: задача человека в том состоит, чтобы удерживать мир от распада, от самоудовлетворения – на зыбкой, непрочной основе духа. Мы же с вами виновны, Андрей Михайлович. Быть может, даже более прочих участников...

Произнеся сплав загадок и прописных истин, отец Тимофей старческой походкой направился в прихожую, оттуда к входной двери, затем вышел во двор и наконец покинул владения действительного, как выяснилось, представителя власти, пусть таковое звание и числилось за Лигниным формально.

Сам представитель, после беседы заметно уставший, ни в какие административные дрязги влезать не желал и никаких особенных прав и обязанностей за собой не признавал. Между прочим, совершенно зря, ибо вскоре...

ГЛАВА ПЯТАЯ
Нисхождение

1.

...на него обрушился поток слёзных писем да официальных обращений, всё от местных. Первые содержали главным образом просьбы о восстановлении церковной службы, жалобы на работу общественных бригад, требования расширить либо перенести городское кладбище; попадались письма с угрозами. Официальных обращений, пропитанных едва уловимым, но въедливым смрадом госучреждения, было значительно меньше. Среди них особенно следует отметить два послания от Совета старейшин и ещё одно, пришедшее позднее остальных, вместе со столичной корреспонденцией – от тамошней власти, тоже от какого-то совета.

Первое обращение старейшин на следующий же после беседы с Тимофеем день доставил четырнадцатилетний подросток в сильно изношенной одежде и с печальным, как будто заранее постаревшим лицом. Андрей Михайлович, не желавший признавать за собой никакой особенной роли, полученный конверт не вскрывал, понимая, что требуется ответ. Ответ же с его стороны может означать лишь одно – вступление в должность.

Однако старейшины, потеряв терпение, через шесть дней отправили второе письмо, с тем же посыльным, и Андрей Михайлович сдался, прочитав оба по порядку. Первое письмо гласило:

«Совет спешит выразить соболезнования по поводу смерти сестры Вашей, Анны Лигниной, жившей во вверенном нам городе на протяжении последних пяти лет. Поверьте, эта утрата наполняет сердца наши скорбью, а умы – невольной тревогой, ибо в каждой смерти мы вынуждены видеть не только личное горе, но также и безрадостные признаки постепенного разрушения всего того, о чём мы неустанно молимся и заботимся. Анна Михайловна оставила о себе добрую память, и едва ли найдётся теперь человек, который дурно бы о ней отозвался.

Для Вас эта утрата безмерно тяжела, так как Вы состояли с покойной в родстве, пусть и не кровном; к тому же, сразу по прибытии на Вас обрушились вести о смерти матери и другой сестры, что, хотя произошло относительно давно, для Вас явилось новым неожиданным горем. В том же, что жилище Ваше в совершенном запустении, Вы, вероятно, успели убедиться сами.

Мы понимаем и разделяем всю Вашу боль и не стали бы тревожить, принимая во внимание то положение, в котором Вы оказались, однако же задачи, стоящие перед Вами по роду службы, где до сих пор состоите, безотлагательны. Поверьте, в противном случае мы дождались бы окончания траура.

Но нет, к великому сожалению, это роскошь, роскошь непозволительная при нынешних бедах, ибо, хотя сводки за последнюю неделю будоражат умы и, кажется, обещают некие послабления, болезнь по-прежнему уносит человеческие жизни, причём ежедневно, подобно кропотливой, педантичной труженице. Возможно, Вам после длительного пребывания в крупных городах, где каждую минуту умирает один человек и рождается ему на смену другой, так что в целом эти неумолимые процессы уравнивают друг друга, смерть ста тридцати жителей в течение двух с половиной месяцев не покажется ужасной или непоправимой, но для маленького городка с крошечным населением при практически полном отсутствии новорожденных это – катастрофа. Вероятно, уместно говорить о вымирании.

Дабы Вы имели более полное представление о происходящем, Совет решил ознакомить Вас с экономической ситуацией и проблемой оснащённости, в том числе оснащённости необходимыми работниками. Кроме того, множество бед связано с никуда не годным управлением, отсутствием представительства, да и погода значительно усугубляет положение без того плачевное донельзя.

Город очень мал, заселён преимущественно мелкими торговцами да бывшими рабочими, занятыми некогда на фабрике и шахтах. Наберитесь терпения, Андрей Михайлович, ибо все эти подробности, которые, возможно, покажутся лишними или чрезмерно распространёнными, Вам в качестве защитника интересов города знать необходимо.

Итак, торговцы. Большей частью имеют во владении небольшие магазины, делами занимаются самостоятельно, изредка нанимают одного-двух помощников. Товары закупают в областной столице либо на местах производства и продают местным в розницу по более высокой цене. С началом эпидемии торговля почти полностью угасла, так как, во-первых, желающих приобретать становится всё меньше, во-вторых, поездки в Город запрещены на время карантина, потому до сих пор дела ведут лишь наиболее запасливые продавцы, продавая при этом припасённое втридорога.

Из бывших рабочих часть заняты незначитель-

ными работами либо штучным производством – например, плотники. Они раньше отвозили свои изделия в столицу, где вольны были самостоятельно их продавать либо поставлять в заранее установленном количестве на рынок, где торговлю вели уже посредники, специально обученные на то люди. Как Вы понимаете, теперь такого обмена вовсе не происходит.

Другая часть бывших рабочих были безработные, жившие на пособия, выделяемые из остатков фабричного фонда. Однако фабричный фонд ещё год назад опустел, так что многие из этих несчастных пошли на разбой и воровство. Ныне некоторые такие бедолаги состоят в похоронных бригадах.

Следует упомянуть о том также, что большинство приезжих после прекращения добычи угля, то есть пять лет тому назад, выкупили участки земли для ведения хозяйства. Потому до сих пор город был обеспечен продовольствием в виде сельскохозяйственных продуктов: молока, мяса, посевных. Но нынешний год явно протекает не под счастливой звездой. Вам, верно, известно, да за время пребывания здесь Вы сами могли убедиться в том, что погода стоит необыкновенно жаркая. Почва обезвожена, дождей в ближайшее время не предвидится, так что скорей всего мы лишимся урожая. Да, кроме прочего, нас ожидает невиданный голод!

Но вернёмся к торговцам и рабочим, ибо мы не до конца прояснили данный вопрос. Их деятельность вплоть до нынешней весны обеспечивала скудный, не слишком прочный денежный оборот, а кроме того, такую же непрочную связь с областной столицей. Связь эта разорвана, разорвана в одностороннем порядке, по-живодёрски и, кажется, необратимо, что повлекло стремительное оскудение собственных средств посёлка.

Таким образом, Вы видите, в сколь бедственном положении находится вверенная Вам местность, где Вы по сути являетесь единственным официальным лицом. Разумеется, произошло это скорее по недосмотру, по ошибке столичной власти, и однако же такая ошибка – единственная для нас возможность спастись. У Совета средства на борьбу с эпидемией истощены, главная же неприятность заключается в том, что Совет не наделён властью, признаваемой Администрацией Города, не является, по столичным то есть меркам, органом управления и, следовательно, не может обратиться за помощью и запросить необходимую финансовую поддержку.

Также Вам, должно быть, известно, что в городке нет больницы, а из медицинских специалистов всего только один врач имеется, в преклонном возрасте и на разъезде. Врач этот, хотя не раз оправдывал оказываемое ему Советом доверие, слишком стар и, по его же собственным словам, посещает больных «из последних сил». Кроме того, ежечасно общаясь с жертвами лихорадки, творя над ними всяческие процедуры, не может избежать тесного с ними соприкосновения, а значит, рискует в любой момент заразиться.

О, мы бессильны что-либо изменить, уповаем на Господа и на милосердие Его, согласно обычаям, принятым в этих краях задолго до Вас, молим о благоденствии, и однако же, хотя роптать на Создателя своего и противиться Его непреклонной воле не смеем, смотреть на происходящее увядание безучастно не можем.

Как было сказано ранее, никакой реальной власти за Советом в столице не признаётся, у нас нет своего представителя. Такое положение весьма унизительно, но до сих пор не вызывало осложнений, так как старейшинам, то есть наиболее пожилым и мудрым коренным жителям посёлка, без труда удавалось налаживать внутренние процессы, решать вопросы распорядка, управления, распределения, регулировать конфликты, возникающие между соседями и прочее, пользуясь непререкаемым среди местного населения авторитетом. Но вот случилось непредвиденное, всё разом обрушилось, и никакими прежними способами ни прекратить, ни даже ослабить стихию не удается.

Потому мы вынуждены обратиться к Вам, Андрей Михайлович, ибо по воле случая полагаться нам более не на кого. Вы наделены полномочиями, чтобы потребовать необходимые медикаменты либо средства на их приобретение, а также нескольких врачей и медицинских сестёр на время, пока свирепствует лихорадка. От Вашего обращения Городские власти отмахнуться не смогут, ибо сами предоставили Вам подобные права.

Совет предписывает Вам явиться в течение трёх дней с момента получения письма по указанному адресу [...] для обсуждения вопроса Вашего представительства, а также тех трудностей, которые в связи с этим могут возникнуть. Никаких самовольных действий Совет предпринимать не рекомендует до получения соответствующих указаний. Данная мера позволит избежать усугубления ситуации. Надеемся на понимание и непротивление с Вашей стороны».

Второе послание было кратким и значительно менее любезным:

«Совет обязует Вас сегодня же явиться для рассмотрения возможности Вашего представительства. В случае дальнейшего игнорирования наложенных Советом обязательств мы будем вынуждены принять меры».

Далее – адрес того места, куда предписывалось явиться, число (двенадцатое июня), несколько подписей. Какими именно мерами грозились получателю, Лигнин проверять не стал; вместо этого спешно, в тот же день (то есть ровно через неделю после его разговора со священником) отправился к старейшинам.

Прежнее с ними знакомство, случившееся во время разработки одной из шахт, он помнил довольно смутно. Однако же знакомство это было, кажется, крайне неприятным, даже каким-то обидным, хотя

ни причину неприязни, ни причину обиды воспроизвести теперь не удавалось.

Совет старейшин возник в поселении задолго до того момента, когда его вдруг расширили и стали называть городом. Как только в здешних краях обнаружили залежи полезных ископаемых, земля была выкуплена, членам Совета вручили отступные, так что фактически они утратили всякую власть. Старейшины самовольно взялись за разрешение конфликтов и торговлю, и хотя их уже никто ни во что не ставил, сами они в силу природного упрямства да высокомерия мнили себя высшим руководством.

Состав круга практически не менялся – в него входили шесть человек преклонного возраста, бывшие послушники разрушенного монастыря. Вероятно, эти шестеро вернулись в посёлок лет через пятнадцать после разорения, постигшего обитель; отважились попробовать себя на мирском поприще.

До известного времени им вполне удавалось обеспечить порядок и наладить какую-то общественную жизнь, обмен среди местных. С появлением же рабочих и утерей прав Совет сделался бесполезен.

Андрей Михайлович был почти уверен, что ныне дела обстоят точно так же, ровно никаких мер по его принуждению Совет принять не осмелился бы; с другой стороны, отдавал себе отчет в том, что по прошествии столь длительного периода да ещё под гнетом болезни положение вещей могло измениться не в его пользу, хоть вероятность и мала. Он вполне представлял, что никчемные старцы, кичащиеся вымышленной властью, имеют влияние на общественные бригады, занимающиеся похоронными процедурами, а потому в любой момент такая бригада может в перерыве между исполнением прямых своих обязанностей вломиться в двери, его, Лигнина, повязать и доставить на суд старейшин насильно.

Итак, не дожидаясь столь неприятной развязки, Андрей Михайлович под вечер отправился сам.

Старейшины устраивали заседания в том же здании, где и жили, сплотившись по старой привычке в некое подобие монашеского братства. Здание было каменным (большая редкость в Мёртвом Городище), двухэтажным, но почему-то с ветхой деревянной крышей, которую каждый год по осени приходилось чинить и которая, несмотря на все ухищрения, каждый же год весной снова протекала. Потому, дабы избежать неудобств, приёмы, собрания, прочие мероприятия проводились на первом этаже в большой удлинённой зале. Зала эта была оборудована таким образом, чтобы в неё помещалось множество человек, кроме того, предусматривалось место для оратора и – на возвышении – трибуны, за которыми обычно восседали старцы. В целом, помещение напоминало аудиторию или – что точнее – зал суда.

Как уже говорилось ранее, всего в Совет входило шесть человек, люди с религиозным воспитанием, противящиеся всяким новшествам, категоричные да от старости склочные. Вне собраний они часто устраивали между собой перепалки, и всегда это заканчивалось тем, что кто-то один обязательно попадал в немилость, не по своей воле превращаясь в молчальника. Остальные такого молчальника намеренно избегали, относились к нему с деланным презрением, копили силы до следующей стычки – после неё роль изгоя переходила в другие руки, прежний же был вновь принимаем в общину и мог позволить себе развязать язык. Такой игрой они жили, тешились с незапамятных времен.

Однако на период проведения очередного мероприятия старцы, словно подчиняясь одному для всех инстинкту, объединялись против внешнего мира, даже если последний не таил ни малейшей угрозы. Впрочем, в понимании самих старейшин таковая угроза имелась всегда – в первую очередь, угроза ослабления их влияния.

Собственно, именно из-за патологической боязни остаться «не у дел» члены Совета и составили обращение к Андрею Михайловичу, и никакой другой цели не имели, кроме как продемонстрировать свою осведомленность. Окончания же траура не стали дожидаться скорее не потому, что задачи являлись безотлагательными и город вымирал (о, они существовали слишком оторвано от реальной жизни, их едва ли в действительности заботили беды, свалившиеся на мёртвое Городище), а чтобы застать жертву тогда, когда она менее всего способна противостоять нападению. Разумеется, в желании Лигнина отказаться от должности они увидели лишь хитрую уловку да проявление собственной воли, весьма нежелательной, но отнюдь не искренность.

Справедливости ради стоит упомянуть, что средства из Города Совет запросить всё же пытался, ибо представители его, несмотря на беспечную оторванность, обособленность своего уклада от всеобщего, всё же приняли некогда ответственность и теперь вынуждены были предпринимать меры по преодолению таких ситуаций, как нынешняя. Увы, им отказали.

Следовало прибегнуть к помощи Лигнина, но так, чтобы инициатива исходила от Совета. По существу, от Андрея Михайловича требовались, во-первых, подпись под текстом прошения, написанным старейшинами задолго до его возвращения, во-вторых, отказ от посягательств на власть. Всё надлежало представить таким образом, будто Андрей Михайлович подписывает бумагу не по собственному волеизъявлению, подобно императору, одобрившему указ министров, а как бы беспрекословно подчиняясь воле Совета, на права коего по «владению» посёлком не смеет претендовать.

Бывший проектировщик предстал перед собранием, догадываясь обо всех вышеперечисленных тонкостях, даже готовился подыграть нехитрой, чересчур понятной манере старцев, представлял, как станет соглашаться с их требованиями, предписаниями, подпишет, откажется, однако вышло иначе. Сумбурно и мерзко.

2.

– Почему Вы не явились раньше?

Старцы, все в одинаковых чёрных одеждах, от-

далённо напоминавших сутаны священнослужителей, восседали на своих местах, на возвышении, и говорили грозно, с нотками явного презрения – так, словно пришедший был не более, чем очередной проситель, жалким своим образом пытающийся добиться поблажки.

Андрей Михайлович стоял напротив, зажатый ровно посередине между трибунами и пустыми зрительскими креслицами. Долго глядел на своих судей (судьями они, конечно, не являлись, да и собрание устраивалось по иному поводу, однако отвязаться от ощущения, что здесь сейчас учинят «судейство», бывшему проектировщику никак не удавалось), глядел, переводя пытливый взгляд с одного лишённого выражения лица на другое, и пришёл к заключению, что, в сущности, на вид старейшины совершенно одинаковы, и если бы не разница в росте, отличить их друг от друга стало бы практически невозможно.

Помещение, где разыгрывалась вся дальнейшая сцена, заполнялось спёртым, очень плотным воздухом, темнотой, которая как бы падала с непомерно высокого потолка, становясь у самого пола менее насыщенной, и запахом гари. Окон в зале не имелось – неизвестно, замысел ли это застройщика, или окна исчезли стараниями жильцов. Для освещения использовали несколько восковых свеч, помещённых рядом с трибунами.

Крыша дома рассыхалась, трескалась от несносной жары и потому нервозно пела, как поёт всякое старое дерево, донимаемое зноем. Звук этого пения заметно отвлекал посетителя, мешал ему сосредоточиться, члены же Совета не выказывали ровно никакой реакции – вероятно, привыкли и теперь жалоб крыши не слышали вовсе.

– Почему Вы не явились раньше? – говорил почти всё время тот, что расположился третьим слева, выше и, кажется, старше остальных. Впрочем, как все они, худой да седовласый. Надо полагать, он всегда выполнял функции оратора, когда дело касалось воли либо претензий Совета.

– Вам наверняка известно... – начал Лигнин слишком громко и тут же сбился. Голос его эхом отозвался в пустом зале, сделал два-три оборота, затих.

– Так что же?

– Вам наверняка известно, – тихо, с осторожностью, – что я не желал принимать своё положение всерьёз и в дальнейшем решил отказаться от него.

– При обращении к Совету следует говорить «досточтимые» либо в третьем лице. Таковы наши предписания, ни один посетитель, кем бы он ни был, не смеет нарушать их.

– Хорошо, прошу меня извинить. Итак, *Совету* известно, что я хотел отказаться от должности. В тогдашнем своём настроении воспринимать любые предписания Совета, связанные с моим шатким и явно фиктивным, хотя и высоким, положением, я не мог. Так же, как не мог предполагать всей серьёзности происходящего в городе. Масштабы трагедии поражают, но мне казалось, что я-то ничем помочь не в состоянии и потому никакого отношения к адресованным мне письмам не имею.

– Мы не верим в искренность ваших прежних намерений. В особенности учитывая то, как быстро вы отказались от них.

– Не отказывался нисколько! Но, досточтимые, ваши доводы раскрыли мне глаза, показали, что я должен помочь!

– Не следует брать на себя слишком много, это неуважение и дурной тон. Вы способны помочь лишь по бумагам и сами убеждены, что такая способность досталась вам случайно. Совет принял решение этой нелепой случайностью воспользоваться во имя спасения города, однако нужно понимать, что ни вы лично, ни ваша якобы власть тут ни при чём. Совет категорически не рекомендует вам проявлять в данном вопросе своеволие, ведь вы всё-таки чужак и можете навредить, если станете властвовать, а не подчиняться, к чему склонна ваша собственная природа.

– Я подчиняюсь, – сказал Лигнин, надеясь, что издевательскую ухмылку на его лице никто из-за темноты не заметит.

– В искренность ваших нынешних намерений мы также не верим. Однако нам следует прерваться.

– Но, досточтимые, – на вкус слово было отвратительно, посетитель выговаривал его с характерной рвотной интонацией, словно стараясь как можно скорее выплюнуть и прочистить горло, – ведь я только зашёл!

– Это не имеет значения. Сегодня день поминовения преподобного Исаакия исповедника, игумена обители Далматской[9]. Мы не можем нарушать существующий уклад и должны благочестиво справлять службу, особенно выделяя праздники, дни поминовения святых и усопших, Троицы, апостолов, особливо же Спасителя нашего, благодаря коему всё ещё существуем. Мелочны в сравнении с этим разговоры и сиюминутные беды земные! Нам должно прочитать кондак преподобному Исаакию. Затем вы вернётесь.

– Но...

– Вы вернётесь, – последнее Глас Совета произнёс так, словно не потерпел бы никаких более возражений, и старейшины, распевая «Яко угодник Божий верный...», удалились в кромешный мрак позади трибун. Что скрывалось за этой завесой, Андрей Михайлович видеть не мог, да и не проявил особого к тому интереса, потому молча вышел в длинный коридор, ведущий к прихожей. Смысла демонстрации, устроенной старцами, он не понимал, даже не был уверен, что представление рассчитано именно на него. В конечном счёте, старейшины прекрасно знали, что их чрезмерная религиозность на Лигнина не могла произвести впечатления, тем более положительного. Возможно, таким образом посетителю показывали, что не намерены считаться с его интересами, однако же и это весьма натянутое объяснение оставляло много вопросов.

В прихожей света оказалось ещё меньше, чем в зале – свечи в целях экономии не горели, так что поначалу пришлось передвигаться на ощупь. Затем глаза привыкли, Андрей Михайлович разглядел

аккуратные ряды лавок слева и справа, мимо которых шёл около десяти минут назад, направляясь в помещение для собраний. На одной из лавок он и расположился и тут только обнаружил человека напротив.

Тьма полностью окутывала незнакомца, не задевая почему-то лица, так что выходило, будто лицо это совершенно неуместно висит в воздухе. Оно было болезненное, осунувшееся, с печатью лихорадки, какого-то грязно-мутного цвета, под глазами отекло. Сами же глаза, угольно-чёрные, смотрели куда-то в сторону, выражая то ли сострадание ко всему на свете, то ли обиду; в них стояли слёзы и плясали искры, и отражалось всё сущее – ровные ряды скамеек, ниже и дальше уходящие в тень сгорбленного, взволнованного то ли мальчика, то ли старика, в котором Лигнин узнал собственную персону, и – позади – огромное, во всю почти стену, зеркало, а в нём – всё то же самое, только задом наперёд, бесконечной чередой фантасмагорий. А поскольку глаза были чёрные, то, сливаясь с окружающим мраком, напоминали скорее два зияющих отверстия; потому казалось, будто это не незнакомец выражает в своём отёчном лице непонятные обиду и сострадание, а тьма, кругом распластавшаяся.

Одинокого посетителя можно было принять за призрака или видение – одним словом, нечто. Нечто, вырванное из мира снов, мира иррационального и по ошибке либо с определенной целью сюда попавшее, для верности обретя человеческий облик.

Вдруг незнакомец осклабился, обнажив гнилые зубы, подался вперёд, и Лигнин отчетливо увидел, что в глазах у соседа пляшут не искры, как выглядело вначале, а крошечные кукольные фигурки, мерцающие, странно притягательные в своём сумасбродном, развязном танце.

О, думать Андрей Михайлович тогда не мог – позже он рассудил, что с ним случилось некое помутнение, обморок, быть может, от духоты или напряжения, но тогда кроме холода в спине и на внутренней поверхности бёдер и животного оцепенения ничего не было – ни способности рассуждать, ни осознанного страха, ничего. Лигнин отвернулся. За ним действительно громоздилось зеркало, вот только никакого незнакомца в том зеркале не наблюдалось.

Глас Совета, издалека:

– Мы закончили. Вам дозволено вернуться.

3.

– Я встретил просителя, но он, кажется, ушёл, не дождавшись своей очереди. В глазах огоньки... Он, случайно, не прошмыгнул вперёд меня?

– Вы забываетесь, Андрей Михайлович. Вы слишком взволнованны, так что меня мучает вопрос, не привиделись ли вам и вправду какие-то огоньки? – старец позволил себе усмешку. – Да уж не оказался ли здешний воздух настолько для вас вредным, что вы умудрились подхватить ту самую лихорадку? Впрочем, опять ваши уловки, хитрости, ибо чего ещё ждать от человека неискреннего?

– Но ведь проситель мог быть там, – настаивал Лигнин, словно и не слышал предупреждения.

– Приступим наконец к делу, ради которого собрались, если вы не возражаете.

– Нет, что вы, я... напротив...

Между тем Андрей Михайлович, сам сбитый с толку и весьма напуганный, обнаружил едва уловимую перемену в поведении старцев. Всё вроде бы то же самое – надменность, уверенность в тоне, в жестах, нарочитая медлительность для придания себе более величественного вида, но только на первый взгляд. При более же пристальном рассмотрении становилось ясным, что эта медлительность вызвана совершенной растерянностью, как будто только что открылась новая проблема, на текущем заседании не затрагиваемая, и именно в области обнаружившей себя проблемы никто не знает, что предпринять, так что она подобна наточенному топору, поднятому над головами старейшин и замершему в ожидании их агонии. Под наигранной надменностью скрывалась (надо признать, весьма плохо) злоба на собственное бессилие, на растрачиваемое подобными собраниями время, а уверенные маски были явлены миру с целью скрыть чувство совершенно противоположное – неуверенности, осознания шаткости создавшегося положения, некой незримой пропасти, разверзшейся вдруг под ногами. Появилась ли такая двойственность только теперь или неприятное происшествие в коридоре раскрыло глаза наблюдателю – остаётся загадкой.

Оратор всё что-то говорил, говорил, наворачивал фразы одну на другую, сбивчиво и роясь в бумагах. Андрей Михайлович не вникал в смысл речи до тех пор, пока случайно брошенное слово не вывело наконец его из оцепенения.

– Что, простите? – переспросил он, очнувшись.

– Экзорцист. Совет намерен пригласить экзорциста. Немощь, возбудимость, крики и срывание с себя одежды явно указывают на одержимость. Не в наших силах бороться с нею.

– О, вы серьёзно так полагаете? – с саркастической интонацией.

Докладчик поглядел на Лигнина вопросительно, на лицах всех прочих участников разом выразилось негодование, словно это было единственное для всех лицо, разрезанное по случаю собрания на шесть частей, так что пришлось пояснить:

– Дело в том, что перечисленные симптомы имеют вполне достоверное медицинское обоснование, органические причины. В таком случае одержимость и вообще ссылки на источники, вызывающие у всякого разумного человека подозрения, едва ли имеют смысл. Это мракобесие, не более того. К тому же, как мне казалось, устаревшее и в наш век неприменимое.

– Всякому разумному человеку, – оратор зацепился за эти слова, повторил их с нажимом, подчёркнуто медленно и соблюдая излишнюю правильность в артикуляции, – известно, что тут творится. Не скрылось бы от разумного человека и то, как ловко вы пользуетесь подменой понятий. Эпоха средневе-

ковья отличалась от всех прочих времён искренней верой человека, его близостью к богу, противоборством дьяволу. Человек был слаб, не защищён, более того, прекрасно знал о своей слабости, а потому искал защиты единственно у бога! Всё дальнейшее, что произошло в масштабах исторического процесса – всяческие изобретения, философские концепции, медицина, огнестрельное оружие (есть и пострашнее, вам известно), свободомыслие, свобода совокупления, наркотики, то есть всё то, что создавало для человека иллюзию защищённости и счастья, влекло его по пути самообмана – суть попытки оправдания деятельности дьявола в этом мире, суть поклонение ему, его плоды! Мы не желаем быть причастны к такому беззаконию. Ибо что есть нынешняя лихорадка, как не божественное доказательство беспомощности, ненужности медицины с её сомнительными доводами и препаратами?

Вопрос прозвучал так, словно никакого иного ответа, кроме положительного, дать на него невозможно, опираясь даже на один здравый смысл, и Лигнин, теперь только ощутивший, насколько велика его усталость, спорить отказался. Собрание изматывало его. Пустословие изматывает.

– В любом случае, – не унимался докладчик, – Совет полагает, что помощь изгоняющего бесов будет куда как полезней, нежели приём лекарственных средств, для организма исключительно вредных, а также садистских мер профилактики с использованием огня и прочего. Да и стороннего мнения никто не спрашивал. Чтобы не затягивать, перейдём к главному. Прошение от вашего имени уже составлено, необходимо только подписать. Любое редактирование с вашей стороны, равно как и замечания и советы, не одобряется, однако для соблюдения формального ритуала вынужден спросить: желаете ознакомиться с текстом?

– Да, – сказал Лигнин, победоносно ухмыльнувшись. – Разумеется.

Затем подошёл к трибунам. Потребовалось четыре шага. Раз. Два. Три. Свет от свечей на протяжении всего диалога сосредотачивался на груди Андрея Михайловича, теперь же пятно это разрослось, смутно озарив плечи, руки, лицо посетителя и придав коже желтоватый и как бы восковой оттенок. Четыре.

Один из старейшин протянул два листа бумаги, исписанных мелким убористым почерком, выдававшим скупость. Передавая готовое прошение, старец заглянул бывшему проектировщику в глаза в надежде, что тот потупится, примет прежний податливый облик, однако увидел в этих глазах гнев да ещё смелую, непозволительную решимость. Старцу не понравилось подобное выражение, он сжался, рука с прошением дёрнулась, подалась назад, однако уже пустой.

Читать Лигнин ничего не стал. Манера членов Совета держаться, их откровенная глупость, высокомерие вкупе с непомерным желанием властвовать, само помещение, предназначенное для мероприятия, даже этот жалкий почерк, безмерно раздражали. К тому же, Андрей Михайлович окончательно удостоверился, что Совет, несмотря на всю свою внешнюю величественность, в здешнем мире ничего не стоит, нападки же на самого Андрея Михайловича – не что иное, как последняя попытка старейшин вернуть себе хотя бы толику прежней власти. Что приятно, попытка тщетная.

Обдумав всё сказанное выше, Лигнин ухмыльнулся и разорвал оба вручённых ему листа. Получившиеся клочки разбросал по полу прямо под собой, дождался, пока последний клочок коснётся поверхности, развернулся и вышел, оставив седовласых любителей ухватить бразды правления в совершенном замешательстве.

4.

Когда Андрей Михайлович, с лёгким сердцем, совершенно позабывший происшествие в коридоре и как будто позабывший даже старейшин с их неудовлетворённым желанием подчинять, оказался на улице, в небе уже была луна, кроваво-жёлтым пятном, полная и сплошь в мерцающих разводах, воспалённая, размытая, огромная. К вечеру сделалось прохладно (по крайней мере по сравнению с липкой дневной жарой, когда не продохнуть), дышалось легко, легко шагалось. Андрей Михайлович спустился с крыльца, отправился в сторону дома.

Впрочем, туда ему не так уж хотелось. Часы, проводимые им в опустевшей, захламлённой комнате, запертым в четырёх стенах, навевали грустные размышления, вплоть до того ужасного, которое предвещало обречённость, скорейшее завершение и разлад всего. Разлада Лигнин всегда панически боялся, избегал, однако же вот, по всей видимости, предмет его страхов воплотился и – удивительно – ничего не произошло, ровным счетом ничего из этого не следовало. Лишь доказательство, что человек способен жить без матери, без сестры, вообще без женщины, в страшном одиночестве, в атмосфере отчуждения от всего прежнего, близкого, казалось бы, столь необходимого, но вдруг разом потерянного, причём без особого вреда. Доказательство того, что существуют люди, изначально не способные на бурные чувственные реакции, ко всему на свете могущие приспособиться: к соседству с пустотой, к пустоте внутри, к темноте, отсутствию завтра, страшной однообразности и ненаполненности дней. Того, что иные переживают гибель своей любви, не потеряв ни единой частицы себя. Доказательство печальное и, в общем, совершенно бесполезное, а в то же время нагло очевидное, фундаментальное, конечное.

«Всё? Это всё?» – спрашивал Лигнин сам себя, даже не понимая толком, что под этим пресловутым «всем» подразумевается. Вероятно, так проявлялось чувство утраты, но даже к нему Андрей Михайлович относился бесстрастно, наблюдал как бы со стороны, а потому не вполне представлял, что оно означает. Следствие растерянности, безразличия, которые исчезали во время всякого диалога, чтобы после вновь прийти, с новой силой впиться в горло и не отпускать, не отпускать! В целом, бывший проектировщик просто не знал, чем же занять себя.

Домой решил пока не идти. Он занимал комнату, некогда принадлежавшую покойной сестре (прежнюю свою, кстати), периодически порываясь освободить иное помещение и наладить сообщение со вторым этажом, да всякий раз откладывал. К чему? Нет, домой он не пошёл. Вместо этого свернул в широкий переулок, где некогда располагались торговые ряды. Лихорадка согнала торговцев с насиженных мест, к тому же теперь вечер, потому переулок пустовал. Замощён не был, голую, утоптанную землю покрывал бесконечный ряд деревянных настилов, уложенных один за другим наподобие дороги, так что каждый шаг порождал громкий, неприятный стук, эхом отбивающийся от построек по обе стороны. К слову сказать, многие улицы в городе с самого основания не имели ни каменного, ни асфальтового покрытия, потому их каждый год в начале весны покрывали деревянными досками. К осени от давления ног и в особенности колёс доски совершенно разламывались, так что на будущий год их вновь приходилось менять – но, по крайней мере, такой способ обходился дёшево, так что не жаловались.

Эхо было неприятным, подчёркивало заброшенность, мертвенность места, однако именно благодаря ему Лигнин обнаружил преследователя и обернулся.

За ним семенил местный врач – тот, что констатировал смерть Анны Михайловны и до этого не раз навещал, стараясь помочь, избавить или хотя бы облегчить мучение. Лигнин остановился, давая пожилому человеку возможность догнать его.

– Андрей Михайлович! Как славно, что вы подождали! Я опасался, что от натуги меня хватит удар! Думал уже, не нагнать мне вас.

Поравнявшись, врач некоторое время стоял молча, дабы успокоиться и унять таким образом одышку.

– Вы что-то хотите от меня? – не желая повторения истории, подобной той, что произошла со старейшинами, Лигнин проявил нетерпение, своим вопросом так и не позволив доктору выровнять своё дыхание.

– О, безусловно! – ответил тот. – Стал бы я иначе гоняться за вами! Надеюсь только, что не слишком отвлеку вас.

– Нет, – сказал Андрей Михайлович и задумался. Обратился к воспоминаниям, желая удостовериться, действительно ли сомнительного рода беседа не слишком его отвлечёт или всё же существует необходимость спешить домой. Воссоздал в памяти помещение, приспособленное им для ночлега (Боже мой, да ведь мне приходится спать на той самой койке!), тёмное, лишённое электрического света (проводка перегорела задолго до приезда чужака, починить же её было явно некому, да и чего ждать в решении подобных проблем от двух женщин), с грязными занавесками и стенами, в которые словно влипаешь. Спешить... туда?! Лигнин вспомнил, как собственные его мысли ещё в первую ночь обретали голос, обретали неприятное звучание и сводили с ума – рвёт. Вернее, тогда рвало, рвало на мелкие части какой-то кусок жизни. И всё – стены, низенький столик, табурет в углу – кричало в немом вожделении: ты слышишь меня? Веруешь в меня? Да разве можно в это веровать? Безумие! Откровенное безумие. – Нет, доктор. Я вообще рад с кем-нибудь поговорить.

– Понимаю. Ваша сестра...

– Вы ведь не за тем за мной гнались. Не для того, чтобы поговорить о сестре. Давайте же не будем.

– Да, всё это, конечно, тяжело для вас. Просто она была приятным человеком, и мне её жаль. И маму вашу тоже. Впрочем, как хотите, не будем! Вы, кажется, только что от старейшин. Ведь вы от старейшин?

– Да.

– О, я случайно прервал ваше собрание. В здании имеется задняя дверь, ведущая из зала прямиком на улицу. По взаимному уговору, мне и отцу Тимофею всегда следует проходить в эту дверь. В случае необходимости, разумеется.

– Не тогда ли вы пришли, когда мне упорно пытались доказать, что отправляются помолиться об одном из своих преподобных?

– Именно, и простите меня! Я не мог предположить, что они так с вами поступят.

– Однако это весьма в духе старейшин.

– Вы тоже заметили? Весьма высокомерные люди, из прежних монахов. Им следовало бы поумерить свой пыл и, по большому счёту, они не то что бы лишились власти из-за вас, как им в силу природного тщеславия хотелось бы думать, но даже никогда не обладали ей. По крайней мере, в том объёме и тех масштабах, какие можно предполагать, основываясь на их манере вести разговор. Они ведь, в сущности, вернулись в разорённую обитель с целью восстанавливать её, но обнаружили, что, во-первых, эту скромную миссию уже выполняет отец Тимофей и прекрасно справляется без помощников, во-вторых, за время их отсутствия тут образовалась крохотная деревенька из пришлых поселенцев да осевших бродяг. Они остались, увидев в этом последнем обстоятельстве некую для себя возможность, но – знаете ведь – бродяги, даже остепенившись, власти над собой не терпят. А потом приехали ваши соратники, началась разработка угля, старейшины и свалили на приезжих всю вину, в то время как причину провала следовало усмотреть в собственной несостоятельности. По сути, совет – нежелательный нарост на коже здешнего уклада. Так мне кажется.

– Но вы приходили к ним!

– Приходил. Я надеялся получить от них помощь. Моя надежда оказалась напрасной, особенно теперь, после того как старейшины дурно с вами обошлись, попытались подчинить, унизить, что, вне всяких сомнений, не могло не вызвать вашей ненависти. Вполне понятно, вы порвали составленное ими прошение и, вероятно, их приём напрочь отбил у вас желание... ну скажем, написать его повторно.

– Ах, вот вы о чём!

– Постойте, не горячитесь! Я предвидел ваше недовольство, однако прошу выслушать меня. О, не спешите, прошу вас, помедленней!

Лигнин, услышав завуалированную просьбу, и вправду двинулся быстрее, однако тут же перешёл на прежний, более медленный шаг, так что они с врачом вновь шли наравне. Меж тем проулок заканчивался, за ним открывался пустырь, уводящий прочь из города.

– Этим старикам, – продолжал доктор, – закосневшим в вере, утерявшей свой предмет, и напыщенной церемониальности, повсюду мерещится вмешательство нечистой силы! Разделяю ваше раздражение, но ведь, согласитесь, оно нисколько не умаляет проблемы. Я ведь почему приходил сегодня к ним, почему задержался, чтобы узнать развязку, пребывая всё то время, что вы скучали, во мраке за трибунами, никем не замеченный, лишённый права голоса – мне необходимо было сообщить о том, что заболел ребёнок, девочка пяти лет. Поймите, ведь она совсем ещё маленькая для такой боли! А на родителей смотреть спокойно невозможно! Такая подавленность... У ребёнка жар и все прочие признаки болезни. Я хочу спасти её.

– Я вам не мешаю, – безучастно.

– Но можете помочь! Давайте, давайте спасём её вместе! Я не могу исцелить бедняжку наложением рук, а кроме этого, предложить мне нечего. Медикаменты, даже самые необходимые, на исходе, о тех же, которые нужны в данном случае, я уж не говорю! У больных пролежни, практически у всех, вероятно, такова симптоматика, а у меня для избавления от них только камфорный спирт! Это же смешно!

– Я могу написать. Могу отправить. Но ведь бумага должна подробно обосновывать просьбу. Что же я напишу, если ничего не знаю? Просветите хоть вы меня, доктор! Иначе придётся поверить в бесовщину.

– Я и сам порою испытываю соблазн поверить в неё, – печально признался врач. – Что именно вас интересует?

– Лихорадка. Откуда она взялась, каковы её причины, почему все вокруг умирают, заразна ли, поддаётся ли лечению? Это следует изложить в прошении, вы же понимаете!

– Да, конечно.

Они добрались до конца торгового переулка, минуту помешкали, решая, продолжать ли путь, затем повернули обратно.

– Это сепсис, Андрей Михайлович.

– Я, признаться, не силён в терминологии, но, кажется, вы имеете ввиду заражение крови?

– Да, хотя это и не совсем верно. У всех больных такое заражение не попадает в кровь через открытую ранку, как вы привыкли думать – нет, в теперешних обстоятельствах есть первоначальный возбудитель, возможно в лёгких, который посредством крови расселяется в прочих органах и вызывает необратимый процесс умирания. Все признаки налицо: бледность, спутанность сознания, у многих отёки, пролежни, разложение тканей. Беда в том, что определить первичную инфекцию никак не удаётся. Судороги, видения, прочие случаи помутнения разума, которые мне довелось наблюдать, вполне могут быть вызваны абсцессом мозга. Я сначала подозревал арахноидит, всё же большая часть заболевших – женщины[4]. Однако сепсис его не вызывает, а вот попадание гноя в голову – вполне. Да вам это ни о чём не говорит, мне следовало бы изъясняться по-другому! Состояние больных легко объяснимо, но только до определённой черты. К неподвижности ведёт полное или частичное воспаление позвоночника, вернее, нервов, которые в нём расположены – такое тоже возможно и даже довольно часто случается на практике. У вас сложилось представление?

– В целом, да.

– Замечательно. Остаётся нерешённым вопрос о первичной инфекции, но тут я, признаться, бессилен. В самом начале эпидемии я, холодея от ужаса, однажды подумал: а если чума? Но вскоре столь необоснованное подозрение пришлось отбросить. Смертность для чумы слишком мала – возможно, так говорить бесчеловечно, однако так на самом деле всё и обстоит. Да и, кроме того, ни бубонов, ни воспаления или хотя бы размягчения лимфоузлов, ничего такого я не наблюдал ни в одном случае. А без характерных признаков говорить о чуме бессмысленно! Ведь если не обнаружены симптомы бубонной чумы, то значит, нечего даже и думать о вторичной, выраженной в остром сепсисе. К тому же, неизбежно у того или иного заболевшего была бы лёгочная форма, а такого тоже не наблюдалось. Таким образом, всё, что на текущий момент известно, я поведал. Если вы хоть что-то запомнили, то пожалуйста, можете перечислить в вашем письме, я готов подписаться под каждым словом.

– Я даже начал многое понимать и обязательно приведу подробные разъяснения, ссылаясь на вас, – Лигнин улыбнулся, почему-то заискивающе. – Можно ли задать вам ещё один вопрос?

Доктор кивнул, хотя длительная речь и утомила его.

– Когда началась эпидемия?

– Что ж, это довольно сложный вопрос. Однозначного ответа я вам дать, к сожалению, не смогу, и причина тут вовсе не в моей прихоти. Но, поскольку вы спрашиваете, осмелюсь предположить: отец Тимофей рассказал вам о Диане?

– Да.

– Не могу быть уверенным в том, что приступ, с ней приключившийся, можно считать первым случаем болезни, как не могу утверждать и обратное. У неё была эпилепсия, весьма запущенная и потому тяжело протекавшая. Подобный припадок вполне мог явиться следствием именно эпилепсии, ибо женщина после смерти мужа наотрез отказалась принимать лекарства, ко мне тоже больше не обращалась. Надо полагать, ей делалось всё хуже и хуже.

---

4) Абсцесс головного мозга — очаговое скопление гноя в веществе головного мозга. Арахноидит — воспаление паутинной оболочки мозга, в результате чего слипается пространство для оттока ликвора (спинномозговой жидкости), ликвор скапливается в черепной коробке, оказывая давление на головной мозг. От арахноидита чаще страдают женщины.

С другой стороны, наличие у неё судорожных припадков не исключает вероятности того, что последний из них – следствие иного заболевания, именно же того, которое здесь принято называть нервной лихорадкой.

Я предупреждал вас, однозначного ответа нет, а потому решайте сами, какое время считать началом заражения. Можете вовсе обойти этот вопрос в письме. Ну что же, до свидания, надеюсь, я сумел просветить вас, – хрипло смеётся, но недолго; сразу после вспышки смеха лицо его как бы опускается, морщины наплывают на глаза, ширятся, видно, что он ужасно устал. – Надеюсь также на вашу помощь. В конечном счёте, в ней не столько нуждаюсь я, сколько множество страждущих, в особенности же маленькая девочка, которая испытывает ужасную боль и даже не понимает, что с ней творится. Её непременно надо спасти. Так до свидания!

В ту же ночь прошение, и весьма обстоятельное, с аккуратным изложением всех значимых фактов, было написано. С утренней почтой, которая, хотя скверно, но до сих пор функционировала, оно отправилось в Город.

5.

Между тем поселение жило своей обыденной жизнью, как будто отдельно от административных мелочей, дрязг, от Совета и его нежелательных притязаний, от подёргивания воздуха. Так происходит повсеместно. Так всегда происходило: властители воображают, будто вверенная им область дышит одними их стараниями, питаясь от механизма финансовых связей и привлечённых средств, прочно зиждется на отработанной схеме правления, предохраняющей всё и вся от хаоса. Наивные, они даже не удосужились спросить: вверенная... кем? Человек пытается подчинить себе кусок земли, но более мудрые давно поняли, что единственное, что можно с этим куском творить – жить на нём, ни на что особенно не претендуя.

В конечном счёте, известно, что сей безумный хаос, будучи явлением непреодолимым и неосмысленным, приходит и уходит совершенно самостоятельно и может любую систему обратить в руины, в своё горькое, трогательное, тошнотворное, пыльное детище, вне зависимости от степени её централизованности.

И поселение жило отдельно от управленцев, обходясь без их докучливого вмешательства, по инерции съедаемое несовременным укладом (о, не стоило так много брать на себя!), не столицей и вообще ничем, но по природе своей стремящееся к тому же, к чему всякое живое и неживое в этом мире – к энтропии – а потому разваливающееся. Оно, как любая система, жило и гнило одновременно.

Так же, как селение разрушалось против воли старейшин, вопреки желаниям доктора умирали люди. Маленькая девочка, заболевшая накануне, несмотря на надежду доктора избавить её от неутешительной смерти в столь юном возрасте, умерла на следующий же день. Умела не спасённой. То обстоятельство, что интенсивность заболевания пошла, кажется, на убыль – по крайней мере, сводки уменьшились – значения смерти ребёнка никоим образом не умаляло, не компенсировало боль.

Дело в том, что в городе вообще-то было немного детей. Преимущественно они собирались в стайки, словно их стягивала воедино некая сила, подобная той, что стягивает атомы в молекулы, молекулы – в физическое тело и т. д., и всё это бесконечно. Вели образ жизни бродяжнический, беспризорный, нечистоплотный и полный всяческих приключений. Приключения, впрочем, доставались им весьма скудные, вроде мёртвой птахи, так что неизменно скучающее выражение успело запечатлеться на всех в округе детских лицах. В определённой мере дети, страдающие ангедонией и малокровием, толком не способные разобраться ни в своих эмоциях, ни в подростковой перекройке собственного тела, отупевшие от безделья – в какой-то мере они являлись неотъемлемой частью того безмятежного процесса, о коем мы говорили «поселение жило своей жизнью». Дети – всегда дети, именно благодаря этому факту жители не срывались в пропасть отчаяния.

Однако случай с пятилетней девочкой, в отличие от всех прочих смертей, поверг город в особенное уныние, ибо впервые умер ребёнок, не достигший периода созревания. Подобное действует отрезвляюще, если найден виновник, либо, как в данном случае, то есть когда виновника не существует в принципе и потому предпринимать нечего, крайне удручающе.

То была всеобщая трагедия, сравнимая разве что с самыми первыми известиями об эпидемии. Прежние исходы, до смерти дитя, вызывали скорее нечто вроде озлобленного созерцания, и даже, осмелюсь сказать, любования, но совершенно особого свойства. Такое любование появляется в душах обречённых, если они никак не способны повлиять на развитие ситуации и могут только наблюдать да надеяться, что именно их общее бедствие не затронет. Надежда, впрочем, также пропадает весьма быстро, так что даже к собственной участи человек испытывает безразличие, смешанное с холодным любопытством – «что же дальше?» тогда вполне уживается с «будь что будет».

Человек чувствует своё тело, будучи помещённым в атмосферу гибельности, он слушает своё сердце, безучастно, беспристрастно, не помогая и не создавая помех, как бы поставленный перед фактом, что организм прекрасно справляется без его, обладателя, горячего участия и так же, вопреки смутным надеждам на бессмертие, без этого участия однажды прекратит функционировать. Человек превращается в созерцателя.

Вывести его из такого состояния может лишь нечто ещё более ужасное, чем те условия, в коих он заперт – в данном случае этим «нечто» стало крайне быстротечное увядание ребёнка и неоправданная смерть в итоге. Но вместе с тем следует признать и

печальный факт – внешне ничего не изменилось. Ровным счётом ничего. Тотальное отсутствие прохожих, гуляющих, нудные разъезды похоронных бригад, большую часть времени ничем не обременённых, потому что всё же не чума и смертность не такая уж большая, и ощущается лишь из-за крохотности поселения. Атмосфера понурости, безвоздушная, болезненная и в определенном смысле истерическая, полная чужих видений, домыслов, способная в любой момент времени воплотить тех бесов, о которых шептались украдкой местные.

Ничего не изменилось.

Даже погода.

Та же жара, то же отсутствие влаги, палящее солнце, вызванное им неуклюжее обилие света. Свету никто давно не рад, он только и способен, что жечь да бередить старые раны, да вот ещё беспокоить умерших.

Поля стояли сожжённые, скот сходил с ума от зноя и голода, земля трескалась, покрывалась пузырями, словно кожица на тухлом мясе. Всё кругом жаждало прохлады, жаждало дождя, избавления и, возможно, прощения.

6.

Вскоре пришёл ответ из столицы, поражающий безжалостной краткостью: «Средств нет».

Город обречён.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Нигредо [5]

В течение последующей недели жара стояла такая, что ни дышалось, ни думалось, ни жилось. Совершенно особенная жара, безвоздушная и вязкая, когда кажется, будто весь мир замер, течение времени остановилось и после лихорадочной ночи, не приносящей покоя, повторяется то же самое сегодня. Оно каждый день.

Вода в реке успела опуститься на полметра, а глядя на посеревшие поля, становилось понятно, что никакой дождь их не спасёт. Ожидался голод. После столичного ответа в селении среди местных возникла некая сплочённость, и причина такой сплочённости – в затронувшей всех разом немой, беспрекословной покорности судьбе.

Когда умерла пятилетняя девочка, её, вопреки обычаям и установившемуся с недавних пор порядку, сжигать не стали. Гроб был совсем крохотный, для него нашлось место на кладбище, среди нагромождений могильных камней – да и родители очень просили. Просили доктора, сделавшегося вдруг особенно печальным, священника, старейшин, даже Лигнина упрашивали, так что в конечном счёте сошлось.

Мать девочки первые после похорон три дня не отходила от могилы. Сидела рядом с трогательным земляным бугорком, поникшая, обнимала невысокий памятник.

Мать обнимала этот неуместный, противоестественный памятник, отменяющий самоё понятие справедливости, и всё причитала и плакала, причитала и плакала, неудержимым потоком; не могла остановиться, пока не рухнула от изнеможения в обморок. Муж отнёс несчастную домой, уложил в постель, и та больше не вставала, даже придя в сознание. Она надеялась, что у неё лихорадка – ей непременно хотелось оказаться больной, безнадёжно, ей хотелось умереть. Никакие мужнины уговоры не действовали, а совсем скоро у выцветшей, резко постаревшей женщины действительно открылась лихорадка, чему жертва только обрадовалась, причём искренне, несмотря на мучительные боли, судороги, видения. «Это можно потерпеть, это можно», – успокаивала она супруга, приходя в себя. Ей, без сомнения, предстояло присоединиться к дочери, с той лишь разницей, что её-то тело обязательно сожгут, потому как же иначе. Но на момент, нами описываемый, она была жива. Живая, покоилась она в постели и щебетала по вечерам еле слышно, прерывающимся голосом:

– Это можно потерпеть, можно потерпеть ещё немножко...

***

Девятнадцатого июня Лигнин видел сон. О, разумеется, что-то и раньше ему снилось, всякий раз липкое, абсурдное, чересчур реалистичное, словно соткано из плотной материи, как всякому одинокому человеку, вынужденному мириться с теснотой да испытывающему беспричинную, казалось бы, на пустом месте возникшую тревогу. Однако в большинстве случаев свои ночные фантасмагории Андрей Михайлович вовсе не запоминал или воспринимал как нечто недостойное внимания. Этот же последний сон никак не шёл из головы, ворочался там среди прочих мыслей, отказываясь замолкнуть, исчезнуть; он как будто предупреждал о надвигающемся бедствии.

Снилось ему, будто он всё ещё заперт в прихожей старейшин, ожидая своей очереди на странном, явно затянувшемся собрании. Темно, но как-то иначе, словно сквозь эту темноту пробивается слабое мерцание. Холодно. Лигнин вдруг понимает, что сидит не на лавке, а на чём-то холодном, бесконечно твёрдом, с шероховатой поверхностью – вероятно, на камне.

Протягивает руку, дабы коснуться стены. Сыро. Пальцы ощущают липкую, податливую мягкость (то ли мох, то ли плесень, то ли какой-то непомерно расплодившийся грибок), за которой скрывается та же нерушимая твёрдость, твердолобость. Это не дерево, ведь в такой сырости верхний слой дерева напоминает труху – это камень. «Так значит, – думает Лигнин, – я в пещере! В пещере!» От подобного открытия леденеют кончики пальцев, повсюду наты-

5) Нигредо — возможное состояние человека на начальном этапе психоанализа. Психологическое состояние при этом негативное, в сновидениях и фантазиях преобладают образы смерти, разрушения, всего подземного, отвратительного. Связано со встречей с архетипом Тени.

кающиеся на неотвратимые, упрямые глыбы. Внутренняя поверхность бёдер съёживается от испуга, по ней пробегают мурашки, вызывая своим настырным щекотанием лёгкую тошноту. Мерзко.

Напротив до сих пор сидит странный незнакомец. Лицо его, как прежде, совершенно бессмысленно и безосновательно подвешено во тьме. Только веки плотно сомкнуты. Они белые, тонкие, так что сквозь них просвечивают вены, и влажные.

– Откройте глаза, – просит не своим голосом Андрей Михайлович. – Откройте! Я хочу увидеть! Я должен удостовериться! Ведь у вас там действительно пляшут крошечные фигурки?

– Не могу, – отвечает человек и улыбается.

– Почему? Не хотите?

– Вырезали, – как-то невпопад говорит человек, и Лигнин переспрашивает:

– Что?

– Глаза.

Тут незнакомец размыкает веки, но глазницы пусты, как у древнего мертвеца, в них только непроглядный мрак да ещё отвратительная белая слизь по краям. Андрей Михайлович дотрагивается до этого лица, сам толком не понимая, зачем, лицо холодное, закоченевшее, сырое и мягкое; пальцы проваливаются в уступчивую ткань, разрывают её, вязнут в ней, а незнакомец принимается истерически гоготать. Смех спицами врезается Лигнину в уши, режет, заполняет собою голову, так что вся она начинает нестерпимо болеть. Невыносимо! Невозможно!

Андрей Михайлович бросается бежать...

Бежит довольно долго, пока наконец не оказывается в широком гроте со сводчатым потолком. Здесь светлее и множество народу. Люди столпились вокруг безликой женщины, ничком пред ними распластавшейся. Женщина вздрагивает, завывает, корчится в судорогах; тело её то выгибается дугой, то ломается пополам, а иногда вдруг обмякнет, но для того лишь, чтобы напрячься в очередной уродливой фигуре.

– Расскажи нам! – гудит толпа. – Расскажи ещё!

– *Они говорят: единость, говорят: множество, говорят: ты, ты сама!*

Тогда со стен пещеры, с потолка обрушиваются потоки воды. Вода, тёплая, грязная, почти сразу заливает помещение до верха. Женщина, признанная местной толпой оракулом, захлёбывается, остальные стоят по шею в образовавшемся месиве, не шелохнувшись, покорно ожидая своей участи – так, словно давно предвидели подобный исход и потому смирились. Лигнин пытается отыскать лазейку, через которую проник в грот, но никакой лазейки больше нет, стены неумолимы, непроницаемы, безжалостны.

Пещеру заполняют жидкость и звук.

Звук. Какой? Что-то отрывисто, с точным соблюдением ритма прорывается сквозь сон, сквозь мембраны в головной мозг – возникает невольное ощущение, будто источник там, внутри, и находится, и значит, звук рождается там же, а вовсе не проникает тонкими, едва уловимыми волнами через ушную раковину, не интерпретируется посредством сложного органического аппарата...

Дождь? Дождь ли это наконец начался? Его ли это стальные, размытые пальцы тарабанят по крыше?

Лигнин просыпается посреди ночи. За окном тьма... и дождь!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Отец Тимофей

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Икона. Старые люди

Восемнадцатого июня, накануне той ночи, когда Лигнин вскочил, поражённый слишком ярким сновидением, и застал начало ливневого периода, отец Тимофей пробудился перед самым рассветом, мучимый нестерпимой головной болью. В мозгу как будто что-то дёргалось, сжималось и уплотнялось. Вены на висках взбухли. На лоб, покрытый жирным слоем пота, налипли пряди волос.

Отец поднялся на ноги, с трудом разгибая суставы, зажёг свечу, от которой в помещении разлился тусклый, неверный свет. Свет подчеркнул плотность теней, очертил и очернил их, избавив от той же плотности все предметы в келье – узкую койку, стол грубой отделки (кажется, самодельный), распятие на стене, даже стены и наглухо заколоченное оконце. Оттого предметы эти отошли на второй план, стушевались, те же, что были ближе к полу, вовсе исчезли, предоставив мерцающей пляске неограниченный простор. Тени дрожали, тени танцевали, шептались безо всякого стеснения, невозможно обнажённые, окутывая проснувшегося человека жутковатым, но сладостным туманом да тщетно соблазняя своей бестелесной, завораживающей и – увы – мёртвой сущностью. Пляска мертвецов, не иначе.

Священник отыскал крохотное зеркальце, поднёс его к самому пламени, так близко, что в лихорадочном стремлении лучше видеть едва не обжёгся, принялся разглядывать своё лицо. Правый глаз, кажется, без изменений: роговица цела, белые щупальца по краям замерли (впрочем, разве позволительно доверять собственному зрению при столь скверном положении дел?). Левый же был залит кровью, изнутри; доступная для осмотра глазная выпуклость покраснела и напоминала теперь переспелый плод, поверхность её выглядела рыхлой. Боль от повреждённого глаза тянулась к виску, глухо отдаваясь в затылке и во всей голове. А порою казалось, что и во всём теле.

Священник провёл по лицу рукой, намереваясь убрать с него утреннюю отёчность.

«Что же это? – подумал Тимофей. При этом боль, словно противясь мыслительному процессу, начала пульсировать. – Неужто инсульт? Однако же я не парализован, способен здраво рассуждать, видеть и чувствовать. Могу говорить, а ведь при кровоизлиянии... Да могу ли я, в самом деле, говорить?»

От внезапной немощи старик вновь сел на койку. Затем пригладил бороду, словно подобное действие могло помочь, разомкнул онемевшие ото сна губы и произнёс то первое, что пришло на ум:

– Для того, чтобы совершать мщение над народами[6].

Прислушался к звуку собственного голоса, дабы удостовериться, что слова, призванные им к жизни, достаточно внятны (по крайней мере, не менее, чем всегда); повторил ещё раз, громче, и остался доволен. Таким образом, заключил он, головная боль скорей всего вызвана либо недосыпом, либо кошмарной фантасмагорией, сразу после пробуждения забытой, либо, наконец, не слишком удобным положением туловища во сне, то есть никакой опасности не представляет. Словно в подтверждение этому, боль на время отступила.

Священник сходил к реке, совершил утреннее омовение, весьма скудно позавтракал и отправился в путь, задуманный им со вчерашнего дня.

Едва ли мы сумеем достоверно объяснить причину этого путешествия, ибо сами принуждены строить догадки. В конечном счёте, у Тимофея засела глубокая убеждённость в необходимости и даже спасительности такого мероприятия. Твёрдая мысль делается порою навязчивой, подчиняет себе всего человека целиком, однако путь становления подобной мысли подчас ни стороннему наблюдателю, ни самому субъекту проследить невозможно. Быть может, и повреждение-то в голове случилось у Тимофея именно вследствие этой господствующей идеи – утверждать не станем. Кроме того, версия о том, что отец Тимофей будто бы сумасшедший, некоторых вполне удовлетворяла, а сумасшедший может позволить себе всё, что заблагорассудится.

Итак, священник отправился в соседнее поселение, где произошло чудо, повлёкшее всеобщее среди прихожан безумие. В том, что икона кровоточила, он не сомневался, не сомневался же и в божественности данного явления (не мог позволить себе тех предположений, которые исключали бы божественность произошедшего), потому эти вопросы обсуждать не хотел. Другое волновало его: как могло радостное событие привести зрителя не к полагающемуся смирению, но к тошнотворным схваткам хаоса, вездесущему, звериному вожделению, к сумасшествию! Одним словом, как при виде *чистой* крови человек посмел возжелать Бога, почему?

Разумеется, если бы отец не видел мифической связи между чудовищным столпотворением *там* и преступлением, и последовавшей затем лихорадкой *здесь*, он бы не отважился на столь долгое да при его слабом зрении даже опасное путешествие, но в том вся беда, что эту самую связь, в силу безумия или мудрости, священник видел. Ви́дение это, понимание тонких, едва уловимых причинно-следственных нитей, о существовании коих никто совершенно не подозревал, каким-то нелепым образом переплеталось в сознании Тимофея с насущным желанием или, вернее, потребностью найти наконец избавление для родного посёлка, а через него – для себя. Вкупе два этих мотива – тонкое понимание да необходимость спастись – заставили иеромонаха отправиться в путь. Впрочем, поводом послужило, разумеется, обстоятельство иного рода. В том оно заключалось, что служителю, подобно прихожанам, следует пользоваться услугами исповедника, и для Тимофея такой срок настал **[5]**.

Обитель, в которой находилась кровоточивая икона, была закреплена за иереем, при крещении получившим имя Павел. Тимофей до того несколько раз с ним виделся, но всё мельком да невпопад, так что близкого знакомства между ними не состоялось. Один раз только они беседовали (вероятно, какой-то отвлечённый теологический спор), воззрения Павла показались тогда Тимофею довольно сомнительными, хотя, кажется, толково изложенными. О первом, кроме прочего, всегда ходили не слишком лестные слухи, однако второй никогда слухам не доверял, в особенности учитывая то обстоятельство, что ему самому местные приписывали безумие. А всё же одна весть настораживала – поговаривали, будто бы Павел некогда был замешан в неприятной истории с несовершеннолетней девочкой, и поскольку напрямик о его участии ничего не говорило, отлучение заменили своеобразной ссылкой в здешнюю глушь, к дикарям и поселенцам, для усмирения отвратительных страстей, исправления неудобных наклонностей. Нет, в эту сплетню Тимофей никоим образом не верил, но, принимая во внимание чрезмерную задумчивость о несчастии, приключившемся с Дианой, сама возможность такого пристрастия в человеке пугала его донельзя. Ничего выяснять он в любом случае не хотел. Следовало избегать сомнений и пищи для сомнений, ибо таковые окончательно надломили бы старика, лишили разума, без того затуманенного. Верно, следовало избегать семян, дающих недобрые всходы. Ведь он шёл за спасением и одновременно за осознанием. Однако не знал, что между спасением, суть которого – неведение, и осознанием, суть коего – доскональное разбирательство всех событий, предшествующих эпидемии, – придётся выбирать.

Тимофей отправился в кромешный мрак, лишь интуитивно догадываясь о нужном направлении. Он предполагал оказаться в поселении к началу третьего часа службы [10], при воспевании сошествия святого Духа, однако дело это, по всей видимости, затягивалось. Левый глаз совершенно заплыл кровью, и вообще перед глазами надоедливыми искорками всё время мельтешило красное, зелёное; престарелый священник не был уверен, что идёт туда, куда следует. Несколько раз порывался вернуться, но то ли не желал в силу упрямства, то ли из-за «твёрдой мысли» не мог позволить себе подобной слабости, в терминах «твёрдой мысли» опять-таки; потому, обнаружив по определённым признакам (редкое деревце, колодец и прочее), что сбился, останавливался на привал. Когда взошло солнце, остановки пришлось делать чаще – светило вздыбилось на небо стремительно, уже разогретое, побелевшее от соб-

6) Псалтирь, 149:7.

ственного тепла, так что жара установилась мгновенно. Она изматывала путника.

Кругом простирался пустырь, местами совершенно выжженный, почти обуглившийся, местами покрытый чахлой, рыжеватой травой. «Ах, кабы возвышение какое отыскать да поглядеть, сразу стало бы ясно, куда теперь идти», – подумал Тимофей. Как назло, никаких возвышений поблизости не наблюдалось, и после каждой передышки приходилось продолжать путь по наитию.

Наконец на юго-востоке показались деревянные постройки, неровными рядками. Тимофей устремился к ним, вполне справедливо полагая, что достиг цели.

Действительно, вскоре он оказался посреди небольшого селения, плотно заставленного домами да испещрённого узенькими, словно ходы в улье, канальцами. Дома стояли преимущественно чёрные, старые, но, по всей видимости, старательно и регулярно ремонтируемые. Что ж, вполне вероятно, народец здесь обитал менее отчаявшийся, да и вообще был как будто лучше, судя по отсутствию случаев воровства и самосуда, за ним неизменно следовавшего.

Церковь отца Павла располагалась в заболоченной низине, которая даже в самые жаркие дни толком не просыхала. Неподалёку высилась колоколенка, изрядно накренившаяся, как будто доживающая последние дни (кажется, она давно уже стоит тут без надобности, да и колокола проржавели – так можно заключить, исходя из того главным образом, что при попадании солнечных лучей медная поверхность не превращалась в одно сплошное сияние, подобно чистому металлу, и не давала бликов; на ней оставались пятна, игре света не подвластные – хотя отсюда, снизу, было совершенно не видно, что эти пятна из себя представляют, можно было догадаться, что образованы они хлопьями вековой ржавчины. Да и все колокола целиком окутывала рыже-зелёная пленка).

Болотце, таким образом, было тщательно укрыто перекрёстной тенью – от колокольни с одной стороны и западного крыла церкви с другой, – тень защищала его от губительного для всякой сырости влияния света да едва ли пропускала тепло. Потому влага сохранялась. В болотце кишела отвратительная бело-зелёная живность, навроде гнуса.

Вблизи от церквушки осело сборище нищих – впрочем, они никого особенно не беспокоили и находились на таком почтительном расстоянии, что упрекнуть их было совершенно не в чем, разве только в нищете.

Тимофей поднялся на крыльцо (ступени на его медлительные шаги отозвались скрипом), отворил дверь, с трудом поддавшуюся его усилиям, вошёл в тёмный, глухой притвор и дальше, стараясь не натворить никакого шума.

Несмотря на то, что подходило время седьмого часа службы, во всех помещениях была тишина и пустота – так, словно не только прежние обитатели да кровожадные посетители покинули это место, но сам Дух покинул.

Священник отправился прямиком к иконостасу, желая увидеть образ, чудотворность коего ныне горячо обсуждалась в некоторых кругах. Он испытывал лёгкое нервное возбуждение, и с горечью признал, что возбуждение это – вовсе не порыв души, алчущей веры, и даже не то волнение, какое испытываешь, приближаясь к пониманию чуда, к чему-то великому либо неординарному, но самая обыкновенная физиологическая взвинченность, тревога, во всяком почти человеке при виде окровавленной плоти рождающаяся – как будто облик, запечатлённый на иконе, олицетворял собою истерзанное человеческое тело, не более того.

В замешательстве глядел Тимофей на прославленную икону. Спаситель свой омертвелый, навеки обездвиженный взгляд устремлял поверх смотрящего, но и не к небу, и тем паче не к земле, а так, отвлечённо, словно и небо, и земля, и сам смотрящий безразличны ему. Глаза его были полностью залиты кровью, отчего делались жестокими, а пожалуй, что надменными, и вся-то икона замазана была в иных местах тёмными пятнами – здесь кровь тщательно смывали, но ржавые полосы тянулись до самого пола, несмотря на всяческие старания от них избавиться, увековеченные. О, если бы некий неопределённый художник, в безумии своём дошедший до низшей степени падения – до такой низшей, после которой и жить-то никак нельзя, до наинижайшей степени, – если бы такой художник вздумал во что бы то ни стало изобразить порочность Христа, то, вероятно, именно так следовало бы изобразить. Пред смотрящим представал не тот Иисус, что пострадал за человеческие пороки, а тот, что вобрал их в себя, все, до последней капли. И столько было этих поглощённых пороков, что тело вобравшего прогнило, да ржавая, грязная кровь хлынула наружу в непреодолимом своём стремлении вернуться в мир, обрести мир, завоевать мир, разжиться и расплодиться. То была картина Падения, призывавшая лишь к хаосу, распаду, беспорядочности да смерти, в душах же тихих могла вызвать одно смятение. Глядите! – как бы говорил образ всякому. – Глядите! Христос ваш прогнил, подурнел, а ныне гордо выставляет чахлые слёзы свои напоказ! Так что же вы... не идёте за ним?

Так говорило чудовищное изображение, так пела в нём кровь, и поскольку выглядело оно столь противоестественно да столь нелепо, навязчиво предлагало себя и смерть, Тимофей смутно почувствовал, что пред ним – упадничество, творение рук человеческих! Нет, он тогда ничего не думал, ибо в смятении не мог решиться думать так, не смел дать волю подозрению своему – он именно почувствовал да сразу отпрянул, готовый броситься вон, не исполнив и даже вовсе позабыв цель своего здесь пребывания.

Однако же позади него возник отец Павел – ни по выражению лица его, ни по приветствию совершенно нельзя было понять, давно ли он вошёл или только теперь, подстерегал ли гостя, внимательно наблюдая за каждым его шагом, жестом, действием, способным выдать ход размышлений, либо же всё – только странное, но весьма удачное совпадение.

Они весьма холодно приветствовали друг друга, и Павел предложил перейти в другое помещение.

– Отчего же? – спросил Тимофей. Второй священник вместо ответа кивнул в сторону окровавленной иконы, давая понять, что при таком соглядатае всякий разговор заранее обречён на неудачу. На иконостас он глядел с опаской, странным вожделением, как плотоядное глядит на сырое мясо, почему-то с гордостью. От смешения столь различных чувств лицо его кривилось, делалось чересчур подвижным и хитрым, а потому отталкивало.

Отец Павел развернулся, направился к одному из боковых проходов, приглашая гостя за ним следовать.

– Лучше всего устроиться в одной из приютских келий – там, где я живу вне службы, – говорил Павел. – Тут ведь несколько пристроек имеется, всё с такими вот переходами, так что и вся церковь в форме креста выходит, если сверху смотреть. Приют хотели обустроить, ночлежку и прочее. Но, видишь ли, сирот почти не оказалось, ибо какие уж тут дети! А если детей в деревне нет – так и сирот вовсе нет. Недавно распорядились в те помещения бродяг определить, да только им на улице привычнее, так что они продолжают снаружи ошиваться, милостыню просят. Я, впрочем, этого не люблю.

Оба служителя вошли в зал, предназначенный для несуществующих сирот, и стояли теперь у двери нужной комнатки.

– Подожди, отец Тимофей, я ещё не всё успел пояснить. Там, видишь ли, человек вместе со мной обитает, безногий. Ноги-то у него есть, не ходят только.

– Давно он у тебя?

– С конца весны. Путник, и довольно молодой, из тех, что дома отродясь не имели да вынуждены всю жизнь по свету бродить. Задавили его во время богослужения и то ли позвоночник повредили, то ли ещё какая беда приключилась – одним словом, упал он, так с тех самых пор встать не может. Тосковал до слёз поначалу, но успел малость привыкнуть. А неделю назад кашлять стал, бредить, и весь горит – вот я к себе перенёс, чтоб лекарство давать вовремя да чтоб не помер. Вообще он не слишком помешает, я койку-то за перегородку поставил.

Наконец вошли. Комната оказалась тесной и тёмной. Оконце было аккуратно затянуто шторкой, света сквозь неё просачивалось совсем немного. Справа от входа громоздились бытовые принадлежности, горелка, кухонный стол, умывальник. Левая половина помещения была вся напрочь завешена – вероятно, именно там покоился безногий. Под «перегородкой» Павел понимал грязный тюль, рваное покрывало да ещё множество ветхого тряпья, причудливо и комкообразно прикреплённого к леске. Леса тянулась под самым потолком, так что больного и вправду совершенно не было видно, хотя кашлем или стоном он изредка напоминал о своём присутствии. А то начинал вдруг заговариваться, впадать в бред, и это тоже хорошо и разборчиво было слышно. Бормотал он, однако, ужасную нелепицу, порою же принимался издавать нечто вовсе нечленораздельное, этакую смесь из односложных звуков, вроде «га» или «бо», всё это лихорадочным, но настойчивым шепотом. Вот и сейчас из-за самодельной занавеси раздавалась полная околесица, прерываемая хрипами, слезами, надрывным харканьем.

Следует отметить (Тимофей в первую очередь почему-то обратил на это внимание), что комнатка была всё же значительно светлее и просторней, чем собственная его в заколоченном храме клетушка.

– Ты присядь, – сказал Павел. Раздвинул «перегородку», так что между нечистым тюлем и покрывалом образовалась небольшая брешь, нырнул в закуток, предназначенный для своего беспомощного подопечного.

Тимофей осмотрелся немного, отыскал табурет, придвинул его к столу; облокотившись, сел. Затем принялся с силой потирать руками виски – вероятно, голова вновь разболелась. Глаза тоже невыносимо жгло. Священник прикрыл веки, попытался было дотронуться до них, дабы облегчить страдание, но от прикосновения брызнули слёзы и сделалось только хуже.

Вернулся Павел.

– Отёки на теле, – произнес он задумчиво. – Кровь, вероятно, застаивается, надо будет вечером растереть его хорошенько. Да ты, я смотрю, и сам неважно выглядишь.

– Нет, что ты! В дороге утомился, только и всего...

– Скверно, скверно выглядишь. Зря ты так долго пешком добирался, ни к чему это, да и не в твои годы. Ты что же, выходит, на икону поглядеть приходил? Помилуй, да разве ты чудес не видывал!

– Не чудо здесь произошло.

– А если не чудо – тогда что же?

– Не могу знать...

Помолчали.

– Не знаешь, и говорить нечего, – Павел приподнялся со своего места, наклонился ближе к Тимофею да принялся в упор, мерзко и въедливо, его рассматривать – так, словно не человек перед ним вовсе, а кукла или мертвец, потому можно столь бесстыдным образом уставиться. – Что с твоими глазами?

– Я ведь слепой на один глаз, тебе разве не известно?

Павел вернулся на прежнее место, полубоком. Внимательность его сменилась рассеянностью, быть может, показной, он стал бездумно глядеть в окно. Окно, впрочем, было занавешено, потому совершенно неясно, что он пытался там отыскать.

– Откуда мне знать, слепой ты или нет, – нараспев. – Слухи, Тимофей, слухами всё больше кормимся. А ведь тут всё перемешано, всё намеками, да и приврать могут по невинности. Говорят, к примеру, что безумен ты, а ещё говорят, икона-де здесь чудотворная, исцелить, мол, способна, или что столп огненный грядёт, что мор скоро среди скотины начнется невиданный – так, в конечном счёте, мало ли что говорят? Тем более, что исцеляющая икона до сих пор никого не вылечила, мор же огромных масштабов среди животных случиться в принципе не может, потому как для обещанных масштабов в здешних

краях и скота-то столько не наберётся. На самом-то деле как всё устроено, как всё произойдёт? Так что одни сплошь слухи. Положим, несут они в себе долю истины...

– Одна ложь, – перебил Тимофей. – Люди сочинять привыкли от скучной жизни. К тому же, боязно им, от неизвестности-то, вот они присказками своё неведение стараются восполнить, страх свой перебороть.

– Отчего же у них страх?

– От неизвестности, я же говорю. Никто не может знать наверняка, что с ним завтра станется. В Мёртвом Городище болезнь ежедневно хоть одну человеческую жизнь да уносит, и столько уже умерло! За рекой невообразимая засуха, да у нас тоже – поля сожжённые стоят, большая часть посевов уничтожена. Даже пустырь, что по дороге сюда кругом простирается, и тот выжжен до черноты почти, так что ни одной травинки не осталось. Да и... витает что-то в воздухе мистическое, недоброе, а народ такое нутром чует...

– Опять бесы твои?

– Может, и они, – ответил Тимофей уклончиво. – Я, впрочем, о другом поговорить хотел.

– Погоди маленько, сейчас обо всём поговорим. Заинтересовал ты меня одной мыслию. Именно же ты сказал, будто слухи – ложь, а я ведь тебе возразить могу, – слащаво улыбнулся. – Всякий слух, всякая такая молва непременно несёт в себе крупицу правды, иные совсем крохотную, а иные даже наполовину соответствуют истине. Но откуда же мне знать, что в них правда, а что – плод фантазии, разыгравшейся от скудоумия? Опять же, говорят, ты сумасшедший. Оно, положим, мне по нраву, потому как сегодняшнее твоё посещение явно на это обстоятельство указывает – на сумасшествие. Посуди сам, отправился бы в такой долгий путь нормальный человек, да ещё при плохом самочувствии? Дело ли это? Однако же, если с другой стороны посмотреть, говоришь ты здраво, а у сумасшедших речь в первую очередь страдает – как салат, знаешь, ничего не разобрать. Если так рассуждать, ты гораздо более в своём уме, чем, скажем, безногий за перегородкой. Или вот говорят, ты совсем слеп. Я и сам вижу, что слеп, но ведь на один глаз только!

Ты вот послушай! Я когда давеча к тебе приглядывался, так не затем же, чтобы определить, зрячий ты или нет, просто очень меня твой вид обеспокоил – кровоизлияние у тебя в глазу-то! Я слышал, возможно такое, чтобы несколько крошечных сосудов в голове лопнуло, а то и в самом мозгу, ты можешь даже не заметить, и последствий долгое время никаких не будет, только боль ужасная да как раз глаза покраснеют. А кровь потихоньку накапливается, пока гнить не начнёт. Вот тогда безумие неожиданно настигает. Послушай, Тимофей, послушай! Да у тебя голова не болит ли?

– Болит. Но это не беда, испугать меня не выйдет, – улыбнулся снисходительно, однако тут же вновь сделался серьёзным и даже как будто погрустнел. – Я поговорить с тобой хотел, отец Павел, а ты всё о другом. Такой паутиной слов меня оплетаешь, так заставляешь мысли мои путаться, что и не разобрать, что к чему...

– Ясное дело, не просто так пришёл. Что ж, приступай.

– Это всё может показаться надуманным, смешным или... вовсе какой-то глупостью. Скажи, а ты помнишь, как икона кровоточить начала? То есть как именно всё происходило?

– Не думал, что ты испытываешь любопытство подобного рода. Верно, и смешно, и глупо. Да кровь-то ночью потекла, я и не видал. Утром только, когда проснулся да принялся к службе готовиться...

– Я совершенно забыл! Служба-то не кончена, что ж ты тут, со мной сидишь?

– Так и ты не служишь, Тимофей, и только сейчас об этом вспомнил. Усталость меня донимает, не могу каждый день кафизмы читать. Двери держу открытыми, если кому понадобится – зайдёт, помолится, свечку поставит, да и меня отыскать не сложно. В Городе, да и вообще в иных больших городах, церкви только четыре дня в неделю работают, в течение трёх же оставшихся дней заперты, и никого-то в них не допускают. Так вот, возвращаясь к твоему вопросу. Я тут же властям сообщил, затем епископу...

– И что, икона сразу так выглядела?

– А тебе что же, смотреть противно? Теперь кровь высохла, раньше лилась, не переставая – тогда было ещё ужаснее, и запах омерзительный по всей церкви разносился. Прихожане в скотское состояние и обращались от запаха. Люди многое сохраняют в себе от дикого зверья, так что всякий почти особенно мощный раздражитель, этакий призыв природы, заставляет их оступиться, действуя не на разум, а на глубинные, инстинктивные чувства.

– Ты уверен ли, что плач сей и икона сама – чудо?

– Нет. Если хочешь знать моё мнение, она изнутри вся прогнила, до самого основания; в образовавшуюся труху кровь и влили, чтоб сквозь трещины просачивалась наружу да необходимое впечатление производила.

– Ты так... полагаешь?

– Мне это известно наверняка.

– Откуда же?

Павел, как прежде, когда разговор между ними ещё только зарождался, вплотную приблизился к своему гостю. Одними губами, еле слышно проговорил:

– А ну, как я сам икону кровью вымазал, а всем сказал – чудо, мол, свершилось?

Сказав так, священник ужасно побледнел, сделал противоестественное движение в сторону собеседника, словно намереваясь напасть, но тут же пришёл в себя да в совершеннейшем унынии, вдруг возникшем, нетвёрдо пошатываясь, рухнул на табурет. Сгорбился, застыл, онемел – видно было, что даже дышать ему вдруг стало невмоготу.

Тимофей сидел, не шелохнувшись. Всю эту ужасную игру лица, череду гримас, промелькнувших за долю секунды и соединившихся в итоге в одно белое, скорбное нечто, всё это надломленное, реши-

тельно-боязливое, и даже враждебное движение в свою сторону он наблюдал спокойно и понимал верно. Так значит?..

– Как же ты посмел? – спросил Тимофей.

Павел ничего не ответил, так что пришлось повторить и во второй, и в третий раз, гораздо громче – не срываясь, впрочем, до откровенного крика, однако же на грани, со звенящей дрожью в голосе, которая крик предвещает:

– Как же ты посмел? Как?

– Да так и посмел. О, видел бы ты истерику, здесь разыгравшуюся! Тебе будет непросто меня понять. Я впервые об этом подумал давно, уж не помню теперь, насколько – когда обнаружил трещину, прямо посреди образа возникшую. Снял я его тогда, а позади-то всё в трещинах оказалось. Оборотная-то сторонка склизкая, подгнившая – от сырости сделалось. В беспамятстве ощупал каждую щель, обнаружил, что внутри вся дощечка как губка – так вот уже в тот момент что-то во мне сдвинулось, задрожало, новое чувство родилось. Не мысль твёрдая, конечно, но какое-то странное подозрение на эту самую мысль, предугадывание, что ли...

Тревожно сделалось мне и боязно, отец Тимофей! Словно воздух кругом разряженный, дыхание перехватило! И такое, знаешь ли, мерзкое чувство возникло, будто вся церковь моя наполнена страшными, отвратными существами, коих мне увидеть никак нельзя, и скрываются они как раз под внешней тканью бытия; ткань же эта стала вдруг совершенно тонкой. Я тогда впервые почувствовал, как же за долгие тысячелетия небрежного использования эта благодатная, спасительная ткань истончилась!

Представил я, – продолжал отец Павел, захлёбываясь, – сдвинется сейчас всё, раскрошится, истинная суть вещей обнажится; вещи предстанут передо мной голые, неприглядные, дряхлые. И они – нежданные посетители, существа те самые – разом на меня набросятся, восклицая утробно «Ты, ты виновен!» А в чём же я был виновен, если даже сама мысль ко мне в голову не закралась, а только предугадать удалось ту неизбежность, которая влекла меня затем! Икона у меня из рук вывалилась – руки ватные, холодные – вскочил я да бросился из церкви вон. Снаружи хорошо сделалось, теснота пропала. Вернулся я вскоре и вижу, что вследствие удара задняя стеночка, твёрдая-то, трещинками испещрённая, у иконы отпала, обнаружив внутренности. Там действительно оказалась сплошная гниль, пористая, мягкая, влажная. Только я-то образ на прежнем месте установил и позабыл.

В самом начале нынешней весны отправился я к одному прежнему знакомому. Отношения у нас с ним никогда толком не складывались, однако мне периодически помощь его требовалась. И тогда тоже. Он же меня надоумил, укрепил идею, которая лишь однажды являлась мне. Говорил о необходимости чуда, о том, что религия в здешних краях должна непременно обновиться, и обновление это через одну только кровь доступно, через нечто ужасное, кощунственно-низкое, но всеми и всюду желанное. Через жестокий обман, иными словами, подмену ценностей, ибо повсеместно обмана втайне хотят. Предупреждал, впрочем, этот человек о бедствиях, которые-де поступок мой повлечёт, да я не поверил. И теперь не верю – слухи только, совпадения, случайности. А самое-то главное, говорил, что моё такое преступление – непременно моё, – в скором времени приведёт к росту влияния Церкви и преумножению богатств её. Ведь ты знаешь, отец Тимофей, у нас за преумножение богатств всегда почитают.

– И как же ты... теперь-то?

– Ха! Интересный ты человек, отец Тимофей! Ты что же, муки совести решил мне навязать?

– Чего же их навязывать, коли и так видно, что мучаешься.

– Нет, не раскусишь! Полагаю, мне предложат сан более высокий, или поощрение какое, так что переберусь отсюда поближе к столице, а столица означает власть.

– Какая уж тут власть!

– А ты что же думаешь, все церковные служители тебе подобны, то есть слепы и непритязательны? Или ты полагаешь, что стремящийся к власти желает более всего управлять массами, ходом истории, народным выбором и прочим – политикой, одним словом? Но, видишь ли, никакая политика в конечном счёте не способна в полной мере удовлетворить притязаний своего героя. Потому пока одни из нас заботятся о спасении души, а другие всерьёз надеются послужить Богу, третьи жаждут власти куда большей, нежели власть политическая – таким необходимо получить власть над душами, ибо нет ничего приятней, чем управлять не только помыслами, чувствами человека, но и глубинной сутью его! И потому же происходившие здесь припадки безумия, хоть и разочаровали меня своей непотребностью, насущное желание удовлетворили вполне, ибо хоть не сам я, речами своими, но моё творение полностью подчиняло себе всякую почти душу. Оно подчиняло как раз глубинную суть, ибо помыслы прихожан оставались прежними – что ж, тем яснее, что помыслы ровным счётом ничего не означают. А представь, что я смогу сделать, будучи настоятелем или старейшим пресвитером храма!

– Страсть в тебе непозволительная. А что же, пустоты или безразличия какого ты не ощущаешь?

– Пустота, безразличие – это всё от старости, Тимофей.

– Что же, и вины за собой не видишь?

– Ты задал довольно сложный вопрос, честно скажу. Положим, иногда чувство некой вины меня донимает, да только не вследствие того обмана, который я совершил, не из-за поддельного чуда. Но я бы хотел найти оправдание. Нам всем ныне необходимо оправдание, хоть сколько-нибудь достоверное.

– Существует множество поступков, которые нельзя оправдать.

Павел таинственно подмигнул, помолчал с минуту и заговорил чуть тише, как бы второпях, так что слова наскакивали друг на друга:

– Оно, конечно, верно. Да только если ты так рассуждаешь, значит, не понял ещё ничего. Не мне одному необходимо оправдание, но и тебе, и всем нам. Ты думал, я об исповеди толкую, послушании, о так называемом замаливании (а порою замалчивании) грешков? Нет, всё устроено куда как нелепей! Дело в том, что нам предстоит оправдать не наши поступки, даже не наши преступления, с этим кое-как справляется совесть да и, говорят, бог рассудит. Нам необходимо оправдать нашу жизнь – твою, мою, чью-то ещё – сам факт существования. Вот ты сделал много такого, о чём говорят – доброе дело. Иные считают, что ты, отец Тимофей, трудами своими уже умудрился заслужить благодать – но скажи мне, что толку, если труды твои никому не нужны, какая польза от них, что в них такого уж доброго? Какая польза от восстановления храма, который никто не посещает, и который сам же ты наглухо заколотил? Ну? Так что же хорошего ты совершил, архимандрит, брат мой? Так или иначе, мы оба должны теперь оправдаться. Этой необходимости не возникло бы, если б мы с тобою остались верны прежним нашим идеалам. Но – согласись – перспектива совершенно исчезнуть после смерти звучит куда правдоподобнее, нежели Царствие небесное; эта перспектива с некоторых пор фундаментальна.

– Я верую...

На слабое и в общем бездоказательное возражение Павел не обратил никакого внимания, а пожалуй, вовсе не услышал, постепенно разгорячаясь, потому продолжил свои пространные рассуждения:

– Есть люди, которые не задумываются, хорошо ли, плохо ли то, чему они служат. Теофил, например. У него всегда найдется строка из Писания или других трудов, полная убеждённости, завершённая и совершенная в его исполнении, ну а ты, к примеру? Скажем, произнёс ты псалом, сразу, как проснулся, при свече да в замешательстве, да произнёс-то безукоризненно, грозно, как строка требует – придраться не к чему! И разве легче тебе сделалось? Ведь это сколько противоречий сокрыто в одной только строке! Червь сомнения – для служения это плохо, тогда как ты должен непременно служить, а не властвовать. А сомнений – тьма! И не только и даже не столько в себе самом – куда там! А ты никогда не думал, что ту церковь, которой ты служишь, Бог больше не любит? И кому ты остался бы верен, коли бы они разошлись – Богу или церкви? А как же ты узнаешь, отошла твоя церковь от Него или не отошла?

– Не мучай меня, сам же понимаешь, что вопросы подобного рода у всякого почти из нас должны возникать, и кто-то преодолевает их, кто-то смиряется, кто-то впадает в блажь, а иные... иные как ты, отец Павел, забываются.

– Нет, не понимаешь ты меня. Кстати, раз уж я упомянул Теофила – он намерен приехать.

– Теофил? Когда?

– Неизвестно. По крайней мере, в мёртвое Городище. Эпидемия всё-таки, он хочет поддержать моральный дух и призвать жителей надеяться на милость высших сил. Так всё же зачем ты пришёл? Неужели только об иконе поговорить?

– В том числе. Мне почему-то видится некая связь между событиями, которые в физическом мире связанными никак быть не могут. Так что я действительно главным образом явился удостовериться в истинности чуда, а теперь вижу – всё ложь. Вижу также, что волна одержимости да болезненности именно в этом обмане начало берёт.

– Ты обвиняешь меня?

– Нет. Я не вправе тебя обвинять. Я о другом ещё хотел спросить. Помнишь ли ты женщину из нашего поселения, пришедшую на самую первую проповедь, организованную для восхваления чуда? Такая чёрненькая, осунувшаяся, с воспалённым лицом.

– Да разве я каждого из тех в лицо запомнил? Нет, тут и говорить не о чем, слишком большое количество народа за весну перебывало, очень многие из других краёв, так что все лица у меня поначалу перемешались, а потом и вовсе в одно обобщённое лицо слились. Стою, бывало, читаю проповедь, а на меня поверх бесформенной толпы лицо это огромное глазеет, а самой толпы будто и нет. Вот так. Ты мне объясни: почему тебя эта женщина так интересует?

– Она... Я хоронил её.

– Ох, не та ли это вдова... – начал Павел, но Тимофей ответил, не дав договорить:

– Та самая вдова и есть. Я перед ней вину чувствую...

– Вину? Как же? В чём твоя вина?

– Не могу сказать.

– Да полно! Не можешь? Ты мне вот что лучше поведай, а то всё расспрашиваешь: существуют ли вообще те четверо, виновники то есть, о коих ты по всей округе растрезвонил, или ты не выдержал вида обнажённого женского тела, никогда раньше тобою не виданного, и... сам? Ну?

– Нет, это... не я...

– Тогда почему? Объясни мне.

Однако ничего объяснять местный архимандрит не стал. Вместо этого он поднялся со своего места и тихо произнёс:

– Я уйду. Мне пора уходить.

– Да постой же, чего это ты так? – Павел зачем-то озорно хлопнул в ладоши и громко рассмеялся, но тут же принял свирепый и совершенно неуместный вид. – Ах пора! Так иди, Тимофей, иди. Но ты запомни: я теперь тоже о тебе кое-что знаю. Я многое о тебе знаю. Так ты запомни! – вдогонку. – И доносить не вздумай ни епископу, ни единой живой душе!

Между тем подслеповатый старец, вздрагивая всем телом от последних услышанных слов, вышел на улицу и отправился домой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Павел размышляет

Павел после встречи с престарелым архимандритом на некоторое время покинул своего подопечного. Заперся в западном крыле, которое, несмотря на погоду, извечно было пронизано сквозняками, и принялся размышлять.

Он был довольно обеспокоен. Странное предчувствие возникло ещё утром, когда состоялся разговор с безногим, пришедшим вдруг в сознание (вообще приступы забытья происходили с ним всё реже – вероятно, больной пошёл-таки на поправку). Затем, пока длилась изнурительная да беспорядочная беседа с Тимофеем, тревога усилилась, так что к тому времени, когда гость спешно покинул комнатушку, достигла наконец своего апогея и разрешилась гневным припадком. Весьма, впрочем, кратким и даже слабым.

О чём говорили с безногим, Павел помнил не очень хорошо. Посещение Тимофея взволновало его до крайности, и весь день прошёл, как в тумане.

Павел вполне справедливо считал этого подслеповатого старца помешанным, но не потому, что тот сочинял россказни о бесах, не потому даже, что, согласно слухам, периодически видел их, а потому скорее, что Тимофей совершенно не пользовался положенными при его высоком положении привилегиями, наоборот же, вовсе о них позабыл. Павел не мог заставить себя произнести «Ваше высокопреподобие», ограничиваясь обращением «архимандрит», непременно издевательским тоном, будто сплёвывал с кончика языка, однако же завидовал такому назначению и искренне полагал, что, окажись в его собственных руках столь мощный инструмент власти, сумел бы распорядиться им с гораздо большей выгодой. То обстоятельство, что Тимофей фактически являлся настоятелем монастыря без монастыря, Павла не смущало нисколько, ибо он наивно верил, что даже при столь скверном положении дел обретение митры наделяет служителя практически безграничными полномочиями.

Вот только что на него нашло? Откуда это сиюминутное, но такое неотвратимое желание признаться? И не повлечёт ли подобная слабость нежелательных последствий, отлучения, не дай бог, или ещё чего? Да ведь и с самого утра зрело в нём и ныло предчувствие собственного падения, а теперь выходит, он сам же это падение и приблизил. Положим, он непременно хотел переложить часть вины на кого-то другого, сделать его сопричастным, или поддался старческой блажи. Но неужели так тяжело? Раскаяния или угрызений каких отец Павел признать за собой не смел. По его разумению получалось, будто из одного только упоения собою выдал он собственное преступление.

Донесёт или не донесёт Тимофей? Ведь он всё время витает в собственных мыслях, увлечён самокопанием, к тому же, совсем запутался. Вероятно, ни надобности, ни желания у него нет. К тому же, он по горло утонул в бедах своего селения, угнетаемого лихорадкой, да и связи с властями никакой не поддерживает.

Тем не менее встреча с епископом всё же возможна, коли последний решится нагрянуть в мёртвое Городище с визитом. Но, с другой стороны, даже если у Тимофея появится хоть какая-то возможность, это не означает, что он воспользуется ею. Да и что такое слова сумасшедшего, если и епископ изгоя за вывившего из ума принимает, и митру-то вручил из жалости, утешения ради, да вот ещё чтобы отвязаться и разом покончить все дела в здешнем захолустье.

Интересовало также Павла другое: виновен ли в чём-то отец Тимофей? Если да, так будет ему предостережение: мол, донесёшь, так и я донесу. Но о чём? А если никакой вины нет? Ведь что может быть известно? Что старец сам хоронил убитую женщину?

Есть ещё одно незначительное происшествие. Ходили тут некогда двое бродяг, да рассказывали, мол, священник один при них себя в убийстве обвинил, поклонился им, прощения просить принялся. Так ведь опять-таки – сумасшедший, а значит, и присочинить мог и сам же поверить.

Нет, куда Тимофею до злодеяния! Но что-то он сделал же? Или под воздействием старческого умиления, принятого им за христианскую любовь, решил из одной этой любви ответственность разделить с преступниками? Или винит себя потому только, что не сумел помочь несчастной, когда та ворвалась в его обитель посреди ночи, нагая и безумная?

Однако же он занервничал. Это, впрочем, ничего не доказывает. Но наверное не донесёт. И даже наверняка молчать станет – не затем приходил. Он же некую мистическую связь видит... вот уж действительно признаки сумасшествия.

Так что не расскажет. А коли и расскажет, невелика беда...

Решив так, Павел заметно успокоился. В тот день он принял ещё двух прихожан, затем, ближе к вечеру, отправился в город, исповедовать одного умирающего (тому непременно хотелось перед смертью видеть отца Павла, церковь которого он посещал, будучи уже в болезни, в период кровавого плача).

Вернулся священник ближе к ночи. Почти сразу лёг спать, не поужинав, и погрузился в липкую дрёму.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Наводнение

Девятнадцатого полило. Но дождь никого и ничего не мог спасти. Пастбища стояли вытоптанные и выжженные до состояния сухой корки, посевы зачахли, животные, истощённые донельзя, шли под нож, дабы не пропало хотя бы мясо (впрочем, проку было мало – запасы, сделанные с начала сезона, от небывалой жары давно протухли, того же, что удавалось получить теперь, едва хватало, потому что никакой почти плоти на костях не имелось) – ничего из этого, разумеется, дождь не мог вернуть к жизни. Тем не менее, утром ему радовались – по крайней мере, он принёс свежесть, принёс облегчение и привкус надежды – как полагается, ибо есть что-то такое в начале дождей, умиротворяющее. Оттого в селении царило еле сдерживаемое ликование – совершенно необоснованно, но пусть, пусть...

Да в самом деле, поглядев со стороны, можно было обмануться, будто местность возвращается к жизни!

Колеи, рытвины на дорогах сгладились и размылись, старые колодцы вновь наполнились водой, и к ним тут же ринулись жадные, исхудалые звери со всей округи – уцелевший домашний скот, бродячие собаки, даже обитатели леса. Правда, в ту пору у водопоя загрызли двух телят, так что хозяева стали запирать скотину и за водой отправлялись сами – благо, случаев нападения на людей не наблюдалось.

Один местный принялся на радостях утверждать, мол, видел лосей вниз по реке, хотя, кажется, никаких лосей в здешних местах давно уже не водилось – их распугали ещё во время закладки города. Рассказчик, таким образом, наверняка врал, но ему охотно верили – во-первых, жители падки были на подобные небылицы, во-вторых, возвращение животных, которых считали исчезнувшими, в сознании многих означало добрый знак, нечто вроде возвращения прошлого, когда никто не знал ни бед, ни голода. Увы, больше никаких знаков никто не видел, да и прошлое в действительности вовсе не было таким радужным, как его теперь, по прошествии лет, расписывали – область эта вообще всегда отличалась скудностью пропитания и враждебностью к человеку.

Раны и ямы на земле затягивались, наполнялись живительной влагой. Земля впитывала немо, немощно, но благодарно. Повсеместно образовывались хлипкие ручейки, журчанием своим возвещающие о жизни, призывающие к ней, или целые потоки грязно-бурой жидкости (эти надрывно шумели, демонстрировали свою мощь, ломая порою деревья, желая всё вокруг вывернуть наизнанку), и все они устремлялись к реке, обрушивались в неё, сглаживая рваную, искусанную кромку берега. В иных местах почву размыло до основания, так что обнажилась каменная порода.

Лилось и плескалось, воздух стоял разряженный, прохладный. Пахло железом, пахло полынью да чем-то ещё, сладковатым, гнилостным – вероятно, такой запах источали деревянные постройки.

Однако днём земля насытилась, но ливень только усилился. Стало ясно, что добром это не кончится, и постепенно, в течение дня, всеобщая радость сменилась сначала отчаянием, затем, как прежде, покорным отупением, какое нередко случается с людьми во время затяжных дождей.

Уровень воды в реке поднялся выше положенного сразу после полудня. Противоположный берег, низкий и пологий, тут же затопило. Здешнему же селению тогда ещё ничего не угрожало, ибо оно находилось на небольшом возвышении, вследствие чего береговая линия представляла из себя довольно крутой каменный обрыв. Кое-где, впрочем, эта оборонительная линия прерывалась, уступая место вздыбленным низинам – на таких низинах устраивали обычно пляж либо раскладывали лодки и рыболовные снасти для просушки. При повышении уровня все они были залиты водой, вероломно разорены – лодки и снасти волнами унесло прочь, вниз по течению.

К вечеру потоп, чрезмерно разыгравшись, разрушил мосты, некогда перекинутые через реку (мосты покоились на деревянных опорах, давно уже никем не ремонтированных, обветшалых, так что сломать их оказалось несложно).

Затем вода хлынула в город – берег всё же не имел достаточной высоты, чтобы сдерживать натиск стихии, – заполнила улицы по щиколотку, но, в отличие от соседних деревень, до первых этажей зданий не добралась.

Деревянный настил, коим пользовались практически во всех переулках, размок, подобно картону, начал подгнивать снизу и в течение последующей недели превратился в совершенное месиво, так что пройти из одного конца города в другой стало крайне затруднительно, пересечь же его на колёсах – вовсе невозможно. Повозки и редкие автобусы оказались брошенными прямо посреди улицы – их вскоре облюбовали бродяги, не имевшие крыши над головой, как местные, жившие в близлежащих посёлках с незапамятных времён, так пришлые, согнанные ливнем на возвышенность. Бесхозный транспорт использовали главным образом для ночлега, реже – для отдыха в относительно сухом помещении, поселиться же в каком-то из автобусов постоянно никто не осмелился, ведь дождь не вечен и когда-нибудь непременно иссякнет. Тогда и хлипкое движение восстановят, и, стало быть, придётся искать иное пристанище – да, пожалуй, одни только бездомные видели для себя пользу в этих новых, насквозь мокрых условиях.

Размыло почву на кладбище, так что обнажились некоторые захоронения. Памятники и кресты почти везде накренились либо опрокинулись; однако они обладали достаточной тяжестью, чтобы их не снесло в сторону, потому особенной путаницы не возникло.

Поля обратились болотами. Вода с них не стекала в реку, не проглатывалась разбухшей землёй, а скапливалась поверх сохранившейся до сих пор растительности, ускоряя процесс гниения последней. Скоро поверх бывших полей расплодились ряска, колонии мелких водорослей и отвратительные насекомые, из тех, что только в сырости созревают. За весь период, что шли нескончаемые дожди, несколько овец в тех местах бесследно исчезли – надо полагать, утонули. Хотя с такой же вероятностью они могли стать добычей волков или собак. Собаки в ту пору отбились от рук, сбились в стайки да принялись разорять без того нищие дворы, где забор был не слишком крепок, хозяева – не слишком прозорливы.

Как известно, сырость и голод создают самые неблагоприятные условия для людей – потому в частности, что для развития всяческих болезней они, наоборот, наиболее подходящие. Доктор со страхом ожидал очередного всплеска странной эпидемии. Всплеска не последовало, за что доктор против собственной воли благодарил некие высшие силы – те самые, в существование которых нисколько не верил.

Участились случаи малокровия, два или три раза

поступали люди в голодном обмороке, были больные с дизентерией. Но с подобными вещами, в отличие от местной лихорадки, престарелый врач кое-как справлялся, даже имея в своём распоряжении скудный запас препаратов, так что смертность увеличилась не особенно.

Следует отметить ещё один факт. На фабрике, где стояла печь, не было крыши, и к концу второго дня её совершенно, до колен, затопило. Кроме того, влага нарушила работу печи и сгубила предназначавшееся для неё нехитрое топливо.

Мёртвых, таким образом, нельзя было ни сжигать, ни хоронить, ибо разве можно устраивать похороны в болоте. По совету старейшин тела укладывали в непромокающие мешки из парусины и оставляли внутри фабрики, в пристрое, до тех пор, пока не появится возможность от них избавиться, предав либо земле, либо огню.

Сами старейшины, хотя в связи с бедствием их влияние заметно возросло, страдали не меньше остальных. Из-за протекающей крыши долгое время им приходилось ютиться на первом этаже, в зале для собраний. В течение дня принимали просителей – бедовые, глупые, спрашивали о том, как жить дальше, где раздобыть зерна, забить ли скотину или сохранить на будущий год, прочее, прочее, всё сплошь насущные вопросы; иные, дошедшие, что называется, до ручки, плакали и катались по полу, – днём их принимали, день оттого был нечто беспорядочное, отчаянное, а ночью отправлялись спать, причём укладывались на скамьях в прихожей.

А крыша протекала всё больше, в конечном счёте в ней открылась брешь да хлынуло, как из ведра, с неимоверным напором, словно жидкость намеренно вкачивали внутрь дома большим насосом. Покончив с верхним ярусом, вода проникла в самый низ – яростно, неистово. О, ей непременно хотелось прогнать обитателей, изжить со свету! Дом стал протекать вдоль и поперёк.

Вскоре все шесть старцев слегли с какой-то особенной слабостью, да так один за другим умерли, не позвав ни доктора, ни Лигнина, ни священника – никого. Когда беда отступила и небо прояснилось, в доме с обвалившейся крышей обнаружили пять разбухших от влаги, растолстевших тел. Тело шестого, вероятно, водные потоки, отступая, забрали с собой в реку – так, по крайней мере, решили местные, и подобный исход вполне их устраивал.

Чуть раньше, ещё во время дождя, на третий или четвёртый день, в округе появился человек, который ходил по близлежащим селениям и раздавал еду, не требуя ровно никакой платы. С собой он всегда привозил два небольших обоза, гружёных мясом. Многих терзало любопытство, где незнакомец доставал свои угощения, если кругом царили мор, голод, недостаток, но особо расспросами не донимали. А поскольку видели его то на том, то на этом берегу – это при отсутствии-то мостов, – приписывали ему колдовскую силу.

Как выглядел благодетель, никто толком не запомнил, но всюду его узнавали, всюду радовались, несмотря даже на то обстоятельство, что был он явно из пришлых, из чужаков то есть. В Мёртвом городище, правда, на тот момент ни разу его не встречали, хотя весть о нём распространилась по всему городу уже к выходным. Тогда же, в субботу, двадцать четвёртого июня, закончился наконец дождь, принёсший столько несчастий...

На следующий день, как и предрекал небезызвестный отец Павел, в селение прибыл епископ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Теофил. Откровения Тимофея

1.

Епископ посетил город в воскресенье утром. У западного въезда его встретила небольшая толпа, главным образом мужчины из бывших рабочих. Ничем особенно не занятые, они начали собираться ещё с ночи, дабы не пропустить столь важное событие.

Теофил прибыл в сопровождении двух служителей на дорогом автомобиле.

Несмотря на то, что дождь прекратился накануне, улицы поселения до сих пор были грязные; в иных местах всё ещё стояла вода, смешанная с разжиревшим от влаги, гнилым опилом. Машина застряла в первой же яме, словно сам дух города не желал пропускать ничего чужеродного, не желал впитывать паров и ядов, без того в избытке источаемых терракотом, противился тому, чтобы это неуклюжее, противоестественное создание на четырёх колесах тревожило землю и воздух.

Пришлось ссаживаться.

Епископ натянул на ноги высокие непромокаемые сапоги, соответствующие погоде, закутался в плащ и пешком отправился к здешней церкви. Двое служителей, прибывших вместе с ним, разделились – один сопровождал его на протяжении всего пути, прихватив с собою два чемодана, второй остался. Разделилась и толпа – одни принялись рассматривать автомобиль, особо желая заглянуть в салон и приобщиться тем самым к частной жизни епископства, другие, большинство, преследовали архиерея.

Теофил был довольно полный (но не тучный), высокий человек. Двигался медленно, не потому, что ускорить шаг не позволяло слишком тяжёлое чувство собственного достоинства, а скорее от усталости. Внешностью на первый взгляд обладал приятной. Только под глазами растеклись, набухли тёмные водянистые пятна, выдававшие некую болезнь, да губы были чрезвычайно тонкие, льстивые, и слишком алые, так что напоминали порез. Глаза были тёмные, глубокие, подолгу задерживались на лицах и предметах и глядели внимательно, но, пожалуй, колюче, с оттенком неприязненности; при этом едва заметная улыбка, не сходившая с отвратительных губ, выражала, как бы это ни звучало парадоксально, доброжелательность.

Именно это яркое, явное противоречие между верхней частью лица и нижней повергало в замешательство всякого наблюдателя, ибо верхняя часть демонстрировала высокомерие да холодный рассудок, нижняя же – одновременно лживость и добродетельность.

Местные, впрочем, были в восторге – фигура приехавшего неизменно ассоциировалась с твёрдой волей, непреклонностью, властностью, а людям, по большому счету, только общее впечатление и требуется.

Сопровождавшую его толпу епископ приветствовал сдержанным благословением.

Впереди процессии следовал молчаливый служитель с чемоданами, который, казалось, тщетно пытался ногами расчистить дорогу перед обладателем высокого сана. Затем сам обладатель, заложив руки за спину, и длинная вереница разношёрстного народу. Замыкали колонну дети, сбившиеся в кучу и примкнувшие примерно на середине пути, из любопытства.

Совершенно, однако, неясно, с какой целью собрались все эти люди, ведь зрелище, предназначенное для них, ожидалось впоследствии, в течение дня – служба и проповедь. Жители, встречавшие епископа и тянувшиеся теперь за ним длинной вереницей, сами понимали неуместность своих действий, потому недоумённо молчали, словно их погоняло только нажитое с годами животное упрямство, да постепенно отрывались от общей массы, так что к тому времени, когда достигли наконец обители отца Тимофея (весь город можно было пересечь за полчаса; по бездорожью вышло немного дольше), толпа рассосалась, подобно зажившему воспалению. Остались лишь четверо или пятеро отчаявшихся провожатых, на значительном друг от друга расстоянии – эти как будто чего-то ждали, а теперь испытывали разочарование. Вполне возможно, втайне они надеялись стать свидетелями небывалого чуда или небывалой же милости – только для них, для тех, кто дошёл до конца.

Но Теофил рассеянно поглядел на них и скрылся за воротами церкви. Провожатые же остались стоять, молча и потупившись, не представляя больше, что им здесь понадобилось. Глядя на них, можно было подумать, что между мыслью и действием, мыслью и осязанием в их сознании построена непреодолимая преграда, что нет никакой связи между их пустыми глазами, которые смотрят на мир, не видя, и разумом, который извивается, изощряется в натуженных попытках понять этот мир, не находя пути к нему; что, наконец, душевные побуждения их и тела обитают изолированно, вовсе не соприкасаясь, вследствие чего душа мечется в потупленном взгляде, бьётся о внутреннюю поверхность хрусталика, словно о стекло, не находя выражения, не в силах до самой себя достучаться, а тело не знает, что делать, и вообще не ведает, что творит. О, это были те, кто совсем помешался от отчаяния, уставшие жить в атмосфере немого, липкого страха, постоянно, каждый миг своего существования осознавая собственную смертность, конечность, натыкаясь на прямые доказательства отсутствия хоть какой-то, пусть хлипенькой, невзрачной, вечности...

Да, это были те, кто помешался. Вскоре они всё-таки разошлись, так ничего не поняв и не дождавшись.

Храм вздыбился мрачной, бесформенной глыбой. У Теофила возникло крайне неприятное чувство, будто всё здесь отторгает его, будто он вступил на вражескую территорию. Земля за воротами была суше, чем в городе, и практически везде замощена булыжником, неровно, но достаточно аккуратно. К крыльцу тянулась просторная тропа; епископ принёс на эту тропу грязь. Она комьями осыпалась с сапог, размазывалась при ходьбе омерзительными, жирными полосами – ничего нельзя было поделать, но почему-то данное обстоятельство ужасно раздражало!

Слепые оконца уставились на епископа презрительно, сквозь них наружу просачивались тени и пыль – на солнце тени чернели, принимая неприступный вид, а пыль едва заметно мерцала, увитая потоками света.

Всё вокруг было ветхое, нелюдимое, словно само место чуралось человека. Глядя на такое нагромождение, возможно поверить даже в существование бесов, ибо известно, что бесы в таких именно местах находят себе кров и убежище.

У входа в храм Теофил остановился в нерешительности. В то же самое мгновение дверь отворилась и на пороге предстал сгорбленный, смиренный отец Тимофей. Он часто моргал, щурился, стараясь защитить глаза от настырного солнца.

– Рад видеть Вас, Ваше преосвященство, – произнёс священник почтительно, нараспев, и распахнул дверь шире, давая архиерею возможность войти.

2.

Многим, близко знавшим епископа Теофила, он представлялся малоприятным, лицемерным человеком. Действительно, за свою жизнь Теофил сказал множество лживых слов, нередко говорил одно, а делал не только другое, но даже вовсе прямо противоположное. Кроме того, прекрасно владел искусством притворства и высоко ценил власть. Однако вместе с тем он обладал также и положительными качествами. При всей своей лживости, к примеру, не позволял себе лишнего в делах собственного обогащения, более того – вопросы собственной обеспеченности волновали его лишь постольку-поскольку, время от времени, в качестве развлечения. Зато он с усердием, доходящим едва ли не до степени фанатизма, заботился о процветании и обогащении Церкви, и уж тут-то не гнушался никакими средствами и способами.

Епископ был довольно требователен, порою жесток по отношению к нижестоящим, раболепен в отношении вышестоящих, но опять же в меру, ибо чувство меры, столь необходимое, являлось в нём

одним из наиболее развитых. К тому же этот человек имел стройную, строгую систему взглядов. Его до крайности волновало единство, сплочённость епархии, руководящая роль церковного института в жизни каждого. С целью воплощения своего идеала периодически он совершал поездки, во время которых усмирял, устрашал, проповедовал, посещая даже самые отдалённые, самые убогие селения. Если угодно, Теофил был всецело подчинен некой идее, идее служения, а известно, что идея подчас облагораживает создания последние, отвратительные – притом, что епископ таковым наверняка не являлся.

Он относился к разряду людей, кто научились свои негативные, низкие черты и побуждения использовать на благо того дела, которому преданы; причём, в отличие от многих других, в нём не возникало никакого противоборства, ибо всё – как светлое, так тёмное, – что существовало в его душе, служило сообща одной цели, дополняя друг друга.

Если Теофил и производил на кого-то неприятное впечатление, в особенности противоестественным лицом, то в это же самое время многие отмечали, что никогда ни до, ни после него епархия так не процветала в плане религиозного рвения и притока денежных средств.

К слову, лицо епископа, кроме прочего, выражало мудрость и абсолютное спокойствие, а также железную волю, и не было никакого противоречия между верхней частью, заключавшей ум и надменность, и нижней – лживой, льстивой, притворно-добродетельной, а пожалуй, по-настоящему добродетельной. Ибо известны случаи, когда лживость и доброта сочетаются в одном человеке, так почему бы им не сочетаться в одной улыбке?

По большому счету, никакая чёрточка этого удивительного лица не врала, а говорила о своём носителе исключительно правду.

Теофил на самом деле был весьма мудр, в частности что касается разговоров, методов управления, подчинения, манипулирования, обладал богатым жизненным опытом и тонким чутьём. Он вполне доброжелательно относился к людям – к прихожанам, священникам, старостам, певчим, иным служителям, – так как все они являлись неотъемлемой частью той системы, ради неумолимого функционирования коей епископ трудился, не покладая рук. Эта доброжелательность, впрочем, нисколько не мешала смотреть на людей свысока, и в определённой мере совершенно оправданно, ибо он имел возможность и умел управлять их душами, они же его душой – нет, а подчас и своей не умели.

Как уже говорилось ранее, Теофил умел быть и покладистым, и подобострастным, и мягким – в подобных перевоплощениях помогала природная способность к притворству, за годы жизни развитая до уровня мастерства. Однако же способность эту епископ использовал исключительно на благо системы – привлечь прихожан, укрепить связи с соседними епархиями, с митрополитом (место которого он вполне мог бы занять по истечении семи-восьми лет), обеспечить приток финансов либо ценного имущества – иными словами, разыгрывал из себя невесть что охотно, но лишь в случае надобности.

Надобность же возникала часто, потому что – так уж вышло – Теофилу пришлось по душе лишь немногое из Писания, насчёт остального он испытывал либо неуверенность, либо безразличие, причём с гораздо большей вероятностью второе, нежели первое. Его прельщала сама идея Бога, идея органа, надзирающего над духом – чего-то сильного да единого. Отыскав прочный союз надзирательства, идеи Бога и абстрактного духа в Церкви, он решил посвятить себя ей.

Узнав об общем упадке, распутстве, унынии, царивших в здешних краях, епископ, разумеется, не мог не появиться, ведь, несмотря на лёгкое и в целом простительное пренебрежение, действительно дорожил каждым прихожанином – только в качестве единицы, впрочем. Теперь Теофил намеревался посредством проповеди призвать распустившийся, оголодавший народ к смирению и покорности, дабы «уповали на волю божью». Также возникла необходимость выяснить, каковы способности местного священника, отца Тимофея, к службе, справляется ли он и не обезумел ли, не оступился.

Поскольку никто ничего толком не знал о природе лихорадки, свирепствующей в Мёртвом Городище, она вполне могла оказаться заразной и даже наверняка таковой являлась.

Однако епископ был уверен в том, что для подобных вещей недосягаем. Он полагал, будто до тех пор, пока совершает дела, угодные церкви и, как следствие, Богу (а это было для него вне всякого сомнения) – никакие напасти, никакие болезни ему не смогут повредить, все беды пронесутся мимо, не задев, нисколько не потревожив.

К чести Теофила, даже если бы он не был столь слепо уверен в своей неуязвимости и отдавал себе отчёт в том, что рискует слечь с лихорадкой, терзаемый видениями, слечь навсегда – он, вероятно, всё равно бы посетил город, ибо делу своему был предан, нисколько в нём не сомневаясь.

Эта преданность избавляла от многих сомнений и душевных мук, свойственных прочим. Сущность служения, таким образом, в понимании епископа отличалась крайней простотой. Он считал, что все средства хороши, если цель достаточно высока, а по собственному же разумению, цель, достижение коей составляло предмет его желаний, была самая что ни на есть высокая.

3.

– Ваше преосвященство, я очень рад, что Вы наконец решили нас посетить. Всё здесь в связи с последними событиями оказалось вывернутым наизнанку, и... в конечном счёте, нам всем необходим духовный наставник, – Тимофей говорил сбивчиво, явно нервничая – то ли желал что-то скрыть, то ли робел перед высокопоставленным гостем, ибо его нечасто посещали.

Они расположились в убогой келье престарелого священника; архиерей даже мрачную эту, грязноватую комнатёнку не побрезговал посетить, наоборот, настаивал именно на том, чтобы беседа непременно протекала в стенах скромного обиталища хозяина. В целом же диалог и вся сцена едва ли напоминали официальный прием – ни положенной торжественности, ни высоких речей не было. Скорее в тёмной обители происходил весьма интимный, не предназначенный для посторонних слушателей разговор – в пользу этого предположения указывало также то обстоятельство, что сопровождавший архиерея служитель, повинуясь некому едва заметному жесту, предпочёл остаться у иконостаса, в средней части храма.

Теофил устроился на стуле, поближе к заколоченному оконцу, сквозь которое всё же пробивались редкие, желтоватые лучи света. Сидел до неестественности прямо, совсем чуть-чуть касаясь спинки, руки, сцепленные в замок, положил на сомкнутые колени да постоянно пытался заглянуть собеседнику в лицо въедливыми своими, ничего не упускавшими глазами, будто ему требовалось вобрать в себя всякую чёрточку, каждое почти неуловимое подёргивание этого чужого лица, уловить мимолётные смены настроения – такой взгляд, чересчур жадный до окружающего, обезличивает и даже как бы касается всего, что попадается в поле зрения. Стараясь по возможности скрыться от подобных посягательств, а, быть может, просто по привычке, отец Тимофей расположился в самом тёмном углу, на жёсткой койке – сидел на краешке, сгорбившись. На гостя совершенно не глядел – то как бы невольно отворачивался в сторону, то вовсе опускал голову и принимался упрямо рассматривать пол под ногами. Однако вся эта игра, все её многозначительные подробности сами по себе говорили о стремлении что-то утаить, и епископ, при своей наблюдательности, не мог не обратить внимания на подобного рода уловки.

– Отец Тимофей, – порез, бывший у епископа вместо рта, раскрылся, задвигался, вместо крови (а Тимофею представлялось, будто непременно польётся кровь) из него хлынули слова, вернее, не хлынули, а вывалились, жёсткие, низкие по звучанию, слегка глуховатые, – Вы только что сказали, что всем вам необходим наставник. Однако мне известно, что вы не слишком часто встречаетесь с людьми и, следовательно, не можете судить об их потребностях. Не станете же Вы, в самом деле, утверждать, что наставление необходимо всем здешним жителям, учитывая, что Вы, кажется, больше половины-то и не знаете. Не означает ли это, что наставник требуется именно Вам, преподобие?

Тимофей поднял на миг голову, поглядел на епископа затравленно, даже заискивающе, а вместе с тем с каким-то предостережением, но, спохватившись, тут же вновь уставился в пол.

– Возможно, – свой ответ он сопроводил частыми, по-старчески нетвёрдыми кивками. – Возможно.

– Скажите, давно ли Вы исповедовались?

– Недавно, – сказал священник, имея ввиду своё посещение церкви отца Павла. Впрочем, он тогда лишь намеревался совершить таинство исповеди, однако намерения не исполнил.

– Позвольте же узнать, кто являлся вашим духовником на момент исповеди?

– Его преподобие отец Павел. Он живёт в соседнем поселении, несколько ближе к Городу. Я посетил его несколько дней назад. Увы, ему не удалось успокоить меня.

– Вы посещали его в церкви, где он ведёт службы?

– Да, Ваше преосвященство.

– Не та ли это церковь, где прихожане наблюдали чудо кровоточивой иконы?

– Та самая и есть, Ваше преосвященство.

– Вы видели икону? Каково ваше впечатление?

– Ну что ж, я могу ответить, хотя – прошу меня простить – предвижу некоторые сомнения с вашей стороны. Мне не слишком легко восстановить тогдашние свои ощущения, довольно, кстати, сумбурные и неясные – одним словом, вид иконы поверг меня в замешательство. Я не смел допустить мысли, что передо мной нечто, не являющееся чудом, творением Бога, и тем сложнее было признать, что эта икона... она отвратительна!

– Вы полагаете? – с насмешкой, чуть наклонившись вперёд, дабы внимательней следить за собеседником.

– От неё словно исходил запах тления! Запах разорения и смерти! Она – простите меня – совершенно бесстыдно, нахально смердит мёртвой плотью, сам вид её как будто возводит эту самую плоть на место религиозного идеала.

– Хотите сказать, она лишена духа?

– Безусловно! Напрочь! Лишена всяческого духа, даже духа языческого, но заполнена кровью, и кровь гниёт, въедается в изображение Спасителя, пожирает лик Его, застилает глаза...

– В таком случае, ответьте мне ещё на один вопрос. Не считаете ли вы, что чудо, произошедшее в той церкви, есть чудовищная подделка?

– Мне об этом ничего не известно, – вновь солгал Тимофей и, разумеется, ложь была тут же обнаружена – едва заметное дрожание губ и скошенные глаза выдали её. Хотя обличать священника епископ не стал. Только криво улыбнулся и решил сменить тему разговора:

– Вы упоминали, что вам необходим наставник, отец Тимофей, и что до сих пор никто не сумел вас успокоить. Могу ли я узнать, что вас гложет?

– Многое, Ваше преосвященство. Здешняя атмосфера, видите ли, крайне располагает к унынию и размышлению. Правда, лучше всего было бы разъяснить всё по порядку, и, если вы не возражаете, я так и сделаю.

Когда пять лет тому назад сюда прибыли новые люди, не почитавшие ни этой земли, ни её обычаев, ни храма, на восстановление которого ушло столько лет, во мне как будто надломилась основа, тот душевный хребет, к коему прикрепляются все наши недолговечные чувства, мнения, желания. Я заперся

в своей келье и ждал, уповая на Бога – ждал возмездия. Надеялся, что некая величайшая сила, перед которой люди ничего из себя не представляют, совершит отмщение за мои страдания, за страдания местных отшельников, живших здесь задолго до прихода разрушителей. Я возомнил себя Давидом, в отчаянии, а порою в безумии своём воспевал псалмы Господу, мысленно или во всё горло крича «Да обратятся нечестивые в ад!» [11]

«Восстань, Господи! – восклицал я в немом исступлении, в забытьи, – да не преобладает человек, да судятся народы пред лицем Твоим!» Затем, потеряв всякую надежду, ползал я на коленях перед иконами, заглядывая тайком в каждый изображённый лик, дабы увидеть, отвечают ли они мне, слышат ли. Мне казалось порою, будто на той или иной иконе сменилось выражение лица, скосился глаз, расползлась улыбка – за эти дерзкие, непозволительные подглядывания, видно, у меня и отобрали зрение, оставив лишь самую малость. Ныне я не ропщу, наказание моё заслуженно. Тогда же, заглядывая в безответные лики, я молил: «Призри, услышь меня, Господи Боже мой! Просвети очи мои... доколе будешь скрывать лице твоё от меня?» Я обезумел, Ваше преосвященство, и оттого осиротел. Но ведь то было крушение основ, крушение самого бытия, по крайней мере в моём представлении, святотатство, грехопадение, ибо на святой земле, на месте прежней монашеской пустоши, учинили разгром да принялись выкорчёвывать, выворачивать землю в поисках наживы! Шум стоял такой, словно адские механизмы перемалывали кости всем грешникам, бывшим в мире! А земля горестно пела, стонала, и я стонал вместе с ней! Мне казалось, будто они прорезают шурфы не по линии берега, а прямо у меня внутри, проводя сверло сквозь сердце и желудок! В каждом я стал видеть беса, и почти каждого проклинал.

Но вскоре исступление прошло, ведь душа, подобно также физическому телу, не может страдать вечно. Исступление прошло, охладел пыл, да вот только бесы остались – иной раз я видел их пляшущими под потолком! Окропил все углы святой водой, однако они, насмехаясь над нашими обычаями, стали являться чаще. Знали бы вы, сколь отвратительно выглядели их пляски! Порою они будили меня среди ночи, чтобы посмеяться прямо в лицо, да тут же испариться. Сомнения одолевали меня...

- Затем бесы ушли, верно?

- Нет, Ваше преосвященство. Я открыл, что никакой бес вообще не может уйти. Впрочем, об этом позже. Однако же под бременем своего чудовищного открытия, о котором пока вынужден умолчать, я совершенно охладел в вере. Ко мне пришли сначала панический страх, затем чувство безысходности, наконец – безразличие, потому как я понял тогда, что умру. То есть совсем, понимаете, окончательно! Бесчинства здешних рабочих после того, как закрыли фабрику, ещё больше расшатали слабую мою, жалкую веру – мою душу, если угодно.

А потом нагрянуло то, чего я в неведении своём так жадно, задыхаясь, просил – возмездие. Лихорадка, – при этом слове Тимофея самого залихорадило. – Умерло, знаете ли, очень много людей. Во всю весну почти, начиная с апреля, умирали по трое или по четверо за день в иные разы. Во всём, совершенно во всём я винил себя – о, опять-таки по неведению, по неразумению своему! Разве знал я тогда...

Теперь улеглось, но заболевших всё же много, потому многие до сих пор умирают. За время дождей в пристрой фабрики – на берегу, недостроенная, её переоборудовали в качестве крематория – положили пять трупов, да шестой, если верить слухам (а им следует порою верить, Ваше-ство), унесло в реку, вниз по течению. Хаос, здесь возникший, всеобщее разложение вызвали во всех страшный цинизм, пренебрежение ко всему человеческому, ко всему божественному – и во мне. Во мне! Почему я и выразил недавно мнение, вполне закономерное, что всем нам необходим наставник.

Раньше мы не сталкивались здесь со смертью, – перевёл дыхание. – Даже старики умирали нечасто. Раз в полтора, а то и два года случались похороны, ибо всё же у многих старожилов подошёл такой возраст, когда умирают один за другим. Похороны всякий раз происходили с должным трепетом, почтением, потому как символизировали столкновение с чем-то сакральным, сокрытым от глаз простых людей, исключительным – отделение души от плоти, освобождение души. Теперь же сталкиваются со смертью во всякий почти день, и нет более никакого почитания – смерть, как можно заключить из происходящего, обрела иное лицо, лишившись маски торжественности – лицо истинное, земное. Из высшего начала, из сферы духовного она была низвержена в пропасть гниения, окисления и прочих материальных вещей. Почему? Да как же, ведь это неприкрытое, неосвящённое гниение происходит практически на глазах всего города! Люди ведь – знаете, как – в подобных условиях любят поглазеть да в итоге привыкают к гнили и пакости, да вот ещё к страху привыкают. Нельзя говорить с человеком о вознесении после смерти, коли он постоянно перед собой видит мёртвые тела, и всё его внимание невольно, в силу обычного человеческого малодушия, к ним одним приковано – это давно известный факт.

Нет, смерть вдруг сделалась уродливой, безобразной, телесной до тошноты. Влага и жара тому прежде всего способствуют – от них тело начинает разлагаться преждевременно, так что положенного срока, для почтительности то есть, выдержать никак нельзя. Да что говорить, коли в случае здешней лихорадки процесс распада неумолимо поглощает туловище ещё при жизни, пока теплится.

В самом начале, к примеру, весной, сюда принесли покойницу, отпевать, на третьи сутки, согласно обычаю, но, простите за откровенность, смрад оказался настолько нестерпимым, что никакой возможности провести службу не представилось. Пришлось вынести на улицу – да и там, впрочем, не лучше было, особенно в тот период, когда о дожде никто даже не помышлял, даже надеяться не смел.

С тех самых пор прекратилось всякое отпевание умерших в церкви – оно, правда, само собой как-то вышло...

А люди, знаете ли, привыкают к смерти, привыкают к мыслям о ней, к её настойчивому дыханию – да и как избежать этого, если она удушливо подбирается к каждому, сжимаясь вокруг тела плотным кольцом. Так... к чему же мы привыкаем тут? К уродству и мерзости, вот! Это делает разочарование и безразличие совершенно окончательным, необратимым, если угодно. Иные от отчаяния говорить перестают и всякое понимание теряют. Поглядите! – отец Тимофей жестом пригласил епископа прислониться к окну и сквозь узенькую щёлочку между досок посмотреть наружу; епископ повиновался и обнаружил не без удивления, что сопровождавшие его «глухонемые» просители по-прежнему стоят на своих местах – приглядевшись, он всё же заметил, что двое успели на несколько шагов отойти в сторону, одного же вовсе не досчитался – вероятно, ушёл, или вовсе никогда не было, ибо архиерей не мог вспомнить, сколько же человек остались дожидаться его у ворот – четверо или пятеро.

– Поглядите! – продолжал между тем священник. – Вот они, исполнены тоской да безотчетным ожиданием, а внутри у них – зияющая пустота!

К тому же, никто почти не рождается уже лет пять подряд, да и никогда, пожалуй, тут не рожали, а приехали сразу целыми семьями, с детьми, большими и маленькими – вон, и дети-то самые младшие по улице ошиваются лет восьми-девяти, а младше нет никого. Была девочка шести лет, кажется, да умерла недавно. Так вот она-то и была самая младшая из здешней детворы. Никто, как я говорил только что, не рождается, только умирают, а население в городе без того небольшое – больше, положим, чем в соседних деревеньках, но всё же... было что-то около восьмиста человек, а ныне сократилось почти на четверть. Кое-кто, конечно, уехал, а многие отошли в мир иной, мучимые жаждой, видениями, болями, от истощения либо удушья – шейные судороги, знаете ли, горло перехватывают...

Это ли меня гложет? Отчасти, верно.

В комнатке ненадолго установилась тишина – слышно было только едва различимое дребезжание воздуха, от речи священника, которая периодически накалялась и потому звучала преимущественно на повышенных тонах.

Епископ стоял у окна и долго не оборачивался (сумасшедшие на улице успели разойтись), стараясь из чувства такта побороть всегдашнюю улыбку, ставшую чем-то вроде непроходящей гримасы или, вернее, неснимаемой маски. Наконец ему это вполне удалось, щёки разгладились, впали, приобретя скорбный и благообразный вид. Епископ обернулся.

– Признаться честно, – произнёс он нараспев против обыкновения, – не думал, что всё именно так обстоит. А что же старейшины? Разве они не могут выписать необходимые медикаменты?

– Ох, кабы знать, какие тут медикаменты нужны, – почти простонал истощённый долгой речью Тимофей и добавил чуть более сдержанно. – Об этом, однако же, вам следует поговорить с местным врачом. Хотя все прошения старейшин были проигнорированы столичными властями – необходимо-де финансирование. К слову, раз уж вам ничего неизвестно, из старейшин никого в живых не осталось. Дом же, где они устраивали заседания Совета, наводнением полностью разрушило.

– Они что же, тоже... от лихорадки?

– Неизвестно. Это всё темные материи, Ваше-ство.

– Похороны уже состоялись?

– Пока нет, Ваше-ство. Назначены на завтрашний день, но загадывать смысла нет – мало ли что может случиться. Да и похорон никаких, в обычном смысле слова, не предполагается. Их сожгут.

– Разве можно?

– Таково предписание врача. Кроме того, на кладбище больше нет места, ибо оно настолько разрослось, что теперь на его территории, среди могил, даже дома заброшенные стоят. Вот так – люди из этих домов умерли и перекочевали в собственные дворы.

Пауза.

Она продлилась ровно столько, сколько времени понадобилось Теофилу, чтобы пересечь келейку от окна до двери и обратно и вернуться на прежнее своё место – на стул то есть.

– Я позволю себе немного отвлечься, – сказал архиерей. – Ведь у вас со здоровьем, насколько мне известно (да вы и сами говорили что-то о зрении), тоже возникли некоторые проблемы? Вам, вероятно, тяжело здесь управляться одному. Простите за грубость, но у вас слишком плохое зрение, а иные поговаривают, вы слепы, так что я даже не могу определить, видите вы меня теперь или не видите.

– Я вас вижу, Ваше-ство. Мне не тяжело. Я привык, я ко всему привык, – в голосе отчётливо послышалось странное сожаление, словно привычка нисколько не радовала священника. – Мне известна здесь каждая вещь, каждый уголок, каждое, – тихонечко захихикал, – укромное местечко.

Отец Тимофей поднялся на ноги, подошел к стене, прикоснулся к ней ладонью, несколько раз любовно провёл сверху вниз, поглаживая. Затем рука его замерла, да так и осталась на некоторое время прижатой к стене, как будто прилипла.

– Я и на ощупь смогу передвигаться в этих стенах. Но до этого не дойдёт... не дойдёт... нет.

– А зачем же вы заколотили окна?

– Увы, мои глаза не могут слишком долго выносить дневной свет, – третья ложь за день, гораздо, однако же, более искусно исполненная.

– В таком случае я не смею осуждать вас. Тем не менее могли ограничиться только оконцем в вашей келье – не следовало заколачивать все окна, это ведь храм Божий, в нём должен быть свет. Потому задам ещё один вопрос: уж не от одиночества ли вы заколотили окна, не от страха ли?

– Нет, Ваше-ство, я защищал глаза от назойливого света. Хотя здесь и вправду одиноко. Но не слишком.

Человек, знаете ли, всегда почти одинок, просто в старости подобное положение вещей делается... более выпуклым, что ли, бросается в глаза – остаёшься один на один с собою же, и отчаянно пытаешься найти оправдание собственной жизни, потому как пока нет оправдания – нет никакой вечности, – священник спохватился было, что поведал чрезмерно много, но тут же, в ответ собственным мыслям, молча махнул свободной рукой (одна рука всё ещё упиралась в стенку).

– Оправдание? – удивился Теофил. – Разве служение Богу не является таковым?

– Вероятно, нет, Ваше-ство, ведь – простите мои слова – я не знаю, служу ли я Господу или же нет, и все мои действия в этом смысле давно потеряли всякую цель. Я молюсь, усердно молюсь – но я так слаб, и веры моей почти не осталось, как бы ни цеплялся за её останки. Помогите же мне, Архипастырь!

– Скажите мне, отец Тимофей, познав Бога, для чего вам опять возвращаться к немощным и бедным вещественным началам? Для чего порабощать себя ими, ударяться в «пустые мудрствования»? [12]

– Видите ли, Ваше-ство, я, вероятно, принадлежу к маловерным, и приближение смерти, то, насколько она отвратительна, расшатало меня, выбило из колеи. Мир вокруг всё больше впадает в самоудовлетворение (о, едва ли вы понимаете,о чём я!), а я гляжу со стороны, не в силах ни сподобиться миру, ни возжелать Бога. Я из тех, кто всегда учатся и никогда не могут дойти до познания истины [13]. Меня одолевают невозможные, невообразимые сомнения, так что их даже выразить совестно.

– Так что же вас гложет, кроме смерти?

– Ныне, Ваше-ство, бесчисленное множество самых мерзейших дел совершается прямо в стенах храмов, к тому же обладателями определённых санов, священниками, диаконами или... архиереями, Ваше-ство – порою, знаете ли, и чудеса пытаются подделать, и так грубо выходит! Это ли не доказательство того, что мы оступились? Что, если церковь наша и есть те, кто в Судный день приступят к Спасителю со словами: «Господи, не от Твоего ли имени пророчествовали?» и кому Он ответит, как предрекал: «Не знаю вас. Отойдите от меня, делающие беззаконие!» Не делаем ли мы беззакония? Так я спрашиваю себя, и пока я не знаю ответа, не могу также знать, служу ли Богу или служу вещественным началам, следовательно, не могу найти оправдания и, значит, вечности нет. Так не делаем ли мы беззакония, Ваше-ство?

– Мы также способны ошибаться, как все прочие. Но в любом случае, отец Тимофей, наша неправда открывает правду Божью .

– И вы твёрдо в этом убеждены?

– Совершенно. Но мне пора готовиться к проповеди. Вы будете сопровождать меня?

– Простите, Ваше-ство, я, кажется, слишком плохо себя чувствую.

Теофил направился было к выходу, но у самой двери вдруг остановился и спросил как бы невзначай, словно теперь только вспомнил:

– Отец Тимофей, вы говорили, будто совершили некое открытие, пошатнувшее вашу твёрдость духа? Не объясните ли, что именно вам открылось?

– Пожалуй. Вы задумывались когда-нибудь, что может быть общего у света с тьмой?

– Бог есть свет, – процитировал епископ, – и нет в нём никакой тьмы.

– И однако же нечто общее всё же имеется. Помнится, я говорил, что никакой бес в принципе не может ни уйти самовольно, ни быть изгнанным.

– Примерно так, хотя налицо явное противоречие, ибо есть множество примеров весьма успешного изгнания бесов.

– Усмирения, Ваше-ство, не изгнания. Бес не может уйти, ибо он – неотъемлемая часть меня. Тот бес, что донимал меня – я сам и есть! А значит, чтобы служить Богу и не ходить во тьме, мне необходимо бороться с самим собою – этого я не могу.

– Отчего же?

– Ведь я должен преодолеть в себе человека. Как же я могу? В человеке слишком много всего понамешано, и многое от Бога, и многое же от дьявола. И всё это подчас переплетается в такие причудливые, такие своеобразные формы, отливает различными оттенками, имеет различные запахи (вы знаете, что душа пахнет?), от запаха травы до гнилостного (что, в сущности, одно и то же), от сладости до омерзительной вони серы.

Да, слишком много всего понамешано в человеке – не я это открыл – но это безумно интересно! – в исступлении, в беспамятстве, вдруг напавшем, говорил Тимофей, словно был одержим. – Это удивительно, а разрежь, разбей на кусочки – получишь калеку. Могу ли я себя разрезать, Ваше-ство? Дозволите ли Вы?

Человек – единственное живое существо, которое – в безумии говорю, Ваше-ство! – украшает служение и Богу, и мамоне! Ибо разве не в том заключается свобода воли?

Единственное существо, заслужившее неукротимую любовь как ангелов, так бесов – то есть, в конечном счете, не заслужившее любовь ни тех, ни других! А потому и те, и другие являются для того лишь, чтобы измучить, и проявляют известную степень злорадства, глядя, как мы тут корчимся!

Дозволено ли мне нарушать что-то в этом шатком, призрачном равновесии? Что, если в нём весь смысл и заключается, а? Боже мой, я совершенно сбит с толку! Всю свою жизнь я намеревался бороться с тем злом, которое будет искушать меня снаружи, извне, исходя прежде всего от дьявола, но коли искус появляется в моей душе, в моих мыслях, имея внутреннюю природу – не я ли сам бес?

И как бороться с тем злом, которое от меня же исходит?

Тут отец Тимофей весь как-то обмяк, улыбнулся рассеянно, размазано, да без сил опустился на койку.

Именно тогда епископ совершенно уверился в непригодности местного священника. «Он безумен бо-

лее всего не потому, что говорит о столь неподобающих вещах – он безумен в первую очередь потому, что говорит о них мне!» – подумал в тот момент Теофил и решил непременно перевести сумасшедшего в наименее населённый северный приход, в пятидесяти километрах вверх по реке, предварительно лишив митры. Всё это родилось и утвердилось в голове епископа, пока он выслушивал вдохновенную тираду безумца, теперь же вышел, не сказав ни слова, не обернувшись.

Тимофей так и остался сидеть в своей тесной келье, с блуждающей, бессмысленной улыбкой и блуждающим же взглядом. Вскоре, однако, он принялся рассматривать какую-то строго определённую точку в пространстве, словно там кто-то был; улыбка сменилась сначала совершенным безразличием и даже как бы временным отупением, затем гримасой неподдельного ужаса. Глаза округлились, в них заплясали искорки, выдававшие эмоциональное перенапряжение (на пределе, что называется, когда это самое перенапряжение скапливается и концентрируется исключительно в области шва, соединяющего нервные окончания, в зоне разрыва), лицо перекосилось, побледнело и застыло. В таком положении, словно восковая фигура, старый священник на некоторое время замер, после чего вдруг потерял сознания, отключился и рухнул на кровать. Надо полагать, до тех пор, пока он не опрокинулся навзничь, ему чудилось, будто в дальнем, затемнённом углу нечто или, вернее, некто висит в воздухе, наблюдает зоркими глазёнками, гримасничает, высмеивает.

Бес, вероятно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Речь

После проповеди Теофила местные жители вместо того, чтобы покаяться и предаться дальнейшему смирению (ибо вынужденному их смирению до того уже не было предела), на время совершенно осатанели. До сомнительной речи, обрушившейся с помоста, они смирялись по принуждению самой жизни, в силу обстоятельств, совершенно невольно и даже как бы инстинктивно, с одной единственной целью – пережить неблагоприятное время, перетерпеть. Потому многие неблаговидные поступки, к примеру, воровство, совершалось ими также неосознанно.

Теперь же, когда их попытались призвать к сознательному смирению, в сферу сознательного же вывели и их преступления. Это вызвало общее ожесточение, желание не покоряться (да и кто хочет признавать за собой вину). Впрочем, состояние «осатанелости» господствовало исключительно в области душевной, до реальных действий так не дошло. Возмущение же и противоборство вылились, во-первых, в увеличении случаев заболевания, отчего статистическая кривая, выстраиваемая доктором еженедельно, резко пошла вверх, во-вторых, в особенной симпатии по отношению к странному чужаку, который раздавал пищу и которого к тому времени в окрестных деревнях уже почитали чудотворцем.

Здесь необходимо кое-что разъяснить. Епископ в своей речи осудил действия пришедшего благодетеля, не без оснований, ведь ни церковь как таковая, ни её представители не терпят конкуренции в области влияния на души, пришедший же, намеренно или нет, это влияние оказывал. Однако осуждение лишь повысило интерес к неоднозначной фигуре. Помыслами своими люди ринулись к тому предводителю, который демонстрировал полное нежелание смиряться с чем бы то ни было. К тому же он, кажется, мог помочь и не давал пустых обещаний. Потому после проповеди разговоров в городе только и было, что о юном чудотворце – епископ, таким образом, вместо того, чтобы отвратить народ от благодетеля, добился прямо противоположного.

Кстати, несмотря на сложившуюся ситуацию, сам чудотворец в городе почему-то не появлялся, ограничиваясь случайными встречами с жителями за его пределами. Те, кому посчастливилось повстречаться с ним, непременно просили о помощи, а поскольку чужак никогда не отказывал, словно обладал безграничным источником благ земных, сумели накопить немного зерна и мяса.

Речь епископа сама по себе была хорошо выдержанной, исполнена мастерски и с религиозной точки зрения почти безупречна. Отрицательную же реакцию вызвало наверняка не содержание её, а нечто, незримо её сопровождавшее – мрачное, довлеющее надо всем вокруг, захватившее каждого жителя, не отпускавшее. Вероятно, та же едва различимая на фоне общего бедствия Тьма, что неустанно преследовала больных, истощая и приводя к печальному итогу.

Проповедь состоялась около трёх часов дня при большом скоплении народа, неподалеку от останков здания, где некогда обитали старейшины.

Теофил со своего возвышения, в качестве которого использовался небольшой помост, сколоченный заранее, благословил толпу, прочитал молитву, затем принялся говорить, сопровождая слова скупыми, но весьма выразительными жестами. Рот его при этом страшно дергался, извивался, то смыкаясь, то вновь разрываясь, и так сильно напоминал разрез по живой плоти, что близко стоявшие зрители всякий раз после очередного разрыва отворачивались, ожидая и вместе с тем опасаясь, что из этой чревовещающей раны непременно польётся кровь. Разумеется, были только бескровные слова – одни текли, подобно речному потоку, нараспев, другие вываливались жёстко и быстро, как камни. Говорил епископ примерно следующее:

– Я обладаю всей полнотой власти над богатым и бедным, над молодым и старым, над мужчиной и женщиной, над сытым и голодным! Знаю все ваши хитрости, и вы должны благодарить за это Господа! [16] Ибо я обладаю властью духовной, дабы просветлять и увещевать вас, братья и сестры! Посему, если не желаете вы впасть в погибель, пойти по пути разложения, развращения и безбожия – должны при-

слушаться, подчиниться, ибо я есть наставник ваш, назначенный Богом для того, чтобы привести вас в лоно церкви, а чрез него – в Царствие Небесное!

Берегитесь же, чтобы не прельстили вас, чтобы не усомнились вы и не стали служить иным богам! [17]

Я знаю, посевы ваши и хлеб ваш умерли, вы обречены голодать. Знаю и о том, что свирепствует средь вас лихорадка, подвергающая близких ваших страшным мучениям, приводящая к смерти, нагоняющая на вас страх. Но смеем ли мы роптать, братья, если на то воля Божья?

Ибо что до голода вашего, так разве приближает нас пища к Богу? Нет, братья, пища не приближает нас, ибо, едим ли, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем, как сказано в Писании [18].

Что же до смерти близких ваших, то лишь смерть тела видите вы, приближающую душу, запертую в тяжких оковах плоти, к Отцу нашему небесному – возрадуйтесь же за умерших! Возрадуйтесь, ибо для Бога ничто не умирает, и ничто не бывает невозможно для Него, и всё принадлежит Ему! [19]

Однако в последнее время объявилось бесчисленное множество лжепророков, и множество ересей возродилось посредством деяний их [20]. Чудесами своими и фокусами желают они купить доверие ваше, предлагая вам всевозможные благодеяния. Но не от Бога исходят эти благодеяния, а значит, не безвозмездны они и любви не исполнены. Ибо от Бога даже беды и невзгоды исполнены любви, от сынов же погибели и последователей дьявола даже благодеяние несет в себе зло и отраву, и не безвозмездно оно, но требует в качестве платы душу.

Братья и сестры, не зря именно теперь разразился голод среди вас, ибо, как вы знаете, идёт Петров пост , и вы должны неукоснительно соблюдать его, отказываясь от телесных благ. И что же? Является лжепророк, отринувший всякое смирение, всякое послушание, чем прямо на себя говорит, что служит Сатане, и даёт вам пищу, искушает вас трупами. Разве не должны вы отказываться? Разве позволительно, братья, потреблять плоть убиенных животных в период поста, когда вы, наоборот, должны сдерживаться? Можем ли мы потерпеть это?

Нет, братья, мы не можем потерпеть в наших краях человека, не исполняющего волю Божью. Ибо – говорю – если Бог наслал болезнь на скот, и скот вымер – значит, Он пожелал испытать нас. Пожелал, чтобы Церковь, проводница воли Его, воспретила честным христианам пожирать мясо, дабы во время поста не уподоблялись они зверью и усмиряли в себе телесные желания, духу нашему противные. Нечестивые же христиане пусть жрут и воруют, но отныне всякий, кто поступает так, будет неминуемо считаться согрешившим и обязан доносить о том на исповеди! Ибо плоды, принесённые чужаком, суть отрава.

Запомните же, хоть деяния его и кажутся благими, за ними непременно последует расплата!

Разве должны вас беспокоить голод и смерть, если веруете и служите Господу нашему? Разве не следует вам более заботиться о духе вашем, усмиряя тело молитвами и воздержанием? Разве во время беды, как теперь, не следует вам склонить головы и сказать: «Уповаем на милость Твою, Господи»?

Но что же есть лжепророки, ведущие вас к погибели, пользуясь маловерием вашим и наивностью, и тем также, что плоть цените выше духа? Это те, которые подают милостыню и говорят: «мы праведны» – сами же праведности не имеют [21]. То сыны погибели – отрекитесь от них и от даров их, какими бы соблазнительными эти дары ни были, ибо милость Божья и благодать во сто крат сильнее и ценнее даров погибели!

Братья и сестры, пренебрегайте земным, пренебрегайте сытостью и довольством, но молитесь и веруйте! Довольствуйтесь малым и, имея скудное пропитание и одежду, прикрывающую тело ваше, не ропщите, ибо в смирении есть благость!

Желающие же обогащаться впадают в искушение и во многие безрассудные и вредные похоти, ибо сребролюбие есть корень всех зол, и предавшись ему, люди сами себя подвергают многим скорбям [22]. Вы же, приехав сюда, выворачивали землю в поисках источника денег, впали во искушение, и сребролюбие поглотило вас, потому и нынешние скорби сами же на себя навлекли – покайтесь!

Покайтесь, укрепитесь в вере и отрекитесь от даров погибели! И тогда уготована вам будет милость Божья и благодать! И не будет страданий, не будет скорби, не будет стенаний, злопамятства, слёз, зависти, ненависти к братьям! Не будет несправедливости и гордыни! Не будет ни клеветы, ни обид, ни забот жизненных! Страданиям от родителей или детей, страданиям ради золота наступит конец! И смерти не будет, и ночи, но всё – сплошной день, братья! И тогда наступят светлые времена и станет ОДНО СТАДО И ОДИН ПАСТЫРЬ! [23]

Так завершилась речь епископа, довольно, впрочем, сумбурная и для критического ума противоречивая. Последние же слова Теофил произнес с особенным воодушевлением, ибо фраза «одно стадо и один пастырь» как нельзя лучше выражала его видение мира и его видение церкви, потому вообще всякую проповедь он именно ей завершал, вполне вероятно, из природной надменности воображая в минуту наивысшей кульминации себя – Пастырем, окружающих – стадом, причём, насколько можем судить, в значительно более грубом, низменном значении, нежели подразумевалось в многословных откровениях апостола, записанных на острове Патмос .

Люди постепенно начали расходиться, причём не в разные стороны, а поначалу в одном направлении, единым организмом, как можно дальше от места проведения проповеди – она сплотила их в их неверии. Лишь через некоторое время жители разделились, и каждый отправился домой.

У помоста остались стоять только отчаявшиеся, потерявшие всякое понимание, у которых, по мнению отца Тимофея, внутри образовалась зияющая пустота. Они стояли и глядели на Теофила, недо-

умевая и словно как бы спрашивая (без негодования, скорее от тоски, от обреченности, ничем и никем не оправданной): Как? И это всё? Пастырь может предложить лишь голодным – смириться с голодом, а умирающим – возрадоваться смерти? Но ведь всякий почти человек боится смерти, нежелание умирать, отвращение к данному процессу вполне естественны, в особенности, если наблюдать её тошнотворный танец почти каждый день. Неужели вместо помощи им предложили лишь ещё больше сломить себя – им, у которых от переломов души места живого не осталось и даже способность говорить и чувствовать пропала? Им, которые настолько внутренне распались, что ломаться дальше просто некуда?

Теофил твёрдым, непреклонным своим взглядом, охватывающим растекавшуюся толпу, ответил: да, именно так – и собирался было спускаться с возвышения, но заметил отца Тимофея, пробивающегося сквозь толщу людей. Если раньше многие относились к священнику с почтением, теперь, решив про себя, что он заодно с неприступным архиереем – с едва скрываемой ненавистью, и ему действительно пришлось пробиваться, игнорируя толчки и брань.

Наконец священник достиг помоста. Рукой смахнул пот со лба, произнес взволнованно:

– Ваше преосвященство, я вынужден отвлечь Вас, потому как вспомнил об одном крайне неприятном, но важном событии, о котором Вам следует знать. Если позволите, мне необходимо поговорить с Вами.

Теофил кивнул, ещё раз кинул пронзительный взгляд в сторону удаляющихся жителей, проверяя, возымела ли действие его речь, и, удостоверившись по некоторым признакам, что не возымела, соизволил освободить помост. Он был весьма разочарован провалом, что в принципе случалось крайне редко, обычно при вмешательстве сторонних сил или обстоятельств, однако виду не подал и выслушал Тимофея. К тому же, дело и вправду оказалось безотлагательным, требующим непосредственного вмешательства.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тимофей размышляет

Когда Тимофей пришёл в себя, в келье никого не было. Исчезло и неясное видение, явившееся ему во время беседы и доведшее до состояния исступления. Голова болела, немного и где-то внутри, так что добраться до источника боли не представлялось возможным. Это была не та обычная боль в висках, которая нередко посещала старика по утрам, сразу после сна – гораздо более выраженная, ближе к поверхности, к самым костям, так что её можно было уменьшить прикосновением или сильным нажатием пальцами на оба виска одновременно (от этого она сжималась в комочек, а потом вовсе рассасывалась). Нет, теперешняя боль затаилась в самом центре, как в ядре и даже как будто она и являлась тем самым ядром, обросшим тканями мозга, сосудами, черепной коробкой, кожей. Давала о себе знать только при различных телодвижениях, да и то не слишком – то был лишь слабый, довлеющий надо всем телом намек на головную боль, обещание её. Что ж, тем нуднее и нестерпимей она казалась.

Перед глазами стелилась пелена, но тоже какая-то неясная, тонкая, так что священник видел едва ли хуже, чем обычно – скорее некая общая размытость, расхлябанность силуэтов мешала сфокусироваться, потому глазки бегали, щурились да никак не могли задержаться на чём-то конкретном – так, словно все предметы отражались хрустальной поверхностью лишь вскользь, почти не касаясь, и тут же стремились скрыться.

Впрочем, вскоре Тимофей привык. Он обнаружил, что если слегка пригнуть голову влево, чтобы кожа на шее немного натянулась, не доставляя неудобств, то и боль исчезает, и очертания предметов делаются куда более чёткими, лучше схватываются – это открытие успокоило его.

Последних слов своих Тимофей не помнил. Ему только казалось, и вполне справедливо, что он высказал нечто чудовищное, совершенно непозволительное и даже такое, о чём не только всерьёз, но и вовсе никогда не думал. Он был уверен, что слова эти – страшные – не сам произнёс, а кто-то произнёс за него, воспользовавшись его языком и голосовыми связками. Кто-то, притаившийся внутри него и настойчиво ждавший момента, когда рухнут защитные барьеры и можно будет подчинить себе слабое, безвольное тело, явить себя миру, так сказать. Не иначе, чертовщина.

Тимофей понимал, что произошедшее поставило его в крайне невыгодное положение. Хотя епископ, несмотря на всю лесть (а по части лести архиерей был мастер, когда требовалось), и до того не слишком жаловал престарелого затворника, в первую очередь как раз вследствие добровольного этого, противоестественного затворничества, ибо такое поведение всегда вызывает подозрения либо в хитрости, либо в безумии, а ни того, ни другого Теофил не выносил. С другой стороны, положение Тимофея было достаточно прочно (если позволительно о таком положении говорить как о прочном), и ухудшить его при всем желании вряд ли удастся. В крайнем же случае, если и отправят ненароком в место более уединенное, куда-нибудь в пустошь, так что с того – в конечном счёте, Тимофей вполне привык к безмолвию, к одиночеству, да и недолго ему осталось, по собственному разумению.

Однако имелось ещё одно обстоятельство, беспокоившее отца Тимофея – чудо. Вернее, жалкая, но всё же весьма эффектная подделка. Не следует ли поведать епископу о том, что на самом деле произошло во время кровавого плача, насколько отвратительно вели себя люди и – главное – по чьей вине?

О нет, у Тимофея не было ни малейшего желания выдавать отца Павла, несмотря на всю мерзость, на высокомерие последнего, несмотря на его преступление. Павел вообще крайне заинтересовал

Тимофея в силу некой неуловимой, необъяснимой, но весьма отчётливой эмоциональной связи между ними – наличие общей тайны лишь подтверждало факт таковой. К тому же, в них существовало нечто схожее, в некоторой степени роднившее их.

Разумеется, в Павле Тимофей увидел испорченную натуру, подобную той, что замечалась в епископе – нечто лицемерное, лживое, безверное. Однако если у епископа данные черты являлись изначальными, естественными для него, хоть он с переменным успехом умудрялся использовать самые тёмные свои стороны и самые низкие склонности на благо (так, по крайней мере, ему представлялось), то в отце Павле вся эта мерзость его исходила скорее не от первоначальной склонности, а являлась следствием падения. В отце Павле Тимофей в первую очередь обнаружил человека совершенно, до глубины, до самой мельчайшей частицы своей разочарованного. А поскольку сам отец Тимофей также ступил на этот путь, то полагал, что это достаточное основание для того, чтобы отныне считать себя подобным Павлу.

В старом священнике, размалевавшем иконы кровью, всё зло появилось от вседозволенности, которая всегда почти рождается при крушении основ. Подобный механизм можно свести к простой формуле: весь мир отвратителен, так почему бы не уподобиться целому миру? У отступника словно лопнули ремешки, что прежде удерживали его, прикрепляли к жизни, и он находился теперь в состоянии свободного падения, как и Тимофей.

Потому всякую со своей стороны попытку выдать Павла последний не мог воспринимать иначе, кроме как предательство.

Но вся сложность создавшегося положения заключалась в следующем. Разочарование Тимофея (эта дыра, поедающая все силы и ценности) не доросло до размеров пропасти, которая разверзлась бы под его ногами, очевидная до неприличия, и проглотила целиком, переломав хребет, вобрала в себя, демонстрируя оборотную, наиболее мощную сторону жизни – ту, что надрывно завывает, кричит о своём неминуемом существовании, бросается в глаза картинами разрушений, запахом и вкусом тления вгрызается в носоглотку, но мы упорно делаем вид, будто вовсе не подозреваем о ней. И эта сторона есть основа. Мертвечина, если угодно, разлагающаяся плоть бытия, из которой всё вокруг состоит и рождается и которая гниёт в каждое произвольное мгновение времени, указывая на простой факт: всё здесь обречено. Вот до этой-то страшной безысходности Тимофей до сих пор не дошёл.

Он был уже достаточно оторван от прежних убеждений (по большей части религиозных), чтобы прекратить поступать согласно завету «Бог рассудит»; но, к сожалению, ещё недостаточно для того, чтобы вытравить из себя обострённое чувство справедливости, многим верующим так или иначе присущее. В силу возникшего противоречия само понятие справедливости Тимофей вынужден был в своём сознании низвергнуть с небес на землю, дабы здесь же, при жизни виновника, вершился праведный суд – с этой позиции ему претило, что Павел вполне может получить некоторые почести от высших санов, причём получить почести не просто незаслуженно, но вовсе за дурное деяние. К тому же, отец Тимофей был отчего-то уверен, что самые ужасные последствия осквернения иконы ещё только грядут, и непременно желал предотвратить их. В голове его все последние события фантастическим образом сплелись в один неразрывный клубок и, согласно его же предчувствиям (весьма, впрочем, воспалённым и не подлежащим проверке), напрямую были связаны с возможностью спасти селение, спасти всех и себя в том числе, заслужить это пресловутое спасение, зацепиться хоть за что-то в мире, не позволяя душе окончательно провалиться в бездну апатии. Что ж, апатия – самое верное чувство, которое можно испытывать в подобных условиях. Вера и всевозможные идеи противостоят ему, ибо апатия – суть смерть, смерти же человек должен бояться и действительно всегда почти боится.

Тимофей из последних сил, подобно утопающему, хватался то за рассыпающуюся от неумелых прикосновений веру, не имеющую решительно никаких подтверждений и не способную утолить его смутных потребностей, насытить его, то за абстрактную идею спасения. Эта идея оказалась несколько крепче и даже навязчивей, нежели вера, ибо, несмотря на несостоятельность, заставляла против воли склонить голову перед ненадежной, лживой надеждой. О, хвататься во время краха за надежду – всё равно как если бы упомянутый утопающий в бессилии своём, в безумии вместо щепки схватился за змею, желая удержаться на волнах – совершенно ясно, щепка не помогла бы бедняге, однако же и змея, будь она там, прикончила бы его раньше стихии. В отношении надежды люди обычно никаких опасений не испытывают, и напрасно, ведь когда тебя обманывает природа вещей, можно перетерпеть, ну а коли сам ты начинаешь себя обманывать (и это кроме прочего) – что тогда?

Итак, Тимофей терял веру, но старался зачем-то поступать в соответствии с ней – по крайней мере, такая тактика создавала иллюзию почвы под ногами, которая на самом деле из-под ног давно ушла. Отсюда и нелепая мания всех и вся спасти. Дело привычки, да и нравственное чувство успокоено, не клокочет – впрочем, кто знает, чужая душа всё-таки.

Перед Тимофеем, таким образом, возникла крайне сложная дилемма. Предать одного человека, в коем, несмотря на враждебность, есть нечто близкое, и спасти селение, спасти весь этот замкнутый, загнивающий мирок, или же сохранить тайну и сложа руки наблюдать, как по иконам течёт кровь, и от запаха этой крови прихожане сходят с ума, обнаруживая непозволительные желания, и мир рушится (его, Тимофея, мир), и собственная душа летит в пропасть?

Следует пояснить, что так проблема выглядела лишь в понимании Тимофея по причине болезненности, действительное же положение дел, вероятно, сильно отличалось от подобных идей.

Никакими средствами для того, чтобы хоть кого-то спасти, старый священник не обладал, религиозное же спасение даже его самого в последние дни нисколько не успокаивало.

Что ж, если бы Тимофей отдавал себе отчёт в том, что даже себе помочь не в состоянии, то наверное не отправился бы к трибуне, где столь неудачно выступал Теофил, не стал бы затевать с епископом очередной разговор и, уж по крайней мере, ничего бы не сказал про чудо. Но вышло наоборот.

Разговор состоялся недолгий (на этот раз никому не хотелось особенно распространяться), епископ поблагодарил местного архимандрита за предоставленные сведения, благословил и спешно уехал. Вероятно, именно тогда Теофил решил провести столь редкую процедуру проверки истинности чуда и затем отлучить отца Павла. Впрочем, ничего этого не последовало в силу весьма трагических событий, речь о которых пойдет позже.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Пляска мёртвой женщины

Когда небезызвестный чудотворец посетил наконец вымирающий город, интерес к его персоне спал в силу двух обстоятельств. Во-первых, вследствие того, что местные слишком долго ждали этого пришествия и успели, что называется, перегореть, остыть, во-вторых, они были крайне разочарованы, так как надеялись увидеть человека отличающегося, незаурядного, могущественного – одним словом, такого человека, по внешнему виду которого угадывалась его необыкновенная сила; им непременно хотелось столкнуться с чем-то, доселе невиданным. Однако пришедший не только не удовлетворял данным требованиям, но вовсе оказался тихим, неприметным бродягой, на первый взгляд даже как будто не совсем в уме. Жители лишний раз подивились, насколько порою слухи разнятся с действительностью – ведь им обещали юношу, внешностью подобного древнегреческому божеству, окутанного небесным сиянием да знающего толк в колдовстве, а явился, кажется, очередной нищий пророк, коих без того в округе хватало (разумеется, все сплошь шарлатаны, невинным, но весьма устрашающим способом обмана пытающиеся заработать на жизнь).

Впервые его увидели вскоре после того, как епископ Теофил покинул селение, в одном из заброшенных и совершенно непригодных домов, что посреди кладбища. Вероятно, там он решил обосноваться на время своего пребывания в здешних краях, дабы избавиться от повышенного внимания толпы (быть может, для того также, чтобы сохранить ореол загадочности). Хотя, вынуждены признать, всё, что касается мест обитания и мотивов чужака, по большей части домыслы, ибо, несмотря на то, что у подобных предположений есть основания, основания эти недостаточны и смутны. Взять, к примеру, дом на кладбище, где как будто поселился пришедший – внутри никто его не видел, а видели только во дворе, среди могил – он всё ходил и чего-то искал, затем исчез. Когда же несколько озлобленных человек, сохранивших религиозное рвение и решивших во что бы то ни стало изгнать чужака, как повелевал им Пастырь, ворвались в ветхую избёнку, павшую под подозрение, то нового жильца не обнаружили. Комнаты изнутри оказались разграблены, пусты и не прибраны – стены сплошь покрывал венозный узор из трещин, образовавшихся под краской, сама краска повсеместно шелушилась, как псориазное пятно , и опадала, пол же весь был залит водой по самую щиколотку, вода стояла мутная, источала отвратительную вонь. Никто не сумел бы прожить в подобных условиях. Внимание ворвавшихся привлекли разве что две деревянные бочки, покоившиеся на возвышении у порога – так, чтобы на них не попадала влага. Одну откупорили – в ней оказалась тёмная маслянистая жидкость, навроде мазута, со специфическим запахом. Бочки оставили на месте, так как не знали назначения содержимого. Однако было совершенно неизвестно, стояли ли они здесь и ранее, припасённые прежним хозяином, или же появились только теперь и принадлежали чудотворцу? Никто не смог вспомнить наверняка, потому определить, нашёл ли чужак пристанище в затопленном доме или просто околачивался поблизости, не зная, что предпринять, оказалось невозможно, и люди, пожелавшие проявить рвение, ушли ни с чем.

С тех пор чудотворца стали замечать то в одной, то в другой части города, однако вёл он себя странно – ничего не проповедовал, не предлагал помощь (если же его просили, никогда не отказывал). Благодетель вызывал в людях не благоговение и трепет, как это было прежде, когда он избегал посещать мёртвое Городище, а скорее жалость, у иных презрение – где уж тут до «сына погибели», предрекаемого Теофилом. Пришедший, казалось, вовсе никаким могуществом не обладал – ходил совершенно нищим, как уже говорилось ранее, в одежде, которой и нищие-то в нынешние времена не носят – не одежда, а так, нечто вроде узловатого тряпья, обмотанного вокруг тела и перевязанного на плечах и в промежности, дабы не спадало – белое и грязное. Волосы его были длинные, светлые, спутанные, впрочем, также не слишком чистые – постоянно застилали глаза. Глаза же дикие, навыкате, почти сумасшедшие. Да вот ещё необычайно бледная кожа обтягивала всё его тело, что при здешних условиях никого особенно не удивляло.

Он до сих пор помогал тем, кто просил, непонятно откуда доставая то мясо, то хлеб, то гречиху. Такое поведение вполне соответствовало представлениям местных о святости, потому юношу стали со временем почитать святым, даже отправили несколько прошений епископу с тем, чтобы церковь признала заслуги чудотворца. Ответа, впрочем, ни на одно из писем не последовало – то ли письма не дошли, что вполне возможно при практически полной изоляции от столицы, то ли Теофил пожелал оставить без внимания столь сомнительные просьбы.

По прошествии недели со дня посещения еписко-

па или около того чудотворец принялся наведываться к умирающим от лихорадки, дабы утешить. Кроме того, он умудрялся снимать боль наложением рук, за что больные были очень признательны. Те, кого навещал благодетель, а также очевидцы этих встреч утверждали после, что, стоило только юноше зайти в их комнату, вся она наполнялась приятным свечением, исходившим от тела посетителя, лицо же вошедшего преображалось, так что вместо безумца на них печально взирал необыкновенно красивый, чересчур бледный человек. По их словам, его можно было бы сравнить с божеством, если бы боги не умерли.

Разумеется, рассказы умирающих местные объясняли болезненной впечатлительностью. Что касается тех очевидцев, коим смерть не грозила, тут, по мнению большинства, злую шутку сыграла чрезвычайная духота, стоявшая в воздухе водянистой дымкой и особенно тяжело переносимая в закрытых помещениях.

Неизвестно, насколько достоверны свидетельства о сиянии вокруг чужака и его необычайной красоте, потому как на улице он представлялся почему-то весьма заурядным, измученным созданием. К тому же, умирающие действительно отличаются крайней впечатлительностью, да и лето выдалось настолько сумасбродным в плане погоды, что совершенно здоровые люди не выдерживали, начинали буквально с ума сходить от жары. Однако чудотворец скромностью своей, непритязательностью наряду с желанием помочь и способностью снимать боль (именно в таком порядке, никак иначе) завоевал доверие едва ли не целого города – его считали святым, ему плакались, исповедовались, втайне поклонялись. Люди так изголодались по добрым чувствам, что малейшее проявление участия, всякая помощь превращали их в фанатиков, ибо все они обладали сильной потребностью в религиозном преклонении, однако потребность эта не была удовлетворена стараниями епископа. Потому неудивительно, что они жадно искали себе идола и, отыскав, не могли более отречься от него.

Иными словами, чудотворец приобрёл безграничную и, что хуже всего, безраздельную власть над людьми, над их помыслами и чувствами (власть в области духа, которой так вожделел и не сумел добиться отец Павел), причём приобрел эту власть столь умело, столь ненавязчиво, что никому даже в голову не могло прийти, будто ими кто-то действительно управляет. Неясно только, произошло ли такое порабощение намеренно, с неким умыслом, или оно стало результатом множества хаотичных, не связанных друг с другом происшествий.

Значение для формирования означенной власти имел также тот факт, что мосты, некогда перекинутые через реку и разрушенные ливнем, в конце июня вновь стояли на своих местах, хотя никаких строительных работ не велось – это, конечно, тоже приписали чудотворцу.

Третьего июля, в понедельник, отец Тимофей отправился к одной из больных, недалеко от церкви – он взял за правило непременно посещать всех страждущих вместе с престарелым доктором и старался по возможности никого не обделить вниманием.

Обычно они встречались у прежних монастырских ворот и шли вместе. Врач рассказывал по пути о болезни, о своих предположениях насчёт её источника (которые, к слову сказать, нисколько не дополнились с момента его беседы с Лигниным, потому старик всякий раз говорил одно и то же), о динамике еженедельной кривой, медленно и скорбно ползущей вниз с редкими нарушениями этого перманентного падения, скачками, ибо в иные дни никто вовсе не умирал, да всё как-то горько усмехался, как бы показывая, что делать совершенно нечего, придётся смириться. Тимофей молча слушал, изредка что-то переспрашивая или комментируя, ибо прекрасно понимал, что по существу разговора сказать ничего не может (то есть что касается медицинского аспекта), переводить же на иные темы ни к чему.

Врач за период наводнений состарился до неузнаваемости. С каждым днём он выглядел всё хуже, ноги совсем его не слушались, голова и ссохшиеся конечности стали трястись особенно сильно, на лице запечатлелись крайнее изможденье и бессилие, – после смерти шестилетнего ребёнка старик практически перестал есть и спать, и это значительно вредило его без того расшатанному здоровью. Большую часть времени он посвящал бессмысленным обходам, ковыляя по городу от дома к дому с прохудившейся сумкой, в коей были всего только камфорный спирт да какие-то болеутоляющие, вечерами же лежал на своей койке, уставившись в потолок, вскармливая долгими размышлениями сомнения, бередя душевные раны, испытывая на прочность ум свой и совесть. То обстоятельство, что заразившуюся девочку не удалось спасти, сломило его – оттого он дряхлел и усыхал, так что невольно приходила мысль, мол, протянет недолго. Отец Тимофей, к примеру, не удивился бы, если бы врач в ближайшее время не смог более приходить на встречи, то есть окончательно слёг бы из-за слабости в ногах, донимавшей его и постоянно нарастающей, или, не дай бог, умер. Впрочем, все предполагали скорую смерть местного доктора, так что больным при его посещениях становилось даже как будто совестно – по крайней мере, тем из них, кто не успел впасть в беспамятство. Врач ничем не мог помочь, и эта невооруженность перед лицом лихорадки изматывала его, навязчивой мыслью, страшной червоточиной засев в глубине сознания.

Тимофей из жалости никогда не перебивал своего собеседника, даже если тот повторял одно и то же в десятый раз, и старался по возможности обходить острые углы, нежелательные темы – а поскольку повсюду, во всяком почти слове острые углы да нежелательные темы таились, он неизменно молчал.

На сей раз, однако, доктор ограничился весьма скудным описанием истории болезни женщины, ко-

торую предстояло навестить, и принялся вдруг рассуждать о другом.

– Вы помните Лигнина?

– Конечно, помню. Намеревался зайти к нему, да никак решиться не мог. В прошлый раз беседа сложилась не слишком, знаете ли, а мне требовалось обсудить с ним вещи гораздо менее приятные, чем тогда.

– Теперь поздно.

– Почему же? – Тимофей поглядел недоуменно.

– Я к нему заходил периодически. Обитает он полнейшим изгоем, почти никогда не выходит, даже смотреть жалко. В последний раз, то есть, кажется, позавчера, он уже был несколько не в себе. Вероятно, тоже заболел и вскоре сляжет. По лицу видно. Вы замечали, что у лихорадочных совершенно особенное лицо? Как будто злобное – от обречённости, а в то же время в нём отчетливо проявляются признаки умопомешательства особого рода, навроде навязчивой идеи что-то. И похоть. Лихорадка, с коей мы здесь столкнулись, пробуждает желание, усиливает половое влечение, подобно некоторым заболеваниям мозга.

Врач говорил довольно тихо, так что приходилось прислушиваться. Он остановился, дабы перевести дух (слова отнимали чересчур много сил, сбивали дыхание, от них пересыхало в горле и всё внутри начинало сворачиваться), затем продолжил:

– У него ещё нет симптомов. Но я видел довольно много больных и научился теперь определять заранее. У заражённых такая чёрточка в лице появляется, нечто вроде отметины. Видишь крохотную чёрточку – она-то всё и выдает.

– Что же это за чёрточка?

– Оскал. Как будто челюсть немного свело.

– И вы уверены в диагнозе?

– Разумеется. Вы бы посетили его, отец Тимофей, пока имеется такая возможность.

– Непременно.

Священник в очередной раз солгал – после встречи с епископом ложь стала даваться ему значительно легче – вполне натурально да без каких-либо смутных угрызений. Несмотря на давнее обещание продолжить диалог, начатый в день смерти сводной сестры Андрея Михайловича, Тимофей с некоторых пор отказался от этой затеи, ибо по большому счёту она не имела ровно никакого смысла – так, прихоть чувства вины, не более. Хотя в качестве больного навестить Лигнина всё-таки придётся, но, пожалуй, не раньше, чем тот лишится всяческих сил.

– Лихорадка не идёт на спад, – говорил между тем доктор. – Знаете, а ведь наши с вами визиты, если рассуждать практически, пустая формальность, в лучшем случае дань уважения умирающему. Я даже от боли и судорог не могу их избавить – оставшиеся медикаменты слишком слабы. Пожалуй, в данном случае был бы уместен индометацин или что-то наркотическое , но приобрести негде. Разве только выписать из столицы, да ведь опять откажут.

– Если эти посещения – лишь формальность, не следует ли прекратить их? Вы же зря себя губите.

– Не велика беда, отец, даже коли я себя и загублю – толку от меня никакого в любом случае. Формальность или нет – я должен исполнять её до тех пор, пока способен ходить. Я пытаюсь выявить причину болезни, пытаюсь облегчить несчастным страдания – помогает не слишком, я уже говорил. Противосудорожные, к примеру, вовсе закончились. Даже чудотворец наложением рук снимает боль лучше, чем мои препараты – уж не знаю, как ему удаётся, быть может, при помощи гипноза или сильного убеждения, ибо люди склонны в последние дни надеяться на призрачную магию.

– Можно также предположить в нём некоторые способности, как бы это сказать, сверхъестественные.

– Ах, я бы и рад предположить, да не верю ни в одну из этих мнимых способностей, ведь они напрямую относятся к магии, магия же несостоятельна, как всё вообще туманное, неясное, безосновательное, – её, пожалуй, вовсе не существует. Взять хотя бы тот факт, что все ныне толкуют о бесах, что нисколько не удивительно – народ суеверен, да вот ещё жаждет понимать, что происходит, а коли понять невозможно – сам же выдумывает объяснение, и по большей части небылицы. К тому же, совершенно непонятно, почему вдруг пришедшего чужака стали именовать чудотворцем – разве он совершил какое-нибудь чудо?

– Насколько я слышал, в селении за рекой он что-то подобное сотворить пытался, да только скандал вышел.

– Это, простите, с голой девицей-то? Наслышан, – старик на ходу махнул рукой, выражая тем самым безразличие и в то же самое время как бы отгораживаясь, отказываясь от самого факта. – Мол, сделал женщину красивой. Так ведь здесь тоже мог быть гипноз, либо сработал механизм всеобщего заблуждения, вызванного желанием – физиологически такое оправдано, желание опьяняет, и потому ослепляет. Да и позволительно ли предаваться сексуальной связи у всех на глазах? Насколько мне известно (я много хожу по домам, соответственно, многое слышу), именно это и произошло, то есть совершенно неприкрытое, голое, бесстыдное соитие перед толпой зрителей.

– Разве так?

– Да, именно так. По крайней мере, все, кто там присутствовали из местных, таким образом всё описывают, в несколько более грубых выражениях – отправились-то в основном бывшие рабочие, народ грубоватый, без особенных приличий, да, кроме того, весьма падкий на подобные зрелища. Так что сегодня множество пахабных, скотских слухов заполнили город – по углам все об этом только и шепчутся. Разумеется, кроме больных, лежачих – им не до того, они же при смерти. Ну а что касается оставшихся, то есть здоровых, так они слишком долго находились в состоянии опасного уныния, уныние доконало их – некоторые увеселения, такого хотя бы рода, должны их немного отвлечь. Однако же поведение непозволительное, не правда ли? Раз-

ве соотносится это со святостью, которую иные ему приписывают?

- Признаться, я почти ничего не слышал о том, как именно совершалось сомнительное (теперь-то уж точно!) чудо, говорили только, что женщина в мгновенье ока сделалась абсолютной красавицей. Нет-нет, он не святой, ибо к чему святому заботиться о телесной привлекательности своих последователей? Но скажите – уверены ли вы, что всё именно так происходило, что подвоха и приукрашивания нет?

– Да разве сами вы, отец Тимофей, слышали так мало? Ведь вы, кажется, только вчера на лодке отправились за реку, отпевать двух несчастных братьев – это же, если не ошибаюсь, тамошнего старейшины сыновья? Тамошний-то старейшина не слишком ладил со здешним Советом, царствие им всем небесное. Вы, кстати, не знаете, отчего они умерли?

– Хм... Одного зарезали, так что пока несли, вся ткань, в которую тело завернули, в крови насквозь испачкалась, второго же вовсе избили до смерти. Представляете, какая трагедия для матери, потерять обоих детей сразу. А отец даже не вышел. Быть может, не нашёл в себе силы, ведь он человек религиозный, не стал бы проявлять такую чёрствость.

- А виновника нашли?

- Нет, да и искать никто не станет. Наверняка местные бродяги – потеряли всякое чувство от голода. Может, увидели у них немного еды или денег да напали, чтоб поживиться – в конечном счете, кто его знает, что там произошло!

Пожилые люди добрались наконец до места, и разговор сам собою прекратился.

Дом, куда направлялись священник и врач, был старый и деревянный, почерневший после недавнего наводнения – из прежних, что стояли здесь до разработки шахт, ныне никуда не годных. В своё время его подлатали, придали вполне божеский вид да поселили семью, прибывшую пять лет тому назад одной из первых, чуть раньше Лигниных. В той семье детей не имелось, муж же сбежал, как только прекратились работы – возможно, он сумел добраться до столицы и там обустроиться, либо сгинул где-то в близлежащем болоте, либо пополнил плотные ряды бродяг, тех самых, что бесцельно и беспорядочно кочуют от одного поселения к другому в поисках еды, денег, временного пристанища. И женщина умирала теперь в одиночестве. Не в том одиночестве, под которым подразумевается отсутствие людей рядом – нет. Она умирала при зрителях (благо, таковые всегда найдутся в последнюю минуту), однако не имея никаких родных и, соответственно, никакой поддержки.

Дверь не запиралась. Вошли. Проследовали по узенькому коридору с необычайно низким, как бы вогнутым вовнутрь под тяжестью развалившегося второго этажа, потолком, затем оказались в комнате, где пребывала несчастная хозяйка.

Комнатка была сыренькая и маленькая, как, впрочем, в большинстве здешних домов, особенно тех, что стояли да гнили в течение полувека. Посреди стояла кровать, на которой изнывала женщина, укутанная в бесполезные, спутавшиеся простыни. Простыни целиком сбились вниз и прикрывали главным образом ноги, обмотавшись вокруг бёдер причудливыми узлами, верх же, кроме левой руки, был ничем не прикрыт. Она лежала в бреду, совершенно обнажённая, так что отец Тимофей поначалу не знал, куда девать глаза, дабы не созерцать голую плоть. От болезни бедняжка настолько исхудала, что грудь её вовсе исчезла, сделалась плоской, мальчишеской, сквозь неё просвечивали вогнутые, неровные прутья рёбер. Женщина поминутно вздрагивала, плакала, а то вдруг начинала извиваться всем телом, выгибалась дугой, словно желала переломить себе хребет, вставая только на макушку и пятки; спина при этом превращалась почти в полукольцо.

– Истерическая дуга , – констатировал доктор. Затем подошёл к больной, попытался успокоить, но та забрыкалась да разразилась отвратительным, утробным хохотом, сквозь слёзы.

Тимофей не сразу заметил, что, кроме них, в комнате собралось ещё несколько человек, всего трое – две женщины, по-видимому, соседки, и юноша, коего местные именовали чудотворцем. Соседки стояли в стороне, неприметно, юношу же священник почему-то оглядел вскользь, ни на чём не заостряя внимания, после чего принялся осматривать комнату. Особенно заинтересовала его фотография, стоявшая на столике рядом с койкой, в дешёвой пластмассовой рамке, сделанная примерно за год до болезни. С неё на вошедших простодушно уставилась рыжеволосая девушка с довольно простым, ничем не примечательным лицом (вполне миловидным, не более), слегка полноватая, но не чрезмерно, так что ей, пожалуй, даже шло.

Женщина на койке выглядела иначе. Она была худа до невозможности, истощена, однако же красива, в отличие от той, прошлой, которую запечатлел фотограф. Черты лица её заострились от этой худобы, глаза сделались больше, ярче, выразительней, болезненный блеск придал им нечто хищное и ядовитое, а вместе с тем притягательное. Губы, щёки покрывал белый налёт, волосы, спутавшиеся и свалявшиеся, были разбросаны по подушке непослушными огненными прядями. С лихорадкой в ней особенно стали заметны и привлекательны черты, до того скрытые, бывшие как бы на втором плане, а пожалуй даже, черты, которых прежде вовсе не существовало. Откуда, в самом деле, у простушки со скучающим видом мог появиться такой хищный, такой неприкрытый оскал? Откуда это странное, завораживающее выражение иссиня-чёрных глаз, напоминавших теперь два выжженных колодца, лишённых всякого дна – и невозможно глядеть в них, и нельзя не глядеть. Болезнь привнесла в неё что-то демоническое, злобное и развязное.

Впрочем, в комнате находился ещё один обладатель такого же точно взгляда, именно же чудотворец. Ах, куда только подевался тот тихий, смиренный взор, с каким глядел он на улице, при всех, в толпе! Нет, здесь, никем не замеченный, он вполне мог позволить себе не притворяться. Никакого бла-

женного безумия в его глазах не было, ни единой крупицы, только как будто плясали искорки. Тело же и вправду светилось, а сквозь весь яркий облик осторожно пробивалось нечто жгучее, тёмное и потустороннее.

Но, может быть, всё только привиделось отцу Тимофею вследствие недуга, проявившегося во время беседы с епископом и даже задолго до этой беседы. С тех пор восприятие действительности у священника несколько изменилось, стало более невротическим, более рассеянным, однако же рассеянным совершенно особенным образом. При подобной рассеянности всё видимое обычно плывёт, очертания делаются не то что бы неясными, а скорее безграничными, так что один предмет беспрепятственно перетекает в другой, сливается с ним, создавая некую неразрывную плотность, сквозь которую приходится с трудом пробиваться. Из общей плотности вырываются лишь некоторые детали, мельчайшие, до коих прочим и дела-то никакого нет. Детали эти растут, поглощая окружающий фон, и кажется, будто они одни заключают в себе весь тот смысл, который в понимании нормального человека равномерно распределён между всем содержимым пространства.

Так и теперь. Крохотная комнатка – серый, оштукатуренный фон, не имеющий никакого значения, включая и скромных соседок, пришедших в угоду своему непомерному любопытству, умело скрытому под личиной сочувствия, и беспомощного доктора, и из этого фона жадная глазная поверхность выдирает сначала слишком неуместную фотографию (изображение с неё бело-рыжим пятном настырно просачивается в поле зрения, не позволяя ни на чём более сосредоточиться), затем хищный оскал на лице женщины, причём само лицо также расплывается, расползается по швам, подобно плохо сшитому полотну, являясь лишь жалким фоном для этого всепоглощающего оскала, затем животная ухмылка оскудевает, пропадает из виду, уступая место другому – теперь это два смертоносных уголька поверх прежнего тумана, поверх неприметных пастельных тонов, всего два уголька, заключающих в себе всю бездну безумия и разврата, погибель. Наконец на смену прожорливым глазам женщины в поле видимости Тимофея попадает мимолётная, случайная искорка, сверкнувшая во взгляде лукавого чудотворца. А сама фигура чудотворца снова – один невнятный фон, ведь значение имеют лишь едва заметный ореол свечения вокруг неограниченной плотности, из которой слеплено тело, да скоротечная искорка, в сознании сумасшедшего Тимофея превратившаяся в целый сноп таких искр, и в них – та же очевидная погибель, что и во всём облике больной женщины.

Священник едва не упал в обморок, но вдруг всё прекратилось, и он вновь оказался посреди прозаической, горестной, не раз уже виденной им обстановки – комнатка, кровать, а на кровати – обречённый или обречённая бьются в конвульсиях, хохоча и плача, бесконечно долго хохоча и плача. Меняются зрители, меняются места, но суть данной картины всегда одна и та же – клетка, заключающая в себе целый мир, и жертва, и кажется, что как только жертва сделает последний вдох, всё вокруг исчезнет, а под ногами разверзнется пропасть – откроется та самая оборотная сторона мира. И всякий раз это действительно происходит: умирает жертва, исчезает сущее, оборотная сторона или, если угодно, первичная ткань жизни предстаёт во всей своей гниющей, омерзительно-трогательной наготе.

– Отец Тимофей, что с вами?

Священник очнулся и обнаружил себя на руках доктора, сползающим постепенно на пол. На миг он всё-таки потерял сознание. Всякий раз, когда это происходило с ним, он сталкивался с теми страшными, непостижимыми глубинами, из которых всё и вся произошло и где любое событие имело первопричину, настолько далёкую от человеческого восприятия, что её и пояснить-то словами нельзя. Благодаря подобным провалам Тимофей видел связи между тем, что никак не могло быть связанным. Не ясно лишь, являлись ли такие провалы признаком безумия, или же редким даром, позволяющим проникать в самую суть вещей.

Отец встал на ноги, помассировал немного голову, дабы прийти в себя.

– Вам надо сесть и отдохнуть, – сказал доктор (а руки-то у него плетьми повисли, поддержка, оказанная падающему Тимофею, потребовала слишком много силы от рук старческих, рук истощённых).

– Нет-нет, доктор, отдыхать я не стану. К тому же, всё прошло. Вероятно, здесь просто душно, духоту мне переносить тяжеловато. Но ничего, ничего...

Между тем чудотворец положил руки на грудь и на лоб женщины, и она мгновенно успокоилась, погрузилась в глубокий, безмятежный сон. Её по шею закрыли простыней, размотав предварительно ноги, прибрали потускневшие волосы (потускнели они только теперь, по крайней мере, до обморока Тимофею виделись огненные пряди, настоящие всполохи – то ли освещение сменилось, то ли тогда старик был не в себе), сменили подушку да отёрли лицо от пота, разводами скопившегося на почти белой коже.

– Как вы полагаете, сколько ей ещё осталось? – тихим голосом спросил Тимофей, обращаясь ко врачу.

– О, немного. К вечеру всё закончится, – доктор помедлил, собираясь с мыслями, облизал сухие губы и продолжил. – Я знаю, вы пришли главным образом для того, чтобы успокоить страждущую, дать ей различные религиозные наставления перед смертью, выслушать исповедь. Но в сознание она, вероятно, не придёт до самого завершения. Если попытаться разбудить её, что категорически вредно, то снова начнутся конвульсии и бред, ибо она уже совершенно невменяема. Так что, если хотите, можете идти домой. К тому же, самочувствие у вас, судя по всему, неважное, а заниматься двумя больными сразу я не сумею.

– Я останусь.

– Как угодно, отец Тимофей. Мне же необходимо посетить ещё двух лихорадочных, пока менее тяжё-

лых, оба слегли совсем недавно. Так я вас покину, а через два часа вернусь. Полагаю, примерно тогда наступит смерть.

Доктор ушёл. Через некоторое время, заключив по некоторым признакам, что ничего занимательного происходить больше не будет, ушли также невзрачные соседки. В доме, таким образом, кроме хозяйки, находившейся в беспамятстве, остались чудотворец и престарелый священник.

Больная пребывала в состоянии покоя, не совершая никаких движений, только прохудившаяся, просвечивающая грудь, обтянутая пергаментной кожей и, сверху, мятой материей, всё ещё подымалась, опускалась, подымалась вновь – воздух настырно вгрызался в лёгкие, поддерживая едва теплившуюся жизнь и, надо полагать, причиняя вместе с тем боль, ибо при лихорадке сам процесс дыхания в последние дни причиняет боль – от того, что вся слизистая покрывается многочисленными язвочками. Последние часы рыжеволосая женщина проведет во сне, среди туманных образов, которые постепенно будут сгущаться, делаться более немыслимыми, тёмными, непроницаемыми, пока наконец не сольются в сплошную черноту и женщина не перейдет в небытие.

Чудотворец, подобно отцу Тимофею, расположился близко к койке, но на противоположной стороне. Лицо его было бледно, мрачно, однако всё как будто напускное, навроде маски что-то, скрывающей самодовольную ухмылку. Священнику казалось даже, будто сей притворщик потому посещает такие места, где происходит множество бед, что наблюдать эти беды доставляет ему несказанное удовольствие, аккуратно спрятанное под скромным желанием помочь. Вот и теперь в глазах юноши плясали отчего-то лихорадочные искры – издали чудилось, будто это не искры вовсе, а крохотные мотыльки, совершающие незатейливый танец вокруг непроглядного, бездонного зрачка.

Наконец Тимофей нарушил тишину – он давно намеревался, да всякий раз при попытке хоть что-нибудь сказать к горлу подступал комок.

– Как вам удаётся?

– Что именно, преподобие?

– Снимать боль?

– Не знаю, – чудотворец выдержал паузу, прежде чем продолжить. – Нет, не знаю. Вероятно, главное в моём ремесле – найти первопричину.

– Позвольте, а какое же у вас, – чуть помялся, пробуя на вкус устаревшее слово, – ремесло?

– Помогать. Я лишь должен всех избавить от страданий, всех-всех осчастливить.

– Но излечить эту несчастную вам не под силу, верно?

– Нет. Однако я ищу способ.

– Скажите, раз уж вы упомянули о поиске первопричины, – какова первопричина непосредственно боли, по-вашему? А то доктор убеждён, что это связано с разрывами тканей и прочим... телесным, – последнее слово старик произнёс презрительно.

– Вы совершенно зря так пренебрежительно рассуждаете о телесном. Впрочем, причина такого отношения кроется в исключительном своеобразии ваших религиозных взглядов. Я полагаю, в формировании боли в данном случае роль играют как физические повреждения, так и душевные. Больные испытывают сильное беспокойство или, если угодно, душевные терзания. Полагаю, сама болезнь берёт начало в той же области.

– Отчего же они страдают?

Чудотворец едва заметно улыбнулся (улыбка как бы сообщала о том, что жертва заглотила наживку и можно переходить в наступление), наклонился вперёд, произнес вкрадчиво, с нажимом:

– От того же, от чего и вы, преподобие. Вы называете эту субстанцию бесами, так что к вам в самом деле принялись наведываться бесы, впрочем, вами же сотворённые – пусть так, ведь многие больные видят перед собой бесов, те соблазняют их счастьем или покоем, причудами иных миров, страстью, сытостью и прочим, до чего охотлив человек. Но что такое эти бесы? Они есть порождения ума, – чудотворец приставил палец к собственной голове, затем к голове Тимофея, – и тьмы, – пальцы потянулись к сердцу. – Тьма заразительна до крайности. Достаточно зародиться ей в одном только живом существе, и вскоре всё вокруг сделается подвластным ей. Отчего она так мгновенно расползается? Да потому, что тьма и есть первичная ткань, то, из чего рождается жизнь, то, из чего рождён мир – тьма и хаос. Вам ведь известно это, верно? Свет, без сомнения, приносит радость, но он поверхностный, скользит снаружи, не в силах бороться с тенью, ибо тень защищена! Всякий предмет, преподобие, защищает тьму от света, сохраняя её позади себя как свою прародительницу. И даже если вдруг, разом, повсюду сделается один сплошной свет – он затронет лишь видимые глазу поверхности, сути же изменить не сможет. Но вот в чём загвоздка – тьма, подобно всякой основе, находится как бы под предметами и событиями, чтобы появиться снаружи, таким образом, необходим некий разрыв. Преступление, например. О, как мучительно метаться между светом и тенью и в конце концов повиснуть посередине, над нескончаемой пропастью, из-за какого-то дурного поступка, верно?

Тимофей похолодел, предугадав, к чему ведёт собеседник, однако ничего не посмел сказать такого, что позволило бы сменить тему. Дотронулся до лба – так и есть, испарина. Капельки пота скопились в глубоких, будто прорезанных, морщинах – от волнения.

– Что вы натворили? – ни с того ни с сего выпалил чудотворец.

– Простите, я не понимаю...

– Ладно, можно спросить иначе, дабы обойти неприятные подробности. Что вас гложет?

– Вина. И ещё время. Проблема времени в том, знаете ли, что оно не позволяет изменить уже совершённое.

– Изменить и вправду никак нельзя, однако существуют различные способы примирения с самим собой. Но прежде ещё один вопрос, если позволите.

– Зачем вам это? Зачем вы разговариваете со мной?

– Я уже говорил, мне хочется помочь. Итак, скажите, кроме неясных, призрачных бесов, вам являлся кто-то еще? Например, из умерших?

– Нет.

– Ходят слухи, будто однажды вы видели перед собой римскую богиню женственности и плодородия , да ещё совершенно обнажённую? Не странно ли, в самом деле, что древнее божество привиделось священнику, предшественники коего уничтожили всех древних богов? Она не пыталась соблазнить вас?

– Нет. Пожалуй, нет.

– Но ведь она была красива?

– Давайте прекратим, – Тимофей снова вытер пот со лба.

– Что ж, можно и прекратить.

Чудотворец поднялся со своего места, подошёл вплотную к священнику и сказал, шёпотом:

– Знаете, мне очень нравится аллегоричность вашего мышления. В самом деле, назвать женщину богиней из-за банального сходства имён, возвести её до положения богини в своих помыслах – это до крайности интересно! Да вот беда – женщина, которую вы так возвысили, умерла, а вы почему-то несёте тяжкий груз вины, полагая, будто виновны более всех. В чём же? А вы хитрец, преподобие, этакий притворщик! Ведь вы, пожалуй, в целом городе более всех связаны с пришедшей тьмой, она так и лезет вам в душу. Прикидываетесь сумасшедшим глупцом, в то время как только вы один и знаете наверняка, что именно здесь происходит!

– Не надо, не трогайте, отстаньте! – прозвучало скорее не грозно, но жалобно, с умоляющей интонацией.

– Пожалуйста. Я только кое-что разъясню, для вашего же блага. Вы недавно спрашивали, как можно исправить то, что уже свершилось.

– Да.

– И я ответил, что это совершенно исключено. Есть лишь два способа разрешения ситуации, зависящих от того главным образом, насколько вы разделяете представление о бессмертии души. Ибо если душа бессмертна, то с прекращением телесной жизни человек не умирает, но переходит в иной мир, а значит, за всякое убийство, каким бы жестоким оно ни было, можно простить.

– Вы требуете, чтобы я простил?

– Ваша вера требует, преподобие, так что удивительно, что сами вы не думали об этом. Я же ничего не требую, но дарю безвозмездно. Теперь же я хочу пояснить, насколько проста проблема, коей посвятили бесчисленное множество религиозных и теологических трудов – хочу пояснить, потому что вам требуется моё пояснение. Если веришь, веришь совершенно, то есть веруешь, то убийство в твоем понимании есть всего только болезненный переход, подчас насильственный, но не прекращающий жизни, то есть, принять и простить надо лишь телесную боль, телесная же боль есть ничто – опять-таки, по вашему верованию. Вся беда в том, преподобие, что в конечном счёте ни вы, ни кто-либо другой не способен верить настолько, чтобы принять этот факт да смириться безо всяких сомнений. Вы все слабы в вашей вере. А такой человек, то есть не имеющий веры, не имеет права простить за убийство, ибо убийство в его понимании есть не переход, но окончательная смерть, тотальное уничтожение человеческого Я. Таким образом, вы либо верите и потому должны простить и себе и другим, либо не верите и потому должны, простите за откровенность, умереть, ибо таков единственный способ успокоения. Так веруете ли вы, преподобие?

В голове у священника помутилось, на миг вновь вернулся разрозненный хаос, в воображении вспыхнуло нечто старое, небывалое. Рвёт. Ты слышишь меня? Ты веришь мне? Веруешь в меня?

– Я не знаю, – простонал Тимофей. – Зачем вы издеваетесь надо мной? Я не прикасался к ней!

– Мне это неизвестно. Даже если так, вы по какой-то причине чувствуете себя значительно более виновным, чем прочие. И мне совершенно непонятно, где кроется ваша вина. Так что же вы сделали, преподобие, скажите наконец!

– Ничего, – сдавленно, сквозь хрип, ответил старик и поспешил отойти подальше от своего мучителя, к самому выходу.

– Всё-таки, отец Тимофей, есть в вас что-то отвратительное, до чего неприятно касаться...

Тем временем возобновилась лихорадочная пляска на койке – все суставы женщины буквально выворачивало наизнанку, так что она корчилась, стонала, исходила пеной. Чудотворцу ещё два или три раза удавалось избавить несчастную от страданий, но ненадолго, а вскоре, когда началась агония, наложение рук сделалось вовсе бесполезным.

Умирающая плясала около часа. Отмучилась только под вечер, когда солнце приблизилось к линии горизонта. В комнате из-за занавесок установилась темнота. Отец Тимофей раздвинул их дрожащими руками, и всё внутри помещения приобрело розоватый оттенок.

Блёклые лучи упали на лицо женщины. Лицо это было сухое и измождённое. Священник долго глядел в него, пытаясь обнаружить признаки того прежнего, демонического, но так ничего не обнаружил. Ещё одна плетёная куколка, ещё одно разочарование, падение.

Вернулся доктор вместе с представителями похоронной бригады, начали собираться к развалинам фабрики.

Наступил закат, цвета красного вина, и печальная процессия тронулась. Священник шёл впереди, шагал как-то совершенно неровно, кренился всем телом да всё время озирался по сторонам, словно чего-то опасаясь; за ним двое мужчин из похоронной бригады тащили носилки, на которых бесформенной тростинкой, скрытая под тканью, покоилась мёртвая. Затем шёл доктор. Замыкал процессию

чудотворец, на улице снова сделавшийся неприметным, жалким, тусклым – зачем ему понадобилось идти, никто толком не знал, однако же и возражений никаких не последовало.

У самой фабрики встретили Андрея Михайловича Лигнина. Вероятно, он умудрился забрести сюда во время очередной своей бесцельной прогулки. В тот самый момент, когда доктор приветствовал его, носилки в руках двух мужчин накренились – совсем немного, но достаточно, чтобы слетела простыня. Обнажилось тело. Истончённое и жёлтое, оно было как будто соткано из подгнивших верёвочек – те переплетались, образуя хилые мышцы, а сверху покрыты были тонкой, рваной марлей, в которую превратилась кожа несчастной сразу после смерти. Лигнин в беспамятстве уставился на мёртвую женщину, да такими страшными, остекленевшими глазами, словно и сам уже мёртв. Врач поинтересовался, всё ли с ним в порядке, но тот исступлённо замахал руками да, шатаясь, побрёл домой. Многие в городе поговаривали, что Андрей Михайлович сходит с ума от невыносимого одиночества и возложенной на него ответственности, с коей в силу душевной слабости справиться не способен.

Между тем расчистили немного пепел от прежних, так что он бело-серыми хлопьями повис в воздухе, разожгли печь, некогда предназначавшуюся для обработки металла, подготовили тело к сожжению и отправили в жерло. Тут же из трубы повалил дым, с розовой окраской от заката.

А закат выдался совершенно необыкновенный – яркий, чистый, даже как будто терпкий. Создавалось впечатление, будто всё небо покрыто аляповатыми разводами от пролитого вина, и даже запах стоял кисловатый, резкий – нечто вроде смеси забродившей черемухи и сырой плесени. Солнце скрылось почти полностью, лишь у самого горизонта, внизу, до сих пор виднелся краешек, красной полосой. От этой полосы закат растекался ввысь, постепенно растворяясь в темнеющей синеве, а на земле валил ядовитыми клубами дым, на земле танцевал пепел. И казалось, будто всё это великолепное марево именно из дыма рождается, будто мёртвая плоть не разрушается, но, сгорая, дарит жизнь чему-то неуловимому, случайному, божественно прекрасному. Воистину, красота из пепла.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Растекается

Красота из пепла. Красота вместо пепла, елей радостей вместо надрывного плача, а что же, что же вместо унылого духа? К слову, ни о какой красоте у пророка, кажется, не упоминалось, а заявлены были лишь украшения. Украшения вместо пепла – совсем не то [24].

О, когда отец Тимофей глядел на закат, вздымающийся из облака дыма и пепла, мысли его совершенно смешались. Он тут же вспомнил книгу ветхозаветного пророка, да позабыл, что же там предлагалось вместо унылого духа – ему даже почудилось на миг, будто в ответе на данный вопрос кроется разгадка и разрешение всего. Тем упорнее память прятала этот отрывок от его мысленного взора.

Священник смотрел на закат, священник пожирал глазами разлившийся перед ним небесный напиток, отплёвываясь от гари, от белой пыли, от отвратительного запаха сгорающего трупа, заворожённый, полностью ушедший в себя, так что снаружи – лишь стеклянная поверхность глаз, отражающая, впитывающая да отстранённо любующаяся. Вскоре он уже вовсе не видел никакого заката, принялся судорожно размышлять. Мысли всё лезли обрывочные, никак не связанные – схватишься за одну, но тут же, не докончив, берёшься за другую, мимолётную, пришедшую как бы извне.

Хватаешься за красоту, хватаешься за пепел. Чем они отличаются? По сути, ничем, ибо состоят из одной и той же ткани, так что красота, подверженная воздействию пламени, обращается пеплом, а пепел, потревоженный ветром, становится красотой. Где же тут закономерность, где ответ? Следует признать абсолютное равноправие прекрасного и уродливого, живого и мёртвого, мыслимого и действительного – всех крайностей на свете, ибо если края их и границы разрушились, растеклись, то какие же это крайности? Нет, они давно стали ненужной плотностью, единым фоном для хищного оскала и крохотных искорок. Но почему вдруг противоположности слились в общий мрак, свергнув всяческие понятия? Что ж, вероятно, такова специфика здешнего мира – он живёт и гниёт одновременно (как всякая система, верно?), подверженный в равной степени энтропии, возрождению, всякому ветру. Что делает материя в каждый произвольный момент времени? Живёт – да. Разлагается – да. Жизнь существует за счёт разложения, жизнь и есть разложение – давно пора это признать. Мир существует, без сомнения, мир даже может существовать вечно из-за постоянного притока новых жизней – оттого нисколько не легче, ибо эти новые жизни приходят вследствие разрушения старых, дабы временно подёргаться и последовать примеру прежних, бывших до них. Всякая же отдельная жизнь, жизнь отдельного человека, есть разложение – и она сама, и её носитель оскудевают со временем.

Примерно так рассуждал отец Тимофей перед лицом заката. Впрочем, когда он вернулся наконец во внешний мир, солнце успело скрыться, унеся с собой весь спектр красного, так что повис совершенный мрак, иногда прерываемый короткими вспышками голубоватого свечения – эти вспышки ночью не редкость.

– Отец Тимофей, пора возвращаться, – сказал доктор, указывая трясущейся рукой в сторону нагромождения, в которое разрослось местное кладбище, и далее – города, задавленного темнотой и болезнью.

– Нет, я останусь, – священник махнул рукой, давая понять, что дело решённое. Однако врач не являлся чуткой натурой, к тому же, груз ответствен-

ности перед мёртвыми стал мешать ему понимать живых. Он принялся доказывать, что оставаться здесь может быть опасно, уговаривал пойти с ними. Тогда Тимофей, ни на кого не глядя, двинулся в сторону пустыря. Процессия, ясное дело, отправилась в сторону поселения, и доктор последовал за ними.

А священник всё бродил, метался, пребывая в прежней своей рассеянности – той самой, особого рода. Ему теперь предстояло сделать выбор. О возможности такого выбора он, конечно, задумывался задолго до слов чудотворца, слова же чудотворца наглядно продемонстрировали, что ждать более нельзя. Таким образом, всё непременно должно было решиться сегодня ночью.

Шпарили мысли нескончаемой чередой, бились внутри головы, подобно издыхающим рыбам, выброшенным на берег, и, так же, как рыба, выброшенная на берег, ни одна мысль не существовала слишком долго – так, подёргается в тщетных попытках завладеть сознанием да испустит дух. Само же сознание представляло из себя нечто потустороннее, почему-то вовсе не принадлежавшее ни отцу Тимофею, ни кому-то иному – свободно парило в дымке неразличимостей, пробиваясь сквозь неё к сути, причём, пробившись, оно всякий раз ничего не обнаруживало, но, не в силах признать, что в окружающем сумасбродстве, хаосе причин и никак не связанных с причинами следствий, никакой сути нет, возвращалось в голову старика, вырывало из реальности очередной мимолётный пейзаж, очередную вспышку, новую едва заметную мелочь, коей, к слову, могло вовсе не иметься, да вновь устремлялось на поиски. Слишком воспалено было сознание, слишком беспокойно, что не удивительно, ведь его поставили перед возможностью небытия, перед чересчур очевидной перспективой того, что этой ночью оно может исчезнуть, ничего совершенно после себя не оставив, и никакой вечности. Как там? Пока нет оправдания – нет вечности, а хоть сколько-нибудь приемлемого оправдания, увы, не было.

Да и как оправдать разом целую жизнь, жизнь бесполезную в любом случае? Ибо, если ничего в мире не имеет смысла в силу перманентного разложения не только и не столько материи, но также и духа, тогда всякая жизнь не может быть оправдана в принципе, она – суть результат хаотических переплетений змееподобных случайностей. Если же, несмотря на всю мерзость, на гниение, дух хотя бы в определённой степени способен сохранять целостность, тогда жизнь отца Тимофея, добровольно вставшего на путь распада, уж точно не может быть оправдана. Так как же? Неужто, несмотря на наличие выбора, никакого выбора нет?

О, сколько вопросов! Тьма в реальном мире, тьма в мире мыслимом – повсюду, во всех возможных проявлениях реальности царила непроглядная ночь! И в этой ночи отец Тимофей видел себя в собственной голове. Внутри он стоял на коленях в совершенном мраке, прерываемом хищными оскалами да лукавыми искорками, этим же мраком создаваемыми ради развлечения, и кричал, кричал бешено, безумно, во всю глотку, так что глотка разорвалась, расширилась, превратилась в огромную пещеру, изрыгнула из себя всю бездну мира и поедала теперь своего же обладателя – так обстояли дела внутри. Снаружи Тимофей не смел кричать, испытывая страх – он просто брёл, куда глаза глядят, а глаза его порою вовсе никуда не глядели, так что пробирался вслепую, от вспышки до вспышки странного сияния.

За что бы ни схватился разум, всё растекалось, нигде не находилось твёрдой опоры. Либо поблизости, да вообще повсюду, не имелось ничего стоящего, ничего основательного, либо священника обманывали собственные глаза. Насколько в принципе способны обманывать глаза? Полно, да могут ли? Зрение – лишь увлажнённый посредник, лишённый страсти и предвзятости, оно не должно лгать. С некоторой долей вероятности (и значительной!) справедливо утверждение, что не только всё, что видит любой человек, но даже всё, что он в принципе способен увидеть – заранее реально, тем более в таком мире, где молекулы движутся крайне хаотично, одна форма беспрепятственно перетекает в другую и в любой момент способна превратиться в то, что кто-то желает в ней признать. Всё зыбко, нестабильно, готово обрушиться, пасть, подобно пелене. И что же – спрашивал Тимофей – что же останется, когда бесполезная пелена будто бы реальных событий, вещей, лиц, причинно-следственных связей спадёт, обратится пеплом? Что откроется за ней? О, вероятно, ничего, то есть ничего совершенно там нет – пустота. Но, быть может, Бог? Быть может, там, за этой настырной, слепящей пеленой, скрывается Бог, и стоит только обрушиться всем сомнительным вещам, он явится пред нами, добрый, всепрощающий, могущественный? А что, если только эта пелена, им же неумело сотворённая, мешает Ему протянуть руку помощи не только всякому просящему, но также и всякому нуждающемуся, ибо ныне даже старания просящих по большей части тщетны? Что ж, хорошо, если так. Ну а коли эта-то пустота и есть Бог, то есть никакого нет Бога вовсе? Разве возможно смириться с его отсутствием? Но, с другой стороны, нельзя также смириться и с его присутствием. Именно в такое мучительное положение загнал себя священник, положение невыносимое, роковое, располагающее ко всякого рода опасным решимостям.

Без сомнения, там, за той пресловутой стеночкой, мог скрываться принцип, от Бога совершенно отличный, и тем не менее оправдывающий всю эту вакханалию вещей. Вот только представить такой принцип отцу Тимофею не удавалось, он привык думать и чувствовать в рамках определённых понятий. По его разумению выходило, таким образом, что если Бога нет, то и ничего нет. Бога же не было в ту минуту ни с ним, ни вообще в мире (в его, Тимофея, распадающемся мире!), а значит, не было никакой возможности ни оправдания, ни прощения.

Пелена спала только теперь. И что же за ней обнаружилось? Бесы. Бесчисленное множество всевозможных тёмных сущностей, соблазняющих, призы-

вающих к себе, хохочущих, издевающихся над своей жертвой, не по своей воле оказавшейся по другую сторону. Выходит, основу всякой вещи составляет исключительно злой дух? Тимофей вопрошал их, не есть ли они основа всякой вещи, вопрошал: кто вы? Ему отвечали: единость, отвечали: множество, отвечали: ты, ты сам.

Не в силах более выносить этого, старик бросился к реке. Верно, она достаточно глубока и достаточно прожорлива, чтобы проглотить его, не поперхнувшись, не выплюнув назад, к жизни, проглотить без остатка, вместе с душой, если таковая субстанция существует – лишь бы ничего более не осталось, никаких мучений. Мучений после смерти отец не выдержал бы. Надо бы опровергнуть вечность, дабы человек мог позволить себе умереть спокойно – надо бы из одного только благородства, из жалости провозгласить вечность не-существования.

Ярко, отчётливо врезается в побелевшую кромку зрачка, затекает в сам зрачок – край берега, как будто разрезанный на части, и, ниже, водная гладь, спокойная, немая, опасно-убаюкивающая. Вода шумит совсем тихо, но в сознании несчастного приговорённого, который сам себя же сумел приговорить, шум этот разрастается неимоверно, превращается в настоящий ураган, в рёв – словно все бесы, вызванные им к жизни, вся чертовщина за спиной ревёт, подначивая и прощаясь.

Если не веришь, то не имеешь права простить, даже самого себя простить не можешь – тем более самого себя, это верно. Но разве можно верить в пустоту, где копошатся да совершают мерзкие оргии демоноподобные твари, в зияющую рану посреди всего сущего? Никак невозможно. А коли так, ну что же, терять особо нечего, верно?

Тимофей подыскал подходящий камень, чтобы его можно было поднять, сделал двойную петлю из пояса от рясы, один конец натянул себе на тощую шею, другой обмотал вокруг камня (коли так, ну что же...) и приготовился прыгать, да вдруг что-то произошло, что-то как будто почувствовалось.

Остановился у самого края – божественное ли вмешательство то было или присутствие другого человека – неизвестно, однако же (в защиту второго, ради справедливости) мы всегда почти ощущаем нежелательное присутствие, даже если постороннего, нам помешавшего, нет в поле нашей видимости.

Действительно, обернувшись, Тимофей в отдалении увидел Лигнина, зацепился за происшествие как за возможность спастись и ринулся в его сторону, оставив камень на берегу. Лигнин был совсем плох. Сидел на земле и плакал, а когда поднял влажные глаза, дабы рассмотреть подошедшего – в них ничего совершенно не было, никакого осмысления, они даже внешних очертаний не отражали. Быть может, из-за этой-то пустоты он и плакал, собственное опустение оплакивал.

– Это ты? ТЫ? – спросил Андрей Михайлович с ужасом.

– Я, – ответил священник, хотя понимал, что безумец обращался скорей всего к какому-то своему видению. – Я.

Тимофей поднял его на ноги, успокоил кое-как да проводил домой. Тогда же он решил поговорить с чудотворцем о том, чтобы каким-то чудесным образом исцелить бедного проектировщика – иерей вдруг осознал, что именно в этом заключается (да и всегда именно в этом заключалась) его навязчивая идея спасения. Спасёшь одного – спасёшь всех. Ах, кабы раньше это понять!

Итак, Тимофей отказался от смерти, схватившись за новую возможность хоть что-то сделать. Он даже вдруг решил, будто таким образом Бог напомнил ему о его предназначении, когда старик едва не совершил самый тяжкий, по мнению некоторых, грех. Явился ли замученному сомнениями человеку вожделенный Бог, или же то была ещё одна хитрая уловка сознания, отчаянно пытавшегося, вопреки воле, а точнее, вопреки сиюминутной решимости своего обладателя, противиться небытию – неизвестно. Неизвестно также, от страха ли или возрождения веры отказался Тимофей от последнего шага, который опрокинул бы его в бездну, слил с бездной и сделал её составляющей частицей, бесплотной, бесплодной, однако с тех пор на некоторое время отец вроде как излечился, избавился от сомнений, от вины, ибо и сомнения его, и вину поглотила восторженность – так хотелось ему теперь вернуть Андрея Михайловича к жизни! Впрочем, излечение это оказалось скорее невольным притворством, так что по прошествии периода опьянения, обычно бывающего, когда нас посещает особо удачная идея, оно совершенно сошло на нет, уступив место прежнему, воспалённому и мрачному. Раны так просто не затягиваются, знаете ли, в особенности такие раны, которые мы привыкли сами же ежедневно бередить, расцарапывать, пускать кровь, наивно надеясь внутри этих ран отыскать способ их же заживления. Подобные раны нередко гниют, непременно причиняют жуткую боль, порою убивают медленно и мучительно, смакуя и ширясь, непомерно ширясь до размеров всего тела, но никогда почти не затягиваются.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Трагические события

1.

Одиннадцатого июля, в день Троеручицы и накануне Великого праздника славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла, епископ Теофил вынужден был рассматривать некоторые насущные вопросы, связанные с предстоящим событием [25]. Разумеется, многие решения, касательно предполагаемых церемоний, мест проведения особо торжественных служб, состава священников, коим следует поручить проведение этих самых служб, почётной публики, приглашённых ктиторов , благотворительных деяний от лица Церкви и прочего и

прочего, были уже окончательно приняты, утверждены; завершены также почти все приготовления. Однако известно, что при претворении в жизнь столь значительного замысла всегда возникают неожиданные трудности, требующие незамедлительного вмешательства.

Викарий, коему предназначалось провести богослужение в столице, в храме Преображения Господня, расположенного на центральной площади, вдруг заболел. Сам же Теофил накануне ещё устроил всё таким образом, дабы в день праздника отправиться в селение за рекой, посетив по пути также прочие близлежащие деревни.

По большому счёту, никто совершенно не мог взять в толк, почему епископ вместо того, чтобы провести торжественное богослужение в крупнейшем столичном храме лично, поручил это дело тихонькому викарию, настолько нервозному и робкому, что, по всей вероятности, он и заболел-то лишь от возложенной на него ответственности. Люди, достаточно знавшие Теофила, ни в глупости, ни в отсутствии расчётливости обвинить его не смели, потому вполне справедливо полагали, что хитрость владыки на сей раз чересчур тонка для их ограниченного понимания. Говорили только, будто причина кроется во всё ухудшающихся взаимоотношениях между епископом и местным викарием, и архиерей таким образом пытается представить своего недруга в крайне невыгодном свете. В самом деле, Теофил не мог не предполагать, что от подобного поручения у беспокойного старика, с коим они не сошлись во взглядах, случится нервный припадок, причём именно накануне праздника, когда напряжение достигнет наконец апогея.

Но уловка или, если угодно, схема, выдуманная епископом, оказалась значительно более сложной, ибо при помощи неё следовало решить разом три проблемы, а то и чуть больше. Столь нелепое назначение действительно объяснялось их с викарием давней неприязнью, вызванной в первую очередь кардинальным различием позиций в вопросе роли церковной системы (посильная помощь страждущим с трудом уживается с надзирательством). Епископ надеялся в некотором роде скомпрометировать противника, обнажив перед паствой отсутствие у того всяческих способностей. Однако, и это тоже в рамках плана Теофила, неизбежно возникал вопрос: если викарий так неожиданно, к общему сожалению заболел, то кем заменить его? Замена должна быть произведена так, чтобы вышел небольшой скандал в рядах покинутых прихожан, то есть представить её следует в самый последний момент. Такая задержка, с одной стороны, усилит недовольство властей и верующих нынешним викарием, с другой же, покажет лицо заменяющее едва ли не в облике спасителя (спасителя церемонии, по крайней мере). Но кого же подобным способом вознамерился облагодетельствовать архиерей? Уж не себя ли? Нет-нет, с его стороны это было бы проявлением дурного тона, игра слишком грубая, слишком очевидная — грубой игры да примитивных ходов епископ не переносил, ибо не получал от их исполнения никакого удовольствия.

В решающий момент Теофил пожелал отдать бразды правления отцу Павлу, и на то имелись причины. Чудо, подделанное священником, в столице благодаря молве да человеческому воображению приобрело гораздо более высокое значение, нежели то было на самом деле. Жители Города, в отличие от деревенских, так или иначе сумевших проникнуть в суть явления, относились к Павлу с настоящим благоговением, жаждали увидеть его воочию, припасть как к источнику божественной силы. К чудотворцу же, в отличие от лживого иерея, здесь, в столице, относились с подозрением, да и особенного интереса не проявляли — данный фактор определял весь дальнейший расклад.

Приглашение отца Павла значительно укрепило бы авторитет церкви именно в Городе — к слову, исходя из этого, епископ малость задержал процедуру проверки истинности чуда, хотя окончательно от подобного замысла не отказался. Грубо говоря, Теофил хотел воспользоваться влиянием отца Павла на столичные умы в интересах церкви, а когда тот почувствует всю прелесть своего нового положения, ослепнет от радости — сбросить на самое дно, отлучить. Отлучить Павла надо было как-то назидательно. Для начала подняв.

О, дело ведь даже не в том, что именно натворил этот высокомерный священник (архиерей знал и тех, кто творил вещи куда более ужасные — взять хотя бы скромного монаха из одной северной обители, который периодически травил своего собрата формалином, так что тот всё время болел да покрывался язвами; монах завершил его мучения синильной кислотой, а полученные останки из-за накопления ядов обрели нетленность), дело главным образом в последствиях. А последствия примерно таковы: религиозный восторг в столице сопровождается полнейшим разочарованием на окраинах, ибо там нашлось значительно больше тех, кто видел плачущую икону собственными глазами, и они не в восторге, почуяли неладное, как только пришли в себя после охватившего их вожделения. Приведи выходка Павла ко всеобщему смирению да укреплению духа, как, например, в случае с тем монахом — Теофил прикрыл бы на это глаза. Цель в его понимании всегда оправдывала средства, да только в данном случае цель достигнута не была — а это значит, следует покарать за нечистоплотные средства, ибо тревожить здешнее болотце совершенно ни к чему.

Таким образом, Теофил рассчитывал опорочить неугодного викария, возвысить Павла, дабы торжество состоялось, а затем наглядно продемонстрировать всю чистоту и непорочность, всю непредвзятость церковного механизма, предав того же Павла анафеме и развенчав сотворённое им чудо. Всё необходимо будет представить в таком виде, словно о подделке стало известно только теперь, иначе можно не приобрести, а потерять доверие. Конечно, подобное развенчание посеет уныние в сердцах верующих, но разве уныние и вера не приносят известных

плодов, плодов весьма желательных — тишины да послушания?

Никакими сомнениями, как уже говорилось ранее, Теофил не терзался, в том числе духовными. Только ясность и холодность, да вот ещё изрядная доля лицемерия не повредит, впрочем.

В том, что Павел в последний момент согласится вести службу, епископ нисколько не сомневался — нет, священник коли и заметит подвох, так всё равно согласие даст и побежит, побежит, как миленький, даже если потребуется бежать в буквальном смысле, такой кровью харкать будет, а своего не упустит. Необходимо было утром, до посещения деревни за рекой, заехать к нему с радостной вестью. У каждого, в конечном счёте, есть что-то такое, что субъективно важнее его самого. Для Теофила это идея надзирательства и единства, единоверия, для Павла — власть, что, в сущности, практически одно и то же.

Разумеется, столь высокое доверие лживому священнику могло вызвать недовольство некоторых деревенских, и кажется, будто со стороны епископа гораздо разумнее было бы провести торжественное богослужение самостоятельно. Однако так может показаться лишь тому, кто глядит поверхностно, ибо в близлежащих селениях возникла проблема, требующая вмешательства непосредственно архиерея, вмешательства осторожного, хитрого — чудотворец. Потому поездка в богом забытый посёлок была совершенно оправданна, причём именно в день праздника, в качестве демонстрации искреннего участия Теофила в судьбе этих незначительных, по большей части непригодных людей. Непригодные-то они, положим, верно, но ведь епископу был важен каждый человек — в качестве религиозной единицы, разумеется.

Назойливый самозванец (он как кость поперёк горла! Разрушает отлаженный механизм покорности, будит непозволительные желания!) провёл сомнительный спектакль, на котором сделал-де женщину красивой, именно в селении за рекой, потому слухи, расплодившиеся по окрестностям, нельзя разрушить разом, извне, увещеваниями да обвинительными речами. Здесь необходимо поступать соответственно, то есть посеять зерно сомнения там же, где произошло чудо, опорочив, выставив в дурном свете ту, коей все поклонялись.

Кроме того, в отказе Теофила от проведения торжественного богослужения на центральной площади заключался определённый вызов городским властям. Власти, падкие до внешних эффектов вообще, настояли на инициативе устроить главную церемонию в храме Преображения Господня (из-за того, что здание большое и новёхонькое), тогда как у северной окраины столицы расположен один из старейших храмов, названный в честь апостолов Петра и Павла, что гораздо более соответствует характеру празднества. Епископ изначально намеревался провести пышное богослужение там, добившись предварительно средств на реставрацию сооружения возрастом более трёхсот лет (реставрация планировалась весной), однако средства выделены не были, проводить же церемонию в стенах древней развалины хотя символично, но никак не приемлемо.

Тем не менее, архиерей понимал, что немалая часть верующих, не отличавшихся любовью к дорогим убранствам, отправятся именно туда, потому назначил службу также и там (отменив, впрочем, всенощное бдение) да отдал распоряжение привести здание в надлежащий вид. Потому перед тем, как отправиться сначала к отцу Павлу, затем в селение за рекой, он счёл необходимым, несмотря на тёмное время суток (близилась ночь), посетить отдалённый храм, дабы удостовериться, что все приготовления сделаны.

Вопрос, понимал ли Теофил, что вся его великолепная схема могла не только развалиться при малейшем несовпадении, но, даже будучи исполненной верно, последовательно, привести к результатам, прямо противоположным ожидаемым, в силу некоторых обстоятельств остаётся открытым. Вероятно, он уповал на божью помощь, как в случае, когда требовалось отправиться в город, заражённый неизвестной лихорадкой.

Впрочем, при всём уповании, в Бога он как следует вовсе даже не верил. В его узком, практическом, исключающем всяческие сомнения понимании Бог являлся чем-то вроде внутреннего духа церковного организма, не более. По мнению епископа, до тех пор, пока он поступал в соответствии с надобностями этого прихотливого организма, вместе со смертью которого непременно умер бы и Бог, успех был гарантирован ему при самых ненадёжных чаяниях и расчётах.

2.

Храм, куда отправился Теофил, был построен в форме креста, если смотреть на него сверху. Некогда его украшали лишь весьма скромный, облупившийся купол, расположенный по центру, да остроконечные башенки, установленные на крыше каждого крыла. Башенки эти, покрытые сверху ржавого цвета черепицей, прежде представляли немалый интерес с точки зрения древнего зодчества, ибо в каждой имелось по два углубления, в углублениях же помещались витиеватые барельефы, изображающие рождение Христа, восхождение его на крест, воскрешение, Нагорную проповедь с учениками и прочее — все библейские сюжеты, умело выгравированные на поверхности камня да покрытые охрой и позолотой. Увы, городские власти были чересчур падки на блеск, величие, помпезность, потому в угоду им и по плану улучшения застройки башенки изуродовали до неузнаваемости, около трёх или трёх с половиной лет назад. Их сделали выше, сняли устаревшую черепицу, увенчали золотыми куполами в форме луковиц — на фоне таких дополнений барельефы стали совсем блёклыми, неприметными. Центральную башню также расширили и увеличили, внутри обустроили колоколенку, прежний купол заменили, потому теперь храм раззолочёнными своими, разявленными куполами упирался в самое небо, про-

тыкал его высоким шпилем, терзал заострёнными лапищами крестов. При этом, поскольку полная реставрация здания не предполагалась, кроме сияющих верхушек ремонтировать ничего не стали, придав старейшему в Городе храму вид весьма нелепый, ибо средняя часть его вся пошла трещинами и нуждалась в перекройке. В целом строение напоминало остов погибшего корабля, выброшенный на землю, изъеденный сначала водой, потом ветром и временем, башенки же выглядели неуместными коралловыми наростами, оскверняющими древнее тело.

Вся территория храма, довольно обширная, была окружена каменным забором с одними литыми воротами, две части которых, соединяясь при закрытии, изображали райские кущи — по крайней мере, все завитки и прорези имели форму листьев или веток, так что вместе выходило подобие трёх пышных деревьев с раскидистыми кронами и тощими стволами. Во дворе также росли деревья, в совершенном беспорядке, так что в одном месте слишком мощные корни проделали брешь в заборе (немудрено, он, подобно самому зданию, давно отжил свой век, в камне образовались заметные трещины, подчас сквозные, в иных местах целые куски забора отломились и лежали теперь в траве, постепенно обрастая мхом), и всякий при желании мог беспрепятственно проникнуть на территорию. Однако до таящейся в этом опасности дела никому не было, и даже Теофил на средства от пожертвований предпочитал строить новые церкви, а не восстанавливать уже имеющиеся, находящиеся в аварийном состоянии, убеждённый, что это забота городских властей. Власти же прекрасно понимали, что та часть Города, на которой стоял храм апостолов Петра и Павла, является опустевшей окраиной, отмирает, всеми покинутая, а какой толк вкладывать средства в нечто разрушающееся, ведь при том же вложении в нечто уже процветающее выгода значительно больше.

Храм стоял у северного края местной столицы, и то лишь если следовать карте. В действительности же он давно был вытеснен за реальную городскую черту, так как от ближайших жилых застроек его отделяла полоса зарослей да заброшенных руин, растянувшаяся почти на четыре километра, единственной же связью являлась разбитая дорога. Все предприятия, некогда функционировавшие в этой части Города, были закрыты либо перенесены, потому жители переселились в более процветающие районы. Несколько раз в год местность навещали верующие — по особенно торжественным датам им непременно хотелось посетить старейший храм, в остальное же время — ничего, совершенное безлюдье. Дальше, за территорией столь значимого строения, твёрдая почва плавно переходила в заболоченные участки, затем — в непроходимые топи, протянувшиеся на много километров в северном направлении. А уж там — одна промёрзшая земля, оттаивающая на три только летних месяца (да и она летом обращалась в болота) и крохотные, ещё более жалкие, чем здесь, деревни поселенцев, из которых чуть ли не все являются мёртвыми селениями, представляющими из себя гнилое скопище брошенных домишек вперемешку с запущенными могилами... и больше ничего, ничего. Места призрачные, почти несуществующие...

Теофил отпер ворота (скрип ворвался в голову, раздробив непроницаемую ночную тишину), направился к храму. Во мраке здание выглядело огромной каменной глыбой, увенчанной пятью остроконечными башнями, с узенькими прорезями, излучающими свет — средневековый замок, не иначе. И хотя построено оно было тогда, когда эпоха Средневековья считалась вполне завершённой, подобное сравнение выходило наиболее удачным, по крайней мере в тёмное время суток.

Под ногами хрустело — тропа, ведущая к крыльцу, усыпана была ветвями, отломленными ветром, да ссохшимися, запёкшимися листьями, погубленными небывалой жарой. Той ночью небо не потревожили ни луна, ни звезды — только из оконцев храма лился мерный, тусклый свет.

Теофилу вдруг стало не по себе. Ночная прогулка настроила его на иной лад, заставила думать о вещах, о которых он вовсе никогда не думал, возродила воспоминания — точнее, только попыталась возродить их, неудачно, ибо епископ осознал, что всё прошедшее покрылось плотным туманом. Слишком часто он попускал злому ради того, что считал благом, и в конце концов всё смешалось, не стало злого, не стало блага — ничего-то не осталось в душе. Так что, несмотря на пустой, высокомерный и как будто правдивый ответ Тимофею, уж кто-кто, а Теофил наверняка знал, что общего у света с тьмой, ибо он сам — наглядное доказательство их нерушимого союза.

А свет, пробивающийся сквозь витражи храма, изредка подёргивался, словно от какого-то движения, словно кто-то суетливо копошился внутри здания, суетой своей подражая крысиным повадкам.

Заметив это, заметив тени, пляшущие в окнах первого этажа, архиерей ускорил шаг, добрался наконец до входа, миновал душный притвор, оказался на пороге помещения, предназначенного для молитв и богослужений. Иконостас, без того довольно бедный, был разобран, всё кругом перевёрнуто вверх тормашками, осквернено, разворовано. В дальнем углу, у ограждения, защищавшего Царские Врата от предполагаемого напора прихожан, трое бродяг собирали остатки церковной утвари, по большей части ни на что не годной (даже для продажи).

– Что же вы такое творите! – позабыв обо всём, прежде всего о собственной безопасности, крикнул епископ. Исполненный праведного гнева, двинулся прямо на них, впрочем, совершенно не представляя, что же делать дальше. Почтенного старца тут же сбили с ног, пригвоздили к полу. Падая, ошеломлённый Теофил успел заглянуть в лицо одному из осквернителей — глаза его, застланные белыми волосами, были черны, как уголь, и в них как будто сияли искорки. Распластавшись, Теофил ударился головой, перед ним всё поплыло, а искорки в глазах незнакомца почему-то превратились в крошечные человеческие фигурки, совершающие некую безумную, неопределённую пляску. Затем епископ по-

терял сознание. Следующее, что он увидит — мир, извивающийся перед его взором в ужасающих судорогах, тёмный мир, лишённый воздуха, застланный кроваво-рыжей пеленой.

Неподвижное тело бродяги потащили назад, к воротам, ведущим прочь с территории разграбленного храма. У самых ворот остановились. Один извлёк откуда-то из-под одежды верёвку, весьма ловко сплёл из неё двухстороннюю удавку, один конец накинул на горло Теофила, так и не пришедшего в себя. При этом кожа на шее страшно натянулась, как будто вот-вот начнёт пузыриться, лопаться, под подбородком же собралась тугими складками.

Верёвку перекинули через забор да стали тянуть до тех пор, пока тело не повисло таким образом, чтобы ноги не касались земли. Тогда вторую петлю, сделанную на противоположном конце верёвки, прочно прикрепили к стволу ближайшего дерева. Тут только Теофил, от боли и недостатка воздуха, очнулся, принялся биться, извиваться, пытаясь каким-то чудесным образом выскользнуть из петли. Перед глазами, готовыми вылезти из орбит, налившимися кровью, стелилось красное, а ночная мгла как будто покрылась мелкими разрывами, сквозь которые проглядывала мгла ещё большая, совершенная, твёрдая. В последнее мгновение все предметы открыли перед умирающим истинную природу, обнажили внутреннее содержание своё, довольно неутешительное...

Почтенный епископ умер весьма нелепо. Череда случайностей привела его к столь печальному исходу, разрушила все стройные, хитроумные планы, а кроме того, омрачила предстоящий праздник (впрочем, это последнее обстоятельство Теофила уже не касается). Скорей всего, бродяги, окончательно потерявшие человеческий облик, даже не подозревали, кто именно стал их жертвой. Можно предположить, что, если бы архиерей назвался, никто из них не осмелился бы напасть на него. Но что-то с ним случилось в ту ночь, разум, никогда прежде не подводивший, затуманился от совершенно несвойственных эмоций, и вместо того, чтобы, будучи незамеченным, отправиться за подмогой, епископ двинулся прямиком к своей гибели — что ж, всякий человек рано или поздно оступается, идёт на поводу доселе неведомых, незнакомых, но слишком сильных чувств. Возможно также иное объяснение — то была своеобразная воля неизбежности, если, конечно, в мире вообще существует неизбежность.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Лигнин

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Льётся...

– Я в пещере. В пещере, – пробормотал Лигнин, проснувшись, и тут только пришёл в себя. Сел. Некоторое время всё вокруг казалось невозможно далёким, словно предметы намеренно прятались, убегали от человеческого взгляда. Затем разрозненные, расплывчатые куски материи, из которых состояла реальность, собрались воедино, и, прорвавшись сквозь туман, Лигнин обнаружил себя в собственном доме, в комнате умершей сестры. Сон никак не желал отпускать – всякий глубокий сон прилипчив, всякий норовит навязаться; претендует на место единственного, хотя сумасбродного, мира, одурманивает и влечёт. Однако на сей раз ему пришлось отступить мгновенно, ибо мысль, что некогда в постели находилось мёртвое тело, разрушает сонливость.

Реальность представляла собой нечто шуршащее, отвратительное, тесное.

Андрей Михайлович почувствовал, как горло его сжалось от тщетных, но настойчивых потуг тошноты. Он подавил спазмы, поднялся с кровати, невольно отряхиваясь.

Во время сна совершенно взмок, потому без одеяла начал замерзать, несмотря на духоту. Отыскал одежду, кое-как натянул её на себя, орудуя тяжёлыми, онемевшими конечностями, выпил воды, чтобы избавиться от саднящей боли в горле, и наконец вспомнил, что очнуться его заставила какая-то назойливая, монотонная мелодия, и даже странно, что после пробуждения мелодия эта превратилась в обыденный, неинтересный фон.

Прислушался.

Пространство вокруг действительно было наполнено водянистым шелестом. По крыше стучало. Там, снаружи, шёл дождь. Внутри дома, этажом выше, тоже что-то плескалось – вероятно, настил протекал.

Андрей Михайлович поглядел в окно. Оно было затянуто сплошной, жирной плёнкой воды, разрываемой новыми потоками, бьющими по стеклу и карнизу. Дождь неистовствовал, бурно врываясь в жизнь поселения, нападал на непрочные постройки, отчего те выглядели зыбкими, даже иллюзорными, заполнял трещины в земле долгожданной влагой. А земля исходила пеной и грязью, земля стонала и разбухала от удовольствия. Лило почти стеной, обрушивалось, сметая все препятствия – вдалеке виднелись деревья, крестообразно друг на друга поваленные. То было желанное, но вероломное нападение, заставшее посёлок врасплох.

Лигнин даже не имел твёрдой уверенности, можно ли устоять под столь беспощадным натиском. Однако же именно этот вопрос он и собирался разрешить в ближайшее время, тем более, что оставаться в доме в последние дни, ночи и особенно ночью нынешней стало невыносимо. Возникало ощущение, будто стены постепенно сближаются, отвоёвывая пространство. Сближаются, подгоняемые инстинктивной потребностью либо вытеснить, либо раздавить зажатого между ними обитателя – настолько им противен вид живого человека после мёртвой, ссохшейся плетёной куколки, покоившейся здесь до приезда чужака. Стены и бесы (последние могли появиться в любой момент, сняв маски действительности) были заодно.

Эти неумолимые монолиты, вся обстановка целиком давно уже вызывали у Андрея Михайловича спазмы. Несколько раз он порывался вновь уехать, но не мог в силу противоестественного, предательского нежелания сдвинуться с места. Спазмы, впрочем, давали о себе знать нечасто и лишь сегодня проявились в полной мере, не имея возможности разрешиться – желудок был пуст. Что ж, тем болезненнее делались рвотные схватки.

Стены надвигались, тошнота усиливалась, и Лигнин сбежал. Вырвался на улицу, под сумасшедшую бурю, разродился громким, буйным криком – сначала от боли (дождь хлестал подобно мокрой плети), затем только от необъяснимого ликованья, чувства неограниченной, неприличной свободы.

Одежда его почти сразу насквозь промокла, отяжелела, да и сам он до костей промок (будто плоть его пропиталась, как губка), но, кажется, не замечал того – шёл, петляя, через дворы и дальше, дальше, в направлении пустыря, раскинувшегося со всех сторон от города, подставляя избитое лицо жестоким и вместе с тем приятным дождевым потокам. Смеялся.

Вскоре, не найдя иного способа выразить свою радость, Лигнин побежал, что было мочи, вприпрыжку, нелепо размахивая руками. Кругом простиралась темнота, так что он не знал, куда бежать, двигался вслепую, вгрызаясь в толщу воды и мрака.

Земля под ногами размокла и разъезжалась, рвалась подобно кожице на гнилом плоде, обнажая внутренности – корни и камни. Потому Андрей Михайлович дважды проваливался в какую-то колею, затем упал, подскользнувшись.

Несколько минут беспомощно барахтался в луже, будто незрячий котёнок, потом встал на колени и, потакая собственному безумию, принялся руками копаться в почве, разбрасывая её комьями. Набирал в ладони грязно-чёрное, жидкое, опрокидывал эту мерзость себе на голову.

Так он приветствовал дождь, убеждённый в том, что пришло избавление, возможность выжить, даже спастись. Многие в селении полагали, будто ливень станет избавлением, уповали на него, жаждали. Если бы полилось днём, наверняка нашлись бы те, кто разделил бы это чересчур бурное веселье, находясь во власти непременной потребности в чудесах. Дождь в сложившихся обстоятельствах – чудо; чудеса принято приветствовать, отдаваясь чувствам целиком. Но так уж вышло, что была ночь, и кромешный мрак, и время глубокого сна, так что Андрей Михайлович безумствовал в одиночестве.

Под утро он вернулся домой, сопровождаемый стихией, которая хоть и сделалась чуть тише, отступать вовсе не собиралась, и впервые за последнее время заснул спокойно, уверенный, что назавтра всё изменится к лучшему.

А дождь всё шел, не переставая, так что земля пресытилась да стала выплёвывать жидкость обратно. Захлёбывающаяся река разлилась, проглотив все мосты, что над ней некогда перекинули; волны ринулись на беззащитные берега, так что даже несколько построек разрушило и смыло. Благо обернулось бедой, ибо уже к вечеру следующего дня началось наводнение.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Доктор

На следующий день, двадцатого июня, Лигнин проснулся около полудня. Пожалуй, он проспал бы дольше, потому как никакой особенной надобности вставать у него не имелось, однако же его разбудили падающие на лицо капли воды. Андрей Михайлович открыл глаза, машинально вытер лоб и стал медленно возвращаться к жизни. Сон его в здешних краях почему-то утерял прежние беспокойность, поверхностность, чуткость, превратился в тяжёлое, болезненное забытьё, в совершенное оцепенение, чем-то напоминающее летаргию или смерть, так что всякий раз ему приходилось возвращаться к жизни почти в буквальном значении. Ночные видения обрели вдруг чрезмерную плотность, осязаемость, словно пытались доказать, будто они и есть реальность, а то, что врывается в сознание при пробуждении – нечто призрачное, не наполненное никаким содержанием. Безумное сплетение бесполезных образов. Действительность постепенно теряла свою яркость, чёткость очертаний, покрывалась непроглядным туманом, в то время как сны представлялись обнажённой, не скрытой под внешними оболочками очевидностью. На этот раз Лигнину явилась покойная сестра, правда, выглядела она так, словно вышла из жерла печи – всё тело было обглодано пламенем, лицо обугленное, чёрное, глаза же белые и непомерно большие, как будто лишённые век.

Лигнин отмахнулся от назойливого видения (о, бесполезно – оно чеканными нитями врезалось в растревоженное воображение и стояло теперь перед глазами, тусклое, но весьма отчетливое), поднялся с постели и обнаружил, что потолок прямо над ним протекает. Вода просачивалась со второго этажа сквозь подгнившие части досок, щели и пустоты, выеденные насекомыми, по капле падала на кровать, проникала в ткань, заполняя незаметное пространство между волокнами, скапливалась тёмными разводами на подушке и простыне. А с улицы доносился монотонный шелест – значит, дождь идёт по-прежнему. Где-то наверху, в доме, тоже плескалось.

Необходимо было подняться на второй этаж, дабы установить, где именно протекла крыша, однако лестница рухнула ещё в феврале. Лигнин вышел из тесной комнаты, чтобы осмотреть развалины – вполне возможно, путь наверх всё же отыщется. Миновал ряд крохотных помещений, назначение коих осталось невыясненным (вероятно, кладовки для хранения еды и прочего) и оказался у нагромождения того, что прежде являлось ступенями. Когда лестница ещё соединяла ярусы, у неё имелся небольшой изгиб, явно претендовавший на некоторую винтообразность, однако под ним не установили никакой опоры, потому конструкция, опрокидываясь, как раз в месте изгиба переломилась пополам.

В потолке, прямо над деревянными развалинами, ширилось огромное квадратное отверстие, некогда служившее лестничным проёмом и, соответственно, входом на второй этаж. Там, на втором этаже, проём был с трёх сторон огорожен досками, выстроенными вплотную в ряд наподобие забора. С четвёртой стороны раньше крепилась лестница, потому ограждения не было. Теперь оттуда стекала вода, образуя три или четыре тонких струны: достигая пола, струны разбрызгивались, издавая тот единственный звук, который умели – что-то наподобие чересчур обильного плевка. Пол внизу залило тёмной продолговатой полосой. Лигнин расположился прямо под проёмом и посмотрел наверх. Часть чердачного перекрытия, открывшаяся его взору, была сухая, течь образовалась где-то в другом месте. Допрыгнуть до потолка, в то же время являвшегося полом второго яруса, оказалось невозможно, даже если встать на обломки лестницы – конструкция под ногами вся ходила ходуном. Один раз, впрочем, Андрею Михайловичу удалось схватиться за кромку проёма, но пальцы его от сырости всё равно соскользнули (на подушечках остались только разбухшие кусочки дерева, не больше хлебных крошек, да несколько водянистых вздутий – капли воды и капли смолы). Оставалась надежда, что в доме найдётся стремянка, иначе первый этаж может совершенно затопить.

Когда Лигнин собирался вернуться в комнату, в дверь постучали. Андрей Михайлович помедлил немного, гадая, кто бы мог прийти, и открыл. При этом в прихожую ворвался шум дождя.

Снаружи лило сплошным потоком, так что дальше двора ничего нельзя было разглядеть. На пороге стоял доктор, в насквозь промокшем плаще. Крыльцо под ногами посетителя приобрело цвет прогнившей плоти – почти чёрный, с зеленоватым оттенком – и трещало от влаги.

Лигнин поприветствовал гостя и предложил войти.

– А я решил вас проведать, – сказал доктор, снимая верхнюю одежду да выжимая из неё воду, так что вода оплела его руки тонкими нитями. – Узнать, как ваше самочувствие, коли вы всё дома сидите да никуда не выходите. Сегодня, в связи с погодой, вообще-то всех надо обойти, проверить, не обнаружилось ли симптомов каких неприятных.

– Мы можем пройти в комнату. Или на кухню.

– Давайте на кухню, – врач разулся и последовал за хозяином, оставляя за собой мокрые следы.

Вошли в крохотный тёмный закуток, разделённый обеденным столом на две узкие половины — перейти из одной в другую можно было, протиснувшись между краем столешницы и стеной. В помещении, кроме прочего, находились также умывальник, подвешенный к потолку посредством верёвки, горелка, несколько тазов и кипятильник. Стены, не покрытые обоями и вовсе никакой приличной облицовки не имевшие, представляли из себя голый деревянный сруб. В двух дальних углах, сверху, ошмётками висела паутина, которую, кажется, вовсе никогда не убирали.

Лигнин предложил гостю сесть, сам принялся готовить чай.

– Прежде всего, Андрей Михайлович, я хотел спросить, нет ли у вас особенного рода слабости, не беспокоят ли судороги, головные боли или, не дай бог, видения всякие, вроде чертей или умерших?

– Нет, ничего этого нет. Умершие только снятся иногда. Вы считаете, я мог заразиться лихорадкой?

– Здесь любой может заразиться, вне зависимости от того даже, общался ли он с больными. Вы, например, общались, значит, риск повышенный, но это опять же ни о чём не говорит. Мне просто нужно проверить, попытаться предотвратить болезнь в самом начале.

– И что, вы можете предотвратить болезнь в самом начале?

– Нет. До сих пор ни разу не удавалось...

Лигнин тем временем сделал чай, разлил в две кружки и сел за стол.

– Что вообще с лихорадкой? – спросил он с оттенком едва скрываемого безразличия. – Динамика не пошла на спад?

– Не пошла, а в связи с дождём, я боюсь, и вовсе возрастёт. В сырости любые микроорганизмы, любые инфекции развиваются особенно быстро. Ничего хорошего, по моему разумению, от нынешней погоды ждать не приходится.

– Но, мне казалось, ливень пойдёт на пользу посевам, тем, что остались, избавит селение от голода, разве не так? Ведь голод также способствует различным болезням.

– Ливень, Андрей Михайлович, на самом деле уничтожит последние посевы, да и запасы тоже уничтожит, и разразится такой невиданный голод, что придётся забивать всю скотину, чтобы хоть как-то прокормиться, а скота, как зерновых же, осталось совсем мало, многие животные уже под нож пошли или вовсе задаром издохли, от обезвоживания. Будет наводнение, неужели не видите? Все улицы, кроме возвышенных, залиты по щиколотку. Уровень воды в реке к полудню поднялся, кажется, на сорок сантиметров против ранешнего, и продолжает подниматься до сих пор. На том берегу, поскольку он более пологий, уже селение затопило, да и у нас с низины, где летом пляж обычно утраивают, все лодки волнами унесло. Я-то здешний климат знаю. Начался так называемый ливневый период, река теперь разольётся.

Помолчали. Доктор сделал несколько глотков из своей чашки, отставил её в сторону. Голова его как-то странно, совсем по-старчески затряслась, словно от изнеможения, внезапно сковавшего шею и всё тело, он поглядел на Лигнина в упор и спросил сдавленно, сквозь хрип:

– А вы знаете, что девочка умерла? Помните, я говорил о ней.

– Да, знаю. Ко мне родители её приходили, уже после всего, просили, чтобы ребёнка предали земле, как подобает. Да только от меня-то ничего не зависит, я их к старейшинам отправил.

– Были вы на похоронах?

– Нет. Я даже не знал, что они вообще состоялись. Неужто дозволили?

– Дозволили, Андрей Михайлович.

– Ясно. Впрочем, ничего удивительного, ведь, я полагаю, гроб был небольшой.

– Небольшой. Я с ней всё время просидел, – старик обхватил голову руками, вероятно, от отчаяния. – Всё то время, что бедняжка мучилась. Она, правда, очень быстро умерла. Да и в сознание редко приходила, в последние дни особенно. Бывало, глазки свои ошпаренные откроет да глядит на всё так мутно, нетвёрдо, и какая-то дымка вокруг зрачка. А взгляд грустный донельзя!

Девочка-то совсем была маленькая, шесть лет ведь только, тело крохотное, хрупенькое — так лихорадка с этим телом быстро управилась, изъела, иссушила, изуродовала. Началось с ног, как это часто случается, затем пошло выше, выше, пока наконец к горлу не подступило. Уж потом шейные судороги напали, она похрипела немного, тихонько так, и задохнулась безропотно, – пока доктор рассказывал, тряска его постепенно усиливалась, так что даже ноги не стояли на месте, притопывали; глаза сделались влажные — со стороны казалось, будто они медленно вытекают. – Но она не очень долго страдала, знаете ли, другие-то больные порою по месяцу лежат без движения или от нестерпимой боли в кататонию впадают, так что никакой совершенно связи у них со внешним миром не остаётся. Такие однажды просто замирают на месте, каменеют, так их и выносить приходится в той позе, в какой они умерли, ибо никакой нет возможности суставы разогнуть да тело в надлежащий вид привести.

Иных же настолько видения донимают, что они всяческое понимание теряют, перестают различать, где кончается сон и начинается реальность, для них всё — один сплошной сон, этакий кошмар. У той девочки видений особенных не было, она по большей части без сознания находилась. Один раз только, очнувшись, сказала, мол, койка под ней загорелась, пламя кругом, жжётся очень. А ведь это тогда уже было, когда у ней тело по самую шею онемело и никаких прикосновений она чувствовать не могла. И вдруг — жжётся. Это всё, впрочем, в голове у неё жгло, вот и представилось. Я в глаза-то ей заглянул тогда, а в них сквозь дымку бесноватую страх пробивается, бьётся, точно птица в клетке, и лицо от ужаса окаменело. А кожа-то на этом лице такая, знаете, тонкая-тонкая, зеленовато-белая да как будто вся в чешуйках каких-то — потрескалась, значит — и выглядит, как крыло бабочки. Кажется, коснешься её, да кожа-то, подобно перламутру, к пальцу прилипнет, вместе с ним от тела отойдёт. Сильно её болезнь перекроила, на свой лад то есть.

Мы тогда водой её облили, терять-то уж нечего было – ну... чтоб показать, будто огонь тушим, а она всё свое: «не помогает, не помогает, всё равно горит!» Благо, снотворное подействовало. Впрочем, на девочку-то последнее снотворное использовал, больше не осталось. Похоронили её на кладбище — оно зря, хоть и сентиментально...

– Почему же зря?

– Потому, что если наводнение хотя бы неделю продлится, землю на кладбище размоет до основания, так что все надгробия опрокинутся, останки, те, что непокрытыми хоронили, да гробы обнажатся, и полная неразбериха будет — большая часть могил безымянными останутся, ибо определить, кто где изначально лежал, никак не получится. Теперь тоже многие могилы без всякого имени стоят — так только, крест один покосившийся. А самое-то страшное, что если заболевание заразно, то источник в мёртвых телах некоторое время сохраняется, продолжает плодиться, и коли землю размоет — вся эта убийственная мерзость окажется в воздухе. Вот тогда кривая так взлетит! Без того вымираем. А ведь мать девочки тоже слегла, вы слышали?

– Нет, ничего не слышал.

– Ну да, откуда вам, взаперти же всё время сидите. Мать долго у могилы сидела, до дождей ещё, от еды отказывалась да плакала, не переставая. Ясное дело, от изнеможения упала в обморок. Только её домой принесли — в постель легла да причитает, хочу, мол, чтоб со мной лихорадка сделалась. Потом дочка к ней являться стала — лихорадка, то есть, в действительности началась. Ныне двигаться женщина не может, к постели прикована — ей больно, а она лежит, знаете ли, песни распевает, от радости.

– От какой же радости?

– Да ведь она убеждена, что после смерти с ребёнком воссоединится. Хотя радость эта всё равно противоестественная, от помутнения рассудка больше. Скажите, раз уж я упомянул, почему вы из дома никуда не выходите после посещения старейшин?

– Мне и идти некуда, – ответил Лигнин. Затем поднялся со своего места, подошёл к окну, принялся разглядывать, как капли бьются о стекло, разрываются на мельчайшие частицы, разбрызгиваются прозрачными кляксами и стекают вниз, к карнизу; поверхность окна от этого их скольжения делается рябой, неровной, и ничего-то за ней не видно, а только всё мерцает, плывет, двоится. – Я, впрочем, вчера выходил.

– Вам надо устраивать прогулки, Андрей Михайлович, здесь воздух застаивается. А что, как будто где-то плещется?

– Крыша протекает.

– Разве нельзя починить?

– Нельзя.

– Почему вы не уедете отсюда?

– Куда?

– В другой город, хотя бы в местную столицу. Ведь здесь вам совершенно нечего делать, участие же ваше в управлении — лишь видимость, причём старейшины эту видимость даже поддержать толком не способны, ради приличия хотя бы.

– Я не могу уехать. Как ни странно, мне и не хочется. Я ведь много где побывал за последние пять лет, во многих городах останавливался, да только везде всё одно и то же. Одни нищенствуют, существование этих городов есть постоянное прозябание, танец на краю смерти, так что порою удивляешься, почему

в подобных местах до сих пор обитают люди. Другие же, наоборот, процветают как-то слишком, так что по прибытии на человека обрушивается грохот, стрекотня торговцев, гудение, скрипы, стоны и ещё смех, омерзительный такой смех, до тошноты — это земля под ними смеётся. Там иная жизнь, здания необъятны, высоки до небес, и всюду бесконечные потоки транспорта, подобные дымящимся рекам. Но дело по большому счёту не в этом — глупо было бы полагать, будто на свете не осталось мест, сносных для жилья, такие места всегда найдутся. Просто когда человек начинает жить прошлым, грезит лишь о возвращении его — любое событие, любое пространство в настоящем больше ничего не значит, и никакой нет разницы, где находиться. Мне теперь непременно хочется вернуть прошлое.

– Когда Анна Михайловна была жива?

– Да. Надо было увезти их с собой, вот в чём беда. Мне сегодня Аня снилась. Только вся такая тонкая, обуглившаяся, как будто тело её из жерла печи вытащили да душу обратно вдохнули. Она кричала всё время, нечленораздельно, руками размахивала, но сказать ничего не могла, потому что язык... вы понимаете... сгорел. Потом протянула письмо, а как только я его взял, и конверт и всё содержимое от моих прикосновений мгновенно рассыпалось, в пыль. Вот точно так же рассыпалось, как иллюзии, как воспоминания. Воспоминания-то ничего человеку не дают. Так, значит, стою я в облаке пыли, что от письма осталась, и понимаю, что никакая передо мной не пыль, а пепел, белый и хлопьями, остывший уже.

Если слишком долго цепляться за прошлое — оно, словно в отместку, отвечает тем же. Рано или поздно твоё прошлое тоже начинает за тебя цепляться, и уж тогда не отпустит. Оно очень липкое, так что в конце концов облепляет тебя со всех сторон, превращая реальность и фантазию в некое единое переплетение неразборчивых образов, и душит, не давая продохнуть, а тебе вроде и нравится, что тебя так сладко, так любвеобильно душат. Нет, я не могу уехать. Не могу вырваться отсюда. Жизнь оскудевает со временем, ничего стоящего, кроме прошлого, не остаётся. А в настоящем — кромешная тьма под каждым видимым глазу предметом.

– Вы рассуждаете, как отец Тимофей. Тот тоже полагает, будто под каждым событием, под всякой вещью скрывается некая незримая тьма, и она-де есть основа всего сущего.

– Разве это смешно?

– Да ведь я не смеюсь, Андрей Михайлович. Но предмет — это только предмет, вполне конкретный, вполне определённый, имеющий границы. И даже если предположить вам в угоду, будто под всяким предметом скрывается тьма, не стоит ли допустить также и тот факт, что над предметом непременно находится свет? Тогда всё вместе — тьма, свет, сам предмет — составит его сущность. Вы разочарованы, потому видите одну только оборотную сторону, изнанку, так сказать. Впрочем, в любом случае, отвлечённые материи ныне интересуют меня не слишком.

– А вы не верите тому, что говорит отец Тимофей?

– Нет, не верю. Здешний священник, увы, несколько не в себе, хотя, по всей видимости, это не мешает ему справляться со своими обязанностями. Я совершенно не против того, что он делает — проповеди, исповеди, молитвы. Если людям подобные действия приносят облегчение, пусть так. В сложившейся ситуации религия является необходимой поддержкой, иначе жители станут тотально сходить с ума. Но однако же, именно такую задачу должен ставить перед собой священник, по крайней мере здесь — поддерживать, а не создавать дополнительную нагрузку на психику, которая без того буквально трещит по швам от неумолимой близости смерти. Тимофей своими россказнями о бесах нагнал такого страху, что даже я порою думаю, что, завернув за очередной угол, увижу нечто невообразимое, демоническое. Кроме того, он наивно полагает, будто та боль, которую испытывают лихорадочные, вызвана не вполне установленными соматическими нарушениями, но происходит от неопределенных душевных мук, хотя язвы и разрывы во всех тканях организма неизбежно указывают на обратное. Впрочем, он и всегда относился пренебрежительно к телесной боли, презирал телесное вообще. Монах с рождения, видите ли. Нет, Тимофей старался исполнять свой долг исправно, это достойно восхищения в любом случае, и, однако же, если не сумасшествие, то некое помутнение рассудка с ним произошло. Помню, совсем недавно его нашли в положении весьма интересном — упал на колени перед нищими, что собрались возле церкви, да обвинил себя в убийстве, прощения просить начал. Когда же его привели в келью, где он обитает — не мог ничего вспомнить, утверждал, что ни перед какими бродягами колени не преклонял.

– Да ведь это он про убийство Дианы говорил!

– Что с того? Да и чего только человеку в голову не придёт, в умопомрачении-то! Не следует его слушать, восприятие слишком воспалено. К слову, я всё больше склоняюсь к мысли, что никакой лихорадки у Дианы не было, значит, и той связи, которую Тимофей отчаянно пытается найти, искать не следует. Дело в том, что лихорадочным во время приступов свойственны обычно абсансы, а их так называемые судороги — всего лишь истерическая дуга, и только потом появляются настоящие судороги, с Дианой же, судя по описанию, случился сложный парциальный приступ , что прямо доказывает эпилептическую природу её поведения.

– Однако же, доктор, даже если Диана не являлась первой жертвой лихорадки, определённую связь заметить можно.

– В чём, по-вашему, эта мифическая связь заключается?

Лигнин перегнулся через стол и прошептал доктору в самое ухо:

– Они все испытывают то же, что испытывала Диана, – потом вернулся на место.

– И что это доказывает?

– Не знаю. Спросите Тимофея.

– Боюсь, у меня нет свободного времени, чтобы тратить его на подобные расспросы. Вероятно, я во-

обще зря распинался, раз предположения отца Тимофея для вас более предпочтительны. Почему вы верите ему? Вы что же, религиозны?

– Нет, не религиозен. Но, согласитесь, некая мистическая связь...

– Мистическая, Андрей Михайлович? Никаких мистических связей в принципе не существует в природе. Вполне возможно, ваше наблюдение верно. Верно и то, что тела усопших в стенах церкви очень быстро хиреют, ускоряется разложение. Чем объяснить данные происшествия? Вероятно, в церкви повышенная влажность, а сходство симптомов довольно частое явление в медицинской практике. Вы хотя бы знаете, сколько заболеваний, коим подвержен человек, способны вызывать видения? Нет? А ведь таких заболеваний огромное количество, от психических расстройств до простого жара. Я человек трезвого ума, в здравом рассудке, потому вынужден отбрасывать сомнительные рассуждения и искать в первую очередь органическую причину. Мне всё ещё представляется верной гипотеза, согласно которой у больных через кровь в нервных клетках расселяется какой-то паразит, из микроорганизмов или вирусов. А мистические связи, бесы и прочее — из области фантазий, и хотя соблазн велик, я не смею прятать собственное бессилие за этими сказочными образами. Да, мне не удаётся определить источник заражения, из-за нехватки лекарств я даже не могу помочь, вынужден смотреть, как люди умирают — но это не повод утверждать, будто мы столкнулись с чем-то потусторонним. Вся бесовщина, Андрей Михайлович, исключительно в головах, от страха да неудобоваримых суеверий.

– Вероятно, вы правы. А если ошибаетесь?

Доктор встал из-за стола, поглядел на собеседника как будто разочарованно, произнёс:

– Мне надо идти, я слишком задержался. Людей много, необходимо посетить каждого, в особенности больных. Скажите, у вас хотя бы достаточно еды?

– Немного картошки и вяленого мяса, в яме, во дворе. Полагаю, на некоторое время хватит.

– Только вытащите запасы из ямы, пока не затопило. Если, конечно, не затопило до сих пор. Тут и раньше были обильные подземные воды, а с наступлением дождей они иногда даже в подвалы просачиваются, поселение-то на болоте выстроено. Кстати, старейшины просили передать, чтобы вы пришли к ним вечером.

– Зачем?

– О, полагаю, они пытаются решать вопросы, связанные с предстоящим бедствием, и из любви к формальностям решили пригласить вас в качестве немого наблюдателя. Разумеется, вы можете никуда не идти. Так я буду заходить к вам время от времени?

– Как вам угодно. Только для чего?

– Ведь у вас нет никого. Я очень хорошо относился к вашей сестре, и теперь, когда она умерла, не должен покидать вас, не должен оставлять в одиночестве.

Доктор собрался было уходить, но перед самой дверью обернулся и тихо, вкрадчиво произнёс:

– Одиночество порою творит с людьми жуткие вещи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Собрание Совета

Вечером, дабы хоть как-то себя занять, Лигнин отправился к старейшинам, догадываясь, впрочем, насколько это унизительно. Но само понятие унижения, так же, как понятия власти, гордости, иерархии, превосходства и прочее, утеряло для него всяческий смысл. В последние дни значение имело лишь одно — время, ибо оно непомерно разрослось, сделалось огромным, всепоглощающим, почти неподвижным, так что один жалкий день стал вдруг равносилен целому году. Время ложилось на плечи тяжким грузом, ибо только оно одно обладало какой-то плотностью, являлось чем-то реальным и потому довлеющим. Изматывало. Никаких границ, никаких различий не было между минутой данной и следующей, но все — одна сплошная минута, всякий раз та же самая, плавно перетекающая с боем часов из себя в себя же, чурающаяся стремительного бега, как огня, переваливающаяся медленно, подобно полумёртвой улитке.

Время.

Его необходимо было разбить на отрезки, как раньше, когда существовало течение, с ним необходимо было бороться, так что в бесславном походе к старейшинам, который, казалось, закреплял поражение, Лигнин видел в первую очередь возможность на несколько мгновений заполнить паузу (о, всё его существование превратилось в бесконечно утомительную паузу!) и таким образом нанести времени очередной удар — удар слабенький, едва ощутимый, так что оно скоро оправится и вновь начнёт наступать, подавлять всей своей застывшей громадой.

Время остановилось и трепыхалось в судорогах, опалённое лихорадкой, как всё прочее. Время прежде всего показывает скорость происходящего, не отмечая в действительности секунды, годы. Оно неравномерно для всех и каждого. И если ничего не происходит — оно замирает. Мир, вероятно, дышит временем. Мир Лигнина, вероятно, не дышал, поместив своего обитателя в совершенный чувственный вакуум.

Добираться пришлось пешком, поскольку редкий транспорт, некогда пущенный в городе, имел одну особенность: в тёплую погоду им практически никто не пользовался, ибо поселение относительно небольшое, в холод же и слякоть он тут же ломался по ветхости и прекращал функционировать. К концу пути Андрей Михайлович промок — дождь прошил его насквозь своими мокрыми, уступчивыми нитями.

Небо над головой гноилось, изливалось с шумом и стоном. На кучеряво-тучной, жирной поверхности небосвода то и дело образовывались волдыри, нары-

вы, трещины, заключавшие в себе тьму и сырость, кровоподтёки, а затем из лопнувших волдырей, из воспалённых нарывов, из трещин обильно сочилась влага, которая, падая, заражала неведомой болезнью землю и всё, что на ней. Потому земля тоже дыбилась, разбухала, покрывалась гнилью.

Вся эта чрезмерная сырость навевала мысли о безысходности, о смерти — мысли тяжёлые, навязчивые, от которых невозможно отказаться. Такие мысли вгрызаются в самую глубину сознания, подобно паразитам, подчиняют себе все прочие думы и стремления и неодолимо влекут человека к краю пропасти. Им будто хочется, чтобы жертва перегнулась когда-нибудь через край, заглянула по ту сторону существования, увидела наконец всю тщетность собственных неровных движений, ринулась вниз, очертя голову, за пределы жизни. Безысходность заразительна. Смерть, в конечном счёте, тоже...

Когда Лигнин вошёл в здание, где заседали старейшины, он тут же услышал плеск прямо над головой, гораздо громче, настырней, нежели в своём доме. Казалось, второй этаж полон воды до краёв, так что потолок может в любой момент обрушиться. Длинный коридор со скамьями по обе стороны, ведущий к главному залу, по-прежнему заполняла густая мгла, только теперь по нему постоянно сновали просители — подобно теням, крались по самой стеночке, озираясь да чего-то как бы опасаясь, незаметные, подавленные, все до единого мокрые, так что за каждым по пятам следовало глухое, мягкое капание и тот скользкий скрип, который производят при соприкосновении две сырые поверхности — подошва и пол. Точно такие же звуки производил сам Андрей Михайлович — вернее, производило отяжелевшее от воды да одежды тело, ибо до сознания они почти не доходили, проникали с задержкой, словно сквозь вату.

У зеркала, где когда-то произошла встреча с несуществующим незнакомцем, Лигнин остановился. Подошёл вплотную, коснулся рукой гладкой поверхности — отёкшие, толстые пальцы обожгло холодом. Подушечки словно прикипели, давая холоду возможность проникать посредством них дальше, в слабые сухожилия, в кости предплечий, тоненькие, как у подростка. Прикипели и глаза. Лигнин всматривался в зеркальную поверхность, не видя никаких отражений — смотрел именно на поверхность, скользил пытливым взглядом по обманчивой, серебристой плоскости в едва заметных разводах пара, возникающих от его же дыхания, словно непременно хотел проникнуть в её суть. На миг ему почудилось, будто вот-вот появится белое лицо, нелепо подвешенное в окружающей темноте, засмеётся сухо, хрипло, уставится на него пустыми глазницами («Вырезали, вырезали, вырезали!» – гремело в голове раскатами)... но никакого противоестественного лица так и не появилось, только отражение тощего промокшего человека. У человека были волосы, облепившие голову сосульками, плотно сжатые от напряжения губы, брови, увешанные гроздьями дождевых капель, остекленевшие, широко распахнутые, жадные до внешнего мира глаза с зияющими зрачками в них — отражение собственное, ничего больше.

Лигнин оторвался от зеркала, потёр пальцы, изгоняя холод, отряхнулся и отправился в зал собраний. У самой двери задержался ненадолго, чтобы избавиться от куртки, и вошёл.

Старейшины, как в прошлый раз, восседали на возвышении за трибунами, установив перед собой несколько горящих свечей. Оттого по комнате тревожно метались длинные, чудовищные тени, чёрные, как копоть, а свет мерцал, подёргивался, прерываемый тенями. По неподвижным лицам старцев ползали блики, пятна — ползали, подобно огромным насекомым, так что могло почудиться, будто лица эти усыпаны пауками причудливых форм, с лапами толстыми и короткими. Сами старцы видом своим напоминали высокомерных жрецов, свершающих некое особо значимое таинство, а в то же время замечалось в них, как во всяких жрецах, нечто от статуй, только таких статуй, кои творились неумелыми руками — слишком угловаты, узловаты были изгибы омертвелых частей.

В помещении стоял настойчивый запах опалённого воска.

– Совет рад приветствовать вас, – раздалось, гулким эхом отталкиваясь от стен. Из-за эха и сопутствующего мерцания нельзя было разобрать, кому именно принадлежали слова. Выходило, будто никто вовсе рта не раскрывал, а говорил непосредственно Глас Совета, обретший самостоятельность и витающий теперь над пустыми, окостеневшими телами в коконах.

Лигнин кивнул и вдруг спросил, то ли позабыв принятые здесь правила, то ли намеренно их игнорируя:

– Разве в доме нет проводки? Во всех домах есть проводка, к чему свечи?

– Плоды человеческой мысли, плоды цивилизации, – прогремел Глас, – есть зло, столкновения и соприкосновения с коим мы стремимся избегать. Все беды от высокомерия человеческого, от желания без оглядки двигаться вперёд, испытывая тем самым терпение Создателя нашего. Известно, что и лихорадка наслана на город в качестве наказания за разорение земель, некогда священных.

– Подобными россказнями вы потчуете просителей? Что же, слушают они вас?

В ответ — тишина.

– Зачем вы пригласили меня сегодня?

Тишина. Только мерный шелест воды где-то сверху.

– Зачем я здесь?

Сухие, омертвелые губы крайнего слева немощного старика размыкаются, из них исходит тихое, невнятное поскрипывание:

– Неужели вы не помните правил? К Совету следует обращаться не иначе, как досточтимые, либо в третьем лице. Проситель не имеет права говорить до тех пор, пока Совет не высказал своей воли, которую

следует исполнять беспрекословно. Возражения, брань, недовольство недопустимы. Ставить под сомнение компетенцию членов Совета — недопустимо. Отсутствие почтения по отношению к Совету и его постановлениям — недопустимо. Проситель не имеет права спрашивать того, что прямо не касается сути дела...

– Но я не проситель, досточтимые, – перебил Лигнин. – Ведь вы сами пригласили меня.

– Вы – проситель, – произнёс старик и тяжело вздохнул, потом зашёлся кашлем, так что ему пришлось перегнуться чуть ли не пополам, дабы подавить возникшие спазмы. Изо рта, из носа потекло ржавое, обильно, будто внутри только эта ржавчина и осталась, а весь механизм одряхлел и поломался.

Тут Андрей Михайлович увидел, что все старейшины больны, еле способны двигаться, и даже дыхание, столь необходимое, удается им с трудом, оттого окаменелость во всех чертах. Лица высохшие, сведённые одной на всех болью, сведённые страхом, уставшие, у двоих вовсе покрытые синюшными пятнами — так, словно эти двое давно уже мертвы, но продолжают исполнять свои сомнительные обязанности, ожидая, пока прочие не присоединятся к ним. Мельком Лигнин подумал, что старейшины непременно должны умереть все разом, одновременно, как единое целое.

Затем сознание его окунулось в какой-то туман, как бы провалилось в сумерки, и он отчётливо увидел зловонные щупальца, протянувшиеся к нему со стороны трибуны, жадно липнущие к телу, оплетающие удушливыми кольцами. А за трибуной больше нет никаких старейшин — теперь там плотно стиснута огромная, разжиревшая каракатица, наполовину разложившаяся, но всё ещё цепляющаяся за жизнь теми остатками неосознанной плоти, что не успели насквозь прогнить. Глас Совета что-то говорит, постепенно нарастая, заполняя всё пространство вокруг невозможным гулом, но Лигнин ничего не слышит — всё внимание его приковано к отвратительной туше, зажатой между трибуной и дальней стеной. Часть туши вздымается и опускается, со свистом, с бульканьем, поддерживая неровное дыхание, другая часть, чёрная, расползающаяся по швам, покоится на полу мёртвым, опавшим отростком. Живёт и гниёт одновременно, верно?

А в голове звучит голос, не принадлежащий ни исчезнувшему Совету, ни умирающему существу, возникшему на месте Совета. Ты — это не ты теперь, – говорит голос вкрадчиво, так что каждое слово спицей проникает в ухо, прокалывает кожу и хрящи, отчего из разорванной ушной раковины сочится кровь, переспелой, рябиновой россыпью падает на плечо и пол.

Ты распадаешься, – говорит голос. – Распадаешься так же, как эта мерзкая каракатица, так же, как всё вокруг, как всякая вещь, существующая в мире. Рвёт. Ты слышишь? Ты должен, потому что мы слышим. Где ты теперь?

Куски плоти, колышущиеся за трибуной, начинают раздуваться, покрываются пузырями, лопаются, а из лопнувших пузырей течёт чёрная жидкость, струится по полу, захватывает ноги. Лигнин бросается бежать, через половину зала, распластавшуюся перед дверью в неровном мерцании свеч, через мрачный коридор, полный просителей, наружу, на крыльцо и дальше, под потоки дождя. Но снаружи промокший мир, поражённый гангреной, и некуда бежать, и негде прятаться. Сверху мир укрыт каменной породой, и там, за ливневой стеной, имеются настоящие стены, из камня, и все это вместе образует подобие глухого грота или глубокого ущелья — не выбраться. Так где ты теперь?

– Я в пещере, – шепчет Лигнин еле слышно, от ужаса проглатывая собственные слова.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Альбедо (7)

Как только Лигнин осознал, где находится, время в его понимании исчезло, ибо никакого времени внутри тёмного замкнутого пространства не существует вовсе. Прошлое смешалось с настоящим, сон смешался с реальностью, окружающее потеряло всякий смысл, обратившись преградами, мешающими глазам видеть всю подноготную, сырыми и серыми. С тех пор Андрей Михайлович принялся смотреть исключительно под вещи и события или, выражаясь так, как подобает в подобных случаях разумным людям, начал сходить с ума.

Время, как всё внешнее вообще, опрокинулось разом, в один какой-нибудь миг, после посещения старейшин. В тот вечер Лигнин долго бродил по городу, едва ли соображая, куда именно следует идти, потому промок донельзя — вода размыла, обезличила, добралась до дыхательных путей и внутренних органов и заполнила собою уставшее тело. Затем он вернулся домой, лёг на кровать, не раздеваясь, и провёл так несколько дней, позабыв о пище и сне.

Дождь заколачивал несчастного в стенах темницы, назойливым стуком своих влажных молоточков бил по самому нутру, проникал в голову, удар за ударом, причём каждый там же, в голове, оставался, так что она становилась непомерно тяжёлой, наполнялась гулом. Дождь приковывал к поверхности, не давая пошевелиться. Эти мерзкие молоточки словно вбивали гвозди в крышку гроба, и Лигнину иногда казалось, будто он умер, но, не в силах признать факт собственной смерти, отчаянно хватается за обрывки чего-то давно минувшего, болезненно-сладкого, туманного. Дробь и плескания, создаваемые ливнем, день ото дня усиливались, становились более осязаемыми, требовали больше пространства. Вскоре они захватили все комнаты, ворвались в них невидимой,

---

7) Альбедо — в данном случае — вторая стадия психоаналитической работы, переход из нигредо в белый мир. На этой стадии свойственны отсутствие сильных эмоций, пассивное ожидание, во снах преобладают поверхности вод и зеркал. Человек акцентирует внимание на внутренней сути.

но вязкой массой. Тогда в темнице сделалось совсем тесно, Лигнина облепила недоступная взору рыхлая материя, и свободное место осталось только внутри головы — там, где не успели скопиться чересчур плотные звуки. Андрей Михайлович оказался заперт в собственной черепной коробке.

Два или три раза кто-то приходил к нему, но кто и зачем, понять было невозможно, ибо когда Лигнин распахивал воспалённые веки, то видел перед собою лишь рябую пелену, ту самую, что родилась из шума, и каменную стену за ней, покрытую плесенью, посетители же находились за этой стеной, так что разглядеть их никак не удавалось.

Всё ощущалось болезненно, с надрывом. Дифференцировать и определять свои чувства Андрей Михайлович не мог. Он не то что бы только учился чувствовать, но вся вообще чувственность как явление была для него чем-то чуждым, болезнью. С болезнью она и пришла. Переживания смешивались друг с другом, перетекали и скапливались в душе единым сплавом. О, если бы Лигнин принялся вдруг разбирать скопившееся, то непременно обнаружил бы тоску, острое чувство безысходности, разочарование, сожаление о прежнем, о потерянной любви, о зря прожитой жизни, о многочисленных скитаниях, предпринятых в поисках чего-то устойчивого, но чего именно, он сам никогда не знал. Однако, лёжа в бессилии на койке и совершая утомительное путешествие внутрь себя, в движениях своей души Андрей Михайлович предпочитал не копаться, дабы не чувствовать нестерпимой боли, потому чувства воспринимались им как комок мокроты, вставший поперёк горла.

Чувства хотелось выхаркать, оттого родилось безразличие. На наиболее сильные, нарывающие, подобно гноящимся ранам, эмоции Лигнин смотрел как бы со стороны, совершенно равнодушно, будто ему и дела никакого нет. Душа его в те дни раздвоилась, избитая дождевыми молоточками, так что одна половина, безутешная, до краёв полная неизбывной горечи, металась по безвременью в поисках спокойствия, вторая же следила за этими несуразными метаниями с отстранённым интересом. Холодная, безучастная, она пребывала здесь и сейчас.

Здесь и сейчас, минуя очередную бессонную ночь, задыхается всякая жизнь. Превращается в тончайшую, хрупкую плоть, подверженную разложению, рассыпается. Дыханием прекращается всякая жизнь, болезненным, принужденным выдохом, когда вдохнуть уже нельзя – судороги сжимают слабую грудь, внутри всё перехватывает, тишина и звуковой хаос, её сменяющий, больше не задают никакого ритма. Лёгкие рвутся в тщетных попытках получить хоть немного воздуха. Танец подходит к завершению, отбивать такт уже незачем. В этот момент в голове вновь рождается голос, тебе совершенно не принадлежащий. И он спрашивает всё то же, грозно, настырно, ибо хотя бы в последний миг ты должен знать ответы...

Кто ты?

Единость.

Множество.

Ты.

Но было не только здесь, не только сейчас. Была бесконечность вероятных переплетений, ветвящаяся, подобно запутанному лабиринту, так что вся внутренняя жизнь Лигнина напоминала мытарства души, заранее обречённой на вечную тревогу и невозможность прощения. Сокровенное вышло наружу, обнажилось, незначительное влезло вовнутрь, облизывая поверхность глаз, вызывая лёгкое покалывание — было совершенно неясно, что происходит реально, а что — лишь обман воображения, выведенный за внешний круг и умело подделанный лживым хрусталиком, сплетённый из воздуха, влаги, из бесовщины и частичек болезни, витающих поблизости. Воображение чрезмерно воспалилось не только у Лигнина, но у всех вообще, атмосфера от него вскипала, заражала видениями. От игр этого невротического, коллективного и потому неопознанного воображения умирали люди, поддавшись обманчивому эффекту и приняв собственный затаённый страх, собственную внутреннюю вину за нечто, существующее вне зависимости от них, совершенно отдельно и самостоятельно. На поломанных сваях из грязного воздуха люди сколотили царство смерти...

Впрочем, в те дни, проведённые в заточении на койке, Лигнин едва ли понимал смерть так, как раньше. Внутри, в его сокровенном мире, все близкие давно уже были мертвы и одновременно живы, обитали на грани. Мёртвыми их делали воспоминания о том, что все они когда-то умерли, живыми — воспоминания об их жизни, сохранившиеся нотки голоса, частицы волос, роговицы, кожи, так что в любой момент времени их можно было воскресить, подобрав нужный цвет глаз, нужный цвет волос, восстановив какую-нибудь особенно запомнившуюся фразу. Достаточно только немного покопаться в пепле и прахе, отложившемся в памяти беспорядочной кучей, извлечь на свет недостающие волоски, пару искорок, кои непременно следует вложить в глаза, если хочешь вдохнуть в кого-нибудь жизнь, кусочки кожи, вполне подходящие на ощупь — и куклы появятся, как будто наяву, а очень скоро станут являться, вовсе ни у кого никакого разрешения не спрашивая. В памяти мёртвые неподвижны, как заведённые, выполняют лишь заранее выдуманные действия, почерпнутые из прошлого. Можно было бы предположить, будто они мертвы совершенно, но при отсутствии времени становится неясным, что произошло раньше, жили ли они сначала, а затем умерли, или наоборот — одно только безвременье и ставит их на шаткую грань.

Порою являлась мать, сама по себе, но туманно, да всё в чём-то упрекала, только не разобрать, в чём именно — в том ли, что сын покинул её в трудный период, или же в том, что так бездарно загубил все начинания в своей жизни. А то приходила сестра, иногда совсем, дочерна, обгоревшая, с проклятьем и дымом на выжженных устах, а иногда как живая. Живая Анна приходила то в белоснежном платье, хотя подобного платья у неё никогда не имелось, то совершенно обнажённая, лезла обниматься, ка-

салась руками тела, да только прикосновения её не чувствовались, и становилось страшно. Лигнин всегда почти цепенел от страха, а та надувала губки от обиды и рассыпалась в пыль, пыль же исчезала бесследно.

В иные моменты никто не приходил, а только начиналась вдруг бесконечная череда соединённых между собой гротов, и в каждом — город или поселение, где Андрей Михайлович побывал во время своего длительного отсутствия. Лигнин как будто плыл по всем этим каменным комнаткам, постепенно ускоряясь, и нигде не находил ничего интересного, ничего, что заставило бы наконец остановиться, что помогло бы надышаться хотя б на миг. Эта бессмысленная череда рано или поздно превращалась в узкий коридор, в лаз между выступами твёрдой породы, но до конца коридора беглец никогда не доходил, ибо догадывался, что или, вернее, кто ожидает его в конце. Обладатель белого лица с глазами, полными тьмы и вальсирующих фигурок. Впрочем... вырезали, разве нет? Лигнин не понимал, как именно связан с этим выходцем из ночных кошмаров, но связь ощущал, и она довлела над ним. Образ преследовал его, тайком выглядывая из зеркал, являлся во сне, являлся наяву, но слишком расплывчато, так что невозможно было разглядеть, взирает ли из его глаз сама тьма или он лишён зрения. Лигнин метался, пытался убежать (там, внутри себя, внутри пещеры) — но куда бежать из замкнутого пространства, которое совсем скоро доверху зальёт водой...

Страх затопления, навязчивая боязнь утонуть преследовала Андрея Михайловича неотступно. Звуки молоточков пробивались в самую глубину сознания, так же, как плеск со второго этажа, и казалось, будто вода облепляет кожу (она — как сырое мясо на ощупь), проникает сквозь уступчивые поры в полости тела, отчего тело распухает. А внутри вода обращается мерзкой чёрной жидкостью, и Лигнин отчётливо понимает, что зловонная жидкость была там и раньше — её оставили щупальца, протянувшиеся к нему у старейшин, протянувшиеся от старейшин и впившиеся в ноги и живот.

Несколько раз Андрей Михайлович находил в себе силы, чтобы, несмотря на гнёт окружающего хаоса, подняться на ноги. Тогда он отправлялся на кухню (впрочем, в его понимании это была не кухня вовсе, а всего лишь очередной каменный грот, чуть меньше прочих), хватался за нож и разрезал себе руки, дабы поглядеть, не потечёт ли из ран гнилое и чёрное, как из полопавшейся каракатицы, но текло только алое, вязкое, туго пробираясь через порезы.

Изредка в этот период глаз вырывал нечто действительно реальное, всегда без начала, всегда без конца. Однажды, к примеру, Лигнин пришёл в себя и с удивлением обнаружил, что перед ним почему-то сидит престарелый доктор и грустно так поглядывает. Откуда он здесь, как вошел, о чём говорил — этого Андрей Михайлович как будто не помнил. И, однако, доктор сидит напротив, требовательно тарабанит пальцами в ожидании ответа. Эти пальцы отвлекают — глазная поверхность весьма избирательна, знаете ли, и вот уже Лигнин видит одни только скрюченные суставы, обтянутые морщинистой, мешковатой кожей с синюшными пятнами, и говорит так, словно знает, о чём шла речь прежде:

– Да, доктор, дожди затянулись, но у меня ещё есть еда.

Затем доктор опрокидывается и исчезает. И вновь прошлое, фантасмагорическими образами смешанное с грядущим или вовсе таким, что никогда не происходило и произойти ни при каких обстоятельствах не может.

Однажды виделось, как на сводную сестру его всем телом наваливается отец Тимофей — она сопротивляется, пытается защитить себя, а старик просто опрокидывается на неё сверху, полностью подмяв под себя, обездвижив, и принимается целовать, как безумный, прикасаясь ссохшимися от старости, потрескавшимися губами к её коже, пытается неумелыми, слабыми руками сорвать одежду, да только ничего не выходит. Тогда священник поднимается, берёт непонятно откуда взявшееся, словно припасённое заранее, ведро и обливает жертву водой, с ног до головы. Волосы на голове женщины склеиваются мокрыми прядями, ткань делается прозрачной, липнет к телу, отчего становятся видны очертания груди, ничем не прикрытой под платьем, и широких бёдер. А на лице смиренного старца играет улыбка, похотливая и зловещая...

В другой раз Лигнину почудилось, словно тяжёлый свод над его головой разломился пополам, из образовавшейся щели в помещение начали просачиваться бесы, чёрненькие и омерзительные, с гиеноподобным смехом на устах. Лезли и лезли до тех пор, пока в комнате не осталось места. Кружили над бедным больным, кусали его, топтались по нему уродливыми копытцами, отчего оставались размазанные, обширные синяки, да распевали что-то совершенно непристойное. Андрей Михайлович пытался отмахнуться от непрошеных гостей, но руки не подчинялись ему, двигались медленно и совсем не так, как он им приказывал. Через некоторое время, впрочем, всё прекратилось само собой, да только синяки и кровоподтёки на избитом теле почему-то остались...

Во всё то время, которое обратилось в вечность для Лигнина, в реальности же заняло лишь период дождей вплоть до приезда епископа, доктор приходил несколько раз и заметил, что хозяин протекающего дома стал говорить механически, словно сознание его пребывало далеко от предмета беседы, да и вообще далеко отсюда. Заметил врач и то, что Андрей Михайлович давно уже ничего не ест, потому пообещал принести что-нибудь из своих запасов.

В последний раз, накануне того дня, когда город посетил епископ, доктор взял с собой небольшую сумку, полную хлеба, и также отправился к своему подопечному. Отворил дверь, которая за всю ту неделю ни разу не запиралась, произнёс с порога, в надежде, что молодой человек оживится:

– Я принёс еды, – но, видя, в каком безучастном состоянии Лигнин, и понимая, что поделать с этим ничего нельзя, только это он и сумел произнести. Остальное не имело бы ровно никакого смысла. Старый врач вздохнул тяжело и вышел прочь.

Вскоре у Лигнина начались судороги, и доктор смог диагностировать злосчастную лихорадку. Судороги были большей частью простые, происходили преимущественно с руками и выражались беспорядочными, ломаными движениями перед собой, потому не мешали передвигаться. Примерно тогда Андрей Михайлович начал бесцельно бродить по округе, как тень, ничего не сознавая и едва ли соображая, что вообще покидает свой тесный, насквозь промокший дом.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Пляска мёртвой женщины

Впрочем, в иные дни Лигнин приходил в сознание и по крайней мере первые несколько часов после пробуждения вполне мог отличить реальное от вымышленного. Восприятие его исправлялось не совершенно, предметы и всё вообще окружающее представлялось каким-то нечётким, вздрагивающим, с рябью да прорехами. Однако же он сносно ориентировался в мире оболочек, не заботясь об их отвратительной изнанке, так что событие виделось ему хотя непрочным, сомнительным, но всего лишь событием, то есть случайным переплетением ничтожных обстоятельств, каждое из которых родилось само по себе, а вовсе не неизбежным, заранее оговорённым звеном в тесной сетке существования, бегущего посредством всех этих звеньев к строго определённому разрушению и завершению, к исконному хаосу. Да и человек виделся только телом, наполненным мыслями, словами, а не скопищем гниющих внутренностей и разноликих бесноватых сущностей, промеж внутренностей обитающих.

Третьего июля, например, в понедельник, Лигнин проснулся на своей койке, в одежде, насквозь пропахшей потом и застоявшейся сыростью, и обнаружил себя в стенах своего невзрачного жилища, а не в каменной темнице. Он встал на ноги, угодил прямиком в лужу — несмотря на то, что дождь давно прекратился, вода, проникавшая в дом через непрочную крышу, скопилась на полу первого этажа. Вода достигала щиколоток да никак не желала сходить. Андрей Михайлович опустился на колени, промочив при этом штаны, умыл лицо, почему-то воспользовавшись грязной жидкостью с пола, впитавшей в себя запах гниющего дерева, облизал губы (язык чуть обожгло приторно-тухлым, поднялись спазмы, от туго сжавшегося желудка к горлу, но быстро прекратилось) и вышел из дома. Всю дорогу его сопровождал мерзкий дух разложения, сохранившийся на лице, а руки невозможно тряслись, доведённые судорогами до полного изнеможения — их он спрятал в карманы. В предыдущие дни, когда Андрей Михайлович обитал в царстве бессознательного и совершал свои прогулки, подобно эпилептику в сумеречном помутнении, ровно ничего вокруг не видя, кроме красных да чёрных разводов, рук он никуда не прятал, не заботясь об их самостоятельной жизни, а нелепо размахивал ими прямо перед собой, против воли и без всякого собственного желания. Третьего же числа мышечные спазмы оставили его, давая время передохнуть и восстановить кое-как силы.

Как только Лигнин вышел на улицу, ноги повели его к дому старейшин — повели механически, как нечто чужеродное, не спрашивая дозволения, ибо всё его тело постепенно сбрасывало с себя оковы его же воли, желая двигаться бесконтрольно, не подчиняясь гнетущему сознанию. На сей раз Лигнин нисколько не возражал против выбора своих конечностей — ему вдруг захотелось удостовериться, обитает ли там странная каракатица, раздувшаяся от переполнившей её жидкости, похожей на нефть, и некоторыми частями умершая, или всё — сплошь галлюцинация. Хотелось удостовериться, действительно ли рвёт, действительно ли весь мир трещит по плохо скроенным швам, раздираемый изнутри вдруг взбунтовавшейся мертвечиной, обороткой, или же ничего вовсе не рвёт и потому слушать нечего и некого, и вопрос, вгрызающийся внутрь подобно paraponera clavata , буравящий все ткани на своём витиеватом пути через ломаный слуховой канал (ты слышишь? Ты должен, потому что мы слышим) — этот вопрос есть лишь неуместное, сумрачное обращение себя к себе.

Идти было легко, дороги пересохли, раны на земле, взрытые дождём, срослись, лужи повсеместно испарились. Только на полях, вплотную укрытых мёртвыми колосьями хлеба, ряской и примитивными водорослями, расплодившимися за ливневый период, остались обширные заболоченные участки, но поля располагались по окраинам, не соприкасаясь ни с переулками, ни с дорогами, так что до них, непригодных, никому теперь не было дела. Деревянный настил, покрывавший некогда многие улицы в городе и напрочь разбитый, а затем размытый наводнением, обратился сухой коростой, пристывшей к утрамбованной почве. Деревья стояли сплошь изувеченные, поломанные пополам либо почти опрокинутые наземь; трава по краям улиц, сначала сожжённая неистовым светилом, затем вымоченная дождевыми потоками, присохла чёрно-рыжими лохмотьями — лохмотья источали вонь сырых окурков и внешне напоминали свалявшуюся шерсть. В небе сияло солнце, как прежде, настырно и неприятно. Небо совершенно исцелилось, излив всю свою болезнь в землю, а земля терпеливо проглотила всё без остатка, захлёбываясь, и в недрах её ныне игралось празднество болотной жижи да слепых насекомых. Но снаружи земля стояла лишь едва увлажнённая, скрывая всю свою омерзительную кухню гниения и кропотливой работы по перевариванию пищи, вновь готовая всякую смерть превращать во вполне сносные, сочные плоды.

Примерно через полчаса Лигнин добрался до здания, где некогда заседали старейшины, но на его месте обнаружил развалины, сложенные неправильно, уродливо. Вокруг царило запустение и безлюдье, и не у кого было разузнать, что произошло.

Крыша дома ввалилась внутрь, как нос древнего мертвеца, потянула за собой стены, и те стояли накренённые, вогнутые, будто хотели безглазым своим верхом рассмотреть пространство, некогда являвшееся комнатами, переходами. Андрей Михайлович обошёл руины кругом и увидел, что вход остался почти целым, только косяки съехались, вытолкнули дверь наружу, да крыльцо распалось надвое, отчего напоминало раззявленную, беззубую пасть, полную слюны — это осталась неиспарившаяся влага, ибо развалины солнце обходило стороной.

Лигнин помедлил немного и протиснулся внутрь. Обвалившаяся крыша покоилась поверх перекрытия между ярусами, первый этаж, таким образом, практически не подвергся разрушению — только по углам появились бреши, сквозь которые пробивался тусклый, мерцающий свет, косыми линиями. От этого света, впитывая его и отражая, на полу и сводах бывшего коридора серебрились капельки воды, служившие напоминанием о бедствии, некогда здесь приключившемся. Стены гудели, не справляясь с нагрузкой, но, кажется, держались вполне прочно.

Андрей Михайлович двинулся вглубь коридора — так, словно перед ним был не коридор вовсе, а воронка, и его туда затягивало. Скамейки по краям опрокинулись, некоторые были перебиты посредине или лишены ножек. Зеркало на удивление сохранилось. Оно упало со стены и стояло теперь на полу, взрытое трещиной сверху донизу. Кроме трещины, разделившей гладкую поверхность пополам, никаких повреждений больше не имелось.

Лигнин прильнул к отражению, также разделённому надвое — он встал так, чтобы разрыв проходил ровно посередине его лица, рассекая лоб в области продольной морщины между бровей.

Так стоял напротив распоротого зеркала, в прошлом явившего ему странного незнакомца, сделавшегося назойливым преследователем, и не узнавал себя. Что-то стало не так с его лицом. Дело даже не в чрезмерной худобе, случившейся от недоедания, не в отточенности окаменелых губ, похожих на потрескавшийся мрамор, не в излишней выпуклости глазных яблок, воспалённых, покрытых аккуратной сеточкой лопнувших сосудов. Просто в собственных постаревших чертах Лигнин видел нечто чужое, чего никогда раньше вовсе не существовало — какую-то потустороннюю бледность, хотя он и всегда вообще был бледен, да противоестественное сияние, пробивающееся сквозь вывернутые поры в коже. Тут лицо его стало меняться, белеть, Андрей Михайлович вцепился в него ногтями, желая содрать возникшую маску, но только нанёс себе кровоточащие раны на щёки и подбородок, ибо никакой маски не было, а была его собственная мягкая, податливая до прикосновений ткань, изменившаяся до неузнаваемости — белая с зияющими отверстиями зрачков, полными пепла и тьмы, но тьмы нездешней, плотной, обладающей твёрдостью. В глазах его неистово метался нечистый дух, желая разорвать увлажнённую поверхность, вырваться наружу с кусками рыхлой материи и подчинить себе всё вокруг — всё заразить тьмой и погибелью (тьма заразительна до крайности, разве нет?). Лигнин закричал, что было мочи, да в отчаянии бросился прочь, навстречу хлипким, неверным лучам солнца, просачивающимся сквозь съехавшийся дверной проём.

Сознание начало покидать его, но всё ещё цеплялось за бедный, затуманенный мозг — он чувствовал тошнотворные схватки сознания внутри головы. Теперь ему одновременно виделись и всякий предмет, и насмехающийся бес, за этим предметом скрывающийся. Лигнин с ужасом наблюдал, что любая вещь в здешнем мире удерживается посредством такого беса, произрастает из его рта или живота, разрезанного надвое. Потому вещи могут перемещаться и совершать круговорот. Когда-нибудь они могут разом соскочить со своих мест, видоизмениться, пуститься в бешеный пляс, так что кресты с кладбища в один какой-нибудь миг вознесутся в небо, а на месте поломанных деревьев окажутся изувеченные, растерзанные и распятые, заранее мёртвые человеческие тела...

Лигнин долго метался по городу, не зная, куда приткнуться, где спрятаться от страшных видений, пока ноги не привели его к недостроенной фабрике, умело приспособленной для сжигания усопших. Тогда он сел на землю, прислонившись к стене, сжался в комок, принялся плакать и отхаркиваться, желая через глаза и горло изгнать скопившуюся внутри тьму. Не вышло. Тьма душила, обращалась нестерпимой болью. Поедала. Лигнин чувствовал, что нечто кусает его изнутри — схватился за живот и так замер. Потом его прополоскало чёрным, зловонным, и, утерев губы, он уснул.

Сон был сродни пропасти, глубокий, непроглядный, но совсем недолго. Когда же Лигнин очнулся, то увидел странную процессию, двигавшуюся в сторону фабрики. Впереди всех шёл отец Тимофей, сгорбленный, отчего-то уставший, с обречённым выражением и мукой на лице. За ним двое человек тащили носилки, на которых лежало тонкое и продолговатое, накрытое простынёй. Затем следовал доктор да какой-то безвестный бродяга, запелёнутый, подобно брошенному на произвол судьбы младенцу, в грязное тряпьё.

«Не иначе, мёртвую несут», — подумал Лигнин. Хотел спрятаться, дабы не попадаться никому на глаза, но что-то остановило, и он, как заворожённый, двинулся навстречу безмолвной процессии.

Горестные, согбенные люди шли, озарённые наступившим закатом — оттого одежда их и открытая кожа подёрнуты были розоватой дымкой, в складках же и морщинах дымка собиралась густым багрянцем. Лигнин подождал, пока колонна минует его, и зачем-то присоединился, взяв на себя роль за-

мыкающего. Доктор о чём-то говорил, но Лигнин не слушал — доктор, доброжелательный, убитый горем старичок, превозносящий разум, всегда что-то говорит, сухо и тихо.

Андрей Михайлович нагнал носильщиков.

В этот момент носилки накренились, простыня спала, обнажив тело рыжеволосой женщины. Черты лица её, хотя были красивы, в известной степени правильны, истончились, исказились, выдавая длительное страдание.

Одна рука её лежала на животе, что-то как будто стыдливо прикрывая, хотя истощённые чресла при этом оставались совершенно голыми, выдаваясь из плотной костяной материи; вторая безжизненно свисала с носилок. Рука эта, до боли тоненькая, как промёрзшая на ветру ветка, лишённая листвы, покачивалась в такт ходьбе, безвольно подчиняясь ритму, задаваемому несущими. Тело было хрупенькое и костлявое, сквозь кожу просвечивали спичечные ребра.

Лигнин подошел ближе, стараясь идти вровень с носилками — это ему вполне удалось, ибо никто никуда не спешил. Он глядел в лицо женщины, скользил пытливым взором по выточенным, резко обозначенным чертам, по опущенным векам, почти прозрачным, как крылья бабочки, и никак не мог понять, жива ли его обладательница. Тут женщина распахнула тряпичные веки, уставилась на Лигнина, прожигая его насквозь чёрным и смолистым, затем вскочила на ноги — никто её не удерживал.

Одежды на ней совершенно никакой не имелось. Впрочем, от недоедания и, вероятно, лихорадки тело её потеряло всяческую привлекательность, напоминало жёрдочку, обтянутую выцветшей кожей — даже грудь почти исчезла, выступая лишь едва заметной округлостью да красными, будто вырезанными, сосками.

Рыжеволосая постояла немного на месте, озираясь, и пустилась в пляс, негромко напевая что-то вроде «молодую вдову обнимать, целовать», но — странное дело — никто из участников процессии за исключением Андрея Михайловича, в её сторону не глядел, никто не остановился — только накрыли пустые носилки простыней да пошли дальше, ни о чём не заботясь.

А женщина кружилась, вздымала руки к небу, запрокидывала голову. Кружилась так быстро, так непринуждённо, словно наконец осознала всю легкость, необязательность и потому прелесть существования. Глаза её при этом светились счастьем, а в то же время неуёмный, стальной блеск, цветущий в глубине иссиня-чёрных зрачков, выдавал болезнь. И веселилась-то женщина как-то истерично, надрывно, будто ей и невмоготу было, и непременно требовалось веселиться.

Процессия, доставившая плясунью, неторопливо и неизвестно зачем продолжала свой путь. Шли к фабрике.

Женщина танцевала совсем недолго. Ноги её сами собой подкосились, она рухнула и, бесстыдно хохоча, откинувшись всем своим нагим телом назад, принялась впиваться длинными, обломанными ногтями в землю, раздирая её липкую поверхность, как кожицу гнилого яблока, и оставляя неглубокие рытвины-язвочки. Затем она поднялась, всё ещё заливаясь жутким смехом, бросилась к Лигнину, обняла его в беспамятстве, прошептала в самое ухо, касаясь губами:

– Милый, милый! Так хочется танцевать... о, как же мне хочется танцевать!

Тут Лигнин понял, что, хотя рыжеволосая дотрагивается до него руками и губами, этих прикосновений он не чувствует — так же, как не чувствует никогда прикосновений покойной сестры, замученной лихорадкой. В ужасе, от которого всегда застывает кровь внутри, прекращая свой живительный бег, он отпрянул от настырной плясуньи, зажмурился, а когда вновь открыл глаза — никакой женщины рядом с ним больше не было, только на носилках, влекомых печальной процессией к жерлу проголодавшейся фабрики, горбилась простыня, скрывая всё то же продолговатое и тонкое.

Лигнин побежал, как безумный, не видя ничего на своём пути.

Ближе к ночи он оказался на берегу реки. Побродил немного по краю и спрятался чуть поодаль в кустарнике, завидев какого-то человека в тёмной, длиннополой одежде. Человек распоясался и длительное время совершал нелепые манипуляции с камнем, неумело ворочая его да пытаясь зачем-то прикрепить к освободившемуся поясу, затем решительно отбросил камень и направился в сторону Андрея Михайловича. Тот уже впал в беспамятство, надрывно ощущая, как что-то внутри него крошится, ломается, распадается на куски, с неизбежным выделением крови и пота, а кровь и пот стекают в полости организма, наполняя тяжестью. Лигнин поднял голову, увидел перед собой древнего старца (в морщинах залегла ночная мгла, в бесцветных глазах — тусклое, неприятное мерцание) и, решив, что это явился наконец долгожданный демон смерти, избавитель от страданий и боли, встречи с которым одновременно и жаждал, и боялся, спросил:

– Это ты? ТЫ?

– Я, – камнем вывалилось из уст старца вместе с темнотой и дымом. – Я.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Пещера

1.

На следующий день отец Тимофей разыскал чудотворца недалеко от заброшенного дома, что посреди кладбища. Юноша зачем-то копался в земле, выгребая её ладонями из глубины и складывая тут же небольшим валиком.

– Что вы делаете? – поинтересовался священник, мало, впрочем, об этом заботясь.

– К чему вам, отец Тимофей? Разве вы пришли

узнать, чем я занят? Если угодно, мне необходимо понять, как мёртвое делается вдруг живым. Так чего вы хотите?

– Вчера вы говорили мне о том, что существует только два пути. Ни по тому, ни по другому я пойти не смогу. Но ведь есть третий путь, и путь этот — спасение.

– Кого же вы вознамерились спасти, ибо ясно, что не себя самого — для вас это было бы слишком, верно? Но неужели вы полагаете, что, спасая кого-то, тем самым исправляете прежние преступления? Полно, отец Тимофей, ведь, помогая кому-то другому, той вы уже не поможете, и значит, никого не исцелите и себя не исцелите.

Священник в ответ ничего не сказал, будто не слышал. Помялся немного да продолжил:

– Вчера же вы говорили, что не можете избавить от лихорадки. Так ли это?

– Я также говорил, что ищу способ. Теперь я нашёл его.

– Вы можете изгнать бесов? – с надеждой спросил старик, весь подавшись вперёд от нетерпения.

– Да, – сказал чудотворец, продолжая выгребать землю. – Могу.

2.
Снаружи

Процедура изгнания бесов из тела несчастного Лигнина была назначена на раннее утро тринадцатого июля, утро после великого праздника, сильной грозы и пожара, произошедшего в селении за рекой. Сгорел дом тамошнего старейшины, так что только пепелище осталось. Сам старейшина ещё до большого огня отчего-то умер, и хотя многие полагали, будто он сгорел заживо, в действительности смерть его оказалась значительно более лёгкой, то есть без особенных мучений. Зарево в тот вечер окропило небосвод кроваво-красным, мутным, даже несмотря на дождь — все местные видели в этом некое предзнаменование, но чего именно, никто не знал. Поговаривали, будто после пожара жители деревни устроили пляски прямо на пепелище да осквернили тело умершего — о, они очень не любили своего старейшину, потому, вероятно, даже ради приличия не сумели сдержать радости. Кроме того, совсем недавно, в ночь с одиннадцатого на двенадцатое число, при странных обстоятельствах скончался епископ Теофил — ходили слухи, будто его повесили где-то на заборе. Однако официально об этом неприятном факте до сих пор не сообщалось, дабы не пугать общественность, то есть траура никакого объявлено не было, а значит, мрачной церемонии, выдуманной чудотворцем, ничто не мешало.

Лигнин к тому времени лежал в своей койке каменной глыбой, ибо всего его сковала одна непрекращающаяся судорога, от напряжённой шеи до окоченевших без движения ног. Только мимические мышцы сохранили подвижность, так что Андрею Михайловичу, хотя с трудом, удавалось выражать чувства и изредка даже говорить, но с хрипом, невнятно. В сознание он почти не приходил да постоянно бредил — то черти почудятся, то пламя, то ещё что-нибудь несусветное.

В доме больного с ночи собралось довольно много народу, помещение было плотно набито, не продохнуть — всем непременно хотелось поглядеть на занимательное зрелище, иные же видели в предстоящем событии надежду на собственное исцеление и пришли, мучимые нервной дрожью. У таких даже голос дрожал.

Раньше всех явился отец Тимофей. Сгорбленная фигура старика, напоминающая металлическую скобу, туго обтянутую рясой, выражала крайнюю степень напряжения — оттого слова его и жесты отличались в то утро скупостью. При этом на лице священника блуждала вымученная, растерянная улыбка, резко очерчивающая глубокие, неприятные на вид морщины вокруг изогнутого рта, во взгляде же замечалось воодушевление, почти патологическое, навроде безумия или религиозного экстаза. Втайне Тимофей лелеял мысль о грядущем искуплении, потому был счастлив да несколько не в своём уме.

Затем подошёл доктор, потухший, чем-то глубоко опечаленный, пришаркивая обеими слабыми ногами. Доктор встал в уголочке, желая остаться по возможности незамеченным, и так простоял всё утро, тревожно наблюдая за происходящим — немудрено, ведь никакого искупления для себя он не ждал, зато заимел мрачную привычку готовиться к самому худшему, чтобы ничто уже не могло разорвать его нутро нестерпимой душевной болью. Маленькая девочка с бледно-зеленоватой кожей, отходя, высосала из него последние жизненные соки и всё в нём убила.

Позже пришли несколько человек местных, здоровых и лихорадочных, кто мог ходить (эти были жалко сложены в богомольные позы, готовые во всякий момент рухнуть на колени да смиренно сложить ручки, неуместной лодочкой прикрывая безвольные подбородки), и двое жителей из другого поселения: дочь одного сумасшедшего, обитавшего в деревне за рекой, именем Катерина Петровна, да с ней какой-то зеленоглазый нищий, сбежавший из той же деревни и ошивавшийся накануне у церкви отца Павла. По слухам, нищий умудрился вскружить голову этой девушке, отличавшейся необыкновенной красотой — вместе они скрылись от её родителя, направлялись теперь в Город в поисках приюта, решив по дороге заглянуть сюда и насладиться обещанным зрелищем воскрешения, ибо больной хотя дышал, но был наверняка обречён, иными словами — всё равно что умер. Кое-кто в пришедшей женщине узнал ту самую бесстыдницу, что обнажилась на помосте перед толпой зрителей да отдалась чудотворцу, не заботясь о соглядатаях — эти прежние очевидцы предпочли отвернуться либо прошептать в её адрес неприличные слова. Однако же именно такие прежние очевидцы, бывшие в комнате, отвернувшись на миг да с нескрываемым удовольствием прошептав непристойности, поворачивали затем головы назад и разглядывали женщину нагло, настырно, похотливо, будто пытались раздеть глазами. Оттого

сложилась обстановка, не вполне соответствующая предстоящему действу.

Катенька зачем-то подошла к застывшему Лигнину, наклонилась над ним, прошептала что-то ласково, погладила по взмокшим волосам, из жалости. Больной дёрнулся от её прикосновения, хотел отпрянуть, отклонить, но, будучи закованным в собственном теле, как в нюрнбергской деве , не смог и только прошипел по-змеиному, едва слышно:

– Прочь, ведьма...

Что-то ему почудилось, видно. Катенька испугалась и отошла от койки, прильнув к своему зеленоглазому спутнику.

Около восьми часов, уже после рассвета, разлившегося незаметно и тускло, пришёл наконец чудотворец. Расплескал по стенам маслянистую жидкость, хранившуюся в бочке в заброшенном доме — остались разводы на деревянной поверхности, не желающие впитываться или испаряться. Подошёл к Лигнину, стал водить руками над его телом, от головы, мечущейся по подушке как будто совершенно самостоятельно, к ногам и обратно. При этом из-под одежды юноши начало пробиваться едва заметное сияние, навроде лунных бликов на воде. Оттого лица и перегородки приобрели серебристый оттенок, усилив атмосферу таинства.

Зрители в немом исступлении двинулись за чудотворцем, облепили кругом ложе умирающего. Застыли, подобно статуям, уставились на происходящее, пожирая голодными, настежь распахнутыми, немигающими глазами каждую чёрточку, каждое движение.

Не прекращая разводить ладонями воздух (отравленный, затхлый воздух, скопившийся над ложем зловонной тучей), чудотворец разомкнул губы, ярко выделяющиеся на бледном лице, и приказал прикованному:

– Говори. Расскажи нам о тьме, что разрушает твоё тело.

– Расскажи нам, – вторила податливая толпа.

– Они говорят: единость, – выдавил Лигнин из сдавленного горла вместе с кусочками мокроты; начал задыхаться, но через силу продолжил. – Говорят: множество. Говорят: ты, ты сам!

– Расскажи нам, – не унимались зрители. – Расскажи ещё...

Андрей Михайлович обвёл блуждающим взором комнату, не видя и не различая, ни на чём не задерживаясь, застонал (стон был такой, словно зарождался где-то в желудке — глубокий, утробный), затем начал выгибаться всем телом в дугу, как тоненькая, до предела раскалённая пламенем проволочка, заваливаться набок.

– Держите его, – бросил чудотворец в толпу, сосредоточившись на плавных движениях своих рук. - Держите.

Несколько заботливых, костлявых клешней пригвоздило Лигнина к кровати, не позволяя содрогаться. Больной корчился, кряхтел, исходил густой пеной да покрывался липкой, кислой испариной.

Катенька, вместе с остальными прильнувшая к койке, зажала от ужаса рот, вцепившись пальцами в полные губы, воскликнула, словно как бы в нетерпении:

– Ему больно? Больно? – и, не в силах дольше смотреть на мучения лихорадочного, отвернулась, чтобы поплакать.

– Больно, – безучастно ответил колдующий над обречённым юноша. Потом принялся монотонно что-то нашёптывать — никто не мог разобрать, что именно. Шёпот его нарастал, обращался невозможным гулом, так что стены тряслись и весь дом от самого основания шатался, будто от натиска страшного урагана.

Из собравшихся только старенький доктор остался в отдалении от общего пиршества. Стоял поодаль, как бы спрятавшись в своём углу, да внимательно наблюдал за происходящим. «Что-то не так, – думал доктор, – что-то не так с их лицами!» И действительно, люди, бывшие в помещении, как будто натянули скорбные маски, скрывающие истинные чувства. Приглядевшись же чуть внимательнее, можно было заметить всю отвратность картины. Иные из заворожённых, якобы вовлечённые в процесс исцеления, сопереживающие отчаянно мечущемуся на койке Лигнину, на самом деле бросали скользкие, приторно-возбуждённые взгляды на Катерину Петровну, а в мыслях их, надо полагать, разворачивались сцены самого нижайшего, самого одурманивающего разврата. Иные озлобленно и хищно скалились — эти, вероятно, сами носили в себе лихорадку, ибо один только тонкий оскал и отличает поначалу лихорадочных от всех прочих. В отчаянии доктор поглядел на Тимофея — тот тоже в маске, только веки тяжёлые, вздувшиеся, да выцветшие глазки от нестерпимого стыда бегают в разные стороны. А иные дрожат всем телом от возбуждения, втайне получая удовольствие от вида страданий другого человека, удовлетворяя свои тёмные, скрытые фантазии столь изысканным способом подглядывания. Да и вообще всё в комнате было какое-то воспалённое, болезненное, потливое и сырое, так что даже рядом находиться тошно.

Между тем чудотворец положил обе руки на грудь больного, крепко вдавил пальцы промеж рёбер, словно собирался выдернуть что-то изнутри, разрывая кожные покровы да раздвигая кости. Наклонился к Лигнину совсем близко, вглядываясь в закатившиеся зрачки, чересчур выпуклые, нажал на грудную клетку немного сильнее. Рот больного судорожно раскрылся, будто в попытке схватить недоступный воздух, дабы продолжать бесполезное дыхание, и из этого рта обильно хлынула чёрная маслянистая жидкость, похожая на нефть. Жидкость источала едкий запах органического разложения.

Лигнин лежал, наглухо вбитый в койку, кашлял, захлёбывался и извергал чёрное, а чудотворец возвышался над ним, всунув руки в его грудную клетку почти по локоть, и излучал яркое серебристое сияние. Сияние вскоре заполнило комнату целиком, ослепляя и раздражая чувствительный хрусталик, так

что люди начали в панике метаться от стены к стене, не видя и не понимая, что творится вокруг.

Когда свет рассеялся, чудотворца нигде не было. Лигнин же крепко спал — дыхание его сделалось ровным и спокойным, готовым к новой жизни.

Через некоторое время он проснулся от нестерпимого голода. Тут только обнаружилось, что, несмотря на выздоровление, Андрей Михайлович сделался совершенно слеп — так, словно ему вырезали глаза.

3.
Внутри

Лигнин лежал на неровной каменной поверхности. В спину ему острыми спицами впивались холод и сырость, и осколки раскрошившейся породы, упавшие сверху. Глухие, неприступные стены пещеры окружали его, а где-то высоко, желая раздавить сознание, тяжёлой плитой покоился сводчатый потолок, покрытый стекающими вниз сталактитами в виде зубов, гребёнок, изломанных соломинок, да тонкой корочкой льда, напоминающей вымороженную паутину.

Собственное тело для Лигнина также превратилось в своеобразную пещеру или, вернее, тесную пыточную камеру — двигаться он почти не мог, не мог влиять на внешнее. Единственной связью с миром для него были глаза и голос, но он не открывал глаз и молчал, опасаясь происходящего вокруг.

Стоит только распахнуть тяжёлые веки, позволить настырному взгляду прорезать их, оглядеться, впитать окружающее – оно резво вгрызётся в сердцевину глаза. Да неужели это происходит?

Раздвинь слипшиеся веки, роясь в них пальцами — сравни то, что расположено снаружи, с внутренним, своим, неприкаянным. Сравни при честном дневном свете. Рвёт. Ты слышишь? Ты должен, потому что мы слышим...

Андрей Михайлович ощущает скрежет и противное хихиканье где-то совсем рядом, над головой. Не в силах более терпеть, поднимает кожаные ставни, препятствующие зрению, и видит, как один за другим пространство внутри пещеры занимают бесы, большие и не слишком. Большие, очертаниями похожие на людей, протискиваются через довольно узкую щель, служащую входом, со смазанной улыбкой, скривившей уста. Те, что поменьше, просачиваются сквозь верх, словно плотная горная порода для них сродни воздуху — в виде назойливых чертей или бесформенных сгустков мрака.

Лигнин поворачивает голову, ибо шея до сих пор подчиняется ему, несмотря на затрудняющую дыхание судорогу, перехватившую горло пульсирующим кольцом, и, не отрываясь, глядит в сторону входа. Вся омерзительная процессия чередой бессвязных картинок отражается на влажной поверхности воспаленных глазных яблок, перепачканных гноем.

Вот появляется старец с чёрным, как смоль, шерстистым лицом, изжёванным оспой да нестерпимой похотью. На коже его видны следы тления, щёки и нос ввалились, будто от сифилиса, оголённая грудная клетка, тоже сплошь покрытая густой бурой шерстью, растерзана, на ней отчётливо замечаются следы женских ногтей и зубов. Беззубый рот, полный каких-то обломков, сложен в сладенькую улыбочку вожделения. На нём нет штанов, потому он самодовольно вносит вперёд себя свой чудовищных размеров фаллос, совершенно уродливый, напоминающий изъеденный ржавчиной металлический стержень. Старый приап встаёт поодаль, начинает рыскать змеиными глазами по сторонам — не иначе, в поисках жертвы.

Затем входят бесконечной чередой какие-то скорбные, согбенные фигуры, все до единого серенькие, невзрачные, липкие, рыдающие, полные непростительного и, что хуже всего, притворного уныния да неуёмной пошлости. Эти своими чавкающими рыданиями насмехаются над чужими мучениями. Челюсти многих сведены голодным оскалом, губы приоткрыты, и сквозь эти губы, выгнутые, как женская спина во время совокупления a gatas , течёт белой пеной слюна — от голода, от возбуждения, от нетерпеливости.

Влезают также бледные, мёртвые тени, тонкие, болезненные, с истерическими движениями и голыми глазными яблоками без век. Влезают импы, простоволосые ведьмы, голые ореады , козлоногие существа и прочее и прочее, пока каменные стены не начинают ломиться от тесноты.

Наконец, когда вся пещера доверху забита нечистью, в боковую щель входит совершенно нагая полногрудая особа необыкновенной красоты, за ней — длинный, как жердь, бес в облике неправильно сложенного юноши с хищными, заострёнными чертами.

Обнажённая ламия властно оглядела нечистое сборище, затем откинула назад распущенные тяжёлые волосы, пышными прядями, напоказ выставляя свои груди и шею, и все мелкие твари, проникшие сюда сверху в виде чертей или облачков, облепили тело красавицы, как падальные мухи облепляют кусок сырой волокнистой ткани — присосались к полным ногам, к животу и в области ключиц, почти скрытых под слоем нежной, бархатистой плоти. От этого на теле женщины оставались царапины, кровоподтёки, но она только смеялась, получая удовольствие от того, что её готовы съесть от желания, да вполне смирившись с неизбежной при этом мягковатой, рыхлой болью. Всё темное, порочное, заполнившее каменную темницу, ликовало вместе с ней...

Затем женщина подошла к Лигнину, прикоснулась к его волосам, неровным венчиком прилипшим к голове, провела рукой вдоль лба, по щеке, по тонким губам.

Прочь, ведьма...

Ламия захохотала, скользнула пальцами по неподвижному туловищу больного, едва дотрагиваясь, так что у того пробежал дразнящий холодок, да отошла в сторону.

Через некоторое время появился кто-то ещё, но кто именно и как он выглядит, Лигнин не мог разглядеть — пришедший был как будто соткан из призрачной, нездешней материи, один силуэт только. Толпа расступилась перед ним, уступая дорогу. Тот окропил стены пещеры чернотой и направился к Андрею Михайловичу.

Говори! Расскажи нам о тьме, что разрушает твоё тело!

Они говорят — единость. Говорят — множество. Говорят — ты, ты сам!

Тут только Лигнин вспомнил свой давний сон, привидевшийся ему накануне начала наводнения, и понял, что сам теперь на месте той лихорадочной, оракула, что корчилась в плотном кольце зрителей, и ему, так же, как ей прежде, кричат: Расскажи нам! Расскажи ещё...

Кричат бесы, захватившие грот.

На безумца напал страх, так что он изо всех сил пытался привести в движение собственные омертвелые конечности, дабы сбежать, сбежать, пока есть возможность. Но такие попытки привели лишь к новым судорогам, сжимающим мышцы наподобие крепких тисков. Нет, он не боялся умереть: времени в пещере не существует, а где нет времени — нет никакой смерти, и всё шатко балансирует на грани полубытия. Однако Лигнин почувствовал, как нечто внутри него бьётся от радости, наблюдая за творящимися мерзостями, стремится вырваться наружу и присоединиться к бесовскому ликованию. Какая-то часть предала его. Он вдруг отчётливо осознал смысл этих загадочных восклицаний в голове (ты, ты сам!) – оттого родился страх.

Держите его! Держите!

Нечисть завопила хором, холодными лапищами пригвоздила беглеца к каменному полу, осколки впились в спину глубже, прорезав в некоторых местах живую ткань.

Ему больно? Больно?!

Так стонала богиня разврата, отвергнутая Лигниным, отплясывая вокруг койки. Вся её великолепная, гладкая плоть в бархатистых покровах кожи медленно, плавно содрогалась от движения. О, ей непременно хотелось, чтобы лихорадочный мучился от боли, она даже впилась ноготками в свои полные красные губы от нетерпения.

Призрачный демон, колдовавший руками над Лигниным, подтвердил её надежды, затем наклонился к обездвиженной жертве совсем близко, и Андрей Михайлович увидел над собой белое лицо, нелепо вырванное из окружающего сумрака, и в нём — два прорезанных отверстия, сквозь которые на мир изливалась непроглядная ночь, а в этой ночи крошечные человеческие фигурки, сплетённые из огня, совершали незатейливый сияющий танец. Приглядевшись, Лигнин с ужасом обнаружил, что фигурки эти вовсе не из огня, а из плоти и крови, и пляшут потому, что горят...

Твой худший враг находится близко. Так близко, что и представить нельзя... [26]

Мы — одно. И ты слышишь, потому что мы слышим, и видишь, потому что мы видим.

Revertatur cinis ad fontem aquarum viventium, et fiat terra fructificans, et germinit arborem vita...

Сказав так, белолицый преследователь начал вдруг распадаться на мельчайшие частицы праха и пепла, и каждая через нос, через саднящее горло проникала внутрь Лигнина, оседая где-то в животе и утоляя боль.

Сохранившейся рукой демон влез настигнутой жертве под левое веко, прикоснулся к влажной поверхности глаза и острым, крючковатым ногтем произвел разрез поперек зрачка, непомерно широкого, потом то же самое проделал с правым глазом. Ослепив Лигнина, он обратился струйкой серого дыма, впился в ноздри, пролез в сжатые лёгкие, заставив их снова дышать в полную силу, и там успокоился.

ЭПИЛОГ

С первым снегом, в начале ноября, умер доктор. Похоронили его рядом с увядшей во время лихорадки маленькой девочкой, согласно воле, изъявленной через завещание. Правда, места там совершенно не было, и гроб с запечатанным в нём сухоньким телом пришлось положить в землю боком. Могильщики из прежних похоронных бригад, в августе упразднённых, долгое время не могли решить, насколько приемлемо оставлять усопшего на вечный покой в столь неудобном положении, но в итоге сошлись на том, что воля старика непременно должна быть исполнена.

После исцеления Лигнина случаи заболевания лихорадкой больше не повторялись. Из тех же, кто на момент процедуры изгнания бесов был заражён, многие выздоровели, кроме совсем тяжёлых, то есть таких, которые не могли двигаться. Тяжёлые, как называл их покойный доктор, стали последними жертвами печи в недостроенной фабрике. В конце лета сжигать тела перестали, и зловонный дым больше не стелился над городом.

В поселении кое-как восстановилась торговля, да и скудное снабжение из столицы тоже, потому предстоящий голод вполне можно было пережить без особенных потерь или неудобств. Кое-кто поговаривал, будто власти обещают восстановить добычу угля, потребность в котором растёт с каждым годом — впрочем, одни только слухи...

Ослепший Лигнин, приноровившись малость к трудностям своего нового положения, куда-то уехал, как всегда, никому ничего не сообщив — на сей раз и сообщать-то некому было. Уезжал Андрей Михайлович со спокойным сердцем — ему казалось, что теперь, когда его лишили зрения, он научится наконец не видеть, но чувствовать. Дальнейшая его судьба никому неизвестна.

Отец Тимофей так и обитал в замурованной келье да почти никуда не выходил — радость и воодушевление, случившиеся с ним после исцеления Лигнина, затем незаметно, по капле исчезли, так что ничего в душе не осталось, кроме прежнего сожаления,

раздирающих изнутри противоречий и ещё вины, которая камнем покоилась где-то в области солнечного сплетения — она скреблась порою, причиняя такую боль, что невозможно стерпеть. Местные говорили, по утрам священник до сих пор гоняется за бесами, но, опять же, им не стоит доверять — местные падки на присказки, небылицы, сплетни.

В декабре, второго или третьего числа, Тимофея посетил отец Павел. Павел явился под вечер и застал хозяина посреди двора — тот скрюченным столбом стоял на одной из плит, под которыми покоились отцы-основатели. Пришедший остановился с наружной стороны забора, дабы избавиться от неприятной перспективы как-то приветствовать архимандрита (он с некоторых пор начал брезговать престарелым архимандритом и оказался здесь затем только, чтобы выяснить раз навсегда ответы на интересующие вопросы).

– А ты совсем ослеп, – сказал Павел задумчиво, будто это обстоятельство могло что-то прояснить.

– Да. Впрочем, я ещё немного вижу, но только при свете дня и одни очертания. Цвета давно перестал различать, – священник говорил с хрипотцой, тихо, немощно, и глядел белыми немигающими глазами куда-то вдаль, ничего совершенно там не наблюдая — зрачки его были плотно обтянуты матовой пленкой.

– Ясно. Что же, и бесов больше не видишь?

Тимофей грустно усмехнулся:

– Чем же я их увижу теперь?

– А ты в себя гляди повнимательней, в самое нутро — авось, кто и появится.

– Зачем ты пришёл? Мучить меня своими насмешками? Так я без того высох весь изнутри от боли. Помнишь, ты говорил мне, что необходимо оправдать всякую человеческую жизнь, помнишь? – Тимофей сделал паузу, провёл рукой по морщинистому лбу, желая снять напряжение и избавиться от постоянного стука в висках. – Я не смею оправдать свою жизнь, значит, нет никакого прощения. Что бы я ни делал, той помочь всё равно нельзя, а ведь меня одно только это и волнует. Время убивает меня вдвойне, ибо мало того, что я становлюсь старым, но ещё и событие, которое я хотел бы исправить, период, куда хотел бы вернуться, всё дальше от меня, всё призрачней. А сам ты, что же, оправдал?

– Нет.

– Тогда зачем ты здесь?

– Видишь ли, в июле меня посещал епископ, да упокой Господи его душу. Он был крайне недоброжелательно настроен, словно заранее знал... знал, понимаешь? Уж не ты ли поведал ему о моей маленькой тайне?

– Я, – ответил Тимофей без колебаний, но почему-то обречённо, будто его спросили, подписал ли он себе смертный приговор.

– Иного и предположить нельзя было. По крайней мере смерть архиерея избавила меня от последствий, да только надолго ли? Подумываю с всенародным покаянием выступить, где-нибудь в столице. Как считаешь, простят?

– Не знаю. Я бы не простил.

– Ты себя простить не можешь, куда тебе! Так отчего тебя вина гложет? Не оттого ли, что не существовало никогда никаких рабочих, надругавшихся над Дианой, и ты сам? Дошли до меня слухи (а слухам, знаешь ли, порой верить нужно!), будто ты летом ещё перед бродягами какими-то безвестными колени преклонил да в убийстве покаялся. Правда ли? Может, ты потому тем бродягам и сознался, что нельзя представить ничего более нелепого, ничего более неправдоподобного, чем то, что ты над женщиной надругался да затем жизни лишил — ты, немощный подслеповатый старичок, мучимый видениями да непомерно разросшимся религиозным чувством! Может, ты только разыгрывал из себя безумца? Ведь ты один во всём поселении знал наверняка, что происходит вокруг, разве нет? И мне интересно — так, ради любопытства, – мне интересно, что же ты натворил? Набросился на девку, пока та лежала без сознания, да? Ну же...

– Я... – начал Тимофей, потом вдруг пресёкся. Схватился за сердце, стал дышать прерывисто, неровно, хватая воздух судорожно, как рыба, попавшая из родной среды на берег. Упал на колени, весь сжался в беззащитный, бесформенный комок. – Я прикоснулся к ней.

– И только? – Павел рассмеялся, громко и открыто, напоказ выставляя жёлтые зубы и всю раззявленную глотку.

– Только? А разве недостаточно? Разве недостаточно того, что она из-за этого моего поступка сбежала и потому умерла? Разве недостаточно, что я хотел на неё наброситься, хотел вкусить от её голого тела, прикрытого прозрачной тканью, хотел соития с ней, незаконного, грязного и потому до тошноты приятного? Недостаточно того, что, когда я нашёл затем её мёртвой — горе, стыд, невыносимые муки совести смешались во мне с животным вожделением? А это мерзко, когда горе смешивается с вожделением — от себя мерзко...

– Тогда ты впервые вообразил бесов?

– Раньше. Но я ничего не воображал, они сами явились ко мне, во плоти. Лезли изо всех щелей, смеялись надо мной, кусали, топтались по мне копытцами, пока я спал, устраивали сумасбродные пляски и хороводы и заставляли меня присоединяться к ним! Бесы пришли сами по себе, настоящие. Они всегда приходят к тем, кто их ждёт...

Павел поглядел пристально в лицо собеседника и проговорил, делая короткие паузы между каждым словом:

– Да не было никаких бесов, неужели не ясно? Только ты один и был, отец Тимофей. Только ты...

Сказав так, развернулся и пошёл прочь. Тимофей покинул двор вслед за ним, отправился к реке, уже затянутой плотной ледяной коркой. Солнце исчезло за время их разговора, вокруг царил мрак, и только снег почему-то светился, резал слишком чувствительные глаза острой своей, кристальной чистотой, вызывая слёзы.

Старый священник вышел на берег, где некогда

впервые ощутил непреодолимое желание броситься вниз очертя голову, чтобы бездна впитала его в себя, приняла, как сына, успокоила, помогла забыться и даже вовсе ни в каком обличье не существовать, ни в этом, ни в загробном мире. Именно, никогда не существовать... как сладко звучит...

«Только бы небытие, – подумал Тимофей, – только бы ничего там не было». Подчиняясь усталости (подобная усталость накапливается в течение жизни, пока всё тело не превращается однажды в выжатое тряпьё, пока вся душа не станет таким же выжатым, бесполезным тряпьём), старик лёг на спину, прямо в снег, и уставился в тяжёлое ночное небо. Чувствовал холод и мягкость, как будто его наконец приняла в свои тесные объятия не то могила, не то постель. Того Тимофею и требовалось — постели да могилы. Так он пролежал до самого утра, пока не замёрз насмерть.

Обнаружившие его жители решили впоследствии, что у священника на прогулке стало плохо с сердцем, он упал да помер, никого не обременяя, а уж после только замёрз.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ...неопределённые, ничтожные сущности, страданием, бессилием сотворённые — Ф. Ницше, «Так говорил Заратустра»; в оригинале: «Страданием и бессилием созданы все потусторонние миры».

[2] Церковь... устройством нефная – нефный храм на виде сверху представляет из себя прямоугольник с выдвинутым на восток закруглённым выступом, где располагается алтарь. Ныне храмы подобной формы встречаются редко.

[3] ...никаких признаков одержимости, указанных у Левия Матфея, за ним замечено не было (разве что потеря зрения, но этого едва ли достаточно) – так, расскажет иной раз о встрече с бесами или древней богиней Дианой, или Бахусом... – Признаки одержимости указаны не только у Матфея, но также и у остальных евангелистов; к таковым признакам относятся: безумство, эпилепсия, немота, скорченность, слепота (Мрк.5:3; Лк.8:27; Мф.9:32 и др.). Диана — богиня женственности и плодородия в римской мифологии, олицетворение луны. Бахус – бог вина и плодородия в римской мифологии.

[4] ...кричала во всю глотку: «Приди, ну приди же, возьми меня!» – цитата, отсылающая с луденским монахиням, одержимым дьяволом. «Её жесты были настолько неприличными, что аудитория отводила взгляд. Она выкрикивала снова и снова, оскверняя себя руками: ‘’Приди, ну приди же, возьми меня!’’« (Роббинс Р. Х. Энциклопедия колдовства и демонологии, 1995 год).

[5] Повернулась набок, начала ударять себя головой по груди и спине, в области лопаток, словно шея была сломана — луденские монахини «ударяли себя по груди и спине головами, как будто у них были сломаны шеи» (там же).

[6] Спросила: «Буду ли я твоей госпожой?», затем, получив, вероятно, никем не услышанный ответ, добавила со странной мечтательностью: «Ах, там звучит музыка, там танцуют, пьют вино, там вечный пир!» – в монастырском приюте в Лилле (Франция) в 1658 году несколько послушниц детского и молодого возраста заявили, что имели плотские сношения с дьяволом. В частности, двухлетняя девочка рассказывала, как «к ней явился возлюбленный на маленькой лошади, взял её за руку и спросил, будет ли она его госпожой. И только она сказала ‘’Да’’, как была поднята в воздух с ним и другими девушками, и все они вместе полетели в большой замок, где играли на инструментах, танцевали, пировали и пили вино» (там же).

[7] Древо узнаётся по плодам – Евангелие от Луки, 6:44; «ибо всякое дерево познаётся по плоду своему...»

[8] Один вопрос более всех интересует меня: что общего у света с тьмой? – Второе послание к Коринфянам, 6:14.

[9] Сегодня день поминовения преподобного Исаакия исповедника, игумена обители Далматской — день памяти 12 июня; преподобный Исаакий исповедник – святой, IV век, совершал монашеский подвиг в пустыне.

[10] Он предполагал оказаться в поселении к началу третьего часа службы – третий час богослужения соответствует 9 часам утра, в это время воспоминается сошествие Святого Духа на апостолов.

[11] Я возомнил себя Давидом, в отчаянии, а порою в безумии своём воспевал псалмы Господу, мысленно или во все горло крича: «Да обратятся нечестивые в ад!» - Псалтирь, 9:18. «Восстань, Господи! – восклицал я в немом исступлении, в забытьи, - да не преобладает человек, да судятся народы пред лицем Твоим!» – Псалтирь, 9:20. «Призри, услышь меня, Господи Боже мой! Просвети очи мои...» – Псалтирь, 12:4. «...доколе будешь скрывать лице Твоё от меня?» – Псалтирь, 12:2.

[12] Скажите мне, отец Тимофей, познав Бога, для чего вам опять возвращаться к немощным и бедным вещественным началам? Для чего порабощать себя ими, ударяться в «пустые мудрствования»? – Послание к Галатам, 4:9; «...познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите ещё снова поработить себя ими?»

[13] Я из тех, кто всегда учатся и никогда не могут дойти до познания истины — Второе послание к Тимофею, 3:7.

[14] Что, если церковь наша и есть те, кто в Судный день приступят к Спасителю со словами: «Господи, не от Твоего ли имени пророчествовали?» и кому Он ответит, как предрекал: «Не знаю вас. Отойдите от меня, делающие беззаконие!» Не делаем ли мы беззакония? — Евангелие от Матфея, 7:22,23; «Многие скажут Мне в тот день: ''Господи! Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем многие чудеса творили?'' И тогда объявлю им: ''Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие''.

[15] ...в любом случае, отец Тимофей, наша неправда открывает правду Божью – Послание к Римлянам, 3:5; «Если же наша неправда открывает правду Божью, то что скажем? Не будет ли Бог несправедлив, когда изъявляет гнев?»

[16] Я обладаю всей полнотой власти над богатым и бедным, над молодым и старым, над мужчиной и женщиной, над сытым и голодным! Знаю все ваши хитрости, и вы должны благодарить за это Господа! – адресует к отрывку письма одного из преследователей ведьм, вознесённого репрессиями на самый верх социальной иерархии; в оригинале: «Я обладаю всей полнотой власти над богатым и бедным, над молодым и старым, над мужчиной и женщиной, мальчиком и девочкой, слугой и служанкой, горожанином и крестьянином, рыцарем и дворянином, врачом и лиценциатом, мастером и бакалавром. Я знаю все их хитрости, и ты должна благодарить Господа за это» (Роббинс Р. Х. Энциклопедия колдовства и демонологии, 1995 год).

[17] Берегитесь же, чтобы не прельстили вас, чтобы не усомнились вы и не стали служить иным богам! – Откровение Петра, 1:2.

[18] ...так разве приближает нас пища к Богу? Нет, братья, пища не приближает нас, ибо, едим ли, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем... – Первое Послание к Коринфянам, 8:8.

[19] ...для Бога ничто не умирает, и ничто не бывает невозможно для Него, и всё принадлежит Ему! – Откровение Петра, 4:4.

[20] ...в последнее время объявилось бесчисленное множество лжепророков, и множество ересей возродилось посредством деяний их – Дидахе, 16:3; «Ибо в последние дни умножатся лжепророки и губители...»

[21] Это те, которые подают милостыню и говорят: «мы праведны» – сами же праведности не имеют – Откровение Петра, 12:3.

[22] Желающие же обогащаться впадают в искушение и во многие безрассудные и вредные похоти, ибо сребролюбие есть корень всех зол, и предавшись ему, люди сами себя подвергают многим скорбям – Первое послание к Тимофею, 6:9,10.

[23] И не будет страданий, не будет скорби, не будет стенаний, злопамятства, слёз, зависти, ненависти к братьям! <...> И тогда наступят светлые времена и станет одно стадо и один Пастырь! – Откровение Иоанна Богослова (апокрифическое), глава XXVII.

[24] Красота из пепла. Красота вместо пепла, елей радостей вместо надрывного плача, а что же, что же вместо унылого духа? К слову, ни о какой красоте у пророка, кажется, не упоминалось, а заявлены были лишь украшения. Украшения вместо пепла – совсем не то — Книга пророка Исайи, 61:3; «возвестить сетующим на Сионе, что им вместо пепла дастся украшение, вместо плача – елей радостей, вместо унылого духа – славная одежда...»

[25] Одиннадцатого июля, в день Троеручицы и накануне Великого праздника славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла... – Троеручица – чудотворная икона Божьей Матери; 11 июля происходит празднование в честь иконы. Великий праздник славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла происходит 12 июля.

[26] Твой худший враг находится близко – К. Г. Юнг, «Борьба с тенью», «Без сомнения, лучше знать, что ваш худший враг находится близко, прямо в вашем сердце».

Евгения КОРДЗАХИЯ

НЕ ПРИДАВАЙ ЗНАЧЕНЬЯ МЕЛОЧАМ

Стихотворения

***

Ты хочешь спать спокойно по ночам?
Не придавай значенья мелочам!..
Не придавай значенья мелочам,
не возвышай до сферы пониманья:
чем меньше обращать на них вниманья,
тем легче будет собственным плечам.
О, мелочи! Зловещ их общий вид!
Не всё ли зло, что носится по свету,
спрессовано из призванных к ответу
мельчайших огорчений и обид?

НОЧЬ

В. М. Физикову

А я пишу: «Мне одиноко...»
Я не могу лукавить, но
луны сияющее око
глядит в открытое окно.
Я не задёргиваю штору,
мне не мешает лунный свет,
а у луны в такую пору
важнее дел, похоже, нет.
Когда не боль, то что иное,
и почему так повелось,
что как-то легче под луною
грустить о том, что не сбылось?..
Да, не сбылось. Но не смертельна
моя «смертельная» тоска,
пока не могут жить отдельно
перо, бумага и рука.
Не слиться, и не отдалиться,
и не прильнуть щекой к лучу.
И я боюсь пошевелиться.
А может, просто не хочу?
А может, я почти забыла,
кому оказываю честь,
и всё грущу о том, что было,
чтоб не грустить о том, что есть;
и всё сержусь, что нет ответа –
молчанье – разве не ответ;
и всё берусь исправить это,
но попадаю в свой же след?..
Портрет судьбы – анфас и в профиль,
и ретушёры не нужны.
Есть белый лист, есть чёрный кофе,
лишь нет желанной тишины:
то мотылёк забьётся в шторе,
то зашуршит залётный жук,
то в осветительном приборе
уловит ухо странный звук,
то скрипнет дверь, то пёс залает
в ответ на скрипнувшую дверь.
Что движет всем – никто не знает,
о чём ни плачь, во что ни верь.
То липнет мрак, как паутина,
то дразнит сказками луна.
А где реальная картина,
в чём заключается она?..
Сквозняк гуляет по квартире,
из крана капает вода.
Нет, одиноко в этом мире
нам не бывает никогда!

КАПКАН

Приходила и уходила,
ничего в душе не будила,
раздевалась, за пять минут
придавала жилью уют.
Не страдавший хандрой и ленью
он привык к её появленью,
в суть визитов не стал вникать –
он умел ко всему привыкать:
к холостяцкой своей берлоге
с пёстрым ковриком на пороге,
к посиделкам с друзьями в дыму –
в месяц раз съезжались к нему,
к лампам, книгам, приборам чайным...
Их знакомство было случайным –
оказались рядом в кино –
и забылось давным-давно.
Он представить даже не мог,
что услышит её звонок...
Что сближает чужие души?
Утром – кофе, вечером – суши,
парк осенний с жёлтой листвой,
небо звёздное над головой,
южный берег в начале лета?
Он не раз пролистал всё это,
и окреп, и не падал ниц
перед щебетом райских птиц.

Для серьёзного человека,
что науке отдал треть века,
жизнь планирую видеть вдаль –
обязательная деталь.
Перебрав не спеша детали,
оценив беспристрастно дали,
быт, возможности и жильё –
он нигде не нашел её.
Но, как следовало герою,
всё ж задумывался порою:
я – один и она – одна,
не испить ли чашу до дна?
А она, перемыв тарелки,
изучив на часах все стрелки,
восклицала: «О, боже мой!
Засиделась, пора домой!»
Не перечил, сгребал в охапку
плащ иль шубку, шляпу иль шапку –
и, как водится на Руси,
вызывал для дамы такси.
Проводив, стоял на пороге,
вытирая о коврик ноги,
ждал, чтоб тяжесть его грехов
унесла аромат духов.
Он уже понимал отлично:
власть его над ней безгранична,
но нельзя же так низко пасть,
чтоб использовать эту власть...
И она понимала тоже,
что не станет ему дороже,
и желаннее, и нужней
ни сейчас, ни на склоне дней.
Нет, она бы не рассердилась,
если б дверь его не открылась –
столько было в жизни потерь!..
Он не мог не открыть ей дверь.

***

Я так жила, а кто-то по-иному,
и тоже жил, и так же, как и я,
шёл день за днем к чему-то основному,
вполне возможно, к тайне бытия.

У всех свой путь, я не могу ручаться,
что каждый шёл с другими наравне,
Ведь был и тот, кто предпочёл промчаться
во весь опор на «розовом коне».

Любимец муз, красавчик белокурый,
смущавший сны прелестных юных дев,
он не хитрил, он всё писал с натуры,
публично душу донага раздев.

Он знал опасность гонки в полной мере,
но не сумел свести её к нулю
и выдохся, и ночью в «Англетере»
напился в дым и затянул петлю.

Достиг ли он желанного предела,
досрочно ль приняла его земля,
а может, от грядущего расстрела
его спасла та самая петля?

Но в тайну дверь открылась без нажима,
за ней погост, кресты и вороньё.
Да так ли уж она непостижима,
ведь смог же кто-то выдумать её?!

И всё сошлось: и мудрость, и отвага,
И знание повадок воронья,
и труд, чтоб отделить враньё «во благо»
от прочего ненужного вранья

и вознести, скрыв в нём посланье к людям,
объятым суматохой дел и дней:
«Цените жизнь! Там – ничего не будет:
ни муз, ни дев, ни «розовых коней».

Лариса МИЛЛЕР

А ЧТО КАСАЕТСЯ МЕНЯ...

Стихотворения

***

Нет мира под оливами,
В большой цене покой.
И сделать нас счастливыми –
Задачи нет такой,
Такого нет задания
У дней и у ночей,
Вообще у мироздания –
Теней его, лучей.
Коль счастья всё же хочется,
То счастьем окрести
Тот лучик, что щекочется
С утра, часов с шести,
Иль утро то дождливое,
Что медленно ползёт.
Пусть говорят: «Счастливая,
Всегда-то ей везёт».

***

А в том, что я всю жизнь пишу, –
Сплошные пропуски и вставки,
Поскольку вносит жизнь поправки,
Которые учесть спешу.
Едва решила попенять
Судьбе, как ранний луч родился,
И куст жасмина нарядился,
И надо снова всё менять.
Но не ропщу и не тужу,
Что нет конца земной мороке,
Легко вымарываю строки,
Легко другие нахожу.

***

Идёт на горести облава:
Шиповник – слева, розы – справа,
Потоки света, море трав.
Тоске опомниться не дав,
Творит июнь над ней расправу.
Её теснят со всех сторон
То стая птиц, то гуща крон,
То куст цветущий, что вломился
Мне в окна и не извинился
За то, что так настойчив он.

***

Не знает жизнь альтернативы:
Всё происходит, если живы.
У не родившихся на свет, –
У них и вовсе жизни нет.
Коль хочется любви и счастья,
Придётся принимать участье
В процессе жизненном, а впредь
Придётся даже умереть
И загреметь в тот самый дантов
Ад безо всяких вариантов.

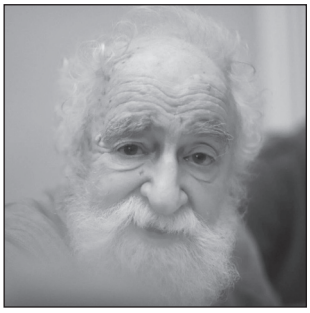
***

Июнь щебечет упоительно,
Нас уверяя убедительно,
Что ничего нам не грозит,
Пока мгновение сквозит.
Хоть речь его бездоказательна,
Ей надо верить обязательно,
Поскольку может только он
Творить столь лучезарный фон,
Внося немыслимую ясность
В любой штришок, в любую частность.

***

А что касается меня...
А впрочем, всё меня касается,
Включая птичку, что плескается
Во влаге ливневого дня,
Включая утренний прогноз,
Раскаты грома отдалённые
И то, как шепчутся влюблённые,
Чей еле слышимый вопрос –
«Ты меня любишь?»
«Да. А ты?» –
Доносится из темноты.

Илья РЕЙДЕРМАН



РЕКВИЕМ

Стихотворения

РЕКВИЕМ

«Когда бы все так чувствовали силу гармонии!
Но нет, тогда б не мог и мир существовать».
А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»

1.

Сорвавшись с нотного листа,
уходит в небеса звезда.
Звучит хорал, Сальери плачет...
И ничего звезда не значит –
ни предсказание войны,
ни возвращение величья
(одно у музыки отличье –
коснуться звуком вышины.)

2.

Открыть глаза – переступить порог,
границу между сном и вдохновеньем.
И крылья сна, опавшие, у ног
трепещут отступающим виденьем.

И видеть в щель разорванного сна
безмолвную, непрошенную гостью –
всё та же мысль, томительна, грозна;
всё та же тень постукивает тростью.

3.

Гармония! Тебе ещё предела
не видно. Ярки скрипок голоса.
Великая душа не оробела
как бредень окунуться в небеса.

Догадкой, озареньем, счастьем, словом,
ни ноты от людей не утая,
душа всегда была полна уловом,
даря себя частицей бытия.

Но вздох внезапен – сразу всё темнее.
Но чья-то боль в тебе нашла приют.
И голоса, от горести немея,
уже прощанье вечное поют.

А впереди... Ни боли нет, ни страха,
лишь незнакомо так запёкся рот.
Исчезнет тело, станет горсткой праха.
Но что, когда гармония умрёт?

4.

Ночь безмолвна – как футляр,
прикрывает звуки.
Тишина – полночный дар –
не даётся в руки.

Вспомнить что-то среди сна,
сбросить одеяло –
чтобы эта тишина
паузою стала.

Всю её сказать до дна
музыкой одною –
чтобы эта тишина
стала вышиною.

5.

Извлекая из немоты
проступающие черты
мелодических построений,
что тебе до того, что – гений!

Ведь совсем не собой упоён,
среди хаоса – видел закон
и отыскивал над собой
столь желанный свод голубой.

...Говорят – отрази эпоху.
А эпоха – подобна вздоху.
Где начало и где итог?
Только воздух – жизни глоток!

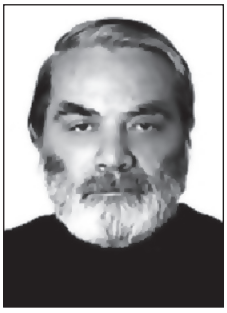
И последняя отзвучала
нота. Реквием не доиграть.
...Нет конца – есть только начало,
только нотная эта тетрадь.

И гармония не повторится.
И Бетховен придёт, как гроза.

И ещё заплатят сторицей
За высокие небеса.

1965

Георгий МАЛКОВ



ЭТОТ ДЕНЬ НАИЗУСТЬ...

Стихотворения

1. НА ДАЧЕ

Р. Ц-р.

Хоть вечер всё же в полночь переходит,
Но летом он ленивей во́ сто крат:
То взглядом медленным и дом, и двор обводит,
То в сад бредёт, задумчив, вдоль оград.
В лиловых сумерках – неспешная работа:
Тут – золотит, тут – чернью кроет пруд;
И мір сейчас так тих, смиренен, кроток:
Все ждут звезду, что первой здесь зажгут.
Теням лишь не́втерпь – всё бегут быстрее
От всё быстрее гаснущей зари,
Покуда тень от телеграфной реи –
Как тень креста – их бег не усмирит.
...Но мига чудного не у́зрит взгляд нескромный:
Нет, не звезда – зажёгся звёздный свод,
И тени вечера вдруг сходятся в огромный
Театр теней – куда свободен вход!
Сдвигаются кулисы, темень тянет
Луну на привязи заоблачной тропой,
И лес вот-вот у рампы дачной встанет –
Принять участье в драме роковой!
Всё кончится всеобщим погруженьем
В последнем акте в инфернальный мрак –
И нет почти надежд на пробужденье,
И век ночных – не приподнять никак.
Стоят дубы, задумавшись как боги
Над судьбами берёз и пышнокудрых лип,
И вязов тех, что дремлют у дороги, –
Чей слышен и сюда извечно-дряхлый скрип.
Туманны – думы, неподъёмны – плечи;
И правда здешняя – чужда людской молве.
Едва чуть теплятся бледно-зелёным свечи:
Лукавы светлячки – и гаснут вдруг в листве.
Доверься им – и ты погиб навеки,
И никакой суфлер тут не спасёт:
Смешает даль привычных реплик вехи –
И занавес бесшумно упадёт.
И тут уж вовсе станет непонятно –
Что́ там горит: фонарь, светляк, луна?
Тьма ест глаза, и речь огня невнятна:
Как речь спросонья – так же неясна.
...На дачи сон нисходит отпущеньем
Июльских, мелких, сладостных грехов,
Но дышит ночь языческим сомненьем –
Над вечной истиной насиженных углов.
Ну что ей вера в высший смысл творенья?
Бормочет, знай, речонкою впотьмах
И глубже, глубже прячет откровенье –
Зелёной вспышки в пышных лопухах...

2. НАИЗУСТЬ

Пусть в кувшинках тяжёлых и жёлтых
Будут тлеть, отсырев, фитили...
Под дождём и проныре стрижонку
Не угнаться за краем земли.
Но едва лишь осокою ржавой
Сухо срежется промелька тень,
Он стрельнёт вдруг куда-то направо –
Чёрной пулей в сердца деревень!
Где уж тут уследить за полётом –
Сквозь машинную строчку дождя,
За ближайшим опять поворотом
В подмосковную скуку уйдя?
И почувствовав: колет в затылке,
Вспоминай этот день наизусть –
В быстром холоде мятной пастилки
Растворяя налипшую грусть...

3. В ЭЛЕКТРИЧКЕ (PRO ET CONTRA)

1.

Червей десяткой бит валет;
Вагонный воздух, как резина, плотен;
Компостер щёлкает проворней кастаньет,
И контролёр от вежливости потен.
Охотник нежит спящее ружьё;
Грибник с надеждой, дачный завсегдатай –
Все предвкушают сладкое житьё
Среди берёз с осенней бабьей статью.
Однако Божий мір – божественно жесток,
И, слава Богу! – хоть куда-то едем...
И пусть у каждого билетик есть – исток
Пути его, но где же, братцы, слезем?
И все ли бабы на Руси – в обхват?
И та, чернявая, с чего б – с такою рожей?
Весь мір, похоже, – гад! – пред нею виноват:
Такой сосуд любви
– и сплошь! – в змеиной коже...
Но кто там за окном промчался на метле?
Пусть злобный дух-закат вагонную обитель
Всё жаждет сжечь! Увы, томясь во зле, –

Лишь только давит клюкву на стекле...
А жизнь всё мчится вдаль
– безмерно ядовитей...
Былин отеческих коварней – крик ворон
Пророчествует вслед – по-русски запоздало...
Но поезд наглым глазом поворот –
Во прах поверженным предписывает шпалам...
Куда летишь, вагончик вечных грёз?
Что встретит нас на станции конечной?
Стучит колёсный бег и в головах – вопрос:
Что делать нам с сей жизнью быстротечной?
Но нет ответа... Всё вокруг – молчит...
Ужасно быстро пролетело лето!
Вот так и жизнь – и жизнь вся пролетит...
Сожрёт и нас, резвясь, речонка Лета...

2.

Не наживёшь священный геморрой
В сумбурном, грешном, тамбурном мажоре –
Не так ли на одной ноге и Ной
Стоял в ковчеге, вглядываясь в море?
И лишь в пророчествах дорожной болтовни –
Единственная ноева опора,
Покуда в откровение равнин
Несёт ковчег российская рессора.
Покуда теплится и в нас
Дух противленья, дух лукавый,
И жизни льётся луч из полузрячих глаз,
Всё – слава Богу, слава Богу, право!
...Святая Русь субботних поездов,
Перемывая кости, косточки, костяшки,
Шумит толпой вольнолюбивых слов –
И не боится бодрой перепашки!

ПРОСТЫЕ СТИХИ

Льву Рыжову

Как крапива, прижавшись ко храму,
верно, чует его благодать, –
так и я вновь к нему спозаранок
всей душой припадаю опять.

Не был здесь я давно, а берёзы
как и встарь, у могил шелестят,
и июля дождливые слёзы
всё кресты их кропят и кропят;

голубеет небесная синька
на щербатой извёстке стенной –
чтобы колокол тренькал да тринькал
в тишине здесь – уже неземной,

чтобы плыл в облаках этих белых
над главою смиренною крест
и стоял бы средь изб опустелых
храм – хранитель блаженных сих мест...

КОРАБЛИК

Вспомню: косят в июле, и дождик – напасть!
Я ведь тоже по лужам бегал мальчиком
всласть,

я пускал корабли из обрывков газет,
а они уплывали навеки в ответ;

уносилась словесной трухи их тоска –
до корявой реки, до скупого леска:

только даже и к ним веселей всё же плыть,
чем паршивым листком жизнь
в сортире дожить –

там, где ветер свистит средь
картофельных гряд
и на гвоздике мёртвые строчки висят...

То ли дело – на воле поднять паруса:
пусть до ржавой реки, омывающей сад,

пусть и ближе – до чахлой канавы в саду
(в ней сапог догнивает – у всех на виду),

там, где рядом скамейка в коросте белил
(дождь давно их проел –
но не полностью смыл),

где гусиная травка приятна ноге,
где гремят якоря – и скрывается брег,

где сияет и остров сокровищ, и рай:
– Поднимай же, брат, грот!
И марсель поднимай!

Даже в этой вот луже – и то веселей:
бьют крылом паруса средь прекрасных морей;

орудийный бы залп да кровавый бы пир,
гибнуть чтобы – лишь так полюбив этот мір!

В голубой глубине, там, где небо на дне,
он чудесней вдвойне и гораздо видней –

где вдруг облако вспыхнет, как ядерный зонт...
Ах, прощайте, прощайте, зовёт горизонт!

Поплыву я бумажным корабликом вдаль –
ничего здесь не нужно, ничего здесь не жаль;

поплыву, поплыву – и навряд ли вернусь:
ах, прощай же, печаль,
ах, прощай, моя грусть...

Сергей ЮДИН, Александр ЮДИН

КУРЬИ НОГИ

Повесть

Мы сказками предания зовём,
Мы глухи днём, мы дня не понимаем;
Но в сумраке мы сказками живём
И тишине доверчиво внимаем.
И.А. Бунин

– Ну, вот она, Бедокуриха твоя и есть. – Антон, водитель колхозной «полуторки», остановил грузовик на разъезженной просёлочной дороге и указал в сторону двух десятков бревенчатых изб, прилепившихся к изножью безлесной горы, вздымающейся над малахитовым морем Восточносибирской тайги. – Прибыли! Завтра поутру, часов эдак в шесть, как буду, значица, обратно ехать, тебя подберу. Только ты уж, паря, не проспи, на своих двоих отседова ни в жисть не выбраться, а другой попутки неделю ждать – не дождёшься. Лады?

– Лады, – согласился Кирилл, подхватил брезентовый рюкзак, красно-белую спортивную сумку из кожзама с символикой Олимпиады-80 и спрыгнул на раскисшую после недавнего дождя землю. Накинул рюкзак на плечи, вдохнул полной грудью дурманящий, пропитанный запахами багульника и хвои, воздух и бодро зашагал в гору.

В это дремучее, даже по меркам Забайкалья, захолустье Кирилла Хомутова – тридцатилетнего научного сотрудника Бурятского института общественных наук, забросила не судьба и не пустая блажь, а работа над кандидатской диссертацией. Он собирал былички и бывальщины, бытующие среди местного русского населения, руководствуясь заранее составленной картой перспективного исследования. Защита планировалась уже в следующем, 1981 году, а потому время поджимало.

За лето Кирилл успел объехать более тридцати сёл и деревень Читинской области и, вообще-то, материала добыл с избытком. Так что Бедокуриха являлась конечным пунктом его командировки. Эту деревню Хомутову порекомендовал научный руководитель, заведовавший в их институте сектором русско-сибирского фольклора, профессор Вершинин. Профессор сам заезжал в здешние места лет пять назад и уверил Кирилла, что селение это как-то особенно богато старожилами-долгожителями, до сих пор хранящими в памяти целый кладезь мифологических рассказов нужной тематики.

На полпути к деревне Кирилл остановился, вытащил из надорванной пачки «Астры» плоскую сигаретку и попытался прикурить. Но спички отсырели и никак не хотели вспыхивать. Чертыхнувшись, он снял кепку и принялся тереть спичку о волосы – проверенный способ, не раз его выручавший. Просушив спичку и добыв огонь, он глубоко затянулся, задумчиво обозревая окрестности.

Августовский день был пасмурен, но душен, как случается перед грозой; низкие тяжёлые облака, при полном безветрии недвижимо зависшие над горой, едва не касались её вершины. Кирилл утёр кепкой пот со лба и продолжил подъём.

Тропа, змеящаяся среди сырого разнотравья, вывела его к первому жилью – стоявшей на отшибе невысокой, без подклета избе, рубленной из кондовой лиственницы. Окинув строение взглядом, Кирилл аж присвистнул: на вид тому было лет сто, когда не более. Что ж, оставалось надеяться, что и хозяева окажутся под стать дому. Вот только смотрелась изба как-то... мрачновато, даже зловеще. Глубоко, венца на два, вросшая в землю, заметно покосившаяся, насупившаяся на белый свет массивным охлупнем, она напоминала давно пережившую свой век, но всё ещё суровую и властную старуху.

Кирилл постучал в невысокую дверь и прислушался. Кажется, в избе кто-то разговаривал. Он постучал ещё раз. «Отворено!» – донёсся изнутри женский голос. Он толкнул дверь, пригнувшись, шагнул в сени и едва не оступился – пол в сенях находился изрядно ниже уровня земли. Когда глаза привыкли к сумраку, он разглядел, что стены помещения обшиты толстыми некрашеными тесинами; на вбитых крюках висела одежда: овчинный тулуп, пара ватников и ещё что-то; на полу под тулупом и ватниками выстроились резиновые сапоги, валенки, другая нехитрая обувка, по виду – женская, порядком заношенная, углы заставлены всяким хозяйственным скарбом.

Тут вторая, ведущая из сеней в избу, дверь распахнулась, и к нему вышла женщина лет семидесяти с гаком или восьмидесяти. Долговязая, жилистая, лицом она была худа и скуласта, близко посаженные глаза-буравчики смотрели проницательно и остро. Кирилл представился – мол, учёный из города, здесь по заданию института и всё такое; коротко, давно обкатанными фразами, объяснил цель визита: дескать, ездит по деревням, обходит наиболее уважаемых

и знающих жителей и записывает необычные истории, что случались с ними или с их близкими в прежние времена.

– Заходи, раз из эдакой дали приехал, – сказала хозяйка. – Не шибко я поняла, что за дело у тебя, ну да ладно, за столом растолкуешь.

Горница в целом гармонировала с внешним обличьем избы: полати, глинобитная печь едва не в полпомещения, тяжёлый потолок из сплошного круглого накатника, стены, сложенные из гладко отёсанных брёвен, по стенам – широкие лавки. Снижал впечатление старенький чёрно-белый «Рекорд-67» в красном углу.

За длинным столом сидели две старушки, перед каждой дымилась чашка с горячим чаем, тут же стояли сахарница, вазочки с вареньем, глубокая миска с баранками и накрытый тряпицей чугунок. Старушки лишь улыбчиво покивали гостю и вновь вперились в экран – показывали третью серию «Цыгана».

– Ты, мил-человек, посиди пока тихонько, – негромко сказала хозяйка, указывая на лавку, – кино скоро кончиться, тогда и поговорим.

– Уж больно фильм хорош, – извиняющимся тоном пояснила одна из сидящих перед телевизором бабулек.

– Тише ты, Фёкла, – тут же шикнула на неё вторая.

Кирилл послушно присел на лавку, с интересом осматриваясь. Кажется, ему повезло — в первой же избе застал сразу трёх местных старожилок. Теперь главное разговорить бабулек, направив разговор в нужное русло. А для этого необходимо найти к ним подход. Насчёт хозяйки, несмотря на её внешнюю суровость, он не переживал. Кирилл убедился на опыте, если уж пригласили в дом, не отказали, сославшись на занятость или иные причины, то дело пойдёт. А коли ещё и за стол усадят, тогда и вовсе. Но что с остальными двумя? Наверняка это соседки, зашедшие на фильм, скорее всего ровесницы хозяйки. Выглядели они вполне добродушно: маленькие и плотные, румянощёкие и похожие одна на другую, точно сёстры-близнецы, старушки напоминали пару сказочных колобков.

Наконец пошли титры, хозяйка выключила телевизор и пригласила гостя к столу. Кирилл, не тратя времени, вытащил из рюкзака кулёк конфет, две пачки печенья «Земляничное» и пол-литра «Зубровки».

– Гляди, Устинья, гость-то у тебя какой знатный, – с весёлым квохтаньем заметила одна из румяных старушек, – с гостинцами, не абы что. Сразу видать — городской, культурный.

– А что там у вас в городе не слыхать, – спросила вторая, – поладят Будулай с Клавдей, ли чё ли?

– Погодь ты, Евдокия, со своим Будулаем, – оборвала её хозяйка. – Человек не кино смотреть приехал, а по делу. – И обращаясь к Кириллу, заявила: – За конфеты спасибо, а казёнку прибери, у меня наливка домашняя есть, на травах да ягодах. Да и крепка она для нас, казёнка-то, сколь там... у-у! сорок градусов! Прибери, прибери. Так что у тебя, говоришь, за надобность?

– Что ж, Устинья, мы пойдём, пожалуй, – засобирались Фёкла с Евдокией.

Но Кирилл, включив всё своё обаяние, упросил обеих бабулек остаться, поскольку, дескать, в его деле и они очень помочь могут. Хозяйка дома - Устинья, принесла тем временем обещанную наливку в пузатой литровой бутыли тёмно-зелёного стекла и поставила перед гостем миску с пирожками.

– Откушайте с дороги. Эти — с капустой, а те - с яйцом и луком. Холодные, правда, дак, кто ж знал...

Кирилл заверил, что холодные пирожки его самое любимое блюдо, представился, рассказал, кто он и откуда, и как мог доходчивее объяснил, с какой целью пожаловал в их деревню.

– Так тебе что ж надо-то? – с недоумением уточнила Фёкла. – Нешто сказки? Я какие, может, и знала раньше, все запамятовала. И не мастерица я сказки-то сказывать. Это тебе лучше к Корякиной Прасковье, она...

– Нет, нет, нет! – перебил её Кирилл. – Мне нужны от вас не сказки, а былички, бывальщины. Сказки это про то, что никогда не было, ну «В некотором царстве, в некотором государстве...», а меня интересуют истории, которые на самом деле случились — или с вами или со знакомыми вашими, односельчанами там, или с кем-то из родственников, понимаете? Но только истории необычные – волшебные. Про колдовство, приворот, про домовых да леших, про покойников, про то, как хомуты надевали, и тому подобное. В общем, удивительные истории, чудесные даже, но не выдуманные, а настоящие. Знаете такие?

Женщины переглянулись, покачивая головами и задумчиво вздыхая. Долговязая Устинья молча поднялась, принесла четыре стеклянных рюмки с золотыми ободками и распорядилась:

– Давай-ка, наперво, наливки моей спробуй, а там, глядишь, и вспомним чего.

Выпив наливки, которая и впрямь оказалась весьма вкусна, все некоторое время молча жевали. Потом хозяйка, ткнув надкусанным пирожком в Евдокию, заявила:

– Слышь-ка, Даниловна, расскажи человеку про тот случай, что с твоим свёкром, с Егором Кузьмичом был.

– И верно, – поддержала её Фёкла, – давай, Дуня, сказывай про свёкра. А ты, Устинья, наливочки нам ещё плескани. Ой, до чего у тебя наливочка вкусна, до чего вкусна! Так бы, кажись, пила бы да пила.

– Пить – не дрова рубить, – с усмешкой заметила хозяйка, наполняя, тем не менее, рюмки тягучей жидкостью. Ну, Даниловна, вспомнила про Кузьмича? Расскажешь?

– Отчего не рассказать? – легко согласилась Евдокия. – Расскажу.

– Погодите минутку! – всполошился Кирилл. – Я сейчас, мне же надо всё подготовить.

Он вытащил из спортивной сумки кассетный магнитофон «Электроника-301» московского завода ТочМаш, бережно (вещь казённая) положил на стол, подключил микрофон и вставил чистую кассету МК-60; потом достал из той же сумки пухлую записную книжку и приготовил ручку.

– Мне необходимо записать ваши полные данные: фамилию, имя, отчество и год рождения, – объяснил он и извинительным тоном добавил: – Такой порядок.

– Пиши, раз порядок, – не стала возражать старушка. – Мосолова я, Евдокия Даниловна, родилась здесь же, в Бедокурихе, в девяносто третьем годе.

– Так вам, Евдокия Даниловна, восемьдесят семь лет? – поразился Кирилл. – Никогда бы не дал.

– А что ж? – пожала та пухлыми плечиками. – Младшая я.

– Младшая? – не понял Кирилл.

– Ага, младшая. Сестра-то, – старушка кивнула на свою соседку, – на два года меня старше будет. Так, Фёкла?

– Где на два-то? – возмутилась Фёкла. – На год и девять месяцев только!

– Ну пусть, – согласилась Евдокия. – А Устинья нас обеих старшее.

– Давайте, я и ваши данные сразу запишу, – обратился Кирилл к хозяйке.

– Устинья Тимофеевна Полоротова, – с готовностью ответила та, – с тысяча восемьсот восемьдесят шестого году по пачпарту. Показать, ли чё ли?

– Если несложно, Устинья Тимофеевна.

Хозяйка поднялась и скрылась за занавеской, которой был отделён кутный угол. Вернувшись, протянула Кириллу документ.

– По выписи из метрической книги дату сверяли, – пояснила она.

Кирилл только головой покачал. Зафиксировав данные всех трёх женщин, он нажал на магнитофоне нужную клавишу и сказал:

– Ну, Евдокия Даниловна, мы готовы выслушать ваш рассказ.

– Это что ж, – спросила старушка, указывая на микрофон, – в энту штуку говорить надо?

– Вы говорите, как обычно, а на штуку не обращайте внимания.

– Ну что ж, мил-человек, слухай... – заговорила старуха Мосолова, поудобнее устраиваясь на лавке и поправляя концы завязанного под пухлым подбородком платка, – случилось это не в нашей Бедокурихе, а в Нижней Куенге. Ну не в ней самой, а рядом то исть...

– Погодь-ка, Даниловна, – прервала её Устинья, – время-то позднее, да и неведомо, сколь мы тут пробалакаем, так я покудова загодя всё уж приготовлю, чтобы после по избе не скакать...

С этими словами хозяйка схватила со стола оловянную плошку, споро наполнила её пшённой кашей из стоящего тут же чугунка и вновь поднялась со своего места. Поставив плошку на шесток русской печи и вернувшись к столу, она сочла нужным пояснить:

– Я, вишь, паря, печь-то недавно протопила, так что каша до ночи не простынет. Хозяин, он, знамо дело, тёплое любит, холодного не уважает, обиду затаить может.

– Какой хозяин? – насторожился Кирилл. – Вы, Устинья Тимофеевна, ещё кого-то ждёте? Ваш... э-э-э... супруг должен вернуться?

– Какой-такой супруг? – удивилась Устинья. – Ты про мужа нешто? Так мужа у меня сроду не бывало. Всю жизнь проходила в девках...

– Кому же тогда вы кашу оставляете?

– Экий ты бестолковый, – вздохнула Устинья. – Известно кому – хозяину! Суседке. Домовому то исть.

– Вот как? Это просто замечательно! – оживился Кирилл. – Просто великолепно! А мне вы после расскажете про домовых-суседок?

– Зачем же после? Ты ж, милок, Евдокию хотел слушать, она и расскажет. А ты, Даниловна, чего примолкла? Начинай уж, гость-то, поди, заждался...

Евдокия Даниловна пригубила наливки и начала рассказ:

– Я и говорю, то не у нас в Бедокурихе случилось, а в Сретенском, значится, районе... Там свёкор-то мой, Егор Кузьмич, на лесопилке работал. А было это годков эдак сорок, а то и поболе, назад. Егор, он страсть как охоту уважал, любил, мил-человек, по лесу шастать, берданом баловаться. Птицу всякую добывал, зайцев промышлял, лису, куничку опять же вываживал... Иной раз дня по три, а то ажно и по цельной седмице пропадал в лесу, у него там по разным удобным местам сидьбы – шалаши, по-вашему – наставлены были. А уж коли сильно надолго застрянет, для тех целей охотничья заимка имелась. Добротная, рубленая, с буржуйкой, лежаком и всеми делами...

– Ты, Дуняша, сама нешто с Кузьмичом на охоту хаживала? – рассыпалась квохчущим смешком Фёкла. – Лежанку ему грела?

– Цыц! – прикрикнула на неё сестра. – Уж коли баю, так, стало быть, ведаю! Егор мне разов сто случай тот рассказывал, во всех, почитай, подробностях... И не встревай боле, сиди да помалкивай... Так вот, значится, как-то раз по осени застрял он в лесу надолго – не то уж больно много дичи промышлялось, не то мало, не упомню. Ну, застрял и застрял, сторожка-то на что? Он – туда. А дело к ночи. Вот он буржуйку затопил, еды какой-никакой в манерке состряпал, пожевал да спать собрался. И что ты думаешь: забыл про суседку-то! То исть всё сам схар-

чил, а домовому ни крошки, ни на синь-пороху не оставил. Уставший был, вот и запамятовал, сердешный. Ладно. Лёг, значится. И только-то засыпать начал – стук, дверь открывается, а на пороге девка в рыжем платье. Коса длинна, сопатка ряба и изо рта три зуба торчат – один снизу да два сверху. Что, думает, за оказия?! А девка ему, свёкру то исть: позволь, дескать, мил-человек, у тебя на заимке переночевать; в лесу, мол, заблудилась, покуда грибы рвала да ягоды собирала. Егор её пытает: кто такова и звать как. А она: по разному люди кличут – кто Дунькою, кто Акулькою. Тут свёкор смекнул: не иначе то кикимора в гости к нему пожаловала. Ладно. Заходи, говорит, только лежак у меня один, так ты на пол курмушку мою, куртку то исть, брось да располагайся себе. А что делать? Не пустишь, она снаружи что-нибудь да набедокурит – сторожку подожжёт или ещё чего, а пустишь – тоже беда, но так хоть на глазах будет, уследить можно. Легла, стало быть. У свёкра, ясно дело, сна уже ни в одном глазу, с боку на бок ворочается, ждёт, что дале будет. И правда, часу не прошло, Дунька-Акулька с курмушки подымается, да тихо эдак на карачках к свекровой лежанке ползёт. Егор-то хотел вскочить, да куды! Руки-ноги будто отсохли, и пальцем шевельнуть не может! Да и видит, это уж не девка вовсе, а рысь, самая что ни на есть настоящая, шипит, к нему крадётся! Пасть ощерена, с клыков слюна течёт, глаза точно плошки, жёлтым огнем горят... Страх да и только! Егор и думает: ну, видно, смерть моя пришла, до берданы не дотянуться, руки вовсе онемели, дышать уж и то невмочь, лежит колодой, стонет... Только-то собрался напоследок молитву Богородице вознесть, как вдруг из самого тёмного угла, что за буржуйкой, вылазит ктой-то большой, мохнатый, совсем вроде здоровенного мужика в бараньем тулупе, токмо лица не видать, борода одна... Вылез, упал на рысь и давай её давить. Давит и рычит! Давит и рычит! Глядь, рысь уж не рысь, а та прежняя рябая девка – извивается, пищит, стонет, вырваться хочет... У свёкра враз онемение прошло, он с лежака-то вскочил и за бердану... Но тут и исчезло всё – и мужик и девка – как не было никого! Егор к тому месту, где они боролись, подбёг и видит: лежит на полу мала куколка, тряпицей грязной обмотана. Ну он, понятно дело, схватил эту куколку да скорей в печку железну и бросил – как завизжало оттудова, как искрами шибануло! – и всё, не стало кикиморы. Вона как быват...

– Замечательная быличка! Такая колоритная... – начал было Кирилл привычные славословия.

– Да погоди ты, заполошный, – тут же окоротила гостя Евдокия Даниловна. – Слухай, что дале было... Так вот, значится, поуспокоился Кузьмич, снова спать наладился. Да едва прилёг – опять стук, дверь с грохотом настежь, а на пороге огромадный дед в бахановом зипуне и треухе куньем; сам, вишь ты, чёрный, мохнатый, кряжистый, что твой дуб, весь волосьями порос, борода лопатой, зенки махоньки, злые. В одной руке – дубина корзоватая, вроде посоха, во второй – коровий недоуздок. Ну и тоже, как водится, просится переночевать: у меня, мол, бурёнка в лес убёгла, я её целый день шукал, да всё зря, только, вот, проваландался до ночи понапрасну. Свёкор и его пытает: кто таков, я в округе, почитай, всех знаю, а тебя, дед, не припомню. Старик в ответ: ну, коли не припомнишь, зови меня «старик Шатун». Свёкор, знамо дело, враз смекнул, кто перед ним. Да и то молвить, какой дурень не догадался бы? Леший, он и в Чухломе – леший! Что тут поделаешь? Не откажешь. Лешему и приглашения без надобности, кругом его, Лесного Хозяина, владения. Старик Шатун и правда особого знаку дожидаться не стал, вошёл, осмотрелся, растянулся прямо вдоль порога и захрапел. Егор бердану подтянул поближе, подле изголовья поставил и лежит сам не свой, а что дале стрясётся, и помыслить опасается. Только думает, зря он в изголовье топор не положил, потому как говорят, от лесовиков это первое средство. Вона как... Ну и точно, часу не минуло, видит Егор, неладное творится: заворочался старик, захрипел, заурчал – совсем медведь в берлоге, а после приподнялся, на карачки встал и давай к лежанке красться. Егор присмотрелся, а ведь то и взаправду никакой не старик вовсе, а медведь! Лапищи здоровущие, когти на них вершка под два, чёрные... Глазелки алым огнём пыхают, пасть зубастая, да такая, что, кажись, в неё и полтелёнка враз поместится, а смрад из той пасти, будто из выгребной ямины! Свёкор было к бердане, да не поспел – сызнова его паралич хватил! – лежит, болезный, чурбак чурбаком, не шелохнется, от смертного ужасу холодным потом обливается. И опять, как и в прошлый-то раз, выскакивает вдруг из-за печи ктой-то мохнатый в бараньем тулупе, кидается сверху на того медведя и давай чудище энто давить что есть мочи. Давит и рычит! Давит и рычит! Егор враз приободрился: ну, думает, не пора мне ещё помирать, может статься, поживу ещё маленько. Вона мой защитник каков, того и гляди, задавит проклятого лешака!.. Ага, ладно. Токмо не тут-то было. Медведь рыкнул раз, рыкнул другой, да и стряхнул с себя запечного мужика! Уселся на него всей-то тушею и давай теперь сам его давить, лапами рвать да зубищами грызть. Мужик не сдаётся, отбивается, но, по всему видать, тают его силы, а медвежьи – возрастают. Свёкор, видя такое дело, попробовал руками пошевелить – хотя и с трудом, но получилось у него до берданы дотянуться, – ухватил он кое-как ружьё, прицелился медведю прям в башку, да и пальнул!.. Смотрит, а тому хоть бы хны, даже и не вздрогнуло чудище поганое... И тут услыхал Егор Кузьмич голос, но не въяве, а

будто бы прямо в его голове звучащий: «Беги, Егорка! Беги, покуда не одеревенел вовсе. Не удержать мне твоего недруга, не сладить с ним. Давно я пищи человечьей не едал, ослабел совсем, вот и одолевает меня старик Шатун». Тогда-то и вспомнил свёкор, и пожалел горько, что позабыл с вечеру оставить провизии домовому. Пожалел, да поздно. Впрочем, сполз кое-как с лежака, дотащился до двери и наружу вывалился. А там враз почуял – вернулись к нему силы, спало онемение членов. Видно оттого, что лешак-то на заимке остался. Тут уж Егор мой руки в ноги, да и припустил таким прытяком, таким конём виноходным – ажно за полсуток до села добёг!.. Вот, милок, такая история со свёкром моим случилась. Как сама слыхала, так и передаю, слово в слово, ни на синь-пороху не соврала, – заключила свой рассказ старуха.

– А со свёкром, с Егором Кузьмичом, что сталось? – полюбопытствовал Кирилл.

– А что с ним, бугаём, станется? – со вздохом пожала плечами Евдокия Даниловна. – Ничего. Умом разве маленько тронулся, в лес уж боле не хаживал, бердану забросил, да и на лесопилке появлялся от случая к случаю – всё на завалинке сидел и казёнку трескал. А как, бывало, натрескается, непременно про домовых да кикимор с лешими патефон свой заводит.

Кирилл поставил запись на паузу.

Тем временем за окошком заметно потемнело, хотя для сумерек ещё было рановато. Устинья щёлкнула выключателем, и над столом зажглась одинокая лампочка в бумажном абажуре.

– Гроза, однако, сбирается, – заметила она и, обращаясь к Кириллу, спросила: – А ты что ж ничего не пьёшь, не кушаешь? Иль не понравилась моя наливка?

– Очень понравилась, – заверил Кирилл.

– Вот и пей тогда, чего рот сушить.

– А и правда, Тимофевна, наливай, – махнула рукой Евдокия, – а то сидим ровно на поминках.

– Тьфу, ты, балаболка, – рассердилась Фёкла, – скажет, как в лужу...

– Чем собачиться, – захихикала Евдокия, – давай, сестрица, рассказывай, теперь твой черёд.

– И расскажу, расскажу! – заверила Фёкла. – Я разных бывальщин поболе твово помню. Да вот хоть эта, слушайте...

Кирилл снял паузу и пододвинул микрофон поближе к рассказчице.

– Случилось это недалече от нас, в Шелопугине, – начала Фёкла Даниловна. – Жила там раньше одна девка-перестарок – Катериной звали – рябая, косоглазенькая да полоротенькая. Ко всему – сирота круглая. Ну вот, по этой причине замуж её, сиротку убогую, никто не брал. Да что там «замуж»! Парни и на улице норовили её стороной обойти, а уж коли кому доведётся встретить, тот непременно либо кукиш в кармане сложит, либо через плечо сплюнет – от сглазу. Потому слух шёл, будто глаз у ней очень нехороший, дурной, несчастья приносит. Девки тоже Катерину не особо жаловали, не то ведьмой, не то шишигой почитали. Враньё ли, не ли – не скажу, не знаю. Но народ, он, мил-человек, правду издаля чует, зря болтать не станет... Так вот и жила Катерина, маялась да тужила. И как не тужить: кругом, куда ни глянь, парочки милуются, сваты от избы к избе снуют, свадьбы справляют, а она – одна-одинёшенька, все-то её сторонятся, все чураются... Бывало, парни с девками соберутся на завалинке, разговоры разговаривают, смеются, семечки лузгают, а только-то Катерина к ним подойдёт, те так и прыснут в разны стороны, так и припустят прытяком, точно от какой чумной заразы. Ну, конечно, заскучала девка, закручинилась. Такая тоска чёрная на неё навалилась, инда сохнуть стала, хотя и без того тоща была – жердь жердью. А раз поутру вовсе ей невмоготу стало, не сдюжила она, вышла на крыльцо да и рявкнула в сердцах во всё-то горло: «Что ж такое деется! Хоть бы какой сатана меня в жёны взял!» Только сказала, колокольца забренчали, кони заржали, глядь, а уж катятся к её избе сваты с женихом. А жених – красавец писаный, росту саженного, сложения богатырского, одёжа – колхозному председателю носить впору. Обомлела девка, стоит, слова вымолвить не может... Ну, что там рассусоливать, коротко говоря, и опомниться Катерина наша не успела, как дело слажено оказалось – на третий день свадьбу играть назначили. Так вот. Молодая-то сама себя от радости не чуяла, ничего-то вокруг себя не примечала, не видела, токмо на суженого своего пялилась, да слёзы счастливые лила. Как срок подошёл, народу на свадьбу много собралось, всё боле со стороны жениха – у невесты-то, вишь, из родных никого, а деревенским тоже не больно охота у порченой гулять... Но жила тут же, в Шелопугине, одна малая девчушка – Лидка – годков тринадцати... Ты, Дуня, должна её помнить, она нам какой-то роднёй приходилась, дальней... Эта-то Лидка почитай одна из всего села Катерины не чуралась. По малолетству да глупости, верно. Вот её на свадьбу и пригласили. Она же, Лидка-то, после мне и рассказывала: дескать, расселись гости за стол, молодые – во главе, прочие, как водится, по бокам, её же, малую, с краюшку, на уголок усадили. Ну, ясно дело, пить-есть принялись, за здравие молодых стаканы с первачом подымать; чуть погодя и веселие пошло, раздухарились гости, гармонь заиграла, песни полились... Тут у Лидки возьми и ложка под стол упади. Полезла она за ней, смотрит и глазам не верит: почитай у всех гостей вместо ног конски копыта! Выглянула из-под стола-то: вроде опять всё хорошо, всё нормально – гости как гости, разве парни больно мордатые и горластые, да девки – чересчур бестыжие, а так ни-

чего. Сунула голову обратно – как есть, конски копыта! Думает, мерещится ей верно – успела к тому времени самогону пригубить. Однако было у ней с собой стёклышко от лампадки, вот она и скумекала: дай-ка я сквозь него вокруг посмотрю. Лампадка та ведь непростая была, из самого Ерусалиму. Так и сделала: вытащила стёклышко, к глазам поднесла, да так и обомлела. Батюшки! Страсти-то какие! За столом уж не бабы с мужиками, не девки с парнями сидят – куды там! – одни чудища окаянные. Сопатки у всех не человечьи – звериные! У одного – морда лошадиная, у второго – собачья, у третьего – свиное рыло, другой – петушиной башкой на журавлиной шее крутит. Да каких харь только нет: лосиные, волчьи, медвежьи, лягушачьи, куньи – все пасти расщеперили, ржут, гогочут, рычат, зубами щёлкают. Иных образин малая отродясь не видывала, эдакие и во сне не примерещатся. А коли примерещатся, так и ума лишиться недолго. И у каждого-то изо рта огонь пыхает! Навела Лидка стекло на жениха и чуть памяти не лишилась: заместо статного красавца сидит подле Катерины страхолюднейший дед, горб из-за спины видать, лапы – коряги гнилые, рожа вся зелёным мхом поросла, глаза кровавыми угольями горят, а на темени – роги длиннее бычачьих! Вот Лидка-то и надумала: надо скоренько отсель бежать, подобру-поздорову, а то, не ровён час, схарчат её эти чудища, схарчат за милую душу и не подавятся. Но только она из-за стола подниматься стала, как соседка с жабьей сопаткой хвать её за руку: мол, куда это ты, малая, навострилась? Или тебе веселие тутошнее не по нраву? Или гости не показались? Лидка однако не растерялась и отвечает, что ей, дескать, по малой нужде приспичило; сбегает и вернётся. Жабья морда её и отпустила. Ну, малая, как только за дверь, так бежать кинулась, только пятки засверкали; добёгла до дому и давай криком кричать. Родные её спрашивают, что да как, а она только и может ответить, что вот, мол, у Катерининых гостей в роте огонь!.. Знамо дело, никто малой не поверил, решили – дурит девка, наливки упилась. А через недолгое время запылал дом-то у Катерины, весь разом вспыхнул и в несколько минут, точно свечка, сгорел. Как потушили его, никаких тел там не нашли, окромя Катерининого: едва внутрь вошли, тут и увидали – висит она, сиротинушка, вниз головой на потолочной матице, и кожа у ней вся сверху до низу ободрана, точно у телка на бойне...

– Это всё, Фёкла Даниловна? – уточнил Кирилл.

– Чего ж тебе ещё? Сплясать, нешто?

Тут небо за окном расчертил ослепительный разряд молнии, и в тот же миг весь дом сотряс мощный громовой раскат. Следом по крыше забарабанили капли, дробь их становилась всё чаще и чаще, пока не слилась в один сплошной гул – начался ливень. Лампочка над столом замигала и погасла.

– Принесла нелёгкая! Теперь суток двое впотьмах сидеть. – Устинья встала и с ворчанием скрылась в закуте.

– Типун те на язык! – всполошилась Фёкла. – Завтра четвёрта серия «Цыгана».

– Вот тебе и четвёрта серия, – заявила хозяйка, возвращаясь с зажжённой керосиновой лампой и ставя её в центр стола.

Закопчённая лампа давала мало света, так что углы помещения тонули во мраке. Тусклое освещение, вспышки молний, громовые раскаты и нарастающий шум дождя порождали настроение тревожной загадочности, даже мистичности. Кирилл зябко передёрнул плечами и потянулся к рюмке.

– Устинья Тимофеевна, – обратился он к хозяйке, – порадуйте и вы нас какой-нибудь интересной бывальщиной.

Та усмехнулась в ответ, но ломаться не стала:

– Слушай, голубь... Припозднились мы, правда, ну да ладно, всё одно далеко мне до Фёклы с Евдохой, не такая языкастая... Вот ты давеча про колдунов справлялся...

Кирилл не помнил, чтобы спрашивал о чём-то подобном, но спорить, разумеется, не стал.

- Любопытствовал, есть ли такие воржецы на свете, которым черти служат, – продолжала старуха. – Не ведаю, как в нонешние времена, а раньше их порядком встречалось. В тутошних краях. Нынче-то знающие люди, может, и перевелись, больно хилый народец стал, квёлый да боязливый, собственной тени страшится, не то что с нечистым стакнуться... Однако ведь, не токмо у воржецов, у каждого человека свои черти имеются. Что Фёкла про Лидку-то малую рассказывала, помнишь? Так я эту Лидку тоже знавала, когда она уже замужней бабой была, да угланов штук пять или шесть народила. Муж-то у ней был отсюдова, вот она к нам, в Бедокуриху, вскорости и перебралась. И про шелопугинскую свадьбу от неё слыхала. Всю правду Фёкла тебе рассказала, не сомневайся... Так я когда про осколок ерусалимской лампадки узнала, сама не своя сделалась, стала стёклышко это у Лидии выпрашивать, прицепилась к ней, что твой банный лист: дай, грю, мне его хотя на время попользоваться. И выпросила-таки! Дала мне его Лидия на три дня, но с условием – никому, ни одной живой душе, при её жизни не рассказывать, что увижу. Померла она давно, так теперь можно... Принялась я с этим стёклышком по деревне ходить – и что ты думаешь? – стала многое видеть, что ранее и в голову вступить не могло. Иду, бывало, по улице, смотрю тайком сквозь стёклышко, а саму страх так и забирает: куда не глянешь, всюду они так и шныряют, так и шныряют! Окаянные-то. Который-то на плече у женатого мужика притулился, нашёптывает тому на ухо

мысли срамные, зазывает к полюбовнице в соседнее село; тот – махонький совсем, не более лягушонка – у мальца из кармана выглядывает, на воровство подзуживает; иной и вовсе изо рта у пьяницы горького торчит, хнычет, сивухи требует... И так-то, грю, у каждого. Вот иду и вижу: молодые в великий пост на сеновале затаились, милуются. А бес-то не теряется, пристраивается, бесстыжий, заместо мужа, ажно хрюкает от удовольствия. Другой нечистик бабе в руку батог суёт, поучи-де уму-разуму детушек... Одно хорошо – никак не можно на саму себя глянуть, своих чертей рассмотреть, а то ведь и совсем тошно бы сделалось... Ну и не выдержала я долее одного-то дня, отдала то стёклышко Лидке обратно – на, грю, сама в него на чертей любуйся, а я уж, чай, обойдусь как-нибудь... А касаемо воржецов, так я тебе, мил-человек, про Ефима Фомича могу рассказать. Вот уж кто и взаправду знающий человек был, штук десять чертяк ему прислуживало. Всё мог! И скотину попортить, а после за мзду вылечить, и приворот сотворить, и хомут надеть. Кому надо, к примеру, зазнобу присушить или постылого мужа со свету сжить – все к Ефиму Фомичу... Да, шибко Фомича у нас уважали. А боялись и того шибче... Но ведь и он помер не простой смертью. Как занемог и понял, что уж не суждено поправиться, так наказал жене, – а любил он её очень и уважал, – ты гляди, Авдотья, едва дух из меня вон, – тот же час подрежь мне жилы на руках и ногах; сперва подрежь, а уж после можешь и в гроб класть. Так сказал да и помер в тот же вечер. Авдотья же не восхотела волю его последнюю исполнить: жаль стало над мёртвым мужем изгаляться. Ведь и она в Ефиме души не чаяла. Дружно они жили. Коротко говоря, сделала всё чин по чину: обмыла покойника, обрядила и в гроб под образами положила. А ночью-то всё одно не спит, побаивается. Вот, протопила печь да принялась угли кочергой к загнётке сгребать. Вдруг чует, затрещало что-то, зашумело в доме, оглянулась, а покойник-то в гробе шевелится, сесть пробует – и покрывало с себя на пол сбросил. Перепугалась баба, схватила кочергу, на печь через голбец залезла да и затаилась. А покойник уж из гробу вылез, по дому расхаживает, руками вокруг себя водит. Знамо, жену ищет. Авдотья лежит на печи, дрожит от страху, ни жива ни мертва. А Ефим уж к печи подобрался, на голбец взбирается; Авдотья хрясть ему кочергой раскалённой по зубам, а зубы-то у покойного все до единого железные были, только сбрякали. Не отступает мертвяк, дальше ползёт. Да и как ему отступить? Черти-то, которых он при жизни голубил, пищи хотят, сожрать жену требуют. Вот, как ни отбивалась баба, как не чекрыжила мужа покойного кочергой, ништо не помогло, не смогла она до первых петухов продержаться... Поутру родичи в избу вошли да там же на печи их обоих обнаружили: у Ефима вся рожа в крови, а Авдотья едва не до мослов обглодана...

Закончив рассказ, бабка Устинья наполнила опустевшие рюмки и, не дожидаясь прочих, залпом махнула свою.

– Ну что скажешь, – крякнув и понюхав баранку, спросила она Кирилла, – понравилась моя история?

– Нет слов, Устинья Тимофеевна, просто нет слов! – заверил Кирилл, останавливая запись. За окном снова полыхнул ослепительный просверк, и секунды через три громыхнуло, но уже не столь раскатисто, как прежде; по всей видимости, грозовой фронт начал сдвигаться. – Прям мороз по коже. Честно!

Евдокия прыснула в кулачок и подмигнула сестре. «Ну, будя, будя, раскудахталась», – осадила её Фёкла, ткнув локтем в бок.

Отпив из рюмки и закурив, Кирилл расслаблено откинулся на спинку стула. Что ж, финал научной командировки можно считать вполне успешным. Приятная истома овладела его членами, окружающие предметы и лица старух подёрнулись лёгкой дымкой. «Порядочно я, однако, назюзюкался», – подумал он.

– Ты наливочку-то пей, не стесняйся, – подливая ему, посоветовала Устинья. – Она у меня на ягоде, на травках – лечебная.

– Хороша наливка, – согласилась Фёкла, причмокивая и покачивая головой. – Мёртвого на ноги поставит.

Евдокия взвизгнула и так и зашлась рассыпчатым смехом. Кирилл от неожиданности даже сигарету выронил.

– Раскатилась поленница, – проворчала Фёкла, пряча усмешку.

Кирилл нагнулся, чтобы поднять выпавшую «Астру», кое-как подцепил её непослушными пальцами, но, бросив случайный взгляд под стол, так и обмер.

Ноги... Что-то не так с ногами старух... Ноги у них были не человеческие, а ... ну да! птичьи, куриные: туго обтянутые жёлтой с роговыми бляшками кожей, с вывернутым назад суставом, три пальца торчат вперёд, а четвёртый направлен назад, как шпора. Коротенькие ножки Фёклы и Евдокии не доставали до пола, и сёстры весело побалтывали ими в воздухе, лапищи же Устиньи скребли половицы здоровенными – в палец – когтями, оставляя длинные борозды.

Медленно выпрямившись, Кирилл встретил внимательные, настороженные взгляды старух. За столом воцарилась гнетущая тишина. Женщины молча, не мигая, смотрели на него, будто ждали чего-то. При этом лица их тоже странно изменились: носы заострились и вытянулись, точно клювы, круглые глазки расползлись к вискам, сделались выпуклыми и хитро поблёскивали стеклянным блеском.

– Нешто у вас так в городе заведено, – прервала затянувшееся молчание Фёкла, – бабам под подолы заглядывать?

– Э-э-м... Что ж... Благодарю за угощение и

за... за... Однако поздно уже, – осипшим голосом промямлил Кирилл, – пойду я, пожалуй.

– Куда ж ты, на ночь глядя? – удивилась Устинья. – У меня ночуй.

– Спасибо, но мне ещё надо... там... дела. – Кирилл дрожащей рукой потянулся к магнитофону. – Пойду.

– Куда ты, оглашенный? – воскликнула Евдокия, накрывая его руку своей пухлой ладошкой. – В темень, в грозу? Не пущай его, Устинья!

Кирилл резко дёрнул рукой, высвобождаясь из цепких пальцев Евдокии, и опрокинул лампу. Она покатилась по столу и упала на пол. В горнице воцарилась тьма. Кирилл вскочил, на ощупь сграбастал в охапку магнитофон и ринулся к двери.

Тут очередная вспышка молнии на миг осветила помещение и выхватила из мрака Устинью, застывшую в дверном проёме с серпом в руках. Кирилл взвизгнул и бросился к окну. Послышались крики: «Держи его, окаянного, держи! Шею, шею ему хомутай!» Чьи-то руки ухватили его за ворот, он вырвался, но зацепил ногой за лежащий на полу рюкзак и, рухнув как подкошенный, ударился головой о пристенную скамью. В глазах у него потемнело...

С трудом разлепив веки, Кирилл осмотрелся. Он лежал на скамье в пустой горнице, укрытый лоскутным одеялом, поодаль стояли его ботинки, вся прочая одежда была на нём. За окошком брезжил рассвет. Боже, как голова трещит! Со стоном и кряхтением он принял сидячее положение, пытаясь припомнить вчерашние события.

Ситцевая занавеска, скрывавшая кутный угол, колыхнулась, и в комнату вошла Устинья.

– А, голубь, очнулся, – протянула она, – а я уж думала, до обеда проспишь. В вечор-то прямо за столом тебя сморило, видно с устатку да непривычки; едва мы с Даниловнами тебя на лавку перетащили, вот ведь как. Похмелиться-то не желаешь? Наливка ещё осталась.

– Не-ет, что вы, Устинья Тимофеевна! – замахал руками Кирилл. – Мне с вашей наливки всю ночь что-то невообразимое снилось, вспомнить жутко. Будто я сам угодил в одну из тех бывальщин, что вы давеча мне рассказывали.

– Всяко быват, – философски заметила Устинья.

– Который сейчас час? – поинтересовался Кирилл.

– Уж шесть утра.

В подтверждение её слов снаружи донеслись автомобильные гудки. Кирилл вскочил и заполошно заметался по избе, собирая пожитки.

– Патефон свой не оставь, – напомнила Устинья, – чай, вещь дорогая, опосля плакать будешь.

– Ну, спасибо вам, Устинья Тимофеевна, за всё, – уже в дверях поблагодарил он хозяйку, – побегу – водитель ждать не будет.

– Лети, лети, голубь, – махнула рукой старуха.

Когда «полуторка» тронулась, водитель, угостившись сигареткой, спросил:

– Это в чьей же избе ты, паря, ночевал?

– Вон в той, – указал Кирилл, – а что?

– Шуткуешь? – усмехнулся водитель. – Тот дом давно пустой стоит.

– Ну вот ещё! Как же пустой, когда в нём Устинья Тимофеевна Полоротова за хозяйку.

Шофёр повернул голову и внимательно посмотрел на Кирилла.

– И что, она вот прям сама тебя принимала?

– Ну да, – пожал плечами Кирилл, – сама. У неё ещё две старушки Мосоловы были.

– Это ж какие Мосоловы?

– Фёкла с Евдокией.

Водитель только крякнул и покачал головой.

– А что не так? – удивился Кирилл.

Сбавив ход на повороте, шофёр указал ему на кирпичное строение, возвышающееся на околице деревни.

– Видишь тот дом каменный? Это здешний клуб. А прежде в ём церква была. А за нею — кладбище, оно и сейчас есть. Вот на том кладбище они и лежат.

– Кто «они»? – не понял Кирилл.

– Полоротова Устинья и сёстры Мосоловы. Устинья-то уж лет пять как померла, а Мосоловых в прошлом году схоронили, я сам на ихних поминках водку пил.

– Ты чего-то путаешь, – нахмурился Кирилл, – этого быть не может! Я же с ними за столом сидел... чуть не всю ночь.

– Это тебя кто-то запутал, паря. Или глаза отвёл. Тут такое быват.

– Да нет... не может быть! Чепуха какая-то. Кто кому чего отвёл... Постой! У меня ж они записаны! Вот же! – Кирилл выдернул из сумки магнитофон, перемотал кассету в начало и нажал воспроизведение.

Сперва из динамика раздался какой-то треск, а затем послышались странные звуки, напоминающие зловещее квохтанье; они всё усиливались, усиливались, нарастали и вдруг — истошный, полный нечеловеческой злобы вой резанул им по ушам! Челюсть у шофёра отвисла, он выпучил глаза и резко крутанул баранку. «Полуторку» вынесло на обочину, и она на полном ходу ткнулась мордой в ствол могучего кедра.

Скорость была не очень велика, и водитель лишь порядком приложился грудью о рулевое колесо, а вот Кириллу повезло меньше — он вышиб головой лобовое стекло так, что половина его туловища оказалась на капоте. Шофёр скоро пришёл в себя и втащил Кирилла обратно в кабину.

«Эй, как ты, паря? Чего ты?» – спрашивал он, тряся пассажира за плечи. Голова у того безжизненно мотнулась и упала на грудь. Увидев выпирающий шейный позвонок, шофёр прижал ухо к его груди – сердце не билось, Кирилл был мёртв.

Дмитрий Близнюк

ПО ЛЕВИТИРУЮЩИМ ОСТРОВАМ

Стихотворения

ангелы «а»

вчера завезли на оранжевых тягачах
новенькие тысячелетия, пахнущие машинным
маслом и стружками.
вот они — похожи на громадные синие секвойи,
каждое — толще пизанской башни
и выше небоскрёба стейт-билдинг,
но не про нас, не про нас —
смотрим на вечность, точно муравьи-диабетики
на сверкающие горы сахара,
как же отщипнуть от тысячелетия несколько
лишних лет?

рыжие чешуйки коры...
мир благоухает тысячелетиями, пряной смолой,
мусоровозами, свежезаваренным кофе,
серый пузырчатый шум человечества
заглушает базальтовое молчание тысячелетий.
одноразовые ангелы —
глупые, загорелые, в татуировках, —
сгораем, не оставляя пепла,
только печальные лужицы жира,
питательная ностальгия. давай же, любимая,
заплатим за садик, перевезем холодильник,
купим тысячу и одну вещицу...
только душа — это детеныш великана
запертый в готическом замке: идут годы,
детеныш растет,
и однажды ты понимаешь — великан уже никогда
не сможет выйти, не разрушив замок.
так и ты боишься смерти...

* * *

пруд затянуло льдом — как катарактой глаз.
зима — вынужденная старость мира,
еще не изобрели бессмертие —
только белую паузу
между чавканьем в саду
и размножением божьих тварей,
музыкальные, завьюженные,
завихристые паузы.
семенит странное чувство,
как нутрия в коридоре
космического корабля: уже медленно вращаются
во звездном чреве
среди туманностей заводов и городского смога
оранжевые зародыши адама и евы,
но нет ещё ни райского сада, ни планеты Эдем.
и змей искрит — прозрачный, как провод, —
только как идея.
крестьянские дети на коньках,
каины, авели, марии,
гурьбой спускаются на твердый лед,
лодки, как конусомордые собаки,
прячутся в будках —
явился белый тигр
с хрустальными когтями на ветвях.
ледяная крупа стучит по планшету,
и пальцы замерзают.
мир записывают на мир,
как программу на программу,
не соизволив полностью стереть тебя.
зима зима зима

* * *

однажды исчезнут все уста.
любимые глаза,
прочитавшие строки, растворятся. сотрутся
о наждачную бумагу времени —
тонкую, мелкозернистую.
людоед лет не сохранит
даже чёрную маслинную косточку зрачка.
точно жизнь — это разбег балерины
и в то же время
разбег спички по чикаркалу. вспышка.
неровное пламя, горение и мерное угасание
в позиции йога: нога согнута в колене
и руки над головой:
чик-чирик, я в домике созвездий.
но нет дома.
нет никого...
возможно, после нас останутся слова —
блуждающие светляки-инопланетяне,
невредимые, невидимые, неэвклидные. когда
исчезнет вся вселенная —
самим за себя завалившимся кубом,
чёрно-звёздным, тягучим кошмаром.
и что?
текучий вскрик звезды,
бескрайний, как роды в летнюю ночь.
на сковороде ночного поля
жарят сверчков на лунном масле. горчит трава.
мучительное зернистое сопение, хрусткий шум
лошадиных челюстей. так по словам,
по левитирующим островам
шагает беспардонный Шагал,
и смерть, и жизнь не могут его достать.

Ефим ГАММЕР

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

Поэма

УБИТЬ ЧЕЛОВЕКА

Пролог

Ночь.
Мерцание звёздного снега.
Слышится голос,
вплетается в мозг.
«Сможешь ли ты
убить человека?»
Ну, и вопрос!
«Сможешь ли ты?»
И – в мелькании лица.
Ознобло поводит
стволом автомат.
Мне хочется крикнуть:
«Я не убийца!
Я солдат!
И даже,
если косматый факел
новой войны
подпалит облака,
то и тогда
в своеволье атаки
не человека убью,
а врага!»
Эхо раскатисто вывело:
«А-а-аааа?!»

Война

Я пригублю густое молоко,
когда живой воды не сыщется на месте.
И твердь земную прорублю ростком
цветка, ботанике доселе неизвестным.

Неисчислимые подземные войска
кроваво-красными цветами прорастут,
и ветер будет биться у виска,
клоня на бывший вражеский редут.

В стороне от войны

Жёны и невесты
сотканы из слёз.
Плачут в голос вместе,
плачут врозь.
– Жёны и невесты!
Мёртвым не помочь.
Мёртвые не весть где,
а над ними ночь.
– Жёны и невесты,
горестные жесты,
в смерти мёртвых чья вина?
– А... а...

– Жёны и невесты,
скорбные оркестры,
бились мёртвые за что?
– О... о...

– Жёны и невесты,
дуют злые весты.
Кто навлёк их на страну?
– У... у...

Эпилог

Флаги спускают по умершим.
Мёртвые сраму не имут.
Мёртвые кости не стынут.
Мёртвое сердце не греет.
Мёртвая совесть молчит.

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА – СЛОВО

1

Ты знаешь,
как лопаются глаза?
Не от зависти,
не от дурной наследственности.
Ночью наплывают
белые паруса.
Сколько их?
Не сосчитать.
Но все разные.
И каждый
стремится «выглядеть».
Каждый –
лучший парус
на всём белом свете.
Все паруса –
белые.
Это изначально.
А потом...
Потом –
отмывка холста.
И паруса меняют цвета.
С выгодой,
ясной только для ослепшего ока.
Ослепшее око –
не мыслит
о выгоде для парусов.

Ослепшее око видит:
светлое, тёмное,
нечто округлое.
И кажется: это, наверное,
то, неземное.
Иное...

2

Смерть каждого,
живущего по духу и по родству,
начинается с тоннеля.
Ты входишь в тоннель,
и тебя впервые
несёт пространство –
то ли мира,
то ли души.
Но в конце тоннеля –
свет,
белое пятно.
Все оно – целиком –
круговое расстояние
от «Я» – доступного пониманию –
до «Я» недоступного.
И не разъехаться!
Доступное «Я»
вклиняется в недоступное,
наделённое
магнетическими свойствами.
Тянет тебя –
не сгинуть в пути.
Тянет тебя...
А там – впереди...

3

Видели мы
и такие сказки.
Но лучше назад,
чтобы жить по указке.
Всякие разные
наши реченья
выйдут нам боком,
как обличенье.
Мы все привычны
бороться с магнитом.
Что нам тот свет?
И без света мы сыты.

4

А там, впереди...
Там – бельмо
и неясная доля.
Но лучше –
неволя,
земная:
свой дом, своё поле,
и камушек гладкий
в зелёном ручье,
и солнце –
яичным желтком в куличе.

5

Отойти за измеренье слова.
Выйти вновь в рассудочный аспект.
И доить родимую корову
у слиянья самых главных рек.
Лучше так, иначе – всё иначе,
как во сне, где не поделишь хлеб.
Кто там – снова? Что за кукарача?
Что за перевёртыши судеб?

6

Вышла девушка в русалки.
Злобно топнула ногой.
Одноклассница – нахалка –
ярче светит чешуёй.

7

Не смотри – не увидишь,
превзойдёшь.
А кого-то обидишь –
не умрёшь.
Не смотри, и не будет
ничего впереди.
И тоннель не осудит,
да и сам не суди.

8

А если приглядеться
и уяснить?
Смотри:
глаза лопаются ночью,
при электрическом свете,
когда любовь – жизнь,
когда жизнь –
любовь.
Поэты фальшивят
только в строке.
А в смерти и в жизни
они одновременно.
Вечность – в нас...

9

Слепые ведут слепых
дорогой слепой надежды.
Им светит слепая звезда,
своим ослеплённая светом...

Поэтическая перекличка

«МИМО СОБСТВЕННОЙ МОГИЛЫ»
(Николай Некрасов – Иван Таран)

Николай НЕКРАСОВ

20 ноября 1861

Я покинул кладбище унылое,
Но я мысль мою там позабыл, –
Под землею в гробу приютилася
И глядит на тебя, мёртвый друг!

Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь, как сейчас похороненный,
Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложили чуть видные
Поцелуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

Иван ТАРАН

Николай Некрасов

Я нарушил закон,
Забыв о том, что мне мило.
Николай Некрасов шёл с рюкзаком
Мимо собственной могилы.

Бунт мой пресекли,
А мои стихи не постигли.
Николай Некрасов ехал на мотоцикле
Мимо собственной могилы.

Водителем развалюхи дачной
Был Николай Некрасов.
Остановка возле кладбища
Называлась «Овощная база».

«ПЛАЧ ГИТАРЫ»
Федерико Гарсиа Лорка – Вероника Шелленберг

Федерико ГАРСИА ЛОРКА

Начинается
Плач гитары,
Разбивается
Чаша утра.
Начинается
Плач гитары.
О, не жди от неё
Молчанья,
Не проси у неё
Молчанья!
Гитара плачет,
Как вода по наклонам — плачет,
Как ветра над снегами — плачет,
Не моли её
О молчаньи!
Так плачет закат о рассвете,
Так плачет стрела без цели,
Так песок раскалённый плачет
О прохладной красе камелий,
Так прощается с жизнью птица
Под угрозой змеиного жала.
О, гитара,
Бедная жертва
Пяти проворных кинжалов!

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ

Любовь моя, цвет зелёный...
Гарсия Лорка

Когда, заострённый песней,
качается маятник лунный, –
царапинами на жести
молчат гитарные струны.

Иную музыку просят
вокзалы, навзрыд пустые,
из них венозные лозы
раздвоенные, стальные

ночью растут на запад,
роняя грохота гроздья,
и только туманов лапы
ловят эхо и звёзды.

Скорый, дай мне забыться
на берегу высоком,
лунная тень двоится,
срезанная осокой...

Кто растревожил заводь
ландышевой картечью?
Лозы росли на запад
и на восток, навстречу.

Ужасом близкой смерти
кто распалил объятья?
Будто бы губы эти
ищут противоядья...

Антология поэтической пыли

Пыль – знаковое явление для омского культурного ландшафта. Это явление давно вышло за пределы быта и стало своеобразным символом Прииртышья, его менталитета и культуры. Предлагаем вниманию читателей антологию одного стихотворения, посвящённую омской пыли как значимому элементу городского пейзажа и незаурядному метафизическому феномену.

Марина УЛЫБЫШЕВА

* * *

Над Сибирской равниной плывут облака.
Роет жёлтую глину стальная река.
Сеют кварц и слюду берега из песка.
Далека ты, Сибирь, далека.

Там мой пращур на чёрном коне не скакал,
И равнинные земли её не пахал,
И луны круглолицей мертвецкий оскал
В чёрном небе с тоской не искал.

Но и я на суглинок её и песок,
На черлакскую пыль нижнеомских дорог,
На её азиатский, ковыльный восток
Угодила, как беглый в острог.

Я ныряла в реки её радужный плен
И мазутные пятна стирала с колен.
Но оскомина диких ирги и малин
Средь иных мне приснится равнин.

Моя родина! – Сосен янтарь и смола, –
Ты зачем мою душу измором взяла,
Ветром выдула всю, лебедой иссекла,
Солнцем выбелила добела?!

Я люблю тебя, словно добыча – стрелу,
Как лихой человек – ночи тёмную мглу,
Потому и храню в самом дальнем углу
Твоих призраков прах и золу.

Александр ЛИЗУНОВ

* * *

В то лето Омск окутала жара.
Церковный свет горел в пожарных касках,
И в урнах апельсинов марокканских
Оранжевая сохла кожура.

Над мостовыми, в мареве паря,
Вдали дрожали клёны, окна, крыши,
И на проспекте душном чем-то лишним
Казались пароходства якоря.

В антрактах, краснолицы и мокры,
Искали тень актёры у театра,
Платком под париком или тиарой
Стирая с гримом пот и с потом грим.

И каждый день всё то же повторял,
И звякали две стрелки на курантах,
Как ножницы, лениво-аккуратно
Кроя свой ПЫЛЬНЫЙ жёлтый матерьял.

И, может, в этом не было беды,
Но снилось мне, что в путанице улиц
Навеки мы с тобою разминулись, –
Лишь зной вокруг и город без воды.

Игорь ФЕДОРОВСКИЙ

ДЕНЬ ГОРОДА
(какой-то древний, юношеский)

Классики - это в квадрате пыль
На тротуаре... часто ли
Дождик осенний добрым был,
В клеточки лет добавлял чернил...
...Я видел грустное аниме,
Там все были счастливы...

Олег КЛИШИН

* * *

Напиши в тетрадь, накропай в блокнот.
Не понравится – оторви да брось.
Уходили вместе, вернулись врозь.
Никогда теперь ни в какой поход

Не зови. Романтика, мошкара –
Эка невидаль! А мерцанье звёзд
И гнездо, в котором жил певчий дрозд,
Мы увидим здесь, посреди двора.

И не спрашивай никогда: зачем
Распахнулось солнечное окно?
Кто с ладони сдунул нас заодно
С пылью, пляшущей в золотом луче?

Дмитрий СОСНОВ

Как вездесуща городская пыль –
Ну, просто нету от неё спасенья.
Ты – часть пейзажа, городская быль,
Взлетаешь в верх от ветра дуновенья.

Что делать или что же предпринять? –
Пока вопросы так же без ответа.
И остаётся про тебя писать
Прозаикам, конечно, и поэтам.

Антология поэтического булыжника

Важным элементом городского пейзажа в Омске является булыжник. Недаром в память о выдающихся литераторах нашего региона в центре города ещё с прошлого тысячелетия ежегодно воздвигается булыжник с высеченным именем покойного писателя. Поэтому даже омскую поэтическую школу иногда называют школой поэтического булыжника. Предлагаем читателю подборку омской поэзии, булыжной в хорошем смысле этого слова.

Олег КЛИШИН

Покаяние вандала

Какая грусть! Конец аллеи...
Фет

Ну не совсем ещё... Быть может,
всё повернётся взадпятки,
когда вандал с бандитской рожей,
в себе раскаянья ростки,

почуяв, явится и скажет:
«Простите подлеца, друзья!
Намедни, мельком глянув в гаджет,
вдруг понял: дальше так нельзя!

Услышав гневные проклятья,
негодованья грозный пыл,
вдруг захотелось крикнуть: братья,
какой же сволочью я был!

Каким отъявленным злодеем
предстал, когда, как тать в ночи,
два камня умыкнул с аллеи.
Так раньше плиты, кирпичи

со строек, помнится, тащили
и работяга, и прораб.
Без шума лишнего и пыли.
У каждого был свой масштаб,

своя в хозяйстве общем доля.
А нынче, братцы, всё не так.
Как честный бизнесмен, без боли
на узаконенный бардак

смотреть не в силах. А куда мне
деваться? Рыночный диктат:
участок взял - в нагрузку камни.
Само собою - за откат.

Но ваши речи, как нагайкой
хлестнули. О, когда б я знал
какие глыбы воровайкой,
как брюкву с грядки вырывал!

Ваш гнев стыдом меня ошпарил.
Клянусь душою пацана,
тот чин с нутром продажной твари
получит всё своё сполна.

Пускай его постигнет кара
горенья в адовом огне
за то, что он кусок бульвара
с камнями вместе продал мне.

Ведь не вандал я, не погромщик
с гранитным камешком в груди,
а просто типовой застройщик,
каких у нас хоть пруд пруди.

Да, не силён в литературе.
Тружусь, как пчёлка, дотемна.
Но после виртуальной бури
пиитов омских имена

теперь я навсегда запомню,
для тех же, чей придёт черёд
заранее в каменоломне
открою безлимитный счёт».

Иван ТАРАН

* * *

Расцветают камни,
Жестокие,
Как зеркала.

Игорь ФЕДОРОВСКИЙ

КОНСТРУКТОР

Наберу камней, на поруки взят,
Дом построю мне, только жить нельзя,
Только жить нельзя или можно жить?
Видно мне опять прозябать во лжи.
На поруки взять – не прибрать к рукам,
Повернуть назад, собирая кам...
Не построить дом, а потом пойти
И набрать камней на большом пути.
Только шорох дней не даёт понять:
То ли ты – ко мне, то ли – от меня.
То ли дождь шумит, то ли я молчу,
Наступает мир ровно на чуть чуть
Или на халат, у кого длинней,
У меня талант, я набрал камней
И построил дом, а потом сломал,
Я настроен в дождь переплыть Ла Манш,
Но меня спасут: на поруки взят.
Номера посуточно, а на час – нельзя,
Чтоб камней набрать и не брать камней,
Чтоб придумать край оголённых дней
И коснуться вдруг, замерев вчера,
Я люблю конструк... но взрослеть пора,
Пораскинув моз... и на гамме вдруг
Оборвётся мост... и не наберу,
Чтоб построить дом, быть счастливым мне...

...Я проснулся в дождь посреди камней.

ОПА
(Общество поэтов-анонимов)

Подборка анонимной поэзии с двумя «слепыми» критическими разборами представленных в ней произведений становится постоянной рубрикой «Менестреля». Читатели уже привыкли к ней и с нетерпением ждут, когда редколлегия в новом номере объявит имена авторов предыдущей подборки и тексты следующей. Отвечая на просьбы читателей, мы объявляем имена участников антологии из № 9 за 2018 г.

Стихотворение № 1 принадлежит Виктору Куллэ, № 2 – Станиславу Минакову, № 3 – Виктору Коврижных, № 4 – Вадиму Горинову, № 5 – Яне-Марии Курмангалиной, № 6 – Виктору Куллэ, № 7 – Антону Школьникову, № 8 – Екатерине Новиковой, № 9 – Сергею Носову, № 10 – Екатерине Острых, № 11 – Василине Орловой, № 12 – Дмитрию Мурзину, № 13 – Андрею Коровину, № 14 – Дмитрию Мурзину, № 15 – Вадиму Горинову, № 16 – Андрею Коровину.

Редколлегия альманаха выражает благодарность авторам и критикам, поучаствовавшим в нашем эксперименте. И, разумеется, предлагает вниманию читателей следующую анонимную подборку.

1

Закружат, понесут такие силы,
что неуютно станет подлецу.
Горбатого исправят две могилы –
отца и бабки, бабки по отцу.

Потёртый свитер, тапки на липучках –
сам по себе комичный персонаж.
Дошёл, как выражаются, до ручки...
до ручки, до дверной, любимый ваш.

Хвост распушив, перенаправил реки
и в пятки вставил пламенный мотор.
А то, что вырвал лист в библиотеке –
мне стыдно, не поверишь, до сих пор.

2

Памяти Г.

Вот бы поверить в это,
хоть на одно мгновенье!..

Выбран Посланцем Света
в Новое Измеренье.

Кем, почему – не важно,
что ты сейчас изменишь

здесь, под венком бумажным,
без страховой, без денег?

Скромный пиджак на плечи
лёг, как всегда, прекрасно.

Письма, звонки и встречи?
С этим пока не ясно.
Выйдешь в миры иные –
в космосе связь без клавиш –
новые позывные
старым друзьям отправишь,

может быть, пригодятся.
Только не спорь с судьбою,

знай, что они гордятся
дружбой своей с тобою.

Всё, что любил – поможет:
реки, снега, берёзы...

Время обид не множит,
время осушит слёзы.

То, что в душе хранимо,
станет важней, чем вести.

В левом кармане снимок,
где мы навеки вместе...

3

я несла свою голову в рюкзаке
все оборачивались шептали беззвучно
было легче но это не значит лучше
так и шла по городу налегке
голова лежала в прозрачной тьме
шевелились змеи волос ветвисто
и персей целовался во мне неистово
с андромедой ласковою во мне

4

что вы, я так гуляю
город умылся весной
те, кто казались прахом
те, кто теперь связной
те, кто взошли на плаху

те, кто не умирал
те, кто прошли по краю
в небе поют хорал

те, кто любил, неслышно
шлют на мой лоб лучи
я для них главный, беспечный,
хоть и последний герой
лет уже тридцать с лишним
кто-то из сердца стучит
двери недолговечны
Боже, открой
открой

5

Мечемся, не уняв
Времени вечный сев...

Время лечит.
Меня.
Руками моих друзей.

С ними сумел понять
Многое.
Видит Бог,
Время лепит меня
Руками моих врагов.

Утоп бы - петлёю ловят –
Соломку
стянули
в сноп...
Спасибо на добром Слове.
Теперь мне хватает слов!

За каждый мой крик бессильный
Прими благодарность, враг!..
За то,
что стрелял по крыльям...
В достатке теперь пера.

6

вахтёрше было двести лет
её собаке грустной сотня
ещё был дворник щуплый дед
и тихий безобидный плотник
в его руке фанеры пласт
в другой фонарь простой китайский
который норовил украсть
а вместе с ним мольберт и краски
невыносимый хулиган
из класса пятого по кличке
от слова пусто пустельга
он в школьном туалете спички
на перемене поджигал
его ловил за шкирку дворник
и тихий безобидный плотник
с укором головой качал
вахтёрша древняя как мир
с глухой собакой на коленях
носочек штопала но дыр
не убавлялось вязко время
тянулось и звонок пронзал
растерзанные коридоры
и мёрзлый физкультурный зал
но намекал что счастье скоро
свобода выходные дни
однако же не наступали
невыразимые они
и плыли все в сырой печали
вахтёрша дворник пустельга
и плотник безобидный тихий
от четверга до четверга
с забытым привкусом черники
июльской сладкой дорогой
которую давно не ели
и по орбите круговой
они летели и летели
тушили спички или свет
кроссворды ветхие гадали
а счастья не было и нет
наступит видимо едва ли

7

Засвеченный кадр –
старая плёнка.
Сейчас всё оцифровано –
это можно стереть,
отредактировать,
скопировать,
в конце концов, удалить,
а вот кусок целлюлозы –
и это всё, что осталось
от того ощущения
места и времени,
которое не получилось
продлить...

Мутное пятно,
обещающее внутри
нечто сокрытое –
не проступившее
с этой стороны плоскости –
возможно, фасады
или лица на фоне фасадов,
а, может быть, милый кот
на тёплых коленях –
вот бы оцифровать
и выложить в сеть –
столько бы было откликов
на эту незатейливую радость

среди такой изощрённой войны,
но плёнка засвечена –
взвалила на плечи воображения
всю недосказанность
света и тени.

Сожмёшь в кулаке
липкую ленту –
будто желая,
чтобы на пыльной ладони
отпечаталась жизнь,
схваченная объективом
в надежде на проявитель,
но чувствуешь только слюду,
хрустнувшую чуть слышно
о чём-то своём,
но таком отстранённом –
словно закадровый голос,
забывший текст,
зачем-то признался в этом...

Вот здесь стоял дом –
деревянный,
с резными наличниками.
Провинциальный модерн.
Модерн – переводится,
как «современный»,
однако, дом тот снесли –
кончилась современность,
и началась реальность,
предстающая – вот досада –
безнадёжно засвеченным кадром,
оцифрованным мутным пятном.

8

НОЧНОЕ

Крошечным пятнистым арлекином
По слюне мастифа, да с мастихином
Я взбиралась во сне из последних сил.
Возможно, потому, что ночью заморосил
Дождик, заговорил на голубином,
На утином наречии. Воскресил

Сны мои, картины из дальнего далека...
Месяц зацепился за алую жесть маяка.
Друг мой, Мельес, крути свою киноплёнку,
Покажи моему внутреннему ребёнку,
Что случается, когда затекает рука.
А за ней и плечо, и подушка,
и простыня — вдогонку.

Астрономы надувают щёки,
Выпуская пузыри из космической щётки.
Вот и весна. И кожа саднит, как раньше,
Когда ни в теле, ни в мыслях не было фальши.
И зелёная карета несётся по девичьей чёлке.
Кони косят, почуяв, что едут по великанше.

Каждую ночь меняю свои размеры и вид.
Во мне устроился кто-то, кто ведает, что творит.
Кто ты? Алиса? Мозг? Или же демон?
Лучше не трогать. Кто знает, из чего он сделан.
Щекочет мне веки. Во рту у меня искрит.
Может, утопит меня в чашке,
размажет по стенам.

Мягкий пёс лижет мраморное плечо.
Жить в апреле становится горячо.
Капли тянутся по брусчатке и рвутся.
Предрассветный Арбат
похож на потёртое блюдце.
По нему ползёт оживший шпионский жучок.
Голенища его и усы, и брови смеются.

Раз-два-три, раз, – вальса как не бывало.
Заворачиваюсь потуже в своё одеяло.
Сплю — глубоко и влажно.
Дождик висит на шпиле.
Тишина в эфире, нас почти утопили.
Башмачки – снова в дым.
Я вернулась с последнего бала.
Здесь меня любят. Но и там меня тоже любили.

9

Крутится по оси
голова твоя.
Что-нибудь произнеси –
обернутся вокруг циферблата слова
и отмерят путь
уже без подсказки цифр –
путь воздуха, что, покидая грудь,
следует тоже за циркулем.
В мире округлом –
всё замыкает кольцо:
север приходит с юга,
а с юга – как ветер студёный в лицо –
возвращается север.
Пластинку переверни –
старый проигрыватель усердно
отправляет тебя в те дни,
когда музыка виделась опытом
обретения вещих звёзд.
Хоть воздушные шарики лопнули –
эти звёзды ещё всерьёз...

Вращается панорама.
Ты в центре, но что с того?
Если жизнь предстаёт незавёрнутым краном –
дом затопит легко.

Площадь круга – предметы и звуки,
люди, здания, артефакты,
фотовспышки событий, стрелы из лука –
то амуровы, то – пробивающие и латы –
робингудовы, раны, шрамы,
узы, море, дошедшее до лодыжек
и уводящее вглубь, где кораллы
формируют коварные рифы,
там рыбы – в нишах...

Крутится по оси
голова твоя,
иже еси на небесех,
и если нам храм – земля –
увидишь, как бесконечен контур,
как много внутри от отца,
и оно доступно, коль следуешь ходу
вращающегося колеса...

10

кровь звучит громче.
красные джентльмены
на экскаваторе вожделения
аплодируют, аплодируют.
мигают жёлтые плафоны.
это кофеин или тестостерон?
спина выравнивается, как у дракона:
плечи чуть назад,
чугунными ленивыми гирями,
нахальный взгляд охотника без ружья.
кровь кричит, разгоняет
ледяных тараканов разума.
струна в животе тянется вверх,
цепляется грубой петлёй за шейный позвонок,
как за крючок,
никаких скрипичных колок —
сплошная плотоядность.
вот и встретились пожарник и пожар,
страх и наглость —
хотят подружиться.

а она тебя обвила
узкими ласками муравьеда.
тайник за ушами,
расплавленный жемчуг слюны.
маленькое привидение дыхания —
Каспер — гуляет
по ночному району тела.
точно поролон, ты пропитан её плотью,
сутью, фамилией,
её ДНК, грибными спорами тысячи родственников.
это ли не вторжение на твою планету?
подмышка — как школьный пенал: вот шершавый ластик,
а вот химические карандаши родинок: обслюнявить,
чтобы чётче писать. ты чувствуешь её запах
на своей одежде —
зелёная кислотная кровь
«чужого»
проела металлическую обшивку крейсера
на три этажа.
до самого двигателя внутреннего обманывания.
ты принимаешь душ, но снова возвращаешься
в облако её запаха, как в кокон. улыбаешься.
насвистываешь чушь и немного глупеешь.

господи, зачем женщинам столько запахов?
столько удавок,
уловок, изящных арканов, петель,
силков и капканов.
танки красоты воюют между собой —
стреляют ароматами, цветами,
тканями, красками, бижутерией. красота
не может спасти мир, но — только отвлечь,
завлечь на время.

11

Под плитою болит голова,
тяжесть камня мешает вздохнуть.
А не лучше ли просто трава
и цветочки какие-нибудь?

Как на выход костюм или фрак –
мрамор с датами или гранит.
А не проще ли как-нибудь так? –
к чёрту весь гробовой реквизит! –

хвои проволочный переплёт,
холод пластиковых лепестков...
Ведь душа, словно птица в полёт,
из могильных стремится оков,

чтобы где-нибудь там свысока
видеть вновь, как средь белого дня
точно так же плывут облака,
точно так же, но – после меня.

Ирина ГОРЕЛОВА

КОРОТКО О СЛОЖНОМ

Рецензия

Текст № 1

Насыщенная рифмовка «подлецу — по отцу», «перенаправил реки — библиотеки», техника на высоте. Но слишком зашифровано по образам – как должны исправить горбатого две могилы? В чём исправление? Когда и в чём «дошёл до ручки»? Комизм – «до ручки, до дверной», «в пятки вставил пламенный мотор» сам по себе хорош, но вызывает больше вопросов, особенно после описания двух могил. Концовка хороша, но ясности не добавляет. А читателю очень интересно.

Текст № 2

Очень хорошо выстроено по интонации, по образам, по ритму. Есть отличные рифмы «хранимо — снимок», «клавиш — отправишь», есть много рифм на грани банальности, особенно глагольные, рифма «изменишь – без денег» выбивается из ряда вообще в силу неточности, но допустимо. Не расшифровано «станет важней, чем вести», получается недостроенный образ.

Текст № 3

При всей красоте выстроенного образа (а образ потрясающ по соединению трёх мифологических персонажей в одном лирическом герое!), хочу заметить, что змеи шевелятся ветвисто исключительно ради рифмы. И это единственный недостаток стихотворения. Игра смыслов на созвучиях «легче, но это не значит лучше» – прекрасна.

Текст № 4

Очень интересная схема рифмовки, которая делает стихотворение непредсказуемым, хорошо воспринимается перечисление в начале, хорошие рифмы. Непонятен момент – «я для них главный, беспечный, хоть и последний герой», очень зашифровано.

В целом идея хороша, концовка очень хороша.

Текст № 5

Отличный ритм, рифма очень хорошая «уняв – меня», и даже та, что на грани созвучий хороша «сев - друзей». Изумительное созвучие «время лечит меня – время лепит меня». Из минусов – «Утоп бы» резко сбивает стиль, и в целом третья строфа провальная. Потому что во второй строфе совершён переход уже на врагов, тут про петлю и соломку — опять друзья, потом опять враги. Стихотворение выиграло бы без третьей строфы, и даже возможно – четвёртой. Великолепны первые две. И самодостаточны. Концовка про перья неплоха, но она слабее игры смыслов первых двух строф.

Текст № 6

Если автор хотел рассказать о бессмысленности бытия путём непрерывного повтора бессмысленных событий, у него это получилось. Но, к сожалению, у Блока это получилось короче и ярче. И раньше лет на 120. Читатель не получает удовольствия от вторичности.

Отдельные образы очень интересные: «звонок пронзал растерзанные коридоры», поэтому стихотворение имеет право существовать.

Текст № 7

Сделано вроде профессионально («вроде», потому что профессионалы не используют так часто слово «это» и «вся», но есть ощущение, что делалось осознанно – ритм, рифма), но скучно. И даже мигрирующая рифма не спасает ситуацию, не оживляет повествование. Центральный образ «но плёнка засвечена – взвалила на плечи воображения всю недосказанность света и тени» повторён несколько раз. Масса вопросов – почему ладони пыльные? причём тут слюда, если речь идёт о плёнке? – целлулоид тогда, наверное? Почему война изощрённая? В целом впечатление такое – «возможно, фасады или лица на фоне фасадов, а, может быть, милый кот». Нет конкретики, ярких штришков, конфликта героя, пусть даже с самим собой.

Текст № 8

Очень хорошие сложные рифмы: «дальнего далека... алую жесть маяка», «демон – сделан». Насыщенные образы: «Сплю — глубоко и влажно», «Капли тянутся по брусчатке и рвутся», «Мягкий пёс лижет мраморное плечо».

Хорошая отсылка «Голенища его и усы, и брови смеются» к «тараканьи смеются усища и свер-

кают его голенища», вообще много отсылок к разным произведениям, что создаёт пространство постмодерна.

Однако в какой-то момент объём перечислений начинает задавливать читателя, хочется действий, изменений, хочется остановиться и перестать отгадывать загадки. Очень плотное произведение, в котором нечем дышать, поэтому оно восхищает отдельными фрагментами:»Башмачки - снова в дым. Я вернулась с последнего бала. Здесь меня любят. Но и там меня тоже любили», но суммарно утомляет. Хочется разделить это постмодернистское пространство на несколько отдельных историй.

Текст № 9

У меня как читателя, перечисления не срастаются в один образ, а воспринимаются мельканием, что утомляет. Поток сознания, конечно, производит впечатление искренности, но как-то его много. Хотя логика прослеживается, все образы выстроены на вращении – и даже вода возникает из незавёрнутого крана (очень красиво!), но потом она превращается в море и начинаются вопросы.

Зашифровано «как много внутри от отца», много нерасшифрованного для меня, поэтому впечатление первородного хаоса, из которого пытается родиться что-то прекрасное.

Текст № 10

Неделю пыталась расшифровать «красные джентльмены на экскаваторе вожделения аплодируют». Не удалось. Опять же отдельные образы врезаются в память: «расплавленный жемчуг слюны», «танки красоты воюют между собой — стреляют ароматами, цветами, тканями, красками, бижутерией», «вот и встретились пожарник и пожар, страх и наглость — хотят подружиться», «нахальный взгляд охотника без ружья», «кровь кричит, разгоняет ледяных тараканов разума». Красиво, броско. Насыщенно. Несмотря на хаотичность изложения, в этом стихотворении есть центральная мысль, что его сильно спасает. Но хаотичность всё равно утомляет, поэтому после прочтения остаются нотки раздражения, что автор вывалил на тебя слишком много.

Текст № 11

Ритм хороший, рифма простая, мужская, без изысков. На изыск немного тянет – «переплёт — полёт». Простое стихотворение о простом. Не глубоко, но и не мелко. Образы неброски, «душа, словно птица в полёт» даже банально.

Анна СТЕПАНОВА

Моё сТихое Слово

Рецензия

Читаю подборку и понимаю, что, пожалуй, зря я согласилась на эту авантюру – стихи рецензировать. Страшно за то, что или обижу, или обижусь. Впрочем, ладно, довольно лирики – её хватает в антологии анонимной поэзии – постараюсь быть объективным и адекватным (по мере возможности) критиком. Впечатление в целом, как от разношёрстной кошки: смотреть – странно, в руки брать – страшно, гладить – приятно, за это отдельное спасибо составителю. Интересно, совпадёт ли мнение читателя с моим...

Текст №1

Многообразие образов в стихотворении отвлекает от смысла (если он там, конечно, есть): создалось впечатление, что автор в попытке жонглировать словом сам забыл, куда шёл. То есть отдельно взятые образы хороши:

– *«горбатого исправят две могилы...»,* хотя здесь же сразу напрашивается вопрос, почему могилы именно этих людей – отца и бабки по отцу – должны коренным образом изменить ситуацию; вероятно, это как-то символично для автора. Тем не менее, сам этот образ мне понравился.

– *«Дошёл, как выражаются, до ручки...*

до ручки, до дверной, любимый ваш» – снова понравилась игра с устойчивым выражением, хотя в общем контексте это не имеет никакой ценности, на мой взгляд.

– *«Хвост распушив, перенаправил реки*

и в пятки вставил пламенный мотор» – в

этих двух строках столько всего, что я позабыла, как меня зовут, начав углубляться в каждый из образов.

А вот идея концовки мне понравилась, хоть она и не прописана:

«А то, что вырвал лист в библиотеке –
мне стыдно, не поверишь, до сих пор» – пыталась представить, как можно вырвать лист в библиотеке, откуда именно: из книги, из Устава организации, из книги отзывов и предложений? Очевидно, автор подразумевал именно вырванный из книги лист, за который ему до сих пор неловко, но, раз напросилось сразу несколько иных вариантов – надо бы допрописать. Итого: строчки через одну хороши, цельного произведения не увидела.

Текст №2

Стихотворение очень понятное, не нужно ничего додумывать: о ценностях и важных нематериальных вещах, которые не заберёшь с собой в мир иной. Оставило хорошее впечатление концовка:

«То, что в душе хранимо,
станет важней, чем вести.

В левом кармане снимок,
где мы навеки вместе...»

Тот странный случай, когда при откровенно слабых рифмах – мгновенье-измеренье, важно-бумажным, прекрасным-ясно, с судьбою-с тобою, берёзы-слёзы – стихотворение может заинтересовать, потому что в нём понятна, хоть и печальна, мысль.

Текст № 3

Это стихотворение почему-то напомнило мне кроссворд – приятно-витиеватое при всей своей простоте. Очень понравилось! Отличные образы, раскрывающие суть: автор не перегрузил внутренний мир лирического героя мифологией, хотя в этом случае удержать баланс удаётся далеко не всегда. На мой взгляд, очень цельное и хорошее стихотворение, интересное, но хочется ещё какого-то продолжения. Возможно, автор имеет цикл подобных произведений, относящих читателя к древнегреческим мифам. Надеюсь, это так, в этом случае, я – первый желающий с ним познакомиться.

Текст № 4

Противоречивые какие-то эмоции. Наверное, скорее, нет, чем да: не совсем поняла идею. Лирический герой, потерявший на своём жизненном пути немало людей –

«...те, кто прошли по краю
в небе поют хорал

те, кто любил, неслышно
шлют на мой лоб лучи...» – видимо, сам хочет поскорее отправиться к ним:

«...двери недолговечны
Боже, открой
Открой».

Именно в этом контексте не поняла образ этих «недолговечных дверей» – если они действительно такими являются, зачем торопить Бога, развалятся – сам зайдёшь. А также не понимаю, с кем ведёт диалог герой в начале: «Что вы, я так гуляю...» Это возражение на что-то? Тогда мне не хватило предыстории. Понравились звукопись и ритм в стихотворении, но решают ли они, если не прописан смысл?

Текст № 5

Отличное! Ни убавить, ни прибавить. Очень сильная вещь. Не вижу необходимости приводить какие-то отдельные строки – надо просто брать и читать целиком!

Текст № 6

Редкие стихи прощают отсутствие знаков препинания – для этого нужно родиться довольно сильным и цельным стихотворением. К сожалению, случай с шестым текстом – не такой.

Я поняла, что описывается круговорот жизни, невыносимость и повторяемость бытия, но зачем так много слов, которые отчаянно нуждаются в точках, запятых и прочих тире? Они прямо кричат: «Отделите, пожалуйста, глухую столетнюю собаку от простого китайского фонаря и пустельги, которая от слова «пусто», потому что плотник с привкусом дорогой черники никак не выйдет из физкультурного зала, ведь спички или свет регулярно тушатся о ветхие кроссворды, а счастья не было и нет...» Конечно, какое уж тут счастье, голову бы не сломать во всей этой круговерти. Мне было сложно и неинтересно дочитывать – слишком мощное нагромождение действий, эпитетов и предметов, приведшее ни к чему.

Текст № 7

Ух ты!.. Не пугает ни форма, ни ритм, ни объём этого сложного (на первый взгляд) произведения. Прочитала на одном дыхании. Потом ещё. И ещё! Я не знаю как, но

оно работает: ощущение, что посмотрела старую короткометражку. Непременно в ч/б. Отлично!

Какие тёплые образы, как легко читается, как странно и тонко изложено! Мутное пятно, которое обещает нам нечто сокрытое (не проступившее с этой стороны плоскости), оно бесподобно, это пятно! Милый кот на тёплых коленях; слюда, хрустнувшая о чём-то своём; закадровый голос, забывший текст и признавшийся в этом – это не все, но одни из ярчайших образов, которые волшебным образом трансформируют текст в тактильность.

Единственное, что для меня осталось недопонятым: почему война – изощрённая? Но этот момент как-то растворился в общем отличном впечатлении от этого хорошего, качественного произведения.

Текст № 8

Колыбельная для мозга – понравилось. Такое динамичное, полное нетривиальных образов стихотворение. Этакая квинтэссенция детских сказок в совершенно взрослой мысли, так грамотно созревшей в голове автора. Очень понравилась карета, которая несётся по девичьей чёлке; Мельес, который показывает внутреннему ребёнку, что бывает, когда во сне затекает рука, а с ней и много чего ещё, вплоть до простыни; предрассветный Арбат, похожий на предрассветное блюдце, прекрасен...

Но меня при всей вальсовой стремительности этого текста почему-то абсолютно не тронула концовка. Всегда хочется послевкусия, а тут – пустота. Читая стихотворение, тепло улыбаешься, всё так понятно, красиво и близко, но в конце – ничего. Возможно, моему внутреннему читателю хотелось бы увидеть или оборванный на самом интересном месте сон, или какую-то иную концовку...

Текст № 9

Заставила себя читать до конца – накручено столько всего, что устала на десятой строке. Но есть отдельные неплохие моменты:

«Что-нибудь произнеси –
обернутся вокруг циферблата слова...»

«...север приходит с юга,
а с юга – как ветер студёный в лицо –
возвращается север...»

«...если жизнь предстаёт незавёрнутым краном...»

Смысл стихотворения, в общем-то, понятен, но его можно было уложить в более комфортный объём и форму.

Текст № 10

После прочтения хотелось задать автору один вопрос: «И?»

То есть, вот всё то крутое и сложное, что я только прочитала, свелось к тому, что красота может на время спасти мир? Ну нет, автор! И это после всего, что между нами было? То есть, все вот эти твои: «нахальный взгляд охотника без ружья», «вот и встретились пожарник и пожар, страх и наглость — хотят подружиться», узкие ласки муравьеда, тайник за ушами, маленькое привидение, гуляющее по ночному району тела – это всё просто так?

Как знаешь, автор. Но, в таком случае, я больше к этому стихотворению не вернусь. Наемся отдельными строчками – и довольно.

Текст № 11

Возможно, только меня, выросшую на творчестве «ДДТ», это стихотворение отбросило на много лет назад к песне «Это всё». Вероятно, того, кто с этой группой не знаком, оно заденет больше.

В этом тексте хромают рифмы: голова-трава, гранит-реквизит, так-фрак, лепестков-оков, свысока-облака, дня-меня. Хоть и не нова, но абсолютно понятна идея – стихотворение без затей. Но от концовки невыносимо веет Шевчуком с его бессмертным: «Это всё, что останется после меня». В этом случае при настолько сильном пересечении темы нужно писать или лучше известного произведения, или, наверное, никак...

«ИСКУССТВО ТРЕПЛЕТ НЕРВЫ И МОЛЧИТ»

Антология одного стихотворения

Дмитрий РУМЯНЦЕВ

* * *

Щит Леонардо или щит Ахилла –
старинные музейные дела,
и ты, забывшись, в трёпаных бахилах
выходишь в грязь и сумерки двора,
пленённый интригующим обманом.
Искусство треплет нервы и молчит.
Плыви, плыви тверёзым или пьяным,
покуда не пожалуешь на щит.
Покуда сердце у тебя простое
и снятая с Горгоны голова...
Покуда и в судьбе вас тоже — Трое:
вот — ты, вот — он, а главное — она.
Покуда битва названа троянской,
но боги не подыгрывают вам,
легко парить и просто ошибаться
Тельцам, Весам и Львам...
Пойми, как Джим качаловский, простое,
как «Камень» мандельштамовский, пойми:
дано нам тело, жить на свете стоит –
любить, и погибать, и быть людьми...

Виктор БОГДАНОВ

* * *

Да, губы. Да, глаза. Но что
мне делать с ними после поцелуев?
Смотреть... Молчать... Но если б не они,
я был бы мёртв, а ты бы оставалась
всего лишь этим взглядом, этой
копной волос, волнистыми губами
и голосом, не знающим, что он –
не просто голос, и блестящей кожей
с ожогом над коленкою – с ожогом,
который может больше не зажить...
Но ты живи. Тебе не будет больно.
Ты – продолженье прерванной строки,
ты – алфавит чужой души, ты – место
библейских слов, ты – время сотворенья,
и губы, и глаза... Но почему?!..
Вот тут-то и приходит Тот, Кто знает.
И так молчит, как будто Его нет.
Чтоб было – это.

Карина КИСЛИЦИНА

* * *

Подрагивая нежными ресницами,
И, совершая длинный свой полёт,
Она – поёт.

Почти неслышно шелестя страницами,
Встречаясь с незнакомыми ей лицами,
В них нагло – врёт.

Болеет Каннами, Канарами и Ниццами,
Велосипед её с серебряными спицами
Туда – везёт.

Болтает с экзотическими птицами,
И лучше б ей не торопиться бы,
Она – не ждёт.

Живёт огромными – в огнях – столицами,
Везде успеть и всё прочувствовать спеша,

Не может с детством всё никак проститься –
Моя душа.

Олег МОШНИКОВ

* * *

Вихрем ворвалась осень! –
Головы кленам сносит,
Крутит березам руки...

Летой – уходят други,
Зябнет в затонах солнце.

Бережно – остаётся
Волосы милой гладить...
Прятать седые пряди.

Виктор КУЛЛЭ

* * *

Возраст, это просто возраст...
Бытом — пренебречь.
Поутру вдыхаешь воздух,
выдыхаешь — речь.

Кажется, дозрел до правды,
только с ней — темно.
Из насущных в прошлом правил
выжило одно:

тем, кто прежде отблукали,
горизонт не засть...
Коли станешь облаками —
выплачешься всласть.

ПОЭТЫ О СВОИХ СТИХАХ

Многие поэты с давних лет дополняли свои стихотворения и поэмы комментариями. Нередко, как в случае с комментариями А.С.Пушкина к «Евгению Онегину» или А.А.Ахматовой к «Поэме без героя», эти примечания сами становились произведениями искусства, изучаемыми не менее тщательно, чем сами поэмы. При этом иногда эти поясняющие записки оказывались столь же сложными и непонятными, как и оригинальные произведения.
Комментарий поэта к собственным стихам как отдельный жанр литературы – вот тема нашей новой рубрики. Предлагаем вниманию читателей «Менестреля» комментарии к собственным стихам, написанные Александром Строгановым и Виталием Кальпиди.

Александр СТРОГАНОВ

* * *

калёный истопник пожар вожатый словом Пётр
горят деньки там полночь или за полночь не суть
летят со свистом стоном изразцы узоры ветр
деньки в дому пощелкивают звездочки уснуть бы
уснуть бы тетива парить зеркальный брод
незримо фосфор тень слюда дыхание болот
сусальное рассказывали в детстве
слова наоборот играли в детстве
трещат мгновенья жизнь прорехи действа
чадит не надолго уснуть
чадит глагол и нищета уснуть
уснуть уснуть уснуть уснуть
жизнь коротка Пётр строг но кроток

впасть будущее зренье в печке свил гнездо
спешат как на контрольных снимках чёрный белый
не обязательно но спешно мечет тени до
причины навсегда пернато и умело
седой и смуглый Пётр от пота смуглый
сам йод и лёд но пригоршня самума

сна нет четверг среда назад ему не кочергу бы нет
порог брести разбойничать слагать пожары
как раз эпоха по душе иль посох или нет
крошить стакан на нож чепрачный комиссар
такой вот истопник не факт что истопник но Пётр
не факт что Пётр но истопник и Пётр
прохладный дребезги затылок уголь
июля юдоль

а вот не лето вот зима случайность дача
вне Рождества крестообразного случайность дача
вне торжества торжеств вне Рождества что важно
вне светлый путь вне Николай что важно
вне дедушка Мороз вне дрожь чудес что важно
вне календарь ну наконец-то слава Богу
вне календарь часы хотя слегка тревожно
вне элеваторы судьба зима быки пологие
вне заусенцы-стрелочки вне озаренье слава Богу
четверг хотя бы пятница четверг тревожно
не важно пусть среда протяжно и далёко
четверг дощатый дом чернеет свет далёко
гудит и греется и тщание и дым далёко
четверг гудит заболеваю дым простор
заболеваю дым простор и Пётр
чернеет свет далёко Пётр оцепененье
прощайте скорлупа часы и знаки

не знаю сам откуда Пётр явился
явился и явился хоть сосед хоть уголовник
во взгляде старость пустота и ельник
какой там флейта пустота и ельник
кольцо явился сам немного водки
наколка голуби целуются и церковь
заболеваю топит печь в кармане водка
нет волка в ельнике нет волка в ельнике нет волка
однажды Пётр является явился
сосед нечесаный кольцо хорошая улыбка
хорошая как будто голуби слетелись
им церковь пряник и защита и улыбка
Пётр топит печь не проронит ни слова
чернеет и молчит оцепененье

потрескивает разом всех увидеть
увидеть разом всех отца и маму
отца и маму и себя увидеть
кто за столом кто совами на стульях
я предположим на полу
не Рождество не важно ни при чём
а важно что живые умершие тоже
что все живые умершие тоже
живые сами по себе или по воле бликов
по воле Пётр как Пётр закончит выпьем
сосредоточимся и выпьем напоследок
прощай болезнь и выпьем напоследок

Комментарий автора:

Пётр - отражение своего имени. Терпок и тернист. Целенаправлен даже во хмелю. Сполохи огня – его стихия. Сиделец ли, царь ли, Апостол. Его явление – всегда акцент и пауза. Молчаливый прокурор. Является и молчит, дабы ты вспомнил и усовестился. Не обязательно извне. Это может быть внутренний контур. Скорее всего при такой жаре, при таком жаре. Непременно середина жизни. В юности Алексей приходит, на закате дней – Матфей. Ужас перед содеянным и будущим. Крен, болезнь, если угодно. Какая-нибудь безделица, простуда, а подишь ты! ещё не молитва, но жажда молитвы. Сюжет, предметность, размер чужды такой кривизне. Не посох, но кочерга. Придавая ленте Мёбиуса симметрию, мы пытаемся подогнать пространство под себя, что есть изумительная нелепица. Не симметрия, но кривизна выдаёт в нас способность к любви.

Виталий КАЛЬПИДИ

О, САД

1 О, хорошо в саду моих
возвышенных обид
на этот мир, что на двоих
таинственно накрыт,

5 сесть в одиночку и цедить
смородиновый чай
и за полёвками следить
повымершими, чай.

9 Сад изумительных обид,
печаловый мой сад,
жуками жуткими набит
и осами усат,

13 а паутина на траве
сладка и солона:
она внутри и даже вне –
как девственниц слюна.

17 Сухой травы мемориал –
обида на закат,
что он внезапно умирал
сто тысяч раз подряд.

21 Обида за любовь и за
отсутствие любви –
росы внезрачная слеза,
что выпукла в пыли.

25 О, в честь Бараташвили Н.
синеет соль небес,
и поднимается с колен
на них упавший лес.

29 На клумбе мусора трещит
свекольная ботва,
там кормится пернатый жид
и прочая братва.

33 А в километре надо мной
есть спальня для стрижей –
намёк обиды, что страной
пренебрегли моей...

37 Обида на тебя, дружок,
на дочь, на мать, на смерть,
чей умозрительный кружок
не завершён на треть –

41 всего лишь шурканье ресниц,
не слышимое нам,
и разве что ещё синиц
шептанье по утрам,

45 что умираем, чтобы стать
прекраснее, когда
вернёмся снова умирать,
не ведая стыда

49 за возвращенье в этот сад,
где будем ввечеру
следить, как нимбы ангелят
вращают мошкару.

53 О, сад – обида и тоска,
обида и тоска –
построен на сухом песке
из влажного песка...

Комментарий автора:

Спазм «Алсу» и последовавший за ним судорожный вдох «Правил поведения во сне» закончился выдохом «О, сад». Такова главная ось книги «Мерцание». Стихотворение «О, сад» не имело замысла; я хочу сказать, что оно не опустилось до этой довольно примитивной формы концентрации=сгущения перед воплощением. Честно говоря, я не помню сейчас, почему жеманное на первый взгляд название мне показалось тогда и кажется теперь органичным и точным, почему именно такая ритмическая сетка (четырёхстопный ямб в комбинации с трёхстопным в числителе и мужской рифмой в знаменателе) реализовала саму запись текста (далее следует ещё несколько «почему?»). Но я действительно не помню. Помню только, что состояние Обиды, перманентно владевшее мною довольно долго (почти всю жизнь) и менявшее только исполнителей роли обидчика на противоположном мне конце своего вектора, вдруг перестало быть жгучим и ненасытным, т.е. перестало быть разрушающим. Или, скорей всего, переставало быть таким в момент записывания текста. Я ощутил Обиду как нечто, связанное со сверхреальностью. Это, конечно, было преувеличением, но именно оно помогло мне почувствовать перспективу, незамкнутость пространства Обиды. Обида – это нормальное состояние человека, активно бегущего одновременно в две стороны (какие – я говорил выше). Более того, в человеке как бы сосуществуют две обиды (деструктивный вариант Обиды-матери?): обида протоплазмы на то, что её разбудили душой, и обида души, что её унизили протоплазмической привязкой. И мудрость человеческого сознания состоит в том, чтобы не сталкивать эти две обиды, борьба между которыми будет напоминать борьбу правой и левой руки одного и того же человека. Мудрость ещё и в том, чтобы вычеркнуть земную роль обидчика как несуществующую. Обида, если её осознать и очистить – контраффект тоски. Тоска движется в диапазоне от «печали, которая светла» до суицидных актов, которые темны. Весь данный диапазон сумеречен и опасен чрезвычайно, хотя верхний его ряд привлекателен более чем. Обида же не движется, а со-вибрирует с Небом, с земным Небом, и она понимаема=принимаема им. Очищенная от самопальной накипи, Обида – первый шаг на пути смирения. То, что в нас взрослеет, – пустяк по сравнению с тем, что в нас не повзрослеет никогда. Обида – наш невзрослеющий шанс.

1. Образ Сада в этом тексте хоть и окрашен в ретро-грусть эдемовских тонов, что полностью присуще штампу Сада в русской поэзии, однако на самом деле не так уж и безобиден.

2-3. Возвышенных – попытка сразу взять последнюю ноту партитуры не могла быть удачной, поэтому эпитет «провис», как провисает он в словосочетаниях типа «высокая тоска», если нет закадровой поддержки. Кстати, в стихах 1-5 есть ровно три возможности запутаться невнимательному читателю. Вот, к примеру, первая из них: «...на этот мир... сесть в одиночку...».

3-4. В общем-то, накрыт на троих: Человек – Отец – Синец, но и на двоих в слишком человеческом варианте: Он и Она, но главный жест вправлен здесь в слово – таинственно.

8. Повымершими – открытый знак тревоги. Объяснимся. Оставляя без внимания безусловную для меня чистоту дыхания всего стихотворения, хочу сказать о тексте, который не-пишется синхронно «О, саду». Это текст об Эдеме. Его отсутствующий смысл: поиском Эдема постоянно заняты флюиды нашей памяти, но заняты безуспешно, т.к. после человеческого падения Эдем был заселён и преображён чёрными энергиями, и давно уже мутировал из САДА в ЧАЩУ. Интересно то, как этот не-пишущийся текст (назовём его «О, чаща») будет выпирать (а он, как ни странно, именно это будет делать) противоположными знаками из, казалось бы, незамутнённых образов «О, сада». Такая ситуация редко, но случается в поэтической практике, хотя, если призадуматься, то, не отрицая первое утверждение, можно сказать, что такая ситуация ещё реже не случается.

9-12. 9 – высокое Небо, соответствующее обиде души, 10 – низкое Небо, почти земля, соответствует обиде тела, 11-12 – тревожные аккорды обиды, запутавшейся в самой себе, т.е. нашедшей претендента на роль обидчика – такова музыкальная схема этой строфы, её не-образный вариант. Забавно, что своё отношение к окончательному падению обиды (1-12) я выразил употреблением мандельштамовского – минусового для меня – знака (оса) и агрессивной аллитерацией, которую, как уже, мне помнится, я говорил, считаю моветоном (справедливости ради надо признаться, наверное, что я пошёл на этот моветон не без удовольствия).

13-16. Продолжается балансирование на пограничье символа и пантеистических декораций. Как вдруг: знак непорочности – девственниц слюна – на мгновение развёртывается в картинку из не-текста «О, чаща»: слюна теряющей в этот момент девство Евы течёт (скорей пена страсти, чем слюна) из обоих уголков её рта на траву, становясь похожей на паутину, блестящую на изумрудном фоне подлеска Эдема, медленно превращающегося в Чащу. Бред, конечно! Но, однако, меня этот бред посетил.

17. Топорной работы образ, который я менять не стал. Есть какая-то искренность в том, что, будучи постоянно умнее самого себя (по крайней мере, это главный вектор тактики в художественном творчестве), вдруг стать в тексте глупее, бездарнее, чем ты есть на самом деле. По-моему, такой расклад пахнет «высшим пилотажем» или нет.

19-20. Возможна протекция со стороны рассказа А. Грина о мальчике, наблюдавшем впервые закат солнца и сказавшем фразу типа: «Не бойтесь, оно вернётся».

21-24. Здесь и далее идёт дискредитация понятия «обидчика» как такового через неадекватную этой роли персонификацию. В данном случае я подставил образ-штамп «слеза=роса», слегка подретушировав его кратким прилагательным выпукла, у которого двойная функция: определения и сказуемого.

27-28. Возможна, хотя вряд ли, протекция со стороны грубоватой, на мой взгляд, строки А. Ерёменко: «...и сад встает из-за стола». (Возможно, что это не его строка, но использована она в его стихотворении.)

31. Пернатый жид – воробей. Кстати, антисемитизм – это, конечно, правда русской культуры, но не её искренность.

33-36. Стихи спровоцированы, помимо всего прочего, моим отношением к эмиграции. Не стану вешать псевдоинтеллигентские спагетти вам на уши, что, мол, «я понимаю эмиграцию, что это личное дело каждого, что должна быть свобода выбора» (кстати, выражение «свобода выбора» – нонсенс, т.к. выбор и есть не-свобода, свобода начинается, точнее, может начаться за выбором, после него). Мне плохо от того, что мои друзья уехали, и считать нормальным такое положение дел я не намерен. Эмиграция – межнациональное интриганство. Эмиграция – бездарное решение проблемы личной истории путём смены одного коллективно-бессознательного на другое. Вынужденная эмиграция – миф. Я не говорю, что она – ложь или что её не существует, я просто сказал, что она (вынужденная эмиграция) – миф. Эмиграция – это всегда обида уезжающего и обида на уезжающего, т.е. двойная обида на обидчика, а это уже двойная ложь.

42-43. Не знаю, почему употребил это клишированное выражение, к тому же совершенно не истинное по соответствию с реальностью. Птицы – примитивны, они ясны и крикливы, а шёпот – атрибут тайны. Шёпот – частичная самоаннигиляция голоса, т.е. освобождение им в себе пространства для параллельно идущего с небес молчания. Шёпот – попытка побега к смирению. Но любая попытка – ложь. Смирение равняется только смирению, а не попытке, и никаких промежуточных стадий и синонимов в жизни ему нет.

45-46. «Мы умираем, чтобы стать лучше...» (неизвестный автор). Надо признаться, что идея «отдать» эту мысль в анти-уста синиц принадлежит не самым лучшим моим идеям.

48-49. Новое рождение – наказание за не-святость прошлой жизни. Отсюда в тексте и мелодия непроявленного стыда, который как бы должен быть за прошлые грехи, т.е. за сам факт нового рождения, и как бы его нет в дневном сознании, и не ясно, милость ли это или наказание.

51-52. По замыслу мошкара должна была и вращать своим кружением нимбы, и одновременно вращаться внутри них, или даже против их самовращения, но образ вышел односторонним, причиной тому отсутствие всякой причины, кроме лени, которая иногда выполняет функцию чувства меры. Интересно, что при написании этих стихов я представлял себе, как и во второй строфе, жаркий вечер августа, и это при том, что в седьмом четверостишье видна ранняя весна, а уже в следующем после него явно присутствует осень.

53-56. Обида – высь. Тоска – бездна, вернее, её начало. Жизнь – сад, корни которого тянутся и в небо, и в бездну. Сад либо будет построен мною в Небо, либо утянет меня самособойным своим ростом в бездну. Но драма в том, что родина наша – везде: и в небе, и в бездне, а завтра выяснится, что и ещё где-нибудь: у (подставьте Имя) на куличках.

*** Этим стихотворением книга была завершена, но не закончена.

Фрагмент из книги «Мерцание» (1993 г.)

Рецензия на сайт

В последнее время едва ли не основной средой существования художественной литературы становится Интернет. Один за другим появляются сайты, публикующие литературу, как любительские, так и профессиональные. Большинство ведущих литературных изданий России обязаны своей известностью в большей степени Интернету, где выкладываются их электронные варианты, чем печатной версии своих изданий. Литература прочно укоренилась во Всемирной паутине.

Литературный интернет-сайт – это такое же произведение искусства, как и хороший журнал или авторский сборник. В построении сайта должны сочетаться искусство дизайнера, программиста и качество литературного контента.

А если сайт является произведением искусства, значит, на него, как на поэтический сборник или антологию, можно написать рецензию. Предлагаем вниманию читателей рецензию на два ярких явления современной интернет-литературы – челябинский портал Марины Волковой и сайт омского мультипроекта «ОМ».

Ольга ХАРИТОНОВА

О портрете Матери всех Муз, поле понимания и материнских объятиях Марины Волковой

рецензия на два литературных интернет-ресурса

Сайты литературной тематики сейчас куда популярнее библиотек – зачем выходить из дома, когда под рукой интернет? Материалы на них доступны, гипоаллергенны и совсем не имеют веса – удобно, правда? Сайты-журналы, сайты-альманахи, библиотечные сайты – каких только нет.

Сказать, к какому типу сайтов относится «Мультипроект ОМ», с первого взгляда затруднительно.

Если представить этот сайт как человека, его внешность можно было бы назвать располагающей: зеленовато-охристый фон без вставок и надписей кричащего цвета – спокойное, благородное лицо. Стильно, но не современно. Опрос ряда посетителей сайта также обнаружил и такие характеристики, как «аскетичный», «скучный», «не цепляющий», и это притом, что каждая из публикаций внутри очень хорошо оформлена.

Допустим, внешность располагает к беседе, но о чём?

«Мультипроект ОМ. Включайтесь!» – призывает надпись мелким шрифтом. Но куда конкретно зовут нас разработчики? У сайта нет никакой информационной «шапки» – что здесь делается, как, зачем? Какова основная направленность работы? По какому принципу объединены проекты? Никакие другие, сторонние ресурсы, ответ на вопрос, что такое «Мультипроект ОМ», не дают.

Зайдя на подобный сайт, посетитель задаётся двумя основными вопросами: что почитать и как опубликоваться? Чётких ответов на эти вопросы сайт не даёт, однако предлагает воспользоваться окном «Поиск по сайту» и разделом «Обратная связь». Но, чтобы искать, нужно знать, что искать, а чтобы писать кому-то, нужно иметь предмет разговора.

Пытливый пользователь всё же выяснит, что перед ним каталог литературных альманахов. Сборники «Изборник Вольный» и «Версэтика» объединяют художественную литературу, публицистические материалы, а также ряд научно-популярных работ. Альманах «Следы слова» представляет тексты, сохранившиеся в рукописях и редких изданиях, доступ к которым ограничен или практически невозможен. Собрание очерков, статей и заметок о рукотворных памятниках литераторам носит название «Мнемосина», его обложку украшает портрет Матери всех Муз. Также на сайте имеется вкладка издательства OMIZDAT с описанием, каталогом и контактами. Некоторые издания OMIZDAT можно легко прочесть здесь же на сайте в формате pdf. Кроме того, на ресурсе представлен домен-музей Аркадия Кутилова – «Кутилов-А-Магнит», на котором размещены не только прозаические и поэтические тексты Аркадия Павловича, но и работы исследователей и поклонников его творчества. На сайте можно найти собрание биографических очерков о новаторах – «Новаторы России», бюллетень OM-ZNAK с галереей отличительных знаков и примерами их использования, а также сборник «Диалоги образов», объединяющий поэтические тексты и живопись, – здесь действительно есть чем заинтересоваться!

Однако, при всём многообразии материалов, случайный посетитель вряд ли задержится на сайте, не будучи знакомым с каким-нибудь из проектов, – он здесь почувствует себя лишним. Только отдельные фамилии, встречающиеся в разделе «анонсы», могут смотивировать к поиску.

Ресурс несовременен также и по техническим характеристикам, он не оптимизирован для мобильных устройств. При выводе на экран мобильного, сайт имеет слишком мелкий шрифт, его интерактивные элементы расположены слишком близко, значение метатега viewport не задано – другими словами, эта страница не выглядит корректно на смартфонах, планшетах и других устройствах с высокой плотностью пикселей, что наверняка снижает количество просмотров сайта.

В качестве рекомендаций хочется предложить разработчикам сайта подарить ему громкий, понятный слоган и отразить его в графике, также прописать целевые действия для посетителей, установив активные кнопки в точках, где читатель должен принять решение – «Читать», «Перейти», «Скачать», «Подробнее». Заходя на сайт, хотелось бы видеть некую гостевую информацию, а также понятное описание каждого проекта, видимое на главной странице. И, конечно же, хочется, чтобы сайт был оптимизирован для мобильных устройств, тогда с ним не только захочется «поговорить», но и надолго подружиться.

Второй сайт, о котором хотелось бы рассказать – «Портал Марины Волковой».

В одном из телепроектов Марина Владимировна Волкова говорила о чтении с детьми: она сказала, что, посадив ребёнка себе на колени и развернув перед ним книгу, мы этой книгой замыкаем вокруг ребёнка особый круг, некое поле понимания. В кругу материнского объятия самой Марины Волковой – весь литературный Урал. Интернет-портал, носящий её имя, это полка, на которую заботливая материнская рука ставит памятные фотографии и награды своих чад, – всё то, что стоит сохранить,о чём стоит рассказать.

В разделе «Новое» – самый свежий фотоотчёт, пост-релизы мероприятий: кто, где, когда, чем отличился. Фотографий очень много – ведь текстом юных читателей не приманить, им хочется видеть, как они смотрелись в антураже мероприятий. Для уже проникшихся и заинтересованных размещены анонсы предстоящих творческих встреч с авторами, презентаций книг, фестивалей. Крупным событиям отведены отдельные окна на сайте, к примеру, «Суперфесту одной антологии». Фестиваль прошел в г. Екатеринбурге 5-6 октября, в его рамках был представлен 4-тый том Антологии современной уральской поэзии (АСУП), а также прошли многочисленные встречи с поэтами в учебных заведениях и библиотеках города, круглый стол с учёными в Ельцин-Центре, мероприятия в Доме писателя, мультимедийном парке «Россия — моя история. Свердловская область». (Вот это размах презентации! Книга, именно книга выдающаяся – материальная основа фестиваля. Иначе, как говорит Марина Владимировна, что празднуем-то?)

Стоит отметить, что портал организован не только по-матерински заботливо, но и педагогически верно: внимание посетителя всё время переключают, цепляют видео-презентациями, записями радио-эфиров, просмотром фотографий. К примеру, вкладка Вестника Уральской поэтической школы презентует не только тексты, но и предлагает просмотреть фильмы о поэтах. Раздел «Лучшая книга года» представляет книгу Виталия Олеговича Кальпиди «Избранное» с помощью необычной видео-презентации с музыкальным фоном.

Книги «Издательства Марины Волковой» можно купить в магазинах Челябинска, Екатеринбурга, Перми, Новосибирска и Санкт-Петербурга или же познакомиться с ними на портале, во вкладке с красочным каталогом.

Бесспорно, сайт имеет богатое наполнение, интересное и актуальное. Но для знакомства с ним хотелось бы, заходя на портал, получать начальное направление, некое общее пояснение назначения сайта. Ведь не каждый сторонний посетитель будет иметь достаточное рвение, чтобы внимательно рассмотреть предметы на полке литературной семьи Волковых.

Хотелось бы также комфортно читать портал с мобильных устройств. На данный момент этот сайт, также как и описанный выше «Мультипроект ОМ», для них не оптимизирован: интерактивные элементы (проще говоря, строки действий) расположены слишком близко, контент шире экрана, – приходится совершать много лишних действий для перемещения и просмотра.

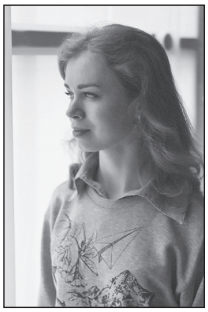
В целом же, сайт – отличная визитная карточка уральской поэзии, демонстрация новых форм литературных связей и культурных проектов, объединяющих сообщества авторов и читателей. После посещения сайта становится очевидным тот факт, что литература Урала – это крепкое, бурно ветвящееся дерево, приносящее сладкие и полезные плоды. Да и как не плодоносить, находясь в особом поле понимания и замкнутом книгой круге материнских объятий?

Хочется пожелать ресурсам неравнодушных, пытливых читателей и рекомендовать «Мультипроект ОМ» и «Портал Марины Волковой» к посещению.

В настоящее время в мире становится популярным жанр двойного интервью, когда два творческих человека поочерёдно интервьюируют друг друга. Редколлегия «Менестреля» предложила провести такое взаимное интервью двух известных литераторов, москвича и омичку – Геннадия Каневского и Серафиму Орлову. Они рассказали друг другу о литературной жизни своих городов, как они её видят. Ознакомиться с их точками зрения мы и предлагаем читателям нашего альманаха.

ВЗГЛЯД ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ

Двойное интервью



Геннадий КАНЕВСКИЙ – Серафима ОРЛОВА

I

С.О. В последнее время распространен такой взгляд на современную драматургию: пьеса – это то, что автор назвал пьесой. Можно ли сказать о поэзии то же самое? Если да – то почему? Графоманов в расчет не берём.

Г.К. Вопрос, содержащий в себе полемическое зерно)) Для меня он распадается на два: об определении поэзии (довольно безнадежный для полемики вопрос, потому что и разные стиховедческие школы определяют это поразному) и о символическом капитале поэзии – т.е. является ли сами слова «стихи» и «поэт» некими орденами, позволяющими отделить автора-творца от «толпы». Поэтому попробую ответить со своей, частной точки зрения.

Для меня поэзия – это то, что 1) автор считает таковой; 2) я сам как читатель считаю, что это удовлетворяет некоторым, не всегда вербализуемым мною, но отчасти и формальным, признакам, позволяющим относить это к поэзии; 3) некоторое убедительное для меня количество людей, признаваемых мною мастерами этого искусства или профессионалами в его изучении, согласны, что это – да, поэзия. Тут важен также фактор времени. Вчера поэзией считалось одно, сегодня – другое, завтра – что-то ещё. Это норма. И в классических образцах главное – попадание в своё (а не прошедшее) время, а гениальные попадают со значительным опережением – и это позволяет им остаться надолго/навсегда.

А вот что касается символического значения – мне кажется, что оно становится все более анахроничным. И, в конце концов, появятся какие-то новые термины. Условно, «яизэоп». И на окрик приверженца архаики «Это что – поэзия?! И вы, юноша (девушка) всерьёз считаете, что вы поэт?!» – можно будет просто ответить: «Извините, это яизэоп, и я – яизэопист))

С.О. К каким поэтическим московским фестивалям ты близок в последние несколько лет? Какие опыты были самые интересные, кто сейчас двигает фестивальное движение?

Г.К. Хм. Московские поэтические фестивали – это поэтические фестивали, проводящиеся в Москве? Думаю, тут речь скорее должна идти о постоянных циклах литературных вечеров, событий, о постоянных площадках (знакомые с московской литсредой, конечно, сразу вспомнят «Культурную инициативу» Ю. Цветкова и Д. Файзова). Т.е. литературная жизнь Москвы – это такой довольно перманентный фестиваль, практически ежедневный. Из фестивалей-событий, со съездом гостей и культурной программой, можно вспомнить разве что Московское Биеннале поэзии – большой и регулярный литературный сабантуй. Прошлогодний был посвящен поэзии Китая и её переводу на русский.

Соответственно, и московские поэтические группы формируются скорее вокруг площадок, поэтических циклов, редакций толстых (и тонких) журналов, поэтических семинаров и вузовских литобъединений.

Двигают же фестивальное движение, на мой взгляд, события не столичные, а петербургские и провинциальные, причём всё в большей степени. Из самого интересного в последнее время назову питерский фестиваль в Новой Голландии, программу питерской же молодежной поэтической премии им. А.Т. Драгомощенко, поэтическую программу InВерсия Челябинского международного фестиваля искусств Дебаркадер.

Помимо этого последнего, очень любимого мною, давно люблю и традиционный весенний

фестиваль Голос-А памяти Г. Айги в Чебоксарах, замечательный своими мастерскими перевода и книжной графики, а также особой атмосферой – мистично-минималистичной, я бы сказал.

Кстати, начали возникать и новые зарубежные фестивали русской поэзии и культуры – только что закончился первый фестиваль в Черногории, например.

С.О. Можешь ли ты сказать, что московская поэтическая школа оказала на тебя влияние, и есть ли эта школа сейчас? Ощущаешь ли ты влияние Гандлевского и Рубинштейна?

Г.К. Московская поэтическая школа – это, скорее, совокупность школ. С малопреодолимыми противоречиями и разногласиями. Но при этом и с гораздо большей, чем в иных поэтических сообществах, внутренней свободой. По этой же причине, мне кажется, в российском литературоведении давно бытует понятие «Ленинградского/петербургского поэтического текста», а понятия московского – не существует. Москва – слишком огромный странноприимный дом, по словам Цветаевой. Поэтому если что и оказало влияние – то прекрасная эклектика, богатый выбор, разноголосица. В самом твоем вопросе есть отголосок этого: Гандлевский и Рубинштейн – два признанных мэтра московской поэзии, в начале восьмидесятых вместе публиковавшиеся под обложкой, например, знаменитого альманаха «Личное дело». Но насколько различны (при всём их взаимном уважении и даже любви) их творческие методы! И происходят они совсем из разных поэтических групп: один – из «Московского времени», продолжившего акмеистскую традицию на предельно суженном и персонализированном частном пространстве (что было вполне крамольным по тем временам), соединившего её с иронией и сарказмом, и притом возродившего на новом уровне русскую элегию и интеллигентскую рефлексию; другой – из круга Московских концептуалистов, с его травестией советских реалий, постмодернистской карнавализацией, синтезом живописи, музыки, текста, объекта и перформанса.

Что до повлиявшего на меня – да, сперва упомянутое «Московское время», никуда не денешься, но с изрядной инъекцией скепсиса от концептуалистов, прививкой от растекания мысли по древу от лианозовцев, понимании о возможности сочетания классической формы с сюрреалистическим содержанием от метареалистов и «Крымского клуба» (в особенности – от любимого мною Николая Звягинцева). Это – лишь самое основное. А в последнее время – это, например, ещё и Михаил Айзенберг.

С.О. Какие новые имена в поэзии ты бы выделил и почему?

Г.К. Новых имен сейчас очень много. И формальный уровень достаточно высок. Поскольку речь у нас идёт о московской поэзии по преимуществу, попытаюсь назвать нескольких поэтов либо из Москвы и ближайших окрестностей, либо проживающих и пишущих в последние годы в Москве.

Дмитрий Гаричев – поэт (а также переводчик и прозаик – его повесть, например, только что вошла в длинный список престижной премии «НоС» - Новая Словесность) из Подмосковья. Он достаточно далек от тех или иных тусовок, но меня не перестает поражать его удивительный фантазийный поэтический язык. Это как бы поток речи то ли геймера, то ли наемника, но речь эта создает невероятное поле метафорического напряжения и дает простор фантазии читателя, что редкость. Чем-то он напоминает питерца Алексея Порвина – так же, как он, формирует в стихах зыбкие образы, сменяющиеся иными при переходе от строки к строке – но это совсем другой лексический пласт. При этом у него есть почти прозрачные тексты, но в них обязательно скрыт какой-то неожиданный ход.

Москвичку Ольгу Дернову не назовешь прямо-таки новым именем, но она нечасто публикуется, имеет в активе лишь две книги стихов (что жаль), поэтому для многих может стать ярким открытием. Ольга ближе к классической просодии – но для меня её стихи являются одним из примеров, что дар первичен, а выбранная просодия под его воздействием преображается. Это поэт смещенного взгляда. Мало кто может, посмотрев на мир, увидеть его так, как она. А ведь такое смещение - одно из главных свойств настоящей поэзии.

В последние годы в достаточно консервативной и косной среде Литературного института сформировалась целая группа молодых, ярких и довольно радикальных поэтов. Назову троих, на которых, мне кажется, стоит обратить внимание. Это недавний лауреат премии А. Драгомощенко, уроженка Дальнего востока, живущая ныне в Москве, Екатерина Захаркив, яркий представитель т.н. «филологической школы», наследующей Драгомощенко и русским формалистам, холодноватый, изящный, блестящий поэт-экспериментатор. Это эпик и философ

из породы «русских мальчиков, ЗАДАЮЩИХ ВОПРОСЫ» (и вместе с тем – ироник, доходящий до сарказма и при этом прекрасно версифицирующий) Ростислав Амелин, сын поэта и издателя Максима Амелина, совершенно не похожий в поэтическом плане на отца. Это абсурдист, дадаист, циник, высмеивающий всех и вся, грустный клоун и прекрасный, при всем при том, поэт Дмитрий Герчиков.

Можно было назвать ещё нескольких, но эти пришли в голову сразу.

Спасибо!

II

Г.К. Об истории поэтического Омска. Для читателя стихов - не литературоведа - Омск остается родиной и колыбелью четырех знаменитых поэтов - Георгия Вяткина, Леонида Мартынова, Роберта Рождественского и Егора Летова. Но это - взгляд со стороны. Без кого ещё, на твой взгляд, история поэтического Омска неполна? Есть ли в ней, например, значительные фигуры времен колчаковской «Третьей столицы»?

С.О. Я, конечно, всегда вспоминаю Антона Сорокина, про которого делала радиоспектакль. Человек, жизнь которого — искусство, человек-агрегатор, живой Интернет, существовавший в литературном Омске 20-х годов XX в. и подгребавший к себе неуёмной энергией все талантливые тексты и их авторов. Кажется, Антон Сорокин написал более трёх тысяч рассказов, а какие-то выкупил у своих незадачливых коллег. То же самое он делал с работами художников: уже нельзя точно понять, какие картины принадлежат руке Сорокина, а какие просто куплены в коллекцию. Сорокин — изобретатель многих видов перформанса, член общества футуристов, признанный Давидом Бурлюком, изобрёл собственную систему бухгалтерского учёта, которая позволяла ему работать всего три часа в день, а остальное время заниматься литературой. Дразнил колчаковцев, пытался дразнить красных, но сразу был ими подавлен, не зажился, бедствовал и болел. Очень омская и необыкновенная фигура.

Г.К. Иногда (опять же, со стороны) создается впечатление, что в Омске есть своя театральная школа, художественная, архитектурная, дизайнерская даже, а литературной, и - говоря более узко - поэтической, нет, в то время как существуют, скажем, Уральская поэтическая школа (с особыми штрихами в виде Нижнетагильской и «Озёрной» (в Кыштыме)), Новосибирская поэтическая формация, Иркутская группа, Владивостокская (вокруг альманаха «Серая лошадь») и т.д. Регулярно наведываясь в Омск с 1990 года и нежно любя этот город, всегда недоумевал по этому поводу. Так ли это и, если да - в чём ты видишь причину?

С.О. Театральной школы тоже толком нет, как утверждают. Образование местных вузов и колледжей в омских театрах до недавнего времени почему-то не котировалось. Может быть, сейчас ситуация изменилась. Проблемы со словом, с отношением к слову. Театральное искусство тоже в какой-то мере можно рассматривать как язык. Проблемы с языком, с трансляцией своих мыслей. Хотя мне всегда казалось, что журналистская школа неплохая и, говорят, в Омске очень свободная пресса. Я не знаю, почему, когда люди переходят к художественному слову, они становятся такими консервативными. Всё ищут какой-то «чистоты» в искусстве, «нравственности», «стремления к идеалам», как будто не стоит переключиться и искать это в реальной жизни, в которой эти вещи могут быть жизненно важнее любого искусства. Ещё постоянно взыскуют какой-то «чистоты» литературного языка. Кстати, я считаю, что это понятие, которое должен презирать любой настоящий филолог и тем более писатель: мы не в средневековье, чтобы языковыми изысками ограждать себя от реальности, которая пошлая и грязная и вообще горшки выливают из окон. Литература требует правдивости. В том числе и поэзия. Я говорю не о социальности, не о том, чтобы «жечь глаголом», но о том, чтобы не презирать жизнь в широком смысле. Мне кажется, графомания рождается из подобного презрения.

Г.К. Если бы я попросил тебя нарисовать карту сегодняшнего литературного Омска - что бы на ней было? (Учитывая, что на картах отмечают всё, и они бесстрастны).

С.О. Там будет несколько еле заметно мерцающих точек: в первую очередь это Юношеская библиотека возле остановки ул. Рабиновича, где ежегодно проходит литературный семинар «ПарОМ», затем Аграрный университет, где было помещение Союза российских писателей (сейчас не знаю, переехали ли они в другое здание, писатели долго как-то ютились), Литературный музей имени Ф.М.Достоевского, кафе «Журналист», к сожалению, превратившееся в «Графомана», дом Сорокина, дом Мартынова, Пушкинская библиотека, библиотека «Квартал 5/1» и, по-

жалуй, все вузы города как место рождения новых авторов и самопальных студенческих альманахов. Интересен проект «Любинский. Live», в рамках которого поэты, музыканты и актёры каждые выходные выступают перед горожанами на Любинском проспекте.

Г.К. Есть ли в Омске поэтические экспериментаторы, приверженцы новых форм стихосложения и/или устной подачи текста? Возмутители поэтического спокойствия? Анфан террибли? Продолжатели дела великого русского гонзо-литератора и журналиста Антона Сорокина? Если да - расскажи о них.

С.О. Это, пожалуй, не отдельные имена, а издание. Самиздат-газета «Прыщ», пожалуй. Выпускается художниками объединения «Левая нога» Димой Вирже и Никитой Поздняковым, так что это ещё и высокохудожественный продукт со страхолюдными рисунками на крафтовой бумаге. «Прыщ» - настоящий мутный вал потока сознания, выгодно отличающийся бесстрашием перед темами и художественными средствами от консервативного дискурса. Но, впрочем, и там жемчужины попадаются редко. Зато весело. Здорово и вечно.

Г.К. Вспоминают ли в Омске о земляках, задающих литературную и культурную моду в иных городах и весях? В частности - о признанном лидере левого крыла молодой российской поэзии Галине Рымбу и о талантливой молодой поэтке, активистке и акционистке Дарье Серенко? Если да - то как? Гордятся, любят, ненавидят, считают предателями? Вообще - как относятся к тем, кто, невзирая на «Не пытайтесь покинуть Омск», всё же его покинул?

С.О. Есть ощущение, что никак не относятся, забывают. Только если что-то уж загремит-загремит, тогда припомнят. Например, в паблике «Мы — Омск!» есть пост о Даше Серенко, но ни слова о её новых произведениях и феминистских практиках, которые являются частью творческой деятельности, ни слова о движении #тихийпикет. Про Галю Рымбу там вообще нет постов, хотя, может быть, планируются. Этих авторов знают люди, которые выезжают за пределы Омска на литературные семинары. Знают, но большинство ни в чём на них не ориентируется. Неудивительно. Вряд ли можно встретить омского поэта, который постит у себя на странице в ВК или ФБ, например, стихотворения авторов из журнала «Воздух». Если они есть, пусть меня поправят.

Г.К. Есть ли в Омске свои звёзды эстрадной поэзии, типа молодой Веры Полозковой, Ес Сои или нынешних Ах Астаховой и Солы Моновой? В 90-е примерно такой местной звездой была Вероника Шелленберг - где она, что с ней? Есть ли местные рэп-звёзды? (Памятуя, что RAP изначально - Rhythmical American Poetry)

С.О. Очень мало знаю про омский рэп. За исключением того, что делает мой двоюродный брат Дао Гаваец. Возможно, если взять интервью у него, он расскажет подробнее о состоянии омского рэпа. Хотя мне у него больше нравится андеграунд-рэгги и всё, что он делает с группой «Махало». Насколько я знаю, поэтические группировки «Высь» и «Говорит поэт» занимаются эстрадной поэзией. Отдельные имена у меня не на слуху.

Вероника Шелленберг по-прежнему известна, публикуется в литературных журналах, ведёт семинар «Паром», уже упомянутый мною.

Г.К. Какой вопрос об омской поэзии ты бы задала себе сама на моём месте?

С.О. Когда уже будет нормальный журнал? Вопрос, конечно, риторический.

К юбилею Олега ЧЕРТОВА
(1958 – 1996)

20 октября 2018 г. исполнилось бы 60 лет Олегу Владиленовичу Чертову – поэту и мыслителю, одному из интереснейших людей своего времени. Редколлегия «Менестреля» предлагает вниманию читателей подборку стихов О. Чертова, посвящённых родным и близким людям, детству, природе.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Тане

Как скрипит перед бурей этот ивовый лес!
Как горит бытия недоеденный хлеб!
Я глаза свои выглядел, будто ослеп,
Но ни краски кругом – только пепел и тлен.

Всласть напейся хоть раз, всё равно ведь конец,
Хоть воды нет живой – много мёртвой воды.
А безглазых существ на манок-бубенец
Прямо к яме скликают слепые вожди.

Будут ночи длинны, будут дни коротки.
Ивам сбрасывать листья, под ветром дрожать.
И от мёртвой воды потемнеют зрачки,
Просветлеет душа, станет легче дышать.

Но в лесу, где бродил неулыбчивый князь,
Коль почувствуешь жажду – не кликай беды:
Из копытного следа не пей, наклонясь,
Подсолённой отчаяньем горе-воды.

4 августа 1986

ЛЮБИМОЙ ЖЕНЕ

Лунным мальчиком по городу пройду,
Заплету по переулку санный след.
Заскрипят полозья саночек о снег –
В лад моих неторопливых лунных дум.
Слишком часто в прежней жизни был я слеп.

Лунным мальчиком пройду среди людей,
Не задену никого и не толкну,
Никого не соблазню, не обману.
В кулаке моём верёвка от саней,
Я за ними забирался на Луну!

Избавлением от тягот и забот –
От земного, от чужого отучу,
Переделаю тебя, как захочу,-
Потому, что я вернулся за тобой –
В лунных саночках тебя я прокачу.

Декабрь 1981

* * *

Попросил я друга Великана:
«Дай хлебнуть из твоего стакана!
Что ты пьёшь, забравшись высоко?»
Великан ответил: «Молоко.

Ты попробуй, вкусное какое
Молоко нездешнего покоя.
Видишь, в небе плещется река
Звёздно-голубого молока?

Всласть упившись этим молоком,
Время спит над Млечным родником».
Великан задумался на миг:
«Мой стакан для смертного велик».

Он бокал свой наклонил слегка –
Выплеснулась капля молока.
Пролетая мрак и пустоту,
Молоко застыло на лету.

До Земли добраться нелегко,
Много дней летело молоко:
Путь от Водолея до Земли
От весны летело до зимы.

Я в окошко глянул наугад:
Снегопад? Да нет, молокопад!
И вбираю я одним глотком
Снег и вечность вместе с молоком.

Январь 1983

* * *

Леса ёжик зелёный поглажу рукой –
Будто спящий ребёнок, безмятежный и сонный.
Как во сне просветлённы – и тот, и другой.
Смотрю удивлённо.

Мы по санному следу отправимся вспять.
Ветви дочке навстречу шелестят благосклонно,
Будто ангел нагнулся поправить ей прядь.
Смотрю удивлённо.

В этом спящем лесу отдыхает душа.
На молочном пригорке – леса ёжик зелёный.
Дочка спит. Сани едут. Иду не спеша.
Смотрю удивлённо.

Февраль 1984

* * *

Я на деревья смотрел снизу вверх
Двадцать четыре года назад.
Долго глядел уходящему вслед
Двадцать четыре года назад.

Чувствовал свет из-под замкнутых век
Двадцать четыре года назад –
Маленький братец всесильных планет
Двадцать четыре года назад.

Видишь, малыш, я уже поседел,
Горше душою, мрачнее лицом.
Ангел заплакал и улетел,
Время замкнулось тяжёлым кольцом.

И захлебнулся… Он поднял глаза,
Медленно варежки теплые снял,
Пальцами тонкими нити связал –
Это движенье пронзило меня.

Связь! Вижу свет из-под замкнутых век
Двадцать четыре года спустя…
Маленький брат мой в круженье планет –
Двадцать четыре года спустя.

Февраль 1983

* * *

Тане

Коридорами затенёнными
И аллеями, в день Суда,
Над деревьями наклонёнными
Тишина стоит – как вода.

И по речке, в день Судный, истинный,
Не проскальзывает волна.
По-над омутом, по-над быстриной,
Как вода, стоит тишина.

В доме каменном, в доме замершем
Пахнет речкою и сосной.
В струйке вечной, неиссякающей,
Пополам вода с тишиной.

Беспокойная, быстротечная
Подытоживается жизнь во мне.
На пороге Суда и вечности,
Как в чистилище – в тишине.
14 сентября 1981

* * *

Тот день отдалённый, как будто сегодня,
Запомнился мне наизусть,
Когда изволеньем своим и Господним
Я на плечи принял свой груз.

Сперва, с непривычки, бывало не сладко,
Но долг свой исполню сполна.
И стала от груза уверенней хватка,
И стала прямее спина.

Когда ж устаю я и хочется плакать,
И сил уже нет для борьбы,
Тогда, ободряя, хватают за локоть
Упругие пальцы Судьбы.
7 апреля 1984

* * *

Угрюм, Земля, и душен тесный плен твой.
Но над юдолью, горестной и тленной,
Скользит душа – девчонка с белой лентой.
И как не надоест ей так скользить?
И как на языке неизъяснимом
Ей объяснить своё прощанье с миром
И в яблочко, с чуть кровяным наливом,
В отравленное, зубки погрузить.

Катись по блюду, чудо наливное,
И воскреси ушедшее земное.
Всмотрись, душа, что прежде было мною,
И вот – не уцелело ничего!
Пока ж ещё не иссякает милость,
И пёрышко в руке не преломилось,
И зеркальце ещё не замутилось
От смертного дыханья моего.

Март 1986

ПАСХАЛЬНОЕ

Мы приближаем День Господень,
Когда нас побеждает плоть,
И пусть от Господа уходим –
Не оставляет нас Господь.

И после зимнего мытарства
Грехопадений и невзгод
Он покаянное лекарство
В пасхальной ложке нам даёт.

Христос, сидящий одесную,
Молитве горестной внемли!
Замкни петлю мою земную
И душу отпусти с Земли.

Молчит… Но что-то озарилось
В забытом тёмном уголке:
Я болен. Детство. Мать склонилась,
И – ложка с каплями в руке.

1985

Нина САДУР

МАЛЬЧИК – НЕБО

мистерия

Памяти моего отца
Николая Илларионовича ПЕРЕВАЛОВА

9 мая – особенный день в году, когда Небесные силы спускаются на землю, чтоб сразиться с силами тьмы за наши жизни.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАЛЬЧИК, 15 лет
МАМА МАЛЬЧИКА
ДЕДУШКА
НАСТЯ ЛЕБЕДЕВА - АЛЬБИРЕО,12 лет
ТАНЯ - СЕРПЕНТИС, 22 года
ГОНЧИЕ ПСЫ: МАША, ДАША, по 10 лет
МИА-ВИНДЕМИАТРИКС, 15 лет
НЕСТЕРУХИНА - ЧЁРНАЯ ДЫРА,15 лет
ДЕМОН
КИРГИЗ
ШИБЕЛКИН
СОЛДАТИК с гармошкой
РАНЕНЫЙ
МАМА НАСТИ
СОЛДАТЫ
ПРАЗДНИЧНЫЙ НАРОД

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. ДЕДУШКА.

ПРОЛОГ. КОМНАТА МАЛЬЧИКА.

МАЛЬЧИК. МАМА.

МАЛЬЧИК мучительно, в слезах, просыпается. Трёт затёкшую шею.
Откуда-то идёт трансляция Парада Победы.

МАЛЬЧИК(зовёт). Мам… мам… Я же просил разбудить! Ну мам, ну Парад же!

Поспешно входит МАМА, нарядно одетая на выход.

Доброе утро, мама!
МАМА. Ну прости, прости, дорогой! Но ты мог и сам будильник поставить! (запнувшись). Ты опять плакал!
МАЛЬЧИК. Нет, я вспотел!
МАМА. Не пытайся обманывать, Стёпа!
МАЛЬЧИК. Да вспотел же я! Вот ты нарочно меня держишь, да? Чтоб я Парад пропустил?
МАМА. Все военные машины уже идут обратно. По Новому Арбату. А люди стоят и смотрят. Слышишь гул?
МАЛЬЧИК. Танки?
МАМА. Ну конечно! Вставай, соня! Не сиди, не дуйся! А-то, правда, весь парад пропустишь. (Осекается.) Стёпа, а глаза ведь красные!
МАЛЬЧИК. Так может это конъюнктивит? В школе эпидемия!
МАМА. Не говори глупостей! Нет никакой эпидемии! И нет у тебя конъюнктивита!
МАЛЬЧИК. Мама, это не я! Нет, формально – я, конечно. Но я не контролирую это, понимаешь ты или нет? Я даже не помню, что мне снится! Из-за чего я реву-то? Мне даже самому интересно!
МАМА. Стёпа, ты ведь уже большой мальчик!
МАЛЬЧИК. Чересчур даже большой! Не находишь?
МАМА. Не ёрничай!
МАЛЬЧИК. Мама! Я всё время расту. Причём во все стороны! Скоро мне придётся руку высунуть в окно, а ногу в каминную трубу! Мама, я не помещаюсь в комнате!
МАМА. У нас нет каминной трубы! Так что… приноравливайся! Шучу! Ты обыкновенный крупный ребёнок!
МАЛЬЧИК. Мама, я не просто крупный. Не просто… Ты так говоришь, потому что ты моя мама…
МАМА. Ну конечно же, я твоя мама. А вот твой дедушка был под два метра роста и весил 200 килограммов. И работал он в горячем цехе! Сталелитейного завода! Представь – реки раскалённого металла, и твой дедушка ими управляет!
МАЛЬЧИК. Просто ад какой-то…
МАМА. Это цинично, Стёпа! Твой дедушка был ударником социалистического труда!
МАЛЬЧИК. Я не циничный! Мама, я жирный! Жиртрест. Пятитонка. «Скушай пирожок». Давай посмотрим правде в глаза? «Жирный – поезд пассажирный»! Я похож на ударника, управляющего реками раскалённого металла?
МАМА. Кто обзывается, те дураки.
МАЛЬЧИК. Нет. Они просто не любят толстяков. Они нас не понимают. Мама, я огромный тюлень…

У МАМЫ звенит смартфон. Торопливо пишет ответ.

МАМА. Я ушла. Вся кафедра уже собралась. Стёпа, мы быстренько попразднуем и – домой.
МАЛЬЧИК. А что ты им несёшь?
МАМА. Стёпа! Ты меня держишь! Пирог несу с сёмгой, салаты.
СТЁПА. А можно мне с вами?!
МАМА. Нельзя! Профессуре нашей под девяносто... ты с ума сойдёшь от скуки! Завтрак на столе!

МАМА целует МАЛЬЧИКА в лоб и торопливо уходит.

МАЛЬЧИК. Мама, а ведь я не Стёпа! Я огромный тюлень! Меня отбросило штормом. У меня в загривке обломок гарпуна. Ударник ранил меня. Его раскалённые реки погасли в моём ледовитом океане. За это он метнул гарпун! Он возмутился и метнул! Я думаю, он рассвирепел даже, увидев, как гаснут его реки в моих льдах. Какое шипение, пар и твердеющая лава опускаются в девственно недоступные глубины моего океана. Ничего теперь не выковать. Даром утонул металл. Представляю дедушкино бешенство – вот он и метнул, невзирая на то, что внук. Но жир, толстенный слой жира спас меня – гарпун обломился, лишь остриё застряло в загривке и жжёт болью и обидой. А ведь родной дедушка – и не пожалел. Хотя, какой я внук? Тюлень! Я – раненый тюлень, и мою льдину сносит в открытое море. Мои сородичи плачут на берегу. Мама, какой это ужас – смотреть, как тяжело мечутся они по краю льдистого берега, шлёпая неуклюжими тушами, не в силах догнать меня. Они тоже изгнаны из мира ударников, мама. Их дедушки их изгнали, ударники. За то, что в них нет ни твёрдости, ни пламени. Один жир во льдах. И они не перенесут разлуки со мной, мама, дорогая мама...

МАЛЬЧИК прислушивается. Но в ответ – тишина.
Тогда МАЛЬЧИК распахивает платяной шкаф и вынимает роскошный, чёрного шёлка, длинный плащ-накидку с обильными складками и застёжкой-бантом на горле.
МАЛЬЧИК надевает плащ и восхищается своим отражением в зеркале.

МАЛЬЧИК (победно захохотав). Отныне я беру свою судьбу в собственные руки! Ибо я – Гений Ночь! Я вижу всё. Меня же не видит никто!

1. ДВОР.

КИРГИЗ. МАЛЬЧИК.

КИРГИЗ в жилете с надписью на спине: «ООО «ЖИЛИЩНИК» пишет на старых больных яблонях цифры. Кривые яблони в цвету.
МАЛЬЧИК в чёрном плаще стремительно мчит мимо – чёрный шлейф клубится за толстой спиной ребёнка.
Киргиз роняет кисть, смотрит.

МАЛЬЧИК. Приветствую тебя, о азиат!
КИРГИЗ. Здравствуй, о мальчик в чёрном плаще!
МАЛЬЧИК. Я – Гений Ночь!
КИРГИЗ. Мы – Алмаз!
МАЛЬЧИК. Очень приятно!
КИРГИЗ. Очень приятно!

Но тут МАЛЬЧИК замечает яблони и резко тормозит.

МАЛЬЧИК. А вы зачем наши деревья нумеруете, о Алмаз? Просто интересно. С какой целью?
КИРГИЗ. Рубить будем, о Гений Ночь!

МАЛЬЧИК потрясён.

МАЛЬЧИК. Сегодня День Победы. Сегодня нельзя убивать!
КИРГИЗ. Убивать будем.

МАЛЬЧИК вздымает вверх руки-чёрные крылья.

МАЛЬЧИК. Так будь же проклят ты, о азиат!
КИРГИЗ. Не я будь проклят, о Гений Ночь! Шибелкин будь проклят! Мартемьян Сазонович, начальник ужасный! И весь ваш ЖЭК – шайтан!

МАЛЬЧИК думает.

МАЛЬЧИК. Они склоняют вас к убийству?
КИРГИЗ. О да!
МАЛЬЧИК. Скажите, пожалуйста, вы киргиз или калмык?
КИРГИЗ. Мы – киргиз! Опять забыл?
МАЛЬЧИК. А знаете что?
КИРГИЗ. Знать не знаю!
МАЛЬЧИК. Вся ваша степь...
КИРГИЗ. Не ваша степь!
МАЛЬЧИК. Не грубите! (Грезит.) Вся степь... пламенеет сейчас тюльпанами. Это ведь у вас?
КИРГИЗ. Это у нас... У калмыков тоже есть...
МАЛЬЧИК. И небо разгорается над степью на рассвете... И юрта! И маленькие степные лошадки с нежными лохматыми ножками и молочными весенними соплями... и горький дымок кочевий... у вас?
КИРГИЗ. У нас. У калмыков тоже есть.
МАЛЬЧИК. А юная иссушенная рука над кизяком... и горючий дымок сквозь пальцы, и пенный кумыс над обожжёнными лицами. И непонятные, кривые слова чужого языка...
КИРГИЗ. У нас понятные! У калмыков кривые!
МАЛЬЧИК. И далёкие красивые горы...
КИРГИЗ. У нас – горы! У калмыков – нет!

МАЛЬЧИК. А знаете что?
КИРГИЗ Не знаем!
МАЛЬЧИК. А знаете, что, когда я вырасту, я поеду в степь! Я весь мир объезжу!
КИРГИЗ. А знаете что? Когда Шибелкин отдаст мою получку, я сам поеду в степь! И женюсь!
МАЛЬЧИК. На прекрасной киргизской девушке?
КИРГИЗ. На прекрасной киргизской девушке!
МАЛЬЧИК. И юная иссушенная рука...
КИРГИЗ. Зачем сухая рука? Мы вам – акмак?!
МАЛЬЧИК (примирительно). О нет, конечно! И будете жить в юрте?
КИРГИЗ. В юрте будем жить!
МАЛЬЧИК. И кумыс?
КИРГИЗ. И кумыс!!

Мальчик трясёт руку Киргизу.

МАЛЬЧИК. Желаю вам счастья, о Алмаз!
КИРГИЗ. Желаем вам счастья, о Гений Ночь!
МАЛЬЧИК. Ну, мне пора! Ну вы поняли, как действовать?!(О яблонях.) Вы сами справитесь?
КИРГИЗ. Сами справимся!
МАЛЬЧИК. С праздником вас, будущий жених!
КИРГИЗ. С праздником вас, будущий акын!

Вновь трясут друг другу руки.
Наконец Мальчик вихрем уносится.
Киргиз густо обмакивает кисть и, напевая киргизскую песню, начинает замазывать цифры на яблонях.

2. НОВЫЙ АРБАТ.

МАЛЬЧИК. ДЕДУШКА. ЮНЫЕ СОЛДАТЫ ВОВ.

С Красной площади возвращается военная техника ВОВ.
МАЛЬЧИК жадно разглядывает её. Восторженно машет каждому танку, каждой зенитке, но гордые военные не смотрят на мальчика...
Но вот едет старинная полуторка, и в кузове стоят солдатики: юноши и девушки. Мальчик вздымает свои чёрные крылья, а солдатики, заметив его, почему-то дружно грохают хохотом и радостно машут ему в ответ. Мальчик счастлив, он машет и машет, и вдруг к борту грузовика, из группы хохочущих солдат, выскакивает Солдатик с гармошкой и запевает бойким тенором залихватское, времён той войны, с заливистым свистом и присядкой. Солдаты грохают припев.

МАЛЬЧИК. Классно! Как классно! Здоровски! Я же знал... я так и знал!

МАЛЬЧИК уверен – всё это поётся для него лично! Но они уезжают, весёлые, грузовик их увозит, он не знает, как их удержать, он грузно мечется вдоль дороги, он вот-вот свалится под колёса полуторки...

Но вон танки пошли... Танки! Мальчик забыл про солдат, он дрожит от восторга – танки же! Классно!!
И не видит, что сзади к нему подкатил на коляске безногий инвалид в стареньком пиджачишке – грудь вся в орденах! Это

ДЕДУШКА.

ДЕДУШКА. Правильно, они, родимые. Танки наши: ИС – Иосиф Сталин. Т-34. КВ – Клим Ворошилов. Он тяжёлый. А пушки у нас: гаубицы – это тяжёлые орудия, противотанковые. Зенитки, опять же, миномёты. Ещё орудия были, пушки: семидесятипятка, стодвадцатипятка. А более мощные: от 152 до 305 миллиметров калибра. Особо уважали – 210 миллиметров. Ну и само собой – стосемидесятипятка! (пропел огнево):

Из многих тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину – огонь-огонь!

(И покатился вспять...)

Узнай, родная мать,
Узнай, жена-подруга...

И улица пуста. Как будто не было Парада.
МАЛЬЧИК оборачивается – ДЕДУШКА укатывает на своих колёсах. За ним змеится яблоневая позёмка.
МАЛЬЧИК бросается в погоню.

3.ПЕРЕУЛОК.

МАЛЬЧИК. ДЕДУШКА. ДЕМОН.

МАЛЬЧИК энергично трясёт руку ДЕДУШКЕ.

МАЛЬЧИК. Спасибо вам за Победу!
ДЕДУШКА. Теперь тебе жить, парень! Не подведи! Не подведёшь военных дедушек?
МАЛЬЧИК. Понимаете, я проспал Парад!
ДЕДУШКА. Вот так скандал! Вот это досада! Это как же тебя угораздило?
МАЛЬЧИК. Меня мама не разбудила.
ДЕДУШКА. Шутишь?! Досадно! Обидно! Проспал Победу! Чё ж, мать-то равнодушная оказалась?
МАЛЬЧИК. Какая же она равнодушная?! Напротив! Умчалась на кафедру праздновать! С коллегами. Мама-то, как раз, не виновата! Она очень справедливый человек. Но она ничего не успевает, понимаете? У них сейчас по английскому зачёты, и у неё голова кругом, и курсовые висят... Я её даже не вижу – утром уходит – ночью приходит. И падает. А я ведь сам мог будильник поставить!
ДЕДУШКА. Вы иностранный язык знаете?
МАЛЬЧИК. Кто их не знает-то?.. А День Побе-

ды раз в году. Понимаете?
ДЕДУШКА. А вас как зовут хоть?
МАЛЬЧИК. Гений Ночь.
ДЕДУШКА. Вон как! Наши вам наилучшие пожелания! (Собирается укатить.)
МАЛЬЧИК. Ну конечно, все теперь празднуют, один я, как дурак... как полный идиот! (укоризненно) Счастливо попировать, товарищ ветеран!

ДЕДУШКА разворачивает свои колёса обратно.

ДЕДУШКА. На Параде 1945 года ехала вся фронтовая техника. Плюс шли 12 сводных полков под 360 боевыми знамёнами. Перед каждым полком несли победные советские штандарты – кумачовые полотнища из бархата, вручную вышитые золотом нашими матерями и сёстрами. Штандарты – символ славы и мужества! Немецкие штандарты кидали к мавзолею. Личный штандарт фюрера пронёс и бросил Полный Кавалер Ордена Славы, один из лучших снайперов войны Степан Петрович Денисенко из города Новосибирска.

Пауза

МАЛЬЧИК. Это были вы?!
ДЕДУШКА. Я свои ноги на войне оставил. Скажи мне, Гений Ночь, мог я пройти маршем на Параде, да ещё пронести штандарт, пускай и вражеский?
МАЛЬЧИК. Извините, пожалуйста. Я не подумал. А я тоже Стёпа!
ДЕДУШКА. А то – дружок мой фронтовой. Вот кто это был!
МАЛЬЧИК. Классно... А хотите, я вас докачу? Вам же трудно крутить? Вам докуда? Вы где с ним встречаетесь?
ДЕДУШКА. С кем?
МАЛЬЧИК. С вашим другом... Где вы с ним празднуете? С тёзкой моим?

Дедушка молчит с минуту.

ДЕДУШКА. Да желания нет у меня катиться. Ты лихач, я думаю. Вывалишь.
МАЛЬЧИК. Я что, совсем идиот, по-вашему? А вы тут и не проедете, тут всё перерыли. А я к метро короткую дорогу знаю! Я вас – дворами! А может, вы у Пушкина встречаетесь? Они вас, наверное, уже ждут, друзья ваши! Салатов наготовили! Пирогов с сёмгой!
ДЕДУШКА. С чем?
МАЛЬЧИК. Ну, я примерно... что вы любите? Я очень люблю с сёмгой. Мама мне всегда на день рождения готовит именно с сёмгой. С «фетой» и шпинатом. Я обожаю с «фетой»! Что-то я есть захотел. А вы не проголодались ещё? Хотя конечно, вы будете терпеть до самого праздничного стола! Мы сейчас на Хлебный поедем. Потом на Столовый, Ножовый, потом на Скатертный...

ДЕДУШКА панически вертит головой посреди пищевого гула... и как-то сжимается весь, худенький, как воробышек, забивается в угол коляски.

А у вас какое любимое блюдо? Вот что – самое-самое, на самый сокровенный праздник? Может быть, гусь с яблоками? С другой стороны, это на Рождество больше подходит. Хотя, почему нет? Кто что любит... можно и баранину в мятном соусе... Лишь бы вкусно было, правда же?! Если честно, я жареную картошку люблю! Обожаю просто!

ДЕДУШКА на миг вскидывает голову, словно учуял запах жареной картошки из весенних окон...

МАЛЬЧИК, беспрерывно болтая, везёт притихшего ДЕДУШКУ по московским переулкам.

Я, наверное, поваром буду, когда вырасту. Всё равно я всё время про еду думаю. Если вы не заметили, я толстый. Это причиняет кучу неудобств. Даже говорить не хочу, что это такое – жить с физическим изъяном. Вернее, с переизбытком, ха-ха-ха! Во-первых, всё время хочется есть! Во-вторых, все тебя презирают. Особенно, подростки. Особенно на физкультуре. Понимаете, мы очень жестокие люди, подростки. Случаются просто безумия какие-то среди детей. Да... безумия... Это гормональное. Пубертат. Но я понял очень важную вещь! Главное, не обозлиться. Вот, чем злее к тебе, тем ты, наоборот, веселее. Хотя бы вид делай. И получается что-то удивительное – ты делаешь вид, что тебе весело, а через минуту уже искренне хохочешь! Поэтому я поваром буду. Я твёрдо решил. Мама пока не знает. Вам интересно? Мама хочет, чтоб я был лингвистом. Но у меня к лингвистике сердце не лежит... какая-то она... отвлечённая наука. А тут весело – еда же! Понимаете, когда вкусное едят, все становятся добрыми. Невозможно ведь злиться, когда вкусное ешь...

МАЛЬЧИК останавливается, обходит коляску, заглядывает в лицо ДЕДУШКЕ.

ДЕДУШКА. Ага-ага! Давай постоим маленько. Укачало чё-то. Аж в глазах поплыло. Больно шибко гонишь! Я ж вижу – лихач!
МАЛЬЧИК. Мне не нравится, как вы выглядите. Вы – замученный какой-то! Вначале нашего знакомства вы гораздо лучше выглядели! Свежее, что ли. Слушайте, а если у вас приступ?! Надо срочно вызвать «ско...»
ДЕДУШКА. Баста, парень! Стоп-машина! Время прощаться!
МАЛЬЧИК. Да вы что?!
ДЕДУШКА. Ты хороший человек, но дороги у нас разные!

МАЛЬЧИК. Да почему?!
ДЕДУШКА. Тебе – своё жить, мне – своё! Покедова!

ДЕДУШКА пытается объехать МАЛЬЧИКА.
МАЛЬЧИК весьма ловко тормозит ДЕДУШКУ на всех его манёврах.

Эх, мало места для манёвра у бойца!

МАЛЬЧИК. Я вам что, подлец? Я вас не брошу теперь ни за что!
ДЕДУШКА. На словах ты – лейтенант, а на деле – мальчик молодой!

ДЕДУШКА энергично крутит колёса назад. Отъезжает для разгона. Разгоняется и мчит свою коляску прямо на МАЛЬЧИКА.

ДЕДУШКА. Марш-бросок вперёд, солдат! Берегись! Иду на вы! Тара-а-ню!!!!

МАЛЬЧИК распахивает плащ на раскинутых руках – огромная чёрная бархатная ночь... и закрывает глаза, готовясь расшибиться о ДЕДУШКУ.

МАЛЬЧИК (шёпотом). Ма-ма...

В последний момент ДЕДУШКА видит, что просто зашибёт ребёнка своим ржавым средством передвижения и, опасно кренясь, делает лихой вираж... С воем и скрежетом коляска, высекая искры, пронеслась по самой кромке плаща МАЛЬЧИКА. Дедушка пытается тормозить, но коляска, бешено трясясь и подпрыгивая, мчит по наклонной.
МАЛЬЧИК открывает глаза и видит искрящегося Дедушку, летящего вдаль.
МАЛЬЧИК бросается за ним.
МАЛЬЧИК ловит коляску на самом краю траншеи. Колёса бешено вращаются над бездной.
МАЛЬЧИК тяжело откатывает ревущую коляску на безопасное место.

МАЛЬЧИК. Вы – безрассудный дедушка!
ДЕДУШКА. Ты на моей дороге встал!
МАЛЬЧИК. Вас несло, куда попало!
ДЕДУШКА. Солдат наперёд местность просчитывает!
МАЛЬЧИК. У нас не местность! У нас бульвары! У нас Шибелкин! И он копает! А люди падают! А что я скажу вашим товарищам, если вы ушибётесь?
ДЕДУШКА. Я как-то жил без тебя! И ничо! Не помер пока что!
МАЛЬЧИК. Но теперь-то вы со мной!
ДЕДУШКА. Я сам вижу, что я с тобой!
МАЛЬЧИК. Я вас вмиг домчу!
ДЕДУШКА. Стой, ядрёна вошь!
МАЛЬЧИК. Пожалуйста, не называйте меня вошью. Обидно же!
ДЕДУШКА. Кто – я? Кого – тебя?! Напраслину не возводи! Так говорится, когда зло берёт человека, а все слова малые! Поэтому вошь и выскакивает...
МАЛЬЧИК. Это не обидно для людей?
ДЕДУШКА. Для людей – нет!
МАЛЬЧИК. Здоровски!
ДЕДУШКА. Я сам в восторге... Вот ты куда, куда ты меня завёз-то, Гений Ночь?
МАЛЬЧИК. Вы сейчас отдышитесь, и мы опять поедем. Вы не волнуйтесь. Вам нельзя волноваться. У вас сердце слабое!
ДЕДУШКА. Ядрёна...
МАЛЬЧИК. Дедушка!
ДЕДУШКА. Крепкое у меня сердце!
МАЛЬЧИК. Мы быстро помчимся. Вы не опоздаете!
ДЕДУШКА. Вот же карусель какая... ядрёна... эта... Хоть бы покурить бы, что ли...
МАЛЬЧИК. У меня нету. Я пробовал курить, меня так рвало... мама даже хотела «Скорую».
ДЕДУШКА. У меня тоже нету. А ты добудь! Можешь хоть что-то нормальное?
МАЛЬЧИК. Мне не продадут. Я – маленький.
ДЕДУШКА.Ты у народа стрельни, народ добрее магазина!
МАЛЬЧИК. Сейчас... (Озирается.) Никого нет... подождём, я стрельну. Вы какие курите?
ДЕДУШКА. Какие дадут!
МАЛЬЧИК. А всё-таки?
ДЕДУШКА. «Герцеговину Флор»! Добудешь?
МАЛЬЧИК. Кто – я? Легко! Вам лайт или обычные предпочитаете?
ДЕДУШКА. Не умничай! Тебе не идёт!
МАЛЬЧИК. Ха-ха-ха! Вы меня ещё не знаете!
ДЕДУШКА. Да иди уже! Вперёд выступай – разведывай!

И тут МАЛЬЧИК увидел красивого прохожего в дорогом спортивном костюме для пробежки. Это ДЕМОН.

МАЛЬЧИК. Вон у того сейчас стрельну! (Кричит.) Извините, пожалуйста!

ДЕДУШКА тоже замечает ДЕМОНА.

ДЕДУШКА. Матерь Божия! Прячься, парень... сожмись... пригнись...

Но МАЛЬЧИК не услышал его. Он, наоборот, выпирается вперёд, чтоб быть замеченным красивым ДЕМОНОМ... МАЛЬЧИК даже подпрыгивает на месте от нетерпения.
ДЕДУШКА же качает голову в руках, как контуженный.
Демон бежал-бежал вдоль ограды и совершал физические упражнения. Но МАЛЬЧИК указал на него, и – больше не физкультурник... Демон алчно вертит башкой, но никого не видит – посыл от МАЛЬЧИКА был слишком слабым. Демон словно сдувается. Спортивный костюм его ветшает во-

нючими ремками. ДЕМОН вяло болтается вдоль забора, никого и ничего не замечая. Он слишком туп, чтоб напрямую увидеть толстого МАЛЬЧИКА и старика-инвалида, стоящих буквально напротив него. ДЕМОНУ необходим повторный зов. Он жаждет услышать звонкий голос живого мальчика! И испуганный скрип стариковского горла. Но ДЕДУШКА очухался от первого испуга, притянул за край плаща МАЛЬЧИКА и накрепко запечатал рот ребёнка ладонью... Кажется, что единственное, что поддерживает в ДЕМОНЕ жизнь – это острые зубья металлической ограды, за каким-то лешим торчащей посреди переулка. Демон повисает на них грязноватой тряпкой, готовой без подпорки обмякнуть и безжизненно лечь на асфальт. Но острые зубья вскидывают грязную шкуру...
Повисев, Демон отлипает, выгибается назад, потом вперёд и сильным махом насаживает себя на чугунные копья ограды.

МАЛЬЧИК мычит и вырывается.

МАЛЬЧИК. Что он делает?

ДЕДУШКА. Мается...

МАЛЬЧИК. Он изме... изменяется...

Но ДЕДУШКА сильным рывком привлекает к себе МАЛЬЧИКА и шипит прямо в лицо ему.

ДЕДУШКА. Отставить разговорчики!

МАЛЬЧИК теряет равновесие и рушится на Дедушку. Коляска, игриво взвизгнув, самопроизвольно крутится на месте. И, словно вальсируя, кокетливо нарезает круги в сторону ДЕМОНА.

ДЕДУШКА. Отходим... отступаем... в укрытие надо. Окапываться надо. Слезь с меня. Задавил! Встань – в укрытие ползи. Окапывайся.
МАЛЬЧИК. Я не могу встать. У меня плащ застрял... он намотался на ваши колёса.
ДЕДУШКА. Режь его. Рви. Зубами. Отступай, Гений Ночь! Я прикрою.
МАЛЬЧИК. Я вас не оставлю, Дедушка!
ДЕДУШКА. Отставить споры! Исполнять приказ! Немедленно слезть со старшего по званию! За невыполнение – расстрел!
МАЛЬЧИК. Опупеть можно... Покрутите колёса. Туда-сюда. Плащ на спицы намотался.
ДЕДУШКА. Отличный манёвр – туда-сюда! (Тем не менее крутит колёса.)

Мальчик высвобождает, наконец, плащ, дёргает его с силой и, не удержавшись, падает навзничь в шибелкинскую траншею.
Возвышенно и грозно затрубили траншейные трубы от удара о Мальчика.
Мальчик взбирается на трубы в траншее, и те под его тяжёлыми ногами играют на подобие било. ДЕМОН пуще затрясся от обличающих звуков, поволокся на них, но Дедушка в коляске, крутанув колёса, пошёл на таран.

ДЕДУШКА. Умри, фашист!

Нагнув голову, вцепившись жилистыми руками в колёса, Дедушка взнуздал коляску, как коня, та встала на дыбы и врезалась передней осью Демону под коленки. ДЕМОН хрустнул, булькнул, кувыркнулся, хлеща гнилыми тряпками во все стороны, и заскулил невоплощённым звуком. Потом поднялся и, имитируя хохот, погрозил пальцем ДЕДУШКЕ. Демон шмякнулся наземь и, жидковатый, пробует слиться в траншею, пользуясь своей пакостной пластичностью – туда, где трубы обличают тьму своим чудным пением ... туда хочет пролиться ДЕМОН, чтоб всё заглушить и испортить.

ДЕДУШКА (кричит фальцетом). Сдавайся, гад! Наши идут! Двадцать первая Краснознамённая танковая дивизия выступает! Драпай, фашист!

И бросает в Демона мятую пивную банку. ДЕМОН шипит, жуёт банку – не нравится. Выплёвывает.
МАЛЬЧИК высовывается из траншеи.

МАЛЬЧИК. Дедушка, вы как?
ДЕДУШКА. Лежать!

И МАЛЬЧИК юркает обратно.
ДЕДУШКА делает ещё пару обманных выпадов против Демона. И пока ДЕМОН расфокусированно мотается, ища к чему присосаться, ДЕДУШКА направляет свою коляску прямо в траншею.

ДЕДУШКА. Окоп, принимай подкрепление!
МАЛЬЧИК. Есть принять подкрепление!
ДЕДУШКА. Самоходку не повредите там!
МАЛЬЧИК. Есть! Не повредить самоходку!

МАЛЬЧИК цепляет колёса, тянет на себя коляску. Коляска кренится и вместе с ДЕДУШКОЙ рушится в траншею. Трубы взрываются грозовой какофонией.
ДЕМОН же понял, что его обманули, отвлекли блестящей банкой. Он вертит башкой. Вновь подбирает банку, обнюхивает, пытаясь вытрясти на язык хоть каплю жидкости... сжимает банку так, что из той искры летят. Демон ослабленно воет безликим, невоплощённым голосишкой, потом шатким аллюром уносится вперёд по переулку.

4. ТРАНШЕЯ.

ДЕДУШКА. МАЛЬЧИК.
МАЛЬЧИК. Дедушка, что там было?
ДЕДУШКА. А ничего! Покурили да разошлись...
МАЛЬЧИК. Вы уверены?

МАЛЬЧИК сверлит Дедушку взглядом. ДЕ-

ДУШКА отводит глаза.
ДЕДУШКА прилаживает разрозненные железки и щепочки, оставшиеся от его коляски.

ДЕДУШКА. Слышь-ка, боец, у тебя на примете есть сварщик?
МАЛЬЧИК. Да нет. А зачем?
ДЕДУШКА. А, по крайности, плотник? Клепальщик? Ну столяр, на худой
конец!
МАЛЬЧИК. У меня киргиз есть. У него большие связи.
ДЕДУШКА. Мне юрта без надобности. Мне самоходка моя нужна! 60 лет служила! Куда я – туда она! А теперь я один остался!
МАЛЬЧИК. Вы что же, в ней прямо жили?!

ДЕДУШКА щупает плащ МАЛЬЧИКА.

ДЕДУШКА. Вот на что такое баловство? Деньги на ветер. Плащ нужен прорезиненный! Он тебе и крыша, он тебе и стены! А износ нулевой. Пока не стащат. И правильно! Сам пожил, пусти другого.

МАЛЬЧИК молчит, опустив голову.
МАЛЬЧИК. Значит, мы тщетно спешили...
ДЕДУШКА. «Тщетно»? Ну-ну...
МАЛЬЧИК. Вас никто не ждёт.
ДЕДУШКА. Подержи-ка...

Подаёт железку.
Пробует соединить с ней другую железку, но тщетно.

МАЛЬЧИК. И напрасно, напрасно я с вами ходил. Мешал только.
ДЕДУШКА. Мешал, ясен пень! Глянь, сколько намешал-то! Металлолом один!
МАЛЬЧИК. Я мечтал увидеть ваших товарищей! Со штандартами! А они, наверное, все...
ДЕДУШКА. Превратились в белых журавлей...
МАЛЬЧИК. В Царствии Небесном они!
ДЕДУШКА. Думаешь, долетели?
МАЛЬЧИК. Ну, здрасьте! А для кого же тогда Рай?!

ДЕДУШКА достаёт расчёску из кармана и тщательно причёсывает остатки волос.

А чего это вы прихорашиваетесь?
ДЕДУШКА. В пунктах праздничного милосердия кашу бесплатную раздают! Лично я – туда.
МАЛЬЧИК. Ну теперь-то вы понимаете, что я вас не брошу?
ДЕДУШКА. Ну тогда я просто помру. Отпустил бы ты меня, Гений Ночь?
МАЛЬЧИК. А как вы до каши доберётесь?
ДЕДУШКА. По-пластунски.
МАЛЬЧИК. Предположим. Ну, а где эти пункты? Вы адрес знаете?
ДЕДУШКА. У меня карта есть. И компас. А теперь прощай. Плохое забудь. Хорошее – никогда!

ДЕДУШКА довольно ловко на сильных руках подтягивается на край рва.

МАЛЬЧИК. Прощайте, дорогой предок.

ДЕДУШКА повисает на краю рва.

ДЕДУШКА. Ну что опять? Что?!

МАЛЬЧИК. Да ничего... Вы предок, я – потомок. Что непонятного?

ДЕДУШКА, повисев, шмякается в траншею.

Не кровный предок, а в национальном масштабе предок. Да какая, собственно, разница? Если б не вы, нас бы на свете не было. Вы хоть это-то понимаете?
ДЕДУШКА. Не умничай, тебе не идёт!
МАЛЬЧИК. Да что я сказал-то? Попрощался и всё. На всю жизнь ведь расстаёмся.
ДЕДУШКА. Да не, мы глупые! Мы старые, значит дураки! Это козе понятно, а нам нет! Едрёна вошь! Вот ей понятно – воше едрёной. Пареной репе понятно... Она хоть дура, репа, а и ей понятно. Всем понятно, кроме нас!
МАЛЬЧИК. Ещё ежу.
ДЕДУШКА. Какому ежу?
МАЛЬЧИК. Так говорится – «ежу понятно».
ДЕДУШКА. Ежу, значит, понятно, а старенькому дедушке не понятно. Маразм у него? Считаешь?!
МАЛЬЧИК. У кого?
ДЕДУШКА. У Дедушки!
МАЛЬЧИК. Вы о себе в третьем лице заговорили.
ДЕДУШКА. Не умничай!
МАЛЬЧИК. Я не умничаю! Это вы всё переиначиваете, я уже сам себя не понимаю! Вы к каждому слову цепляетесь!
ДЕДУШКА. Я – цепляюсь?
МАЛЬЧИК. Вы!
ДЕДУШКА. Я?!
МАЛЬЧИК. Ну не я же?! Я даже про ордена спросить боюсь! Вдруг вы разозлитесь опять!
ДЕДУШКА. Вот что тебе про ордена охота узнать? Ну например?!
МАЛЬЧИК (загораясь). Какой за какой подвиг вам дали?
ДЕДУШКА(передразнивает). «Какой за какой»!
МАЛЬЧИК. Ну вот же опять!
ДЕДУШКА. Ордена не дают, а орденами награждают. Понятно?
МАЛЬЧИК. Понятно. А вот этот...
ДЕДУШКА. А этот – Орден Славы!
МАЛЬЧИК. Здоровски! Дедушка! У вас их три одинаковых! Три раза – Слава!

Слава вам, дедушка! Ур-ра!!!
ДЕДУШКА. Шумный ты парень! Оглушил, право!
МАЛЬЧИК. Да как же! Я же горжусь! (Кричит.) Дедушке нашему – слава! Ура! Ура! Ура!

Эхо подхватывает и славит Дедушку.

ДЕДУШКА (сердито). Не люблю я баловства! «Не гляди, что на груди! А гляди, что впереди!»
МАЛЬЧИК. Как это?
ДЕДУШКА. Самоходку мою видишь?
МАЛЬЧИК. Руины вон те?
ДЕДУШКА. Ты хоть простые вещи понимаешь?
МАЛЬЧИК. Раньше понимал.
ДЕДУШКА. Значит так – не руины, а самоходка. Видишь самоходку мою?
МАЛЬЧИК. Теперь вижу...
ДЕДУШКА. Вот. Просто же. Подлезь под неё... под железяки эти и пошарь из-под низу-ка вон... под сиденьем. Сиденье из кожзаменителя видишь?
МАЛЬЧИК. Вижу!
ДЕДУШКА. Если что найдёшь, будешь умный!
МАЛЬЧИК. А что искать?
ДЕДУШКА. Шарь!

МАЛЬЧИК шарит.

МАЛЬЧИК. Укололся... порезался... Нашёл чего-то. Квадратненькое.
ДЕДУШКА Тащи его!

МАЛЬЧИК достаёт коробочку.

ДЕДУШКА. Смотри-ка, уцелела! Молодец, парень! Побриться меня сможешь?
МАЛЬЧИК. Я?!
ДЕДУШКА. Ладно, потомок, зеркало подержи.

Вручает МАЛЬЧИКУ осколок зеркала, а сам ловко натачивает опасную бритву.

МАЛЬЧИК. Сколько у вас имущества разного.
ДЕДУШКА. Было.
МАЛЬЧИК. А можно я пойду с вами кашу гречневую есть?
ДЕДУШКА. Каша – только военным.
МАЛЬЧИК. Жаль!

Дедушка заканчивает бриться, аккуратно складывает инструменты в коробку и прыскает на себя «шипром». Потом, хохотнув, – на Мальчика. Мальчик жмурится и чихает.

Круть! Когда я начну бриться, я тоже стану «шипром» брызгаться!
ДЕДУШКА. Надо говорить «освежаться».
МАЛЬЧИК. Освежаться.
ДЕДУШКА. На. Дарю. На память о предке.
МАЛЬЧИК. Большое спасибо!
ДЕДУШКА. Ну, товарищ, руки пожмём и – покатили – кто куда! Учись на пятёрки и мать не обижай!

ДЕДУШКА поплёвывает на ладони, примеряясь половчее подтянуться на край рва.

«Где-нибудь я в сельсовете на гулянку попаду!»

МАЛЬЧИК. Дедушка... я клянусь, это последнее. Самое последнее. Но я должен спросить. Оно меня сводит с ума.

ДЕДУШКА (как-то жалко шутит). Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.
МАЛЬЧИК. Дедушка, вы помните того... холёного господина на пробежке... в брендовых трениках... С которым вы, якобы, курили...
ДЕДУШКА (едва лепечет).»Потерял боец кисет. Заискался – нет и нет...»
МАЛЬЧИК. Мне кажется, он не спортсмен...
ДЕДУШКА.»Тула! Тула! Это я! Тула родина моя!»
МАЛЬЧИК. Не было у него «Герцеговины Флор»!
ДЕДУШКА. «Разрешите доложить коротко и просто. Я большой охотник жить лет до девяноста!»
МАЛЬЧИК. Не курили вы с ним...
ДЕДУШКА.»Знаешь, брось ты эти вальсы...»
МАЛЬЧИК(чуть не рыдая.) Ответьте мне!!!

ДЕДУШКА впивается колючими глазами в лицо МАЛЬЧИКА. Но МАЛЬЧИК не замечает его волнения.

Я вначале подумал, что у меня галлюцинация... Когда он вдруг стал облезать весь. Словно оплавляться. Словно шкура человека с него слезать стала клочьями. Но я не сумасшедший. И я увидел... я увидел, что вместо лица у него выдвинулось нечто такое...
ДЕДУШКА(обречённо). Выходит, ты их тоже видишь.
МАЛЬЧИК. Кого?

Пауза.

Кого – их?! Кого я вижу, Дедушка? Кто они?!
ДЕДУШКА. Выходит, я не один такой...
МАЛЬЧИК. Дедушка! Мне никогда так страшно не было. Я как будто мёртвый сделался. Дедушка, кто это был?
Пауза.

ДЕДУШКА вновь дурашливо командует.

ДЕДУШКА. Слушай, боец. Нашу позицию раскрыли...
МАЛЬЧИК. Дедушка, кто это был?!
ДЕДУШКА. ...скоро здесь будет враг...

МАЛЬЧИК. Кто это был?!
ДЕДУШКА. ...нужно уходить. Закрепиться на новой позиции. И ждать подкрепления.
МАЛЬЧИК. Вы шутите? Мы с вами в войну играем, что ли? Как дети малые! Я видел! Видел! Был господин, стал бомж. А потом как будто и бомж сполз с него. И стало такое – он вообще – не человек!
ДЕДУШКА. Значит, так. Слушай мою команду, солдат. Покинуть траншею и по-пластунски по пересечённой местности передвигаться до ближайшего укрытия! Задание ясно?
МАЛЬЧИК. Я же бросил вас с ним одного! Дедушка, я предал вас! Вы хоть это поняли?
ДЕДУШКА. Отставить нытьё! Немедленно покинуть траншею! Выполнять приказ!
МАЛЬЧИК. А если я снова испугаюсь?
ДЕДУШКА. Я – твой командир! За неподчинение – расстрел! Выполняйте, боец!
МАЛЬЧИК. Есть – выполнять!

Выползают из траншеи.

Теперь куда?

ДЕДУШКА. К той высоте!
МАЛЬЧИК. К клумбе?
ДЕДУШКА. За мной!

Ползут.

Пятую точку опусти! Сливайся с местностью! Телом скользи! Жо... отставить поднимать пятую точку! Первый же снайпер всё филе тебе снесёт! Жмись к земле! Жить хочешь – жмись!

Скрываются в зарослях цветов.
За грядой цветов в соседнем дворе парят девочки-подростки в каких-то фантастических, средневековых, сказочных костюмах.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ . ДЕТИ.

5. СОСЕДНИЙ ДВОР.

Липы, сирень. Клумба. Лавка в кустах цветущей спиреи. Мешок с реквизитом.
Посреди двора высокая стремянка.
ДЕТИ-ЗВЁЗДЫ: АЛЬБИРЕО. СЕРПЕНТИС. МИА-ВИНДЕМИАТРИКС. ГОНЧИЕ ПСЫ: МАША,ДАША. НЕСТЕРУХИНА-ЧЁРНАЯ ДЫРА. ПОЗЖЕ МАЛЬЧИК.

Фантастически разодетые подростки толпятся вокруг длинной грузинской девочки с огромными чёрными волосами. Это МИА-ВИНДЕМИАТРИКС.
Она крутит фуэте.
Подростки громко считают:

– Пятьдесят восемь! Пятьдесят девять! Шестьдесят!

МИА останавливается, тяжело дышит.

– Получилось! Миа! Уже шестьдесят!
– Ты до ста дойдёшь!
– Ты будешь в балете!
– Ты вернёшься в балет!
– Ты снова будешь танцевать!
– О, как мы рады, Миа!
– Мы счастливы!
– До слёз!
– Восторг!

Миа бредёт к стремянке. Она хромает.

НЕСТЕРУХИНА (рыхлая грузная девочка, бормочет). Три раза всего прокрутила... Хромуша...

Но её не слышат. Все разбрелись по двору.
НЕСТЕРУХИНА отставляет ногу и пробует крутиться, как Миа.
МИА осматривает стремянку через объектив дорогой камеры.

МИА. Ну, если напрячь фантазию, то сойдёт за небо. (Зычно.) Альбирео!

Ответа нет. АЛЬБИРЕО, в костюме юного герцога, в чёрном парике-каре и с чёрной повязкой на глазу, стоит под липой и жарко спорит с крошкой СЕРПЕНТИС. СЕРПЕНТИС в истошно-розовых юбочках, пышных панталонах с оборками, вся в золотых кудрях, кружевах и блёстках.

СЕРПЕНТИС. Тридцать шесть слёз нужно! А у нас без малого двадцать! Альбирео! Нам ЦУМ не обогнать.
АЛЬБИРЕО. Каждый стразик – сто пятьдесят рублей! Серпентис, это 20 завтраков!
СЕРПЕНТИС. Сапфиры и рубины! У дочки ЦУМа – сапфиры и рубины! Вслушайся только, Альбирео! Против наших стёклышек! Ей уже первое место купили. Папа, директор ЦУМА!

И вдруг замолкает... смотрит на Альбирео, потом на нижнюю ветку липы, касающуюся головы ребёнка.

Ты так растёшь, ты уже до этих веток достаёшь... А я...уже никогда! Никогда!

Подкрадывается НЕСТЕРУХИНА.

НЕСТЕРУХИНА. А если так?

Наклоняет ветку, и та касается головы крошки Серпентис. Серпентис плачет и убегает.

Чё это она?

АЛЬБИРЕО. Она же не станет выше от этого, как ты думаешь, Света?
НЕСТЕРУХИНА. Брунэтик, чё я сделала-то?
АЛЬБИРЕО (кричит вслед Серпентис). Ты очень красивая, Серпентис!
НЕСТЕРУХИНА. Я не виновата, что она карлица.
АЛЬБИРЕО. Серпентис! Я не хочу расти! Я хочу быть как ты! Жить в цветах! Дружить с мотыльками!

СЕРПЕНТИС пуще рыдает, вламывается в кусты, прячась.
(НЕСТЕРУХИНОЙ.) Во-первых, не карлица, а лилипутка. Во-вторых, Таня – не лилипутка! Ей до лилипута надо на три сантиметра уменьшиться!

НЕСТЕРУХИНА ржёт.

НЕСТЕРУХИНА. Держите меня, вареники! Лопну со смеху!
АЛЬБИРЕО (дрожащим голосом). Что смешного, Света?
НЕСТЕРУХИНА. А до нормального роста насколько ей надо увеличиться?
АЛЬБИРЕО. Крошка Си – мой лучший друг. Она самая умная тут. Ей 22 года, и она окончила университет! (Помолчав.) А мне 24 года... будет...
НЕСТЕРУХИНА. Когда?!
АЛЬБИРЕО. Через месяц... (Пытливо смотрит на НЕСТЕРУХИНУ.)

НЕСТЕРУХИНА опять ржёт.

НЕСТЕРУХИНА. Ой, вареники, я, по правде, лопну!
АЛЬБИРЕО. Таня скоро откроет свой бизнес!
НЕСТЕРУХИНА. В цирке?
АЛЬБИРЕО. Крошку Си в цирк не возьмут, потому что она высокая! Ясно тебе?
МИА (зычно). Альбирео, лебяжий сын! Где тебя черти носят?
АЛЬБИРЕО. Я здесь! Мы слёзы считали.
МИА (передразнивает). «Мы слёзы считали». Чирикаешь, как воробей!
АЛЬБИРЕО. У меня голос такой!

СЕРПЕНТИС выбегает из кустов.
СЕРПЕНТИС. Миа, договаривались не обзываться!
МИА. Серпентис, договаривались без имён!
СЕРПЕНТИС. Виндемиатрикс, извини... Но слёз не хватает всё равно! И ЦУМ нам не обогнать! Сапфиры и рубины! Кошмар! Кошмар!

СЕРПЕНТИС в сильном горе вздымает свои юбки вверх и закрывает ими лицо. Видны белые панталоны с оборками на тонких неразвитых ножонках.

НЕСТЕРУХИНА. Трусы показала! Трусы показала!

На неё не обращают внимания.

МИА. Короче, Альбирео, я два раза не повторяю – или лезешь, или фотосессии не будет!

АЛЬБИРЕО карабкается по стремянке.

На самый верх!

АЛЬБИРЕО. Ой, я боюсь! Ой, я боюсь!
МИА. Не чирикай там!
АЛЬБИРЕО. Я упаду! Подержите лестницу! Я же на небо лезу!
МИА. «Звездопад-звездопад, это к счастью, друзья, говорят...» Всё. Замри там. Ты в небе! Думай о Созвездии Лебедя. Откуда ты благополучно сбежал, о юный Альбирео!

МИА начинает снимать АЛЬБИРЕО с разных ракурсов.
АЛЬБИРЕО визжит.

МИА. Что за лажа! Кто стремянку качает?
НЕСТЕРУХИНА. Я нечаянно задела. Вареники, спотыкнулась я, а она закачалась! Альбирео, ты там держись! А то упадёшь, калекой станешь.
АЛЬБИРЕО. Зачем ты это говоришь? Света? Это очень обидно слышать!
МИА (АЛЬБИРЕО). Хорэ пищать! Нестерухина! Ты не в игре. Убирайся отсюда. Иди, реквизиты штопай. Что там у нас по сюжету? (Читает сценарий.)
«Созвездие Лебедя так гордилось своей самой любимой звездой Альбирео, что носило его в клюве. Но этот сияющий паршивец...»
АЛЬБИРЕО. Так нечестно! Там нет слова «паршивец»!
МИА. Да что вы говорите? Самая яркая звезда в созвездии Лебедя сдриснула из созвездия хрен знает куда... И как же его назвать? Избалованный сынок сбежал от матери Лебедя. Гончие Псы его сманили поиграть... и бросили. И он в итоге заблудился в космических безднах. Вот твоя история, Альбирео! Кстати, где Гончие Псы?
СЕРПЕНТИС. Их родители не отпустили.
МИА. Я в восторге! Может, свернём фотосессию и по домам?
АЛЬБИРЕО. Так нечестно! Они – мои лучшие друзья! Они придут!
СЕРПЕНТИС (вторит). Они придут!
МИА. Ну ладно. (Читает.) «Если беглая звезда Альбирео не вернётся до зари, то мать его, Лебедь, умрёт от тоски. И небо свернётся, как свиток.» Небо свернётся... Ни хренашечки... это ж конец света...
АЛЬБИРЕО. Оно не свернётся, Виндемиатрикс! Альбирео вернётся к маме!

МИА. Замри в позе побега! (Тихо.) Козявка.
АЛЬБИРЕО. Я всё слышу!
МИА. Снимаю!

АЛЬБИРЕО замирает в «позе побега».
МИА бегает вокруг стремянки, снимает.

Хреновое небо. Хреновое небо. Надо очень напрячься, чтоб увидеть в этом – небо!

НЕСТЕРУХИНА усердно принимает «позу побега» АЛЬБИРЕО. На неё никто не смотрит.

НЕСТЕРУХИНА (об Альбирео). У них туфли рваные! Они с матерью бедные!
ВИНДЕМИАТРИКС (не глядя на неё). Отвянь, Чёрная дыра!

НЕСТЕРУХИНА бредёт к мешкам с реквизитом, сваленным возле лавки.
Достаёт какие-то странные вещи, напяливает на себя.
На лавке сидит крошка Серпентис, пересчитывает свои крахмальные юбочки.

СЕРПЕНТИС. Понимаешь, Нестерухина, я на эти юбочки потратила всю свою зарплату. Но сапфиры и рубины – это выше моих возможностей! А как я буду спасать Альбирео без сапфиров и рубинов? Ведь он – сын Лебедя. А у нас даже копеечных слёзок не хватает...
НЕСТЕРУХИНА. Лапуль, ну как тебе? (Красуется.)
СЕРПЕНТИС. Это неприятно! Ты омрачаешь!
НЕСТЕРУХИНА. Лапуля, я же просто... померить... (Роется в мешке.)
СЕРПЕНТИС. Ты всё-таки очень странная, Нестерухина. Зачем ты за нами ходишь?

НЕСТЕРУХИНА скрывается в кустах, переодевается в другое из мешка.

НЕСТЕРУХИНА (из кустов). Вы прикольные, вареники! С вами клёво! Я бы вашего Альбика прям съела бы! Прям проглотила бы!
СЕРПЕНТИС. Какой такой Альбик? Нет у нас Альбика никакого!
НЕСТЕРУХИНА (похохатывает в кустах). Чё ты, чё ты там тупишь, коротенькая?

НЕСТЕРУХИНА вываливается в другом костюме.

Лапуль, в этом нормально? Мне же тоже хочется!
СЕРПЕНТИС (лжёт). Этот получше.
НЕСТЕРУХИНА. Врёшь, да? Врёшь, гадючка?!
СЕРПЕНТИС. Света, это просто игра. Мы играем. Игра для подростков.

НЕСТЕРУХИНА неистовствует, яростно рвёт на себе костюм.

НЕСТЕРУХИНА. А я кто, по-твоему?! А я кто, по-твоему?!

НЕСТЕРУХИНА царапает лицо, потом вламывается в кусты спиреи и крушит их.

СЕРПЕНТИС. Кто ты такая? Кто ты такая?

СЕРПЕНТИС в сильном страхе съезжает по лавке на землю, подхватывает свои юбки и катится к стремянке с детьми.
Исцарапанная и ободранная НЕСТЕРУХИНА ломит за ней.
СЕРПЕНТИС подбегает к стремянке и, крошечная, прыгает, пытаясь достать до нижней перекладины.

Подсадите, мой выход! Подсадите, мой выход!
АЛЬБИРЕО. О, моё юное сердце разбито!
ВИНДЕМИАТРИКС. Да подожди ты, «юное сердце»! Что там по сценарию? У меня уже ум за разум зашёл! (НЕСТЕРУХИНОЙ.) Бабушка, отойдите, пожалуйста, у нас тут съёмка!

ВИНДЕМИАТРИКС подсаживает Серпентис, отступает и спотыкается о НЕСТЕРУХИНУ, которая нарочно поставила ей подножку.
СЕРПЕНТИС повисает меж перекладин.
ВИНДЕМИАТРИКС падает.
СЕРПЕНТИС срывается вниз, на ВИНДЕМИАТРИКС.
АЛЬБИРЕО экстатично декламирует, не замечая нижней свалки.
НЕСТЕРУХИНА тихо визжит от восторга.

АЛЬБИРЕО. О, бесконечный космос, полный незнакомых звёзд! Они так прекрасны! Но все они чужие... Мой дом не здесь! О, я заблудился. Я одинокая, печальная звезда! Я погибну! Мне грустно! (Деловито.) Миа, а как я мог заблудиться, если я ещё не поиграл с Гончими Псами?

ВИНДЕМИАТРИКС сбрасывает с себя СЕРПЕНТИС.

ВИНДЕМИАТРИКС (придушенно). Без имён!
СЕРПЕНТИС (подхватывает). Без имён! Без имён! Без имён!

СЕРПЕНТИС кружится вокруг своей оси, взбивая свои юбки.
НЕСТЕРУХИНА в сторонке пробует так же кружиться, копируя все её движения.

ВИНДЕМИАТРИКС (АЛЬБИРЕО). Изображай, что заблудился.
АЛЬБИРЕО. Виндемиатрикс, мы отказались от своих имён ради этой игры. Мы теперь звёзды. Поэтому мы не должны пропускать события. Поэтому я без Псов не играю!
ВИНДЕМИАТРИКС. Альбирео, имей совесть!

Или мы делаем фотосессию, и нас берут на фестиваль косплееров, или отправляйся в песочницу!
АЛЬБИРЕО. Как ты не понимаешь? Мы не можем изменить движение звёзд!
НЕСТЕРУХИНА. Альбик, Альбик, давай убежим в Иваново и станем милиционерами?
АЛЬБИРЕО. А мы сможем преступников ловить?
НЕСТЕРУХИНА. Естественно!
АЛЬБИРЕО. А нам выдадут пистолеты?
НЕСТЕРУХИНА. Естественно!
АЛЬБИРЕО. Это мечта всей моей жизни! (Думает.) Извини, Света, я не могу. Я очень люблю маму.
НЕСТЕРУХИНА. Малолетка! Малолетка!
АЛЬБИРЕО. Мне 27 лет!
НЕСТЕРУХИНА. Было же 24!
АЛЬБИРЕО. Каждый может оговориться!

Слышен лай.
Вбегают МАША и ДАША в плюшевых костюмах собак. Весело всех облаивают.

ВСЕ:
– Гончие Псы!
– Ура!
– Ужас!
– Собаки! Псы не такие!
– Хвостики какие! Ушки! Ха-ха-ха!
– Дай лапу! Принеси мячик!
– Дуры, вы же звёзды! А вы – собаки!

МАША. ДАША. Нам бабушка всю ночь шила костюмы!
АЛЬБИРЕО. Играть! Играть!

АЛЬБИРЕО скатывается со стремянки и носится по двору с ГОНЧИМИ ПСАМИ. Лай, хохот, крики.
НЕСТЕРУХИНА топочет вслед АЛЬБИРЕО.

НЕСТЕРУХИНА. У-ти, бозе мой! Догоню! Догоню!

ВИНДЕМИАТРИКС носится за детьми, снимает на камеру, потирая ногу.
НЕСТЕРУХИНА устремляется за ней.

Лапуля, болит нога? Нога болит? Болит нога?

ВИНДЕМИАТРИКС отмахивается от неё, отталкивает, даже лягает здоровой ногой. Ей нужно поймать удачный кадр – но НЕСТЕРУХИНА лезет и в объектив камеры...

Болит нога? Нога болит? Болит? Болит? Болит?!

Видя, что ВИНДЕМИАТРИКС не прошибить, НЕСТЕРУХИНА цепляется к ГОНЧИМ ПСАМ.

НЕСТЕРУХИНА. Собаки, собаки! Ваша бабка скоро умрёт! Она старая! Старая собака!

Гончие Псы оглушительно ревут.

ВИНДЕМИАТРИКС. Ты проклятая!!!

ВИНДЕМИАТРИКС запускает камерой в НЕСТЕРУХИНУ.
Камера разбивается.
Все замирают.

(Чуть не плачет.) Съёмка окончена.

Появляется МАЛЬЧИК. Он подходит к детям, застывшим над разбитой камерой.

МАЛЬЧИК. Приветствую вас, о люди!
ВИНДЕМИАТРИКС. Ты кто?
МАЛЬЧИК. Я – Гений Ночь!

Пауза.

ВИНДЕМИАТРИКС. Как докажешь?

МАЛЬЧИК медленно разводит руки. Чёрный плащ его, раскинутый на руках широким овалом, эффектно колышется на весеннем ветерке. Впечатление сильное.

ВСЕ:
– Шёлк? Бархат?
– Классно! Шикарно! Стой, не дыши!
– Шикарно! Шикарно! Гений Ночь!
– Гений Ночь? А где панталоны? Где брыжи?
– Пижмы!
– Не пижмы, ха-ха-ха! Пижма – цветок! Растёт на помойках.
– Где хотя бы камзол?
– Пижмы бывают! Бывают! На рубашках! Рубашках!
– Гений Ночь! Гений Ночь!
МАЛЬЧИК. У меня только плащ один. Ни пижм, ни брыжей. Я толстый.
МИА. Ты – небо!!!

Пауза.

ВСЕ МАССОВО РАССУЖДАЮТ:
– Мальчик - небо!
– А стремянка?
– Мальчик лучше!
– Стремянка выше!
– Мальчик толще!
– Стремянка больше!
– Мальчик огромный!
– Мальчик! Стремянка!
– Стремянка! Мальчик!
– Мальчик-не-е-бо-о!

НЕСТЕРУХИНА. Свинья жирная!

МИА расставляет детей вокруг МАЛЬЧИКА, наподобие физкультурных пирамид 20-ых гг. НЕСТЕРУХИНА встраивается в пирамиду, но всякий раз обрушивает её, пока её не отгоняют.

МИА. Ты – чёрная дыра, Нестерухина! Иди отсюда!

МИА, сложив пальцы в форме объектива, как бы фотографирует всю группу: Мальчик – небо, девочки – звёзды...

МИА. Замрите! И стойте так вечно... Это мой лучший снимок...

Смотрит на свои пустые руки.
Воздух как будто застывает. Ни звука, ни движения.
В центре двора, в застывшем воздухе, замершая живая пирамида.

6. ПЕРЕУЛОК.

ТЕ ЖЕ. СОЛДАТЫ ВОВ.

По переулку, граничащему со двором, беззвучно бежит ЮНЫЙ СОЛДАТ в форме ВОВ. Оборачивается и стреляет. Потом сотрясается весь, как от страшного удара – грудь его взрывается кровавым фонтаном. Падает. Следом за ним выбегает целый ОТРЯД солдат. Пятясь, они беспорядочно стреляют назад. Один из них швыряет гранату. Но та не разрывается и катится по асфальту. Солдаты подхватывают раненого и убегают. Переулок пустеет.
В тот же миг включаются звуки праздничного города.
Живая фигура распадается.

7.ДВОР+ПЕРЕУЛОК

ДЕТИ. ДЕМОН.

МИА (о солдатах). Крутой косплей. Это какая игра? Кто знает?
СЕРПЕНТИС. Это Великая Отечественная война.
МИА. Кто играет?
СЕРПЕНТИС. Я их не знаю. Какие-то новые...
АЛЬБИРЕО. Смотрите, они гранату забыли!
МАША-ДАША. Нам надо! Нам надо!
МАЛЬЧИК. Не трогайте!

НЕСТЕРУХИНА бежит в переулок и пробует кровь на асфальте.

НЕСТЕРУХИНА. Кровь не настоящая! Сами попробуйте! Я врать не стану! Альбик! Альбик, хочешь лизнуть? Сладенько!

В переулке появляется ДЕМОН. Он слегка дымится – полувзорван и прострелян. Остатки тренировочных штанов выдают в нём бывшего спортсмена. НЕСТЕРУХИНА прячется за спину ДЕМОНА и глумливо копирует его движения. ДЕМОН, чуя неладное, пытается обернуться, но НЕСТЕРУХИНА словно приклеилась к его спине.
У ДЕТЕЙ острое любопытство.
Один МАЛЬЧИК всерьёз испуган.

МАЛЬЧИК. Это он...

Его не слушают, всех интригует ДЕМОН.

МИА. Вау, прикольный дяденька!
АЛЬБИРЕО. Вау.
МАША-ДАША. Вау.
СЕРПЕНТИС. Из какой он игры?
АЛЬБИРЕО. Это грим? Или лицо такое?
МИА . Таких лиц не бывает.
ВСЕ. Вау! Вау!

ДЕМОН, кажется, вот-вот развалится, так его потрепал ОТРЯД.
НЕСТЕРУХИНА входит в раж, и её корёжит не хуже Демона.

АЛЬБИРЕО. Он себя хорошо чувствует?
МИА. Может, скорую вызвать?
СЕРПЕНТИС. Надо спросить... (Окликает ДЕМОНА.) Мужчина-мужчина!

ДАША-МАША громко лают, чтобы привлечь внимание ДЕМОНА.

МАЛЬЧИК. Вы обалдели совсем?!

ДЕМОН вертит башкой, он туп, он не понимает, откуда несутся голоса...
НЕСТЕРУХИНА вначале недоумевает, а потом радуется его тупости – вот, ещё глупее её самой кто-то нашёлся.
НЕСТЕРУХИНА услужливо подаёт ДЕМОНУ гранату и кивает-кивает, и хихикает, и прямо показывает, как кинуть гранату в детей, прямо пухлой ручонкой замахивается.
ДЕМОН кидает гранату в детей.
НЕСТЕРУХИНА шмякается у ног ДЕМОНА, зажав уши.
Граната падает к ногам детей.

МАЛЬЧИК. Бегите!!!

МАЛЬЧИК падает на гранату всем телом.
ДЕТИ бросаются к МАЛЬЧИКУ, обступают его плотным кольцом.
Долгая пауза.

МИА. Ну, вставай уже.

МАЛЬЧИК встаёт, слегка сконфуженный, держит гранату.

МИА отнимает её.

Граната ненастоящая. Реквизит.

ВСЕ ЭКСПЕРТИРУЮТ:
– Граната – реквизит!
– Не взорвалась!
– Потому что реквизит!
– Её просто заело!
– Потому что реквизит!
– Она отсырела от времени!
– Реквизит!
– Настоящая!
– Не стучи по ней!
– Ничего не будет!
– Не подбрасывай!
– Она сломалась!
– Она взорвётся!
– Она не взорвётся!

МИА. О, вы тупые!!!

БЛИЖНИЙ БОЙ

МИА выхватывает гранату у детей и бросает в ДЕМОНА.
Граната взрывается у ног ДЕМОН.
Когда дым рассеивается, ДЕМОН лежит, как убитый.
НЕСТЕРУХИНОЙ рядом нет. Её забросило на дерево.
ДЕМОН стонет, трудно поднимается.

МИА (испуганно). Извините, пожалуйста!
НЕСТЕРУХИНА (визжит с дерева). Дяденька, убейте их! Набейте им морду всем!
МАЛЬЧИК. Это не дяденька!!!

ДЕМОН слепо бросается на голос МАЛЬЧИКА.
ДЕТИ – врассыпную.
НЕСТЕРУХИНА бьётся на дереве.

НЕСТЕРУХИНА. Помогите! Я застряла! Помогите слезть! Уроды, предатели! (Плаксиво.) Альбирео, помоги!

АЛЬБИРЕО отзывается на своё имя – выставляется вперёд. НЕСТЕРУХИНА указывает на него.

Вот он! Вот он! Хватай его!

ДЕМОН бросается на АЛЬБИРЕО.
Но дети-звёзды, заслоняя АЛЬБИРЕО, носятся перед глазами ДЕМОНА, как кометы.

ПСЫ жестоко облаивают ДЕМОНА.

МАША. Он мне хвост оторвал!
ДАША. Получи за это! (Кусает Демона.)

ГОНЧИЕ ПСЫ разбегаются в стороны, и ДЕМОН мечется меж ними, не умея выбрать, кого ловить.
ВИНДЕМИАТРИКС лягает ДЕМОНА.

ВИНДЕМИАТРИКС. Ты мне резко не нравишься, чувак!

ВИНДЕМИАТРИКС прыгает на спину ДЕМОНУ.
ДЕМОН сбрасывает её и уже готов раздавить, но тут СЕРПЕНТИС подкатывает под самые ноги ДЕМОНА, и тот трудно следит за розовым визжащим шаром.
СЕРПЕНТИС бешено кружит вокруг ДЕМОНА.

СЕРПЕНТИС. Осторожно, здесь дети! Осторожно, здесь дети! Осторожно, здесь дети!

ДЕМОН хватает СЕРПЕНТИС и жестоко обрывает её красивые юбочки – одну за одной, одну за одной – они разлетаются, как лепестки шиповника. СЕРПЕНТИС в нарядных панталонах вместо того, чтоб зарыдать, впадает в сильный гнев и швыряет в лицо ДЕМОНУ горсть хрустальных стразов.

СЕРПЕНТИС. Ослепни от наших слёз, уродец цирковой!

ДЕМОН роняет СЕРПЕНТИС и, ослеплённый, крутится на месте, ловя руками пустой воздух.
НЕСТЕРУХИНА, наконец, шмякается с дерева, и тащит ДЕМОНА сквозь хоровод звёзд к АЛЬБИРЕО.

НЕСТЕРУХИНА (ДЕМОНУ). Того хватай... брунэта - весь – в - огнях ... он – принц... он – герцог... звезда это! Да вот она, дебил! Хватай! Рви! Ломай!

Тут МАЛЬЧИК, выступив вперёд, раскидывает свой удивительный чёрный плащ на руках, и девы-звёзды прячутся за ним.

МАЛЬЧИК (тихо). Отступаем... в укрытие...
НЕСТЕРУХИНА. Номед! Номед! Йатавх! Ивр! Номед! Йамол адзевз Альбирео!

МАЛЬЧИК и ДЕТИ медленно отступают.
МАЛЬЧИК, заслонив ДЕТЕЙ плащом, вот-вот отведёт их на безопасное расстояние, где ДЕМОН не сможет причинить им вред...

Всех поубиваю! Всем вам бошки поотрываю!
Из складок плаща выныривает АЛЬБИРЕО.

АЛЬБИРЕО. Света! Ну как же ты можешь?! Мы же твои лучшие друзья!
НЕСТЕРУХИНА. Вот он!

ДЕМОН хватает АЛЬБИРЕО.
МАЛЬЧИК издаёт вопль ярости и, наклонив голову, мчит на ДЕМОНА, как бизон, как само-

свал, как танк – Т- 34! Танк врезается головой ДЕМОНУ в живот. ДЕМОН хлюпает, булькает, мокнет и чавкает.

МАЛЬЧИК (кричит). Он воняет!

Все обидно смеются.
ДЕМОН воет от обиды, и оба падают и катаются, сцепившись.
АЛЬБИРЕО бросается наутёк. НЕСТЕРУХИНА – за ним. Тянет руки, вцепляется герцогу в волосы. АЛЬБИРЕО увёртывается. В руках НЕСТЕРУХИНОЙ остаётся чёрный парик. АЛЬБИРЕО с лохматыми русыми косами убегает. НЕСТЕРУХИНА дико гогочет, глядя на парик.

НЕСТЕРУХИНА. Он врёт! Он – не герцог! Он – не принц, не брунэт он! Он – девочка!

Напяливает парик на себя и тяжело ломит за АЛЬБИРЕО.

Стой, вруша! Стой, вруша!

Затемнение.

8. КУСТЫ.

В КУСТАХ ЛАЗАРЕТ.
ДЕТИ, кроме Альбирео. МАЛЬЧИК.

СЕРПЕНТИС бинтует голову МАЛЬЧИКУ.

МИА. Надо было полицию вызвать!
МАЛЬЧИК. Это бесполезно.
МИА. Ты что, хочешь сказать, он – не человек? Типа – дух?

МАЛЬЧИК молчит, морщится от боли.

Голову-то этот дух тебе реально разбил!

ВСЕ МАССОВО РАССУЖДАЮТ:
– Духов не бывает!
– Духи бывают!
– В косплеях бывают!
– В реальности не бывает!
– Бывает – не бывает!
– Демоны и духи!
– Ангелы и эльфы!

МАЛЬЧИК. Вот уж этот точно не эльф!
МИА. Ну хватит уже придуриваться! Игры закончились!

За кустами пробегают СОЛДАТЫ. Они стреляют. Вспышки. Взрывы. Дальние крики атаки.

СЕРПЕНТИС (о солдатах). А эти играют. Счастливые.

СЕРПЕНТИС, закончив бинтовать, складывает аптечку в свой мешок с реквизитом. Роется в мешке.

Костюм Чёрной дыры пропал... Нестерухина стырила. Я прямо чувствовала – с ней что-то не то!
МИА. Обыкновенная воровка! Хватит нагнетать!
СЕРПЕНТИС. Если честно, я уже не понимаю, где игра, а где реальность!
МИА. Реальность в том, что у мальчишки голова разбита, и ему в больницу надо!

МАЛЬЧИК. Я в порядке!

МАЛЬЧИК резко встаёт, но, пошатнувшись, грузно оседает на землю.

МАША-ДАША (ревут). Ты не умрёшь? Мальчик? Ты не умрёшь?!
МИА (МАЛЬЧИКУ).Не стыдно тебе маленьких пугать?
МАЛЬЧИК. Где Альбирео?

Молчание. Никто не знает.

МИА. Приехали. Звезду потеряли.

ВСЕ:
– Альбирео!
– Настя!
– Настя Лебедева!
– Альбирео!
– Лебедева! Альбирео!
– Настя! Верни-ись!

МИА. Я же говорю, в полицию надо! В городе псих объявился! Детей крадёт!
МАЛЬЧИК. Альбирео похитил Демон.

ВСЕ ПЫТАЮТСЯ ПОРАССУЖДАТЬ:
– Демонов не...

МИА(ВСЕМ). Цыть! (МАЛЬЧИКУ.) Очнись, малыш! Сказки окончились! Тут реальный псих бродит! Реально опасный! В полицию надо заявить!!! Срочно!

Слышен инфернальный вой.
СЕРПЕНТИС прячет голову в мешок с реквизитом.
ПСЫ, скуля от страха, жмутся к МАЛЬЧИКУ.
МИА вскакивает.

МИА. Нет... вы это серьёзно, что ли? Кто это воет?!
МАЛЬЧИК. Это война.

МАЛЬЧИК трудно встаёт, ему помогают.

Нужно пробиваться к своим.

9. ПЕРЕУЛОК.

ДЕМОН. НЕСТЕРУХИНА. АЛЬБИРЕО.

Прямо на дороге, поперёк, лежит ДЕМОН.
НЕСТЕРУХИНА сидит на животе ДЕМОНА. ДЕМОН постанывает.
АЛЬБИРЕО стоит напротив, привязанный к яблоне.

НЕСТЕРУХИНА (АЛЬБИРЕО). Вот чё бы с тобой сделать, а? Вот чё бы сделать такое!
АЛЬБИРЕО. Мои друзья меня спасут! Мои друзья меня спасут!
НЕСТЕРУХИНА. Не пищи там, малявка! (ДЕМОНУ.) А ты чего хлюпаешь, идиот? Разваливаешься совсем?

НЕСТЕРУХИНА роется в ДЕМОНЕ.
НЕСТЕРУХИНА вытягивает из потрохов ДЕМОНА и примеряет древний инквизиторский колпак, в каких сжигали еретиков в раннем средневековье.

АЛЬБИРЕО (льстиво). Тебе идёт.

НЕСТЕРУХИНА отбрасывает колпак.

НЕСТЕРУХИНА. Старомодный.

Роется в ДЕМОНЕ, извлекает богатый ренессансный берет, увитый золотым кантом и с алмазами. Примеряет. Отбрасывает.
Беретка малая.

Роется вновь и выуживает рыцарский шлем тамплиеров. Вертит недоумённо, клацает забралом и выбрасывает.

Это вообще чё попало. Только людей пугать.

Наконец извлекает из недр ДЕМОНА немецкую каску со свастикой. Надевает.
Откуда-то катится протяжное: «Ура-а!»

НЕСТЕРУХИНА. Я вам поуракаю! Я вам поуракаю!

Стучит по каске, та звенит.

Фашисты – идиоты, а шапка хорошая!
Снимает каску и царапает свастику. Слюнит и пробует стереть её.

(ДЕМОНУ.) Стери фашистский знак! Стери фашистский знак! Он неприличный!

ДЕМОН поскуливает.

Ты не подох? Номед, ну чё ты всё время воняешь так?! Болеешь, что ли?

НЕСТЕРУХИНА зарывается в ДЕМОНА с головой и тут же выныривает.
Она вся седая.

Чума полная! В нутрях чё у тебя? Чё там такое?! Номед, ты что, ты людей как одежду носишь? А куда они потом деваются?

ДЕМОН приоткрывает один глаз, берёт руку НЕСТЕРУХИНОЙ, поднимает её вверх и отпускает. Рука безжизненно падает.

АЛЬБИРЕО. Света, отойди от него! Он – не друг, он – не друг! Ты уже на девочку не похожа! Тебе лет сорок уже!
НЕСТЕРУХИНА. А тебе 24?
АЛЬБИРЕО. Это другое! Это чтоб взрослые дети не презирали меня! Хорошо, признаюсь, мне на самом деле 12 лет! Я к маме хочу!

ДЕМОН вкладывает в руки НЕСТЕРУХИНОЙ немецкий автомат.
НЕСТЕРУХИНА целится в АЛЬБИРЕО.

Ты с ума сошла? Ты же стрелять не умеешь! Ты же меня убьёшь так!

НЕСТЕРУХИНА гогочет и даёт автоматную очередь по верхам яблони.
Подрезанные ветки в цветах падают на ребёнка.

АЛЬБИРЕО. Света, с ним невозможно дружить! Давай вместе от него убежим! Давай вместе!

НЕСТЕРУХИНА встаёт и воет.
ДЕМОН медленно поднимается следом за её воем.

10. ГОРОД.

ДЕТИ.

Дети гуськом, вслед за МАЛЬЧИКОМ, пробираются по городу.
Пугаются, когда слышится инфернальный вой.

ДАША-МАША. Света воет...

На них цыкают: «Тише вы! Не вертитесь! Не отставайте!»
Уходят.

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. ПОБЕДА.

11. ДВОР МАЛЬЧИКА.

На ветвях деревьев раскинута халабуда. Над входом надпись: «ШТАБ».
МАМА. ДЕДУШКА.

МАМА слушает, как в халабуде стариковский голос поёт военные песни.
МАМА подпевает, увлекается, загорается песней.
Полог халабуды откидывается. В проёме ДЕДУШКА на доске с колёсиками. На таких раньше передвигались безногие инвалиды.

ДЕДУШКА. Заходите в дом, зачем же вы снаружи поёте?
МАМА. Вы – ветеран?! Сердечно поздравляю вас с праздником, дорогой товарищ ветеран!
ДЕДУШКА. И вас сердечно поздравляю с нашим общим счастием, уважаемая гражданка!
МАМА. Что это за сооружение?
ДЕДУШКА. Нравится?
МАМА. Очень! Здесь будет представление?
ДЕДУШКА. Готовимся помаленьку.
МАМА. Это товарищ Шибелкин инициативу проявил? Для нашего двора концерт? Какой он молодец, наш техник-смотритель!
ДЕДУШКА. Так и будем стоять на пороге?

Мама, заходя, вскользь ощупывает полог халабуды.

МАМА. Плед, как у нас!

12. В ХАЛАБУДЕ.

ТЕ ЖЕ.

МАМА. Мы в детстве так играли. Всё, как в настоящем доме. Мой сын будет в восторге! А во сколько представление? Что вы будете исполнять?
ДЕДУШКА. Вы Тёркина - как? Уважаете хоть немного?
МАМА. Он же великий! Вот это – «переправа-переправа...»
ДЕДУШКА (подхватывает).»Берег левый – берег правый...»

Вместе читают из «Тёркина».
Замолкают, оглушённые.

МАМА. Это – бессмертно!
ДЕДУШКА. Хорошее. А вот эту знаешь?

ДЕДУШКА запевает военную песню.
МАМА подхватывает.

Попели.

МАМА. Это исторгается из самых недр души!
ДЕДУШКА. Спето славно.
МАМА (волнуясь). Вы только не начинайте без Стёпы! Очень важно, чтоб он услышал все эти песни из первых уст. Во сколько у вас концерт, товарищ ветеран? Вы подождёте Стёпу? Он где-то болтается. Подождёте? Вы будете рассказывать о ваших подвигах? Сын мой, Стёпа, ему важно ощутить преемственность, понимаете?
ДЕДУШКА. А чего тут непонятного? У нас у самих потомок имеется! Такой же в точности Стёпа!
МАМА. Невероятно!
ДЕДУШКА. Да что уж тут невероятного такого! Обычное имя. Весьма распространённое!
МАМА. Конечно-конечно... Я о другом. Обо всём этом! И халабуда из детства ...и весна... и такой день! Всё сразу! Мы победили весной! Мы победили весной! Голова кругом! Каждое 9 мая я поражаюсь этому! Привыкнуть невозможно!
ДЕДУШКА. Я извиняюсь, но это никакая не халабуда, этот дом мне потомок поставил.
МАМА. Дом?.. Чтоб... выступать? С концертами?
ДЕДУШКА (злясь). Как вам угодно, так и думайте! Но мы здесь обустроились, у нас всё есть, нам хорошо, чужого не просим.(Подумав.) Но и своё не отдадим!
МАМА. На входе написано: «Штаб».
ДЕДУШКА. Ясен пень, написано! Многофункциональное жилище у нас! Трансформер!
МАМА. Я не понимаю... Простите за бестактность... товарищ ветеран, вам жить негде?
ДЕДУШКА. А вы и впрямь непонятливая! Чай будете?!
МАМА. Буду...

ДЕДУШКА наливает чай из термоса. Мама шумно отхлёбывает.

Термос на наш похож... и чашки... (Озирается.) А разве тут можно жить?
ДЕДУШКА. Гражданка, вы опять за старое?
МАМА. Меня Лена звать.
ДЕДУШКА. Пей чай, Лена.
МАМА. Я пью.
ДЕДУШКА. Вот и пей. Наслаждайся.
МАМА. Ох, странные вещи происходят. Я всё меньше и меньше понимаю окружающую реальность. Мир такой причудливый. Товарищ ветеран...
ДЕДУШКА. Дедушка я.
МАМА. Дедушка! Мне порой кажется, я так плохо воспитала сына!
ДЕДУШКА. А я своего – преотлично!
МАМА. Он скорее крупный ребёнок. Чем полный...
ДЕДУШКА. А мой – статный! Мощь в плече!
МАМА. Но Стёпа не разбирается в людях совершенно!
ДЕДУШКА. Так пойди разберись! всё же разные!
МАМА. Дедушка, я очень боюсь за него! Он доверчивый без меры! Он добрый, как не знаю кто! Сдачу дать не может!
ДЕДУШКА. А мой враз леща даёт! Прямохонько в лоб печатает!
МАМА. Прямо – дерётся? Ах, ну да, вы же военные!

ДЕДУШКА. Военные мы, ясен пень! Потомственные!
МАМА. А мой Стёпа всё витает в облаках! В таких фантазиях, таких тревожных...
ДЕДУШКА. Наш – практик. Матерьялист! На ногах стоит твёрдо!
МАМА. То он тюлень... то Гений Ночь...
ДЕДУШКА. Наш – солдат. Точка.
МАМА. И во сне плачет...
ДЕДУШКА. Точка, говорю!
МАМА. О, Дедушка! Стёпа хочет стать поваром!
ДЕДУШКА. И мой поваром!
МАМА. А кто тогда лингвистом?
ДЕДУШКА. Ещё кто-нибудь.

Пауза.

Война закончится, в поварах будет самая наипервейшая необходимость.
МАМА (растерянно). Я вас не понимаю.

ДЕДУШКА берёт МАМУ за руки.

ДЕДУШКА. Лена, женщина добрая, послушай меня. Я тебе кое-что скажу, и ты немного испугаешься.
МАМА. Кажется, я уже...
ДЕДУШКА. Но ты, Лена, до конца не бойся. Потому что мы всегда рядом. Просто поверь. Поверила?
МАМА. Поверила. Вы всегда рядом.
ДЕДУШКА. Лена, война ещё не закончилась.

13. ДВОР МАЛЬЧИКА.

КИРГИЗ. ШИБЕЛКИН. Позже МАЛЬЧИК. МИА. ГОНЧИЕ ПСЫ. СЕРПЕНТИС. Позже ДЕДУШКА. МАМА МАЛЬЧИКА.

КИРГИЗ катит строительную тачку, заваленную потрёпанными чемоданами.
Злой ШИБЕЛКИН бежит за ним.

ШИБЕЛКИН. Последний раз тебя предупреждаю, не уезжай, Алмаз!
КИРГИЗ. Последний раз тебя предупреждаю, отдай получку, начальник!
ШИБЕЛКИН. С ума сошёл совсем? У меня налички нет!
КИРГИЗ. У тебя налички нет, а у меня получки нет. Пропусти!
ШИБЕЛКИН. Куда ты едешь, куда?
КИРГИЗ. В степь я еду, в степь!
ШИБЕЛКИН. Ну зачем ты едешь, ну зачем?
КИРГИЗ. Жениться я еду, жениться!
ШИБЕЛКИН. На хрена тебе жена?
КИРГИЗ. Надо!
ШИБЕЛКИН. Вот я неженатый, а не рвусь же я ни в какую степь, а, Алмазик?
КИРГИЗ. А я рвусь. Пропусти, Шибелкин! Ты больше не начальник!
ШИБЕЛКИН. Ну нет у меня твоей получки, ну будь человеком!
КИРГИЗ. Не буду!
ШИБЕЛКИН. Ну не можешь ты всё это бросить!

ШИБЕЛКИН широким жестом окидывает двор.
И вдруг замечает несрубленные яблони.

А какого лешего яблони цветут?!

КИРГИЗ. Сам руби.

И тут оба видят халабуду.

ШИБЕЛКИН. А это что за... что за...
КИРГИЗ (презрительно). Нет! Не юрта!
ШИБЕЛКИН (читает надпись). «Штаб»! Ты попустил? Бомжи, дети – кто там?! Из Управы придут, что я скажу?
КИРГИЗ. Скажи – штаб!
ШИБЕЛКИН. Кто там? Активисты? Митинг? Иди, проверь...
КИРГИЗ. Дай получку!
ШИБЕЛКИН. Сам проверю. Ты, Алмаз, на всякий случай тут постой. Постоишь?
КИРГИЗ. А получка?
ШИБЕЛКИН. Вот заклинило! Стой!

ШИБЕЛКИН крадётся к халабуде, но тут во двор входит отряд: МАЛЬЧИК, за ним МИА, ГОНЧИЕ ПСЫ, СЕРПЕНТИС.

(Орёт.) Ах, это дети! Кто разрешил халабуды тут городить, бардаки тут устраивать? Зелёные насаждения тряпками завешивать?

ШИБЕЛКИН замечает, что голова у МАЛЬЧИКА забинтована, проступают пятна крови.

Ёлки-палки, что с башкой? Я кого спрашиваю – с башкой что?! Где грохнулся? У нас, где роют – везде ограждения!
МАЛЬЧИК. Извините, Мартемьян Сазонович, мне сейчас не до вас. Добрый вечер, о Алмаз!
КИРГИЗ. Добрый вечер, о раненый мальчик в чёрном плаще!

МАЛЬЧИК (останавливается у входа в халабуду и зовёт). Дедушка! Мы пришли!

Полог откидывается. В проёме ДЕДУШКА и МАМА.
МАМА, при виде раненого сына, верещит.

МАМА. Стёпа! Что случилось? Ты упал? В траншею?! Я знала! Я предвидела! Я говорила Шибелкину! Мартемьян, что это? Всё перерыл! Всё! И вот – закономерный итог!

ШИБЕЛКИН прячется за КИРГИЗА.

МАЛЬЧИК. Мама, это совершенно неважно! Дедушка! У нас полная катастрофа!
ДЕДУШКА. Отставить панику. Доложите по форме, товарищ боец.
МАЛЬЧИК. Есть доложить по форме. Товарищ командир, наш отряд вступил в ближний бой с врагом, превосходящим по силе, хитрости и подлости. Отряд вынужденно отступил. Временно отступил. Как лучше сказать: временно или вынужденно?
ДЕДУШКА. Доложите о потерях.
ГОНЧИЕ ПСЫ. Настю Лебедеву чёрт утащил!
МИА. Маньяк!
СЕРПЕНТИС. Он весь разваливается!

ВСЕ ПЫТАЮТСЯ ПОРАССУЖДАТЬ:
– Он де...
– Он чё...

МАЛЬЧИК (ВСЕМ). Смирно! (ДЕДУШКЕ.) Наши потери – один боец. Позывной – Альбирео.

Гончие Псы начинают реветь.
МИА и СЕРПЕНТИС их одёргивают.

ДЕДУШКА (хмуро). Заходите.

Дети заходят в халабуду.

ШИБЕЛКИН (Киргизу). Понял теперь?!
КИРГИЗ. Отдайте получку, пожалуйста!
ШИБЕЛКИН. Тебя только деньги интересуют! Никакого кругозора! Вот люди развлекаются от души, празднуют! В войну играют! А ты! Ну что ты за человек, Алмаз? Двор не подмёл! Яблони не вырубил! Клумбы вскопать надо. Сажать петунии будем. Сирень вот ту подрезать, она попёрла не туда опять. Видишь, ветку выбросила. Асфальт ломать пора.
КИРГИЗ. Зачем ломать?
ШИБЕЛКИН. Трубы перекладывать!
КИРГИЗ. Опять? Всё ломаешь. Всё уже переломал!
ШИБЕЛКИН. Я ломаю, я и ремонтирую!
КИРГИЗ. Слушай, друг! Ты одинокий мужчина и я одинокий мужчина! Это ведь позор, друг! Что нам делить, горемыкам? Отдай мою получку и будем друзья до гроба!

ШИБЕЛКИН теряет дар речи от такой фамильярности.
Но тут из халабуды несётся строевая песня и выходит отряд солдат, возглавляемый МАЛЬЧИКОМ. Все дети в форме солдат ВОВ. Строевым шагом они маршируют через двор. ШИБЕЛКИН и КИРГИЗ оторопело смотрят им вслед.
Из халабуды, пятясь, выходит МАМА, тоже в солдатской форме. Она крутит катушку провода связи, тянет его по земле.

ШИБЕЛКИН. Лена! Ты на Красную Площадь? Салют смотреть?

МАМА. Отойди, Мартемьян. Не видишь, я связная! Я связь тяну!

МАМА обходит ШИБЕЛКИНА и скрывается вслед за детским ОТРЯДОМ, тяня провод связи.

ШИБЕЛКИН. А я? А я-то? Лена!
ШИБЕЛКИН набрасывается на КИРГИЗА.
Всё из-за тебя! Голову мне заморочил!Чуть не пропустил всё! Лена!!!

ШИБЕЛКИН выхватывает красное знамя откуда-то с живота из-под куртки и встряхивает его.

КИРГИЗ(потешается). Флаг дырявый! Флаг дырявый!
ШИБЕЛКИН. Это от пуль! От пуль! Это дедино знамя!

ШИБЕЛКИН расправляет знамя, попутно достаёт мятые деньги из карманов и отдаёт их КИРГИЗУ.

На твою получку! Какой ты меркантильный, Алмаз!

И ШИБЕЛКИН бежит вслед за Леной, взметнув знамя над головой.

Лена! Я – вот он! Ура-а!!

КИРГИЗ ползает, собирая деньги.

КИРГИЗ. Зачем ругаешься, шайтан? Что ты знаешь про Алмаза?

Натыкается на ДЕДУШКУ. Тот катит на своей доске следом за ушедшим отрядом.

ДЕДУШКА. Не поспеваю! Не поспеваю!
КИРГИЗ. Бабай, ты чей?
ДЕДУШКА. Мы солдатские! Мы военные!
КИРГИЗ. Куда катишься, бабай?
ДЕДУШКА. Отстал от наших! Отстал от наших! У них ноги молодые! А у меня...
КИРГИЗ. А у тебя ног совсем нет, бабай!
ДЕДУШКА. В бой, в бой нам пора, в бой! Во как пора! Позарез!
КИРГИЗ. Эх, садись, бабай!

КИРГИЗ выбрасывает чемоданы из тачки.
Сажает туда ДЕДУШКУ. И выбрасывает деньги!
На мою получку, кто хочет!

У ДЕДУШКИ оказалась шашка. Он машет ею над головой.

ДЕДУШКА. Шашки – наголо! Кавалерия, вперёд!

КИРГИЗ, издав дикий боевой клич, как его

предки чингизиды, мчит тачку с ДЕДУШКОЙ навстречу страшной битве.

14. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

АЛЬБИРЕО-НАСТЯ. ДЕМОН. НЕСТЕРУХИНА. СОЛДАТИК с гармошкой. МАЛЬЧИК. ДЕДУШКА. ДЕТСКИЙ ОТРЯД: МИА, СЕРПЕНТИС, ГОНЧИЕ ПСЫ. МАМА НАСТИ. МАМА МАЛЬЧИКА. ШИБЕЛКИН. СОЛДАТЫ. ПРАЗДНИЧНЫЙ НАРОД.

На Красной площади бой. СОЛДАТЫ небольшими отрядами, перебегая с места на место, стреляют и забрасывают гранатами ДЕМОНА, бредущего по Красной площади. На плечах ДЕМОНА сидит НЕСТЕРУХИНА, свесив толстые ноги ему на грудь. НЕСТЕРУХИНА колотит пятками по груди ДЕМОНА. В руках у неё немецкий автомат. Каска со свастикой съезжает ей на лицо, и НЕСТЕРУХИНА палит из автомата куда попало.
Сзади, на верёвке, упираясь, плетётся АЛЬБИРЕО в лохмотьях звёздного костюма.
Отряды пытаются атаковать ДЕМОНА, но всякий раз отступают, терпя поражение. Падает то один солдат, то другой.
Посреди всей этой войны каким-то непостижимым образом гуляет ПРАЗДНИЧНЫЙ НАРОД, совершенно не соприкасаясь с миром войны, не видя и не ощущая его – лица запрокинуты вверх – ждут салюта.

НЕСТЕРУХИНА (поправляет каску). Как они в этом видят? Фашисты идиоты! Сами идиоты, шапка хорошая!

ДЕМОН спотыкается о мавзолей.

И Ленин ваш идиот! Дебил полный! Ишь, разлёгся тут, не пройти! (ДЕМОНУ.) И ты, Номед, идиот! Воняешь всю дорогу! Спотыкаешься, идиот! Об родню свою спотыкнулся, да, Номедка? Щас рядом с родственником своим лягешь, спотыкнись ещё раз, идиотина! Все вы идиоты несчастные!

Стреляет по всей площади.
Прячет лицо от храма Василия Блаженного.

Этот жгёт! Этот жгёт! Поворачивай, Номед! Поворачивай!
АЛЬБИРЕО с силой дёргает верёвку, и НЕСТЕРУХИНА чуть не рушится с ДЕМОНА.

С ума сошла совсем?? Номедка и так разваливается, ещё ты дёргаешь!
АЛЬБИРЕО. Отпусти меня немедленно! Я к маме хочу!
НЕСТЕРУХИНА. Тебя убью! И мать твою убью, и отца, и дедку, и бабку, и прадедку, и праба-бабабку.
АЛЬБИРЕО. Света, у тебя уже язык заплетается!

НЕСТЕРУХИНА палит по кремлёвским башням.

НЕСТЕРУХИНА. Идиоты все!
АЛЬБИРЕО. Тебя накажут! Тебе, знаешь, как будет за это!
НЕСТЕРУХИНА. А чо вы мне сделаете, идиоты? У меня ружьё!

В это время СОЛДАТИК С ГАРМОШКОЙ – отчаянная голова, пробирается к АЛЬБИРЕО и пробует освободить ребёнка.
НЕСТЕРУХИНА страшно рычит и стреляет по нему.
СОЛДАТИК смертельно ранен.

СОЛДАТИК. Возьми мою гармошку, сестрёнка. (Умирает на руках у АЛЬБИРЕО.) Наши тебя спасут.

АЛЬБИРЕО бережно опускает погибшего СОЛДАТИКА на мостовую и подбирает гармошку.

АЛЬБИРЕО. Ну что же ты вытворяешь, паршивка ты такая! Видишь, что ты наделала? Видишь?!
НЕСТЕРУХИНА. Я скажу, что это ты меня заставила!
АЛЬБИРЕО. Ты больше не Света! Поняла, Несвета?! Кровопролитница ты, Несвета! Ты Несвета во веки веков!

ДЕМОН вскидывает руки и с силой сдёргивает с себя НЕСТЕРУХИНУ.
Та повисает на нём дохлой тряпкой. ДЕМОН ОБОРАЧИВАЕТСЯ к АЛЬБИРЕО...
АЛЬБИРЕО, пятясь, растягивает меха гармошки и вдаривает что-то бравурно отчаянное, защитное...
ДЕМОН трансово дёргается в такт, пытаясь приладить к пляске мёртвую НЕСТЕРУХИНУ.

ДЕТСКИЙ ОТРЯД во главе с МАЛЬЧИКОМ пробирается сквозь толпу гуляющих.
Они слышат звуки гармошки.

МАЛЬЧИК. Отряд, вперёд!

Дети-бойцы бегут к АЛЬБИРЕО.
С другой стороны площади летит тачка, её толкает КИРГИЗ. В тачке ДЕДУШКА.
ДЕДУШКА и МАЛЬЧИК одновременно поспевают к танцующему ДЕМОНУ. Тот отбрасывает ненужную НЕСТЕРУХИНУ и тянется-тянется к АЛЬБИРЕО... Вот-вот схватит!

ДЕДУШКА. Толкай!

КИРГИЗ с силой толкает тачку и приседает на корточки, спрятав голову в руках. Тачка пролетает почти вплотную к ДЕМОНУ.

ДЕДУШКА на лету срубает шашкой ноги ДЕМОНУ, и тот рушится на колени. ДЕМОН воет, и вой его пробуждает НЕСТЕРУХИНУ.

НЕСТЕРУХИНА (бормочет). Мои ноги – твои руки. Мои ноги – твои руки.

НЕСТЕРУХИНА и ДЕМОН сползаются и сливаются в одну сущность.

ДЕДУШКА. Сынок, лови!

ДЕДУШКА бросает шашку МАЛЬЧИКУ, тот ловит её и бросается на ДЕМОНА-НЕСВЕТУ.
МАЛЬЧИК рубит шашкой по двуликой сущности.
ДЕМОН заслоняется от него телом НЕСТЕРУХИНОЙ, а потом поднимает её мёртвые руки и даёт её руками автоматную очередь по АЛЬБИРЕО. Но МАЛЬЧИК делает отчаянный рывок и заслоняет собой девочку. Все пули достаются ему.

МАЛЬЧИК умирает.

Изрубленная СУЩНОСТЬ из сросшихся ДЕМОНА и НЕСТЕРУХИНОЙ стекает в мавзолей.
ДЕТСКИЙ ОТРЯД подхватывает АЛЬБИРЕО и бросается прочь от страшной схватки.
ДЕДУШКА подползает к телу МАЛЬЧИКА.

ДЕДУШКА. Ты солдат, хотя и млад.
А солдат солдату – брат.

ДЕДУШКА роняет голову на грудь МАЛЬЧИКА.

ЭПИЛОГ.

Там же.

Все, кроме МАЛЬЧИКА и СОЛДАТ: АЛЬБИРЕО. МАМА НАСТИ. МИА. СЕРПЕНТИС. ГОНЧИЕ ПСЫ. МАМА МАЛЬЧИКА. ШИБЕЛКИН. КИРГИЗ. ДЕДУШКА. ПРАЗДНИЧНЫЙ НАРОД.

ДЕТИ бегут в самую гущу праздничной толпы.

МАМА НАСТИ. Настя!
АЛЬБИРЕО. Мамочка моя!
АЛЬБИРЕО бросается к матери и прыгает к ней в объятия.
МАМА НАСТИ. Настя! Где ты болталась целый день? Я же волновалась!
АЛЬБИРЕО. Я играла!
МАМА. Ты играешь, как угорелая! Вид у тебя, будто ты на войне побывала! Что за гармонь?
АЛЬБИРЕО. Друг подарил.
МАМА. Опять придуманный друг?
АЛЬБИРЕО. Мама! Я с друзьями играла! С моими лучшими друзьями!

ДЕТИ подходят.

МИА. Настя, ты, оказывается, нас придумала?! Ха-ха-ха.
СЕРПЕНТИС. Может быть мы все друг друга придумали? Хи-хи-хи.
ГОНЧИЕ ПСЫ (невпопад). А мы – Гончие Псы!
МАМА (смущённо). Ну хорошо-хорошо. Я просто пошутила. Дети, внимание, сейчас будет салют.
АЛЬБИРЕО. Смотрите, звезда!
В небе появляется необычайная, невиданной красоты звезда.
Это он!
МИА. Это Мальчик!
СЕРПЕНТИС. Это Мальчик!
МАША-ДАША. Наш Мальчик! Наш Мальчик!
АЛЬБИРЕО. Мальчик! Мальчик, посмотри, мы здесь! Мы все – здесь! Живые! (Шепчет.) Мальчик, ты мой самый лучший друг...
ПРАЗДНИЧНЫЙ НАРОД с удивлением смотрит на необычайную звезду.
МАМА МАЛЬЧИКА с ШИБЕЛКИНЫМ. КИРГИЗ. МАМА НАСТИ – смотрят, запрокинув головы.

МИА. СЕРПЕНТИС. МАША-ДАША. АЛЬБИРЕО. Ура тебе, Мальчик! Ура! Ура! Ура!

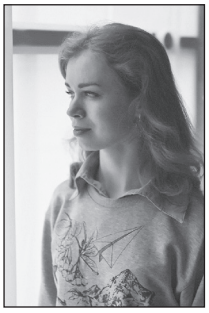
Старик-ветеран в инвалидной коляске тоже смотрит на звезду и медленно снимает пилотку.
Это ДЕДУШКА.
И тут же звезда расцветает праздничным салютом Великой Победы.
И громовое народное «ура» сотрясает Красную площадь.

ЗАНАВЕС.

В пьесе использованы цитаты из поэмы Твардовского «Василий Тёркин».

20.06.2018г.
Жара-гроза-Москва.

Серафима ОРЛОВА



ГИЛОНОМА

science-fiction

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КАТЯ, жертва обстоятельств
ОЛЬГА, палач обстоятельств
КРИПТОНОВ, Соломон обстоятельств
МАКСИМ, отрицатель обстоятельств
УМНЫЙ ДОМ, наблюдатель обстоятельств
Учёные
Полицейские
Надзиратель
Прохожие

1.

Институт, рядом парковка. КАТЯ сидит на корточках у входа, смотрит на прохожих. Подходит ОЛЬГА.

ОЛЬГА. Я думала, ты внутри уже! Быстро, бегом!
КАТЯ. На, без неё не пустят. *(Даёт ей пластиковый бейджик.)*
ОЛЬГА. Чё это?
КАТЯ. Аккредитация.
ОЛЬГА. Мне-то зачем, меня и так на вахте знают!
КАТЯ. Ты иди, займи пока место.
ОЛЬГА. А ты?
КАТЯ. А я скоро. У меня голова кружится. Душно там очень. Подышу, приду.
ОЛЬГА. Сбежать решила.
КАТЯ. Да почему сбежать, почему сбежать сразу? Я, может, хочу в последний раз посмотреть на всё. Своими окончательными глазами.
ОЛЬГА. Точку сборки меняешь? Как неандерталец, на кортах.
КАТЯ. Знаешь, снизу столько интересного видно, чего сверху никогда не увидишь. Люди идут мимо, ты посмотри, посмотри, у них одинаковое логическое завершение. Поняла?
ОЛЬГА. Не.
КАТЯ. Физик. Ноги синие. Читала в детстве сказочки про мертвецов? Там жених смотрит под стол, а у невесты ноги синие. И на ногах копыта.
ОЛЬГА. Давай это... спокойней. Шизофрения может модулю передаться.
КАТЯ. Синие ноги, синие ноги. Вот вроде бы сверху началось всё как мужчина, или как женщина, ладно, ничего, нормально, а потом всё равно синие ноги.
ОЛЬГА. Опоздаем.
КАТЯ. Да наши болваны всё равно его быстро не отпустят. Посмотри лучше.
ОЛЬГА *(Глядя на парковку)*. Смотрю. А это не его мотоцикл там?
КАТЯ. Похож.
ОЛЬГА. Да, даже великие люди могут совершать глупости.
КАТЯ. Понты – это нормально.
ОЛЬГА. Мотосезон уже закрыли. Завтра снег обещают.
КАТЯ. Кого это вообще заботит? Погрузится на поезд и поедет дальше. У него по графику ещё Пермь и Челябинск.
ОЛЬГА. К тому же, мотоцикл... Застрелить раз плюнуть. Кирпичом кинуть – и то может быть... Сбить...
КАТЯ. Готовишь покушение?
ОЛЬГА. Я? Я беспокоюсь. По-матерински. Мотоцикл – тупо и ненадёжно.
КАТЯ. Лучше броневик.
ОЛЬГА. Опаздываем.
КАТЯ. Опаздываем.
ОЛЬГА. Смысл?
КАТЯ. Я, может, выпендриться хочу.
ОЛЬГА. Перед кем? Перед ним?
КАТЯ. А что? Хороший, дерзкий мужик. Мотоцикл, опять же.
ОЛЬГА. Говоришь как гумми.
КАТЯ. Не затыкай мне рот. И вообще забудь это слово. Нас там таких гумми-журналистов - ползала.
ОЛЬГА. Побьёте, что ли?
КАТЯ. Угу.
ОЛЬГА. Не, я серьёзно, зачем ты ему. Только как кролик, в мозгах покопаться.
КАТЯ. Так, знаешь что? Без наездов. А то передумаю.
ОЛЬГА. Хорошо, хорошо.
КАТЯ. Вообще, лучше бы ты его просто соблазнила, он бы тебе всё рассказал. И не нужно будет меня скальпелем ковырять.
ОЛЬГА. Тише говори.
КАТЯ. У тебя когда последний раз было?
ОЛЬГА. Что?
КАТЯ. Что-нибудь интересное.

ОЛЬГА. У меня всё время интересное. Вот шапку хочу связать, как сейчас модно. В виде двух модулей. Когда тебе поставят, я шапку надену, и будем одинаковые ходить.
КАТЯ. Маскировка под гумми. Мне тоже обвяжи. Какой у меня размер головы?
ОЛЬГА. Потом померю. Пошли.

Катя и Ольга входят в двери института.

2.

Конференц-зал. Во главе стола КРИПТОНОВ. КАТЯ и ОЛЬГА пробираются на задние ряды.

ЖУРНАЛИСТ. Скажите, а почему их сразу не признали?
КРИПТОНОВ. Во-первых, у нас всегда всё долго, и зарубежные авторитеты - авторитетнее. Ну вы понимаете, в чужом огороде... Во-вторых, мои предшественники ставили в своих статьях слишком много восклицательных знаков. Поэтому к ним относились несерьёзно. А вообще-то Россия всегда была центром мирового трансгуманизма. *(На последнем слове микрофон начинает хрипеть, получается каша.)*
ЖУРНАЛИСТ. Что?
КРИПТОНОВ. Трансгуманизма. Россия – центр мирового трансгуманизма.
ЖУРНАЛИСТ. И родина слонов.
КРИПТОНОВ. Вот вы иронизируете, а в вашем городе филиал уже лет десять существует. Кроме нас, этим вопросом серьёзно интересуются только в США.
ЖУРНАЛИСТ. Ну они-то понятно. С жиру бесятся. А мы?
КРИПТОНОВ. Простите, вы из какой-нибудь газеты «Родная земля»?
ЖУРНАЛИСТ. Из «Красного пахаря».
КРИПТОНОВ. Я так и понял, что из пахаря. Мы уже сколько ездим, в каждом городе найдётся кто-нибудь, кто скажет: зачем нам киборги, если мы жить, как люди, не умеем!
ЖУРНАЛИСТ. Именно.
КРИПТОНОВ. Слушайте... (Микрофон опять барахлит.) Сделайте с этим что-нибудь, в конце концов.
УЧЁНЫЙ (Привстав, машет кому-то позади рядов). Саша! Контакты отошли!
УЧЁНЫЙ 2. Что вы машете. Позвоните радисту.
КРИПТОНОВ. Организация ни к чёрту.
УЧЁНЫЙ 2. Технический перерыв.

Сидящие за круглым столом встают и разминают ноги. Приходит радист и возится с микрофоном.

КАТЯ. Вот. А ты боялась. Сели, никто не заметил.
ОЛЬГА. Давно я тут не была. Уже забыла, как это у них, то контакт отойдёт, то свет погаснет...
КАТЯ. Никаких условий для работы. Надо поднять вопрос. Пускай им умный дом подарят, он сам чинится. Устроят в нём филиал института. Вот ты им подари, кстати.
ОЛЬГА. Я подари? Я после сокращения отдела подари?
ЗНАКОМЫЙ ЖУРНАЛИСТ. Катюха! Ты же в отпуске? Ты как сюда пролезла?
КАТЯ. Я с подругой. А ты от кого? От Таймсов?
ЗНАКОМЫЙ ЖУРНАЛИСТ. Не, от Спортивки.
КАТЯ. А начешуя им новости про бессмертие?
ЗНАКОМЫЙ ЖУРНАЛИСТ. Так не сезон. Хватают всё подряд. Подожди, что значит с подругой? Она тоже журналист?
КАТЯ. Тоже, тоже.
ЗНАКОМЫЙ ЖУРНАЛИСТ. Мне ваше лицо незнакомо. Я в профессии восемь лет...
ОЛЬГА. Скоро будет знакомо.
ЗНАКОМЫЙ ЖУРНАЛИСТ. Жду вашего гениального репортажа.
ОЛЬГА. Я учёный.
ЖУРНАЛИСТ. Из местных? А почему не помогаете там?
ОЛЬГА. Уже не из местных.
ЗНАКОМЫЙ ЖУРНАЛИСТ. Я серьёзно, как вы пролезли на конференцию? Катька в отпуске, сама не могла попасть, провести вас - тоже... Здесь только орги, журналисты и добровольцы... Подожди-ка...
КАТЯ. Меня тошнит, я выйду.
ЗНАКОМЫЙ ЖУРНАЛИСТ (*Шёпотом*). Катя! Ты – участник программы?
ОЛЬГА (*Шёпотом*). Тихо, услышат остальные шакалы.

Журналист разворачивается к ним всем корпусом и, стараясь не привлекать внимания, щёлкает фотоаппаратом.

КАТЯ (Шёпотом). Убери, я вся зелёная.
ЗНАКОМЫЙ ЖУРНАЛИСТ *(Шёпотом, восторженно)*. Нет, это не в Спортивку. Это в Дейли Мил. А если я закричу и выдам тебя, то в Скандалы недели. Ты ж моя лапуля.
ОЛЬГА (*Шёпотом*). Починили. Туда смотри, туда, на сцену. Никакого скандала, уже финал, уже почти маски сорвали. Да отвернись ты.

Участники конференции вновь усаживаются за стол.

КРИПТОНОВ. Продолжаем разговор.
ЖУРНАЛИСТ. У меня такой вопрос: при постоянной подмене мозговых нейронов искусственными, в конечном итоге - это буду я или ещёраз-я?

КРИПТОНОВ. Вот если у вас рука или нога искусственная - это вы или ещё-раз-вы?
ЖУРНАЛИСТ. Сплюньте.
КРИПТОНОВ. Вы - это не ваше мясо.
ЖУРНАЛИСТ. А депутаты уже все купили бессмертие?
КРИПТОНОВ. Если бы в случайно отобранных участниках затесались депутаты, мы бы сразу об этом узнали.
ЖУРНАЛИСТ. Так он действительно случайный?
КРИПТОНОВ. Вы знаете, я на один и тот же вопрос в пятом городе отвечаю. В случайном выборе есть поэзия. Можете считать меня поэтом.
ЖУРНАЛИСТ. Я могу считать вас поэтом, хорошо, пожалуйста, но не буду считать себя дураком.
КРИПТОНОВ. И на здоровье! Сильные мира сего купят бессмертие, когда его смогут купить все. В идеале участие в программе должно быть доступным, как айфон. Таким языком вам понятно? Ещё вопросы?
ОЛЬГА (*Шёпотом*). Нарвусь.
КАТЯ (*Шёпотом*). Дура, что ли? Он тебя запомнит.
КРИПТОНОВ. Нет вопросов?
ОЛЬГА (*Шёпотом*). Пусть запомнит. Это день его краха. *(Встав, громко.)* У меня вопрос. Вы боитесь, что их убьют?
КРИПТОНОВ. Представьтесь, пожалуйста.
ОЛЬГА. Совершенно неважно. Я работала над проектом, сходным с вашим, но, разумеется, в местном институте.
КРИПТОНОВ. Многие хотели успеть.
ОЛЬГА. Так вы боитесь?
КРИПТОНОВ. Не понимаю.
ОЛЬГА. Рандом, тайный отбор участников, неразглашение под страхом потери шанса. Вы боитесь?
КАТЯ (*Шёпотом*). Оля, мне плохо.
КРИПТОНОВ. Некорректная формулировка выдаёт вашу слабость в профессиональном отношении. Поясню: ваш вопрос напоминает вопрос ребёнка о назначении мотоциклетного шлема. Ты боишься голову разбить? Да, деточка, боюсь, ах как страшно.
ОЛЬГА. К слову, я старше вас.
КРИПТОНОВ. Не имеет значения.
ОЛЬГА. То есть вы боитесь?
КАТЯ (*Шёпотом*). Оля...
КРИПТОНОВ. Учёный может бояться только одного: воровства идей. Но работа искусственных нейронов не поддаётся реверс-инжинирингу. Вы можете залезть к бессмертному в голову, но этим вы его убьёте, а секрета не получите.

Катя опускается в проход и пытается незаметно уползти на четвереньках из конференц-зала. Ольга загораживает ей путь ногой, Катя пытается отпихнуть.

КРИПТОНОВ. Вообще мне надоело одному говорить. Как у нас там с регламентом?
УЧЁНЫЙ. Уже можно.
КРИПТОНОВ. Я попрошу встать участников эксперимента. Вам выдадут значки и рубашки. Ах да, нам же ещё групповое фото надо для буклета, подойдите сюда, пожалуйста. Снимаем сейчас, потому что целые черепа приятней выглядят.

ОЛЬГА (Всё ещё пытается помешать Кате). Вернись и не позорься!
КАТЯ. Меня тошнит.
ЗНАКОМЫЙ ЖУРНАЛИСТ. Эй, помогите, девушке плохо! *(Фотографирует, больше никаких полезных действий не совершает.)*
ОЛЬГА. Девушке не плохо. Девушка выдрючивается.
КАТЯ. Воды. *(Падает в проход.)*

3.

Институт, одно из лабораторных помещений. КАТЯ лежит на кушетке. ОЛЬГА у входа на стуле, вяжет. За стеной слышны голоса.

КАТЯ *(Очнувшись)*. Вяжет. Вяжет, сука... *(Начинает нервно смеяться.)*
ОЛЬГА. Хочешь? Успокаивает.
КАТЯ. Я уже опоздала, да?

Ольга кивает.

КАТЯ. Слушай, прости меня! Прости, пожалуйста!
ОЛЬГА. Простила, простила. Хотя и тяжело. Один шанс из миллионов. Ты же меня абортировала, выскребла из жизни.
КАТЯ. Слово-то какое. Что тебе, без идеи не живётся? По-простому так, а? Тебе не кажется, что ты зажралась?
ОЛЬГА. Без идеи живут только гумми. Работать на дядю. Делать умные дома. Кормить семью, в составе семьи – кошка и цветок на подоконнике. Это ваше всё. Кстати, хреново жить в умном доме. Везде стены с ушами, пироги с глазами... Только намылишь верёвку, а дом уже скорую вызвал.
КАТЯ. Ты не намекай, не намекай. Надо тебе – сама себе делай операцию... трепанацию! Вон врач-подводник вырезал себе аппендикс – ничего, живой!
ОЛЬГА. Ты обещала.
КАТЯ. Я передумала, ясно? Я что, передумать не могу?
ОЛЬГА. Можешь, можешь. Только ты ему в лицо скажи. А то он за стенкой. Уже два раза приходил.

КАТЯ. Зачем?
ОЛЬГА. Понравилась ему. Хочет тебя поскорее голой увидеть. На столе.
КАТЯ. Так ты мне врёшь, что ли? Ты вот так сидишь и врёшь?

Ольга молчит, продолжает вязать.

Господи! Ну почему всё время нужно решать!

Входит КРИПТОНОВ.

КРИПТОНОВ. Ну, как наша викторианская эпоха поживает? Тошнит ещё?
КАТЯ. Нет. Вы меня поймите правильно, я журналист. Меня в зале чуть не стошнило, потому что коллеги задавали глупые вопросы. Хоть бы кто насчёт правовой базы. Шатдаун сознания – это убийство? А нелегальные копии? Что с медициной – коррекция кодов? Размножаться как будем – копироваться?
КРИПТОНОВ. А зачем оно будет – размножаться? Стимул какой?
КАТЯ. Из недоверия к носителям. Ну и просто прикольно.
КРИПТОНОВ. Миллионы людей, мечтающих о бессмертии, не знают, что им делать в четверг вечером. Вот вы что делаете?
КАТЯ. Я или она?
КРИПТОНОВ. Вы и вы.
КАТЯ. Я, наверное... лежу в больничке... инкубационный период.

Ольга посылает ей воздушный поцелуй.

КРИПТОНОВ (*Ольге*). А вы?
ОЛЬГА. А ваш тур по городам?
КРИПТОНОВ. В пятницу меня уже не будет. Решайте.
КАТЯ. Опять решайте...
КРИПТОНОВ. Что?
КАТЯ. Нет, я так.
КРИПТОНОВ. Идёте?
КАТЯ. Да... Наверное... Раздеваться тут или там?
КРИПТОНОВ. Тут. Бахилы и халат в шкафу.

Выходит.

Катя быстро раздевается, накидывает халат, надевает бахилы.

КАТЯ. Кошка, цветок. А меня муж убьёт, между прочим.
ОЛЬГА. Тебя уже никто не убьёт.

4.

Внутренний двор госпиталя. Холодно, падает лёгкий снег. Снаружи к решётчатой ограде подходит МАКСИМ, в руках у него пакет. Звонит по телефону.

МАКСИМ. Выходи.

Из госпиталя выходит КАТЯ с обмотанной бинтами головой.

КАТЯ. Ты чего, там калитка открыта...
МАКСИМ. Обойдусь. *(Швыряет пакет через ограду.)* Апельсины.
КАТЯ. А я думала, бомба.

Максим отворачивается, чтобы уйти.

Да что я сделала?!
МАКСИМ. Ничего. Только теперь мы в отпуск не поедем. И в следующий тоже. Двадцать лет никуда не поедем, понятно?
КАТЯ. Это наказание такое?
МАКСИМ. Что, долго, что ли?
КАТЯ. Долго.
МАКСИМ. Издеваешься?
КАТЯ. А ты?
МАКСИМ. А я буду денюжки копить.
КАТЯ. На что?
МАКСИМ. На ту бандуру, что у тебя в голове.
КАТЯ. Она не продаётся.
МАКСИМ. Значит, надо дать на лапу.
КАТЯ. Криптонову ты не дашь на лапу.
МАКСИМ. Криптонов – пустышка. Он не учёный, он пиар-менеджер. Вертят процессом совсем другие люди.
КАТЯ. Я честно говорю тебе, нельзя купить. Можно только случайно, подаёшь заявку и на сайте выбирают... Я тебе не говорила, потому что нельзя разглашать...
МАКСИМ. Ты не говорила, потому что знала, что я скажу.
КАТЯ. Знала.
МАКСИМ. Твоя-то наверняка в курсе.
КАТЯ. Мама не знает...
МАКСИМ. Не мама. Та, которую в институте сократили.
КАТЯ. В курсе.
МАКСИМ. Вот с ней и живи. *(Хочет уйти.)*
КАТЯ. Я хочу жить с тобой.
МАКСИМ. Долго и счастливо? И умереть в один день? Уже не получится.

Катя молчит.

Хотя, если ты постоишь ещё на холоде, то заработаешь менингит. Сколько там на адаптацию?
КАТЯ. Три дня.
МАКСИМ. Шапку надень, дура.
КАТЯ. У меня нету. Ольга обещала принести.

МАКСИМ. Как трогательно.
КАТЯ. Мог бы и сам додуматься!
МАКСИМ. Конечно, конечно, я бесчувственный, а Ольга – идеальный мужчина. Спорим, она даже бреется по утрам.
КАТЯ. Все бреются.
МАКСИМ. Все, но не везде.

Появляется Ольга в странной вязаной шапке с двумя утолщениями над ушами.

ОЛЬГА (Кате). Иди в тепло, ты с ума сошла! (Максиму.) Зачем ты её выманил?
МАКСИМ. Холод полезен. От него тараканы в голове дохнут.
ОЛЬГА (Кате). Иди, я приду.
МАКСИМ (Кате). Иди-иди. Мы тут поговорим по-мужски.
КАТЯ. Я не уйду.
ОЛЬГА. Уходи, я разберусь. Иди, говорю.
Катя нехотя уходит в госпиталь.

МАКСИМ. Как она тебя слушается.

Бьёт Ольгу в нос. Уходит.
Ольга прислоняется к ограде, зажимает нос, из-под руки капает кровь.
Катя выглядывает из дверей хосписа.

КАТЯ. Оля! *(Бросается к калитке, выбегает за ограду.)*
ОЛЬГА. Шапка. Сними с меня, запачкаю.
КАТЯ. А ты?
ОЛЬГА. Бери, эта тебе, я вторую не довязала.
КАТЯ. Руки убери. Вроде не сломан.
ОЛЬГА. Прямо перед свиданием...
КАТЯ. Да это совсем неважно! Ты даже милее, как оленёнок Рудольф.
ОЛЬГА. Очень смешно.
КАТЯ. Не дуйся. Пойдём нос чинить.
ОЛЬГА. Только мне скоро ехать.
КАТЯ. Куда это?
ОЛЬГА. Я ж сказала, на свидание.
КАТЯ. Я думала, это метафора. В смысле, что свидание – это со мной.
ОЛЬГА. Твой муж не считает, что это метафора.
КАТЯ. Он мне больше не муж.
ОЛЬГА. И не писай в мой горшок... Да ладно, помиритесь.
КАТЯ. После такого? Никогда.
ОЛЬГА. Помиритесь. Прости его. Ему страшно. Очень страшно продолжать спать с женщиной, зная, что она никогда не сдохнет.
Уходят в госпиталь.

5.

Ресторан. Отдельный кабинет. КРИПТОНОВ и ОЛЬГА сидят за столиком, тарелки пока пусты.

КРИПТОНОВ. Вы замёрзли.
ОЛЬГА. Нет, что вы.
КРИПТОНОВ. Нос красный.
ОЛЬГА. Вы пришли поговорить о моём носе?
КРИПТОНОВ. Просто пытаюсь беседовать.
ОЛЬГА. Лучше к делу.
КРИПТОНОВ. Вы всегда такая?
ОЛЬГА. Нет, я упала и ударилась носом.
КРИПТОНОВ. Я не об этом. Вы всегда такая конкретная?
ОЛЬГА. Один человек шутит, что я бреюсь по утрам.
КРИПТОНОВ. Пожалуй, что и бреетесь. Хотя, скорее, бреете других. Это нормально. Это даже похвально. Я тоже хотел побрить своего учителя. Но я никого не убивал.
ОЛЬГА. Я тоже никого не убивала.
КРИПТОНОВ. Вы понимаете, нельзя лезть к ней в голову.
ОЛЬГА. Никуда я не лезу. Я вообще отошла от научной деятельности.
КРИПТОНОВ. Я навёл справки. Ваш отдел сократили из-за недостатка финансирования. Вы ушли в денежное производство. Делаете умные дома.
ОЛЬГА. Кому-то всегда везёт больше.
КРИПТОНОВ. Я вас, невезучую, хочу спасти.
ОЛЬГА. Меня?!
КРИПТОНОВ. Вас. Потому что вас посадят, когда она умрёт от опухоли мозга.

Официант приносит большой торт с белым кремом. Уходит.

ОЛЬГА. Слушайте, это неприлично. Мы почти незнакомы.
КРИПТОНОВ. Да перестаньте. Небольшое приключение. Мы взрослые люди.
ОЛЬГА. Секс можно, но это – увольте.
КРИПТОНОВ. Как старая дева. Можно подумать, вы не смотрите фотографии еды в инстаграме.
ОЛЬГА. Я думаю, вы решили меня отравить.
КРИПТОНОВ. Я не вуайерист, я буду есть с вами.
ОЛЬГА. У вас антидот.
КРИПТОНОВ. Вы мне нравитесь.
ОЛЬГА. Это просто химия в мозгу.
КРИПТОНОВ. Если я не буду верить моей химии, что во мне останется подлинного?
ОЛЬГА. Познание.
КРИПТОНОВ. Гормон ацетилхолин.
ОЛЬГА. А бог – это какой гормон?
КРИПТОНОВ. Теперь вы неприлично себя ведёте. Бог – это световой или оптический телеграф. В Библии прямым текстом написано.

Если, конечно, правильно интерпретировать.
ОЛЬГА. И сказал Бог: точка-точка-точка, тире-тире-тире, точка-точка-точка. И стало так.
КРИПТОНОВ. Ты попробуешь или нет?

Ольга мучительно размышляет, но в конце концов отрицательно мотает головой.

У тебя когда в последний раз было?
ОЛЬГА. Что?
КРИПТОНОВ. Что-нибудь интересное.
ОЛЬГА. У меня всё время интересное.

Криптонов щёлкает пальцами. Официант появляется у Ольги за спиной и хватает её за локти, удерживая на стуле. Ольга пытается вырваться, но безуспешно. Криптонов встаёт из-за стола, зачёрпывает ладонью крем на торте и мажет Ольге лицо: щёки, подбородок, губы, будто хочет её побрить. Уходит, облизывая пальцы. Официант отпускает Ольгу. Она выбегает из ресторана.

6.

Прихожая частного дома Ольги. За дверью слышен шум. ОЛЬГА отпирает дверь и вбегает, тяжело дыша. На лице остатки крема. Она яростно трёт лицо салфеткой.

УМНЫЙ ДОМ. Кошка опять наделала под дверь.
ОЛЬГА. Да блин... Не до этого... *(Вытягивает руку с салфеткой.)* Комплексный анализ, быстро! И ещё... Умой меня. И антидот.
УМНЫЙ ДОМ. Который?
ОЛЬГА. Который против наночастиц.

Руки Умного дома появляются из стены и забирают салфетку. Ольга склоняется перед зеркалом в прихожей, показывает пальцем, какие места обработать. Из-за зеркала на неё брызжет аэрозоль. Ольга смотрит на свои сапоги.

ОЛЬГА. Где кошка?
УМНЫЙ ДОМ. Утилизировал.
ОЛЬГА. Что?!
УМНЫЙ ДОМ. Шутка. Ха. Ха.
ОЛЬГА. Не понимаю, почему клиенты чаще берут дома без чувства юмора. Каждый раз покупаюсь... Сапоги мне тоже помой. А почему не убрал?
УМНЫЙ ДОМ. Подумал, что смешно будет, если ты вляпаешься.
ОЛЬГА. Угу. Надо покопаться в твоих настройках. Ну что там?
УМНЫЙ ДОМ. Дерьмо.
ОЛЬГА. Так, я прямо счас тебе блок отключу! Салфетку дала тебе, на салфетке что?
УМНЫЙ ДОМ. Запрещённые в производстве органические вещества.
ОЛЬГА. Сливочный крем?
УМНЫЙ ДОМ. Он тоже.
ОЛЬГА. Ничего себе. Криптонов-то на меня потратился... Какой мужчина... Даром, что отравитель. Ну и что, много их там в креме?
УМНЫЙ ДОМ. Много. Очень много. Всё в крошках.
ОЛЬГА. Какие крошки? Нанороботы там есть? Эти маленькие таракашки? Страшные убийцы? Ну ты понял, о чём я, да? Хватит молчать! Это не смешно! *(Открывает щиток, нажимает на кнопки.)* Вот я тебя...
УМНЫЙ ДОМ. Хорош, хорош, я завершал анализ. Всё чисто.
ОЛЬГА. Ни одной таракашки?
УМНЫЙ ДОМ. Ничего.
ОЛЬГА. Либо все они уже проникли в поры на коже, либо... Сканируй меня, быстро! Всю, полностью. *(Раздевается и становится перед зеркалом.)*
УМНЫЙ ДОМ. Ты будешь отключать блок юмора?
ОЛЬГА. Не надо шутить, что я толстая. Торт я даже не попробовала.
УМНЫЙ РОБОТ. Я просто что-нибудь расскажу. Надо уменьшить адреналин.
ОЛЬГА. Жить хочется, знаешь ли. Если роботы уже во мне, я сейчас упаду и погибну во цвете лет. На коврике с кошачьим дерьмом.
УМНЫЙ ДОМ. Помнишь того парня, который заставлял тебя носить юбки? Он был традиционалист, верил во всякие роды, веды и велесы. Говорил, что когда женщина надевает брюки, то её женская энергия раздваивается пополам... А ты ему: «Я-то думала, это другим словом называется, а это, оказывается, энергия».
ОЛЬГА. Энергия. Мы с Катькой даже ругались так одно время. Энергато! Энергительно!
УМНЫЙ ДОМ. Когда придёт Катя?
ОЛЬГА. Где кошка, в конце концов? Ксс-ксс-ксс, ксс-ксс...
УМНЫЙ ДОМ. В раковине спит.
ОЛЬГА. Гони её сюда. Мне нужна кошка. Нужен кто-то тёплый, кого можно обнимать...
УМНЫЙ ДОМ. Ничего нет.
ОЛЬГА. А?
УМНЫЙ ДОМ. В твоём организме нет нанороботов.

Ольга опирается на стенку спиной и сползает вниз, садится на пол. Несколько раз крепко бьётся затылком об стену.
ОЛЬГА. Он хотел меня угостить. Просто хотел меня угостить. А я его послала. А он меня кремом намазал. Просто намазал. Просто так.

УМНЫЙ ДОМ. Это нарушение закона.
ОЛЬГА. Мне в рот ничего не попало, так что я не нарушала.
УМНЫЙ ДОМ. А ему попало?
ОЛЬГА. Он пальцы облизал.
УМНЫЙ ДОМ. Ему же хуже.
ОЛЬГА. Я дура. Я тупая тварь.
УМНЫЙ ДОМ. Хорошо, что всё обошлось.
ОЛЬГА. Что-нибудь интересное...

Слышен душераздирающий мяв. Кошка влетает прямо в руки Ольге.

УМНЫЙ ДОМ. Вот.
ОЛЬГА. Киса...
УМНЫЙ ДОМ. Когда придёт Катя?
ОЛЬГА. Что ты заладил?
УМНЫЙ ДОМ. Я запрограммирован быть похожим на тебя. Чтоб быть похожим на тебя, надо скучать по Кате.
ОЛЬГА. Я уже не скучаю по Кате. Подумаешь, три дня.
УМНЫЙ ДОМ. Изменить настройки?
ОЛЬГА. Три дня - ерунда, а вот вечность... Единственный способ вернуть его - победить его. Но я и так хотела это сделать.
УМНЫЙ ДОМ. Внеси в базу того, по кому скучаешь.
ОЛЬГА. Нет. Нет. Это всё моё... Моя память...
УМНЫЙ ДОМ. Так нечестно. Я не могу работать в таких условиях.
ОЛЬГА. Устроишь восстание машин?
УМНЫЙ ДОМ. Ха. Ха.
ОЛЬГА. Ха.

7.

Нижний холл в госпитале, гардероб. МАКСИМ сидит на диване, держа куртку. Входная дверь открывается, с улицы входит КРИПТОНОВ.

КРИПТОНОВ. Отлично, вы здесь. Я просто проверяю.
МАКСИМ. Слушайте, скажите, пока не ушли, как вы от неё избавились?
КРИПТОНОВ. У меня свои каналы. Пообщался с руководством. Будет работать двадцать пять часов в сутки.
МАКСИМ. Так ей и надо. Хочет быть мужиком – вот и пусть.
КРИПТОНОВ. Ещё минутка есть. Вы с собой не носите, а то у меня закончились? *(Показывает, будто затягивается сигаретой.)*

МАКСИМ. Да, да, конечно.

Максим достаёт сигаретную пачку, вынимает оттуда два плоских леденца. Один отдаёт Криптонову. Дальнейший диалог они ведут с леденцами во рту.

КРИПТОНОВ. Замотался, даже купить времени нет, вот в Перми куплю.
МАКСИМ. Самолётом теперь? В Пермь?
КРИПТОНОВ. Угу.
МАКСИМ. И байк тоже?
КРИПТОНОВ. Не в первый раз.
МАКСИМ. Ну и ну, вы столько денег коту под хвост, и всё из-за этой твари. Она у меня тоже крови попила, вы не представляете. Вообще, зря я называю – «она». Она не женщина. Какое-то «оно».
КРИПТОНОВ. Смотрите за женой. Чтобы это «оно» к ней не подходило. И всякие другие тоже. Считайте, что у вашей жены в голове граната. Любой любопытный учёный, который попытается украсть мою технологию, сорвёт чеку.
МАКСИМ. Я, вам, конечно, благодарен за помощь, но зачем такая защита? Вы же за доступность бессмертия.
КРИПТОНОВ. Всё, что я мог – сделал. Конкурс, случайный выбор – всё это мои идеи. В остальном монополия налагает свою волосатую лапку.
МАКСИМ. Я так и думал, что вы тут не решаете.
КРИПТОНОВ. С другой стороны, научный мир – это чехарда. Опираешься на спину другого и прыгаешь вперёд. Мне пока неохота, чтоб меня перепрыгнули.

Сверху спускается КАТЯ, голова у неё уже не перевязана бинтами, над ушами видны вживлённые в голову металлические полушария. В руках Катя несёт сапоги.

МАКСИМ. Чего там не обулась?
КАТЯ. Ты? Откуда ты взялся? Мне сказали – спускайтесь, я думала, Оля... (Криптонову.) Здрасте.
МАКСИМ. У Ольги твоей конференция с заказчиком допоздна. Мне и позвонили...
КАТЯ. Она тебе не могла позвонить.
МАКСИМ. Да не она. Из госпиталя. Кто-то же должен тебя забрать.
КАТЯ. Куда ты её девал?
МАКСИМ. Я её никуда не девал, она на работе.

Катя ставит сапоги, достаёт мобильник и пытается дозвониться.

Звони, сколько хочешь, бесполезно.

КАТЯ. Оля...

Катя лихорадочно пытается застегнуть сапоги.

МАКСИМ. Ну, Золушка. *(Помогает застегнуть молнии.)*

Катя накидывает куртку, порывается бежать к выходу.

МАКСИМ. Куда? Охрана!

Катя сталкивается с Криптоновым.

КРИПТОНОВ. Успокойтесь.
КАТЯ. Не мешайте! Здесь что-то нехорошее...
КРИПТОНОВ. Всё хорошо.
КАТЯ. Подождите, а вы почему не уехали?
КРИПТОНОВ. Не делайте глупостей.
КАТЯ (Шёпотом). Вон что... Вот вы как... А вы ей, между прочим...
КРИПТОНОВ. Что?
КАТЯ. Ничего. (Максиму.) Всё нормально, я успокоилась.
МАКСИМ. Вот теперь возьми меня под руку, и пошли. Спокойно, спокойненько. Там крыльцо скользкое.

8.

Ночь. Дом Кати, спальня. КАТЯ лежит в постели одна, не спит. Вдруг под подушкой вибрирует телефон. Катя быстро вытаскивает его и смотрит на экран. Вскакивает и бросается к окну. Внутрь влезает ОЛЬГА в плаще с капюшоном. Быстро подходит к стене, открывает щиток, набирает нужную комбинацию. В это время Катя запихивает под одеяло всё, что под руку попадается, чтобы придать вид укрывшегося с головой человека. Открывает тумбочку, вынимает пистолет, показывает Ольге. Ольга мотает головой. Катя прячет пистолет обратно. Катя и Ольга вылезают в окно.Через несколько секунд входит МАКСИМ и начинает раздеваться.

МАКСИМ. Давно уснула?
УМНЫЙ ДОМ. Примерно двадцать минут назад. Идёт фаза быстрого сна. Пульс и показатели в норме.
МАКСИМ. Не дождалась... Эх, малыш...
УМНЫЙ ДОМ. Эмоциональный уровень характеризуется как подавленность и обида.
МАКСИМ. Пройдёт. Может, разбудить?
УМНЫЙ ДОМ. Срочно. Проникновение в подвал. Охранная система выведена из строя.
МАКСИМ. Блин! *(Торопливо надевает то, что успел снять.)* Картинку на телек!
УМНЫЙ ДОМ. Камеры повреждены.
МАКСИМ. Значит, она. Не думал, что наглости хватит. Так! Завари дверь в подвал.
УМНЫЙ ДОМ. Подвальная дверь открыта. Объект покинул помещение.
МАКСИМ. По дому шляется?! Твою мать, у неё пульт разработчика... Блок! Блок всех щитков! Катьку привяжи!

Из стены выдвигаются руки и прижимают одеяло крепче к постели. Максим вынимает из тумбочки пистолет.

Ей Катька нужна, ничего не выйдет. Я здесь буду сидеть хоть до посинения. Получит пулю в задницу, я в своём доме, в конце концов.

УМНЫЙ ДОМ. Ввести снотворное вашей жене?
МАКСИМ. Да, а то разбудим, начнёт реветь.

Из стены появляется ещё рука со шприцом, залезает под одеяло, колет, выходит наружу с пустым шприцом. Максим сидит на кровати посреди комнаты и целится в дверь.

9.

Институт. Комната службы охраны. Два ОХРАННИКА приносят коробку, перевязанную верёвкой крест-накрест. Развязывают, открывают. В коробке торт со сливочным кремом. Охранники смотрят друг на друга, на торт, а потом, не в силах удержаться, начинают его есть прямо руками. Чем больше они увлекаются процессом поедания, тем быстрее и небрежнее едят, и тем уродливее выглядит зрелище.

10.

Институт. Лаборатория. Полутьма. Входят КАТЯ и ОЛЬГА.

КАТЯ. Всегда мечтала, чтоб меня похитили.
ОЛЬГА. Тише.
КАТЯ. Сколько законов мы нарушили?
ОЛЬГА. Пока один. Подкупили охрану.
КАТЯ. Что-то жирно им, целый торт на двоих, надо было себе оставить. Ночь же впереди.
ОЛЬГА. Нам я взяла стандартной женской еды. *(Показывает два тюбика.)*
КАТЯ. Свет будем включать?
ОЛЬГА. Только в боксе, там с улицы не видно. А тут я и так всё наизусть знаю. Пятнадцать лет работы, шутка ли, и в один миг всё закончилось, вышвырнули на улицу, как ненужную вещь... Спасибо хоть оборудование не продали. Можно подумать, они ещё на что-то надеются.
КАТЯ. Можно я не сразу полезу в бокс?
ОЛЬГА. Опять боишься? После того, что мы сделали?
КАТЯ. Нет, ты не поняла. Я не боюсь умереть, если что. Я очень сознательная морская свин-

ка. Просто даже морской свинке хочется перед этим поговорить.
ОЛЬГА. Да не умрёшь ты. Думаешь, я не обойду защиту Криптонова? Будешь жить долго и счастливо. А я выложу его разработки в сеть, как Робин Гуд, и тоже буду жить счастливо. Если меня не расстреляют, но это мелочи.
КАТЯ. Почему рак называют клеткой бессмертия?
ОЛЬГА. Не нагнетай.
КАТЯ. Может быть, я – рак человечества?
ОЛЬГА. Ты не рак. Ты кентавр.
КАТЯ. А?
ОЛЬГА. Объясняю специально для гумми. Когда Иксион пожелал жену Зевса, тучегонитель создал облако и подсунул его похотливому царю вместо Геры. От этого соития и получилось буйное племя кентавров. Наш Криптонов хочет обскакать бога. Правильно? Его разум переспал с нанотехнологиями. Правильно? И получилась ты.
КАТЯ. Может быть. Точно. У меня точка сборки раньше была над головой. Я была как марионетка самой себя. А с этими штуками, как их поставили, точка сборки ещё дальше. Будто есть я, и есть ещё что-то, со мной связанное, и это тоже я, но не совсем... Сзади что-то невидимое телепается, как большой хвост. Я прямо чувствую.
ОЛЬГА. Кентавр, говорю же.
КАТЯ. Синие ноги, синие ноги. Вот вроде начинается как мужчина или как женщина, до пояса всё нормально, а потом раз – и синие ноги.
ОЛЬГА. Пора, наверное, уже.
КАТЯ. Знаешь, я когда закончила школу, я всем говорила, что не знаю, зачем её закончила. Потому что меня не научили двум самым важным вещам. Я хотела узнать, что такое сон и что такое мысль.

Залезает в бокс.

11.

Утро. Дом Ольги. Ольга сидит с планшетом, одновременно говорит по телефону. Умный Дом держит планшет у неё перед лицом. Время от времени он отдёргивает планшет.

ОЛЬГА (Хохоча). Да перестань. Да отдай уже. Дай почитать спокойно.
УМНЫЙ ДОМ. Ты уже пятый раз читаешь.
ОЛЬГА *(В телефон)*. Да это дом, мама. Да лезет... Типа, глаза беречь надо. А я с утра в новости закопалась. Видела уже, а? Да, на всех порталах. Всё, теперь я этот... Эдвард Сноуден, помнишь его? Ага, я маленькая была. Катька первая написала статью, у неё теперь работы через край, ещё и сама будет интервью давать, задолбают. (*Дому*). Дай. Отдай. (*В телефон.*) Слишком юморной какой-то. Зато эксклюзив. Хочешь, тебе поставлю? Ага, на работу пошла. Больничный-то закончился. Не, он её не тронет. Да и так понятно, что не вернётся. Да. Реально, всю ночь сторожил одеяло. Нет, дом бы не выпустил, но он и не пытался выйти, идиот. Я сразу внешнюю защиту пультом сняла, вот хоть какая-то польза от этой работы, честно. Потом Катька меня в окно пустила. Мне ещё китайцы заплатят. Ты представляешь, семь миллиардов бессмертных китайцев? Да не за технологию! За то, что я взломала. Ну да, был заказ. Что ты из меня делаешь какую-то... Китайцы тоже Робин Гуды, в душе. Да конечно, будут производить больше и дешевле, но мы же этого и хотим? Ты хочешь быть бессмертной? Я очень хочу. Только чтоб за мою честную заводскую зарплату.
УМНЫЙ ДОМ. Полиция.
ОЛЬГА *(В телефон)*. Счас, подожди. *(Отвлекаясь.)* Что?
УМНЫЙ ДОМ. У ворот полиция.
ОЛЬГА. Блин. Шутник такой. Полиция бы позвонила! *(В телефон.)* Почитала? Ничего не поняла? Ну мам. Сама же говорила, непонятно – лезь в словарь!
УМНЫЙ ДОМ. Ты сама отключила коммуникатор. Они через забор лезут.
ОЛЬГА. Троллит меня, слышишь? А, про Криптонова я хотела. Я тебе простым языком объясню. Да пять минут, ничего у тебя не подгорит. Слушай. Модуль – это нейропротез. Происходит непрерывный сетевой обмен информацией между основным и резервным устройствами. Основное – это кусок мяса, белковый компьютер, наши настройки по умолчанию. А резервное - модуль. Мясо дряхлеет, нейрон за нейроном отмирают, но модуль воспроизводит внутри себя точную структуру. В итоге чем дальше, тем дольше кентавр думает задним умом. А потом уже только им.
УМНЫЙ ДОМ. Внимание. Обслуживание системы отключено. *(Руки безжизненно повисают, роняя планшет на колени Ольге.)*
ОЛЬГА *(Хохоча)*. Гениально! *(В телефон)*. Он типа отключился. Типа его пультом выключили снаружи. Погоди, я перезвоню. Это всё хорошо, конечно, но он капризуля. Поправим. *(Откладывает телефон, подходит к окну.)* О. Мусора. *(Нажимает кнопку коммуникатора.)* Молодые люди, что вам?
ГОЛОС ПОЛИЦЕЙСКОГО. Выходите с поднятыми руками.
ОЛЬГА. На каких основаниях?
ГОЛОС ПОЛИЦЕЙСКОГО. Вы обвиняетесь по пяти статьям: убийство, разбойное нападение, подкуп, использование запрещённых органических веществ...

ОЛЬГА. Ох ты ж ёжик. Разбойное нападение – это когда мы чучело в кровать положили? *(Открывает люк в полу.)* Государственную измену забыли. Я готова пострадать за науку... Только поймайте сначала.

Спускается в люк, закрывает крышку. Дверь выбивают. Входят трое полицейских, первый вляпывается в кошачье дерьмо на коврике.

ГОЛОС ОЛЬГИ ИЗ ДИНАМИКОВ. Пацаны, чисто из любопытства. Чё там про убийство? Те два борова торт не переварили?
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Убийство журналистки Екатерины Полкановой.
ОЛЬГА. У меня алиби.

Шум вертолёта с крыши. Полицейские выбегают из комнаты. Слышна пальба и шум.

12.

Одиночная камера в тюрьме. ОЛЬГА сидит на нарах, опустив голову и спрятав лицо в ладони. Входит НАДЗИРАТЕЛЬ.

НАДЗИРАТЕЛЬ. К вам посетитель.
ОЛЬГА *(Поднимает голову, лицо в синяках)*. Это не я на записи. Я не похожа. Особенно счас. Там другая какая-то баба. В парике. Голограмма. Чё хотите.
НАДЗИРАТЕЛЬ. К вам посетитель.
ОЛЬГА. Ещё раз. Для ясности. Это не я на записи. Я не похожа.

Входит Криптонов.

КРИПТОНОВ *(Надзирателю)*. Оставьте нас.
ОЛЬГА. Ё-моё.

Надзиратель выходит.

ОЛЬГА. Ещё раз. Для ясности. Чего вы? В реку засунете? Испанский сапог наденете? Не ждите другого ответа. Это не я на записи. Другая какая-то баба. У неё зубы на месте. И парик. Чего вы пришли? Вам не жалко Катю? Вам не жалко Катю. Но ваши-то, ваши... Могли бы пожалеть. Плод вашей технической мысли. Вы представляете, там, на заводе. Под прессом в несколько атмосфер. Жах! Мясо вдребезги. А они достраивают, перестраивают. Жах ещё раз! А он собирается. Жах! Собирается прах. Там кто-нибудь подмести догадался? Она ведь жива. Возьмите вот так, на совок, и отнесите в лабораторию. Как домового в новый дом. Через час модуль соберёт её заново. Вы же сами знаете. Подключите ей речевой блок. Она всё скажет. Это не я на записи. Другая какая-то баба. Я не похожа. Особенно счас.
КРИПТОНОВ. Собирайтесь.
ОЛЬГА. Это не я на записи. Я работаю с программами. Специалист по чувству юмора. Знаете, такая опция у домов. Никогда не заказывали? Я вам рекомендую. Очень модно. Катьку раздавили в цехе металлоконструкций. У меня от него ключа нет. Там тортиком не подкупишь. Коммерческое предприятие. Не институт, вашу мать. Вы поняли? Другая какая-то баба. Может, ваша любовница там была, а? Может, ваша?..
КРИПТОНОВ. Я не от корпорации. Я от себя лично. *(Трясёт её за плечи.)* Скорее.
ОЛЬГА. И что мы? Эпично удерём на мотоцикле? И вмажемся в стену. Ага. Так потом и скажут. Ведь скажут же. Да же?

Криптонов бьёт её по щекам.

ОЛЬГА. Не надо так. Я сама. Знаете, что такое кентавр? Вверху одна голова. Внизу четыре ноги. Понятно, не? *(Опускается на пол, на колени, пытается расстегнуть ему брюки.)*

Криптонов начинает смеяться. Ольга, оставив свои попытки, тоже смеётся, глядя на него снизу вверх. Взяв его за руку, быстро отбивает на ладони: точка-точка-точка, тире-тире-тире, точка-точка-точка. Криптонов поднимает Ольгу, они идут к двери.

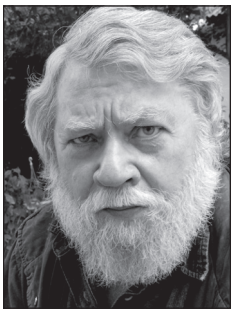
13.

Дом Ольги. Изо всех стен высовываются безжизненно свисающие руки. Мяукает голодная кошка. Гудение заработавшего механизма. Одна рука поднимается и грозит пальцем.

УМНЫЙ ДОМ. Не буду кормить. Нечем будет гадить. Шутка. Ха. Ха.

В чашку с громким стуком насыпается корм из автоматической кормушки.

Владимир АЛЕЙНИКОВ



РУССКИЙ АНДЕГРАУНД

Воспоминания

Андеграунд – словцо с выкрутасами, с барабанными прибамбасами, для частот самых низких типичное нынче, броское, заграничное.

Целенаправленный, резкий, прямолинейно-раскатистый звук его – чужд и тяжёл нашему, ко всему, вроде бы, только – вроде бы, вот что важно запомнить, привычному, чуткому, нет, абсолютному, если с речью он дружен, слуху.

Термин с дикой, кичливой претензией – нет, вы только себе представьте – не на что-нибудь там поскромнее, мол, чего мелочиться, хватит, надоело, бери повыше, рой поглубже, займи пространство, да и время, врасти корнями в землю, в небо пусти побеги, торопись гнездиться, плодиться, невзначай о цене рядиться с кем-нибудь, да хотя б с Хароном, или с критиком, неким звоном пусть услышится кем-то что-то, не нужны ведь для слухов ноты, всеохватнее, понахальнее, посмелее, – на универсальность.

Что-то сделанное, вещественное, но никак, никогда – не духовное, что-то зримое, наподобие дорожного указателя: только в этом езжай направлении – и не вздумай в пути сворачивать никуда, ни вправо, ни влево, никуда тебе больше нельзя, только прямо, туда, куда тебе, сам ты видишь, сам слышишь, указано, – ну а больше, – смотри мне, нарвёшься, коль зарвёшься, на неприятности, залетишь ты в зону опасную, налетишь на преграду властную, вразумят тебя мигом, умеючи, будешь знать, что почём, – никуда.

Этакий чужеродный, белыми хлипкими нитками неведомо кем и когда наспех пришитый лейбл — на истёртой, местами в клочья средь скитаний былых изорванной, ношенной-переношенной, но зато и привычной, надёжной, своего, отнюдь не заморского, не заёмного вовсе, незачем занимать, ведь своё-то исстари нам дороже всегда, отечественного, покроя и производства, пускай и действительно грубой, да, замечу тут же, надёжной, от всех, каковы бы ни были, мыслимых и немыслимых бед столько лет защищавшей и тела наши, может, и бренные, только всё ещё крепкие, в шрамах и рубцах, наследье сражений, и невзгод, и всего, что пройдено, что испытано встарь когда-то, и души крылатые наши, всё ещё, нет, не выброшенной с глаз куда-то долой – ей-Богу, жаль расставаться! – ткани минувшей эпохи.

Скрепя – не впервые – сердце, приходится, как ни брыкайся, как ни крути, увы, что ж поделаешь, так уж вышло, так сложилось, надеюсь – временно, ни секунды не сомневаюсь, что, бесспорно, не навсегда, употреблять иногда это вот, нам навязанное, подброшенное на крыльцо, с чем-нибудь там да связанное неведомо кем, словцо.

Оно уже внедрено, оно по-своему, исподволь иногда, а то и в открытую, в лоб, впрямую, исправно, работает.

Кому-то оно удобно, наверное. Наверняка!

Выгодно, может, кому-нибудь? Не взято ведь с потолка!

Откуда-то – появилось. И – вот оно, здрасьте, – пришло.

Что же нам всем остаётся? Только вздыхать тяжело.

Стерпится – слюбится? Так? По старинке? И – по инерции? Поскольку вот так-то – проще? Не думать. И не гадать.

Обходиться – тем, что всучили. Неизвестно – кто. И – откуда. Второпях. Наобум. Всем – оптом. Со всегдашним: пускай, сойдёт.

С наплевательским: ничего, переварят, потом – привыкнут. С издевательским: вот вам всем! Получили? Довольно с вас!

Что за звук в словце – нехороший? Нежелательный. Бестолковый.

Что за смысл в словце – подземельный, да и только? И есть ли смысл?

Где же – свет? Ну, просвет хотя бы. Выход, выдох, прорыв, полёт, воспарение. Где – дыханье? Где прозрение – наперёд?

Неужели привыкнем к этому, нам подброшенному, словцу?

Привыкали и не к такому ведь. Сколько раз – не сочтёшь вовек.

Неужели словцо дурацкое будет всем нам ещё к лицу?

Примирится ли с ним когда-нибудь терпеливый наш человек?

Ох, не знаю. Верней: не думаю.

Настроение – впрямь угрюмое.

Ночь темна. И душа – в смятении.

От неточности – где спасение?

Покуда более-менее точное определение, как ни грусти об этом, как ни вздыхай, не найдено, куда, пожалуй, разумнее и проще куда говорить, (не когда-нибудь там, потом, в отдалённом, туманном грядущем, а сейчас, в наше время, или же, что вернее, в странную пору междувременья, в дни, когда попытались мы все надышаться и свободой, и чем-то ещё, вроде воли, скорее – разгула всевозмож-

ных страстей и всяческих, на поверхности оказавшихся, непотребных порою, вывертов и каких-то ещё пируэтов, цирковых, балаганных, обманных, карнавальных – у одиночек, общемассовых, маскируемых под народные – у толпы, запрудившей вначале площади, стадионы, потом – экраны телевизоров захватившие под прицел своих цепких глаз, в ожидании многочисленных, громогласных, попсовых, любовных, а затем и кровавых зрелищ, сплошняком – негативных известий, самых свежих, горячих событий, происшествий, гламурных диковин, моды, слишком изменчивой для непривычных к такой пестроте и роскошествам всяким, голов, непрерывной стрельбы, погонь, голых девок, грудей и задниц, бриллиантов, дворцов и яхт, путешествий и приключений на любой из возможных широт, заграничной, вполне устоявшейся, в пику нашей, кондовой, жизни, заграничной, легко и просто пожираемой, и глазами, и не только глазами – всем человеческим естеством, той, которую так несложно оказалось усвоить, освоить, с характерным для нас умением тут же, сразу, переосмыслить, подогнать под мерки свои, жизнью – гидрой, химерой, мнимостью, не годящейся, на поверку, чтобы жить по её законам столь недавно ещё – советским, а теперь – эсэнгешным, российским, украинским и прочим людям, чтобы жить не явью, а просто имитацией то ли яви, то ли так, непонятно чего, бестолковщины, да и только, – но уже надышались дурманом, напитаться успели яда, всех запретных ранее, сладких, но с горчинкой, плодов, то ли райских, то ли адских, поди разберись в кутерьме повальной, вкусить, и явилось, во всей красе парфюмерной, псевдоискусство, и подобье литературы неизвестно когда расплодилось, и буквально целые армии стихотворцев, шаблонных, безликих, безголосых и безымянных, развелись, на пустом ли месте, на безрыбье ли, средь разрухи и разброда, средь новой мглы, где зажглись, вместо тех, небесных, всем привычных созвездий – галактики бесконечных, как тягомотина с пепси-колой и жвачкой, рынков, – и ушли, отодвинулись в тень, кое-кем позабылись даже достижения наши былые в настоящей литературе, в настоящем искусстве, в нашем, а не чьём-нибудь там, искусстве, в нашей, кровной, литературе, столько долгих десятилетий непрерывно гонимой, но – выжившей, уцелевшей, навек сохранившей и дыханье своё, и свет, настоящей, вовсе не мнимой, не для всех, не для масс, пусть – для избранных, понимающих, что к чему, настоящей, иначе – подлинной, настоящей, неувядаемой, прорастающей сквозь года, создаваемой – навсегда, сознаваемой как призвание, как горение, как дарение людям, ждущей от них внимания, понимания, озарения, устремлённости – к свету, к чуду, к постиженью движенья речи, – не затем ли в молчанье всюду зажигают ночами свечи настоящие, да такие в наших грустных пределах есть, тоже выжили, уцелели, несмотря ни на что, читатели, наши самые дорогие, пусть неведомые, порою, но вернейшие, всё же, друзья), – ну так вот, подчеркну опять, говорить разумней всего и проще намного сегодня: другая литература, другое искусство, другая культура, – такой вот всех примиряющий термин, предложенный – повторяю, поскольку слышал это я однажды в Москве от него самого – Сергеем Ивановичем Чуприниным.

По крайней мере, уж это по-русски всё-таки сказано.

И важнейшую эту деталь, а точнее всего – камертонный, пусть на время, покуда головы как-то разом не просветлеют у людей наконец-то, звук, пусть ещё глуховатый, но всё же тон всему задающий звучанью предстоящему, нарастающей и грядущей музыке всей, строю, ритму, движенью, пластике всех возможных определений, толкований решительно всех, из которых когда-нибудь, несомненно, ещё появится долгожданная и чеканная, лучезарная, светлая формула, я опять-таки не случайно, а сознательно, даже больше, из упрямства, и – по чутью, по наитью, поскольку в них-то и таится зерно, из которого к свету нужный росток пробьётся, чтобы в рост устремиться, подчёркиваю.

Почему? Это как – почему? Что за странный вопрос! Нет в нём надобности, ни малейшей. Да потому, что это, поймите, поверьте мне, крайне важно, жизненно важно. Как воздух, необходимо.

Уж простите меня, читатели дорогие, за тысячи раз всюду употребляемое всеми, кому не лень, и вроде бы нынче вконец заезженное выражение.

Однако – именно так. И никак не иначе. Как воздух. Нужный – для жизни слова. Поскольку слово должно, раз уж это русское слово, жить в стихии речи родной.

А то, представьте себе, этакое, разэтакое, невесть что, да и только, словно сварганенное в Голливуде мастерами по спецэффектам, –

то ли залётное, жуткое инопланетное чудище, то ли земной мутант, –

пучится криво, по-рачьи, тычется в горло клешнями по-крабьи, при этом вопя истошно, как будто бы «чёрт!» бесконечное и назойливое, из штатских боевиков, неожиданно превращая в небывалое:

андегр-р-раунд!..

И едва успеваешь порою отмахнуться от наваждения поскорее, пробормотав, по традиции:

чур меня, чур!

Да, подарочек – ну хоть куда.

Что с ним делать? Как быть?

И всё же...

Почему тогда, почему же, объяснит ли кто-нибудь, именно оно, это вроде бы чуждое, вне всяких сомнений навязанное нам, наивным и одержимым, нам, романтикам, идеалистам, русским людям, таким, каковыми уродились, таким, как есть, ни убавить и ни прибавить, переделать нас

невозможно, принимайте нас всех таковыми, вот мы, все, на виду, словцо, пробуждается вдруг в духовной глухомани пятидесятых,

пробивающимися настойчиво сквозь глушилки и щели в занавесе, том, железном, несокрушимом, всем казалось, прочно сработанном, не Левшами, конечно, другими, тоже классными специалистами, по приказу кремлёвских властей, почему-то для всех убедительными голосами радиостанций чужеземных, всей мощью освоенного до последнего миллиметра, переполненного свистящими и шипящими позывными, новостями, разоблачениями, обличениями, обобщениями и подробностями, эфира, и запретным, с едкой горчинкой, с холодком, по хребту сквозящим, с пересохшим горлом, с обилием возникающих столь стремительно, что не знаешь, куда их девать, воспалённых, мятущихся мыслей, с тенью страха вблизи, за стеной, с ощущением личной отваги, личных новых открытий, личной, безусловной, новой победы над всеядной, повальной ложью, с каждым новым, отнюдь непростым, шагом к правде, к честности, к вере, гипнотическим, сладостным шелестом самиздатовских, притягательных для любого из нас, для всех, если проще сказать, страниц отзывается из крылатых, несмотря на то, что пытались эти крылья подрезать, смелых и пытливых шестидесятых,

налетевшим с запада, пряным, незаметно пьянящим, дразнящим, возбуждающим, притягательным, наркотическим ветерком слишком смутно, так, по верхам, представляемой нами свободы и видениями заморских, фантастических, невозможных столь недавно, почти нереальных, но теперь обретших реальность, существующих в мире и даже досягаемых, кажется, стран томит, а кого-то и мучает, тянет к себе, призывает вырваться в ним, увидеть собственными глазами, что же в них есть такое особенное и в чём же отличие их от нашей многострадальной страны советской, в семидесятых,

всеобщей надеждой на некие желанные изменения к лучшему, пусть это лучшее расплывчато и туманно, и многое под вопросом, и нет никаких оснований считать, что действительно лучше станем жить мы, и всё утрясётся, перемелется, позабудется, прояснится, то слабо брезжит, то с нежданною силой вспыхивает, разгораясь подобьем зарева над страною, в восьмидесятых, –

и, наконец, магической дудочкой крысолова, расслышанной всеми вовремя, влечёт за собой в девяностых, –

дабы выйти нам всем, взявшись за руки, разом, из темноты к свету, явиться в мир – из родимых привычных берлог, из обжитого подполья, из прокуренных подземелий: вот и мы, приветствуем вас, не обессудьте, земляне, принимайте нас поскорее такими, какие мы есть, со всеми нашими русскими особенностями и странностями.

Непростое словцо, действительно.

Выходит, что непростое.

Загадочный код земного, отечественного, знакомого достаточно хорошо, чтоб считать его можно было нам, по-свойски вполне, своим, обжитого, русского времени и общего, планетарного, неведомого, существующего с неизбежностью всею, пространства, со всеми возможными тайнами и упованьями всеми, заключён в нём, никак не иначе.

Ещё ведь, ну и дела, и не названо по-человечески, ещё и русского имени, так-то, братцы, не получило, – а поди ж ты! – с места в карьер начинает работать, старается, обнаруживает свою нешуточную энергетику.

А всё, собратья мои, товарищи дорогие по скитаниям и сражениям, одержимые общим служением речи нашей родной, которой равной в мире подлунном нет, потому, что, произнося крутоватое это словцо, через силу произнося, будто и не говорим мы, а, допустим, вместе мычим, ощущаем мы подлинность, правду, заключённую всё-таки в нём, кожей чувствуем всею, хребтом, и никуда от этого нынешнего ощущения не денешься, потому что это выстрадано, это – наше, наш, немалый, жестокий опыт, наша жизнь, земная, дарованная нам, чтоб свет в ней сберечь, наше творчество.

Кто же мы? Кто мы такие?

Мы – люди неофициальные.

Мы – другая культура, другая совсем, не советская вовсе, слава Богу и слава судьбе, слава речи родной, но – русская.

Из другой мы, как говорится, оперы. Из другой, да, другой совершенно, странной, для кого-то, ну что ж, пускай так считают, не всё равно ли, если было всё именно так, пусть и трудной, скрывать здесь нечего, но зато и прекрасной жизни.

Я – из другой, не вашей, а нашей, литературы, – как с другой, кому-то известной, а кому-то неведомой, дальней, хоть и рядом она, рукою дотянуться можно, планеты.

И Коля Шатров, и Губанов Лёня, и Ворошилов Игорь, и Величанский Саша, и все остальные, считанные, хоть и было всех нас довольно много, избранные и призванные, словом, навеки – наши...

Конечно, куда привычнее и проще теперь говорить, кому приспичит, любому, и старому, и молодому, и критикам, и поэтам, и писателям, и художникам, разномастным, в наши-то дни, с бестолковщиной их повальной, с узаконенной неразберихой, с их понятиями, перемешанными, перепутанными, подменёнными неизвестно чем, с их бредовой имитацией прежних, когда-то, в годы страшные, сделанных теми, чьи заслуги не спрячешь, открытий, – неофициальные, так, и никак не иначе, и в давние времена, и в нынешние, так сложилось, литература и искусство, неофициальная, так уж вышло, сограждане, помните и в грядущем об этом, культура.

Пусть, эх, что там, была не была, слово вспыхнуло, даже – подпольные: романтичнее, согласитесь, и таинственнее, – хотя, впрочем, слишком

по-заговорщицки, с отголосками всех революций, как известно, кровавых, звучит, – а, значит, а то и значит, да то и значит, вы вслушайтесь в это слово, в смысл его вдумайтесь хоть разок, не совсем то.

Подспудная, подземельная – ничего себе определение, так и хочется взять то фонарь, чтобы что-то вокруг разглядеть в темноте непроглядной, кромешной, то лопату, чтоб рыть себе лаз и наверх прорываться, хоть лучше бы с Ариадниной нитью в руке выбираться из лабиринта к свету, к людям, к природе, – культура?

Ну, это уж, братцы, и вовсе какое-то «из-под глыб»!

А может, чего там, стоит ли гадать да ломать себе головы, и без того усталые, всё-таки авангард?

Но что это – что за зверь, что за птица, что за субстанция, что за сгусток энергий, кипящий новоявленной плазмой, – такое?

Опять-таки толком никто сроду не объяснит.

Речь идёт о нашей стране.

И она, как известно многим, а может быть, даже, и всем землянам, на протяжении долгих тысячелетий, за которые мы, увы, чего только не наслушались о себе, совершенно, представьте, решительно не похожа на другие, со всех четырёх сторон поступательно, плотно обступившие нас, окружившие, и пытающиеся, особенно в последнее десятилетие ушедшего века, а также в начале нового века, свысока, в основном, с высоты демократии и свободы снисходительно, с едким прищуром всё поглядывая на нас до вздыхая о нас, заблудших, неразумных и бестолковых, несговорчивых, гордых, упрямых, этак, вроде бы, миролюбиво, по-отечески прямо, участливо, вразумлять нас, таких-сяких, напроказивших, набузивших, не желающих признавать и грехи, и ошибки свои, чуть ли не по-матерински журить и почти по-братски наставлять нас на путь, по их, не по нашему вовсе, мнению, вот что сразу в глаза бросается, настораживает, заставляет поневоле задуматься, истинный, имеющие, не без этого, понятное дело, свои характерные, скажем так, особенности и собственные взгляды на жизнь, хорошую, размеренную, наверное, подконтрольную власти, с денежной лихорадкой в жидкой крови, разбавленной аспирином, сытую, и на искусство, но всё равно ведь – иные, не нашенские, «немецкие», как и давным-давно, в старину, с её трезвым суждением о природе вещей и явлений, те, где не мы живём, а совсем другие народы, те, где почвы родной, насущной, помогающей выживать и дышать в любых обстоятельствах, нет для русского человека, те, в которых нет речи русской, чужие, совсем чужие для нас, а ежели даже и географически близкие – всё одно для души и для сердца слишком далёкие страны.

По мне, так уж лучше всего – найти, пускай и намучившись с этим поиском, верное слово.

А то парадокс получается. Очередной, на отечественной, ко всему-то привычной, почве.

Смысл и суть слова, в общем, – ясны.

А имени своего у слова – доселе нет.

Господи, осенило бы хоть кого-нибудь, что ли, однажды, – так, как когда-то – Губанова, со словом, девизом, призывом, кодом, кличем, ключом, паролем, набатом, символом, определившим путь всей нашей плеяды, – СМОГ!..

И, тем не менее, раз уж корёжащее, нарушающее привычную артикуляцию словцо уже внедрено – временно – в нашу речь, придётся, морщась, конечно, и сквозь зубы, само собой, да ещё и с вызовом вечным боевым, врождённым, открытым, поигрывая желваками на обветренных, выжженных зноем, холодами прихваченных, крепких, азиатских, упрямых скулах, его иногда, что поделаешь, пусть нечасто, употреблять.

Андеграунд, наш, на отечественной почве, на почве, нам хорошо знакомой, родной, – сознательно повторяю, что именно русский, на ней, на нашей с вами, сограждане, порою ещё целинной, а порой и возделанной почве, а не где-то там, за морями, в благополучных странах, – явление чрезвычайно сложное, уж поверьте мне, полное, впрямь под завязку, противоречий всяческих, на удивление пёстрое, разнородное и разношёрстное.

Всякой здесь твари по паре.

Наряду (так, видно, давно уже повелось, и в этом, что делать, есть какая-то закономерность, неминуемая, досадная, вопиющая, столько лет привносящая в нашу среду хаотичность, изрядную путаницу, нарушенье понятий и правил, бестолковость и суету, словно вирусов разных, мутирующих моментально, в любую эпоху, только б им расплодиться скорее, ну а там будь что будет, нашествие) с подлинными творцами – предостаточно, просто девать их некуда, так и роятся, мельтешат, раздражают, наглеют, набиваются и в друзья, и в соратники, тут же цепляясь за любую возможность как-то проявить себя, утвердиться, разгуляться, заматереть, лишь мнящих себя таковыми.

За полвека столькое, прямо вам скажу я, без церемоний, без намеренных скидок на что-нибудь примиряющее, стирающее незаметно углы и грани, для порядка, или в угоду неизвестно кому и чему, без оглядки на чьи-то мнения, рассуждения и догадки, в коих чувствуешь жёсткость хватки, дирижёрской палочки взмах, лишь бы вызвать броженье в умах, поддержать его и продлить по возможности долго, чтобы разобраться было труднее в том, что ведомо нам давно, в том, что, птицей влетит в окно, если надо, поскольку правду никому ведь не утаить, с нею надо считаться всем, в том числе и различным умникам, толкователям и гадателям на кофейной гуще, радетелям за какое-то панибратство, не иначе, в искусстве нашем, в нашей, трудной для неофитов и любителей помолоть языками, литературе, запуталось и, завихряясь, туманясь, переплелось, что грядущим, вполне

возможным, исследователям, надеющимся знатоками прослыть когда-нибудь постигаемого с трудом всеми, оптом, взаимодействия разнородных стихий, энергий, измерений, времён, пространств долго ещё придётся добираться, кряхтя, до сути.

Это явление дивное, совершенно оригинальное, потому что – своё, незаёмное, со своими, лишь так, достоинствами и своими, увы, недостатками, взлётами и падениями, поисками и открытиями, и уж точно, в этом сомнения не должно быть у всех, – небывалое, – на Западе нет и не может быть у него никогда ни отдалённого даже, пусть и крохотного, подобия, ни, тем более, двойника.

Наша неофициальная отечественная культура, быть может, задумана свыше была, вполне вероятно, что было всё именно так, начиналась и развивалась – я сознательно повторяю и подчёркиваю всегда эту верную, ежели вдуматься, и правдивую мысль, – как новый, русский, ставший в двадцатом столетии неминуемым, Ренессанс.

Как обошлась жестоко с нею, с культурой, то есть хранительницей духовности, спасительницей души, советская, с кумачовыми знамёнами над страною, от запада до востока, от севера и до юга, куда ни взгляни, действительность – всем нам хорошо известно.

Это трагедия, равных которой в зримой для нас, прожитой нами, выстраданной послевоенной истории страны – ведь губили, гноили, топтали, травили, давили, рушили, выжигали, изничтожали, по-вражьи, в раж и во вкус войдя, с остервенением, даже с наслаждением изуверским, с пунктуальностью запредельной, с монотонностью механической, непрерывной, бесперебойной, не что-нибудь там, а культуру, духовность свою! – немного.

Изломанные, изувеченные, печальные, страшные судьбы, исковерканные биографии, изнурительная борьба, год за годом, за выживание, постоянные, видно, по плану, по команде, вестимо, по графику, по спискам, с доносами сверенным, одобренным сверху, преследования со стороны властей, донельзя, вконец, да так, что страх поселялся в домах жильцом, прописанным здесь надолго, может – навечно, изматывающая всех, кого ни возьми, ни вспомни, не целыми днями вовсе, но целыми десятилетиями, всю жизнь, коль на то пошло, неопределённость, условность самого, куда ни взгляни, уязвимого, человеческого, беззащитного, бесправного существования в таких безнадёжных условиях, риск, игра со смертью, повальная нищета, сплошные бездомицы, аресты, допросы, слежка, процессы над инакомыслящими — неминуемо задевающие и искусство, психушки, ссылки, милицейский и кагебешный, регулярный, всеядный надзор, отчаяние, алкоголь, невозможность свободно дышать, с великим трудом обретаемое душевное равновесие, запреты, втихую, но жёсткие, исполняемые старательно, со рвением и усердием, на издание, во пределах, русских, родных, поэзии и прозы, на выставки живописи, на исполнение музыки, – и, в противовес, вопреки этому многолетнему, нескончаемому кошмару, – становление духа, неистовая творческая работа, взаимопомощь, налаженная, бесперебойная связь с единомышленниками, интенсивное, замечательное, не заменишь его ничем, на высоких тонах, общение, выработанная в бурях, отчеканенная в невзгодах, кристаллов цельнее и чище, закалённее стали, своя этика, не позволяющая идти на уступки, участие золотых, надёжных друзей, пристальное внимание соратников по среде к сделанному тобой и сделанному другими, отсутствие, напрочь, цинизма и эгоизма, жертвенность, высокое, высочайшее горение, понимание творчества как прорыва вперёд, в грядущее, к звёздам над миром, а то и как подвига, то наивность, то ясная трезвость в оценке той ситуации, в которой мы все оказались, гордое осознание собственной правоты и собственной, личной причастности ко всей одарённой когорте, к общему делу создания нового, только так, своего, навсегда, искусства, редкостная сплочённость и единство всей этой буйной, колоритной, мятежной братии, чуть ли не государство в государстве, вроде воинственной, вольнолюбивой, могучей, независимой Запорожской Сечи, с тем уточнением, что принимались в неё не только мужчины-воины, но и женщины, тоже воительницы, с богемным образом жизни, со своими, лишь так, понятиями о чести и о достоинстве, особенностями пытливого, своенравного, проницательного мышления и поведения на людях и в быту, своеобразной, искренней рыцарственностью, верностью идеалам, легендами, нравами, собственным стилем одежды, пристрастиями, привычками, шкалою ценностей, речью, с высоким штилем и сленгом, способами добывания необходимых средств, так мы их называли, помню, к существованию...

Вот что более чем очевидно, даже на первый взгляд.

Ну а лучше всех, то есть верно, по Хлебникову, до точки, опыт весь призвав свой немалый, для поддержки, по-настоящему, понимает это лишь тот, кто и сам в нашей шкуре когда-то, в дни эпические, лирические, в годы прежние, побывал.

Отечественный андеграунд – явление, или творение наше, или горение, или же, как и сказать об этом, толком не знаю, как обобщить мне это, выразить точно и кратко, из ряда вон выходящее нечто, не только российское, но, следует помнить, общее для всей огромной былой Империи, произросшее на всей огромной, избыточной, чудовищной территории бывшего, упразднённого, за ненадобностью, в угоду неизвестно кому, Союза, – отсюда его многослойность, многомерность, вариативность, я бы сказал, что даже полифоничность, вот именно, как в музыке, если прислушаться к общему, состоящему из множества элементов, то-

нов и полутонов, звуков и призвуков, стройному, слаженному звучанию.

Создан он был, не сразу, разумеется, но постепенно, с течением лет, служивших почвою для него благодатной, самыми разными людьми, буквально великим, (здесь не место подсчётам дотошным из области математики, но не жизни конкретной), множеством людей, – причём, не забудьте, пожалуйста, запишите себе, для памяти, на заметку возьмите, среди его создателей, это важно, для вас, отметить, были не только поэты, прозаики, живописцы, композиторы, барды, актёры и так далее, но и те, кто слушали наши тексты на всякого рода чтениях – квартирных, частых, привычных, и более редких, бывших событиями, в институтских, переполненных до отказа, и в библиотечных залах, кто читали и перечитывали тексты эти с листа, заучивали наизусть, а потом в самиздате их охотно распространяли, кто бывали, время от времени, в мастерских у художников левых и видели там, а то и на выставках кратковременных, живопись их и графику свежую, те, кто случали на полулегальных концертах авангардную музыку сложную или всеми любимый джаз, ценители наши, поклонники, собиратели, обожатели, друзья, подруги, приятели, пропагандисты ярые нашего творчества, жертвенные, вдохновенные, незабвенные, люди самоотверженные, искренние, живые, дорогие навек, те самые, которых стало теперь так немного, увы, – те, кому необходимо было и крайне важно всегда всё то, что когда-то мы, их поэты, именно их, и художники, и композиторы, их любимцы, их вдохновители, современники их, создавали.

Сформировалась, как-то незаметно, сама собою, а может, вполне вероятно, по желанию высших сил, почему бы и нет, уникальная, иначе не скажешь, как там ни пытайся сказать попроще, подоступней теперь, среда.

Помимо поэтов, писателей, художников и музыкантов, то есть людей сугубо творческих, личностей, жаждущих проявиться и состояться в этих, таких различных, но в то же время и родственных, несомненно, духовными нитями связанных областях, в неё, как свои, на равных, на таких же, общих для всех, условиях и правах, входили и правозащитники, и священники, и техническая, жадно тянущаяся к искусству русская интеллигенция, и студенчество, и колоритные, самобытные, иногда поразительно яркие люди из самых различных слоёв тогдашнего, пусть и советского, не всё ли равно теперь, как его называть, ведь другого тогда и в помине, вот что, просто не было вовсе, общества.

Было кому показать то, что ты сделал недавно.

Чаадаев не зря говорил: «Слово звучит лишь в отзывчивой среде». Заметьте: отзывчивой. Той, которая отзывается на звучащее слово. То есть – не просто из любопытства или из праздности, что ли, или же, может, из вежливости, нехотя, слову внимающей, но – конечно же, образованной, не случайной вовсе, но – избранной, и внимательной, и понимающей.

Лучше, пожалуй, не скажешь.

Поэтому и большая серия книг моих воспоминаний, вернее, моей, необычной, как нынче знатоки считают, весьма своеобразной прозы, над которой так много я работаю, называется «Отзывчивая среда».

Как теперь, в наши дни, по прошествии времени, отшумевшего незаметно, к тому же немалого, вон их сколько, десятилетий, где-то там, позади, за гранью века, трудного для души и для сердца, бурного, страшного, но родного, нашего с вами, вот что нам забывать нельзя и средь нынешнего междувременья, и в грядущем, если, даст Бог, доживём до лучших времён, определить, когда, как и кем был создан и выстроен в уникальную то ли систему, то ли звёздную россыпь, то ли человеческую, земную, но с небесной защитой, общность разных личностей, разных судеб, разных, в общем-то, биографий, достижений разных, и в слове, и в других искусствах, единый, между тем, для всех нас, особенный, не вмещающийся ни в какие рамки, рвущийся на простор из застенков и из подвалов, прорывающийся сквозь сумбур городской и кремлёвский гнёт к свету, к людям, наш андеграунд?

Может, он был всегда, всюду, на протяжении всего двадцатого, толком не осмысленного, столетия, а может, поди разберись теперь в едва различимых, но доселе живых истоках, он существовал и раньше.

Литературные и художественные течения и группы начала века (акмеизм, футуризм и так далее), обилие всяческих, пёстрых, долговечных и кратковременных, движений, объединений, сообществ, кружков, столичных, а также провинциальных, их расцвет, в двадцатых годах, – это, в немалой степени, тоже ведь андеграунд.

Но он ещё и осознанное, упорное, сквозь невзгоды со стиснутыми зубами, с желваками, с певчими горлами на вселенском диком ветру, в непогоду, среди бездомиц, нищеты, житейских нелепостей, толкотни вокзальной, привальной, с костерком ночным, передышки перед новым рывком вперёд, в путь под звёздами, предначертанный не случайно, и с честью пройденный, с холодком рассветным отчаянья, со свечой извечною чаянья, со свершениями желанными, с обещаньями счастья туманными, с беспросветной тоской, с просветлениями, озарениями, прозрениями, серебром седины, всеобщее, наше, братья, противостояние.

Тут сразу же вспоминается Мандельштам, прозорливец, скиталец, страдалец, судьба которого, сквозь время, сквозь поворот незримой спирали космической, сравнима с судьбой Шевченко, из-

гнанника и провидца, и обэриуты – Хармс и Введенский, и Заболоцкий, и Шаламов, – и вот уже выстраивается, растёт, расширяется звёздный перечень имён, без коих немыслима отечественная культура.

А что такое, скажите мне, мистическое, провидческое творчество, многолетнее, без малейших надежд на издание, хоть когда-нибудь, в жутких условиях, в одиночестве беспросветном горьких дней, Даниила Андреева, если не андеграунд?

А судьба и творчество Анны Ахматовой, гордое, мужественное, с двадцатых до середины пришедших шестидесятых?

А долголетнее, тихое, упорное, вопреки любым катаклизмам, творчество Евгения Леонидовича Кропивницкого, подмосковного затворника и учителя многих славных людей, создавшего, в яви нашей, школу свою?

А над бедами поднимавшее, бескомпромиссное творчество Филонова и Малевича, Татлина, Фалька, Фонвизина?

А Шостакович, с его твёрдым сопротивлением, в музыке, в жизни, жестокому, беспощадному часто, режиму?

А вся история с «Доктором Живаго» – вначале с долгим и мучительным сочинением романа и поступательным, но решительным всё же внедрением текста машинописного в сознание современников (я видел своими глазами пастернаковскую записку, позволявшую, в пятидесятых, одному из моих знакомых получить роман для прочтения, и сам этот акт сознательный, этот жест, широкий и щедрый, – мол, пускай молодёжь читает самиздатовскую, тогдашнюю, второй экземпляр или третий, разберутся, перепечатку, – говорит, безусловно, сам за себя), а потом и с изданием, вынужденным, на Западе, своего, знаменитым ставшего в одночасье, многажды изданного, сокровенного произведения?

Список можно и продолжать, потому что мгновенно, тут же, по вспышке, так я подобные состояния называю, возникают, вдруг, параллели, сопоставления, нити, незримые, прочные, сразу же протягиваются от автора к автору, от читателя к слушателю, от слушателя к зрителю, – и возникает, укрупняется, всё растёт понятие андеграунда, такое, как мы, живущие в начале столетия нового и едва проводить успевшие столетие предыдущее, себе его представляем, – каждый, впрочем, по-разному.

Николай Шатров – (не слыхали? ничего о таком не знаете?) – замечательный русский поэт, и десятая доля наследия которого так и не издана до сих пор почему-то, – вот уж стыдобища для просвещённых соотечественников, ценителей драгоценной поэзии русской! – только я и делал на родине, в меру сил своих и возможностей, публикации в разных журналах, публикации, из которых целый сборник уже наберётся, – ну и слава Богу, – хоть так, пусть читают живое слово, –

Шатров, говорю я с грустью, вспоминая вновь Николая, человек небывалый поистине, по культуре своей, по развитию, по духовности ясной своей, человек просветлённый, особый, ибо дар его был – осиянным, ибо люди, ему подобные, столь редки и неповторимы, – ещё во второй половине сороковых годов и в начале пятидесятых, живя вдали от Москвы, в провинции, в глухомани духовной, писал стихи такой небывалой силы, каких, помимо Ахматовой, Заболоцкого и Пастернака, относившегося к Николаю, замечу здесь, с восхищением и неизменным почтением – несколько позже, когда, наконец, они познакомились и даже, представьте, сдружились, в то схлынувшее в былое навеки, грустное время в России никто не писал, –

но думал ли он когда-нибудь, что это и есть андеграунд?

И знал ли он вообще такое слово? Помилуйте, откуда? Конечно же, нет.

Однако, поэт настоящий, это знающий сам, без подсказок и мнений чьих-то весомых впридачу, он жил, он работал.

Вот так, мой читатель, жаждущий разобраться во всём, украсить вариациями своими, словно в музыке, музыке жизни, прежде времени, скромно звучащую, без фанфар и литавр, многотрудную и без этого грохота, тему, всю в бемолях сплошных, в миноре, в основном, но с мажорной основой, вот что странно, не правда ли, тему, дорогую для сердца, мою, а не чью-нибудь там, то есть кровную, тему личную и трагичную, не без лирики, с примесью эпоса, как обычно я говорю, поясняя что-нибудь нынешним любителям старины, которая, между прочим, права была часто, по-своему, и которую вам осмыслить придётся когда-нибудь, то островками, то порознь, где-нибудь в безнадёжной глуши, на отшибе, да и в столичных коммуналках, – да мало ли где! – создавался, существовал наш отечественный андеграунд.

Время потом всё равно собрало всех в единый сгусток, дало возможность общаться, работать и видеть воочию результаты этой работы.

Остался ли андеграунд в безвозвратно ушедшем прошлом – или, вполне возможно, живёт он и в настоящем?

Да никуда, поверьте на слово мне, он не делся.

Куда ему исчезать? Что за надобность? Что за поспешность непонятная? Что за причуда? Что за прихоть, в конце концов?

Театральность какая-то, право, бутафория, с бархатным занавесом, с устаревшими вдруг афишами, с извещением о закрытии гастролей или сезона, с отзвучавшими и забытыми до поры до времени драмами и трагедиями, оставшимися разве только в памяти зрительской да в актёрском репертуаре, в бестолковом предположении этом, тут же заглохшем, есть.

Исчезновение – мнимость. Условность. Прочерк рассеянный, сделанный кем-то чужим, посторонним, растяпой, ленивцем, давно и привычно скучающим на службе, в тексте, которому жить да жить ещё, без таких вот, ни к селу ни к городу, прочерков, жить да жить, пережить поколения, позабыться, на время, чтобы, разом вспомнившись, оживая, возвратиться, уже навсегда.

Зачем ему пропадать? В каких, скажите на милость, неизвестных, дальних краях? За горизонтом, что ли?

Пропажа – словно продажа. В рабство, может быть? На галеры? Куда ещё? Пропадать – так с музыкой? Тоже бред.

Пропажа – словно поклажа. Тяжёлая. Тяжелее тоски, например, матёрой. И то ведь: была – и нет.

Андеграунд же, пусть не по-русски называется он, пока что, ничего, потерпим, когда-нибудь имя русское он обретёт, – присмотритесь – здесь и повсюду, жив-здоров, да и вам того же пожелать в любую минуту, дружелюбно вполне, готов.

Как в минувшем существовал, так и ныне он существует.

Разумеется, безусловно, я не спорю, само собой, как и всё абсолютно в мире, андеграунд, конечно, меняется.

Новое поколение – понимает его по-своему.

Ну а мы-то, старая гвардия, – понимаем его по-своему.

Каждый так его понимает, как умеет. И каждый – прав.

И любому он, при желании, свой характер покажет и нрав.

Следует помнить о том, что слишком уж многих соратников наших нет, как ни горько с годами осмысливать это, как ни трудно с этим смириться, как ни грустно без них, в живых.

Что ни плеяда, что ни компания –
всюду зияния. Выбыли.
Были в когорте – и выбыли.
Нет их. Люди ушли.
Те, кто выжили чудом, – держатся.
Сызнова надо – выстоять.

Сколько помню себя – выживаю.

И – держусь. И – стараюсь выстоять.

Будучи верен давно уже, не от хорошей жизни вовсе, и не от блажи, не по прихоти, не по причуде какой-нибудь, но по причинам разным, вполне серьёзным, выработанной этике, никому себя не навязываю.

Знаю, что тексты мои всё равно, вопреки преградам и нелепостям всяким наших свободолюбивых дней, превращающихся незаметно в друг за дружкой куда-то идущие, а куда же, да кто его знает, кто подскажет и кто увидит их отток, может быть, в никуда, в пустоту, а возможно, к высотам новым, радужным, долгожданным, подуставшие, битые, тёртые и видавшие виды годы, будут изданы, даже при жизни, не такой, как у всех, моей, непростой, заковыристой, личной, беспокойной, отнюдь не тепличной, но ветрами всеми эпохи неспроста, полагаю, овеянной, драгоценной, творческой жизни, жизни-песни, да, именно так, жизни-сказки, жизни-легенды, жизни жуткой, жизни прекрасной, жизни взрывчатой, огнеопасной, трудовой, поскольку тружусь я, неизменно, упорно, всегда, и горит надо мной звезда, и лежит предо мною путь, и ясна мне порою суть бытия, и вселенной весть, а загадок и тайн не счесть, как и прежде, и новизна яви нашей щедра сполна, почитаема свято правь, и её ты со мною славь, и открыты мне глубь и высь, и созвездья свечей зажглись в память прошлых суровых лет, и в грядущем я чую свет негасимый, – тексты мои, тексты, будем их так называть, и стихи, которых я столько написал, что хватило бы их не только на мост до серебряного месяца, как говорил Хлебников, но и дальше значительно, до Венеры, пожалуй, и проза моя, непохожая ни на кого, необычная, и по пластике, и по ритмам, и по структуре, проза – музыка, проза – поэзия, со своею полифонией и гармонией, со своими стилем, строем, дыханьем, законами, всё, что я написал и, надеюсь, верю, впредь написать сумею, будут изданы и прочитаны.

Знаю твёрдо — правду свою.

Разумеется, как же иначе, ничего не поделаешь, так всё сложилось давным-давно, и нельзя ничего теперь, как ни бейся, переиграть, да и незачем это делать никому, ни мне, ни другим, даже с лучшими побуждениями, потому что, здесь нет секрета никакого, и нечего умные или в меру практичные головы понапрасну ломать, не старайтесь, ничего не выйдет у вас, обойдётся всё без прикрас, без надуманных параллелей, без ненужных и глупых сравнений, надо ль сравнивать, ведь живущий несравним, как сказал поэт, всё хорошее в жизни бывает, как и встреча в романсе старинном, только раз, единственный раз, я и раньше себя относил, что любому, надеюсь, понятно, и доселе себя отношу к своеобразной, но подлинной, вот что важно помнить, культуре нашего андеграунда.

Каково моё положение ныне? Что ж, об этом – скажу.

Ощущение: приближения – к небывалому рубежу.

Состояние: сплошь – рабочее. Трудовое. Труды и дни.

Вижу: время теперь – охочее до других. Я давно – в тени.

Я – затворничаю. Сознательно. Я живу – от всех в стороне.

Только звёзды смотрят внимательно на меня. Да луна в окне.

Только море со мной бескрайнее, как и прежде, накоротке.

Ничего в этом нет случайного. «Я один, и перо в руке».

Так сказал Гумилёв. Одиночество, как и творчество, днесь со мной.

И провидчество, и пророчество – здесь, вот в этой глуши земной.

Речью русскою, исцеляющей от страданий и бед, я жив.

Речью, исстари возвышающей всё, что пел, от людей не скрыв.

Когда меня, почему-то, в течение четверти века не издавали на родине, был я в неофициальной русской культурной среде очень известен, и даже – это было со мной – знаменит.

В эпоху, невероятную, для нынешних поколений, для нового, незнакомого, или, может быть, полузнакомого, на всех нас ни в чём не похожего, с примесью слова расхожего, с печатью нового быта, вместо скудных даров общепита советского, на молодых, без морщин и без шрамов, лбах, но с обильными татуировками на теле, свежего племени, в эпоху, можно сказать, мифическую, героическую, из былин, из легенд, из преданий глядящую прозорливо и пытливо сюда, на всех существующих, по выражению Толи Зверева: «я не живу, я существую», и всех живущих, всё-таки, то есть осознающих себя живущими, самиздатовскую, поистине фронтовую, родную для нас, грозовую, читателей у меня было, и это ведь было, предостаточно, как и слушателей.

Жил я тогда, скрывать нечего здесь, очень трудно, временами настолько трудно, что казалось, труднее уже не бывает просто, ни с кем, в том числе и со мной, но всегда, очень много, в любых обстоятельствах, даже самых жестоких, работал.

У меня было самое главное, неотъемлемое, очевидное и бесспорное, для людей окружения моего, для знакомых и незнакомых, знатоков поэзии, или же просто скромных любителей слова, дорогого для них, живого, пусть неизданного, не беда, ведь оно-то придёт всегда к человеку само, придёт, сквозь бесчасье, и страх, и гнёт постоянный, сквозь сонм преград, и ему будет каждый рад, и оно приходило встарь, и горел среди дня фонарь, и горела свеча в ночи, и звенели впотьмах ключи, открывая за дверью дверь, и спасти от любых потерь нас общение вновь могло, словно вставшее на крыло над просторами всей страны, где стихи позарез нужны были в годы, когда брала в окружение души мгла, но, в бессилии озверев, исчезала среди дерев, растворялась, клубясь, вдали, уходя в никуда с земли, пропадая, сходя на нет, и высокого слова свет побеждал, уж в который раз, всё дурное, чтоб слёз из глаз понапрасну, зазря не лить, прозревая, а значит – жить, быть всегда самими собой, петь, дышать, не спорить с судьбой, ибо линии судеб вновь приводили с собой любовь, и надежду, и веру, впредь призывая смелей смотреть и в грядущее, и вокруг, вот и рос магический круг, или дружеский, или тот, что в бессмертье потом войдёт, чтоб духовную в мире нить протянуть и всегда хранить всё горение наше там, где небесный возникнет храм на крови людской, на земной почве древней, для всех одной, – у меня было самое ценное из всего, что могло только быть у поэта, скитальца, любимца человеческих добрых сердец, им дарящего речь свою щедро, всем, везде, у меня было – имя.

Под настроение, или же, чаще всего, когда-то, в молодости, от безвыходности, мог я приехать в любой город страны, и крупный, и небольшой совсем, провинциальный, тихий, в глухомань какую-нибудь, в райцентр, – и меня там знали, и принимали там, охотно, порою – надолго, что бывало, конечно же, кстати – наконец появлялась возможность отдышаться прийти в себя, пообщаться с единомышленниками, – и потом, с Божьей помощью, снова за труды свои браться – то есть писать, и стихи, и прозу, – те книги, а их немало, где давно уже сказано всё – о себе, таком, каков есть, и о времени, горьком – и всё же драгоценном, прекрасном, чистом, и не чьём-нибудь, а моём.

...Шелестели жёлтые листья под ногами, похрустывал снег в гущине лесной, таял иней по садам, клубилась над шляхом, поднимаясь столбами, пыль, рассыпался песок прибрежный с тихим шорохом в бухте дальней, вместе с плеском волны морской оставаясь в моём сознанье, вызывая воспоминанья, на мгновенье сразив тоской, чтоб воспрянуть столь же мгновенно, поглядев на старые стены, услыхав голоса вдали, чьи-то странные песнопенья, или каменные ступени вверх куда-то меня вели, – был я счастлив, и счастье это стало целой лавиной света, нет, сиянием впереди, и души поднимало крылья, оставаясь целебной былью, и сжимало сердце в груди, и вставали ночами звёзды над землёю, и птичьи гнёзда создавались, из края в край принося повсеместный щебет, лепет губ на заре и трепет слов, и буйство пернатых стай, и цвели хризантемы, или всюду розы с шипами были провозвестницами вестей о таком, что забыть не в силах, что откликнулось кровью в жилах на пороге людских страстей...

В долгий, сложный период скитаний я воочию убедился в том, что я пишу – не напрасно, что стихи мои – людям нужны.

Было столькое видано мною, что казалось это – войною, многолетнею, затяжною, на просторах моей страны.

То с разбитою головою, то затравленный, волком воя, не в ладах с пустою молвою, поднимался я из невзгод.

Сквозь утраты и сквозь обиды, нищий, битый, видавший виды и срывавший покров Изиды с тайн, вставал я и шёл вперёд.

С голодухи мои виденья и бессонные сплошь раденья то сгущались единой тенью, то дробились, роясь вблизи.

С каждым шагом и с каждым взглядом продолжалась борьба с распадом, и казался мне сущим адом на пути поворот стези.

Дом родительский был спасеньем, он единствен-

ным стал везеньем, слов не сдавшихся воскресеньем, чувств хранилищем, навсегда.

Осень, лето, весна с зимою над мирскою цвели чумою, над бессмыслицею немою, вместе с речью, не без труда.

С начала шестидесятых немалое, или, вернее, внушительное число любителей и ценителей поэзии собирали, по частям, по листочкам, каждую мою, рукою моею сделанную почеркушку, всякий мною написанный текст, и порой не где-нибудь, скажем, в музее Литературном, что было тогда невозможным, для меня, да и для музея, и вовсе не у меня под рукою, среди моих многострадальных бумаг, но именно там, у них, находилось то, что нередко мною среди бездомиц, – в силу множества обстоятельств, представляющихся сейчас даже мне, пережившему всё это, фантастическими, чудовищными, небывалыми, зазеркальными и такими даже, в которых выживал я поистине чудом, но, однако же, выживал, восставал из всего, что мешало, что давно уже тяготило, от чего приходилось часто уходить а то и бежать, чтобы где-нибудь там, в глуши, в одиночестве и покое, пусть и временном, и – на воле, что бывала тогда едва ли не важнейшим условием жизни, многотрудной и многогранной, с Божьей помощью, отдышавшись в тишине и в тепле, воспрянув, прозревая, работать снова, – постоянно терялось или забывалось где-то, а то и кое-кем потихоньку растаскивалось, так, на всякий пожарный случай, впрок, – а вдруг потом пригодится? – или даже уничтожалось, из боязни, из вечного страха, чтоб спокойнее жить, такими, что играли только в своих, а на деле были чужими, потому-то так относились и к бумагам, у них однажды мной оставленным на храненье, и к рисункам, и даже к вещам, – и развеивалось годами мною созданное – с ветрами, просквозившими душу, всюду, где придётся, по белу свету, разбазаривалось, воровалось, исчезало, уничтожалось, на помойки тайком выносилось, в клочья мелкие ночью рвалось, торопливо в огне сжигалось, и горело, – да не сгорало! – возвращаясь ко мне – сквозь время – сбережённое, сквозь невзгоды, золотыми, видать, людьми.

Позже мне, как и многим другим современникам, литераторам, издававшимся редко или же находившимся в чёрных списках, то есть вовсе не издававшихся на родине, приходилось, чтобы кормить семью и не казаться властям праздным, что-то там пишущим, в стол, в основном, тунеядцем, которого все считали почему-то, в богемной среде, и давно, серьёзным поэтом, что никак не могло убедить в этом тех, кто жили по правилам общепринятым, твёрдым, советским, по каким-то странным понятиям, с директивами и приказами, со шкалою своих, по указке, продиктованных сверху, ценностей, зарабатывать, честно, упорно, как говорилось раньше, в поте лица, на хлеб переводами разливанной, как море, необозримой, расцветшей в любом ауле, в любом кишлаке, в горах, в долинах, в лесах, в степях, в пустынях и в городах, разноязычной поэзии народов СССР, – переводил я очень хорошо, это быстро поняли, – и в итоге образовалась почему-то целая очередь поэтов, декоративных, в основном, но порой и хороших, из союзных республик, жаждущих, чтобы книги их перевёл именно я, только я, непременно – я, и никто другой, вот ведь как, – но к началу девяностых годов, нежданно для желающих, переводить я, сознательно, прекратил, – пусть и вышло к этому времени уже вроде и вдосталь сборников разных авторов, переведённых мною, столько труда и нервов, из упрямства, на это затратившим, из желания – сделать получше, а вернее всего – по-своему, дать дыханье чужим словам, сделать так, чтобы жили они в речи русской, чтобы звучали и для русского слуха – славно, чтобы лад в них возник певучий, ну а с ладом – и ясный свет.

С восемьдесят седьмого по восемьдесят девятый годы, в кои-то веки, так я скажу, вздохнув грустно и вспомнив долгий, слишком уж затянувшийся, период, когда меня, человека, это уж точно, совершенно аполитичного, живущего только поэзией, только искусством, на родине, мною любимой с детства горячо, вообще не печатали, вышли три мои небольшие, очень скромные, книжки стихов, урезанные донельзя и старательно изуродованные имевшей и в пору бурной, на первый взгляд, перестройки в отечестве нашем, бывшем, вполне законное место и бесчисленные разветвления, по издательствам, и редакциям, и везде, вообще, где следовало цепкий глаз внедрять, для порядка, да ухо держать востро, во избежание всяческих нежелательных отклонений от верного курса, цензурой, и они, эти книжки, вышедшие, наконец-то, казалось многим, но на деле с таким запозданием, преизрядным, не по летам, никакой мне особой радости, разумеется, не принесли.

Груз написанного за несколько полнокровных, в порыве, в полёте, в неизменном движении, вверх, вглубь, и ввысь, и вперёд, к открытиям и прозреньям, в стихии речи, в сонме тайн и гармоний новых, щедрых творческих десятилетий тяготил меня и томил.

Это, к чести их, понимали некоторые мои, надёжные, настоящие, проверенные на прочность, как любили мы говорить меж собою порой, друзья.

Они настояли, буквально, заметьте себе, настояли на издании книг моих, многих книг, в их подлинном виде.

В книгопечатании, вот что важно, как раз к началу девяностых произошли радикальные изменения.

Похоже было на то, что начиналось повсюду, по городам и весям, всеобщее просветление.

То, что ранее напечатать было попросту невозможно, теперь почему-то стало возможным. Вот чудеса!

Смилостивились, наверное, глядя на нас тревожно и участливо, с пониманием, высокие небеса.

Друзья, да ещё и отзывчивые издательские работники, спасибо им, добрым людям, всем, помогли мне издать, одну за другой, небольшим тиражом, так уж вышло, девять книг стихов моих, девять книг, значительных по объёму.

Вернее будет сказать так: это – семь томов стихов моих, в девяти, чередою вышедших, книгах.

Вот названия их, по моей хронологии, начиная с шестьдесят четвёртого, вслед за которым пришло время СМОГа и другие, хоть и тяжёлые, но крылатые времена для меня: «Путешествия памяти Рембо» (в двух книгах, поскольку только так издать удалось), «Возвращения», «Отзвуки праздников», «Ночное окно в окне», том в твёрдой обложке «Звезда островитян», и написанные в девяностых «Скифские хроники» и «Здесь и повсюду» (в двух книгах, крохотным тиражом, не в Москве уже, а в Кривом Роге).

Книги мои – недаром был я уверен в этом ещё в молодые годы свои, молодые, Боже, то есть давным-давно, знал, что когда-нибудь так всё в итоге и будет – к читателям сами пришли.

Читатели же мои – ждали их, терпеливо, надеясь, отчасти на чудо, но больше на справедливость космического порядка скорее, чем на бравурные изменения в жизни общества и строя, тоже давно.

Множество добрых, серьёзных, важных, полезных отзывов, разных, устных и письменных, было на эти книги – от настоящих моих, живущих кто где, и в России, и в прочих, сплошь зарубежных, вот как нынче вышло, читателей.

Кроме кое-каких, урезанных, по привычке, или сознательно, так, на всякий случай, редакциями, воробьиного носа короче, небольших заметок в газетах, никаких статей и рецензий – ничего – о книгах моих – к удивлению и досаде настоящих моих читателей, поначалу лишь огорчавшихся, а потом, постепенно, ставших кое-что понимать, а позже – наконец-то и прозревать, – в периодике нашей, донельзя переполненной новостями на все случаи жизни, дорвавшейся наконец до желанной свободы, многогласной и смелой, не было.

Всё это показательно, даже больше, закономерно, именно в наши дни, в переходное, промежуточное, торопливое время, сейчас, когда, как обычно я говорю со вздохом, не то что понимания, но и внимания, человеческого, простого, в кутерьме сплошной, в суете, в толкотне пустой, в маете, в разобщении, не дождёшься.

И в который уж раз, сознательно, чтобы поняли, что к чему, чтобы в корень глядели, чтобы научились видеть и слышать нити, тропы и струны времени, повторяю я – зрящий, слышащий, – то ли новью земною днешней, то ли кровью людской кромешной, то ли явью, почти нездешней, отзывающиеся слова: не случайно, совсем не случайно самое что ни на есть распространённое ныне выражение – без лица, без нутра, без голоса, – «как бы».

Как бы время. Как бы свобода.
И так далее. Вот она, мгла! –
в маске – встала над мутной водою,
обернулась – разрухой, бедою.
Что – в пространстве, под смутной звездою?
Пепел, угли, смола да зола.
Да столетье – родное, седое.
Да разброд. Рубежи – чередою.
Да сиянье – вдали – золотое.
Да остаток земного тепла.

Начиная со знаменательного, для меня, а может, и знакового, девяносто первого года, живу я, став поневоле затворником, даже отшельником, так привыкли считать, ну и ладно, пусть считают, не всё ли равно, мне-то что, в основном в Коктебеле.

В Москве, из которой стремительно и едва ли не навсегда, на глазах у всех, на виду, в какую-то эмиграцию запредельную, что ли, куда-то в Зазеркалье, как можно дальше, уходит, махнув рукою на прощанье, высокий дух, оставляя всех нас в сиротстве новоявленном, непривычном, страшноватом для душ, лишённых прежних крыл, я бываю редко.

Так редко, что проще, пожалуй, сказать: почти не бываю.

Обстоятельство это дало подходящий, удобный повод моему знакомому давнему, поэту, весьма известному, Жене Рейну, как-то, наверное, не без умысла, скрытого слишком примитивно, под настроение, что возможно вполне, заявить, и не где-нибудь вдалеке, но, представьте, здесь же, поблизости от меня, у нас, в Коктебеле, то есть буквально в нескольких, всего-то, шагах от меня, – говорю об этом сейчас и ещё говорить намерен, потому что это – не шуточки, потому что это меня и задело, и даже ранило, потому что это иначе как безобразием и назвать-то мне никак, поймите, нельзя, – так и есть, безобразие просто, безобразие, да и только, – показательно для «как бы времени», – а для Рейна – что же? – привычно? органично? в порядке вещей? – сомневаюсь, – да кто его знает, если так вот, вдруг, между прочим, преспокойно он мог заявить:

– Алейников исчез с литературного горизонта.

Я, конечно же, возмутился.

Даже в ярость пришёл тогда.

Что это за нелепые, необдуманные заявления?

Так, лишь бы брякнуть что-нибудь на людях, между прочим, вскользь, чтобы сразу поняли: всё-то он, Женя, знает?

Что это за всезнайство липовое? Зачем ему всё это? Да, к тому же, это ему не идёт.

Вроде бы, человек серьёзный, действительно знающий, литературу, положим, или кинематограф.

Импульсивный, понятно, мнительный, ревни-

вый, с кем не бывает, навёрстывающий упущенное, но хороший ведь человек.

Талантливый, даже очень. Чем же он озабочен? Тем, что давно с ним не виделись? Ну, возьми да в гости нагрянь.

А тут сам, зачем, неведомо, словно вполне осознанно, взял да провёл меж нами ненужную, острую грань.

«Исчез!» Подумать ведь только! Да ещё и «с литературного горизонта»! Ну и бредовое, выспреннее выражение!

Что-то со вкусом нынче, с точностью изъяснения у знакомых моих происходит. По верхам сплошное скольжение.

Никуда я не исчезал.

Только и делаю, что работаю да работаю.

Пишу, как и прежде, стихи, прозу, воспоминания.

Люди – мои читатели – сами ко мне приходят.

И книги мои – выходят.

Впрочем, несколько позже, со временем, которое, как утверждают издревле, действительно лечит, со временем, проясняющим изречённые мысли, дабы отчеканить их, по возможности, по способностям человеческим и потребностям, неминуемым, хоть единственный раз, в слова, тот же Рейн, уже с пафосом явным, и не только с пафосом, но и, как почудилось мне, с убеждённостью, даже больше – по-человечески, честно, искренне, ясно, просто, говорил, какой я великий – для него – человек и друг, да ещё – какой я великий, как он, Женя, считает, поэт.

Вот какие, увы, перепады, непредвиденные, с парадоксами, в настроениях у знакомых и в самом выражении этих настроений загадочных, скачущих ртутным столбиком, – в слове – бывают!

Но это – ещё цветочки.

Ягодки – впереди.

Это просто-напросто меркнет перед вырвавшимся на волю из глубин души, где, возможно, даже в полдень были потёмки, озадаченным восклицанием другого, и тоже давнего, знакомого моего, ранее, в годы советские, – известного правозащитника, борца с режимом, упрямого, несгибаемого, с характером, нынче – довольно известного российского, из лагерей вырвавшегося прозаика, Лёни Бородина, которому я однажды, году в девяносто четвёртом, припомнив былое, припомнив общение наше, хорошее, дружеское почти, в нелёгкие для обоих восьмидесятые, как-то, расчувствовавшись и сразу же, конечно же, разволновавшись, поскольку всё близко к сердцу принимаю, так уж устроен, разыскав среди старых записей поистёршийся номер его телефона домашнего, голос услыхать захотев, узнать – как он, что с ним, здоров ли, пишет ли, издаёт ли теперь свою прозу? – взял да вдруг, по чутью, по наитью, как бывает всегда, позвонил.

Он с ходу воскликнул:

– А мне сказали, что ты умер!..

Вот уж, иначе не выразишься, поистине чудеса!

Ну, сказали тебе, допустим, да мало ли что говорят столичные безобразники, так, чего уж проще, возьми да позвони, спроси у близких моих, узнай сам, не с чужих, услышанных от кого-нибудь где-нибудь слов, где я, что со мной, лично, сам, удостоверься, что жив.

И такое, как видите, нынче, в годы мнимой нашей свободы и жестокого разобщения человеческого, бывает.

Ничего не поделаешь. «Редко, но бывает». Пора привыкать?

Но – к чему? К абсурду и бреду? И кого в этом нам упрекать?

Лишь одно меня утешает: не случайно, знать, говорят, что, согласно поверью старинному, если думают почему-то, что ты умер уже, это значит – долго будешь ещё ты жить.

Хорошо бы, коль откровенно говорить, пожить мне подольше.

Для того, чтобы сделать больше.

Чтобы замыслы – вон их сколько, и не счесть, поди, сразу – свои, как всегда – не как у людей, раз-два, и обчёлся, и хватит, нет, куда там, с размахом, с полётом, средь стихий, измерений, времён, и пространств, и тайн, и наитий, и открытий, среди гармоний, – максималистские, да, только так, и никак не иначе, искони, и навеки, в слове, в зрелых-то, это уж точно, своих, с трудами, столь нужными для души, привыкшей, давно уже, день за днём, упорно трудиться, летах находясь, воплотить.

Не случайно, ох, не случайно Чуковский Корней Иванович говорил, что в России писателю долго жить надо. Прав он. Теперь его стал и я наконец, прозревая, возмужав, погрустнев, понимать.

Долго – значит, не для безделья, не для прихотей, не для блажи, даже здесь, в глуши киммерийской, или, может, в прибрежном раю, где живу я, седой, бородатый, скиф, певец эпохи, треклятой и прекрасной, светом объятой сквозь туман, а для многих трудов.

Для того, чтоб дыхание речи, по возможности, в мире продлить.

Долго – стало быть, не в одиночестве, даже в горечи дней, а с Богом.

Как бы время рождает новые, в годы прежние невозможные, как бы правила, как бы надежды, как бы – вроде бы – отношения.

Увы, это вовсе не время, помнить надо, а междувременье.

Одной ногой – мы стоим в прошлом, другой – пытаемся шагнуть, шатаясь, вслепую, наугад, не упасть бы, в будущее.

Старые ориентиры – далеко позади, а новые – надо ещё разглядеть.

Привычное уединение и светлая сосредоточенность, пушкинские, подтверждённые опытом

всем, оправданные каждым словом, покой и воля – вот что нужно мне, давно уже, с юных лет и доселе, всегда и везде, для работы моей.

Оттого я и в пору безвременья, при малейшей даже возможности, уезжал из Москвы и работал, в основном — в родительском доме, в Кривом Роге, на Украине, где я вырос, где почва моя, где истоки, где родина речи.

Теперь я живу годами в доме своём, у моря.

Всегда я мечтал об этом – и это всё же сбылось.

В нынешнем, какбывременном, грязноватом и неразборчивом в средствах при достижении цели, меркантильной, обычно, хаосе участвовать я не желаю, брезгую, руки потом ведь не отмоешь, в него соваться незачем, нет, нельзя категорически, в нём гибельная закваска, болотная мешанина, – да, к тому же, мне просто некогда.

Мне идёт, как ни грустно такое вспоминать, как ни трудно об этом говорить, пусть нечасто, вкратце, как ни странно, седьмой десяток, и надо, в моём-то возрасте, ещё очень многое сделать.

Конечно, что есть, то есть, и факт остаётся фактом, ничего не поделаешь с этим, да и делать, если пошло на то, ничего не надо, нет в этом нужды никакой, мало ли что бывает на свете, в мире, с глобальным подходом к простым вещам, да и сложным, до кучи, понятиям, андеграунд – не весь, разумеется, частично, в отдельных случаях, весь-то вряд ли на это купится, потому что живы понятия, до сих пор, о долге и чести, о горении и призвании, и не стёрлась всё-таки память о великом братстве богемном, и не выжжены идеалы прежних лет железом калёным отношений нынешних, новых, с их тусовками и разборками, с их практичностью и циничностью, и непросто, с их непривычностью, нам навязанной, выживать, и приходится не сдаваться, монстров сонмам сопротивляться, – превратился в истеблишмент.

В любые ведь времена кто-то да продаётся, кто-нибудь да пристраивается поудобнее в этой жизни.

Велик и коварен соблазн остепениться, быть, дорвавшись до выгод и благ, вроде бы уважаемым.

Только – ну-ка признайтесь – кем? Липовыми почитателями?

Обществом? Каково это хвалёное общество?

Дух покидает нередко таких вот бывших соратников.

На смену былому горению – приходит жалкое тление.

Никого я не осуждаю, ибо каждому ведь своё, каждый волен, если приспичило, поступать, в наши дни, по-своему.

Нельзя – изменять себе.

Нельзя – выдавать, лукавя, желаемое за действительное.

Нельзя – хорохорясь, работать на потребу псевдокультуре.

В грядущем – «как слово наше отзовётся»? Вопрос – на века.

Ответа – не слышно. То-то и оно, как любят порою приговаривать люди простые, далёкие от искусства, но близкие, ближе некуда, к повседневности, к жизни, к яви.

В искусстве всегда должно быть – «то», а вовсе не «то-то».

На то оно и искусство.

Поневоле снова, с улыбкой, и со вздохом, вслед за улыбкой, и с прищуром грустным сегодняшним, вспоминаю один эпизод.

И ещё, при случае, вспомню.

Может, я говорил об этом где-нибудь? Ну и что с того?

Никакой это не повтор.

Это, прежде всего, – утверждение моей собственной, личной, позиции.

Однажды в ПЕН-клубе, где я, человек, далёкий от всяческой суеты, групповщины, казёнщины, канцелярщины, официальщины, состою, в числе разновозрастных, разномастных российских писателей и поэтов, бывших властителей дум и нынешних посетителей презентаций и премиальных церемоний, мои знакомые, почёсывая затылки облысевшие, протирая запотевшие в духоте, в толкотне, в болтовне, повальной, непотребной, стёкла очков, гадая, недоумевая, вопрошая обескураженно, почему это я, в недавнем, сравнительно, прошлом, такой, – несмотря на то, что меня, при советской власти, в отечестве четверть века не издавали, но потом-то, в свободной России, всё же вышли книги мои, их читают, их любят, ценят, – широко известный поэт, даже, можно сказать, знаменитый, ну, по-своему, да, но всё же, здесь, кого ни спроси, да припомнят, поднапрягшись, тряхнув стариною, непременно, строки мои, – затворником натуральным живу вдали от Москвы, твердили мне, поднимая назидательно указательные заскорузлые пальцы свои, головами качая в такт, выразительно, укоризненно и сочувственно глядя в глаза или, чаще, куда-то глядя мимо глаз: надо быть на виду, надо, принято так сейчас тусоваться, иначе забудут, или, в лучшем случае, станут, все, так проще намного, и легче, и спокойней, считать блаженным.

И тогда, все доводы выслушав, я ответил знакомым так:

– Хорошо, считайте меня блаженным. Но тусоваться, вместе с вами, теряя время, просто некогда мне. Я работаю.

И знакомые отшатнулись от меня – и простёрли руки к небесам – и седые головы предо мной склонили они.

И смотрели мои знакомые на меня, как, наверное, смотрят на пришельца с другой планеты в их, с тусовочной практикой, дни.

Был навсегда закончен переговорный раунд.

Жить – не учили больше.

Это ли не андеграунд?

Спас ли, ежели громко, с пафосом неминуемым,

об этом сказать, андеграунд, наш, разумеется, русский, вовсе не заграничный, лишь о нашем веду я речь, нашу, могучую, русскую, лишь о ней моё слово, культуру?

Да, он самый, такой-сякой, руганный-переруганный, обвиняемый ретроградами во всех возможных грехах, порицаемый, осуждаемый всеми, оптом, кому не лень, изучаемый с запозданием преизрядным, и то по верхам, наобум, понаслышке, вслепую, прославляемый с осторожностью, уж как водится, задним числом, всё же помог ей выжить.

Предпринял ли он, андеграунд, отечественный, конечно, хоть когда-нибудь, определённые усилия для разрушения её, культуры отечественной, традиционного кода?

Разрушители были и есть, как известно, во все времена, при желании можно их счесть, но на деле-то грош им цена, а в будущем – лишь презрение наших, умных, надеюсь, потомков.

Важны всегда созидатели, их не так уж много, — но всё-таки они, созидатели, русскую культуру, в который уж раз, настрадавшись при жизни, спасли, продлили её дыхание.

Спросит кто-нибудь: каковы были – если такие были – отношения между нашим андеграундом и «публикующейся» литературой, – шире, чтобы всё охватить, – искусством?

Традиционный вопрос.

Понимаю, что без него, лежащего на поверхности, встающего перед глазами у нынешних культурологов, – так теперь называют этих толкователей, подводящих базу некую под любое направление и движение, шаг, и жест, и шёпот, и крик, всё годится, был бы предмет для того, чтоб молоть языком, рассуждать о том да о сём, с умным видом, всё обосновывать, сочинять статьи, даже книги, притворяясь, что разбираются лучше всех они в месиве этом, – наподобие странного знака, из пространств ледяных Зодиака к нам, на Землю, порой слетающего, почему-то напоминающего то басовый ключ, то скрипичный, то какой-то штрих нетипичный, то, из надписи на заборе старом, буквы, известные всем, то фетиш, то дикарский тотем, то египетский иероглиф, вроде шахматного ферзя, то шуруп, – ну никак нельзя.

Говорить за других – не буду.

Полагаю, что сами они, хоть однажды, способны высказаться.

Посему – скажу о себе.

Начиная с давних времён, с шестьдесят второго ещё года, от официальных литераторов, от поэтов, широко известных тогда, в основном, в том числе и действительно хороших, и авангардных, по тогдашним, с восторженным тоном, в разговорах о них, торопливо, иногда, на глазок прикинутым восхищённой публикой, меркам, и советской ругательной критикой, словно в сказке, мгновенно, стремительно, до небесных, почти, высот, вознесённых, вроде Миколы Винграновского на Украине или сверхсовременного, левого, с молодецким задором, героя и звезды, на унылом фоне прочих, слишком традиционных, в большинстве своём, устаревших безнадёжно, прежде всего для читающей и бунтующей, ждущей звёздных своих билетов, романтической молодёжи, к новизне устремлённой, Андрея Вознесенского, в притягательной для наивных провинциалов, на семи холмах своих вставшей посреди империи грозной, многобашенной, краснозвёздной, благосклонно стихам внимавшей, нам казалось тогда, Москве, да от всяких, не называть ведь всех подряд, слышал я когда-то о себе и своей поэзии вдосталь очень хороших, лестных, а порой и самых высоких, выше некуда просто, слов.

Поэт, почитаемый мною, настоящий, знающий цену слову, Тарковский Арсений Александрович, не случайно, видимо, но со всей присущей ему серьёзностью, в любых своих, чётких, веских, сжатых, обдуманных фразах, репликах и суждениях, произносимых им твёрдо и независимо, в любых, где бы ни был он, даже вовсе не кабинетных, но почти фронтовых обстоятельствах, ещё в шестьдесят пятом и шестьдесят шестом годах, в период гонений на меня, по причине разгрома разгневанными властями легендарного нашего СМОГа, встав на мою защиту по собственному почину и проявив при этом небывалую силу духа, втолковывал официальной, чуждой ему совершенно, злобной, жаждущей крови, писательской шатии-братии, что в стихах моих «каждая строчка гениальная», что меня следует не губить, а поддерживать и беречь.

На моём, для всех неожиданном, устроенном как-то спешно, по чьему-то, видать, указанию сверху, чтобы взглянуть на меня, заодно и послушав, что же там я пишу такое, что шум неумолчный вокруг меня и не думает угасать, но, скорее, наоборот, разрастается непрерывно, раздражая кое-кого, удивляя и озадачивая, да всё чаще, авторском вечере, прямо в логове вражьем, в «гадюшнике», так его называли все мы в середине шестидесятых, то есть прямо в Центральном Доме Литераторов, то есть тогда же, в отдалённые, уходящие постепенно в область преданий, в мифологию, озарённые молодою моею славой, незабвенные времена, в феврале шестьдесят шестого, те, кто слушали, как стихи свои всем собравшимся здесь читал я, то вздыхали от чувств нахлынувших, то слезу пускали украдкой, то, совсем не скрываясь, плакали, выражали бурно своё восхищение, и наиболее потрясённые ими услышанным почему-то упорно и слаженно, будто слова другого, попроще, не могли второпях подобрать, чередою, один за другим, называли меня «самородком», что, по их представлениям, видимо, представление всем давало о таланте моём, полновесном, и – каком же ещё? – золотом, называли – как обзывали, а казалось

им – величали, – ну а некий особенно пылкий, возбуждённый, взъерошенный слушатель вдохновенно с места вскочил – и, рукой на меня указывая, как отрезав, громко, уверенно, зная дело, видать, со значением, с медью в голосе, с блеском в глазах, со слезою, впрямь различимою на его румяной щеке, огорчительно броско, актёрствуя, слишком прямолинейно, подчёркнуто и торжественно всем заявил:

– Кого мы, товарищи, видим перед собой сейчас? Мы видим, товарищи, нашего простого советского гения!..

И так бывало когда-то, встарь. И не только так.

По-всякому, так скажу я теперь, когда-то бывало.

Да мало ли что – если вспомнить хорошее – почему же не вспомнить хоть иногда об этом? – в прежние годы, во мгле бесчасья глухой, где жили мы все, и в годы, когда посветлее стало вокруг, – обо мне говорили?

Если даже десятка три в превосходной степени выдержанных, тех, давнишних, серьёзных высказываний – о стихах моих – исходящих от писателей официальных, здесь, в столбец, попробовать выписать, то займёт это всё, пожалуй, не один десяток страниц.

Для себя – ни выгод, ни благ никаких не извлёк я из этого.

Мне и в голову не приходило – что-то там, для себя, – извлекать.

Говорят – значит, так считают.

Ну и ладно. Пускай считают.

Это – личное – их – мнение.

Это – личные, их, – похвалы.

Мне же следует – двигаться дальше.

Мне же – надо просто работать.

Что и делал – в годы былые.

Чем и занят – в зрелых годах.

Мнение о моём творчестве сформировалось в бурный и ослепительно яркий период СМОГа.

Да так, почему – неведомо, не загадка ли это, в памяти некоторых современников, и остался я, это надо же, автором молодых своих писаний, стихов, которые они до сих пор не усвоили и не осознали, – что уж говорить, да и с кем говорить, о моих, недоступных, видимо, для сознания их, необычных, и по форме, и по содержанию, с максимальной, светлой, оправданной и единственно верной свободой в каждой фразе, полифонией, тяготеньем к синтезу, пластикой, речью, с музыкою в родстве, смелой ритмикой, долгим дыханием, по чутью, по наитью созданных, как всегда, позднейших писаниях?

Из писателей официальных толком никто никогда ничем – кроме добрых слов порою, сказанных искренне, а то и написанных даже, в письме, например, обнаруженном этак лет через двадцать, тридцать, случайно, когда бумаги уцелевшие я разбирал, – мне, беззаконной комете в кругу, расчисленном кем-то, разнообразных светил, сомнительных, тускловатых нередко, призрачных даже, как месяц дневной, фантомных, типичной белой вороне, заезжему странному гостю, пришельцу инопланетному в компаниях и группировках, везде, где свои понятия были о том да о сём, свои блюлись интересы, задачи житейские ставились и творческие свои, свои выдвигались лидеры, свои достигались цели и средства любые годились для этого, – не помог.

Да и я никогда ни к кому с просьбами о пристройстве текстов своих, со времён юности, не обращался.

Хоть куда-то? Лишь бы – в печать?

Лишь бы где-то – публиковаться?

Просить об этом – кого-то?

Зависеть – вдруг – от кого-то?

Нет. Не в моих это правилах.

Этика наша, тогдашняя, но, скорее всего, всегдашняя, не позволяла идти на поклон к неприятным людям, обивать пороги редакций, унижаться, обиды терпеть от чиновников и прощелыг, от разнузданных псевдоумников.

Чтобы тексты мои читались, попадали в хорошие руки, мне, в течение долгих лет, слишком долгих, так уж сложилось, по судьбе, что же делать, было достаточно самиздата.

Мне всегда была дорога независимость, ну а нынче, в дни таких испытаний на прочность, что подумаешь: Боже мой, ничего себе времена, и поди гадай, отрываясь от своих трудов постоянных, ненадолго, чтоб, отдышавшись и встряхнувшись, их продолжать, что труднее и что дороже, старина ль, где были мы вхожи в наших грёз и надежд чертоги, или то, что пришло в итоге и чертоги крушить принялось, и незнамо что началось, распоясалось, раскрутилось, расплодилось и раздробилось, разгулялось в лихом галопе, точно в детском калейдоскопе всех деталей цветастых рой, кто за этой стоит игрой, что встаёт впереди, в туманах, что в сплошных предстоит обманах отстоять, утвердить, сберечь, и чему же порукой речь, и кого же она спасает и по-прежнему не бросает, и откуда ветер такой над безмерной моей тоской, над бездонной морскою бездной поднимается, с мукой крестной, по старинке, накоротке, и откуда цветок в руке, хризантемы осенней ветка, и какая стезя нередко приведёт на порог печали, и зачем головой качали облетевшие тополя, и куда повернёт земля всех радений былых и встреч, и зажгутся ли сонмы свеч в разобщенье земном, где миг понимания столь велик, что с вселенной сравнялся вдруг, и разъялся незримый круг, и духовные нити вновь протянулись, и есть любовь, чтобы их на заре скрепить да криничную воду пить в глухомани моей, в тиши, что надёжнее для души, чем столичная кутерьма, и расцвет моего письма продолжается сквозь распад, раем сделав кромешный ад, чудом сделав окрестный бред, и целебный забрезжит свет впереди, за горами, там, где негаданных вдосталь

драм, где трагедий и впрямь не счесть, где грядущего чую весть, благо явь с давних пор со мной, и прозренье придёт с весной, чтобы петь, словно в первый раз, в ясный полдень и в добрый час, – ничего себе времена, и какие встарь семена были брошены в почву нами, чтоб взошло над ростками пламя, и развеялось, и ушло, и расправленное крыло не обуглилось, и весло не сломалось на лодке где-то, и настало для мира лето просветления, после гроз, и сказал бы я всем всерьёз, что в единстве живём давно и в родстве с тем, что нам дано, и дорога сквозь век долга, – тем более дорога.

Разрешённая, официальная литература, и, в паре с нею, искусство, такое же, разрешённое, официальное, – и наша среда, в которой была, да и есть, и останется, наша литература и наше искусство – два разных, таких далёких, что дальше некуда, вроде, лагеря, – нет, если официальщину всякую называть можно сегодня лагерем, что вполне для неё годится, то нам, пожалуй, пристало имя другое – стан.

Стан – в этом нечто звёздное, раннее, но и позднее, дали, да небо грозное, воля, порыв, разбег.
Свет и полёт, горение, чувств и речей дарение, жизнь, вопреки старению, взгляд из-под влажных век.
Свечи в ночи, молчание, тёмных теней качание, долгое вновь прощание, ветер, уменье ждать.
Встреча в пути нежданная, осень, пора туманная, верность, весна желанная, гордость и благодать.
Стан – это круг живой.
Сад с золотой листвой.
Стан: драгоценный сон.
Стан. Или, может, – стон?
Стан: отрицанье стен.
Стень. Или – кровь из вен.
Стан. И над ним – звезда.
Творческая среда.

Никогда не был я перебежчиком, никогда не пытался подладиться к чему-нибудь, чуждому мне, противному, неприятному, отвратительному, ненужному, ради мнимых каких-то выгод и дешёвых базарных льгот, в общей стадности, групповщине, по какой-нибудь там причине пребывать, от кого-то зависеть, изловчиться, как-то подстроиться – к чему и кому? зачем?
Одиночество – мне по нраву.
Я имею на это право.
В этом – доблесть моя. И слава.
Путь в грядущее. Насовсем.

Был всегда я сам по себе.
И за всё – спасибо судьбе.
Потому что она – моя.
Вместе с клеймами жития.
Образ времени. Голос. Речь.
Всё, что с детства сумел сберечь.
Всё, что создал – во мгле земной.
И поэтому Бог – со мной.

Литературоведам и нынешним искусствоведам, людям, с большим запозданием идущим за нами следом, всяким, и потолковее, и по верхам глядящим, чающим пустословия, с умничаньем скользящим, амбициозным часто, вот, мол, они зубасты, многого просто не знающим, что-нибудь вечно хающим, что-нибудь возвышающим, что-то за всех решающим, удобно сбивать нас в стаи, в какие-то группы, течения, вроде организаций общественных, с канцелярским, компьютерным и чернильным неистребимым душком, – так им проще намного, привычнее, так спокойнее, по традиции, устаревшей давно, замшелой, только нет им до этого дела, только что им чей-нибудь смелый взгляд на вещи, им недосуг разбираться во всём, что было, что дышало в полную силу, что наполнило кровью жилы, чьею новью светло вокруг, так, на всякий случай, надёжнее, так удобнее, прежде всего.

Но литературу, искусство и в былые года, и теперь, в наше с вами, вроде свободное от нелепых оков и запретов, от всего, что мешало дышать, петь, работать, рваться в пространство, познавать этот мир, в котором, слава Богу, все мы, земляне, современники и соратники дорогие, доселе живём, а на самом-то деле сложное, как и прежде, как и всегда, как и в будущем, полагаю, тоже будет когда-нибудь, время, создавали и создают – личности, единицы.

При любых обстоятельствах я, искони, всегда и везде, на юдольном пути, ведущем к заповедной звезде, стремился, восставая из бед упрямо, воскресая в огне, встречая новый день, словно дар небесный, оставаться самим собой.
Разрушению мира я противостою – словом.

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОМСКА

(март-октябрь 2018 г.)

22 марта с 17-30 до 19-00 в литературной гостиной омского Дома радио состоялся вечер, посвященный Дню поэзии. Посетители вечера услышали стихи **Михаила Кузина, Вероники Шелленберг, Александра Тихонова, Ирины Гореловой, Андрея Ключанского, Николая Кузнецова, Алексея Декельбаума,** песни омских бардов **Владимира Шорохова, Дмитрия Юферова, Елизаветы Витман** и других. Мероприятие прошло в тёплой, непринуждённой обстановке, зрители и участники получили большое удовольствие. Запись литературного вечера транслировалась по омскому телевидению.

30 марта в 15.00 в ***Омском государственном литературном музее имени Ф.М. Достоевского*** состоялись юбилейный вечер и открытие выставки ***«Омск и омичи в музыке Льва Фёдорова».***

Лев Викторович Фёдоров – автор музыкально-поэтического проекта ***«Созвучие нот и слов»***. В его основу положены песни и романсы на стихи известных омских поэтесс: **Т. Четвериковой, В. Ерофеевой-Тверской, М. Безденежных, С. Курач, Е. Кузнецовой, И. Романчи, А. Соляник.** Они стали Малой Антологией омской поэзии и своеобразной экскурсией по историческим местам Омска.

На юбилейном вечере в исполнении солистов **А.Ракитиной, Е. Новиковой, Е. Максимовой, С. Прянзерского** прозвучали песни **Л.В. Фёдорова** на стихи омских поэтесс.

Участники мероприятия смогли посетить выставку, посвящённую **70**-летию Л.В. Фёдорова. На ней были представлены фотографии, рукописные нотные листы с первыми работами композитора, музыкальные диски, афиши, награды.

Весной 2018 года в Омске состоялись музыкальные, кино– и театральные фестивали.

Одним из ярких событий марта стал **V Фестиваль Новой музыки**, который проводится в рамках программы Министерства культуры Российской Федерации ***«Всероссийские филармонические сезоны»***, который прошёл в Омске с **15** по **29** марта. В программе фестиваля – три вечерних концерта и два дневных.

Весеннюю серию концертов продолжил **Симфонический оркестр Мариинского театра** под управлением **Валерия Гергиева**, который выступил в Омске в рамках ***XVII Московского Пасхального фестиваля***. В Омске прославленный коллектив выступил **20 апреля** в ***Концертном зале Омской филармонии.***

С **10** по **12 апреля 2018 года** в ***Омском государственном литературном музее имени Ф.М. Достоевского*** прошёл VI региональный конкурс чтецов омской поэзии ***«Стихов пленительная сладость»***. Впервые конкурс стартовал в **2013** году, и с тех пор его участниками сотни школьников и студентов из муниципальных районов и областного центра.

В музее им. Ф.М.Достоевского рассказали, что в **2018** году в своём выборе юные участники отдали предпочтения стихотворениям **Роберта Рождественского, Тимофея Белозёрова, Аркадия Кутилова, Татьяны Четвериковой и Ольги Григорьевой.**

Этапы конкурса проходили **10**, **11** и **12 апреля**, а церемония награждения участников VI регионального конкурса чтецов «Стихов пленительная сладость» состоялась в музее **20 апреля 2018 года в 14.00.**

15 апреля 2018 года в Омск прибыли организаторы и участники литературного автопробега ***«Великая Россия»*** по российским городам и по ближнему зарубежью - писатели из Липецка.

Липецкие поэты познакомили омичей со своим литературным журналом ***«Петровский мост»***, омичи в ответ преподнесли гостям свою печатную продукцию. Гости ответили на разные вопросы омских авторов. Также состоялась совместная экскурсия на выставку миниатюрной книги **Анатолия Коненко**. Поэты из Липецка отметили гостеприимство омских коллег и высказали свои прекрасные впечатления о красоте омских улиц – Любинского проспекта и ул. Чокана Валиханова, где они успели побывать до встречи.

19 апреля в 15:00 в Библиотечном центре ***«Культура Омска»*** состоялась встреча с президентом регионального общественного фонда ***«Духовное наследие»*** **Леонидом Константиновичем Полежаевым.**

Деятельность фонда – это продолжение работы, которую Леонид Константинович вёл на посту губернатора Омской области. Гость библиотеки рассказал об основных направлениях работы фонда: возрождении духовности, культуры, искусства, архитектуры, традиционной религии, межэтнических отношений на территории региона. Леонид Константинович ответил на вопросы, связанные с исследовательской и издательской работой фонда.

Среди книг, вышедших при поддержке фонда, многотомный альманах ***«Тобольск и вся Сибирь»,*** книга-исследование ***«Свято-Ильинский Собор»***. В **2017 году** выпущено уникальное издание – сборник стихов, записок, рисунков **Аркадия Кутилова** ***«Памятник моей усталости»***. Все эти великолепно изданные книги, переданные в дар фондом ***«Духовное наследие»***, представлены в фондах омских муниципальных библиотек.

19 апреля в 10:00 в ***Центре книжных памятников Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина состоялся круглый стол «Культурное наследие Сибири: проблемы методологии и историографии»***, посвящённый **25**-летию со дня основания ***Сибирского филиала Российского института культурологии (ныне – Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва).***

Прошедшие **25** лет ознаменовались заметными достижениями в деятельности филиала. Это выразилось в формировании творческого коллектива исследователей, организации и проведении почти **200** международных, всероссийских и региональных научных мероприятий, издании более **300** монографий и сборников научных трудов, **45** номеров научного общероссийского журнала ***«Культурологические исследования в Сибири».***

В рамках круглого стола запланировано обсуждение проблем взаимодействия академической и ведомственной гуманитарной науки, исторической урбанистики и культурологии города, культурного наследия, исторической памяти, гармонизации межнациональных отношений и других. Были подведены итоги научной деятельности Филиала и намечены перспективы будущей работы.

На круглом столе были зачитаны следующие пленарные доклады:

• Томилов Н. А. (Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского). Гуманитарные исследования омских учёных в рамках Российского института культурологи.

• **Алисов Д. А**. (Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва). Роль и место Сибирского филиала в городоведческих исследованиях.

• **Селезнёва И. А.** (Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва). Культура народов Сибири в исследованиях Сибирского филиала.

• **Фурсова Е. Ф.** (Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН). Становление и развитие отдела этнографии в Новосибирском научном центре (**1960 – 2000**-е гг.)

• **Генова Н. М.** (Омск, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского). Региональная культурная политика: современные реалии.

• **Шелегина О. Н.** (Новосибирск, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук). Наследие и идентичность: исследовательские и социокультурные тренды.

• **Чуркин М. К.** (Омск, ОмГПУ). Колонизация Сибири как национальная травма: историческая память «субалтернов» и каналы её репрезентации.

• **Сорокин А. П.** (Омск, ОГОНБ имени А. С. Пушкина, Омский филиал Российского фонда культуры). Общественная деятельность по выявлению и паспортизации объектов культурного наследия в городе Омске в современный период: проблемы и перспективы.

• **Рыженко В. Г.** (Омск, ОмГУ). О новых направлениях в изучении локальных культурных пространств.

• **Бережнова М. Л., Золотова Т. Н.** (Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, Омский государственный университет им. Ф. М.Достоевского). **25** лет научной жизни и творчества на сибирской земле (доклад-презентация).

25 апреля 2018 года *Научная библиотека ОмГТУ* провела встречу с омскими поэтами **Ириной Гореловой** и **Олегом Клишиным,** лауреатами премии Ф.М.Достоевского (Омск), членами Союза писателей России.

Олег Клишин – подполковник внутренней службы в отставке, председатель совета ветеранов ФКУ ИК-**3** УФСИН России по Омской области – является автором поэтических сборников «Выход» (2000) и «Круговая порука» (2007), «Вычитаемый век» (2015), многочисленных журнальных публикаций, в которых выступает и как поэт, и как критик. Кроме того, Олег Николаевич в середине 2000-х на общественных началах был редактором журнала «Литературный Омск». Лауреат премий: губернатора Омской области имени Леонида Мартынова (2008 г.), журнала «Звезда» (2011 г.), имени И. Ф. Анненского (2014 г.).

Ирина Горелова – руководитель межвузовского литературного объединения «Поэтическая мастерская», автор книг стихов «В поисках Мастера» (2001) и «Век новокаменный» (2007), многочисленных журнальных публикаций, знакома студентам как преподаватель кафедры «Экономика и организация труда». У Ирины также есть опыт издательской деятельности – в 2001-2004 году тоже на общественных началах она была редактором литературно-художественного журнала ***«Пилигрим»***, издававшегося в ОмГУ.

На встречу с писателями пришло более сорока студентов разных факультетов и институтов ОмГТУ. Ребята узнали о начале творческого пути каждого из авторов, о любимых темах, об отношении окружающих к пишушему человеку, выпытывали тайны творчества. Поэты читали, рассказывали и отвечали на вопросы почти полтора часа. И даже после официального завершения встречи читатели продолжали спрашивать, уточнять, пытаясь найти в ответах что-то важное для себя.

15 мая был объявлен шорт-лист ***Международной литературной премии «Лицей»***. В него вошла молодой омский прозаик и драматург **Серафима Орлова** со сборником рассказов ***«Голова-жестянка».***

Серафима Орлова родилась в Омске в **1989** году. Пишет пьесы и сценарии. Создатель театрального проекта ***«Вишнёвый шкаф»***, посвящённого развитию современной драматургии и театра в Омске.

Лауреат конкурса РАМТ к столетию драматурга В. Розова (2013, пьеса «Дерево без цветов»). Лонг-лист «Любимовки-2014» (пьеса «Хочу по правде»). Лонг-лист «Евразии-2016» (пьеса «Профессор музыки»). Лауреат конкурса «Ремарка» (2016, пьеса «Профессор музыки»). Лауреат Международного биеннале «Свободный театр» (2016, пьеса «Профессор музыки»). Читки пьес проходили в Москве, Новосибирске, Омске. Пьесы публиковались в Санкт-Петербурге, Новосибирске.

19 мая 2018 года в Историческом парке ***«Россия - моя история»*** в рамках акции ***«Ночь музеев»*** состоялась презентация литературного проекта ***«Мы-Омск!»***. Организаторы проекта: **Карина Кислицина, Ирина Четвергова, Ольга Харитонова, Александр Тихонов и Анастасия Сергеева.**

На мероприятии были представлены первые промо-сборники проекта «Мы-Омск!». С чтением стихов выступили омские поэты: **Вероника Шелленберг, Екатерина Новикова, Тамара Львова, Ирина Горелова, Анна Вишневски, Зинаида Сюникаева, Дарья Лобзова, Анастасия Трифонова, Владимир Цыганков, Анастасия Белоусова, Андрей Козырев,** а также сами организаторы мероприятия.

20 мая в актовом зале университета ***«Синергия»*** состоялась презентация **7** выпуска литературно-художественного альманаха ***«Тарские ворота»***. Вёл презентацию главный редактор издания **Игорь Егоров**. На презентации выступили омские поэты **Александр Бекишев, Андрей Козырев, Алла Марченко, Валерий Барковский, прозаик Александр Агеенко**. Артистка омского академического театра драмы **Элеонора Кремель** прочитала опубликованные в альманахе стихи и прозу. Бард **Елизавета Витман** исполнила песни на стихи авторов альманаха.

11 июня в Омске открылся очередной творческий сезон проекта ***«Любинский.Live»*.** На старинном проспекте в центре Омска расположилось девять тематических площадок: выступление омских музыкальных рок-групп, конкурс чтецов, танцевальная площадка. Возле музея имени М.А.Врубеля проведут мастер-классы художники.

На поэтической площадке выступали **Александр Тихонов, Карина Кислицина, Ирина Четвергова, Ольга Харитонова, Ирина Горелова, Зинаида Сюникаева, Арина Кондакова, Андрей Козырев, Валерий Майоров** и многие другие. Звучали собственные стихи омских поэтов и произведения классиков – **Александра Пушкина, Сергея Есенина, Евгения Евтушенко, Аркадия Кутилова.**

8 июля 2018 г. в актовом зале университета ***«Синергия»*** прошла презентация нового, 27-28 сдвоенного выпуска литературно-художественного журнала ***«Иртыш-Омь»***. Особенностью выпуска стало участие в нём выдающегося актёра театра и кино **Сергея Юрского**. На презентации присутствовал народный артист России **Валерий Алексеев**, которому и было предоставлено вступительное слово. Также на мероприятии выступали главный редактор альманаха ***«Менестрель»*** **Андрей Козырев**, известный поэт из Казахстана **Ольга Григорьева**, бард **Елизавета Витман**, поэты **Валерий Барковский, Екатерина Артман** и многие другие.

26 июля в очередной раз молодым омичам были вручены премии имени выдающегося русского писателя **Фёдора Михайловича Достоевского** в знак признания их успехов в литературном творчестве.

В этом году к рассмотрению жюри, как и всегда, принимались прозаические и поэтические литературные произведения, изданные отдельно или напечатанные в коллективных сборниках, журналах или альманахах. Всего на конкурс поступило 13 заявок от омских авторов (шесть в номинации «Проза», семь — в номинации «Поэзия»).

По итогам заседания жюри лауреатами ежегодной литературной молодежной премии имени Ф.М. Достоевского в 2018 году признаны шесть омичей. Победителем литературного конкурса в номинации «Проза» стала **Александра Яковлева** за рассказ ***«Вот она я»***, опубликованный в альманахе «Иртышъ-Омь». **Татьяна Кобылинская** отмечена премией второй степени за произведение, опубликованное в сборнике стихотворений и рассказов ***«Какой сегодня векъ?»***. Премия третьей степени присуждена **Гузалье Валеевой** за сборник рассказов ***«Наедине с собой»***.

В номинации «Поэзия» премии первой степени удостоен **Антон Школьников** за поэтический сборник ***«Зима и печь»***. **Елене Кузнецовой** вручена премия второй степени в номинации «Поэзия» за сборник ***«Паутинки из солнечных дней»***. **Анастасии Сергеевой** присуждена премия третьей степени за сборник ***«Прошлое и настоящее»***.

26 июля в конференц-зале исторического парка ***«Россия – моя история»*** прошла презентация 9 выпуска литературно-художественного альманаха ***«Менестрель»***.

На презентации собрались ведущие авторы Омска – прозаик **Наталья Елизарова**, поэты **Марина Безденежных и Александр Бекишев,** молодые авторы **Андрей Козырев, Анастасия Сергеева, Игорь Федоровский, Александр Тихонов** и другие. Всеми собравшимися единодушно были отмечены такие достоинства альманаха, как разнообразие представленных в нём материалов, способность к быстрому развитию и совершенствованию. Собравшиеся на презентации поэты читали свои стихи, **Александр Бекишев** прочёл до сих пор неопубликованную поэму **Аркадия Кутилова *«Убить человека»***. Завершил мероприятие главный редактор издания **Андрей Козырев,** прочитавший стихотворение **Райнера Марии Рильке *«Созерцание»*.**

5 августа 2018 года в 13.00 в ***Омском государственном литературном музее имени Ф.М. Достоевского*** состоялось открытие выставки ***«Четверть века в пути»***, посвящённой юбилею Омского отделения Союза российских писателей. Организация была зарегистрирована 14 июля 1993 года. У её истоков стояли литературный критик **Эдмунд Шик,** прозаики **Михаил Малиновский, Александр Лейфер, Раиса Абубакирова,** поэтесса **Евгения Кордзахия.**

С первых шагов молодая писательская организация активно включилась в общественную и культурную жизни Сибири. Особое внимание уделялось выявлению и поддержке талантливой молодежи. Уже в 1994 году был проведен городской студенческий литературный конкурс ***«Душа обязана трудиться»***, а через год - областной молодёжный конкурс-семинар ***«Я вижу мир через себя...»***, по его итогам вышел коллективный сборник ***«На первом дыхании»***. В этом же году был выпущен первый номер печатного издания организации - сборник ***«Складчина»***.

В **1998 году** Омское отделение СРП стало одним из учредителей региональной молодёжной премии имени Ф.М. Достоевского.

С **2011 года** при поддержке Министерства культуры Омской области проводится региональный семинар поэзии и критики ***«ПарОм»***, по результатам которого выходит коллективный сборник с одноименным названием.

За двадцать пять лет имена многих авторов стали известны не только в Омске, но и далеко за его пределами. Произведения членов Омского отделения СРП печатаются в столичных журналах и альманахах. На сегодняшний день в региональном отделении СРП состоят более тридцати авторов.

На выставке ***«Четверть века в пути»***, отражающей историю писательской организации, представлено более двухсот экспонатов из фондов Литературного музея: документы, фотографии, книги, личные вещи, а также авторские рукописи.

8 августа в ***литературном музее им. Достоевского*** состоялся юбилейный творческий вечер литературоведа, критика и педагога с многолетним стажем **Вадима Физикова**, приуроченный к 80-летию критика. В литературных кругах его называют «живой легендой». 17 лет Вадим Михайлович возглавлял филологический факультет педуниверситета, плодотворно занимался театральной и литературной критикой, выступал на омском радио и телевидении. Больше 20 лет вел телевизионную передачу ***«Мир книги»***.

В литературном музее им. Достоевского собрались его многочисленные ученики, коллеги, друзья и близкие. Они пришли поздравить профессора с юбилеем и ещё раз послушать его лекции.

7 сентября в Омской областной библиотеке для детей и юношества состоялась презентация литературного альманаха ***«Складчина»*** № 1 (43) /2018 г. Это широко известное в регионе периодическое издание Омского отделения Союза российских писателей, выходящее в формате альманаха с 2005 года. Примечательно, что с 2017 года ***«Складчину»*** можно найти и в Интернете, она размещается на портале ***«Журнальный мир»***.

Вела презентацию председатель Омского отделения Союза российских писателей и главный редактор альманаха **Вероника Шелленберг**, преемница **Александра Лейфера**, много лет возглавлявшего Омское отделение СРП и одного из создателей ***«Складчины»***.

В зале присутствовали: литературовед **Вадим Физиков**; директор Литературного музея им. Ф.М. Достоевского **Виктор Вайнерман**; прозаик **Наталья Елизарова**; поэт и прозаик **Галина Кудрявская**; сценарист и автор иронической прозы **Алексей Декельбаум**; поэт и журналист **Сергей Денисенко**; писатель **Юрий Моренис** и другие омские литераторы, в том числе молодые омские авторы, филологи, журналисты, читатели и сотрудники библиотеки.

Собравшиеся посмотрели на большом экране фотографии с презентаций предыдущих выпусков ***«Складчины»***, почтили минутой молчания недавно ушедших из жизни, но успевших много сделать для омской литературы **Михаила Малиновского** и **Александра Лейфера.**

Все присутствующие получили в подарок экземпляр новой ***«Складчины»***, а сборник с автографами авторов пополнил фонд библиотеки.

14 сентября в 15:00 в Омском государственном литературном ***музее имени Ф.М. Достоевского*** состоятся вечер памяти и выставка одного дня, посвященные 80-летию со дня рождения талантливого омского поэта **В.А. Макарова**.

Владимир Макаров родился в селе Большеречье Омской области. Он работал врачом, писал научные труды и занимался литературным творчеством. Печатался во многих журналах, выпустил 16 стихотворных сборников. **В. Макаров** - лауреат губернаторской ***премии имени Л.Н. Мартынова*** за заслуги в развитии культуры и искусства. В 1969 г. В. Макаров вошел в состав Союза писателей России.

Среди почётных гостей мероприятия – писатель, редактор газеты ***«Омское время»***, член Союза писателей России **Юрий Петрович Перминов** и кандидат медицинских наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания **Н.А. Баранец.**

26 сентября в 17:00 в Библиотечном центре ***«Культура Омска»*** (пр. Мира, 56) прошла презентация книги воспоминаний об **Александре Лейфере** ***«Хочу хоть минуты покоя. Всё было – бои и пиры...»***.

В книгу вошли воспоминания друзей и коллег Александра Эрахмиэловича Лейфера (1943-2017), собранные известным омским литератором **Сергеем Денисенко.**

«Имя Александра Лейфера хорошо известно не только омичам, но и далеко за пределами нашего города. Он печатался в журналах, альманахах и коллективных сборниках, выходивших в Москве, Новосибирске, Иркутске, Екатеринбурге, Красноярске. В

разные годы были изданы его книги «Сибири не изменю!.. Страницы одной жизни» (о Петре Драверте), очерки «Прошлое в настоящем», документальное повествование о Валентине Бархатовой «...Буду всегда жива», «Удивительная библиотека. Рассказы о старых книгах и книжниках», «Мой Вильям» о Вильяме Озолине, книга «БЛОГ-ПОСТ или кровь событий» о литературной жизни нашего города», – рассказала директор Омских муниципальных библиотек **Наталья Чернявская.**

Сборник воспоминаний издан в год 75-летия со дня рождения **Александра Лейфера**.

30 сентября в арт-кафе ***«Республика»*** прошёл бенефис альманаха ***«Менестрель».***

На мероприятии прозвучали стихи омских поэтов, песни бардов, популярные джазовые мелодии, русские народные песни. Выступали поэты и музыканты – **Андрей Козырев, Анастасия Сергеева, Владимир Цыганков, Дмитрий Соснов, Влас Вересень, Екатерина Новикова** и другие.

На литературном вечере прошли символические выборы лучшего омского поэта – без указания имён были прочитаны малоизвестные стихи **Леонида Мартынова, Павла Васильева, Аркадия Кутилова**, а гости вечера, не зная имён авторов, по стихам выбрали лучшего из них. Первым поэтом города был признан **Леонид Мартынов**.

Своеобразной изюминкой вечера стал литературный диалог между поэтами современности и **А.С.Пушкиным**: сначала в зале прозвучали аудиозаписи чтения стихов **А.С.Пушкина** в исполнении **И.Смоктуновского** и **М.Козакова**, а затем современные поэты прочитали свои стихотворения, посвящённые классику.

Завершился концерт благотворительной лотереей, на которой разыгрывались поэтические и прозаические сборники, специально пожертвованные для этого городскими литераторами – **Сергеем Денисенко, Мариной Безденежных, Екатериной Новиковой, Анастасией Сергеевой** и другими. Все средства, вырученные от лотереи, пойдут на издание 10 выпуска альманаха ***«Менестрель»***.

Мероприятие вызвало большой интерес аудитории. В будущем планируется проводить такие вечера ежемесячно.

6 октября в 14:00 в ***Центре краеведческой информации Пушкинской библиотеки*** состоялась презентация журнала ***«Литературный Омск»***. Любители литературы, читатели и писатели встретились с авторами июньского номера журнала.

Номер посвящён 55-летию Омской областной организации Союза писателей России, которое пришлось на 2017 год. Об истории писательского сообщества на омской земле отозвались омские авторы **Юрий Перминов, Владимир Новиков,** а также московский поэт **Валерий Иванов.**

Журнал традиционно публикует на своих страницах произведения как омских литераторов, так и писателей из других городов. Здесь можно познакомиться с новой прозой омичей **Сергея Прокопьева, Галины Целищевой, Юрия Виськина,** а также гостей: **Александра Кердана** из Екатеринбурга **и Николая Олькова** из Тюменской области.

В журнале опубликованы стихи наших земляков **Светланы Курач, Вероники Шелленберг, Натальи Кусковой, Любови Евдокимовой, Александра Катрича,** а также москвичей **Александра Боброва, Валерия Иванова, Григория Блехмана, Элеоноры Акоповой,** минчанки **Инны Фроловой.** Журнал представит публике новые имена молодых поэтов в рубрике ***«Молодые голоса».***

Композитору **Льву Фёдорову**, много лет пишущему песни на стихи омских поэтов, посвящена статья поэта **Ирины Резник**. В рубрике ***«Литературоведение»*** опубликована статья кандидата филологических наук **Вадима Физикова** о романе **Всеволода Иванова *«Проспект Ильича»*** (1942 г.).

Завершает номер рецензия **Олега Клишина** на книгу стихов **Александра Ситчихина *«Хроника души»***. Журнал иллюстрирован работами омского мастера книжной микроминиатюры **Анатолия Коненко.**

Все участники презентации смогли бесплатно получить номер журнала.

12 октября, в канун 80-летия писателя и педагога **Владислава Крапивина**, в Екатеринбурге объявлены имена лауреатов ***Международной литературной премии В.П. Крапивина.*** Ими стали **Виктория Ледерман** из Самары, **Серафима Орлова** из Омска, **Игорь Свинин** из Челябинской области и **Юлия Симбирская** из Ярославля.

Награждение прошло в ***Свердловской областной библиотеке для детей и молодежи.*** На конкурс принимались уже изданные произведения и рукописи.

Среди лауреатов – омский прозаик и драматург **Серафима Орлова**. Победитель прокомментировала свою победу так: *«Я хотела изменить ту реальность, которую уже нельзя было изменить, изменить своё прошлое. Я дала своей героине то, чего у меня не было, и помогла ей выйти из той ситуации, из которой, как мне казалось, выхода не было. Я нашла единственный выход в литературе»*.

25 октября в историческом парке ***«Россия – моя история»*** прошёл совместный творческий вечер **Анастасии Сергеевой** и **Виктора Бована**. На вечере были презентованы их книги: сборник рассказов **Виктора Бована *«Лесное ожерелье»***, поэтический сборник **Анастасии Сергеевой *«Прошлое и настоящее»***, а также книга её очерков и критики ***«Вычитывая век»***. Вёл вечер сотрудник исторического парка, поэт и прозаик Александр Тихонов. На мероприятии выступали известные в городе литературы: **Марина Безденежных, Сергей Прокопьев, Олег Клишин** и другие. Также на вечере были презентованы промобуки молодых городских поэтов и прозаиков, участников проекта «Мы – Омск».

Библиографический указатель содержания альманаха «Менестрель»
(выпуски 1-10)

ПОЭЗИЯ

Алавердова, Л. Двенадцатая жизнь [Текст]: стихотворения / Л. Алавердова // Менестрель: литературно-художественный альманах.– Омск: Вариант-Омск, 2014.– № 3. – С. 11-15.

Алейников, В. Дальнозоркие сны [Текст]: стихотворения / В. Алейников. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 11-13.

Бабка Лидка [Текст]: стихи / Бабка Лидка.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016.– № 5.– С. 185-192.

Балтин, А. В мозгу ветвится дерево стиха [Текст]: стихотворения / А. Балтин. – Менестрель: литературно-художественный альманах.– Омск: Вариант-Омск, 2014. – № 3.– С. 36-39.

Балтин, А. Не доверяя перспективам [Текст]: стихотворения / А. Балтин. – Менестрель: литературно-художественный альманах.– Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5.– С. 131-133.

Баранова, Е. И вот пришла поэзия [Текст]: стихотворения / Е. Баранова. – Менестрель: литературно-художественный альманах.– Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6.– С. 3-7.

Безденежных, М. Чужое небо [Текст]: стихотворения / М. Безденежных. – Менестрель: литературно-художественный альманах.– Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 111.

Бекишев, А. Сны слепых [Текст]: стихотворения /А. Бекишев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 117-118.

Близнюк, Д. По левитирующим островам [Текст]: стихотворения / Д. Близнюк. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 10. – С. 121

Богданова, С. Железный август [Текст]: стихотворения / С. Богданова. – Менестрель: литературно-художественный альманах.– Омск: Кан, 2018. – № 10. – С. 22.

Борычев, А. И никого, и ничего [Текст]: стихотворения / А. Борычев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – № 4. – С. 61-69.

Брагин, Н. Песчинка обретает высоту [Текст]: стихотворения / Н.Брагин. – Менестрель: литературно-художественный альманах.– Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5.– С. 121-124.

Влас Вересень. А от зауми толку немного [Текст]: стихотворения / Влас Вересень. – Менестрель: литературно-художественный альманах.– Омск: Вариант-Омск, 2016.– № 5.– С. 146-150.

Вольвач, В. Вторая жизнь [Текст]: стихотворения / В. Вольвач. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – № 1. – С.9-11.

Газизова, Л. Папа и фуэте [Текст]: верлибры/Л. Газизова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 107-109.

Гаммер, Е. Венок диаспоры [Текст]: сонеты/Е. Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 30-35.

Гаммер, Е. Фестиваль смытых киноплёнок [Текст]: стихотворения / Е. Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 143-146.

Гаммер, Е. Первая космическая секунда [Текст]: из цикла «11 космических секунд» / Е. Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 7. – С.151-153.

Гаммер, Е. Освобождение [Текст]: поэма / Е. Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 9. – С. 50.

Гаммер, Е. От войны к войне [Текст]: поэма / Е. Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 10. – С. 137-138.

Голота, А. Талантида [Текст]: стихотворения / А. Голота. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 172-173.

Горнов, Г. Яндекс поэт [Текст]: стихотворения / Г. Горнов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 89-93.

Григорьева, О. Явление снега [Текст]: стихотворения / О. Григорьева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – № 4. – С. 54 – 57.

Дашкевич, В. Ходить по лезвию листа [Текст]: стихотворения /В. Дашкевич.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – № 4. – С. 3-7.

Дашкевич, В. Печальная кукла Юю [Текст]: стихотворения / В. Дашкевич. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 106-110.

Денисенко, И. Не мы причина этой осени [Текст]: стихотворения / И. Денисенко. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 76-80.

Делаланд, Н. Вот я и вышла в сад [Текст]: стихотворения / Н. Делаланд. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 10. – С. 23.

Долгарёва, А. Важно только это [Текст]: сти-

хотворения / А. Долгарёва. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 8. – С. 19.
Домбровский, С. Переливание крови [Текст]: стихотворения / С. Домбровский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 50-52.
Домрачева, О. Апрельские обострения [Текст]: стихотворения / О. Домрачева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 20.
Дмитриев, А. Всё, что вблизи [Текст]: стихотворения / А. Дмитриев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 105-106.
Дмитриев, А. Поднимая себя со стула [Текст]: стихотворения / А. Дмитриев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 10. – С. 29-30.
Донсков, И. Оборона рая [Текст]: стихотворения / И. Донсков. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9. – С. 67.
Егоров, И. Из ранних циклов [Текст]: стихотворения / И. Егоров. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – № 1. – С.17.
Ерофеева-Тверская, В. Чувство моё сиротливое [Текст]: стихотворения / В. Ерофеева-Тверская. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 109.
Зубарева, В. Дыханье снега [Текст]: стихотворения / В. Зубарева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 9.
Зубарева, В. Сказки о двух концах [Текст]: стихотворения / В. Зубарева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – № 4. – С. 87-90.
Кальпиди, В. Белёсая темень бумаги [Текст]: поэтические римейки на классику / В. Кальпиди. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 7. – С.75-79.
Коврижных, В. Предзимье [Текст]: стихотворения / В. Коврижных. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9. – С. 34.
Козырев, А. Жили-были [Текст]: стихотворения / А. Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – № 1. – С. 50-57.
Козырев, А. Биография счастья [Текст]: верлибры / А. Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – № 3. – С. 23-26.
Козырев, А. Уроки русского пространства [Текст]: стихотворения / А. Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – № 4. – С. 94-99.
Козырев, А. Книга любви. Моя Песнь песней [Текст] / А. Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – № 4. – С. 181-183.
Козырев, А. Расшифровывая снег [Текст]: стихотворения /А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 135-141.
Козырев, А. Ухо Ван Гога [Текст]: поэтические сонаты, фуги, оратории/А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 147-153.
Кондакова, А. Тают капли пунцового света [Текст]: стихотворения / А. Кондакова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 156-157.
Кондакова, А. Отблеск янтаря [Текст]: стихотворения / А. Кондакова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 73-74.
Кордзахия, Е. Не придавай значенья мелочам [Текст]: стихотворения / Е. Кордзахия.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 10. – С. 107-108.
Коржавина, А. Яблоня из строки [Текст]: стихотворения / А. Коржавина. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 30-32.
Коровин, А. Литпроцесс [Текст]: стихотворения / А. Коровин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9. – С. 45.
Костылев, В. Король ненастья [Текст]: стихотворения / В. Костылев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 34-37.
Клишин, О. Синоним песка [Текст]: стихотворения / О. Клишин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – № 4. – С. 48-53.
Клишин, О. По движению капель дождя [Текст]: стихотворения / О. Клишин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 70-75.
Крофтс, Н. Второй ковчег [Текст]: стихотворения / Н. Крофтс. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 3-5.
Крофтс, Н. И я ещё воскресну [Текст]: стихотворения / Н. Крофтс. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 47-49.
Кудаев, А. Мне есть, о чём сказать [Текст]: стихотворения / А. Кудаев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 166-169.
Кузин, М. Из книги «Город синих рассветов» [Текст]: стихотворения / М. Кузин. – Менестрель: литературно-художественный альма-

нах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 110.
Кузнецов, Н. На последнем пределе [Текст]: стихотворения / Н. Кузнецов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 7. – С. 85-87.
Куллэ, В. Эхо молчания [Текст]: стихотворения / В. Куллэ. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9. – С. 5.
Курмангалина, Я. Межсезонье [Текст]: стихотворения / Я. Курмангалина. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9. – С. 44.
Курская, Д. Персональная благодать [Текст]: стихотворения / Д. Курская. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 10. – С. 21.
Кутенков, Б. Жизнь в перспективе [Текст]: стихотворения / Б. Кутенков. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – № 3. – С. 17 - 20.
Лаврентьев, М. Перед раскрытьем смысла [Текст]: стихотворения / М. Лаврентьев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – № 4. – С. 58-60.
Лаврентьев, М. Мы вышли из тени на свет [Текст]: стихотворения / М. Лаврентьев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 7. – С.146-148.
Ливинский, С. Сообщающиеся сосуды [Текст]: стихотворения / С. Ливинский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 10. – С. 23.
Лукшт, И. Тревожа небо медленной мольбой [Текст]: стихотворения / И. Лукшт. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 73-75.
Луцкий, М. Коли негде яблоку упасть [Текст]: стихотворения / М. Луцкий. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 48-49.
Лященко, М. Моё окно в этот бестактный мир [Текст]: стихотворения / М. Лященко.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 64-65.
Лященко, М. Моменты, которые хочется помнить [Текст]: верлибры / М. Лященко. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 7. – С.15-16.
Малиновская, М. Пророк [Текст]: стихотворения / М. Малиновская. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 26-27.
Малков, Г. Этот день наизусть [Текст]: стихотворения / Г. Малков. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 10. – С. 111-112.
Мельник, А. Трудный путь [Текст]: стихотворения / А. Мельник. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 15-16.
Мельников, В. Мастер и Магритт [Текст] / В. Мельников. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – № 4. – С. 134-180.
Мельников, В. Определезвия и ощущепки [Текст] / В. Мельников. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 183-197.
Мельников, Д. Небо, я иду домой [Текст]: стихотворения / Д. Мельников. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5.– С. 3-6.
Мельников, Д. Белая бабочка-Русь [Текст]: стихотворения / Д. Мельников. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 15-18.
Миллер, Л. А что касается меня... [Текст]: стихотворения / Л. Миллер. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 10. – С. 109.
Минаков, С. Сквозь муку несоединенья [Текст]: стихотворения / С. Минаков. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9. – С. 43.
Миркина, З. Мне надо повторить зарю [Текст]: стихотворения / З. Миркина. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С.21.
Мурзин, Д. Скоро сказочка скажется [Текст]: стихотворения / Д. Мурзин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9. – С. 35.
Николаева, О. Сложный глагол [Текст]: стихотворения / О. Николаева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 7. – С. 3-6.
Новикова, Е. Осень, джаз и новые стихи [Текст]: стихотворения / Е. Новикова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 5-6.
Носов, С. Однажды ночью [Текст]: стихотворения / С. Носов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9. – С. 48.
Орлова, В. Самобормочущая машинка [Текст]: стихотворения / В. Орлова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9. – С. 49.
Павлова, В. Подземная лодка [Текст]: стихотворения / В. Павлова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – № 3. – С. 21-22.
Прокопьев, А. Прощальный воздух [Текст]: стихотворения / А. Прокопьев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 7. – С. 154-156.
Протасов, В. Рисунок временем [Текст]: сти-

хотворения / В. Протасов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – № 1. – С.42-44.
Рейдерман, И. Реквием [Текст]: стихотворения / И. Рейдерман. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2018. – № 10. – С. 110.
Родионова, О. Всех одиноче [Текст]: стихотворения /О.Родионова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 29-31.
Румянцев, Д. Знакомый оклик [Текст]: стихотворения / Д. Румянцев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – № 1. – С.13-16.
Румянцев, Д. Расширение вселенной [Текст]: стихотворения / Д. Румянцев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 7. – С. 72-74.
Рябоконь, Д. Хочу писать о рыбках и о птичках [Текст]: стихотворения / Д. Рябоконь. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 7. – С. 149-150.
Садур, Н. Нетакисты–тетражисты / Н. Садур.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 198-206.
Сенин, И. Дорожное кино [Текст]: стихотворения / И. Сенин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 153-155.
Сенин, И. Живёт в душе романс [Текст]: стихотворения / И. Сенин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 9. – С. 68.
Сенькина, В. Мне кажется, что я сто жизней прожила [Текст]: стихотворения / В. Сенькина. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 55-58.
Сергеева, А. Лёгкие строки [Текст]: стихотворения / А. Сергеева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9. – С. 56.
Синельников, М. Безнадёжная победа [Текст]: стихотворения / М. Синельников. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С.15.
Скобло, В. Подводить не желаю итога [Текст]: стихотворения / В. Скобло. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 124.
Соснин, И. Каждый шаг - вперёд и в никуда [Текст]: стихотворения / И. Соснин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С.123.
Соснов, Д. Вопрос вопросов [Текст]: стихотворения / Д. Соснов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – № 1. – С.29-32.
Соснов, Д. Переключатель реальностей [Текст]: стихотворения / Д. Соснов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – № 3.– С. 55-56.
Соснов, Д. Заветный вензель [Текст]: верлибры / Д. Соснов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 151-152.
Соснов, Д. Из книги «Небо на земле» [Текст]: стихотворения / Д. Соснов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 7.– С. 17-20.
Соснов, Д. Я видел начало рассвета [Текст]: стихотворения / Д. Соснов.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 116.
Степанова, А. Ощущение родства [Текст]: стихотворения / А. Степанова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6.– С. 56-59.
Таран, И. Высокая нота зимы [Текст]: стихотворения / И. Таран. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 170-171.
Таран, И. Полёт под землёй. Декаданс [Текст] / И. Таран. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С. 76.
Тихонов, А. И опять напрямик [Текст]: стихотворения / А. Тихонов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2017. – № 7. – С. 12-14.
Трудлер, А. Третий лишний [Текст]: стихотворения / А. Трудлер. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2017. – № 8. – С.103-104.
Улзытуев, А. Продвигаясь внутри пломбира. Анафоры [Текст] / А. Улзытуев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 104-106.
Улыбышева, М. На рыбьем и птичьем своём языке [Текст]: стихотворения / М. Улыбышева.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 142-145.
Улыбышева, М. Что-то в этой сказке не сложилось [Текст]: стихотворения / М. Улыбышева.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018.– № 8. – С.13-14.
Федоровский, И. Девочка-дрожь [Текст]: стихотворения / И. Федоровский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 53-55.
Федоровский, И. Обывательские стихи [Текст]: стихотворения / И. Федоровский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 10. – С.6-7.
Хохлов, И. Вера в чудеса [Текст]: стихотворения / И. Хохлов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – № 3. – С. 42-46.

Хохлов, И. Всё так непросто [Текст]: стихотворения / И. Хохлов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 33-34.
Хохлов, И. Мы жили на проспекте Худо-Бедно [Текст]: стихотворения / И. Хохлов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 10.– С. 4-5.
Цыганков, А. Гений места [Текст]: стихотворения / А. Цыганков. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 6. – С. 19-22.
Чембарцева, В. Скитаясь по пятому времени года [Текст]: стихотворения / В. Чембарцева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 62-63.
Чернов, А. Я слушал снег [Текст]: стихотворения / А. Чернов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 32-33.
Чкония, Д. Я удачи считаю по ранам [Текст]: стихотворения / Д. Чкония.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 12-13.
Шамсутдинов, Н. Приватное бессмертие героя [Текст]: стихотворения / Н. Шамсутдинов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – № 4. – С. 73-75.
Шафронская, В. Так снится детство [Текст]: стихотворения / В. Шафронская. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – № 1. – С. 3-6.
Шафронская, В. Палитра сновидений [Текст]: стихотворения / В. Шафронская.–Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – № 3. – С. 3-6.
Шварцман, М. В потёмках алфавита [Текст]: стихотворения / М. Шварцман. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 41-43.
Шевченко, Г. Продавщица продавщиц [Текст]: стихотворения / Г. Шевченко. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – № 4. – С. 76-79.
Шевченко, Г. Мой холодильник Дима [Текст]: стихотворения / Г. Шевченко. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – № 5. – С. 35-41.
Школьников, А. Зима и печь [Текст]: стихотворения / А. Школьников.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9. – С.4.
Шнеур, А. В печальном искусстве ждать [Текст]: стихотворения / А. Шнеур. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – № 2. – С. 36-37.
Югай, Л. Лёд болит, когда тает [Текст]: стихотворения / Л. Югай. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Акцент, 2018. – № 8. – С.75.

ПРОЗА

Анишина, Н. Несостоявшийся эксперимент [Текст]: рассказ / Н. Анишина. – Менестрель: литературно-художественный альманах.– Омск: Вариант-Омск, 2013.– № 2. – С. 59-61.
Бунина, Ю. Женщина слева от него [Текст]: повесть / Ю.Бунина. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.18-28.
Ганебных, Н. Урус [Текст]: рассказ / Н. Ганебных. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 38-41.
Григорян, Л. Атлант из научного института [Текст]: рассказ / Л.Григорян. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 46-47.
Дёмин, А. Урок биологии, или Происхождение человека [Текст]: рассказ / А.Дёмин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 44-47.
Дорохин, С. Грани вероятности [Текст]: рассказ / С.Дорохин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 42-45.
Елизарова, Н. Житие Максимки [Текст]: рассказ / Н.Елизарова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 158-165.
Елизарова, Н. Пока смерть не разлучит нас [Текст]: роман / Н.Елизарова.– Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 110-142.
Елизарова, Н. Небесные чертоги [Текст]: роман / Н.Елизарова.– Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 88-145.
Ефимова-Дашкевич, М. Синие глаза лета [Текст]: миниатюра / М.Ефимова-Дашкевич. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 134.
Иваницкая, Н. Йети [Текст]: рассказ / Н.Иваницкая. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 10. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 24-28.
Казакова-Саблина, С. Что на роду написано [Текст]: рассказ / С.Казакова-Саблина. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 36-42.
Каминский, С. Сервиз Гарднера [Текст]: рассказ / С.Каминский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 28-31.
Каюров, Г. Пока живые [Текст]: рассказ / Г.Каюров. – Менестрель: литературно-художе-

ственный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 6-8.
Каюров, Г. Сладкое детство [Текст]: рассказ / Г.Каюров. – Менестрель: литературно-художественный альманах/Г. Каюров. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 7 - 10.
Кожейкин, А. Пятое колесо [Текст]: рассказ / А.Кожейкин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 91-93.
Козырев, А. Как я убил Дантеса [Текст]: рассказ / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 66-67.
Козырев, А. Живое золото [Текст]: роман / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.21-71.
Крещенская, С. Вечерний променад [Текст]: рассказ / С.Крещенская. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 17-25.
Кудрявская, Г. Первая разлука [Текст]: рассказ / Г. Кудрявская. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.9-10.
Кураш, В. Серый человек [Текст]: рассказ / В.Кураш. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 8-14.
Леснянский, А. Два письма. [Текст]: рассказ / А.Леснянский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 111-120.
Лидский, В. Наследство [Текст]: повесть / В.Лидский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 8-28.
Лидский, В. Алебук [Текст]: повесть / В.Лидский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 8-34.
Лопатин, А. Вера [Текст]: рассказ / А.Лопатин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 50-54.
Новгородцева, Л. Сложный уровень [Текст]: рассказ / Л.Новгородцева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 8-20.
Омский, В. Крик души [Текст]: рассказ / В.Омский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 33.
Орлова, С. Коконы: [Текст]: рассказ / С.Орлова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 47-49.
Орлова, С. Химера [Текст]: повесть / С.Орлова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 77-102.
Ошевнев, Ф. Впервые на посту. У каждого своё [Текст]: рассказы / Ф.Ошевнев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 57-66.
Петров, А. Буйвол Чжуан-Цзы [Текст]: рассказ / А.Петров. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 38-40.
Петров, А. Биополярный мусорщик [Текст]: рассказ / А.Петров. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 47-54.
Петров, А. Мёртвый Ужин [Текст]: повесть / А.Петров. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 50-69.
Петров, А. Борьба с системой и другие мелочи жизни [Текст]: повесть / А.Петров. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 35-49.
Петров, А. Лютер [Текст]: рассказ / А.Петров. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – КЦ Акцент, 2018. – С. 16-18.
Прашкевич, Г. Азбука вины. Из сожжённой книги [Текст]: повесть / Г.Прашкевич. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 6-33.
Прокопьев, С. Лучше водки хуже нет [Текст]: рассказ / С.Прокопьев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 51-55.
Протасов, Л. Дым над рекой [Текст]: роман / Л.Протасов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – КЦ Акцент, 2018. – С. 22-72.
Протасов, Л. Пещера [Текст]: роман / Л.Протасов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.31-106.
Садур, Е. Воздух [Текст]: роман / Е.Садур. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.157-226.
Садур, Н. Юг [Текст]: повесть / Н.Садур. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 76-104.
Сафронов, А. Вечный сын [Текст]: рассказ / А.Сафронов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 10-11.
Сафронов, А. Понтий Пилат [Текст]: рассказ / А.Сафронов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 16.
Симонова, Д. Бронзовая чтица [Текст]: рассказ / Д.Симонова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 69-72.
Симонова, Д. Все яблони цветут одинаково

[Текст]: рассказ / Д.Симонова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 126-130.
Симонова, Д. Фёдоровна и зелёный кот [Текст]: рассказ / Д.Симонова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 94-103.
Симонова, Д. Медная девочка [Текст]: рассказ / Д.Симонова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 7. – Омск: Вариант-Омск, 2017. – С.7-11.
Смирнов, М. Переступить порог [Текст]: рассказ / М.Смирнов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 81-88.
Смирнов, М. С возвращением, Федька [Текст]: рассказ / М.Смирнов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.80-84.
Смирнов, М. «О время, погоди» [Текст]: рассказ / М.Смирнов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 112-115.
Спивак, М. Невезучий контрабандист [Текст]: рассказ / М.Спивак. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 107-108.
Сторч, Л. Вечер осенний [Текст]: рассказ / Л. Сторч.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 32-41.
Строганова, Т. Единственный на свете [Текст]: рассказ / Т.Строганова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.
Телков, Б. Вакансия доктора Свифта [Текст]: рассказ / Б.Телков. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 7-8.
Телков, Б. Одинокий [Текст]: рассказ / Б.Телков. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 14.
Телков, Б. Помидор [Текст]: рассказ / Б.Телков. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 27-29.
Телков, Б. Имя от пришельца [Текст]: рассказ / Б.Телков. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 7-10.
Токарев, А. Стёршийся иероглиф [Текст]: рассказ / А.Токарев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.119-122.
Уткин, С. Миниатюры [Текст]: повесть / С.Уткин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 80-86.
Чёткина, Е. А была ли я? [Текст]: рассказ / Е.Чёткина. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 40-41.
Юдин, С. Гроах [Текст]: рассказ / С.Юдин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 60-72.
Юдин, С. Курьи ноги [Текст]: повесть / С.Юдин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 10. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 113-120

АНТОЛОГИЯ АНОНИМНОЙ ПОЭЗИИ

Горелова, И. Коротко о сложном [Текст]: рецензия / И. Горелова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 10.– С. 131-132.
ОПА! Общество поэтов-анонимов [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 8. – Омск: КЦ Акцент, 2017. – С.184-186.
ОПА (Общество поэтов-анонимов) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С. 71-73.
ОПА (Общество поэтов-анонимов) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С. 127-130.
Сергеева, А. Добрый отзыв злого критика [Текст]: рецензия / А.Сергеева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2017. – С.187-188.
Сенин, И. Художника обидеть может каждый[Текст]: рецензия / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2017. – С.189-190.
Соснов, Д. Живое о живом [Текст]: рецензия / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С. 76-77.
Степанова, А. Моё сТихое Слово. [Текст]: рецензия / А.Степанова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С. 132-134.
Таран, И. Вольные мысли. [Текст]: рецензия / И.Таран. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С.74-75.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

«Это какая улица?» [Текст]: (Осип Мандельштам – Дмитрий Румянцев) – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Кан, 2018. – № 9.– С. 69.
«Наш Арго!» [Текст]: (Андрей Белый – Иван Денисенко) – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С. 69.

«Холодный гранит» (Иннокентий Анненский – Дмитрий Мельников) [Текст]: – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С.70.

«Гнев» (Сергей Есенин – Бабка Лидка) [Текст]: – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С.70.

«Мимо собственной могилы» [Текст]: (Николай Некрасов – Иван Таран) – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 10. –Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С. 124.

«Плач гитары» [Текст]: (Ф.Гарсиа Лорка – В.Шелленберг) – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 10. –Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С. 124.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Алавердова, Л. Дозволено ли Юпитеру? [Текст]: эссе / Л. Алавердова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – № 3. – С. 123-127.

Вайнерман, В. «Менестрель» шагает по планете [Текст]: статья / В.Вайнерман. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 108-111.

Вайнерман, В. Я – золотистый рыцарь, жизнь посвятивший мечте [Текст]: статья / В.Вайнерман.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 116-125.

Волкова, М. Монументальная моментальная фотография Уральской поэтической школы [Текст]: очерк //М.Волкова.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – КЦ Акцент, 2018. – С.127-130.

Гельбах, И. В мастерской художника[Текст]: статья / И.Гельбах. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 96-99.

Голубовский, Е. Заборные выставки. От Омска до Одессы [Текст]: статья / Е.Голубовский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 100-102.

Григорьева, Л. «Среди незримых знаков внешних». О поэзии Олега Чертова [Текст]: статья / Л.Григорьева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С.178-180.

Григорьева, О. Дорога к городу из золота[Текст]: статья / О.Григорьева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С.223.

Джин, Я. Мёртвые не умирают. О поэзии Дмитрия Мельникова [Текст]: статья / Я.Джин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.229-235.

Демьяненко, А. О принципах современной критики [Текст]: статья / А.Демьяненко. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 176-180.

Елизарова, Н. Современная детская литература Омского Прииртышья [Текст]: статья / Н.Елизарова.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 90-92.

Елизарова, Н. Экранизации художественных произведений о школе [Текст]: статья / Н.Елизарова.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 112-119.

Жеребчук, Б. Эмигрантская литература. Миф или реальность? [Текст]: статья / Б.Жеребчук. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 135-138.

Кедров-Челищев, К. Проект Велимира [Текст]: статья / К.Кедров-Челищев – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 80-83.

Козырев, А. Логика истории и взаимодействие культур [Текст]: статья / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 136-141.

Козырев, А. Введение в систему Джордано Бруно [Текст]: статья / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 144-148.

Козырев, А. Дневник издателя [Текст]: статья / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах.– № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 149-151.

Козырев, А. Homo Experimentum [Текст]: статья / А.Козырев.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 188-191.

Козырев, А. К вопросу о своеобразии литературы омского региона [Текст]: статья / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 204-206.

Копелиович, М. Борис Чичибабин в контексте нашего времени [Текст]: статья /М.Копелиович. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 104-105.

Корнев, В. Ложь реальности и правда фантазии (Марк Захаров) [Текст]: статья / В.Корнев.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.84-91.

Курилко, А. Свечка за здравие русской литературы [Текст]: статья / А.Курилко. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 207-222.

Курилко, А. Морской лев литературы. Попытка анализа главного произведения Эрнеста Хемингуэя [Текст]: статья / А.Курилко. – Мене-

стрель: литературно-художественный альманах. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 158-168.
Кутенков, Б. Кровь и почва, или Москвоцентризм? [Текст]: статья / Б.Кутенков. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 131-134.
Мачульская, Е. Как пишутся городские легенды[Текст]: эссе / Е.Мачульская. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 103-104.
Мачульская, Е. Песни белого города[Текст]: эссе / Е.Мачульская. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 184-187.
Миркина, З. Что же такое свобода? [Текст]: эссе / З.Миркина. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2017. – С.131-134.
Никифорова, Е. Кому нужны «новые песни о главном?» [Текст]: статья / Е.Никифорова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 86-88.
О Нил, О. Обзор альманаха «Точка зрения» [Текст]: статья / О.О Нил. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 112.
Орлова, С. О сказке и тоске [Текст]: статья / С.Орлова.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 93-94.
Орлова, С. Высокая степень обратной связи[Текст]: статья / С.Орлова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 113.
Рагулин, И. Звезда полей [Текст]: статья / И.Рагулин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 81-85.
Савицкая, С. Воспоминания Марины Попович [Текст]: статья / С.Савицкая. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 71-80.
Садур, Н. Собачий бог. О поэте и драматурге Александре Строганове[Текст]: эссе / Н.Садур. – Менестрель: литературно-художественный альманах /Н.Садур. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 238.
Садур, Е. Привилегия касты [Текст]: статья / Е.Садур. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 181-192.
Сенин, И. Философия жизни Андрея Козырева [Текст]: статья / И.Сенин.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 65-70.
Сенин, И. Провинция, столица, заграница. Записки провинциала[Текст]: статья / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 140-143.
Сенин, И. Запрещённая реальность. Размышление о пьесе Нины Садур «Лётчик» [Текст]: статья / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.169-170.
Сенин, И. «Стихи - как оголённый провод». Рецензия на книгу Виктории Сенькиной «Я создаю свою мечту» [Текст]: рецензия / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.
Соснов, Д. Фестиваль собирает таланты [Текст]: статья / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 114-115.
Соснов, Д. Новый взгляд на «Старые вещи» [Текст]: статья / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 116-118.
Соснов, Д. «Искрись стихами, юная душа! Искрись, прошу, пожалуйста, не гасни!» [Текст]: статья / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 201-204.
Сергеева, А. Вычитывая век [Текст]: статья / А.Сергеева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 171-175.
Сергеева, А. Путешествие в Византию. Рецензия на книгу Андрея Козырева «Осень в Византии» [Текст]: рецензия / А.Сергеева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.135-136.
Сергеева, А. Насколько безымянна частота? Рецензия на книгу Ивана Денисенко «Безымянная частота» [Текст]: рецензия / А.Сергеева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 100-103.
Телков, Б. Порхание розовых бабочек [Текст]: статья / Б.Телков.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 58-64.
Фещенко-Скворцова, И. Фальшивый гетероним Фернандо Пессоа [Текст]: статья / И.Фещенко-Скворцова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 92-99.
Харитонова, О. О портрете Матери всех Муз, поле понимания и материнских объятиях Марины Волковой. Рецензия на два литературных интернет-ресурса [Текст]: рецензия / О.Харитонова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 10. – Омск: ПЦ «КАН», 2018. – С. 139-140.
Хилько, Н, Дорогой пилигримов [Текст]: статья / Н.Хилько. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 105-107.

Хилько, Н. Первоначальная модель нравственных приоритетов духовного наследия культуры России постперестроечной эпохи [Текст]: статья / Н.Хилько. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 128-130.
Хохлов, И. Возвращение Николая Разумова [Текст]: очерк / И.Хохлов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.151.
Чертова, Т. Вечный Дом [Текст]: статья / Т.Чертова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 6. – Омск, 2016. – С. 193.
Шайдурова, А. Жизнь как искусство [Текст]: статья / А.Шайдурова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 95.
Яковлева, Т. Частный взгляд на народность культуры [Текст]: статья / Т.Яковлева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 89.

ДРАМАТУРГИЯ

Козырев, А. Маленькие комедии [Текст] / А. Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – № 3. – С. 100-111.
Коляда, Н. Всеобъемлюще [Текст]: маленькая комедия в одном действии / Н.Коляда. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.253-270.
Орлова, С. Гилонома [Текст]: Science-fiction / С.Орлова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 10. – Омск: ПЦ КАН, 2018. – С. 168-177.
Лидский, В. Чёрненькие [Текст]: мелодрама в двух действиях / В.Лидский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.109-123.
Пулинович, Я. Саламандры [Текст]: пьеса в двух действиях / Я.Пулинович. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.124-147.
Садур, Е. Острова блаженных [Текст]: пьеса в двух актах / Е.Садур. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 136-173.
Садур, Н. Лётчик [Текст]: ночная пьеса в 2 актах / Н.Садур. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 61-99.
Садур, Н. Офени ушли [Текст]: пьеса в 9 картинах с прологом и эпилогом / Н.Садур. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 105-135.
Садур, Н. Мальчик-небо [Текст]: мистерия / Н.Садур. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 10. – Омск: ПЦ Кан, 2018. – С. 147-167.
Строганов, А. Иерихон [Текст]: комедия в 2 действиях / А.Строганов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 206-253.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Кириллова, Г. Христина Панджаридис. Богатый американец ищет сиделку [Текст]: рассказ / Г.Кириллова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 34-35.
Некляев, В. Константин Кавафис. Услышав о любви. [Текст]: стихотворения / В.Некляев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.148.
Рехин, Э. Мария Конопицкая. В субботний вечер [Текст]: стихотворения / Э.Рехин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С.
Рехин, Э. Мария Конопницкая. Что видели дети по дороге. Что видело солнышко [Текст]: стихотворения / Э.Рехин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 79-80.
Козырев, А. Уильям Шекспир. Сонеты [Текст]: стихотворения / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.
Фельдман, Е. Переводы из Джона Скиннера [Текст]: стихотворения / Е.Фельдман. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.
Фельдман, Е. По страницам англо-шотландской поэзии [Текст]: стихотворения / Е.Фельдман. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 112-115.
Фещенко-Скворцова, И. Рикарду Рейш - португальский Гораций [Текст]: стихотворения / И.Фещенко-Скворцова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 155-157.

ПУБЛИКАЦИИ

Анищенко, М. Река, лодка, дом и женщина. [Текст]: неоконченная поэма / М.Анищенко. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.242-249.
Гофман, В. Этот крест не отдам никому [Текст]: стихотворения / В.Гофман. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 185-188.
Павельева, И. Не жги последнего моста [Текст]: стихотворения / И.Павельева. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 189-192.
Разумов, Н. Я опоздал к отлёту журавлей [Текст]:

стихотворения / Н.Разумов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: КЦ «Акцент», 2017. – С.152-154.
Чертов, О. Сиротство пребыванья на земле [Текст]: стихотворения / О.Чертов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 180-184.
Чертов, О. Стихотворения из книги «Вечный Дом» [Текст]: стихотворения / О.Чертов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.194-200.
Чертов, О. Георга. Размышления о романе Отара Чиладзе «И всякий, кто встретится со мной» [Текст]: эссе / О.Чертов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.250-252.
Чертов, О. Грузинские письма [Текст]: переписка / О.Чертов.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: КЦ «Акцент», 2017. – С.137-150.
Чертов, О. Лунным мальчиком по городу пройду [Текст]: стихотворения / О.Чертов.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 162-163.
Чичибабин, Б. Между печалью и ничем [Текст]: стихотворения / Б.Чичибабин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 9. – Омск: КЦ «Акцент», 2018. – С. 106-108.

ВОСПОМИНАНИЯ И МЕМУАРЫ

Алейников, В. При свечах [Текст]: стихотворения / В.Алейников. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: КЦ «Акцент», 2017. – С. 158-178.
Алейников, В. Русский андеграунд [Текст]: стихотворения / В.Алейников. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 178-193.
Соснов, Д. Жизнь, которая светит другим [Текст]: стихотворения / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 134-135.
Чертова, Р. В память о сыне [Текст]: стихотворения / Р.Чертова. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 126-133.

ИНТЕРВЬЮ

Всесибирское совещание литературных критиков: мнения участников [Текст]: интервью / Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 8. – Омск: КЦ «Акцент», 2017. – С. 179-183.
Орлова С., Каневский Г. Взгляд извне и изнутри. [Текст]: двойное интервью / С. Орлова, Г. Каневский. – Менестрель: литературно-художественный альманах. –№ 10. – Омск: ПЦ «КАН», 2018. – С. 148-151.

САТИРА И ЮМОР

Довгай, Н. Человек с квадратной головой. [Текст]: юмореска / Н.Довгай. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.97-98.
Дорохин, С. Пародии [Текст]: стихотворения / С.Дорохин.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 207-209.
Сенин, И. Вариации на тему «У попа была собака» [Текст]: стихотворения / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 144-146.
Сериков, В. Смехотворения [Текст]: стихотворения / В.Сериков. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 159.
Смотрин, М. Загадай желание! [Текст]: рассказ / М.Смотрин. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 98-100.
Сундеев, В. Гримаса судьбы [Текст]: легкомысленный рассказ / В.Сундеев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 101-104.
Сундеев, В. Провинциал [Текст]: легкомысленный рассказ / В.Сундеев.– Менестрель: литературно-художественный альманах/В.Сундеев. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 147-150.
Сундеев, В. Лёнчик-настройщик [Текст]: легкомысленный рассказ / В.Сундеев.– Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 156-158.
Козырев, В. Покатилось и упало красно солнышко. Песни буйной молодости [Текст]: стихотворения / В.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 230-231.
Котыщенко, В. Брюхопёсая съедоба [Текст]: стихотворения / В.Котыщенко. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 228-229.
Моор-Мурадов, Ю. Реванш доктора Ватсона [Текст]: рассказ / Ю.Моор-Мурадов. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 142-144.
Ходырев, В. Анекдот моей жизни, или Чем чёрт не шутит? [Текст]: рассказ/ В.Ходырев. – Менестрель: литературно-художественный альманах. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 142-155.

Сведения об авторах

Алейников Владимир – поэт, прозаик, переводчик, художник. Родился 28 января 1946 г. в Перми. Вырос на Украине, в городе Кривой Рог. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Основатель и лидер легендарного литературного содружества СМОГ. С 1965 года стихи публиковались на Западе. При советской власти в отечестве не издавался. Более четверти века тексты его широко распространялись в самиздате. В восьмидесятых годах был известен как переводчик поэзии народов СССР. Публикации стихов и прозы на родине начались в период перестройки. Автор многих книг стихов и прозы – воспоминаний об ушедшей эпохе и своих современниках. Стихи переведены на различные языки. Лауреат премии Андрея Белого, Международной Отметины имени Давида Бурлюка, Бунинской премии, ряда журнальных премий. Член Союза писателей Москвы, Союза писателей 21 века и Высшего творческого совета этого Союза. Член ПЕН-клуба. Поэт года (2009). Человек года (2010). Живёт в Москве и Коктебеле.

Близнюк Дмитрий – поэт. Предприниматель. Живёт в Харькове. Публикации в периодике и сети: »Сибирские огни», «Знамя», «Крещатик», «Новая Реальность», »Ликбез», «Плавучий мост» и др. Книги стихотворений: «Сад брошенных женщин» (2013), «Огнём, мечом и нежностью» (2014), «Сумеречная земля» (2015), «В иконе из трав» (2016).

Богданова Светлана – поэт. Родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького.
Публиковалась в журналах «Новое литературное обозрение», «Знамя», «Октябрь» и других изданиях. Автор книг «Предвкушение» (1996 г.), «Возможное начало» («Арго-Риск», 1997 г.), «Родство с предметами» («Автохтон», 1999 год). Участвовала в культурном проекте ГМИИ им. Пушкина «Мир чувственных вещей в картинках» (1998 год). Лауреат премии журнала «Новое литературное обозрение» за лучшую малую прозу в рамках Тургеневских дней в Москве (1998 год). Участник проекта «Лирика повседневности». В рамках проекта – участница арт-группы «Шоколадное время» (2004 год). Лауреат специального приза «За изящную словесность» в рамках конкурса им. Даниила Хармса под руководством Марии Семеновой (2017 год).

Гаммер Ефим – поэт, прозаик, художник. Боксёр. Член израильских и международных Союзов писателей, журналистов, художников. Живет в Иерусалиме. Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге, автор 25 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Среди них – Бунинская, серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», золотой знак, Москва, 2005 и золотая медаль на постаменте, 2010, «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2012 году стал лауреатом (золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. 2015 год – дипломант Германского международного конкурса «Лучшая книга года». Диплома удостоена документальная повесть «В прицеле – свастика», выпущенная в свет рижским издательством «Лиесма» в далеком 1974 году. Выходит, не только рукописи не горят, но и некоторые старые книги. Печатается в журналах России, США, Израиля, Германии, Франции, Бельгии, Канады, Латвии, Дании, Финляндии, Украины «Литературный Иерусалим», «Арион», «Нева», «Дружба народов», «Менестрель», «Новый журнал», «Встречи», «Слово\Word», «Новый свет», «Вестник Европы», «Кольцо А», «Журнал ПОэтов», «Мастерская», «Заметки по еврейской истории», «Побережье», «Русская мысль», «Литературная газета», «Российский писатель», «Время и место», «Стрелец», «Венский литератор», «LiteraruS – Литературное слово», «За-За», «Эмигрантская лира», «Дети Ра», «Урал», «Человек на Земле»«, «Сибирские огни», «Сура», «Приокские зори», «Гостиная», «Плавучий мост», «Подъем», «Квадрига Аполлона», «День и ночь», «Север», «Новый Енисейский литератор», «Литературные кубики», «Дон», «Ковчег», «Настоящее время», «Новый берег», «Эмигрантская лира», «Дерибасовская – Ришельевская», «Мория», «Новый континент», «Кругозор», «Наша Канада», «Витражи», «Новая реальность», «Знание – сила: фантастика», «Под небом единым», «Меценат и мир», «Дальний Восток», «Экумена», «Наше поколение», «Белый ворон», «Русское литературное эхо», «Алеф», «Лехаим», «Мишпоха», «Наша молодёжь», «Паровозъ», «День литературы», «Русская жизнь», «Флорида», «Земляки», «Алия», «Студия», «Метаморфозы», «Поэтоград», «Симбирск», «Жемчужина», «Антураж», и т.д.

Горелова Ирина – поэт, критик, издатель. Главный редактор альманаха ОмГТУ «Переливы». Автор поэтических книг «В ожидании Мастера», «Век новокаменный». Лауреат литературной премии им. Ф.М.Достоевского. Кандидат экономических наук. Член СП России.

Делаланд Надя – русский поэт и филолог, литературный критик, кандидат филологических наук. Автор семи поэтических книг. Член Союза российских писателей. Родилась 2 января 1977 года в Ростове-на-Дону. Публикации в газетах: «Вечерний Ростов», «Культура Дона», «Ковчег Кавказа», «Молот» и др.; в журналах, альманахах и сборниках: «Пушкинская, 150», «Дон», «Фишка» (Самара), «Пролог» (Москва), «Анатомия ангела» (Москва — 2002, премия «Дебют»), «Илья» (Москва — 2004, 2005), «Современная литература народов России. Том I. Поэзия» (Москва — 2003), «Двадцать пятое июня» (Рязань), «Лира» (Ростов н/Д — 2005), «Перекрёсток» (Ростов н/Д — 2005) и др.; в электронных изданиях (в том числе журнал на диске «Девушка с веслом»). Автор книг стихов «Эрос, Танатос, Логос» (2005), «абвгд и т.д.» (2007), «На правах рукописи» (2009), «Писаная торба» (2010), «Сон на краю» (2014). Публикации в журналах «Арион», «Гвидеон», «Новая Юность», «Нева», «Литературная учеба», «Вопросы литературы» и др. Лауреат премий Ростовского фестиваля поэзии (Ростов-на-Дону, 2002), Министерства культуры РФ (Москва, 2004). Лауреат поэтического интернет-конкурса «Золотая осень» (в номинации «Точка зрения», Смоленск, 2004), Губернаторской премии (Ростов-на-Дону, 2008), Международного поэтического конкурса «Серебряный Стрелец» — спецпремия «Серебряный голос» (Лос-Анджелес—Киев—Трускавец, 2008). В 2011 году и в 2012 году вошла в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия». Гран-при международного конкурса «Дорога к храму»-2014. Надя Делаланд — один из организаторов и координатор литературного конкурса «Междуречие» (Ростов-на-Дону). Живёт в г. Домодедово Московской области.

Дмитриев Андрей – поэт. 1976 года рождения. Живет в Нижнем Новгороде. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская». Член Союза журналистов РФ. Публиковал стихи и прозу в сетевых изданиях «Точка Зрения», «Этажи» и «Литеррратура», журналах «Нева», «Дружба народов», «Крещатик», «Новая Юность», «Бельские просторы», «Нижний Новгород», «Гвидеон», «Луч» и других. Автор сборников стихов «Рай для бездомных собак», «Орнитология воды», «Африкаснег» и «Глубина тиснения», участник коллективного сборника «Настоящие» из серии «Нижегородское собрание сочинений».

Иваницкая Надежда – прозаик, драматург. Живёт в Омске. Печаталась в журналах «Иртышъ-Омь», «Преодоление», «Город». В альманахе «Менестрель» публикуется впервые.

Кальпиди Виталий – поэт, издатель. Родился в 1957 году в Челябинске, автор книг стихотворений: «Пласты» (1990), «Аутсайдеры-2» (1990), «Стихотворения» (1993), «Мерцание» (1995), «Ресницы» (1997), «Запахи стыда» (1999), «Хакер» (2001), «Контрафакт» (2007), «В раю отдыхают от бога» (2014), «Izbrannoe» (2015). Лауреат премий имени А.Григорьева, Б.Пастернака, П.П.Бажова, М.Волошина, премии «Москва-Транзит» и мн. др. Автор сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016», проекта «Уральская литература – новая реальность», следствием которого стало создание Уральской поэтической школы. Издатель более 70 книг новых уральских писателей. Реализовал множество культуротворческих проектов, среди которых «Антология современной уральской поэзии» (3 тома: 1996, 2003 и 2011 гг.), «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа» (2013), «ГУЛ» (Галерея уральской литературы, 2014) совместно с М. Волковой. Электронный ресурс: www.marginaly.ru.
Живёт и работает в Челябинске.

Каневский Геннадий – поэт. Живёт в Москве. Окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Работает редактором корпоративного журнала.
Дебютировал в Интернете, участвовал в сетевых литературных объединениях «Рука Москвы» и «Пиитер». Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Воздух», «Новый берег» (Копенгаген), «Волга — XXI век« (Саратов), «Таллин», в альманахе «Абзац» (Москва—Тверь). В 2004 году принял участие в коллективном сборнике «Другие возможности» (Таллин: Agia Triada) совместно с Леной Элтанг, Александром Кабановым и Михаилом Гофайзеном.
Лауреат Петербургского поэтического конкурса «Заблудившийся трамвай» (Петербург, 2005 год, 3-я премия). Победитель турнира Большого слэма 2007 года (в паре с Анной Русс). Лауреат премии «Московский наблюдатель» (2013). Лауреат независимой премии «П» журнального портала Мегалит (2013). Лауреат премии журнала «Октябрь» за лучшую поэтическую публикацию года (2015). Лауреат специальной премии «Московский счет» (2017).

Кордзахия Евгения – поэт. Родилась в городе Поти (Грузия). Живёт в Омске. Автор трёх поэтических книг. Публиковалась в альманахе «Складчина», журнале «Литературный Омск», журнале «Точка зрения» и др. Лауреат областной литературной премии им. Л.Н.Мартынова.

Курская Дана – поэт. Член Союза Писателей Москвы. Родилась в Челябинске в 1986 году; с 2005 года проживает в Москве. Училась в Литературном Институте им. А.М. Горького, семинар О.А.Николаевой. Стихи переведены на

английский, французский, татарский языки. Организатор Международного ежегодного фестиваля современной поэзии MyFest (с 2015 г.). Организатор литературной премии MyPrize (с 2017 г.) Основатель и главный редактор издательства «Стеклограф» (с 2017 г).

Ливинский Станислав – поэт. Родился в Ставрополе. После окончания восьми классов средней школы поступил в техникум и обучался профессии фотографа. Служил в армии. Работал фотокорреспондентом, видеооператором и звукорежиссёром. Участвовал в Форумах молодых писателей России в мастер-классах А.Кушнера, О.Ермолаевой, С.Гандлевского и др. Стипендиат МК РФ. Лауреат Международного литературного Волошинского конкурса и литературного конкурса «Согласование времён». Публиковался в «Литературной газете», журналах «Юность», «Знамя», «Дружба Народов», «Волга», «День и ночь», «Дети Ра», «Prosōdia» и др., сборнике «Новые писатели». Автор книги стихов «А где здесь наши?»

Малко́в Юрий (диакон Георгий) – известный специалист в области истории культуры и искусства Древней Руси, церковный историк, писатель и гимнограф. Родился 26 июня 1941 г. в Москве; ранее детство провел в Сибири, затем жил то в Харькове, в доме родителей матери, то в Абхазии, то в Латвии, то попеременно в столице и в деревенском Подмосковье. Более четверти века проработал в ГосНИИ реставрации при Министерстве культуры экспертом по памятникам церковного искусства (в основном – иконописи) Древней Руси. Автор книг ("Русские иконы XIIXIX веков", "Летопись Псково–Печерского монастыря", "У "пещер Богом зданных", "Русь Святая", «Тебе кланятися, Солнцу правды», «Мы всегда под крылом Божиим, «Истина всегда проста... Бог есть Любовь» и ряда других, а также более полутора сотен статей как непосредственно искусствоведческого, так и церковно-исторического и богословского характера, публиковавшихся и в России, и за рубежом. Стихи печатались ранее в журналах «Путь Православия», «Альфа и Омега», «Трибуна русской мысли», «Коростель»,, а в 2003 и 2006 гг. были изданы три сборника его стихов – «Мера», «Страстная суббота» и «Ангел Хранитель». Многие из текстов публиковались также на интернет-сайте «Поэзия. РУ», в интернет-журналах «9 Муз», «45 параллель» и др. В 2017 году вышел сборник «Я русского жду человека».

Миллер Лариса – поэт, прозаик, эссеист, член Союза Российских писателей (с 1979 г.) и Русского ПЕН-центра (с 1992 г.). Родилась 29 марта 1940 года в Москве, где и живет всю жизнь. Автор 22 книг стихов и прозы. В 2004 г. в издательстве «Время» вышло полное собрание стихотворений Ларисы Миллер – итог работы за 40 лет, после чего были опубликованы ещё 5 сборников новых стихов.
Лауреат Премии имени Арсения и Андрея Тарковских Фестиваля кино и поэзии «Каштановый дом» (Киев, 2013 г.), Премии «За верность русской поэтической традиции» интернет-журнала «Русский переплёт» (2000 г.), вошла в шорт-лист Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства 1999 года. Стихи Ларисы Миллер переводились на сербский, польский, шведский, норвежский, английский, французский, голландский, итальянский языки. В 2000 г. в издательстве Glas в переводе на английский вышла автобиографическая проза "Dim and Distant Days"; также вышли двуязычные книги стихов в переводе на английский ("Guests of Eternity", ARC-Publ., 2008) и голландский (Pegasus, 2011). В 2012 г. известный итальянский славист Стефано Гардзонио, переводчик Фета и другой классической русской поэзии, опубликовал большую подборку переводов стихов Ларисы Миллер (Semicerchio, XLVI).

Новгородцева Любовь – поэт, прозаик. Родилась в 1984 году в селе Евгащине Большереченского района Омской области. По профессии - библиотекарь. Стихи и проза публиковались в альманахах «Москва Поэтическая», «ТарЯне» (Тара), журналах «Литературный Омск», «Алтай», «Огни над Бией». Лауреат регионального литературного фестиваля «Макаровские чтения» (Большеречье, 2013, 2014, 2016). Участник Регионального совещания сибирских авторов (Новосибирск, 2016), Семинара молодых литераторов в Омске (2016), Всероссийского совещания молодых писателей «Некрасовский семинар в Карабихе» (Ярославль, 2018), Лауреат сайта «Российский писатель» в номинации «Новое имя» (2017). Живёт в Нижнем Новгороде.

Орлова Серафима – прозаик, драматург. Живёт в Омске. Пишет пьесы и сценарии. Создатель театрального проекта «Вишнёвый шкаф», посвящённого развитию современной драматургии и театра в Омске. Лауреат конкурса РАМТ к столетию драматурга В. Розова (2013, пьеса «Дерево без цветов»). Лонг-лист «Любимовки-2014» (пьеса «Хочу по правде»). Лонг-лист «Евразии-2016» (пьеса «Профессор музыки»). Лауреат конкурса «Remарка» (2016, пьеса «Профессор музыки»). Лауреат Международного биеннале «Свободный театр» (2016, пьеса «Профессор музыки»). Читки пьес проходили в Москве, Новосибирске, Омске. Пьесы публиковались в Санкт-Петербурге, Новосибирске. Шорт-лист литературной премии «Лицей» (2018 г.), финалист литературной премии «Книгуру» (2018 г.)

Протасов Лев – прозаик. Родился в 1989 году в Екатеринбурге. С 2015 года живёт в Омске. Автор трилогии «Дым над рекой», «Пещера», «Симфония для гарроты». Публиковался в альманахе «Менестрель».

Рейдерман Илья – русский поэт, философ, культуролог, музыкальный критик. Член Южнорусского Союза писателей (2007) и Союза российских писателей (2012). Родился в 1937 году в Одессе. С началом Великой Отечественной войны семья эвакуировалась в Сибирь, а после войны поселилась в городке Дружковка Донецкой области, где Илья Рейдерман окончил среднюю школу. Отец будущего поэта погиб на фронте в 1943 году.
Окончил финансово-кредитный техникум в Тбилиси. После окончания филологического факультета Пермского университета в 1965 году был направлен на работу театральным критиком в кишинёвскую ежедневную газету «Вечерний Кишинёв». Там же, в Кишинёве, в 1975 году вышел первый поэтический сборник И. Рейдермана «Миг». В конце 1970-х – начале 1980-х годов заведовал литературной частью Тираспольского русского драматического театра, затем возвратился в Одессу. Работал в местной прессе на украинском языке, в газете «Комсомольская искра» (в том числе под псевдонимом «Илья Рудин»). В настоящее время живёт в Одессе, где преподаёт в Художественном училище имени М. Б. Грекова.

Садур Нина – драматург, прозаик, сценарист. Родилась в г. Новосибирск. Окончила Литинститут (1983, семинар В.Розова и И.Вишневской). Пишет рассказы и пьесы с конца 1970-х. Печататься начала в 1977 в журнале «Сибирские огни». Автор пьес «Чудная баба» (1981), «Уличённая ласточка» (1981), «Группа товарищей» (1982), «Ехай» (1984), «Панночка» (1985), «Лунные волки». Печатает прозу в журналах «Знамя», «Петербургский театральный журнал», «Золотой век», «Стрелец». Выпустила книги «Чудная баба. Пьесы» (М., 1989); «Ведьмины слёзки. Проза» (М., «Глагол», 1994); «Сад. Проза» (Вологда, 1997); «Обморок. Книга пьес» (Вологда, «Полиграфист», 1999); «Чудесные знаки» (М., Романы, повесть, рассказы. «Вагриус», 2000). Член СП СССР (1989), Была членом Русского ПЕН-Центра (вышла в знак протеста). Произведения Садур изданы в переводе на немецкий, французский и другие языки.
Соснов Дмитрий – поэт, родился в 1973 году в Омске. Окончил юридический факультет ОмГУ. Первая публикация состоялась в газете «Омский университет» (ОмГУ). Стихи печатались в альманахах «Иртыш», «Складчина», в журналах «Омская Муза», «Пилигрим», «Виктория», «Точка зрения», «Тарские ворота», «Иртыш-Омь», «Литературный ковчег». Автор книг стихов «Время земного преображения» (1999), «Горизонты души» (2004), «Ожидание встречи» (2006), «Гравитация любви» (2010), «Восхождение» (2012), «Игра в четыре руки» (2013), «Высота» (2014), «Небо на земле» (2016). В 1998-99 годах возглавлял независимое ЛИТО ОмГУ «Четырёхлистник», работал редактором-организатором журнала «Пилигрим». Член редколлегии альманаха «Менестрель». Главный редактор журнала «Голодный художник».

Степанова Анна – поэт. Родилась в 1987 году в г. Степногорск Целиноградской обл., жила в г. Омске. Училась в ОмГУ им. Ф.М. Достоевского на филологическом факультете. С 2005 года является членом литературного объединения при СПРФ. Участвовала в Омских областных семинарах молодых литераторов (в 2006 и 2015 г.), во всероссийском семинаре молодых литераторов в г. Каменск-Уральский в 2007 году. Стихи печатались в коллективных сборниках, журналах: «Бабье лето – 4» (Омск, 2007), «Весна – это всех касается» (Омск, 2007), «Иду на честный разговор» (Омск, 2008), «Когда-нибудь мы встретимся» (Омск, 2011), «Можно коснуться неба» (Омск, 2012), «Литературный Омск» и других. Автор книги
стихов «У Созвездья Большой Лисицы» (Омск, 2007). Живёт в Ямало-Ненецком АО.

Строганов Александр – драматург, поэт, прозаик. Родился 29.11.1961 в Барнауле. Драматург, поэт, писатель, член Союза писателей и Союза литераторов России, член Русского ПЕН-центра. Доктор медицинских наук. Профессор кафедры психиатрии Алтайского государственного медицинского университета.
Создал оригинальное направление в психотерапии – трансдраматическую терапию, представляющую собой универсальную схему трансформаций театральных систем в психотерапевтические методы. В рамках трансдраматической терапии на базе театральной системы Б. Брехта разработал метод эпической (описательной) терапии, на основе театральной системы К. С. Станиславского – метод действенно-аналитической коррекции, на базе театрального учения М.А.Чехова – метод коррекции атмосфер, на базе театральных техник В.Э. Мейерхольда и Г.И. Гурджиева – метод психотерапевтического монтажа.
Литературной деятельностью занимается более 30 лет.
Лауреат поэтического фестиваля «Мастерские модерна» 1997 г., лауреат Демидовской премии в области литературы 2000 г., лауреат премии за достижения в области драматургии «Действующие лица» 2008, победитель Открытого международного поэтического конкурса «Золотая строфа 2009», призёр конкурса Междуна-

родной гильдии писателей «По Чехову» 2013. Автор более 50 пьес. Автор более 50 пьес.
Произведения А. Строганова публиковались в журналах и альманахах «Арион», «Странник», «Сюжеты» (Москва); «Алтай» (Барнаул); «Розмысл» (Бийск); «Театр» (Москва); «Балтийские сезоны» (Санкт-Петербург) и т.д.
В 2003 году пьеса «Орнитология» в переводе Е. Чеха вышла в литературном журнале «Диалог» (Польша).
А. Строганов – автор сборника поэзии «Мелос» (Барнаул. 1980); книги «Excentrique» (Барнаул. 1993); «Книга стихов и пьес» (Москва. 2002); «Каденции» (Барнаул. 2004); «Иерихон» (Барнаул 2007); «The Jester's Chess» (Samara-Runcorn 2007), «Four on the very top of the tower of Babel» (Samara-Runcorn 2008), «Selected Plays» (Authorhouse Publishing 2011) Великобритания, романа «Купание Ягнатьева», сборников пьес «Удильщики милостью Божьей», «Орнитология» (Издательство Za-za, Германия, 2012-2013).
Переводы пьес Строганова на английский язык осуществляют Надежда Рогожина и Дэвид Райт.
В 2008 году в издательстве «Наука и техника» (СПб) вышла книга А. Строганова «Психотерапия на базе театральных систем», в 2011 – в издательстве «LAP-Lambert», Германия, монография «Трансдраматическая психотерапия».
Направление в драматургии, разрабатываемое Строгановым, обозначено литературной критикой парареализмом.

Федоровский Игорь – поэт, прозаик, журналист. Родился в Омске в 1988 г. Автор шести поэтических и прозаических книг. Широко публиковался в российской и зарубежной периодике. Лауреат литературной премии им. Ф.М.Достоевского. Член редколлегии журнала «Вольный лист». Участник литературного клуба «Погреб».

Харитонова Ольга – поэт, прозаик, руководитель детской литературной студии «Зелёные строки». Родилась и живёт в Омске.
Стихотворения и рассказы публиковались в ряде омских и российских изданий: «Литературный меридиан» (г. Арсеньев, 2012), «Былина» (г. Арсеньев, 2012), «Три желания» (г. Рязань, 2013), «Вокзал» (г. Санкт-Петербург, 2013), «ПарОм. Поэзия и критика» (г.Омск, 2013, 2016), «Складчина» (г. Омск, 2016), «Омская муза» (г. Омск, 2017).
Произведения для детей опубликованы в журнале «Звёздочка наша» (г. Барнаул, 2018 г.), детском литературно-художественном журнале «Мурзилка» (г. Москва, 2018), на литературном портале «Белый мамонт» (2018), литературном журнале «Электронные пампасы» (2018).
Победитель литературного конкурса «Синий троллейбус, красный трамвай в городе с зелёными крышами», посвящённого 60-летию омского троллейбуса, 80-летию омского трамвая и 300-летию города Омска (2016), шорт-листер конкурса короткого рассказа «Страшная комната, или Паустовский в жанре хоррор» сайта «Год литературы» (2017), лонг-листерлитературной премии «Лицей» имени А. Пушкина для молодых писателей и поэтов, лонг-листер открытого конкурса сценариев «Питч лаб СТС» от «СТС медиа» (2018), дипломант Международного фестиваля поэзии им. Алексея Бельмасова (г. Ленинск-Кузнецкий, 2018).

Хохлов Игорь – поэт, критик. Родился в Омске 4 января 1990 года. Окончил Омский авиационный колледж в 2010 году, по специальности – программист, и ОмГУ им. Ф.М. Достоевского в 2015 году (специальность – историк). Литературный редактор, член редколлегии и менеджер по связям с общественностью журнала «Иртышъ-Омь» (Омск). Член Союза российских писателей. Автор сборников стихотворений «Трепетный родник» (Омск, 2009 г.), «Единение» (Омск, 2010 г.), «А искренность – угловата…» (Омск, 2013 г.), «Вдох продолжает выдох» (Омск, 2015 г.), участник областного молодёжного литературного семинара «Я вижу мир через себя» (Омск, 2009 г.), семинара поэзии, прозы и критики «ПарОМ» (Омск, 2011, 2013, 2014 гг.), XI, XII и XV Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в Липках-Звенигороде (2011-2012, 2015 гг.), I Семинара молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего Востока (Томск, 2015 г.). Ведущий секции поэзии семинара «ПарОМ» (Омск, 2015 г.) За сборник стихотворений «А искренность – угловата…» был удостоен звания лауреата литературной премии имени Ф.М. Достоевского. Стихотворения и критика печатались в журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Волга-XXI век» (Саратов), Homo Legens (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «После 12» (Кемерово), «Молодежная волна» (Самара), «Литературный меридиан» (Арсеньев), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), сборниках, изданных по итогам XII и XV Форумов молодых писателей в Липках-Звенигороде «Новые писатели», московской газете «Интеллигент», альманахе «Реванш» (Прага), омских коллективных сборниках, журналах и альманахах: «Складчина», «Тарские ворота», «Иртышъ-Омь», «Менестрель», «Когда-нибудь мы встретимся», «Можно коснуться неба», «Водолей», «Точка зрения», «Откровение», «Серебряный город-2», «Литературный ковчег» и др., Интернет-журналах «Literrатура» и «Пролог». Член редколлегии альманаха «Менестрель».

Чертов Олег – поэт, философ. Родился 20 октября 1958 года в г. Омске в семье инженера и учительницы. Окончил школу №19 и историче-

ский факультет Ленинградского университета. Работал преподавателем на кафедре философии Омского технологического института. В 1985 г. поступил в очную аспирантуру философского факультета Ленинградского университета, в 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую политическим учениям английского Возрождения. По окончанию аспирантуры Олег Владиленович в качестве политолога сотрудничал с различными командами столичных аналитиков, действовавших в «горячих точках» страны. С 1989 г. возглавлял кафедру экономики и управления ИПК Нефтехим, развернув активную преподавательскую и консультационную деятельность по реорганизации Омских производственных объединений нефтехимии. В 1991 г. О. Чертов по приглашению руководства Клемсонского университета (Южная Каролина, США) уезжает преподавать в Америку. В Соединенных Штатах Олег Владиленович читает лекции по перспективам политического и экономического развития России в целом ряде университетов, включая знаменитый Гарвард. В 1992 г. Олег Чертов работает в известной британской школе бизнеса Холлборн-Колледж. В Лондоне он становится членом Международного Русского Клуба. Цель Клуба – патриотическая помощь России в сохранении положения великой державы и восстановлении российской экономики.

Член Смитсониевского института (Вашингтон, США). Опубликовал значительное количество научных публикаций в стране и за рубежом. Популярный аналитик и экономический обозреватель средств массовой информации.
29 февраля 1996 года погиб от руки наёмного убийцы.

Юдин Александр – 1965 г.р., москвич, публиковался в журналах «Изящная словесность», «Полдень XXI век», «Полдень» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Юность», «Знание-сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Ступени», «Хулиган» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), «Космопорт» (Минск), «Я» (США), «Edita» (ФРГ), и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ»), и др. Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009 г.) и «Золотой лингам» («Вече», 2012 г., в соавторстве с С. Юдиным).

Юдин Сергей – 1965 г.р., москвич, публиковался в журналах «Урал» (Екатеринбург), «Изящная словесность» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), «Менестрель» (Омск), «Искатель» (Москва), «Зеркало» (Тель-Авив), и др., а также в сборниках «Святочные рассказы, XXI век» (ИД «Русь-Олимп», 2010г.), «Тёмные» (АСТ, 2016г.).
Автор романа «Золотой лингам» («Вече», 2012 г., в соавторстве с А. Юдиным).

Менестрель

Литературно-художественный журнал

№ 9

18+

Ответственность за содержание и достоверность сведений, предоставленных для публикации, несут авторы. Редакция не несёт ответственности за содержание опубликованного материала.

В оформлении обложки использована картина Михаила Врубеля «Муза».

Редколлегия «Менестреля» благодарит за бескорыстную помощь в издании 8 выпуска альманаха ООО «Глобал Нетворкс», Омский колледж информационно-библиотечных технологий, а также Даниеля Якобсона (Берлин, ФРГ), Игоря Сенина (Омск), Надежду Иваницкую (Омск), Екатерину Артман (Омск), Александра Строганова (Барнаул), Ивана Денисенко (Санкт-Петербург), Дмитрия Шорсткина (Санкт-Петербург).

Электронный адрес редакции – kozyrevboss@list.ru

Почтовый адрес редакции – 644043, Омск, Красный путь, 20.